ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus Q1

Clarivate Web of Science™

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIHPLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 14, выпуск 7, 2025

Nauchnyi Dialog

Volume 14, Issue 7, 2025

CC BY

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 7, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Алматы (Казахстан) Витебск (Беларусь) Владивосток Волгоград Долгопрудный Екатеринбург Иркутск Казань Кострома Краснодар Москва Нижневартовск	Нижний Новгород Новосибирск Нью-Дели (Индия) Павлодар (Казахстан) Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Тамбов Тюмень Улан-Удэ Фергана (Узбекистан) Чебоксары Челябинск
Авторы, имеющие ученую степень	82 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 25.09.2025

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 7, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Димитриева О. А. От новогоднего штампа до культурного наследия : салат «Оливье» в художественном и медийном дискурсе 9

Ильина Е. В. Когнитивное моделирование концепта РОССИЯ как фрагмента языковой картины мира эмигранта первой волны 29

Кошкарова Н. Н., Солопова О. А., Саини С. Образ России в учебниках РКИ для индийских учащихся 47

Милованова М. В., Терентьева Е. В. Лингвистическая жесткость гендерных биномиалов 68

Ребрина Л. Н. Мемная репрезентация актуальной социально-политической повестки дня в Германии : константные и вариативные характеристики 84

Чигашева М. А. Стереотипные представления российских студентов об Австрии и австрийцах : результаты ассоциативного эксперимента 113

Шадрина О. В., Маруневич О. В. Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект») 133

Шилкина Н. Е., Мальцева А. В., Гуриева С. Д. Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века 161

Коммуникация. Медиатехнологии. Журналистика

Алимов Т. Э., Сафина Р. А. Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе 183

Морина Л. А. Инженерный массмедийный дискурс : специфика диспозитивного моделирования 213

Литературоведение. Фольклористика

Захарова В. Т., Латухина А. Л. Символика образов птиц в русской прозе XX века ... 235

Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» 259

Романова А. Н. Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» 278

Темиргазина З. К., Орынханова Г. А., Николаенко С. В. Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева 316

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Исторические науки

Авилов Р. С. Долговременные оборонительные сооружения Хинганского тоннеля : проектирование и строительство 333

Бажанов Д. А., Хуциева В. В. Физическое воспитание и спорт в повседневной службе экипажей Балтийского флота в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917) 353

Бережнов А. И. Индия на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в XVIII веке 373

Васильев Д. В., Васильев С. Д. Мургабское государево имение : трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932) 392

Васильева С. В., Козлова С. А. Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века 412

Лаптева М. Ю. Ссыльный поселенец П. О. Леман, учитель немецкого и французского языков в Тобольской классической гимназии (1830—1840 годы) 429

Мухин М. А. Социально-экономические изменения в Шотландии XVIII века в оценках священников (по материалам графства Инвернессшир) 446

Пасс А. А., Дида В. М. Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов : от «ручного управления» к рыночному соглашению» 463

Пьянков С. А. Автомобильные заводы имени Сталина в 1941—1945 годах : вызовы войны и пути адаптации 487

Салчинкина А. Р. Роль региональной прессы в репрезентации исторической культуры казачества : двухсотлетний юбилей Кубанского казачьего войска в «Кубанских областных ведомостях» 509

Самохин К. В., Офицеров С. А. «Официальная преданность» : монархические настроения населения Тамбовской губернии в начале XX века (по материалам верноподданнических адресов) 535

Сафронова А. М., Копырина С. Н. Подготовка при Екатеринбургском госпитале лекарских учеников для заводов Урала и Сибири (1735—1750-е годы) 554

Цысь В. В., Цысь О. П. Русские паломники в Святой Земле во второй половине XIX — начале XX веков : количественные, гендерные и социальные характеристики 573

АВТОРАМ 593

CONTENTS 599

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Анна Васильевна Мальцева, д-р соц. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Владимировна Ильина, канд. филол. наук (Тюмень, Екатеринбург)
Елена Витальевна Терентьева, д-р филол. наук (Москва)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Марина Анатольевна Чигашева, канд. филол. наук (Москва)
Марина Васильевна Милованова, д-р филол. наук (Волгоград)
Наталья Егоровна Шилкина, д-р соц. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Николаевна Кошкарова, д-р филол. наук (Челябинск)
Оксана Викторовна Маруневич, канд. филол. наук (Долгопрудный)
Олеся Владимировна Шадрина, старший преподаватель (Долгопрудный)
Ольга Александровна Солопова, д-р филол. наук (Челябинск)
Ольга Альбертовна Димитриева, канд. филол. наук (Чебоксары)
Светлана Дзахотовна Гуриева, д-р психол. наук (Санкт-Петербург)
Сону Саини, доцент (Нью-Дели, Индия)

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Димитриева О. А. От новогоднего штампа до культурного наследия : *салат «Оливье»* в художественном и медийном дискурсе / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-9-28.

Dimitrieva, O. A. (2025). From New Year's Staple to Cultural Heritage: *Olivier Salad* in Artistic and Media Discourse. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-9-28. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

От новогоднего штампа до культурного наследия: *салат «Оливье»* в художественном и медийном дискурсе

Димитриева Ольга Альбертовна
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Scopus Author ID: 57787537900
кандидат филологических наук,
кафедра русской и чувашской
филологии и культурологии
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)

From New Year's Staple to Cultural Heritage: Olivier Salad in Artistic and Media Discourse

Olga A. Dimitrieva
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Scopus Author ID: 57787537900
PhD in Philology,
Department of Russian and Chuvash
Philology and Cultural Studies
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена функционированию лексической единицы *салат оливье* в художественной и медийной интерпретации. Материалы для анализа извлечены из Национального корпуса русского языка (основной и газетный корпусы), информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике: словарные материалы», интернет-сайтов и др. Проанализировано более 1300 примеров. Отмечается, что в современной коммуникации *оливье* становится именем нарицательным. Приводятся дериваты анализируемого слова: *оливьешка, оливьеведение, оливьевед, raw-оливье* и т. п. Показано, что эти номинации фиксируются и в контекстах, связанных с празднованием Нового года, и в обсуждениях общественных явлений в качестве образных номинаций. На основе контекстуального окружения выявляются особенности ценностного осмысления лексической единицы (*салат «Оливье»*); подчеркивается амбивалентность оценки в отношении к блюду: наряду с его традиционностью отмечается примитивность и банальность салата. Подчеркивается знаковость оливье через экономическую метафору (*индекс оливье*). Авторы газетных публикаций отмечают архетипичность образа, символьность, ритуализированный, обрядовый характер. Выделяются аспекты значения, послужившие для дальнейшей образной номинации явлений из других сфер, чаще всего общественно-политической, при этом используется типизированный контекст (*простой, неизбежный как оливье* и т. п.).

Ключевые слова:
кулинарно-гастрономический код культуры; метафора; языковая картина мира; лингвокультурология; оливье.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the functioning of the lexical unit “Olivier salad” within artistic and media interpretations. The materials for analysis are drawn from the *Russian National Corpus* (both main and newspaper corpora), the lexicographical resource “New in Russian Lexicon: Dictionary Materials,” various websites, and more. Over 1,300 examples have been analyzed. It is noted that in contemporary communication, “Olivier” is becoming a common noun. Derivatives of the analyzed term are presented, including “olivyezhka,” “olivyeviy,” “olivyev,” and “raw-Olivier,” among others. The study demonstrates that these nominations are found in contexts related to New Year’s celebrations as well as discussions of social phenomena, serving as metaphorical designations. Based on contextual surroundings, the study reveals distinctive features of the value perception of the lexical unit “Olivier salad,” emphasizing the ambivalence of its evaluation: while its traditional nature is acknowledged, the salad is also critiqued for its primitiveness and banality. The signification of Olivier is highlighted through an economic metaphor (the “Olivier index”). The authors note the archetypal nature of the image, its symbolism, and its ritualized, ceremonial character. Aspects of meaning are identified that have led to further metaphorical nominations of phenomena from other spheres, most commonly socio-political ones, utilizing a typified context (simple, inevitable like Olivier, etc.).

Key words:
culinary-gastronomic code of culture; metaphor; linguistic worldview; linguoculturology; Olivier salad.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-9-28

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

От новогоднего штампа до культурного наследия: салат «Оливье» в художественном и медийном дискурсе

© Димитриева О. А., 2025

1. Введение = Introduction

В романе Е. Водолазкина «Чагин» в одном из застольных фрагментов подчеркивается обязательность присутствия на столе (своего рода императивность) салата «Оливье»: *Тине и Дине старшие товарищи вручили по букету чайных роз, две бутылки «Советского шампанского» и купленный в кондитерской «Север» торт. Девушки приготовили салаты, из которых* ***помню только оливье****. Скорее* ***знаю, чем помню****:* ***оливье не могло не быть*** [Водолазкин, 2024, с. 278]. Интересна в этом отношении рефлексия героя, вербализованная глаголами, вводящими разную пропозициональную установку и, как следствие, отличающимися степенью уверенности (ср. *помню — знаю*). Смена модуса обосновывается и последующим категоричным «онтологическим» утверждением с двойным отрицанием *не могло не быть*. Действительно, о роли салата в «советской кулинарной культуре» [Кушкова, 2005, с. 28] и «культурной памяти» [Мищенко, 2016, с. 169] упоминается не в одном социоисторическом труде: [Лукос, 2003; Капкан, 2013, с. 24; Чудинова, 2016, с. 43—46; Pirogovskaya, 2017, p. 339 и др.].

Название статьи А. Н. Кушковой «В центре стола: зенит и закат салата “Оливье”» (2005 г.) в некоторой степени свидетельствует о завершении («*закате*») той роли, которую салат выполнял в советскую эпоху: «… пример отдельно взятого блюда, в котором отражается образ мышления и социальных отношений того общества, в котором он стал тем, чем он стал, — “советским ритуальным блюдом”» [Кушкова, 2005, с. 28]. Автор отмечает смену статуса салата с праздничного на повседневный и на постсоветском пространстве вытеснение его другими блюдами, но тем не менее на «гастрокогнитивной карте» мира («a gastro-cognitive

map[1]» по E. Tarasti [Tarasti, 2015, p. 250]) в России одним из знаковых блюд останется «Оливье» [Кушкова, 2005]. Спустя 20 лет после написания материала (источником для него послужили 27 интервью с 42 информантами) мы наблюдаем не спад интереса к оливье, а его новый аксиологический статус: такие языковые тенденции, как словообразовательная продуктивность (*оливьешка, ольвьеведение, оливьевед* и др.), включение лексемы в контекст социально-экономической терминологии (*индекс оливье*), использование в полимодальных текстах (мемах и демотиваторах), а также употребление как источника образной номинации и др., свидетельствуют о значимости «Оливье» как культурного знака. Таким образом, предметом рассмотрения данного исследования является функционирование слова *оливье* в разных дискурсах (художественном и публицистическом).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные кодам культуры, В. В. Красных [Красных, 2001], В. А. Масловой, М. В. Пименовой [Маслова и др., 2016], М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова [Ковшова и др., 2018], О. А. Димитриевой [Димитриева, 2025] и мн. др., в том числе кулинарному / пищевому / гастрономическому / алиментарному коду [Капелюшник, 2011; Капелюшник, 2012; Борисова, 2013; Ковшова, 2016; Маркова, 2017; СРПМ, 2015; Палаткин, 2020].

Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченная из Национального корпуса русского языка (основной и газетный) [НКРЯ]. В основном корпусе первый пример, имеющий отношение непосредственно к салату, датирован 1903 годом с отсылкой к «Эрмитажу Оливье» (француз Оливье Люсьен, считающийся создателем салата, управлял в XIX веке московским рестораном «Эрмитаж», знаменитым тем, что в нем подавался такой салат); рассказ А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (1921 г.) содержит упоминание самого блюда. Добавим, что в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина в словарной статье *оливье* иллюстративный материал (первый фрагмент) относится к 1887 году [Епишкин, 2010]. В газетном корпусе (центральные

1 «For one who travels a lot, a gastro-cognitive map of the world gradually takes shape alongside that of geography. Countries and towns find their positions on the map according to what kind of food has been enjoyed in each place. In this extreme form, dishes can also serve as signs for people <…>» [Tarasti, 2015, p. 250] / Для тех, кто много путешествует, наряду с географической картой мира постепенно формируется гастрономическая карта мира. Страны и города отображаются на карте в зависимости от того, какую пищу можно попробовать в каждом из них. В этом формате блюда могут служить своеобразными ориентирами для людей <…> (здесь и далее перевод наш. — *О. Д.*).

СМИ) период охвата составляет 1993—2021 годы. Помимо НКРЯ, в исследовании привлекаются данные информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике: словарные материалы» (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) [НРЛ] и некоторых других интернет-сайтов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Словообразовательный потенциал лексемы *оливье*

Традиционно в практике ресторанных меню название салата пишется с заглавной буквы в кавычках, в газетном корпусе в большинстве случаев осуществляется его переход в имя нарицательное — *салат оливье.* Чаще всего *оливье* — это существительное мужского рода по базовому понятию *салат*, редко встречается в среднем роде (по общему принципу для неодушевленных существительных): ср. название материала А. Щуплова «*Хорошее духовное оливье*» (Независимая газета, 18.03.2000); *новогоднее оливье* (Комсомольская правда, 25.12.2007) [НКРЯ].

В сети Интернет частотны заголовки с диминутивом *оливьешка* («*Оливьешка*» — пошаговый рецепт приготовления с фото (Food.ru, 18.10.2023); Пора готовить *оливьешку*. Расскажем про единственно подлинный способ приготовления (Дзен, 29.12.2020) и т. п.) [АА], который может приобретать форму женского рода: *Авторская кухня: любимая оливьешка* (Дзен, 11.07.2021) [АА].

Согласно лексикографическому ресурсу «Новое в русской лексике», *оливье* является частью сложных слов *raw-оливье*[2017] («от англ. raw ‘сырой’; сыроедческий; состоящий из продуктов, не подвергавшихся термообработке»; например, *RAW-оливье от вегетарианского ресторана*) и *оливье-бургер*[2023] («относящийся к салату оливье, похожий на него + бу́ргер (гамбургер»), например: *как сделать новогодний стол необычным: оливье-бургер и мандариновое пиво*) [НРЛ]. Слова *оливьеведение* и *ольвьевед* представляют собой наукообразные единицы, имитирующие термины (*оливье* + *ведение*, ср. *языковедение / языковед, землеведение / землевед, искусствоведение / искусствовед* и т. п., согласно «Русской грамматике», образованные сложением основ с суффиксацией — «суффиксально-сложные существительные» [Русская грамматика ..., 2005, с. 247]): *Основы* ***оливьеведения****. Как знатный* ***оливьевед****, должен признаться в детской травме: в далёком советском детстве я не переносил горошек в новогоднем салате оливье* (LiveJournal от 01.01.2024, https://borninussr-ca.livejournal.com/478963.html) [АА]. Кроме того, существует блог под названием «***Oliv’едка*** / Душевные рецепты» (dzen.ru) [АА], или ***Оливьедка***, который ведет Виктория Логинова.

Как показывают новообразования, в фокус попадают такие аспекты значения слова, как общеизвестность, доступность и распространенность.

3.2. Лексическая сочетаемость

Салат оливье прежде всего вписан в гастрономические традиции празднования Нового года в России. В общем ряду традиций обычно упоминаются наименования блюд (салаты — *мимоза, селедка под шубой*; основные блюда — *утка*, *гусь, цыпленок*, закуски — *заливная рыба*, *холодец, оливки* и др.; фрукты — *мандарины*); названия напитков (*шампанское, «Советское шампанское», водка*, *водочка,* «*Столичная*»); елка; речь президента; бой курантов; хлопушки, петарды; загадывание желаний; просмотр фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» («Елки»), развлекательные телепрограммы «Голубой огонек», «Кабачок 13 стульев» и др.: (1) *Раз в году, в новогоднюю ночь, появляются на наших столах два блюда, по праву ставшие* ***классическим дуэтом*** *кулинарного жанра:* ***салат оливье*** *и жареная утка с яблоками. Эта* ***национальная гастрономическая привычка*** *так же неизменна, как традиционный просмотр фильма «****Ирония судьбы, или С легким паром****», коллективное исполнение песенки «****В лесу родилась елочка****» или отсчет ударов* ***Курантов на Спасской башне****. Салат-праздник. Действительно, трудно представить себе новогодний стол без салата оливье* (Ю. Ярославская. Дуэт классический новогодний // Труд-7, 25.12.2008) [НКРЯ]; (2) *У нас в стране принято отмечать Новый год* ***дома, с семьей и самыми близкими людьми****, но иногда так хочется оторваться* ***от вечного оливье, шампанского под куранты, «Голубого огонька»*** *и отпраздновать менее камерно и более экзотично* (От оливье подальше // Коммерсант, 09.12.2011) [НКРЯ]; (3) *Даже когда живую сосну меняют на искусственную* ***елку****, а запуск салютов сводится к взрыву* ***хлопушек****, одна* ***новогодняя традиция*** *остается* ***неизменной*** *— в центре праздничного стола всегда стоит* ***оливье*** (Оливье за 295 рублей: как сделать праздник доступным без потери вкуса // Средняя Волга: Партнерский материал 24.12.2024) [АА]; (4) *Праздничный стол* ***в кругу семьи и друзей*** *кажется островком надежды и света. Особую нежность начинаешь испытывать к* ***оливье, мимозе и селедке под шубой****. Кажется, что после* ***боя курантов мечты*** *исполнятся. Пусть так и будет!* (Е. Федотова. Далекое и близкое // Санкт-Петербург: Приложения 18.12.2024) [АА].

Во многих примерах подчеркивается семейный статус праздника: *дома, с семьей и самыми близкими людьми*; *камерный* праздник (2); *в кругу семьи и друзей* (4); указывается на постоянство бытующих традиций: *национальная гастрономическая привычка*; *традиционный; трудно представить без* (1); *вечный* (2); *новогодняя традиция остается неизменной* (4). Одной из констант является *оливье.*

Далее приведем контекстное окружение сочетания *салат оливье,* выделяя общие компоненты смысла:

«**Праздничный**»: *новогодний, салат-праздник, царь-рецепт;* «**традиционный**»: *легендарный, сакральный, культовый, «это святое», наше всё, великий и могучий*; «**классический**»: *настоящий, канонический, классика направления; типичный*; «**известный**»: *знаменитый, популярный (набирающий популярность), входящий в моду, массовый; пресловутый;* «**обязательный**»: *неизменный, неотъемлемый, непременный, неизбывный, неизбежный, неотвратимый, неумолимый, безжалостный, бесконечный, вечный, привычный, обычный*; «**основной**»: *главный*; «**любимый**»: *самый любимый, страстная любовь (к), желанный*; «**дорогой — дешевый**»: *самый дорогой, люксовый (с говядиной), оливье с претензией; самый дешевый, бюджетный;* «**правильный — неправильный**»: *полезный, безопасный; вредный, опасный, калорийный, заветренный*; «**состав**»: *диетический, рыбный, вегетарианский, веганский, кошерный, средиземноморский, «по-зверски» (для кошек, собак и их хозяев)*; «**период времени и / или национальность**»: *наш (родной), советский (советское кулинарное воспитание, с советских времен, в советские годы), по-советски, тоталитарный, постсоветский, буржуазный; по рецепту 1903 / 1904 года; русский салат, а-ля рюс, российский, в российском понимании; французский* (*в США*), *картофельный* (*в Израиле*); «**негативные эмоциональные оценки**»: *надоевший, обрыдший, осточертевший (за долгие годы), скучноватый*; **«готовить»**: *(на)резать, крошить, нашинковать, кромсать, строгать, стругать(ся), рубить, соорудить;* **«употреблять в пищу»**: *поглощать, закусывать, съесть, подъедать, дожирать, наворачивать, заправляться, переваривать, лакомиться, уплетать, продегустировать, вкушать*; **объем салата** (на фоне привычных единиц измерения *грамм, килограмм*): *ложка, тарелка, баклажка, миска, таз, тазик, кастрюля, ведро, бадья, чан, тонна.*

Следует отметить иронический модус в контекстах со словом *оливье*, возникающий в описаниях завершения праздника и избытка съеденного и выпитого (с шуточным акцентом на изображении высшей степени опьянения через предикацию «лицом в салате»): (5) *Возьмите 100 граммов оливье, выложите на тарелку. Выпейте 100 граммов водки, потом еще 100 граммов водки, добавьте 100 граммов коньяка.* ***Положите лицо в оливье***. ***Салат «Новогодний» готов****!* (Н. Никулин. «Кривое зеркало»: Где же ты, Снегурочка? // Комсомольская правда, 30.12.2007) [НКРЯ]; (6) *Ходят, бедные, по корпоративным вечеринкам, обеспечивают музыкальное сопровождение* ***для шмяканья празднующих морд в салат оливье*** <...> (В. Львова. Вы чешите, вы чешите, вам заплатят // Комсомольская правда, 14.01.2006) [НКРЯ]; (7) *Уж лучше бы он встретил Новый год по старинке,* ***лицом в оливье*** (И. Караулов. Оливье, Депардье и Полонский

на ладье // Известия, 05.01.2013) [НКРЯ]; (8) *Гостей вечера ожидают конкурсы и подарки, маскарад и иммерсивный театр, а также музыкальное шоу. «Нужно только* ***извлечь руины лица из заветренного оливье*** *и прийти к нам, обязательно нарядившись», — советуют организаторы* (А. Цедрик, Н. Ярмула. Перформансы в «Цифергаузе», «Дон Кихот» в Мариинке, Хаски в «Космонавте» и рояль-ветеран в Филармонии // Санкт-Петербург. 17.01.2025) [АА]; (9) *Через каких-нибудь восемьсот лет мы будем праздновать* ***тысячелетие принятия Россией Салата Оливье****. К тому времени слово салат исчезнет из употребления — останется только оливье с маленькой буквы как имя нарицательное. Так и будут говорить — оливье греческий, оливье мимоза или оливье винегрет. <...> В ознаменование этой круглой даты в Москве установят памятник, который будет представлять собой* ***гигантский бронзовый таз****, наполненный доверху* ***оливье*** *и огромного бронзового мужчину,* ***спящего в этом оливье лицом*** (М. Б. Бару. Навоз божьих коровок // «Волга», 2012) [НКРЯ].

Слово *лицо* может заменяться разговорным, негативно окрашенным словом *морда* (2) содержать дополнительную эмоциональную оценку внешнего вида — *руины лица* (8); нахождение субъекта маркируется при помощи локативных предлогов *в — из*, глаголов и отглагольных существительных с семантикой движения и / или расположения в пространстве *положить* (5), *шмяканье* (6), *извлечь* (8), *спать* (9). Последний фрагмент (9) содержит весь негативный пресуппозитивный фон, связанный со статусом салата: всеохватность, однообразие *(тысячелетие принятия Россией Салата Оливье),* квантитативный аспект *(гигантский бронзовый таз),* последствия празднования *(мужчина, спящий лицом в салате).*

3.3. Знаковая природа «Оливье»

Оливье как экономический знак. С 2009 года, согласно газетному корпусу НКРЯ, появляется выражение *индекс оливье*, подразумевающее расчет стоимости продуктов (*рецепт индекса оливье*), их среднюю цену по региону (ср. с понятием *потребительская корзина;* проводится аналогия с *индексом бигмака (=Биг Мака)* в разных странах; появляется и вариант *индекс бутерброда; «индекс плова» в Узбекистане, 2020 г.*). На основе статистических данных определяются регионы России с «самым дорогим» и «самым дешевым» оливье. Помимо этого, как правило, указывается на процентный рост цен по сравнению с предыдущим годом: (10) *Газета введет свой собственный индекс* ***— индекс оливье —*** *по аналогии с* ***индексом бигмака****, который используют для оценки покупательной способности валют (по стоимости знаменитого бутерброда в разных странах)* (Е. Кузнецова. Инфляция — это еще не рост цен // Труд-7, 20.02.2009) [НКРЯ]; (11) *Российская газета «Комсомольская правда» пу-*

CC BY

*бликует так называемый «**индекс бутерброда**» (по количеству бутербродов, которое можно купить на среднюю зарплату), а журнал «Русский Newsweek» в 2009 году пытался измерить потребительскую корзину в Москве с помощью «**индекса оливье**»* (Авторы «**индекса Биг Мака**» сочли юань самой недооцененной валютой мира // Lenta.ru, 08.01.2010) [НКРЯ]; (12) *В 2013 году сообщалось, что **салат «Оливье»** обойдется россиянам в Новый год на 13 руб. дороже, чем в прошлом* (Стоимость ингредиентов для салата «Оливье» в Москве выросла **на 30%** за год // gazeta.ru, 24.12.2014) [НКРЯ]; (13) *Стоимость **классического салата оливье** является **самой высокой** в Москве, а вегетарианское исполнение популярного новогоднего блюда будет **самым дорогим** в Нижнем Новгороде* (Эксперты подсчитали стоимость приготовления салата оливье в РФ // Известия, 22.12.2020) [НКРЯ]; (14) *На взгляд господина Аксенова, в договоре «логично было бы предусмотреть привязку к ключевой ставке ЦБ РФ либо средневзвешенным ставкам по предпринимательским кредитам». Даниил Наймушин и вовсе не исключает использование «**индекса оливье**», учитывая, что законодатель не ограничивает стороны в выборе критериев* (Я. Назаренко, А. Занина. Через тернии к индексации // Бизнес от 02.02.2025) [АА]. Как видно из примеров, экономический контекст включает слова и словосочетания, такие как *покупательная способность, стоимость* (10), (13), *потребительская корзина* (11), *проценты* (12), *ключевая ставка, средневзвешенная ставка, предпринимательский кредит, критерий* (14)*; дорогой / высокий* (13)*, купить* (10), *вырасти, обойтись* (12), *измерить* (11).

Помимо зафиксированной сочетаемости со словом *индекс*, *оливье* входит в состав других словосочетаний, имеющих экономическую природу, образуя коллокации со словами и выражениями *рейтинг, индикатор, неформальный показатель, гастрономический бренд*: (15) *Так, по мнению парламентария, в первую очередь попасть в список могли бы традиции новогоднего стола, ставшие «**гастрономическими брендами**» **России**: салаты оливье, селедка под шубой и мимоза, мясные и рыбные закуски — заливное и холодец, а также выпекание новогоднего пирога со «счастливой монеткой» внутри и традиция ставить на праздничный стол традиционные марки игристого вина «Советское шампанское»* (В ГД предложили признать новогодние традиции россиян наследием ЮНЕСКО // РИА Новости, 27.12.2019) [НКРЯ].

Маркером включенности лексемы *оливье* в контекст точных наук является способность к сочетаемости со словами *формула, эссенция, алгоритм.* В таких высказываниях *салат* представляется одним из составных элементов системы: (16) *Русский Новый год зажил своей жизнью. Но вовсе не стал тем же самым, что западное Рождество. За десятилетия*

с праздника облетели модные прибаутки вроде сталинских полярников или стеклянных сверкающих хрущевских кукурузных початков, ***отжалась эссенция, вывелась чистая формула. Она состоит из елки, мандаринов, оливье и фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!»*** (Ю. Яковлева. Рождественская политэкономия // Коммерсант, 14.12.2012) [НКРЯ]; *Казалось бы, давно пора привыкнуть, сколько уже небо коптим, и* ***выработать*** *какой-то* ***алгоритм*** *— 31 декабря мы с друзьями ходим в баню или, как минимум, перестать истерить по этому поводу, но нет — каждый год миллионы соотечественников думают, что делать с новогодним столом, хотя и так понятно, что в итоге на нем будет* ***салат оливье*** (Праздник, который не всегда с тобой // Коммерсант, 21.12.2012) [НКРЯ].

Таким образом, *салат оливье* из области конкретного переходит на следующую ступень — в область абстрактного, которая маркирует уровень благосостояния человека (*индекс оливье*) или является составной частью некоего порядка, совокупности элементов.

Оливье как культурный знак. В окружении лексемы *оливье* находятся слова, репрезентирующие культурно-знаковую природу понятия, такие как *архетип, символ, культ, ритуал, обряд, традиция.*

Архетип, согласно «Словарю лингвокультурологических терминов», является «исходной формой упорядочения опытного знания о мире; формой сознания, отражающей архаичное коллективное мировоззрение», «механизмом памяти культуры» [Ковшова и др., 2018, с. 33]. В рассматриваемых нами контекстах на первый план выходит не столько мифологическая составляющая архетипа, его первичность (первообраз), сколько «архетипический» элемент моделирования «новогоднего» мира, определение его констант, содержащих набор не только «обязательных» блюд, но и типичных развлечений — в один ряд становятся еда (*оливье, мандарины*), погодные явления (*снег*) и кинофильмы (*«Ирония судьбы», «Иван Васильевич меняет профессию»*): (17) *Есть набор* ***архетипичных*** *примет: обязательный* ***салат оливье*** *на столах, мандарины, пушистый снег, «Ирония судьбы» по телевизору, переходящая в комедию «Иван Васильевич меняет профессию»* («Главное чудо — это прощение» // Известия, 30.06.2016) [НКРЯ].

Общеизвестно, что *символ* — «предмет, действие и т. п., служащие условным обозначением какого-л. понятия, идеи» [МАС, 1999, т. 4, с. 93], «знак культуры» [Ковшова и др., 2018, с. 119]. В таком прочтении *салат оливье* становится материально выраженным символом Нового года и одновременно символом единения страны: (18) ***Оливье****, который стал* ***символом*** *наравне с елкой …* (М. Галкин. Сила привычки // Комсомольская правда, 27.12.2012) [НКРЯ]; (19) *… при этом для 40% россиян* ***символом***

CC BY

Нового года *традиционно остается* ***салат «Оливье» —*** *таковы итоги опроса, проведенного исследовательской компанией «Ромир»* (Символом Нового года для 40% россиян служит салат «Оливье» // РИА Новости, 30.12.2010) [НКРЯ]; (20) *Если блины* ***— символ*** *Масленицы,* ***без салата «Оливье» не представить Новый год****, то почему бы не объявить главным блюдом Дня России, скажем, пирог с капустой?* (Герасименко Ольга счастливая мама <…>. Наш ответ индейке // Труд-7, 02.08.2006) [НКРЯ]; (21) *Россияне назвали* ***главные символы****, которые объединяют страну. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, в этот список входит роман «Война и мир», фильм «Ирония судьбы», российский гимн,* ***салат оливье*** *и победа в Великой Отечественной войне* (ВЦИОМ: россиян объединяют «Война и мир», «Ирония судьбы» и оливье // Коммерсант, 02.11.2018) [НКРЯ].

Еда может иметь как *сакральный* характер (например, см. ритуальную символику масленичных блинов [Гура и др., 1995, с. 193—196]), так и светский. Упоминание в одном контексте разнопорядковых блюд (*масленичные блины, оливье, пирог с капустой*) свидетельствуют о профанизации сакральной еды и светском шкалировании ценностей, объединяющем предметы духовной культуры (роман Л. Н. Толстого «Война и мир»), исторические события (*победа в Великой Отечественной войне*), атрибуты государства (*гимн*) и национальные блюда (*оливье*) (пример 21).

Одной из «знаковых» вербализаций блюда становится прилагательное *культовый* («1) относящийся к религиозному культу, напр. к-ые сооружения; 2) пользующийся широкой известностью, популярностью, вызывающий поклонение своих приверженцев, напр. к-ая рок-группа, к. фильм» [НСИС, 2003, URL]): (22) *К 1980 г. появился еще один новогодний* ***культовый символ — салат оливье*** (А. Овчинников и др. Икра, селедка, банка шпрот — так закусывал народ // Комсомольская правда, 29.12.2005) [НКРЯ]; (23) *Как видно, в нынешнем общеизвестном виде* ***салат Оливье*** *сохранил в себе лишь два оригинальных ингредиента: огурцы и вареные яйца. Однако это не уменьшило его* ***культовой значимости*** (В. Лукос. Национальная идея сквозь призму праздничного стола // «Отечественные записки», 2003) [НКРЯ]. В значении слова *культовый* эксплицируется его субъектно-объектная структура (субъект — ‘приверженцы’, ‘поклонники’, объект ‘поклонения’ — салат оливье, что обусловлено его известностью и популярностью).

Праздник рассматривается как ритуал, включающий определенный набор обрядов и действий, одним из которых является приготовление *салата оливье*; см., например, статью Ангелины Русских «*Подготовка к празднику в ожидании гостей —* ***привычный с детства ритуал***» (Комсомольская правда, 04.05.2011) [НКРЯ]. Привязанность к определенной дате, протя-

CC BY

женность традиции во времени (*с детства*) и общераспространенность позволяют отнести приготовление *салата оливье* на застольях к ритуальным практикам *годового цикла*: (24) *И опять же — коллекционируются рецепты, обсуждаются разные кулинарные изыски, принимается коллективное решение отказаться от стандартных салатов — в результате на новогоднем столе появляются* ***с ритуальной неизбежностью*** *салат «Оливье», селедка «под шубой» и т. д.* (О. Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // Отечественные записки, 2003) [НКРЯ]; (25) *Неясно, что следует подавать на новогодний ужин — уху с расстегаями, делая вид, что это нам нравится, европейскую foie gras, делая вид, что ели ее всегда, или* ***салат оливье****, признавая за традицию свое реальное прошлое. Последнее, кстати, не так просто, и* ***культурно-ритуальный потенциал салата оливье****, винегрета и шпрот стал очевиден совсем недавно — потребовалась дистанция* (Е. Деготь. Новый стиль телевизионных программ (1996) // Коммерсантъ-Daily, 20.01.1996) [НКРЯ]; (26) *Наряду* ***с новогодним оливье****, масленичными блинами и пасхальным куличом первомайский шашлык относится к числу* ***важнейших обрядов русского годового цикла*** (С. Медведев: Шашлычные мистерии // Ведомости, 27.04.2012) [НКРЯ].

Вписанность *оливье* в культурную матрицу позволяет представить его в известной степени даже *атрибутом* российской праздничной культуры, некоторым стандартным звеном — компонентом *схемы*, *цепочки*, *парадигмы* (оцениваются нейтрально) или *штампом* (с негативными коннотациями). В таких случаях, как правило, перечисляются все составные элементы застолья-праздника, подчеркивается их постоянство посредством прилагательных *неизменный, стандартный, настоящий* (= образцовый, типичный): (27) *Что такое Новый год для мужчины? Неизменная* ***цепочка: оливье / «Ирония судьбы» / телеобращение / куранты / Пугачева*** (Л. Захаров. Город мужчин: Ночь пьяных мужей // Комсомольская правда, 28.12.2006) [НКРЯ]; (28) *Большинство россиян встречает Новый год дома, а потому все проходит по стандартной схеме:* ***стол — оливье — шампанское — телевизор — куранты — «Огонек»****…* (Безрук М. Старые песни о старом // Труд-7, 22.12.2005) [НКРЯ]; (29) *Мы ориентируемся в первую очередь на российских граждан, хотим их лояльности. Мы все уже привыкли к суши, сашими, папарделли и буррато, но, я уверен, на некоем* ***генетическом уровне*** *для человека, выросшего в России, настоящий кулинарный праздник все равно остается* ***в парадигме «водка — селедка — пельмени — оливье»*** (Л. Калянина, А. Раппопорт. «Если вы видите красивые, интересные, свежие лица — это моя публика» // «Эксперт», 2015) [НКРЯ].

Слово *штамп* эксплицирует, с одной стороны, признание традиционной «схемы» празднования Нового года, с другой — негативное ее оценивание

(«*перен*. Принятый образец, которому слепо подражают; шаблон» [МАС, 1999, т. 4, с. 730]): (30) *Доктор Мясников призвал избавляться* ***от новогодних штампов***. ***Застолье, оливье, шампанское, мандарины, елка, телевизор, любимые фильмы и концерты*** *… Доктор Мясников в эфире канала «Россия 1» предложил пересмотреть привычные новогодние традиции и взглянуть на праздник под иным углом* (Доктор Мясников призвал избавляться от новогодних штампов // Vesti.ru, 28.12.2020) [НКРЯ].

Всеобщность и всеохватность, знаковость и «культуроносность» *оливье* позволяют авторам газетных публикаций осмыслить его в качестве *духовной / национальной скрепы* и в целом *культурного наследия*: (31) *Пока одни в предновогодние часы готовили* ***оливье*** *в немыслимых объемах, другие клеймили этот кулинарный казус совсем не французского происхождения* ***«духовной скрепой»*** *постсоветского человека* (Проект «Оливье» // lenta.ru, 13.01.2017) [НКРЯ]; (32) *В конце ноября ВЦИОМ провел исследование, посвященное* ***национальным скрепам***. ***Салат оливье оказался одной из них*** *наряду с «Войной и миром», победой в Великой Отечественной войне и фильмом «Ирония судьбы, или С легким паром»*. (И. Деготькова. Новогодний стол на 300 рублей <…> // Московский комсомолец, 16.12.2018) [НКРЯ]; (33) ***Салаты оливье*** *и сельдь под шубой, просмотр «Иронии судьбы» и посещение бани 31 декабря, вырезание бумажных снежинок и Старый Новый год — российские традиции празднования Нового года предложили признать* ***культурным наследием человечества*** (Новогодние традиции России предложили признать наследием ЮНЕСКО // Парламентская газета, 2019.12.27) [НКРЯ]. В приведенных фрагментах *оливье* представляется в ряду прочих традиций россиян как объединяющий маркер.

3.4. «Оливье» как источник образной номинации

Источником для образной номинации через посредство слова *оливье* служат те или иные компоненты значения исходной языковой единицы. Так, могут противопоставляться типичный состав оливье и необычный состав с включением в него новых ингредиентов, в последнем случае салат оценивается как знак аномалии: (34) *Формирование набора кандидатов в президенты* ***напоминает приготовление оливье****: конечно, в ход идут* ***традиционные*** *ингредиенты — мясо и овощи, но вернуть аппетит к* ***классическому****, всем давно известному блюду может либо принципиально* ***новый уровень качества ингредиентов****, либо* ***добавление нетрадиционных*** *— для пикантности. Такой ассортимент должен сколько-нибудь оживить выборы с заведомо известным финалом, привлечь к урнам больше избирателей и обеспечить легитимность будущей победы <…> Иная ситуация с выдвижением кандидатом от КПРФ директора совхоза им. Ленина Павла Грудинина. Это второй случай выдвижения от комму-*

нистов альтернативного кандидата (в 2004 г. их представлял аграрий Николай Харитонов) — на этот раз даже не члена партии. ***Сочетание неожиданное и небанальное — как выращиваемая в совхозе клубника в оливье****. Такой выбор выглядит заявкой на перезагрузку «партии прошлого» ...* (Зачем в оливье клубника // Ведомости, 2017.12.24) [НКРЯ].

При сравнении ситуации подготовки к президентским выборам (а именно — определения состава кандидатов) с приготовлением салата оливье эксплицируются следующие типизированные элементы контекста, переходящие в зону образного их осмысления: *классический, традиционный, давно известный* состав противопоставляется *новому, нетрадиционному, неожиданному, небанальному.* Введение нового «ингредиента» в оливье-выборы обусловлено должностью кандидата, который является *директором совхоза*: аграрная тема задает новый компонент — *клубнику*, «небанальность» которого, согласно этой образной интерпретации, вряд ли принесет пользу как салату, так и выборам.

Другой аспект значения — многокомпонентность оливье и способ приготовления (перемешивание разнородных продуктов) — эксплуатируется в следующем фрагменте: (35) *Первый канал. Самый полный салат. Главное шоу: «****Оливье-шоу****». <...> Это действо будет продолжаться аж до шести утра! Представляете, сколько всего тут будет* ***понамешано****. Впрочем, на то это и* ***салат****... Вести программу поочередно собираются ребята из «Прожекторперисхилтон», потом Дмитрий Шепелев и Юрий Николаев, потом Андрей Малахов, потом Иван Ургант с Наоми Кэмпбелл (знаменитая фотомодель специально приехала на съемки.* ***Кто она в «Оливье»? Может, горошек?****)...* (П. Садков и др. Женя Лукашин убежит от Гарри Поттера <...> // Комсомольская правда, 30.12.2009) [НКРЯ]. Название шоу подчеркивает, с одной стороны, прямую связь с празднованием Нового года, обычаем приготовления оливье, с другой стороны, состав приглашенных артистов и ведущих ассоциируется с набором различных ингредиентов в блюде (глагол *понамешать* со словообразовательным формантом *пона-* подчеркивает «избыточность» и «множественность субъектов / объектов»). Роль американской модели *Наоми Кэмпбелл* в «среде» салата осмысливается через образ «горошек»: возможно, в качестве самого «изысканного» элемента блюда.

Эту метафорическую модель можно назвать ИНГРЕДИЕНТ — ЧЕЛОВЕК, при этом человек ассоциативно соотносителен либо с традиционным, ожидаемым компонентом блюда (*горошек — Наоми Кэмпбелл* (35)), либо с нетривиальным, неклассическим (*клубника — Павел Грудинин* (34)). Оценивание ситуации следования традициям имеет амбивалентный характер: положительно осмысливается соответствие ожиданиям, отрицательно —

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

рутина, отсутствие творческого начала. В любом случае постоянный состав оливье является базой для определения качеств того или иного субъекта.

Одним из аспектов осмысления явлений становится модель СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ / ИЗМЕЛЬЧЕНИЯ САЛАТА — СПОСОБ СОЗДАНИЯ ПРОЕКТА: в таких контекстах активизируются глаголы *соорудить, рубить, настрогать, замешать в верных пропорциях* и т. п.: (36) *В него он постарался втиснуть историю борьбы с внутренней несвободой,* ***соорудив балет, как салат оливье****,* ***из видеокадров****,* ***дуэтов*** *ведущих* ***солистов*** *— Оксаны Кардаш и Алексея Любимова, Валерии Мухановой и Дмитрия Соболевского, залихватского соло Ивана Михалева на музыку «Русской» из «Лебединого озера», а также Рахманинова, Кюи, Скрябина и Свиридова, шапки-ушанки с военной кокардой, военных френчей, рубашек «под Гжель» и движений под Килиана и Дуато* (Вечер балетных дебютов «Точка пересечения» нашел четверых // Ведомости, 2017.03.14) [НКРЯ]; (37) *Их, конечно же, как следует обшутят артисты «Большой разницы», чьи номера будут разбивать основное шоу, а еще они предстанут в своих мультипликационных ипостасях, так как в «Оливье»* [шоу] ***настрогают*** *и значительное* ***количество вставок*** *из программы «Мульт личности»* (П. Садков и др. Женя Лукашин убежит от Гарри Поттера <…> // Комсомольская правда, 30.12.2009) [НКРЯ]. Здесь, как правило, подчеркивается многокомпонентный состав, смесь ингредиентов.

В некоторых фрагментах происходит контаминация двух метафор-салатов *оливье* и *винегрета*. Согласно «Словарю русской пищевой метафоры», *винегрет* ассоциируется, во-первых, с «беспорядочным соединением фактов, событий, мнений», во-вторых, с «ситуацией негативного физического или морального воздействия на человека» [СРПМ, 2015, с. 290]: (38) *Надо признать, что весь* ***сюжетный винегрет, а точнее салат оливье****, если учитывать, что мультик стартует под Новый год,* ***замешан в верных пропорциях*** (А. Михайлов. Родина слонов // РБК Daily, 28.12.2007) [НКРЯ]; (39) *Или из «Храброго сердца» с Мэлом Гибсоном, где шотландцы* ***рубили врага в салат оливье****, борясь за независимость* (П. Лысенков. Драки «витязей» затмят хоккей? // Советский спорт, 27.08.2011) [НКРЯ]. В примере (38) замена компонента *винегрет* на *оливье* темпорально обусловлена — обозначена дата выхода мультфильма: *под Новый год*; во фрагменте (39) произведена трансформация фразеологизма *порубить / покрошить в / на винегрет* со значением «уничтожить» [СРПМ, 2015, с. 289], представлено его индивидуально-авторское переосмысление.

Оппозиции *примитивный — изысканный, простой — сложный, несовместимый — совместимый, привычный — необычный, неизбежный — необязательный* и т. п., описывающие качества / свойства салата (первый

CC BY

член оппозиции маркирован в отношении *оливье*), находят приложение при осмыслении новых ситуаций: (40) *Ну кто бы мог подумать, что такое в столичном, далеко не тропическом климате возможно? Экскурсию по своему саду Валерий Борисов проводит, словно глобус вращает: — Здесь русско-японский сад камней, далее французский сад с четкой геометрией, потом английский уголок, где композиции стилизованы по принципу природной небрежности. С другой стороны подъезда — американо-сибирско-тропическая зона. Там,* ***как в салате оливье, единство несовместимого*** (А. Маянцева. На северо-востоке столицы выросли пальмы // Комсомольская правда, 08.06.2007); (41) *В России отгремели «****блокбастеры оливье****» и наступает время настоящих* ***киногурманов****. Между церемониями вручения «Золотого глобуса» и «Оскара» зрителям покажут лучшие фильмы, которые соберут в этом году урожай кинонаград* <…> (Михаил Артемов. Не увидеть Париж и умереть // РБК Daily, 23.01.2009) [НКРЯ]; (42) *Я не скажу, что я бюрократ какой-нибудь, но регистрация брака мне кажется такой же* ***обязательной, как салат «оливье» на Новый год*** *— без него я себе никак этого праздника не представляю* (Жена или сожительница? // Аргументы и факты, 1999.07.16) [НКРЯ]; (43) *Создатель франшизы Тимур Бекмамбетов говорит, что «Елки» за годы своего существования (а родились они еще при президенте Медведеве в 2010 г.) стали* ***неизбежными, как салат оливье*** (Новые «Елки» оказались лучше всех предыдущих // Ведомости, 2017.12.20) [НКРЯ]; (44) *Типовая постановка с участием звезды делается* ***просто, как салат оливье*** (Первый среди первых // Ведомости, 2003.06.02) [НКРЯ]; *Интервью —* ***как салат оливье****, все с детского садика знают, из чего он (оно) складывается* (Разговор «на троих» // Аргументы и факты, 2000.03.01) [НКРЯ].

В приведенных фрагментах типизированная лексика, характерная для описания салата оливье, интерпретируется в новых ситуациях, причем попадает в фокус тот или иной аспект: некоторые примеры построены на контрасте, задействуют оба элемента оппозиции (в (41) противопоставление *примитивный — изысканный* реализуется в паре *блокбастеры оливье — киногурманы*); в других случаях подчеркивается стандартность ситуации *регистрации брака* (42), *типовой постановки* (44), *продолжения фильма «Елки»* (43), что в свою очередь основывается на представлении о простоте приготовления оливье.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в современном русском языке слово *оливье* становится нарицательным существительным и проявляет словообразовательную активность (*оливьешка, оливьеведение* и т. д.).

Доминантными семантическими признаками языковой единицы *оливье* являются следующие: ‘простой’, ‘привычный’, ‘обязательный’, ‘многокомпонентный’, ‘традиционный’, ‘классический’. В контекстах они обозначены соответствующими атрибутивами: *простой, классический* и др. Типизированный контекст создает условия для выделения черт, осмысляемых при образной номинации какого-либо явления, что проявляется прежде всего на уровне компаративов (*неизбежный, как салат оливье; обязательный, как оливье; единство несоместимого, как в салате оливье* и т. п.). Метафорические модели ИНГРЕДИЕНТ — ЧЕЛОВЕК, ПРИГОТОВЛЕНИЕ САЛАТА — ПРОИЗВОДСТВО опираются на признак ‘многокомпонентность / многосоставность’, причем замена одного из ингредиентов связывается как с нетривиальностью итогового продукта (положительная оценка), так и с нарушением традиций (отрицательная оценка).

Салат *оливье* выступает как знак в сфере экономики (*индекс оливье* наряду с *индексом бигмака за рубежом / индексом плова в Узбекистане*) и как знак культуры (в узком смысле — советского кулинарного воспитания; в широком — объединяющая национальная скрепа / архетип / символ / ритуал / наследие на постсоветском / российском пространстве). В негативном ключе интерпретируется как штамп и стереотип в отрицательном смысле этого слова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. *Водолазкин Е. Г.* Чагин: роман / Е. Г. Водолазкин. — Москва : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. — 379 с.

3. *Гура А. В.* Блины / А. В. Гура, Л. С. Лаврентьева // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Том 1. А—Г. — С. 193—196.

4. *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — 5140 с.

5. *Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2018. — 192 с. — ISBN 978-5-94244-059-6.

6. МАС — *Словарь* русского языка: В 4-х томах / РАН, Институт лингвистических исследований. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

7. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2025).

8. НРЛ — *Новое* в русской лексике: словарные материалы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://neolex.iling.spb.ru (дата обращения: 16.01.2025).

9. НСИС — *Захаренко Е. Н.* Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. — Москва : Азбуковник, 2003. — 783 с.

10. СРПМ — *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. — Том 1. Блюда и продукты питания. — Томск : Издательство Томского университета, 2015. — 428 с. — DOI: 10.17223/978-5-7511-2341-3.

Литература

1. *Борисова Л. В.* Концепт «напитки» в кулинарном коде культуры / Л. В. Борисова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2013. — № 4. — С. 2—12.

2. *Димитриева О. А.* Культурный код в научном и публицистическом измерениях / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 9—30. — https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30.

3. *Капелюшник Е. В.* Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореферат диссертации … кандидата филологических наук: 10.02.01 / Евгения Владимировна Капелюшник. — Томск, 2012. — 21 с.

4. *Капелюшник Е. В.* Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 345. — С. 11—14.

5. *Капкан М. В.* Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений в XIX—XX вв. / М. В. Капкан // Человек в мире культуры. — 2013. — № 3. — С. 15—26.

6. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. — Изд. 3-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — 456 с. — ISBN 978-5-9710-2431-6.

7. *Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва: МАКС Пресс, 2001. — Выпуск 19. — С. 5—19. — ISBN 5-317-00302-4.

8. *Кушкова А. Н.* В центре стола: зенит и закат салата «Оливье» / А. Кушкова // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 6 (76). — С. 28.

9. *Лукос В*. Национальная идея сквозь призму праздничного стола / В. Лукос // Отечественные записки. — 2003. — № 1 (10). — Режим доступа: https://strana-oz.ru/2003/1/nacionalnaya-ideya-skvoz-prizmu-prazdnichnogo-stola (дата обращения: 16.01.2025).

10. *Маркова Е. М.* Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты / Е. М. Маркова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. — 2017. —Т. 15. — № 2. — С. 152—174.

11. *Маслова В. А.* Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2016. — 181 с. — ISBN 978-5-9765-2702-7.

12. *Палаткин В. В.* Философские основания алиментарной культуры / В. В. Палаткин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2020. — № 2 (63). — С. 88—94.

13. *Русская* грамматика : научные труды / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Репринтн. изд. —2005. — Том 1. — 784 с. — ISBN 5-88744-059-7.

14. *Чудинова М. М*. О новогодних фоновых практиках современных россиян (гастрономический аспект) / М. М. Чудинова // XX век: культура памяти: материалы к меж-

региональной научной конференции. — Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2016. — С. 40—47.

15. *Pirogovskaya M*. Taste of trust: Documenting solidarity in Soviet private cookbooks, 1950—1980s / M. Pirogovskaya // Journal of Modern European History. — 2017. — Vol. 15, No. 3. — P. 330—349. — https://doi.org/10.17104/1611-8944-2017-3-330.

16. *Tarasti E.* Sein und Schein: Explorations in Existential Semiotics / E. Tarasti. — Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. — ISBN 978-1-61451-751-1. — https://doi.org/10.1515/9781614516354.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 15.08.2025.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

Epishkin, N. I. (2010). *Historical dictionary of Gallicisms of the Russian.* Moscow: ETS. 5140 p. (In Russ.).

Gura, A. V., Lavrentyeva, L. S. (1995). *Pancakes*: Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: Moscow: International Relations: 193—196. (In Russ.).

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018). *Dictionary of linguacultural.* Moscow: Gnosis. 192 p. ISBN 978-5-94244-059-6.

MAS — *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes*: Moscow: Russian language; Polygraphresources. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 16.01.2025). (In Russ.).

NSIS — Zakharchenko, E. N., Komarova, L. N., Nechaeva, I. V. *New dictionary of foreign words: 25,000 words and phrases*. Moscow: Azbukovnik. 783 p. (In Russ.).

SRPM — Borovkova, A.V. et al. (2015). *Dictionary of Russian food metaphors. 1: Dishes and food products*: Tomsk: Tomsk University Publishing House, 428 p. DOI: 10.17223/978-5-7511-2341-3. (In Russ.).

Vodolazkin, E. G. (2024). *Chagin: a novel*: Moscow: AST: Editorial office of Elena Shubina: 379 p. (In Russ.).

References

Borisova, L. V. (2013). The concept of “drinks” in the culinary code of culture. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 4*: 2-12. (In Russ.).

Chudinova, M. M. (2016). About the New Year's background practices of modern Russians (gastronomic aspect). In: *XX century: culture of memory: materials for the interregional scientific conference*. Perm: Perm State Institute of Culture. 40-47. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2025). Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimensions. *Nauchnyi dialog, 14* (1): 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30. (In Russ.).

Kapelyushnik, E. V. (2012). *Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language*. Tomsk. 21 p. (In Russ.).

Kapelyushnik, E. V. (2011). Man through the prism of the culinary code of culture. *Bulletin of Tomsk State University, 345*: 11—14. (In Russ.).

Kapkan, M. V. (2013). National cuisine as an element of the national culture of Russia: the dynamics of historical changes in the XIX-XX centuries. *Man in the world of culture, 3*: 15—26. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2016). *Linguistic and cultural method in phraseology. Codes of culture.* Moscow: LENAND. 456 p. ISBN 978-5-9710-2431-6. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2001). Codes and Standards of Culture (Invitation to Conversation). In: *Language, Consciousness, Communication*. Moscow: MAKS Press, 2001: 5-19. ISBN 5-317-00302-4. (In Russ.).

Kushkova, A. N. (2005). In the center of the table: the zenith and decline of the Olivier salad. *New Literary Review, 6*(76): 28. (In Russ.).

Lukos, V. (2003). National idea through the prism of the festive table. *Otechestvennye zapiski, 1* (10). Available at: https://strana-oz.ru/2003/1/nacionalnaya-ideya-skvoz-prizmu-prazdnichnogo-stola (date of access: 16.01.2025). (In Russ.).

Markova, E. M. (2017). Culinary code of culture in secondary nominations of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching, 2*: 152-174. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2016). *Codes of linguoculture: a textbook*. Moscow: Flinta. 181 p. ISBN 978-5-9765-2702-7. (In Russ.).

Palatkin, V. V. (2020). Philosophical foundations of alimentary culture. *Caspian region: politics, economics, culture*, *2*(63): 88-94. (In Russ.).

Russian grammar: scientific works. Moscow, 1: 784 p. ISBN 5-88744-059-7. (In Russ.).

The article was submitted 27.04.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 15.08.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ильина Е. В. Когнитивное моделирование концепта РОССИЯ как фрагмента языковой картины мира эмигранта первой волны / Е. В. Ильина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 29—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-29-46.

Ilyina, E. V. (2025). Cognitive Modeling of Concept RUSSIA: Fragment of Linguistic Worldview of First-Wave Emigrants. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 29-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-29-46. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивное моделирование концепта РОССИЯ как фрагмента языковой картины мира эмигранта первой волны

Ильина Екатерина Владимировна [1, 2]
orcid.org/0000-0002-1412-523X
кандидат филологических наук,
кафедра русского языка
как иностранного
ekaterina_ilyina_tum@mail.ru

[1] Тюменский государственный
медицинский университет
(Тюмень, Российская Федерация)

[2] Уральский государственный
университет путей сообщения
(филиал в г. Тюмени)
(Екатеринбург, Россия)

Cognitive Modeling of Concept RUSSIA: Fragment of Linguistic Worldview of First-Wave Emigrants

Ekaterina V. Ilyina [1, 2]
orcid.org/0000-0002-1412-523X
PhD in Philology,
Department of Russian
as a Foreign Language
ekaterina_ilyina_tum@mail.ru

[1] Tyumen State
Medical University
(Tyumen, Russian Federation)

[2] Ural State University
of Railway Transport
(Branch in Tyumen)
(Yekaterinburg, Russia)

© Ильина Е. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты моделирования и комплексная характеристика фреймовой структуры концепта РОССИЯ. Обосновывается гипотеза, что репрезентантом языковой картины мира эмигранта первой волны (1918—1940) выступает концепт РОССИЯ. Анализируется его функционирование в поэтическом наследии поэтов-эмигрантов Ольги Скопиченко, Марианны Колосовой, Марии Визи, Юстины Крузенштерн-Петерец. Источниками выступили 1149 стихотворений. Представлены результаты сопоставительного анализа объективированного в миграционном дискурсе концепта РОССИЯ, его инвариантов как элементов идиостиля указанных авторов. Использован метод сплошной выборки стихотворений, в которых вербализован концепт РОССИЯ и его корреляты, метод компонентного анализа, когнитивно-дискурсивный метод, метод полевого анализа, фреймовый метод. Вводятся в научный оборот данные когнитивной интерпретации метонимических и метафорических моделей репрезентации концепта в виде фреймов и субфреймов. Подчеркивается, что фрейм РОССИЯ — ЭТО Я в эмигрантском сознании выступает абсолютной доминантой концепта. Отмечается акцентуация ценностного компонента концепта и интеграция его когнитивного, языкового, культурного и социального уровней в рамках эмигрантского социолекта. Делается вывод: концепт РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта — одна из моделей общенационального концепта.

Ключевые слова:
концепт РОССИЯ; когнитивное моделирование; фрейм; языковая картина мира; миграционный дискурс; эмиграция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents the results of modeling and provides a comprehensive characterization of the frame structure of the concept RUSSIA. The hypothesis is put forward that the concept RUSSIA acts as a key representamen of the linguistic worldview of the first-wave emigrants (1918–1940). The study analyzes its functioning within the poetic legacy of émigré poets Olga Skopichenko, Marianna Kolosova, Maria Vizi, and Iustina Kruzenshtern-Peterets. The source base comprises 1,149 poems. The paper offers the results of a comparative analysis of the concept RUSSIA objectified in migration discourse, focusing on its invariants as elements of the individual authorial styles (idiostyles). The methodology incorporates continuous sampling of poems verbalizing the concept RUSSIA and its correlates, componential analysis, cognitive-discursive analysis, field structure analysis, and frame analysis. The study introduces into scientific discourse the data from a cognitive interpretation of metonymic and metaphorical models representing the concept via frames and subframes. It is emphasized that the frame RUSSIA IS THE SELF (RUSSIA — IS I) emerges as the absolute dominant of the concept in the émigré consciousness. The paper highlights the accentuated value component of the concept and the integration of its cognitive, linguistic, cultural, and social levels within the émigré sociolect. It is concluded that the concept RUSSIA within the émigré linguistic worldview constitutes one of the models of the broader national concept.

Key words:
concept RUSSIA; cognitive modeling; frame; linguistic worldview; migration discourse; emigration.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42+82-1+81’373.218
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-29-46

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Когнитивное моделирование концепта РОССИЯ как фрагмента языковой картины мира эмигранта первой волны

© Ильина Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

В контексте антропоцентрической парадигмы языкознания когнитивной лингвистикой постулируется, что в процессе категоризации и концептуализации знания о мире структурируются с помощью когнитивных схем или моделей, прототипических для языкового сознания или дискурсивно обусловленных [Болдырев, 2016, с. 10—11]. Анализируя интерпретирующую функцию языка как индикатор взаимообусловленности субъектно-объектных отношений, тождественных диаде «человек — знания», Н. Н. Болдырев отмечает такие особенности концептуальной системы человека, как способность «форматирования» когнитивного содержания, когнитивно-семантическая специфик формирования новых смыслов в зависимости от коммуникативной ситуации, множественность картин мира, структурированность когнитивной системы как условие ее жизнеспособности [Болдырев, 2016, с. 11—12]. Язык материализует концептуальную картину мира в форме языковой картины мира, репрезентированной посредством языковых единиц, в свою очередь объективированных в дискурсе и актуализирующих ментальное пространство — конкретную когнитивную область, мыслительную область, область концептуализации [Цурикова, 2001, с. 147], которая может быть подвергнута декомпозиции, или когнитивному моделированию. Последнее предполагает наличие как общих (коллективных, конвенциональных), так и частных (субъективных, индивидуальных) когнитивных моделей (схем) [Болдырев, 2016, с. 12—13]. К частным системам категоризации знаний о мире, выполняющим функцию когнитивной схемы языковой интерпретации, относятся классификационные концепты, или фреймы [Болдырев, 2016, с. 16], а также метафорические и метонимические модели, сформированные по субъектному принципу — трансляции авторской интерпретации мира [Болдырев, 2016, с. 18]. А в рамках отдельного текста концептуальная

картина мира репрезентируется с помощью «текстового концепта» [Чурилина и др. 2019, с. 116].

Своеобразием обладает авторская интерпретация мира в языке эмигрантов, включая тех, кто занимался писательской деятельностью. Так, исследователь творчества Ольги Скопиченко А. В. Окороков подчеркивает: «Историческое прошлое России грело душу русского человека, мечтающего о возвращении, и питало его стремление “блюсти старой родины заветы”. Трепетное отношение к православной культуре, языку своей страны было обусловлено тем, что Родина являлась, в большей степени, понятием духовным, ассоциирующимся с отношениями кровного родства и верой предков» [Окороков, 2024, с. 10]. Поэтому закономерно, что значимым фрагментом языковой картины мира эмигранта первой волны (1918—1940) становится концепт РОССИЯ, содержание которого реализуется в миграционном дискурсе как среде функционирования указанного концепта. Статус базового, лингво- и социокультурного данный концепт получает вследствие описания в вербальной форме значимого для русских эмигрантов фрагмента опыта [Карасик, 2024, с. 45]. На уровне структуры концепта РОССИЯ наиболее продуктивными для миграционного дискурса оказываются когнитивные модели — фреймы ГОСУДАРСТВО, ТЕРРИТОРИЯ, РОДИНА, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОСОБЫЙ МИР И САМОБЫТНОСТЬ, ХРИСТИАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНОСТЬ, ЛИЧНОСТНОЕ «Я».

Актуальность исследования обусловлена обращенностью к фундаментальным категориям когнитивной лингвистики, перспективностью комплексного подхода, интегрирующего методологические аспекты когнитивной семантики, когнитивной поэтики, лингвокультурологии в миграционном дискурсе, недостаточностью изученности языковой картины мира русской эмиграции. Новизна исследования состоит в попытке моделирования базового лингво- и социокультурного концепта РОССИЯ на примере уникального языкового материала, анализ которого сфокусирован на реконструкции эмигрантского языкового сознания (в диахроническом аспекте).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили 1149 стихотворений поэтов-эмигрантов Ольги Скопиченко (далее — О. С.), Марианны Колосовой (далее — М. К.), Марии Визи (далее — М. В.), Юстины Крузенштерн-Петерец (далее — Ю. К.-П.). Выбор авторов обусловлен тем, что все они относились к восточной ветви русской эмиграции, оказались в схожей жизненной ситуации, поэтому более обостренно и эмоционально передавали личностное отношение к означенной проблеме. Обращение к творчеству

CC BY

поэтов-эмигрантов первой волны связано также с тем, что, по сравнению с представителями второй волны, они были более организованными и сплоченными, в их творчестве ностальгические мотивы и чувство Родины выражены ярче и разнообразнее [Гордиенко]. На первое место ими всегда ставятся духовные христианские ценности и вера в Бога.

Целью статьи является комплексная характеристика и моделирование структуры концепта РОССИЯ как базового, ономастического, лингво- и социокультурного концепта, адекватно репрезентирующего языковую картину мира эмигранта первой волны (1918—1940). Исследование выполнено в аспекте когнитивной лингвистики, когнитивной семантики, когнитивной поэтики, лингвокультурологии на материале миграционного дискурса.

В исследовании использованы следующие аналитические методы: метод сплошной выборки стихотворений, в которых вербализован концепт РОССИЯ и его корреляты; метод компонентного анализа для выявления лексических средств репрезентации концепта РОССИЯ, установления его ядерно-периферийных зон и окказиональных вербализаций; когнитивно-дискурсивный метод, состоящий в идентификации концептуальных признаков и экспликации структур знаний, стоящих за концептом в дискурсе; метод полевого анализа для определения семантических и концептуальных индивидуально-авторских полей исследуемого концепта; метод когнитивно-семантического моделирования языка, основанный на теории фреймов и субфреймов.

Сопоставительный анализ объективированного в эмигрантском дискурсе концепта РОССИЯ и его инвариантов как элементов идиостиля указанных авторов позволил констатировать, что компоненты языковой личности эмигранта эксплицируются в его поэтическом творчестве через внутритекстовую организацию и являются актуализаторами индивидуальной картины мира субъекта. Образы лирических героев, актуализируясь в дискурсе, дают возможность составить представление о языковой личности авторов как носителей русской ментальности.

Обращая внимание на специфику концепта как структурно-содержательной единицы в рамках лингвокогнитивной концептологии, З. Д. Попова, И. А. Стернин указывают на его «национальную, социальную, групповую и индивидуальную специфику», а также подчеркивают, что «концепты внутренне организованы по полевому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Попова и др., 2005, с. 9]. Концепт, функционирующий как инструмент и единица познания [Воркачев, 2007], маркирует языковую картину мира как отдельной личности, так и эмигрантского коллективного сознания — составляющей общерусской национальной концептосферы. Кроме того, термин *концепт* инте-

грирует знания лингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, философии и др., благодаря чему языковые ориентиры помогают приблизиться к глубинам национальной ментальности.

В то же время концепт рассматривается как единица абстрактного структурированного знания, составляющими которого выступают конкретные образы, приоритетность которых зависит от жизненного опыта конкретного субъекта, а структурные знания, составляющие концепт, будут распределяться от ядра к периферии [Демонова, 2023, с. 495].

Нам представляется обоснованной точка зрения Л. Н. Чурилиной, которая подчеркивает: поскольку концепт-стереотип РОССИЯ становится доминантой национальной картины мира, то с его помощью можно понять национальный менталитет [Чурилина и др., 2019, с. 117].

Указывая на специфический характер слова-имени концепта, И. А. Юрьева подчеркивает: «Оним *Россия* можно квалифицировать как коннотативный оним с узуальной и окказиональной референтной основой» [Юрьева, 2008, с. 8]. С этой позиции следует подчеркнуть особенности когнитивного моделирования концепта РОССИЯ в миграционном дискурсе: вокруг него организуются как общеязыковые фреймы, кодифицирующие энциклопедическую информацию, так и индивидуально-авторские когнитивные модели (субфреймы) с метафорической и метонимической основой, отражающие дискурсивно значимые, динамические концептуальные признаки [Белоусова, 2010, с. 60].

Исходя из трактовки фрейма как единицы знаний, организованной вокруг некоторого понятия и содержащей данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия [Приходько, 2014, с. 110], а также из осмысления фрейма как инструмента репрезентации когнитивной структуры [Облецова, 2020, с. 34], мы моделируем когнитивную структуру концепта РОССИЯ применительно к языковой картине мира эмигрантов первой волны.

Изучение концепта РОССИЯ давно находится в поле зрения лингвистов. Он рассмотрен ими с разных позиций: в текстах политического дискурса [Карамова, 2020], в американской публицистике [Орлова, 2005], в языковой картине мира других народов [Облецова, 2020], в картине мира отдельных авторов [Егорова; Осипова, 2013] и др. Нам интересно выявить особенности функционирования данного концепта в поэзии отдельных представителей восточной ветви первой волны русской эмиграции, поскольку их наследие дает богатый и разнообразный языковой материал, соответствующий поставленным в исследовании целям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Наиболее распространенным маркером, характеризующим социокультурное сознание поэтов русского зарубежья, является репрезентация в их

языковой картине мира концепта РОССИЯ, имени собственного с его уникальной семантикой, выступающего самым частотным идентификатором индивидуального и коллективного художественного сознания. С нашей точки зрения, наиболее важными являются понятийный и образный сегменты данного концепта, которые равнозначны для эмигрантского сознания, а содержательное наполнение репрезентанта РОССИЯ всегда было для него актуально и связывалось с прошлым, настоящим и будущим Родины вне зависимости от ее политического устройства.

На лексическом уровне ядром концепта становится ключевая лексема-репрезентант *Россия*, а в структуре концепта выделяются определяющие фреймы: РОССИЯ — ГОСУДАРСТВО, РОССИЯ — ТЕРРИТОРИЯ, РОССИЯ — РОДИНА, РОССИЯ — ИСТОРИЯ, РОССИЯ — КУЛЬТУРА, РОССИЯ — ОСОБЫЙ МИР И САМОБЫТНОСТЬ, РОССИЯ — ХРИСТИАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНОСТЬ, РОССИЯ — ЛИЧНОСТНОЕ «Я». Рассмотрим базовые и периферийные ассоциативно-образные репрезентации каждой из названных когнитивных моделей.

3.1. Фрейм ГОСУДАРСТВО, ТЕРРИТОРИЯ как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ГОСУДАРСТВО вербализован именами собственными *Россия, Русь, Российская Держава,* концептуализирующими представления о величии страны как мировой державы*: Славяне — это слава! / И в мире есть одна / Великая Держава, / Славянская страна!* (М. К. «Славяне-предки») [Колосова, 2011]. Ценностную оппозицию *России* представляет имя *СССР*, применительно к которому зачастую используется эпитет *чужой (Чтоб СССР — **РОССИЕЙ снова стала**!* (М. К. «Русские»); *СССР — Глядя в лицо **чужое**, / Ты ищешь прежние знакомые черты; Смотри, сейчас под буквами **чужими** / Просвечивает что-то, словно кровь? / Не кровь на карте. Видишь? Это — Имя: / Россия… Родина… Любовь…* (М. К. «Карта России») [Там же]. По типу синтаксического функционирования можно выделить следующие модели-ассоциативы: а) РОССИЯ + существительное: *корабль, вечность, слава, Флаг, громада, сила, гордость, слава, имя, Родина, любовь, чудо*; б) РОССИЯ + прилагательное: *родная, мировая слава, бело-сине-красный Флаг, гордый и прекрасный, трехцветные знамена*; в) РОССИЯ + глагол + наречие: *скажем гордо, станет снова, снова будет, назовись вновь, будешь навсегда*. Следовательно, определяя ключевые концептуальные признаки России как государства, ментальное сознание эмигранта связывает с ней представления и о ее величии как мировой державы, и о ее будущности как великой страны с гордым именем *Россия*.

CC BY

3.2. Фрейм ТЕРРИТОРИЯ как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ТЕРРИТОРИЯ актуализируется за счет пространственного кода, который включает следующие топонимы: *Москва, Петропавловск, Сызрань, Урал, Алтай, Забайкалье, Поволжье, Сибирь, Сахалин, Таймыр;* гидронимы: *Волга, Енисей, Нева, Амур, Байкал;* оронимы*: Кавказ, Урал, Эльбрус, Жигули*. Ценностная оппозиция выражена эпитетами с отрицательной коннотацией: ***Чужое, злое имя*** *«Ленинград»!* (М. К. «Санкт-Петербург») [Колосова, 2011]. Многие из употребляемых онимов дополняются яркими экспрессивными метафорами: ***снежная*** *Сибирь; Сибирь —* ***алмаз моей души****!* (М. К. «Сибирячка») [Там же], *Волга-****Матушка****, Волга —* ***царица полей*** *(О. С.* «Дайрен и… Волга»*)* [Скопиченко, 1993]. Необъятность и широта просторов России репрезентированы в объединенной в сеть периферийной зоне одноименного концепта и выражены конструкциями парных пространственных предлогов *от — до, на — на*, указывающих на протяженность территории: ***От*** *Амура* ***до*** *Урала, /* ***От*** *Кавказа* ***до*** *Москвы / Никогда не умирала, / Не теряла головы / Наша буйная стихия, / Наша кроткая звезда, / Нераздельная Россия / И Великая всегда!* (М. К. «Россия не умрет») [Колосова, 2011]; *И* ***на*** *юг и* ***на*** *север — просторы, /* ***На*** *востоке,* ***на*** *западе — ширь! / Снежной шапкой — Кавказские горы, / Заколдованной сказкой — Сибирь;* ***От*** *Невы* ***до*** *тайги Енисея,* ***От*** *Байкала и* ***до*** *Жигулей* (О.С. «Разбросала поля и долины…») [Скопиченко, 1993].

3.3. Фрейм РОССИЯ — РОДИНА как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — РОДИНА транслирует субъективное отношение авторов к России, воспринимающих ее как часть жизни и личностного мира: среди духовных ценностей любовь к России у русского человека оказывается на первом месте. Кодификаторами данной пресуппозиции выступают соответствующие личные и притяжательные местоимения: ***ты, моя, своя, наша****;* персонализация: *моя* ***родина-мать****,* ***родимая*** *Русь*; ***любимая*** *Россия,* ***Великая*** *Русь; Родина* ***святая****;* эпитеты*:* ***сказочная, старая, солнечная*** *Русь* (О. С. «Верую»); ***снеговая, белая, радостная*** *Русь* (О. С. «Там, где снег — серебряной ватой…») [Скопиченко, 1993]. В некоторых произведениях концептуализируется мотив молитвенного преклонения перед Россией и ее обожествления, в том числе за счет аллюзий на сакральные тексты: *Да* ***святится же, Родина, имя Твое****! / Имя славной, великой России...* (О. С. «Меч»); *За тебя, моя родина, —* ***душу отдам*** (О. С. «Думы заветные») [Скопиченко, 1993]. Экспликаторами антропоморфного образа России становятся лексемы с возвышенной семантикой *мать, наша мать* (концептуализируется пропозиция *Россия — мать*), а

также различные глагольные формы: *Ты **двуликая родина-мать**: То ты с бешеным гиком **летишь**, / По полям, разгоняя прохожих; / То молитвенно в храме **стоишь**, / На угодников Божьих **походишь**; Я ищу тебя, Матушка-Русь*! (О.С. «Блики России) [Скопиченко, 1993]; ***Проклинали ... Плакали ... Вопили ... / Декламировали**: / — Наша мать!* (Ю. К-П. «Россия») [Крузенштерн-Петерец, 1946]; *Но только кто, кто **может угадать** Твои пути, несчастная Россия?* (О. С. «Достойным быть») [Скопиченко, 1993]. Отношение поэтов-эмигрантов к Родине амбивалентно: это бескорыстная, самоотверженная любовь, с одной стороны, с другой — горькое, мучительное разочарование вынужденно оказавшихся на чужбине, забытых родиной-матушкой людей. Говоря о страданиях России и считая свою судьбу неотъемлемой частью судьбы покинутой Родины, русские поэты-эмигранты были едины в подвижническом служении Отечеству, жили мыслью о возвращении в Россию, когда она станет, по их представлениям, прежней великой державой.

3.4. Фрейм РОССИЯ — ИСТОРИЯ как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ИСТОРИЯ содержит широкий спектр объективируемых в дискурсе пропозитивных смыслов. Имена упоминаемых исторических личностей носят прецедентный характер и становятся ассоциативами тех важнейших для российской истории событий, участниками которых они являются, выступают имплицитными символами, воплощающими представления русского человека о доблести, славе, героизме, самоотверженном служении России. Интегральными актуализаторами семантемы, объективированной выражением *сыны Отечества*, становятся лексемы *легендарный, славный,* а также метафорические наименования: ***легендарный** Олегов поход, Куликовская битва* (О. С. «Верую»); *стремительный Российский флот; **немеркнущую славу** / Создал погибающий «Варяг»; Мы ль потомки **славного** «Варяга», / Мы ль Суворова, Пожарского сыны* (О. С. «Будущему русскому флоту»); *До высоких стен Цареграда / По Днепру ныряют ладьи; И уходят вглубь печенеги, / Чтоб не встретить Игоря рать; А на Волге с Каспия моря… / И несется «Сарынь на Кичку» / в тишине родных Жигулей* (О. С. «Паруса»); *И из пламени враждебного набега / Русь прошла дорогою **побед**: / **Побеждали** злого печенега / И не страшен был разбитый швед* (О. С. «Сергию Радонежскому») [Скопиченко, 1993]; *Аскольд и Дир, Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, царь Иван Грозный, взявший Казань, Ермак и Сибирь, Полтава, Суворов Нельзя страну с такой Историей / Ни задушить, ни зачеркнуть!* (М. К. «В броню закована»); *Взглянув на пройденные тропы, / Вспомянем прадедов сейчас: / Пол-Азии и пол-Европы / Отвоевали вы для нас!* (М. К. «Державное

знамя») [Колосова, 2011]. Продолжительность и историческая важность пройденного пути передаются с помощью парных предлогов с временным значением *от — до*: ***От*** *Руси кочевой,* ***от*** *метели — /* ***От*** *России мужичьей — ползли, / Миллионами жизней корпели, — /* ***До*** *Великой России дошли.* (М. К. «Москва на дозоре») [Там же]. В приведенных контекстах концептуализируется следующая пропозиция: «историческое предназначение России — быть великой державой, хранить славные традиции предков». Актуализируется пресуппозиция: необходимость самоотверженного служения Отечеству как следование многовековой русской традиции, передающейся из поколения в поколение. Этот же мотив наблюдаем в поэзии Лариссы Андерсен, для которой припрятанные у икон погоны отца — символ верности воинскому долгу и свидетельство любви к России [Ильина, 2024, с. 165].

3.5. Фрейм РОССИЯ — КУЛЬТУРА как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — КУЛЬТУРА репрезентируется широким спектром аллюзий, компонентами которых выступают образы из устного народного творчества, прецедентные имена известных писателей, художников, отдельных литературных персонажей: *Где* ***Алеша Попович*** *с* ***Микулою*** *встарь, / Перед битвой восходу молились; Бились лихо с татарами деды. / И как старый* ***Илья*** *проезжал по полям, / Как он меч свой зарыл после битвы, / Чтобы в трудные дни древнерусским князьям / Помогал он своею молитвой* (О. С. «Меч»); *Я увижу* ***русалок*** *на тихом Днепре* (О. С. Думы заветные»); *Кабы силу мне. Как* ***Бова-богатырь****, / Я б на грозных врагов налетела* (О. С. Дар Родине); *Там, на столе, в переплетах тисненых* ***Лермонтов, Пушкин и Блок****; сердцу ближе* ***Ларина Татьяна /*** *Или заученный на память* ***Ревизор****; Мою Великую, Духовную Россию* (О. С. «Дню русской культуры»); *Серебристый мазок на картине* ***Куинджи*** (О. С. «Сон маяков») [Скопиченко, 1993]; *Мой несравненный* ***Гумилев! Блок****, овеянный метелями, / Морозный, снежный, ледяной…* (М. К. «Встреча»); *Кисть* ***Верещагина*** *была, как меч разящий! / И в сердце* ***Бальмонта*** *шуршали камыши…* (М. К. «Музыка вечности»); ***Владимир Соловьев, Достоевский, Белинский, Пушкин, Гоголь, Гумилев*** (М. К. «Ночные зарницы») [Колосова, 2011]; *И если еще я храню Гумилева, / То Симонов стал мне гораздо родней* (Ю. К.-П. «Родина») [Крузенштерн-Петерец, 1946].

3.6. Фрейм РОССИЯ — ХРИСТИАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ХРИСТИАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНОСТЬ репрезентируется как самостоятельными произведениями,

в частности, «Св. княгиня Ольга», «Святой Серафим», «Сергию Радонежскому» Ольги Скопиченко, так и отдельными сентенциями, объективированными в разных произведениях. Обращаясь к известным святым и покровителям Земли Русской, О. Скопиченко подчеркивает их христианское усердие в подвиге молитвенного служения России. Данная пресуппозиция концептуализируется с помощью форм глаголов повелительного наклонения, означающих молитвенное прошение: ***Молятся*** *в ночи туманные* ***свято / Наши святые*** *за нас* («Св. княгиня Ольга») — святая княгиня Ольга, «светлый старик» Серафим, просящий Господа *«**Защити** мою Родину грешную, **Помоги** ей в муках, Христос»*, *«**Пожалей** мою Родину, Русь»;* Сергий Радонежский, обращаясь к которому лирическая героиня молит о помощи России: *Сергий, в пепле долгого пожара / Задохнулись русские поля, / И рабой склонилась от удара / Славная великая земля. Сергий, **встань**! **Приди** в страну родную / И **напомни** громы прежних сеч…* (О. С. «Сергию Радонежскому»)*; **благослови**, святой Георгий* (О. С. «Будущему русскому флоту») [Скопиченко, 1993]. Таким образом, сакральное, бывшее для русского человека духовной составляющей, оплотом его христианского мировидения, способствует репрезентации смыслового содержания исследуемого концепта на его периферийном уровне.

Авторские сентенции не менее информативны, поскольку через них раскрывается благоговейное и молитвенное отношение к России и ее горестной, в эмигрантском представлении, судьбе: *С **молитвой** о своей России, / Мы меряли за годом год* («Из Китая на острова») *И за граниты Петрограда, / И за Урал, и за Сибирь / **Молюсь***. (М. К.) [Колосова, 2011]; *Что ж могу я? Лишь **плакать**, да Бога **молить** / За отчизну свою дорогую* (О. С. Дар Родине); *Как **спасти** Русь Святую от рати лихой; богатырский завет: «**Люби** родину, веру святую»* (О. С. «Меч»); *Ты, Россия, красива в позоре* (О. С. «России»); *на сердце **печаль / о** русской бескрайной равнине, / о Волге, умчавшейся вдаль* (О. С. «Из прошлого»); *Матерь Божья, **пожалей** Россию!* (О. С. «Пожалей Россию») [Скопиченко, 1993]; *«**Служим** Богу и России!»* (М. К. «Братский пароль») [Колосова, 2011]; ***Научи** нас **надеяться**, **верить**! / **Уповать** на Тебя **помоги**!* (М. В. «Русь, в полях Твоих кроется сила») [Визи, 2005].

3.7. Фрейм РОССИЯ — ОСОБЫЙ МИР И САМОБЫТНОСТЬ как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ОСОБЫЙ МИР И САМОБЫТНОСТЬ представлен такими языковыми экспликаторами, как *загадочность, традиции старины, широта русской души, удаль, атрибуты русского быта*, которые актуализируют идею самобытности, то есть неповторимости, индивидуаль-

ности, уникальности. Здесь преобладают указательные и притяжательные местоимения, абстрактные существительные и оценочные прилагательные: ***Это смелые взмахи*** *славянской души, /* ***Это облик России любимой*** (О. С. «России»); *От Москвы — с* ***ее вечным уютом старинным****, / От* ***ее золотых куполов****, /* ***Так*** *и веет* ***задумчивой русской былиной****, / Отошедшей в* ***преданья веков*** (О. С. «Город камня») [Скопиченко, 1993]; *...не разгадана* ***эта загадка — / РоСИЯ!*** (М. К. «Крылом об решетку?»); ***Моей*** *душе! Россию надо! / Она зовет. И я иду…* (М. К. «Ответ на все»); *Россия! Слово* ***такое*** *простое, / Но* ***прекрасней****, чем все на свете слова!* (М. К. «В кольце врагов»); ***Мир особый наш*** *— Россия — расцветет* (М. К. «Мир особый») [Колосова, 2011]; ***Русь-царевна — снегурка ковровая****, / Стужа, ветер, да ели высокие — / Моей родины* ***стража суровая*** (О. С. «Снеговые тени стороны далекой»); ***Горечь сердца*** *смягчит* ***красный радостный звон****, / Да российская* ***песнь удалая*** (О. С. «России»); с ***песней русской, широкой, могучею*** (О. С. «Скоро»); *Россия... Россия... Звени перезвоном /* ***Далеких, степных бубенцов*** (О. С. «Россия») [Скопиченко, 1993]. Следовательно, согласно эмигрантскому самосознанию, национальная самобытность и сохранение российской системы духовных и культурных ценностей — главная задача каждого русского образованного человека вне зависимости от его местонахождения.

3.8. Фрейм РОССИЯ — ЛИЧНОСТНОЕ «Я» как способ структурной организации концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта

Фрейм РОССИЯ — ЛИЧНОСТНОЕ «Я» — компонент Я-образа. Это самый разнообразный по структуре, категоризации и контекстному наполнению фрейм. В нем можно выделить несколько наиболее важных субфреймов, через которые определяется самоидентификация личности поэта как неотъемлемой частицы России. Через субфреймы конкретизируется эмоционально-оценочное восприятие субъектом дискурса — поэтом-эмигрантом первой волны — себя самого и оставшегося в прошлом дорогого русского мира в целом, пропущенное через призму эмигрантского сознания, в котором на первое место выходит ощущение оторванности от Родины, одиночества, неприкаянности.

Субфрейм 1 «любовь vs. ненависть»: контрастное мировосприятие новой России, имплицитно и эксплицитно передающееся антонимическими парадигматическими отношениями: *люблю — ненавижу, живу — умру, плачу — радуюсь; любя, кляну; болею — жалею*, — наиболее характерная особенность субъективного «Я» каждого из рассмотренных авторов: *Ведь я,* ***любя, кляну****, /* ***Кляня тебя, душой с*** тобой ***болею****. / Великую, родимую страну /* ***Люблю и по-хорошему жалею****.* (М. К. «Ночные зарницы»); *В Рос-*

сии ***горько*** *стало жить, / А* ***без России мы … в пустыне****.* (М. К. «В пустыне»); ***Новую*** *Россию в* ***старых*** *книгах / Жадно и внимательно* ***ищу*** (М. К. «Тревога»); *Каждый* ***жулик, прохвост, идиот*** *— / Представитель* ***Великой России****!* (М. К. «Эмигрантка — красному») [Колосова, 2011]; *Ты б весь* ***сгорел от боли и стыда*** */ За ту Россию, что тебе казалась / Святой всегда* (М. В. «Пушкину») [Визи, 2005]. Субфрейм 2 «переживания»: контекстные ассоциативы, передающие физические и эмоциональные ощущения субъекта: *И слово «Россия» срывается* ***стоном / с*** *закушенных до крови губ* (О. С. Около часовни»); *Шесть кубиков и вот — / Весь смысл того, что годы выносили… / Все, чем* ***душа*** *пока еще* ***живет*** */ Так четко сложено из кубиков: Россия*. (О. С. «Одно слово») [Скопиченко, 1993]; ***Плачу*** *о надеждах разбитых / И* ***скорблю*** *за несчастную Русь* (М. К. «Ночи слезные…»); *...кровавой меткой /* ***На сердце выжжено*** *«Русь!»* (М. К. «Киргизы — предки»); ***Больно мне*** *за родной мой народ, / Перед кем он склонил свои выи?* (М. К. «Эмигрантка — красному») [Колосова, 2011]. Субфрейм 3 «одухотворенность»: размышления о России — духовная пища, без которой не может существовать русский человек, особенно на чужбине: *Да* ***будет, как воздух и хлеб и вода****, / Для русских Россия — Россией всегда!* (М. К. «Великая Россия»); *И в* ***сердце святыней родная Россия*** (М. К. «Братьям в жизни и смерти»); *Русь, о тебе вдали* ***тоскую****, / Любовью кровною* ***люблю****, / На веки вечные родную, / На веки вечные* ***мою****!;* ***Твое — мое и наше горе. / Твоя — моя — одна тоска****…* (М. К. «Неотрывная») [Колосова, 2011]. Субфрейм 4 «вера в будущность» разворачивается через тезис о том, что Россия была и останется Родиной героев — спасителей Отечества, воинов и правителей: *Россия* ***даст*** *еще* ***Суворова****, / И* ***даст*** *еще* ***Царя Петра****!* (М. К. «Не склоним голову!»); *С* ***именем Твоим я сильнее льва****! / с* ***именем Твоим смерти не боюсь****, — / Родина моя, мученица-Русь…* (М. К. «Что тебе дать?»); ***Берег мой — Россия!*** (М. К. «Берег мой?!»); ***За Русь святую мы умрем!*** (М. К. «Мушкетеры»); *О, Господи, пошли навеки мне, /* ***Чтоб не стояла «моя хата с краю»*** */ И сердце от России в стороне!* (М. К. «Хата с краю») [Колосова, 2011]. Субфрейм 5 «Россия — русские»: *В твоей душе пускай пылает /* ***Любовь к России дорогой*** (М. В «Скауту»); *Есть* ***для Русских единственный берег****, / Наша* ***тихая пристань*** *— Россия* (М. К. «Пристань»); *Все равно умом и сердцем, каждый день и каждый час / Мы в России. И упорно говорим мы:* ***«там, у нас»****…* (М. К. «Хуже смерти — это ждать…»); ***Наша святыня*** *— Россия!* (М. К. «Кто ты?») [Там же]; *Русь,* ***вдали мы Тебя вспоминаем, / Твое имя пресветлое чтим*** (М. В. «Русь, вдали мы тебя вспоминаем…») [Визи, 2005]. Субфрейм 6 «Россия — активное самостоятельное начало» реализует образ «персонифицированной сущности», к ее помощи обраща-

ются лирические героини: ***Встань из пепла**, Россия гонимая!* (М. К. «Буду с русскими»); *Русь неожиданную, Русь иную / Грядущее на крыльях принесет* (М. К. «Грядущий день») [Колосова, 2011]; *Русь, в полях Твоих **кроется сила** <…> **Научи** нас надеяться, верить, / Уповать на Тебя **помоги*** (М. В. «Русь, в полях Твоих кроется сила…») [Визи, 2005]; *Россия... Россия ... **Звени** перезвоном / Далеких, степных бубенцов. / **Промчись** между рытвин, канав и уклонов, / Но только **развей** силу снов* [О. С. «Россия»] [Скопиченко, 1994].

Следовательно, для ментальности эмигрантской субкультуры Россия — часть самого человека, его мира, его души. Все, что происходит в ее судьбе, значимо и для каждого из них, готовых подчеркнуть: «Россия — это я!».

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования контекстов с ключевым онимом *Россия* мы можем сделать следующие выводы: 1) концепт РОССИЯ разносторонне представлен в рассмотренном нами поэтическом наследии отдельных эмигрантов восточной ветви первой волны: в прямом значении, в инвариантах, в метафорических моделях; 2) ядром концепта РОССИЯ является ключевая одноименная лексема-репрезентант с различными семантико-синтаксическими сочетаемостными возможностями; 3) применительно к языковой картине мира изученных поэтических произведений концепт РОССИЯ структурируется с помощью: а) фреймов и субфреймов общеязыкового типа как кодификаторов энциклопедической информации конвенционального характера; б) фреймов и субфреймов как трансляторов индивидуально-авторской интерпретации мира и актуализаторов образной составляющей концепта, с помощью которых выстраивается структурированная система, раскрывающая функционирование концепта РОССИЯ в художественном дискурсе и маркирующая субъекта репрезентации как представителя русского этноса.

Средствами концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности в эмигрантском сознании являются лексемы с положительной и отрицательной коннотацией, репрезентирующие константу РОССИЯ и являющиеся чаще всего ретроспективной саморефлексией авторов, отражающей их индивидуальное мировосприятие.

Появление текстовых ценностных оппозиций с отрицательной коннотацией, представленных в анализируемых поэтических текстах, связано с самосознанием авторов, для которых были неприемлемы социально-политические изменения в любимой России: это отношение передано через соответствующие языковые маркеры. Интегральные компоненты когнитив-

ного, языкового, культурного и социального уровней едины для данного социолекта. Следует отметить акцентуацию ценностного элемента концепта и оригинальность окказиональных вербализаций концепта РОССИЯ, подвергнутого лингвопоэтической интерпретации. Выявленные когнитивные структуры репрезентируют общие закономерности развития духовной традиции русской эмигрантской поэзии и транслируют интенции языковой личности русского эмигранта как носителя русской ментальности, предопределяя ключевые компоненты модели мира эмигрантской субкультуры.

Если сравнить, как реализуется концепт РОССИЯ в творчестве Ларисы Андерсен, ранее рассмотренный нами, и в поэзии ее современниц-эмигранток, то можно заключить, что между ними много общего: это и амбивалентность образов, и мотив неприкаянности и утраты важного, дорогого сердцу русского человека прошлого духовного мира, существовавшего только на Родине, самоиндентификация личности с Россией как неотъемлемой частью Я-образа. Однако если у Л. Андерсен, М. Визи, Ю. Крузенштерн-Петерец данный концепт фрагментарен и в нем доминирует духовный модус, то у О. Скопиченко и особенно у М. Колосовой представлен достаточно широко и разносторонне, в нем превалируют социальные интенции, направленные на противостояние сложившимся в России политическим и жизненным обстоятельствам.

Абсолютной доминантой концепта РОССИЯ в миграционном дискурсе, как нам представляется, выступает фрейм РОССИЯ — ЭТО Я, концептуальные поля которого представлены субфреймами с многочисленными периферийными связями, передающими индивидуальный и коллективный опыт авторов.

Следовательно, рассмотренное нами функционирование концепта РОССИЯ в языковой картине мира эмигранта первой волны позволяет сделать вывод, что данный концепт представляет собой одну из моделей общенационального концепта во всей совокупности составляющих его универсальных и национально-культурных элементов, отражающих мировидение русского человека, даже оторванного от Родины.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Визи М. Г.* «A moongate in my wall : собрание стихотворений». — Торонто : Peter Lang Publishing, 2005. — 356 с.

2. *Колосова М.* Вспомнить, нельзя забыть [Электронный ресурс] / М. Колосова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. — Режим доступа : https://litlife.club/books/207232/read?ysclid=m8tw9tw59e834392955 (дата обращения 30.04.2025).

3. *Крузенштерн-Петерец Ю.* Стихи. Книга первая / Ю. Крузенштерн-Петерец. — Шанхай : [б. и.], 1946. — 82 с.

4. *Окороков А. В.* «Да святится же, Родина, имя твое!» Жизнь и творчество поэта русского зарубежья Ольги Скопиченко / А. В. Окороков. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 306 с. — ISBN 978-5-86443-465-9.

5. *Скопиченко О. А.* Рассказы и стихи / О. А. Скопиченко. — Сан-Франциско : [б. и.], 1993. — 316 с.

Литература

1. *Белоусова А. И.* Фреймовая модель как способ структурирования ономастического концепта «Россия» / А. И. Белоусова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 59—63.

2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20. — DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20.

3. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология : становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия РАН. — Серия литературы и языка. — 2007. — Т. 66. — № 2. — С. 13—22.

4. *Гордиенко Т. В.* Россия в творчестве поэтов второй волны русской эмиграции [Электронный ресурс] / Т. В. Гордиенко. — Режим доступа : https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=2053&ysclid=mcowa7z3dq136112746 (дата обращения 04.07.2025).

5. *Демонова Ю. М.* Концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики : структура и методика описания / Ю. М. Демонова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2023. — № 1. — С. 492—500.

6. *Егорова Е. А.* Концепт «РОССИЯ» в философской картине мира Н. А. Бердяева [Электронный ресурс] / Е. А. Егорова. — Режим доступа : http://www.albatranslating.ru/index.php/ru/articles/berdyaev.html (дата обращения 04.07.2025).

7. *Ильина Е. В.* Языковые средства вербализации социокультурного концепта РОССИЯ (на примере отдельных произведений Л. Н. Андерсен) / Е. В. Ильина // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1—2 (57). — С. 164—167.

8. *Карамова А. А.* Средства репрезентации концепта «Россия» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ президентских выборов 2018 г.) / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 32—39. — DOI: 10.26170/pl20-04-03.

9. *Карасик В. И.* Осмысление порядка в языковом сознании и коммуникативном поведении / В. И. Карасик, Э. А. Китанина // Язык и культура. — 2024. — № 68. — С. 44—65. — DOI: 10.17223/19996195/68/3.

10. *Облецова Е. В.* Репрезентация эмоционального концепта PASSION в английской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Облецова. — Иркутск, 2020. — 166 с.

11. *Орлова О. Г.* Актуализация концепта "Russia" ("Россия") в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника "Newsweek") : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Г. Орлова. — Волгоград, 2005. — 22 с.

12. *Осипова Т. А.* Вербализация концептов революция, Россия в художественных и публицистических текстах А. И. Солженицына / Т. А. Осипова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сборник научных статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. — Выпуск 8. — С. 212—215.

13. *Попова З. Д.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — 352 с. — ISBN 5-89395-236-9.

14. *Приходько А. И.* Фрейм как тип лексического концепта / А. И. Приходько // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2014. — № 16. — С. 110—113.

15. *Цурикова Л. В.* Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике / Л. В. Цурикова // Вестник ВГУ. — Серия 1. — Гуманитарные науки. — 2001. — № 2. — С. 128—157.

16. *Чурилина Л. Н.* Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта / Л. Н. Чурилина, Д. С. Бужинская // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 114—126.

17. *Юрьева И. А.* Концепт РОССИЯ как фрагмент русской национальной картины мира периода XX — начала XXI вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. А. Юрьева. — Челябинск, 2008. — 23 с.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 24.08.2025.

Material resources

Kolosova, M. (2011). *To remember, it is impossible to forget.* Barnaul: Altai House of Printing. Available at: https://litlife.club/books/207232/read?ysclid=m8tw9tw59e834392955 (accessed 30.04.2025). (In Russ.).

Krusenstern-Peterets, Yu. (1946). *Poems. The first book.* Shanghai: [b. i.]. 82 p. (In Russ.).

Okorokov, A. V. (2024). "*Hallowed be thy name, Motherland!" The life and work of the poet of the Russian diaspora Olga Skopichenko.* Moscow: Institute of Heritage. 306 p. ISBN 978-5-86443-465-9. (In Russ.).

Skopichenko, O. A. (1993). *Stories and poems.* San Francisco: [b. i.]. 316 p. (In Russ.).

Veasey, M. G. (2005). *"A moongate in my wall: A collection of poems".* Toronto: Peter Lang Publishing. 356 p. (In Russ.).

References

Belousova, A. I. (2010). The frame model as a way of structuring the onomastic concept of "Russia". *Bulletin of Cherepovets State University, 3:* 59—63. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive schemes of linguistic interpretation. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 10—20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20. (In Russ.).

Churilina, L. N., Buzhinskaya, D. S. (2019). RUSSIA Art Concept as National Concept Variant. *Nauchnyi dialog, 4:* 114—126. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126. (In Russ.).

Demonova, Yu. M. (2023). Concept as a key concept of cognitive linguistics: structure and methodology of description. *Bulletin of the Taganrog Chekhov Institute, 1:* 492—500. (In Russ.).

Egorova, E. A. *The concept of "RUSSIA" in the philosophical picture of the world by N. A. Berdyaev.* Available at: http://www.albatranslating.ru/index.php/ru/articles/berdyaev .html (accessed 07.04.2025). (In Russ.).

Gordienko, T. V. *Russia in the works of poets of the second wave of Russian emigration.* Available at: https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=2053&ysclid=mcowa7z3dq136112746 (accessed 07.04.2025). (In Russ.).

Ilyina, E. V. (2024). Linguistic means of verbalization of the socio-cultural concept of RUSSIA (on the example of individual works by L. N. Andersen). *Cognitive language research, 1—2 (57):* 164—167. (In Russ.).

Karamova, A. A. (2020). Means of representing the concept of "Russia" in the texts of political discourse (based on the material of the pre-election programs of the 2018 presidential elections). *Political Linguistics, 4 (82):* 32—39. DOI: 10.26170/pl20-04-03. (In Russ.).

Karasik, V. I., Kitanina, E. A. (2024). Understanding the order in linguistic consciousness and communicative behavior. *Language and culture, 68:* 44—65. DOI: 10.17223/19996195/68/3. (In Russ.).

Obletsova, E. V. (2020). *Representation of the emotional concept of PASSION in the English language worldview.* PhD Diss. Irkutsk. 166 p. (In Russ.).

Orlova, O. G. (2005). *Actualization of the concept of "Russia" in American journalism (on the example of the discourse of the weekly Newsweek).* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 22 p. (In Russ.).

Osipova, T. A. (2013). Verbalization of concepts revolution, Russia in artistic and journalistic texts by A. I. Solzhenitsyn. In: *Christian humanism and its traditions in Slavic culture: a collection of scientific articles, 8.* Gomel: F. Skorina State University. 212—215. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2005). The main features of the semantic and cognitive approach to language. In: *Anthology of concepts, 1.* Volgograd: Paradigma Publ. 352 p. ISBN 5-89395-236-9. (In Russ.).

Prikhodko, A. I. (2014). Frame as a type of lexical concept. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 16:* 110—113. (In Russ.).

Tsurikova, L. V. (2001). Problems of cognitive analysis of discourse in modern linguistics. *Bulletin of the VSU. Series 1. Humanities, 2:* 128—157. (In Russ.).

Vorkachev, S. G. (2007). Linguocultural conceptology: formation and prospects. *Izvestiya RAS. Series of literature and language, 66 (2):* 13—22. (In Russ.).

Yuryeva, I. A. (2008). *The concept of RUSSIA as a fragment of the Russian national worldview of the XX — early XXI centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 23 p. (In Russ.).

The article was submitted 05.05.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 24.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кошкарова Н. Н. Образ России в учебниках РКИ для индийских учащихся / Н. Н. Кошкарова, О. А. Солопова, С. Саини // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 47—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-47-67.

Koshkarova, N. N., Solopova, O. A., S. Saini. (2025). Image of Russia in Textbooks for Teaching Russian as a Foreign Language to Indian Students. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 47-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-47-67. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ России в учебниках РКИ для индийских учащихся

Кошкарова Наталья Николаевна [1]
orcid.org/0000-0001-8861-0353
доктор филологических наук, доцент,
кафедра «Международные отношения,
политология и регионоведение»,
корреспондирующий автор
studiumjuvenis@mail.ru

Солопова Ольга Александровна [1]
orcid.org/0000-0003-4170-7267
доктор филологических наук, профессор
кафедра «Лингвистика и перевод»
o-solopova@bk.ru

Саини Сону [2]
orcid.org/0000-0003-0781-6304
доцент Центра русских исследований
sonusaini@jnu.ac.in

[1] Южно-Уральский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

[2] Университет им. Джавахарлала Неру
(Нью-Дели, Индия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00049,
https://rscf.ru/project/24-18-00049/

Image of Russia in Textbooks for Teaching Russian as a Foreign Language to Indian Students

Natalya N. Koshkarova [1]
orcid.org/0000-0001-8861-0353
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of International Relations,
Political Science and Regional Studies,
corresponding author
studiumjuvenis@mail.ru

Olga A. Solopova [1]
orcid.org/0000-0003-4170-7267
Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Translation
o-solopova@bk.ru

Sonu Saini [2]
orcid.org/0000-0003-0781-6304
Associate Professor,
Center of Russian Studies
sonusaini@jnu.ac.in

[1] South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

[2] Jawaharlal Nehru University
(New Delhi, India)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00049,
https://rscf.ru/project/24-18-00049/

© Кошкарова Н. Н., Солопова О. А., Саини С., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель работы — выявление особенностей репрезентации российской цивилизационной и культурной идентичности в учебных материалах для индийских студентов. В ходе исследования определен лингвоимагологический потенциал учебника русского языка как иностранного (РКИ). Проанализированы программы, по которым проходит обучение РКИ в индийских образовательных учреждениях. Охарактеризованы учебники, которые служат материалом для изучения репрезентации образа России. Выявлены средства формирования образа России. Материалом послужили шесть учебников российских и индийских издательств, отобранных по критерию частотности использования в индийских вузах. Методологическая база включает лингвоимагологический и лингвоаксиологический методы, контент-анализ. Проведенный анализ дает возможность сделать вывод о том, что в учебниках формируется образ России как уникальной и самобытной культуры, прославившейся на весь мир благодаря плеяде известных личностей в различных областях профессиональной деятельности, уважающей и почитающей традиционные и современные праздники, стремящейся к интеграции в мировое образовательное пространство. Отмечается, что широкий репертуар средств формирования образа России дает возможность транслировать знания о стране изучаемого языка в зависимости от цели обучения и постепенно формировать полную картину знаний о российской действительности.

Ключевые слова:
русский как иностранный; учебник РКИ; образ России; Индия; имагология; БРИКС.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim is to examine the representation of Russian civilizational and cultural identity in educational materials designed for Indian students. The research explores the linguistic and imagological potential of Russian textbooks for foreigners. It analyzes the curricula adopted by Indian educational institutions offering courses in Russian language and culture. The study focuses on characterizing the textbooks used as primary sources for constructing Russia's image, identifying the specific strategies employed in shaping this representation. The sources comprise six textbooks produced by Russian and Indian publishing houses, selected for their prevalence in Indian university programs. Methodologically, the study draws upon linguistic imagology, linguistic axiology, and content analysis. The findings suggest that the textbooks portray Russia as a distinctive and original culture, globally recognized for its numerous eminent figures across diverse fields, a country that upholds both traditional and modern holidays while actively engaging with the international educational community. Furthermore, the study highlights that the diverse techniques used to shape Russia's image effectively convey knowledge about the country in line with educational objectives, gradually fostering a coherent and multifaceted perception of Russian society and reality.

Key words:
Russian as a Foreign Language; Textbook; Image of Russia; India; Imagology; BRICS.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42:371.671.11(540)
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-47-67

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Образ России в учебниках РКИ для индийских учащихся

© Кошкарова Н. Н., Солопова О. А., Саини С., 2025

1. Введение = Introduction

В современных общественно-политических реалиях учебник русского языка как иностранного (РКИ) является не только средством обучения иностранному языку, но и инструментом трансляции культуры. В глобальном смысле учебник формирует не просто языковую или культурную, а дискурсивную картину мира, реализующую триаду «сознание — язык — реальность». Будучи посредником между представителями разных культур, учебник РКИ обобщает и систематизирует иноязычное концептуальное содержание в различных формах через тематическое содержание, описываемое коммуникативное поведение в той или иной ситуации общения, значимые для носителей языка ценностные установки. Учебник РКИ как культурно маркированное пособие по изучаемому языку формирует представления об истории страны изучаемого языка, характере носителей другой культуры, принятых в иноязычной среде нормах, правилах, этикетных шаблонах. Важна в данном случае идеологическая и аксиологическая корректность в выстраивании содержания учебника, чтобы при знакомстве с другой культурой у студентов формировался соответствующий реальности образ страны изучаемого языка, а не гипертрофированные или упрощенные стереотипы.

В аспекте межкультурной коммуникации особую значимость приобретает изучение образа страны в ходе преподавания иностранного языка, так как от концептуально-аксиологических характеристик и принципов организации учебного материала зависит то, насколько реальны и объективны будут полученные в результате знания. Перспективным направлением представляется сравнительный анализ учебных материалов, используемых для преподавания русского языка как иностранного в странах БРИКС — межгосударственном объединении, в рамках которого ведущие мировые державы сотрудничают в различных областях, в том числе в образовательной сфере. Одним из основных приоритетов деятельности БРИКС является российско-индийское сотрудничество, что делает актуальной задачу

CC BY

анализа механизмов репрезентации образа России в процессе преподавания РКИ в Индии.

В индийской образовательной системе программы по русскому языку сохраняют устаревшую структуру, унаследованную со времен Советского Союза, что является причиной несоответствия международной системе уровней владения языком (A1–C2). В Индии оценка языковой компетенции осуществляется на основе внутренней номенклатуры, включающей несколько ступеней. В большинстве государственных и частных учебных заведений курсы русского языка предлагаются в двух форматах. Во-первых, это частичная форма обучения (дополнительная дисциплина) для широкого круга студентов, которые могут совмещать изучение русского языка с основной образовательной программой. Обучение структурировано по уровням:

— уровень 1 (2—3 месяца), или сертификат о знании языка (10—12 месяцев);

— уровень 2 (2—3 месяца), или диплом о знании языка (10—12 месяцев);

— уровень 3 (2—3 месяца), или продвинутый диплом о знании языка (10—12 месяцев).

Для зачисления на начальный уровень достаточно наличия школьного образования, знания русского языка не требуется. Переход на каждый последующий уровень возможен только после успешного завершения предыдущего.

Полная форма обучения русскому языку (основная образовательная программа) включает бакалавриат (3 года), магистратуру по направлениям: русский язык, литература, культура и переводоведение (2 года), докторантуру в области русистики (3 года). Докторантура доступна в ограниченном числе государственных вузов. Данная система применяется в преподавании русского языка на протяжении длительного периода и остается основным комплексом критериев оценки уровня владения языком.

Преподавание русского языка в Индии было введено в 1946 году в Университете Дели еще до обретения страной независимости. В настоящее время изучение русского языка осуществляется более чем в пятидесяти университетах и институтах Индии. Однако в большинстве учебных заведений до сих пор используются учебные пособия старого образца, созданные еще в советский период, что обусловлено дефицитом современных образовательных материалов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С учетом перечисленных выше обстоятельств цель настоящего исследования может быть сформулирована как выявление средств репрезентации

образа России в материалах по изучению русского языка как иностранного для индийских учащихся. Анализ репрезентации этого образа проводится в аспекте российской цивилизационной и культурной идентичности, что определяет спектр задач исследования: 1) определение лингводидактического потенциала учебника РКИ в аспекте имагологии как науки об изучении образа «другого»; 2) анализ программ, по которым проходит обучение РКИ в индийских образовательных учреждениях; 3) характеристика учебников и учебных пособий, которые служат материалом для изучения средств репрезентации образа России; 4) выявление и описание лингвоимагологических средств формирования образа России; 5) характеристика межкультурной направленности учебников РКИ для индийских учащихся. Реализация данных задач предусматривает описание совокупности средств формирования образа России на материале всех использованных учебников и учебных пособий, а не в каждом отдельном учебном материале, так как именно такой подход даст возможность получить более объективную лингвоимагологическую картину взаимодействия двух самобытных культур.

С целью изучения репрезентации образа России в учебниках РКИ для индийских учащихся использовались лингвоимагологический и лингвоаксиологический методы, а также контент-анализ. Лингвоимагологический метод позволяет изучить и описать средства конструирования образа страны в учебниках и учебных пособиях. Лингвоаксиологический метод предоставляет возможность интерпретировать полученные данные на фоне широкого экстралингвистического контекста, а также с точки зрения транслируемых и формируемых у студентов ценностей и антиценностей. При помощи метода контент-анализа выявлены и описаны лексические и тематические средства репрезентации образа России, а также сделан акцент на стереотипизации этого образа с точки зрения аксиологической нагруженности.

2.1. Характеристика использованных учебников и учебных пособий

В качестве источников материала для изучения средств репрезентации образа России выбраны учебники и учебные пособия, которые используются в большинстве образовательных учреждений Индии: Алексеев В. А., Алексеева Н. И., Румянцева Н. М. Интенсивный курс русского языка. Месяц в Москве [Алексеев и др., 1994]; Вагнер В. Н., Овсиенко Ю. Г. Учебник русского языка для лиц, говорящих на английском языке [Вагнер и др., 2023]; Тинякова Е. А. Учебник русского языка для индийцев через посредство английского языка [Тинякова, 2025]; Maurya A., Zhilina O. New (Audio-Enabled) Essential Russian [Maurya, 2021]; Roitberg N. V. Rush into Russian: Basic Russian with Illustrations [Roitberg, 2019]; Pande H. Ch. Russian for

Indians [Pande, 2023]. Как видно из приведенного списка, в фокусе нашего интереса находятся учебники и учебные пособия, изданные как в России, так и в Индии, что обусловлено рядом причин. Во-первых, из-за спада интереса к русскому языку в Индии в 90-е годы XX века в стране ощущался дефицит качественных изданий для обучения РКИ, следовательно, преподаватели были вынуждены использовать учебники, предназначенные для англоговорящих студентов. Во-вторых, выбор в качестве материала для анализа учебников, изданных на английском, обусловлен объективными факторами, так как этот язык является одним из государственных в Индии, и педагогический опыт одного из авторов исследования свидетельствует о востребованности таких изданий в стране.

Представим краткую характеристику использованных учебников и учебных пособий. Учебное пособие «Интенсивный курс русского языка. Месяц в Москве» [Алексеев и др., 1994] предназначено для англоговорящих индийских учащихся, начинающих изучать русский язык. Курс рассчитан на 120—150 часов занятий и включает 600 лексических единиц. В учебнике представлены разделы по фонетике, орфографии и базовой грамматике. Тематика уроков связана с жизнью студенческой молодежи в Москве. Каждый из 21 урока содержит полилог с параллельным переводом на английский язык, лексику, грамматические комментарии на английском языке, практические упражнения и страноведческую информацию.

«Учебник русского языка для лиц, говорящих на английском языке» [Вагнер и др., 2023] предназначен для студентов и аспирантов. Его основная цель заключается в формировании компетенций, необходимых для усвоения вузовских курсов на русском языке и работы с научной литературой. Методической основой выступает сопоставительный анализ русской и английской языковых систем, что позволяет целенаправленно преодолевать интерференционные трудности. Предложенные 62 урока обеспечивают комплексное освоение фонетики, лексики и грамматики с акцентом на развитии коммуникативных навыков в бытовой и общественно-политической сферах. Система упражнений направлена на поэтапное закрепление навыков, включая подготовку к академическим видам деятельности (конспектированию, анализу текстов и т. д.). Данный учебник представляет собой переработанную версию, подготовленную по инициативе издательства «People's Publishing House» коллективом ведущих специалистов Центра российских исследований под руководством Х. Ч. Пандея, одним из редакторов выступил С. Саини. В переработанном издании актуализирована политико-географическая информация о России, заменены устаревшие текстовые материалы. При этом концептуальная основа и методический аппарат издания остались без существенных изменений.

«Учебник русского языка для индийцев через посредство английского языка» [Тинякова, 2025] включает 4 раздела, направленные на освоение русского языка с помощью интеграции традиционных аспектов обучения языку (фонетики, лексики, грамматики, письма) и культурологического контекста, включающего географию, историю, литературу и искусство. Лингвокультурологические тексты сопровождаются переводом, тематические — списком слов в начальной форме для самостоятельного изучения.

«New (Audio-Enabled) Essential Russian» [Maurya, 2021] представляет собой переработанное издание, которое в течение нескольких лет эффективно использовалось в преподавании русского языка на интенсивных курсах и в рамках магистерских программ по специальностям, связанным с преподаванием русского языка и переводоведением. Пособие включает 31 урок, организованный по единому структурному принципу, включающему грамматический материал, тексты, диалоги, лексико-грамматические упражнения, комментарии, иллюстративный материал. Отличительной особенностью пособия является его мультимедийное сопровождение, в разработку которого значительный вклад внес С. Саини, создав методическую систему интеграции аудиоматериалов с помощью QR-кодов для каждого урока.

Пособие «Rush into Russian: Basic Russian with Illustrations» [Roitberg, 2019] представляет собой начальный курс русского языка для англоговорящих студентов. Учебник сочетает в себе изложение теории и практики и ориентирован на формирование коммуникативных компетенций. Учебник состоит из 16 разделов, каждый из которых включает упражнения по орфографии, фонетике, лексике, грамматике, развитию навыков чтения, письма и говорения, которые сопровождаются иллюстративным материалом. В разделы включены идиоматические выражения и тексты, знакомящие изучающих язык с русской культурой.

Следующий учебник — «Russian for Indians» [Pande, 2023], предназначенный для начального уровня обучения взрослых, — состоит из 25 уроков. Первые пять уроков знакомят с русской орфографией, фонетикой и необходимым лексическим минимумом; каждый из последующих включает грамматический материал с упражнениями для закрепления, тексты, диалоги, идиоматические выражения, блок лексико-грамматических упражнений, список семантизированных в уроке лексических единиц, особенности спряжения глаголов. В качестве вспомогательных учебных ресурсов предлагаются тексты и стихотворные произведения; в приложениях представлены 1500 русско-английских и англо-русских словарных статей и сводный список глаголов с указанием особенностей спряжения. Принцип организации учебного материала — «от грамматики к коммуникации» — традиционен для методики преподавания русского языка в Индии.

CC BY

Все шесть пособий могут быть использованы как для аудиторных занятий, так и для самостоятельного изучения русского языка.

2.2. Учебник РКИ в аспекте лингводидактической имагологии

Изучение образа страны, культуры, этноса в его рецепции представителями другого национального сообщества — одна из задач имагологии, которая на начальных этапах своего зарождения интерпретировалась как литературоведческая дисциплина, но затем произошла экспансия имагологических методов на смежные отрасли знания — культурологию, политологию, лингвистику и мн. др.; об этом см., например: [Кублицкая, 2024]. Образ как единица методики преподавания иностранных языков изучается и описывается в рамках лингводидактической имагологии, которая направлена на анализ стратегий и тактик репрезентации образа России в учебниках как русского, так и иностранного языков [Еремина, 2019а, Пирожкова, 2019]. Несмотря на тот факт, что ученые стали говорить о лингводидактической имагологии относительно недавно, первые рукописные учебники РКИ появились в XVI—XVII веках и отражали «диалектический, а не одномерно отрицательный образ Руси / России» [Милославская, 2012, с. 327]. В конце XVII — начале XVIII веков был создан ряд учебников русского языка для иностранцев, «включавших стилистически неоднородный языковой материал и отражавших разные методические концепции» [Власов и др., 2014, с. 124]. Рост мирового признания русской литературы во второй половине XIX века — начале XX веков оказал значительное влияние на интерес к русскому языку в Европе. Однако наибольших успехов в преподавании русского языка как иностранного и формировании образа государства добилась советская методика РКИ.

Советская методика преподавания русского языка как иностранного и российская теория и практика РКИ в качестве продолжательницы этих традиций при выборе учебника признают основополагающим системно-деятельностный подход, основными критериями которого выступают: целенаправленность, функциональность, культурологическая актуальность и адекватность, адаптивность, мотивация и стимулирование учебной деятельности учащихся [Бердичевский и др., 2015; Гусейнова и др., 2023]. В эпоху глобализации и унификации культур наиболее важным критерием выступает функция учебника РКИ транслировать информацию о России и формировать образ страны в сознании иностранных студентов.

Лингвоимагологический потенциал учебников РКИ проанализирован и представлен учеными в ряде публикаций. Данные исследования можно разделить на две группы. В первую группу входят работы, в которых ученые анализируют образ России безотносительно языкового и культурного опыта изучающих русский язык [Кольовска и др., 2022; Мякшева и др.,

2023; Стрельчук и др., 2022]. Во вторую группу входят публикации, в которых авторы в качестве материала для изучения образа России используют учебники, изданные в определенной стране и (или) предназначенные для носителей той или иной культуры: Болгарии [Дзюба, 2019]; Италии [Торрезин, 2024]; Китая [Веснина, 2019; Кирилова, 2019; Мукушев, 2021]; США [Зенкевич, 2025]; для испаноговорящих студентов [Кошкарова и др., 2022]; франкоговорящих студентов [Ерёмина, 2019б]; португалоговорящих студентов [Кошкарова и др., 2024].

Как видно из приведенного списка, учебные материалы для индийских учащихся, осваивающих русский язык как иностранный, пока не попадали в орбиту научных интересов ученых. При этом при поддержке Россотрудничества в Индии действуют пять Русских домов: в Нью-Дели, Калькутте, Мумбаи, Тривандруме и Ченнаи. Одним из важных направлений деятельности этих домов является изучение и продвижение русского языка и русской культуры. С развитием индийско-российских контактов, в том числе в рамках объединения БРИКС, растет и интерес к изучению русского языка. В России с 2017 года действует проект «Российский учитель за рубежом», в рамках которого российские учителя обучают индийских школьников русскому языку, выполняя при этом важную социальную миссию — формирование образа страны через знакомство с богатым культурно-историческим наследием.

3. Результаты исследования = Results and Discussion

Характерной чертой анализируемых изданий является сочетание лексико-грамматического и коммуникативного методов в обучении РКИ, что способствует как освоению четырех видов речевой деятельности (чтения, говорения, аудирования, письма), так и созданию языковой ситуации на занятиях при помощи условно-речевых и речевых упражнений, а также введению страноведческого материала. При этом необходимо отметить, что во всех проанализированных учебных материалах лингвострановедческий материал вводится не в виде отдельных тем и (или) уроков, а сопровождает фонетические и грамматические сведения об изучаемом языке. Лингвокультурная плотность всех учебных пособий находится в прямой зависимости от национальной принадлежности автора учебника: в учебных материалах, написанных русскоязычными авторами, сохраняется баланс между инокультурной информацией (в данном случае о России как стране изучаемого языка) и автохтонными реалиями. Так, например, в учебнике «Russian for Indians» [Pande, 2023], принадлежащем перу известного ученого и лингвиста Х. Ч. Панде, большинство текстов и упражнений включают сведения о природе, истории, известных людях Индии: индийском климате,

крупных городах Индии (Дели, Мумбаи, Канпур), политиках (Ранджендра Прасад, Махатма Ганди). Герои текстов из указанного учебного пособия носят преимущественно индийские имена: Рам, Прамод, Анураг, Ашок, Анила, Урмила.

Однако указанный учебник, равно как и все другие проанализированные материалы, лишен лингвострановедческого редукционизма, при котором одна культура и (или) какие-то стороны культуры освещаются больше в ущерб информации подобного характера о других странах и (или) аспектах их жизни. К наиболее эффективным средствам формирования образа России в учебных материалах относятся представленные ниже единицы.

3.1. Культурно-маркированные лексические единицы в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Вопрос о статусе культурно-маркированной лексики остается до сих пор не до конца решенным в лингвистике: для обозначения подобных единиц используется широкий арсенал терминов — *реалии, лакуны, безэквивалентная лексика, экзотизмы, варваризмы, ксенолексика* и др. Полагаем, что для цели нашего исследования наиболее релевантным является именно термин *культурно-маркированные лексические единицы*, так как соответствующее понятие включает денотативный и культурный компоненты, важные для формирования как лексических навыков, так и образа страны изучаемого языка. К таким лексическим единицам в проанализированных учебниках относятся следующие слова: *икра, водка, борщ, колбаса Московская, храм, гречневая каша, крестьянин, матроска, каторга* и др. Как видно из приведенного списка, такие культурно-маркированные лексические единицы знакомят студентов с национальной русской кухней, культовыми православными учреждениями, фактами из истории государства, что способствует формированию и трансляции образа России как страны с самобытной культурой и традициями.

3.2. Государственные символы РФ, информация о руководителе российского государства, о России в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Государственная символика в любой стране является инструментом олицетворения ее национального суверенитета и самобытности, обладает мощным идеологическим и аксиологическим потенциалом. В этом ракурсе знакомство с государственными символами страны изучаемого языка (герб, флаг, гимн) позволяет не только овладеть фонетическими, лексическими и грамматическими навыками, но и воспитать в студентах чувство уважения к другой культуре. Такая работа особенно важна при работе с индийской аудиторией, так как Россия и Индия — это государства, которые отличает уникальная цивилизационная и культурная идентичность. Страны

CC BY

связаны многолетним стратегическим партнерством, ведущая роль в котором принадлежит президенту России В. В. Путину и премьер-министру Индии Н. Моди. Включение в учебник РКИ информации о лидере российского государства с одновременным визуальным сопровождением играет важную лингвоимагологическую роль при формировании образа России. В «Учебнике русского языка для индийцев через посредство английского языка» дается информация об административном устройстве, этническом и демографическом составе страны [Тинякова, 2025, с. 167—182]. Информация такого рода играет ключевую роль в формировании образа России, так как знакомит иностранных студентов с географическим, языковым и культурным богатством, которым владеет государство.

3.3. Лингвокультурные топонимы в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Характерной чертой топонимов, присутствующих в анализируемых учебниках и учебных пособиях, является то, что они формируют в сознании студентов образ России через представление ономастического пространства на примере не только столичных, но и других российских городов: *Москва, Санкт-Петербург, Тула, Владивосток, Новосибирск, Волгоград, Казань, Астрахань, Иркутск, Нижний Новгород, Калининград, Владимир* и др.

Приведем пример диалога из учебного пособия «Интенсивный курс русского языка. Месяц в Москве»:

— Вы зна́ете, где нахо́дится Санкт-Петербу́рг?

— Да, зна́ю. Санкт-Петербу́рг нахо́дится на северо-за́паде страны́.

— А Оде́сса?

— Оде́сса нахо́дится на ю́ге.

— А како́й го́род нахо́дится на восто́ке Росси́и?

— На восто́ке страны́ нахо́дится го́род Владивосто́к.

— А где нахо́дится го́род Влади́мир?

— Го́род Влади́мир нахо́дится в це́нтре Росси́и [Алексеев и др., 1994, с. 51].

Как видно из приведенного фрагмента, студенты знакомятся с городами, которые находятся в различных географических широтах страны, что создает лингвокультурный ореол, «который, не обладая лингвистической природой, тем не менее, влияет на процессы использования и понимания имени» [Голомидова, 1998, с. 23]. Единицы, образующие российский топонимический ландшафт, который репрезентирован в анализируемых учебниках, имеют в структуре своего значения лингвокультурологические и исторические коннотации, а названия некоторых городов выступают в роли своеобразных идеологем, когда топоним становится не просто

средством номинации географического объекта, а символом страны, эпохи, определенного исторического периода.

3.4. Достопримечательности в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Включение в содержание учебника РКИ названий достопримечательностей, благодаря которым Россия известна во всем мире, дает возможность студентам погрузиться в новую реальность, узнать о социокультурном многообразии страны изучаемого языка, сформировать иноязычную картину мира. В анализируемом материале находим следующие примеры: *Красная площадь, Кремль, Арбат, Исторический музей, Большой театр, МГУ, РУДН, музей «Бородинская панорама», Третьяковская галерея, музей Пушкина, РГБ*, *кинотеатр «Октябрь», станция метро «Парк культуры»* и др. Как видно из приведенного списка, образ России в сознании иностранных студентов формируется с помощью не только хорошо известных и знаковых достопримечательностей (Красная площадь, Кремль), но и тех, о которых порой не знают и русскоязычные студенты (РГБ, музей им. А. С. Пушкина). Такое широкое представление в учебниках названий культурно и исторически значимых мест помогает сформировать лингвострановедческую компетенцию студентов и транслировать образ России как страны с богатыми историческими, культурными и образовательными традициями. Приведем пример из учебника «New (Audio-Enabled) Essential Russian»:

Куда́ пойти́?

— Куда́ мы пойдём сего́дня?

— Э́то ну́жно реши́ть. Вы лу́чше зна́ете го́род, чем я.

— Дава́йте пойдём в музе́й «Бороди́нская панора́ма». И́ли вы предпочита́ете пойти́ в Третьяко́вскую галере́ю? Я бы с удово́льствием съе́здил с ва́ми в музе́й и́мени Пу́шкина.

— Ну что ж, съе́здим в музе́й Пу́шкина, а пото́м пойдём в зоопа́рк.

— Но мы уже́ ходи́ли туда́!

— Я ещё раз хочу́ пойти́ туда́. Люблю́ смотре́ть на звере́й. На чём мы пое́дем?

— Пое́дем на такси́, чтобы успе́ть прие́хать домо́й к обе́ду [Maurya, 2021, с. 294].

3.5. Русские писатели и их произведения в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Восприятие русских писателей и их произведений иностранными студентами всегда детерминировано национальными особенностями той аудитории, в которой транслируется информация подобного характера. Составитель учебника РКИ и преподаватель русского языка как иностранного

должны уметь формировать список писателей для изучения их творчества, отбирать аутентичные тексты в соответствии с уровнем владения русским языком, прогнозировать возможные трудности при изучении русской литературы иноязычной аудиторией. Характерной особенностью проанализированных учебных материалов является то, что они формируют образ России посредством не только классиков русской литературы: *М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. А. Ахматова*, — но и писателей советского периода: *К. Г. Паустовский, В. Г. Короленко, А. М. Горький, М. В. Булгаков, Б. Л. Пастернак, В. Г. Распутин, Н. К. Чуковский* и др. Такой широкий спектр литературного наследия страны дает возможность преодолеть стереотип о расцвете русской литературы в XVIII—XIX веках и некотором упадке в советский период. В учебнике «New (Audio-Enabled) Essential Russian» для индийских учащихся размещен рассказ К. Г. Паустовского «Симферопольский скорый», написанный в жанре соцреализма [Maurya, 2021, с. 399—400]. В этом же учебнике находим фрагмент повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант» [Maurya, 2021, с. 418—420], которая играет важную роль и в формировании образа русской женщины через описание одной из героинь повести — Эвелины — белокурой подруги главного героя, готовой пойти на жертвы. В проанализированных материалах реализуется не только лингвострановедческий, но и регионоведческий компонент, например, на материалах «Учебника русского языка для индийцев через посредство английского языка» [Тинякова, 2025] студенты знакомятся с творчеством челябинской поэтессы Н. В. Пикулевой.

3.6. Известные личности России в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Информация об известных личностях — как современности, так и далекого прошлого — обладает мощным лингвоимагологическим потенциалом, так как формирует в сознании иностранных студентов не абстрактный образ страны изучаемого языка, а делает его более персонализированным и воплощенным в рассказах о жизни конкретных исторических персонажей. Так, обращает на себя внимание тот факт, что в учебнике «New (Audio-Enabled) Essential Russian» дается текст о деятеле русского революционного движения *Н. А. Морозове*, который не очень хорошо известен даже российскому читателю [Maurya, 2021, с. 367—369]. Кроме того, в проанализированных учебных материалах содержится информация о следующих известных деятелях: *Кирилл и Мефодий, Иван Грозный, Ю. А. Гагарин, М. С. Горбачев*. В «Учебнике русского языка для индийцев через посредство английского языка» находим информацию о русском ботанике и этнографе *С. П. Крашенинникове*, выдающемся русском химике

и геологе *В. М. Севергине*, математиках *Н. И. Лобачевском, П. Л. Чебышеве, С. В. Ковалевской, Г. Я. Перельмане*, физиках *М. В. Остроградском, А. Г. Столетове, А. С. Попове, Н. Н. Семенове, П. Л. Капице, П. А. Черенкове, Л. Д. Ландау, А. М. Прохорове, Ж. И. Алферове*, химике *Д. И. Менделееве*, физиологах *И. П. Павлове, И. М. Сеченове, И. И. Мечникове, А. А. Ухтомском*, хирургах *Н. И. Пирогове, Н. В. Склифосовском, С. П. Боткине, С. Н. Федорове,* основоположниках космонавтики *К. Э. Циолковском* и *С. П. Королеве*, изобретателях *П. Н. Яблочкове, А. Н. Ладыгине, А. Ф. Можайском, А. М. Бутлерове, В. К. Зворыкине, М. Т. Калашникове*, биологе *А. И. Опарине*, ученом-генетике *Н. И. Вавилове*, авиаконструкторах *А. Н. Туполеве* и *И. И. Сикорском*, физиках-ядерщиках *И. В. Курчатове* и *А. Д. Сахарове*, экономисте *Л. В. Канторовиче*, основоположнике квантовой электроники *Н. Г. Басове* [Тинякова, 2025, с 188—217]. Как видно из этого обширного списка, студенты знакомятся с выдающимися учеными государства, которые внесли вклад в развитие различных областей науки в разные периоды истории России. Такая галерея научных портретов формирует в сознании носителей другой культуры образ России как страны, богатой талантливыми и сильными личностями, которые подарили миру десятки тысяч изобретений.

3.7. Национальные праздники России в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Лингвоимагологический потенциал изучения праздников России в курсе РКИ заключается в сочетании рационального и эмоционального компонентов, так как студенты знакомятся с историей знаменательных дат, речевым и поведенческим этикетом, а также проецируют информацию о праздниках страны изучаемого языка на собственный культурный опыт. В проанализированных материалах дается информация как о международных праздниках, отмечаемых в России (например, 8 Марта), так и о национальных праздниках государства (День Победы, День независимости России, День знаний и др.). Наиболее подробная информация о праздниках, в том числе и профессиональных, представлена в «Учебнике русского языка для индийцев через посредство английского языка», например: *11 января — День заповедников, 15 февраля — День памяти воинов-интернационалистов, 12 марта — День работников уголовно-исполнительной системы Минюста России, 20 апреля —Национальный день донора, 7 мая — День создания вооруженных сил России, 6 июня — Пушкинский день России, 3 июля — День работников государственной автодорожной инспекции, 2 августа — День Воздушно-десантных войск, 3 сентября — День победы над милитаристической Японией во Второй мировой войне, 30 октября — День памяти жертв политических репрессий, 19 ноября —*

День преподавателя высшей школы, 3 декабря — День юриста [Тинякова, 2025, с. 182—187]. Такая детальная информация обо всех праздниках формирует образ России как государства, которое чтит свои традиции, отдает дань уважения представителям различных профессий, успешно интегрируясь в международное лингвокультурное пространство. В текстах, посвященных российским знаменательным датам, делается акцент на противопоставлении государственных и личных праздников — к последним, например, можно отнести Новый год.

3.8. Прецедентные феномены в учебных пособиях РКИ для индийских учащихся

Прецедентные феномены в силу их большей узнаваемости представителями автохтонной культуры являются наиболее многогранным инструментом формирования образа России в сознании иностранных студентов. Декодирование страноведческой информации, стоящей за каждым прецедентным феноменом, требует дополнительных фоновых знаний от иностранных студентов, так как, по справедливому замечанию Г. Г. Слышкина, прецедентный текст любой протяженности характеризуется «цельностью и связностью, это последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000, с. 29]. Для инофонов прецедентные феномены могут представлять определенную трудность при распознавании, так как они часто связаны с лингвокультурологическими реалиями, историческими событиями, культурными фактами, о которых изучающий иностранный язык может не знать или не быть способным актуализировать имеющиеся знания в конкретной ситуации. Одновременно с этим прецедентные феномены являются эффективным инструментом создания образа страны, так как позволяют соотнести реальные факты с понятийно-логическими структурами, формируемыми на уроках РКИ.

Прецедентные феномены в проанализированных материалах представлены следующими группами: прецедентные герои (например, *Чебурашка, Винни-Пух*); прецедентные высказывания (например, *Никто не забыт — ничто не забыто*; пословицы и поговорки, например, *Поспешишь — людей насмешишь*); прецедентные тексты (песни, например, *Маленькой елочке холодно зимой*; названия кинофильмов, например, *Чистое небо, Коммунист*; названия газет, например, *Правда, Известия*); прецедентные ситуации (факты из истории страны, например, *блокада Ленинграда*; народные приметы, например, *легенда о несчастливом числе 13*). В проанализированных материалах находим случаи трансформации прецедентных феноменов, например, в учебнике «New (Audio-Enabled) Essential Russian» [Maurya 2021] представлен измененный в соответствии с задачами обуче-

ния большевистский агитационный плакат «Ты записался добровольцем?» (рис.).

Рис. Фрагмент учебника
«New (Audio-Enabled) Essential Russian» [Maurya, 2021, с. 119]

Таким образом, прецедентные феномены, являясь ключевыми текстами русскоязычной культуры в широком понимании слова *текст*, обращены к истории и сегодняшнему дню, а в итоге формируют, транслируют и закрепляют в сознании иностранных студентов образ России. Прецедентные феномены сочетают в себе понятийные, образные и символические характеристики, что способствует реализации лингвоимагологической функции. Рецепция образа страны изучаемого языка зависит от системы норм и ценностей, которые исповедуются в принимающей культуре.

4. Заключение = Conclusions

В результате анализа средств репрезентации образа России в учебниках РКИ для индийских учащихся мы можем сделать вывод о том, что лингвоимагологическая функция представленных материалов реализуется через культурно-маркированные лексические единицы; информацию о государственных символах, административном устройстве, этническом и демографическом составе; лингвокультурные топонимы; факты о достопримечательностях России; знакомство с русскими писателями и их произведениями; описание вклада известных личностей в развитие науки и техники; лингвострановедческую информацию о национальных праздниках; прецедентные феномены. Не вызывает сомнения тот факт, что не все из перечисленных средств формирования образа России в равной степени представлены в проанализированных учебниках и учебных пособиях —

выраженность лингвоимагологического акцента зависит от цели, которую ставит перед собой автор пособия; от уровня обучения, для которого предназначен материал; от года издания и множества других факторов. Некоторая ограниченность в плане развернутого перечня средств формирования образа России того или иного учебника может одновременно рассматриваться как достоинство: преподаватель РКИ в таком случае вправе использовать в учебном процессе не один, а несколько учебников с целью формирования более полной картины представлений о России в сознании индийских учащихся. Такой дидактический императив решает и еще одну проблему, с которой сталкиваются учителя РКИ, — моральное устаревание учебников, когда их содержание не позволяет формировать психологически реальный образ страны изучаемого языка.

Проведение анализа образа России в учебниках РКИ для индийских учащихся согласно предложенному в статье алгоритму позволяет прийти к выводу о том, что все перечисленные средства в учебниках РКИ отражают иностранный мир и культуру, что созвучно положениям лингводидактической имагологии, направленной на изучение формирования и трансляции образа страны изучаемого языка. Характерной чертой проанализированных учебных материалов является их поликультурный характер, так как студенты не только знакомятся с богатым наследием Индии и России, но и узнают о других странах (Индонезии, Кубе, Узбекистане, Америке, Греции и др.). Каждый урок РКИ предоставляет в таком случае отличную возможность для развития навыков межкультурной коммуникации, что позволяет оптимизировать процесс обучения, преодолеть различия в системе норм и ценностей, что является основой формирования стереотипов, расширить спектр репрезентации образа «чужого». К возможным перспективам исследования мы относим сравнение механизмов формирования образа России в рассмотренных пособиях РКИ для индийцев, а также учебников, по которым ведется обучение в других странах, входящих в межгосударственное объединение БРИКС.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Алексеев В.А.* Интенсивный курс русского языка. Месяц в Москве : Учеб. пособие / В. А. Алексеев, Н. И. Алексеева, Н. М. Румянцева. — Москва : Изд-во РУДН, 1994. — 160 с. — ISBN 5-209-00502-X.

2. *Бердичевский А. Л.* Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного / А. Л. Бердичевский, А. В. Голубева. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — 140 с. — ISBN 978-5-86547-843-0.

3. *Вагнер В. Н.* Учебник русского языка для лиц, говорящих на английском языке / В. Н. Вагнер, Ю. Г. Овсиенко. — New Delhi : People's Publishing House Private Limited, 2023. — 502 с. — ISBN 978-93-9557-01-6.

4. *Веснина Л. Е.* Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному : аксиологический аспект / Л. Е. Веснина, И. В. Кирилова // Филологический класс. — 2019. — № 1 (55). — С. 83—88. — DOI: 10.26170/FK19-01-1.

5. *Власов С. В.* Учебники русского языка для иностранцев конца XVII — начала XVIII века : их адресат и лингвометодические основы / С. В. Власов, Л. В. Московкин // Проблемы современного образования. — 2014. — № 6. — С. 119—127.

6. *Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : УрГПУ, 1998. — 232 с. — ISBN 5-7186-0338-3.

7. *Гусейнова Т. В.* Об особенностях структуры и содержания школьных учебников русского языка в Таджикистане и Узбекистане / Т. В. Гусейнова, З. Х. Расулова // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. — 2023. — № 8. — С. 77—87.

8. *Дзюба Е.В.* Образ России в болгарских учебниках по русскому языку как иностранному / Е. В. Дзюба // Педагогическое образование в России. — 2019. — № 6. — С. 58—69. — DOI: 10.26170/po19-06-07.

9. *Ерёмина С. А.* Стратегии презентации образа России в учебниках русского языка для стран Западной Европы / С. А. Еремина // Образ России в международном образовательном дискурсе : лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты. — Екатеринбург : УрГПУ, 2019. — С. 102—130. — ISBN 978-5-7186-1243-1.

10. *Ерёмина С. А.* Специфика презентации образа России в учебниках русского языка как иностранного для франкофонов / С. А. Еремина // Филологический класс. — 2019. — № 3 (57). — С. 86—94. — DOI: 10.26170/FK19-03-12.

11. *Зенкевич И. В.* Образ России в учебниках русского языка для американцев : на примере лексики семантического поля «Природно-географическая среда» / И. В. Зенкевич // Язык и текст. — 2025. — Т. 12. — № 1. — С. 23—35. — DOI: 10.17759/langt.2025120103.

12. *Кирилова И. В.* Образ России в китайских учебниках по русскому языку как иностранному / И. В. Кирилова // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом. — Екатеринбург : УрГПУ, 2019. — С. 11—14.

13. *Кольовска Е. Г.* Образ России в современном межкультурном учебнике РКИ / Е. Г. Кольовска, В. Степаненко // Русский язык за рубежом. — 2022. — № 2 (291). — С. 27—31. — DOI: 10.37632/PI.2022.291.2.005.

14. *Кошкарова Н. Н.* Образ России в учебниках русского языка как иностранного для испаноговорящих студентов / Н. Н. Кошкарова, И. Ю. Парулина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. — С. 76—80.

15. *Кошкарова Н. Н.* Образ России в учебниках РКИ для португалоговорящих учащихся / Н. Н. Кошкарова, О. А. Солопова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2024. — № 8. — С. 663—667.

16. *Кублицкая О. В.* «Неизмеримое воздушное пространство» : образ России в травелоге М. И. Невзорова / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 293— 310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310.

17. *Милославская С. К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России / С. К. Милославская. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 400 с. — ISBN 978-5-9765-1351-8.

18. *Мукушев И. О.* Образ России в учебнике РКИ «Окно в Россию» / И. О. Мукушев // Актуальные проблемы филологии. — 2021. — № 22. — С. 368—374.

19. *Мякшева О. В.* Образ России в учебниках русского языка / О. В. Мякшева, М. В. Суркова // Жанры речи. — 2023. — Т. 18. — № 3 (39). — С. 245—251. — DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251.

20. *Пирожкова И. С.* Стратегии презентации образа России в учебниках английского языка, изданных в Великобритании / И. С. Пирожкова // Образ России в международном образовательном дискурсе : лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты. — Екатеринбург : УрГПУ, 2019. — С. 131—168. — ISBN 978-5-7186-1243-1.

21. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. — Москва : Academia, 2000. — 141 с. — ISBN 5-87444-012-3.

22. *Стрельчук Е. Н.* Географический компонент концепта «Россия» в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному / Е. Н. Стрельчук, К. С. Безрукова // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 225—234. — DOI: 10.51762/1FK-2022-27-02-22.

23. *Тинякова Е. А.* Учебник русского языка для индийцев через посредство английского языка / Е. А. Тинякова. — Екатеринбург : Ridero, 2025. — 341 с. — ISBN 978-5-00-656852-5.

24. *Торрезин Л.* Учебники для преподавания РКИ в Италии : достоинства и недостатки / Л. Торрезин // Русский язык за рубежом. — 2024. — № 4 (305). — С. 51—59. — DOI: 10.37632/PI.2024.305.4.009.

25. *Maurya A.* Essential Russian / A. Maurya. — Delhi : Parable International, 2015. — 500 p.

26. *Maurya A.* New (Audio-Enabled) Essential Russian / A. Maurya, O. Zhilina. — Delhi : Goyal Publishers, 2021. — 558 p. — ISBN 9789354267062.

27. *Pande H. Ch.* Russian for Indians / H. Ch. Pande. — Delhi : Goyal Publishers, 2023. — 328 p. — ISBN 9788119109432.

28. *Roitberg N. V.* Rush into Russian : basic Russian with Illustrations. Course Book / N. V. Roitberg. — Kazan : Buk, 2019. — 194 p. — ISBN 978-5-00118-270-2.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025,
одобрена после рецензирования 12.08.2025,
подготовлена к публикации 18.08.2025.

References

Alekseev, V. A., Alekseeva, N. I., Rumyantseva, N. M. (1994). *Intensive Russian language course. A month in Moscow: Textbook.* Moscow: RUDN Publishing House. 160 p. ISBN 5-209-00502-X. (In Russ.).

Berdichevsky, A. L., Golubeva, A. V. (2015). *How to write an intercultural textbook of the Russian language as a foreign language.* Saint Petersburg: Zlatoust. 140 p. ISBN 978-5-86547-843-0. (In Russ.).

Dzyuba, E. V. (2019). The image of Russia in Bulgarian textbooks on Russian as a foreign language. *Teacher education in Russia, 6:* 58—69. DOI: 10.26170/po19-06-07. (In Russ.).

Eremina, S. A. (2019). Strategies for presenting the image of Russia in textbooks of the Russian language for Western European countries. In: *The image of Russia in international educational discourse: linguocognitive and linguodidactic aspects.* Yekaterinburg: USPU. 102-—130. ISBN 978-5-7186-1243-1. (In Russ.).

Eremina, S. A. (2019). The specifics of the presentation of the image of Russia in textbooks of the Russian language as a foreign language for Francophones. *Philological class, 3 (57):* 86—94. DOI: 10.26170/FK19-03-12. (In Russ.).

Golomidova, M. V. (1998). *Artificial nomination in Russian onomastics.* Yekaterinburg: USPU. 232 p. ISBN 5-7186-0338-3. (In Russ.).

Huseynova, T. V., Rasulova, Z. H. (2023). On the features of the structure and content of school textbooks of the Russian language in Tajikistan and Uzbekistan. *The experience and prospects of teaching foreign languages in the Eurasian educational space, 8:* 77—87. (In Russ.).

Kirilova, I. V. (2019). The image of Russia in Chinese textbooks on Russian as a foreign language. In: *Cognitive strategies of philological education in Russia and abroad.* Yekaterinburg: USPU. 11—14. (In Russ.).

Kolovska, E. G., Stepanenko, V. (2022). The image of Russia in the modern intercultural textbook of the Russian Academy of Sciences. *Russian language abroad, 2 (291):* 27—31. DOI: 10.37632/PI.2022.291.2.005. (In Russ.).

Koshkarova, N. N., Parulina, I. Y. (2022). The image of Russia in textbooks of the Russian language as a foreign language for Spanish-speaking students. In: *The Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 76—80. (In Russ.).

Koshkarova, N. N., Solopova, O. A. (2024). The image of Russia in the textbooks of the Russian Language for Portuguese-speaking students. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 8:* 663—667. (In Russ.).

Kublitskaya, O. V. (2024). “Incommensurable Airspace”: Image of Russia in Travelogue of Maxim Nezvorov. *Nauchnyi dialog, 13 (7):* 293—310. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310. (In Russ.).

Maurya, A. (2015). *Essential Russian.* Delhi: Parable International. 500 p.

Maurya, A., Zhilina, O. (2021). *New (Audio-Enabled) Essential Russian.* Delhi: Goyal Publishers. 558 p. ISBN 9789354267062.

Miloslavskaya, S. K. (2012). *Russian as a foreign language in the history of the formation of the European image of Russia.* Moscow: FLINT: Nauka Publ. 400 p. ISBN 978-5-9765-1351-8. (In Russ.).

Mukushev, I. O. (2021). The image of Russia in the textbook of the Russian Academy of Sciences “Window to Russia”. *Actual problems of Philology, 22:* 368—374. (In Russ.).

Myaksheva, O. V. (2023). The image of Russia in textbooks of the Russian language. *Genres of speech, 18 / 3 (39):* 245—251. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251. (In Russ.).

Pande, H. Ch. (2023). *Russian for Indians.* Delhi: Goyal Publishers. 328 p. ISBN 9788119109432.

Pirozhkova, I. S. (2019). Strategies for the presentation of the image of Russia in English textbooks published in the UK. In: *The image of Russia in international educational discourse: linguocognitive and linguodidactic aspects.* Yekaterinburg: USPU. 131—168. ISBN 978-5-7186-1243-1. (In Russ.).

Roitberg, N. V. (2019). *Rush into Russian: basic Russian with Illustrations. Course Book.* Kazan: Buk. 194 p. ISBN 978-5-00118-270-2.

Slyshkin, G. G. (2000). *Linguistic and cultural concepts of precedent texts.* Moscow: Academia. 141 p. ISBN 5-87444-012-3. (In Russ.).

Strelchuk, E. N., Kirilova, K. S. (2022). Geographical component of the concept "Russia" in foreign textbooks on Russian as a foreign language. *Philological class, 27 (2):* 225—234. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-02-22. (In Russ.).

Tinyakova, E. A. (2025). *Textbook of the Russian language for Indians through the English language.* Yekaterinburg: Ridero. 341 p. ISBN 978-5-00-656852-5. (In Russ.).

Torresin, L. (2024). Textbooks for teaching Russian language in Italy: advantages and disadvantages. *Russian language abroad, 4 (305):* 51—59. DOI: 10.37632/PI.2024.305.4.009. (In Russ.).

Vesnina, L. E., Kirilova, I. V. (2019). The image of Russia in Chinese educational materials on Russian as a foreign language: an axiological aspect. *Philological class, 1 (55):* 83—88. DOI: 10.26170/FK19-01-1. (In Russ.).

Vlasov, S. V., Moskovkin, L. V. (2014). Textbooks of the Russian language for foreigners at the end of the XVII — beginning of the XVIII century: their addressee and linguistic methodological foundations. *Problems of modern education, 6:* 119—127. (In Russ.).

Wagner, V. N., Ovsienko, Yu. G. (2023). *Textbook of the Russian language for English speakers.* New Delhi: People's Publishing House Private Limited. 502 p. ISBN 978-93-9557-01-6. (In Russ.).

Zenkevich, I. V. (2025). The image of Russia in textbooks of the Russian language for Americans: on the example of the vocabulary of the semantic field "Natural and geographical environment". *Language and text, 12 (1):* 23—35. DOI: 10.17759/langt.2025120103. (In Russ.).

The article was submitted 14.06.2025;
approved after reviewing 12.08.2025;
accepted for publication 18.08.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Милованова М. В. Лингвистическая жесткость гендерных биномиалов / М. В. Милованова, Е. В. Терентьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 68—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-68-83.

Milovanova, M. V., Terentyeva, E. V. (2025). Linguistic Rigidity of Gender Binomials. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 68-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-68-83. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвистическая жесткость гендерных биномиалов

Милованова Марина Васильевна [1]
orcid.org/0000-0002-6198-6972
ResearcherID: S-8236-2016
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской филологии
и журналистики,
корреспондирующий автор
mv_milovanova@volsu.ru

Терентьева Елена Витальевна [2]
orcid.org/0000-0002-4617-8897
доктор филологических наук, доцент,
кафедра социологии
и медиакоммуникаций,
terenteva@rgust.ru

[1] Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

[2] Российский государственный
университет социальных технологий
(Москва, Россия)

Linguistic Rigidity of Gender Binomials

Marina V. Milovanova [1]
orcid.org/0000-0002-6198-6972
ResearcherID: S-8236-2016
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Philology and Journalism,
corresponding author
mv_milovanova@volsu.ru

Elena V. Terentyeva [2]
orcid.org/0000-0002-4617-8897
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Sociology and
Media Communications
terenteva@rgust.ru

[1] Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

[2] Russian State University
of Social Technologies
(Moscow, Russia)

© Милованова М. В., Терентьева Е. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается лингвистическая жесткость компонентов гендерных биномиалов, в частности, биномиалов мужчина и женщина, муж и жена. Материалом исследования являются тексты СМИ (газетный подкорпус Национального корпуса русского языка). Цель работы состоит в выявлении социальной обусловленности степени лингвистической жесткости гендерных биномиалов. Установлено, что определенная структура биномиала (первичность мужского гендера, вторичность женского либо наоборот) отражает сложившиеся в обществе социальные иерархии, основанные на гендерных различиях и стереотипах. Выявлено также, что необратимость / обратимость биномиала может зависеть от степени фразеологизации биномиала, форм числа (единственное / множественное), а также от просодических особенностей. Определены ключевые темы, в рамках которых предпочтительна в биномиале первая позиция женского гендера. Отмечена высокая степень лингвистической жесткости рассматриваемых биномиалов по устоявшейся модели с мужским гендером на первом месте. Выделены временные отрезки, в рамках которых наблюдается понижение данной степени: 1990—1994 годы, начиная с 2014 по 2021 годы, в частности, увеличение доли биномиалов с моделью женского гендера на первом месте. Предложены перспективы дальнейшего исследования гендерных биномиалов как значимых единиц языкового кодирования социокультурного опыта.

Ключевые слова:
биномиал; мужчина и женщина; гендер; степень лингвистической жесткости; социальные иерархии; языковые модели.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the linguistic rigidity of the components of gender binomials, particularly the pairs “man and woman” and “husband and wife.” The study draws on texts from the media, specifically a newspaper subcorpus of the Russian National Corpus. The objective of this research is to uncover the social factors influencing the degree of linguistic rigidity within these gender binomials. It has been established that the specific structure of a binomial (the primacy of the male gender versus the secondary status of the female gender, or vice versa) reflects entrenched social hierarchies in society based on gender differences and stereotypes. Additionally, it has been found that the irreversibility or reversibility of a binomial may depend on the degree of phraseologization, grammatical number (singular/plural), as well as prosodic features. Key themes have been identified in which the female gender is preferred in the initial position of the binomial. A high degree of linguistic rigidity has been noted in the examined binomials, following the established model with the male gender in the first position. Temporal segments have been identified during which a decrease in this rigidity is observed: from 1990 to 1994 and from 2014 to 2021, particularly highlighting an increase in the proportion of binomials featuring the female gender in the first position. Prospects for further research into gender binomials as significant units of linguistic encoding of sociocultural experience are also proposed.

Key words:
binomial; man and woman; gender; degree of linguistic rigidity; social hierarchies; linguistic models.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’367.4
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-68-83

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвистическая жесткость гендерных биномиалов

© Милованова М. В., Терентьева Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящее время в лингвистике остается актуальной проблема взаимодействия языка, мышления и действительности, поскольку в центре различных аспектов ее исследования находятся вопросы, связанные с человеком и обществом. Интерес представляют процессы лингвистического кодирования и принципы отражения окружающей действительности в языке. Разные способы лингвистического кодирования могут нести информацию об особенностях экстралингвистической реальности, социокультурных параметрах, существующих стереотипах в той или иной сфере, что демонстрируют такие языковые единицы, как биномиалы.

Биномиалы обычно определяются как сочетания слов, встречающиеся вместе и разделенные такими связывающими союзами, как *и, или* [Abdoullahi-Guilani et al., 2017]. Данные языковые единицы рассматривались зарубежными учеными еще в начале XX века, при этом авторы задавались прежде всего вопросом, можно ли однозначно мотивировать приоритет в порядке следования компонентов биномиала. Одни авторы [Malkiel,1959; Müller, 1997] выделяют прежде всего определенные фонологические и семантические принципы по отношению к расположению элементов в паре, другие в качестве ведущих факторов формирования биномиалов называют метрические или фонологические параметры [Bolinger, 1962; Gawel, 2017]. Исследователи полагают, что частота встречаемости первых элементов в биномиале играет важную роль при определении того, какой компонент должен быть первым [Fenk-Oczlon, 1989]. В современный период большинство ученых, опираясь на эмпирические исследования, отмечают значимость прежде всего семантико-прагматических факторов и только потом — просодических и фонологических факторов: «Семантические ограничения, по-видимому, превалируют над всеми остальными» [Mollin, 2014, с. 94]. Так, доминирующими будут, например, сериализации (последовательности) времени (весна и лето, день и ночь), логические связи

CC BY

(взлет и посадка). Более устойчивые вариации обусловлены когнитивными факторами, например: активное предшествует пассивному, конкретное — абстрактному, положительное — отрицательному и т. д., а также социокультурными различиями (пол, возраст и др.) [Hirschauer, 2014]. Г. Мюллер называет эти факторы «ограничением салиентности», полагая, что в данном случае большая салиентность предшествует меньшей салиентности [Müller, 1997, с. 15—18].

В отечественной лингвистике биномиалы изучались с точки зрения частотности, устойчивости и т. д. Например, З. И. Резанова и А. С. Буб рассматривали корреляции объективной и субъективной частотности биномиалов, процессы когнитивной обработки биномиалов русского языка носителями языка и билингвами [Буб и др., 2018; Буб, 2019; Буб, 2020]. В работах М. М. Кочневой, Т. Е. Петровой проводилась оценка идиоматичности биномиалов как одного из видов коллокаций в русском языке [Кочнева и др., 2023]. Исследования отечественных авторов посвящены также анализу биномиалов на материале английского языка [Петрова, 2018].

В центре нашего исследования — гендерные биномиалы, которые отражают сложное эмпирическое взаимодействие различных дифференциаций человека как существа социального; они могут указывать на различные социальные аспекты, например, в лексеме *женщина* могут пересекаться пол и возраст, единица *папа* помимо статуса родителя выражает близкие семейные отношения и т. д. Таким образом, гендерные биномиалы кодируют не только пол, но и другие социальные дифференциации.

Под гендерными биномиалами мы понимаем статистически устойчивое сочетание двух слов, относящихся к одной части речи, расположенных на одном уровне синтаксической иерархии [Malkiel, 1959].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С социолингвистической точки зрения биномиальные модели представляют собой шаблонное использование языка, то есть лексико-грамматическую репрезентацию социальных практик и институтов [Benor et al., 2006; Bubenhofer, 2009; Nübling, 2017]. Данные модели, с одной стороны, отражают восприятие межличностных отношений и социальных ролей, с другой — их формируют, поскольку являются частотными в СМИ.

Порядок следования компонентов внутри гендерных биномиалов отражает сложившиеся в обществе социальные роли и иерархии, которые культурно обусловлены, в частности, по отношению к гендеру. Однако данный порядок может меняться в те или иные периоды развития общества либо в рамках одного синхронного среза в зависимости от ряда факторов, см.: [Hirschauer et al., 2021].

CC BY

С учетом временного параметра массив данных корпусной лингвистики дает возможность проследить отдельные изменения (либо их отсутствие) в языковом и, соответственно, в социальном поведении индивидов, тем самым выявить, какие факторы, а также стереотипы находят отражение в гендерных биномиалах и как это влияет на очередность компонентов в их структуре. Так, устойчивое состояние гендерных биномиалов указывает на усиливающуюся на данном временном отрезке дифференциацию компонентов, а неустойчивое (подвижное) — на ослабление дифференциации.

В качестве материала исследования послужил газетный подкорпус Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Данная работа, посвященная описанию структуры гендерных биномиальных пар в текcах российских СМИ, нацелена на выявление закономерностей представленности лингвистических моделей биномиалов в рамках различных синхронных языковых срезов и определение так называемой лингвистической степени «жесткости» биномиалов. За синхронный срез принимается отрезок, составляющий четыре года, начиная с конца 80-х годов XX века (то есть с периода перестройки, когда в обществе начинают происходить существенные изменения) и до конца 2022 года (граница определяется возможностями корпуса).

Анализ данных проводился на основе заданных коллокаций к обоим компонентам биномиала, обозначающего лиц противоположного пола и соединенных союзами *и / или*, в газетном подкорпусе НКРЯ: *мужчина(ы) / женщина(ы); муж(ья) / жена(ы)*. Учитывались меры ассоциаций (MI, Dice / logDice), указывающие на статистические ассоциации между компонентами в составе биномиала и базирующиеся на соотнесении частоты ключевого слова и коллоката в корпусе и частоты их совместной встречаемости.

С учетом возможных различий в очередности расположения компонентов единственное и множественное числа рассматривались отдельно, соответственно, в выборку было включено четыре гендерных биномиала.

Выборка осуществлялась следующим образом: анализировались 100 примеров употребления биномиала, выбранных произвольно, в рамках каждого временного отрезка. Там, где примеров менее 100, анализировались, соответственно, все имеющиеся.

В целом анализ биномиала *мужчина / женщина* показал его высокую частотность в газетном корпусе НКРЯ, при этом модель M1 превалирует над моделью F1. Необходимо установить факторы, влияющие на порядок расположения компонентов в структуре биномиала, и, таким образом, определить лингвистическую степень жесткости, которая отражает относительную долю более частой последовательности A по сравнению с последовательностью B в общей сумме обоих последовательностей биномиала.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Гендерные биномиалы представляют собой сочетания единиц, которые находятся в эквиполентных отношениях, то есть это такие отношения между двумя лексическими единицами, которые объединены категориальным признаком (в данном случае — ‘человек’), но противопоставлены по базовому гендерному параметру, например: *мужчина и женщина*, *мальчик и девочка*, *дамы и господа* и др. Как правило, лексемы внутри биномиала соединены сочинительным, реже — разделительным союзом (*и, или*). С точки зрения структуры самой распространенной будет модель «S и / или S» (имя существительное + союз (и / или) + имя существительное). Данные модели могут быть двух видов — M1 или F1 (цифра показывает очередность гендера в биномиале). Если в сочетании более двух слов (они, как правило, связаны асиндетически), то это уже полином, например: *мужчины, женщины, дети*. Однако, как показал анализ фактического материала исследования, полиномы представлены значительно реже.

3.1. Биномиал *мужчина / женщина* (M / F).

Как мы уже отмечали, гендерные биномиалы могут указывать на различные социальные дифференциации индивида. Анализ фактического материала показал, что сочетание гендера и возраста в биномиале приводит к усилению степени лингвистической жесткости биномиала и распространенности модели F1 в ед. ч. Однако во мн. ч. степень жесткости структуры постепенно снижается, поскольку модель F1 отмечена преимущественно во мн. ч., что видно на диаграмме (рис. 1).

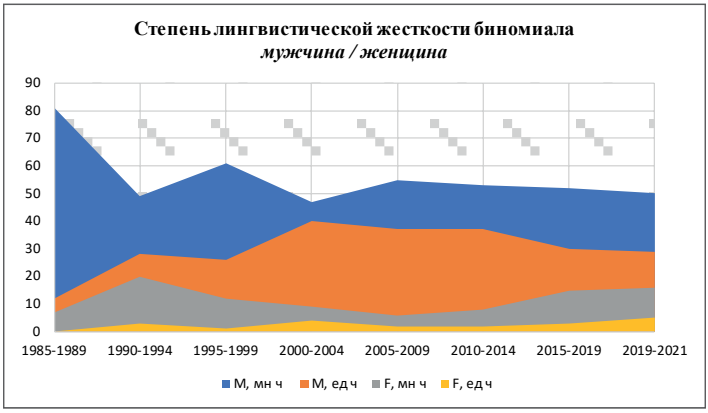

Рис. 1. Распределение степени лингвистической жесткости биномиала *мужчина / женщина* по периодам

Fig. 1. Distribution of the degree of linguistic rigidity of the *Male / Female* binomial by period

На диаграмме представлены модели M1 и F1 в рассматриваемые временные отрезки в рамках ед. ч. и мн. ч.

Диаграмма показывает следующее: начиная с 2000 года наблюдается увеличение использования модели M1 в ед. ч., модель F1 в ед. ч. представлена редко. Приведем результаты в процентном соотношении по выделенным временным отрезкам, в скобках через запятую указано соответственно мн. ч., ед. ч.: 1985—1989 гг.: M1 — 93 % (81 %, 12 %); F 1 — 7 % (7 %, 0 %); 1990—1994 гг.: M1 — 77 % (49 %, 28 %), F 1 — 23 % (20 %, 3 %); 1995—1999: M1 — 87 % (61 %, 26 %), F 1 — 13 % (12 %, 1 %); 2000—2004: M1 — 87 % (47 %, 40 %), F 1 — 13 % (9 %, 4 %); 2005 —2009: M1 — 92 % (55 %, 37 %), F 1 — 8 % (6 %, 2 %); 2010—2014: M1 — 90 % (53 %, 37 %), F 1 — 10 % (8 %, 2 %); 2015—2019: M1 — 82 % (52 %, 30 %), F 1 — 18 % (15 %, 3 %); 2019—2021: M1 — 79 % (50 %, 29 %), F 1 — 21 % (16 %, 5 %).

Как демонстрирует диаграмма, представленная на рис. 2, наблюдается увеличение доли модели F1 в рамках временного отрезка 1990–1994 гг., что объясняется радикальными изменениями институциональных условий, приобщением женщин к участию в сфере бизнеса, а также свободным обсуждением в обществе проблем взаимоотношения полов.

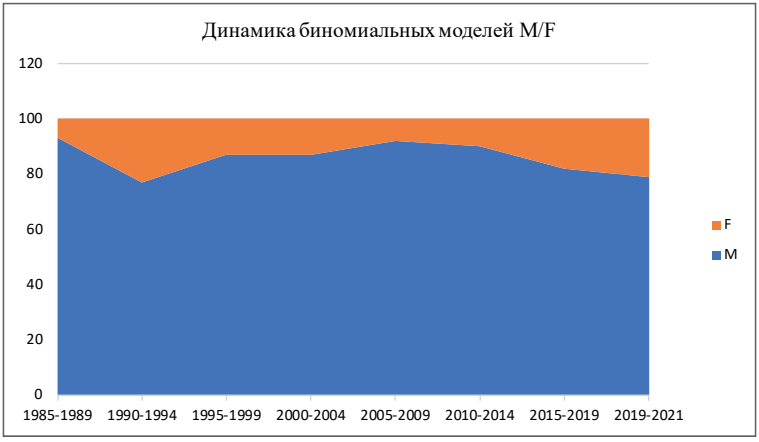

Рис. 2. Динамика представленности биномиала *мужчина / женщина* по периодам

Fig. 2. Dynamics of representation of the binomial Male/Female by periods

Из рис. 2 следует, что с 2005 года отмечается резкое уменьшение представленности модели F1 — примерно до 2014 года, затем мы вновь наблюдаем рост биномиала модели F1, особенно в последний временной отрезок, что связано с обсуждением проблем рождаемости и социального

равенства. Обратим внимание, что представлено также явление дегендеризации, которое прослеживается в контекстах, где речь идет о статистических данных в сфере права, социальных отношений, собственно гендерных отношений: *Это доказал опрос более 200 незрячих* ***женщин*** *и* ***мужчин****, который провел доктор Кеннетт Ринг из США* (Комсомольская правда, 06.11.2001) [НКРЯ]; *В ходе опроса также было установлено, что 13 %* ***женщин*** *и* ***мужчин*** *вообще не хотели бы таких отношений в будущем. Примерно половина опрошенных признавались, что не знают, как выйти из создавшейся ситуации и вернуть романтику в отношения, пишет Passion.ru* (Комсомольская правда, 02.06.2010) [НКРЯ]; *Исследование проводилось в течение 34 лет с участием 215 тыс.* ***женщин*** *и* ***мужчин****, которые изначально не имели серьезных хронических заболеваний* (Известия, 07.03.2020) [НКРЯ].

Определим ключевые темы, в рамках которых представлена модель биномиала F1, с учетом выделенных временных отрезков:

1985—1989 гг.: гендерное равенство / неравенство (прежде всего социальная сфера и правовая); брак, семья;

1990—1994 гг.: уход за собой; традиции гендерных отношений (преимущественно других религий); отношения полов; психологические заболевания;

1995—1999: гендерное равенство / неравенство; отношения полов (в том числе дискриминация); брак (гостевой); измена (неверность); пластическая хирургия;

2000—2004: гендерное равенство / неравенство; отношения полов; семья; гендерные и биологические различия (психологические, морфологические, эмоциональные, интеллектуальные); спорт (атлетика, теннис, биатлон, гонки); физические параметры (красота, тело); гендерные конфликты; бесплодие; смерть (убийство, несчастный случай); одежда; любовь;

2005—2009: гендерное равенство / неравенство; одежда; брак (гражданский); бесплодие, рождаемость; смерть, несчастный случай; преступление; гендерные различия (отношение к юмору, работе и др.); традиции гендерных отношений (преимущественно других религий); политика;

2010—2014: гендерное равенство / неравенство; семья; смерть;

2015—2019: гендерное равенство / неравенство; гендерные различия (в профессиональной сфере); смерть; спорт;

2019—2021: гендерное равенство / неравенство (политика, социальная сфера, авиация); социальные услуги; семья; лидерство; спорт (ГТО); рождаемость.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что степень лингвистической жесткости биномиала обусловлена прежде всего экстралингвистическими

факторами и сложившимися в обществе стереотипами, степень жесткости снижается, если речь идет о равенстве женщин и мужчин в сфере занятости, политики, экономики и др., о гендерных и биологических различиях женщин и мужчин. Стереотипы находят отражение в маркированности женского гендера в сфере семьи, брака, детей, изначально мужских видов спорта. Обращает на себя внимание также частотность случаев представленности в фактическом материале всех выделенных временных отрезков модели биномиала F1, если в контексте сообщается о погибших, пострадавших, убитых, раненых и т. д. (*погибли женщина и мужчина; пострадали женщина и мужчина* и т. п.), в такого рода примерах мы также можем говорить о маркированности женского гендера по сравнению с мужским (прослеживается связь с признаком ‘слабый пол’).

Высшая степень лингвистической жесткости указанного биномиала (модель M1) отмечена в контекстах, где данная единица выступает в качестве имени собственного, это может быть название передачи, фильма, выставки, рубрики в газете и т. д.: *Единственный цветной фильм, который Аллен позволяет себе процитировать, — «Мужчина и* ***женщина****» Клода Лелуша, который в свое время сочли изменой авторскому кино* (Коммерсант, 29.12.2020) [НКРЯ]; *Известный нижегородский ресторатор Сергей Рубан предстал в необычном качестве. В нижегородской арт-галерее «Кладовка» в рамках выставки «****Мужчина*** *и* ***женщина****» представлена его коллекция фуражек* (Известия, 07.02.2010) [НКРЯ]. Из всего массива фактов встретился единичный случай представленности модели F1: *Поводом для уголовного дела в отношении Умиды Ахмедовой стал ее фотоальбом «****Женщины*** *и* ***мужчины****: от рассвета до заката», отражающий различные бытовые аспекты жизни в Узбекистане* (Lenta.ru, 10.02.2010) [НКРЯ]. Можно предположить, что такая структура биномиала в этом случае связана с гендерной принадлежностью самого автора фотоальбома.

Хотелось бы обратить также внимание на дополнительный фактор лингвистического характера, влияющий (хотя и весьма условно), по нашему мнению, на очередность компонентов рассматриваемого биномиала, а именно — просодический аспект: для чтения (и произнесения) чередование слогов в случае M1 в большей степени последовательно и гармонично (муж-чИ-на-и-жЕн-щи-на) — ˘ /˘˘ /˘˘ , ср. с F1: /˘˘˘˘ /˘ (жЕн-щи-на-и-муж-чИ-на).

3.2. Биномиал *муж / жена* (H / W).

Биномиал *муж / жена* тесно связан с предыдущим, поскольку представляет мужчину и женщину в определенной социальной роли. Однако в отличие от биномиала *мужчина / женщина* биномиал *муж / жена* харак-

теризуется большей степенью лингвистической жесткости, что во многом объясняется сложившимися в российском обществе социокультурными традициями, восходящими еще к патриархальной культуре (ср. *жена — за мужем, замужем*). Так, 100 % степень жесткости биномиала отмечена в таких частотных в корпусе конструкциях, как *стать мужем и женой*, *объявить мужем и женой*, *являются / не являются мужем и женой*, то есть когда речь идет именно о социальном статусе, в паремичном высказывании *муж и жена одна сатана*, а также в контекстах с антропонимом (относящимся первоначально к мужчине), что связано с достаточно устойчивой традицией в российском обществе брать при вступлении в брак фамилию мужа — *муж и жена Зайцевы*.

В рамках контекстных употреблений данного биномиала, в отличие от биномиала *мужчина / женщина*, преобладает, как показал фактический материал, единственное число, причем в большей степени это характерно для модели H1. В таких случаях ед. ч. выступает в обобщенном значении, выражая гендер соотносительно с социальным статусом (как некий «вид»). Мн. ч. в этом случае имеет менее обобщенный характер, обозначая множественность субъектов, ср.: *Психоэмоциональный комфорт, умение* ***мужа*** *и* ***жены*** *выстроить отношения, ладить с детьми в такие сложные периоды, когда люди 24 часа в замкнутом пространстве, — очень важен* (Парламентская газета, 2021.07.13) [НКРЯ]; *Но власти уже, если бы и захотели, ничего не могут с этим поделать, поскольку «закон о возвращении» позволяет привозить с собой* ***мужей*** *и* ***жен*** *других национальностей* (Независимая газета, 05.11.2000) [НКРЯ].

Модель W1, напротив, в определенные временные отрезки демонстрирует равное соотношение ед. ч. и мн. ч., что, по-видимому, можно объяснить маркированностью компонента *жена* применительно к определенным сферам, и, следовательно, в контекстах представлено как обобщающее значение, так и явление конкретизации.

На диаграмме (рис. 3) представлены модели H1 и W1 в рассматриваемые временные отрезки в рамках ед. ч. и мн. ч.

Приведем результаты в процентном соотношении по выделенным временным отрезкам, в скобках через запятую указано соответственно ед.ч., мн.ч.: 1985—1989 гг.: H1 — 100 % (только ед.ч.); W1 — 0 %; 1990—1994 гг.: H1 — 93 % (85 %, 8 %), W 1 — 7 % (3,5 %, 3,5 %); 1995—1999: H1 — 92 % (89 %, 3 %), W 1 — 8 % (5 %, 3 %); 2000—2004: H1 — 94 % (90 %, 4 %), W 1 — 6 % (3 %, 3 %); 2005—2009: H1 — 91 % (86 %, 5 %), W 1 — 9 % (8 %, 1 %); 2010—2014: H1 — 94 % (91 %, 3 %), W 1 — 6 % (3 %, 3 %); 2015—2019: H1 — 90 % (86 %, 4 %), W 1 — 10 % (4 %, 6 %); 2019—2021: H1 — 89 % (83 %, 6 %), W 1 — 11 % (11 %, 0 %).

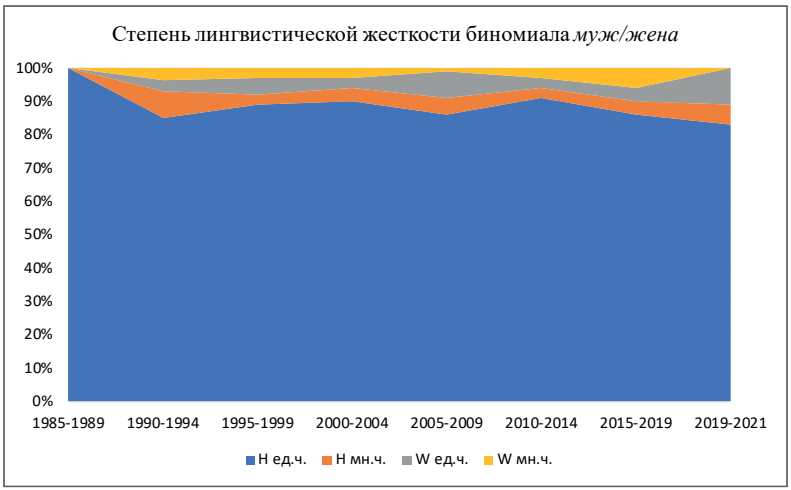

Рис. 3. Распределение степени лингвистической жесткости биномиала *муж/жена* по периодам

Fig. 3. Distribution of the degree of linguistic rigidity of the Husband/Wife binomial by periods

На представленной ниже диаграмме (рис. 4) видно, что в среднем наблюдается достаточно устойчивое употребление биноминала модели H1 в обозначенные временные отрезки до 2015 г.

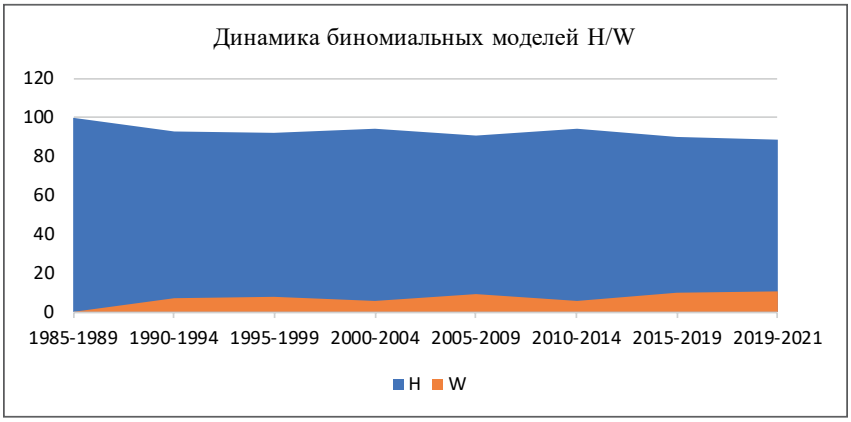

Рис. 4. Динамика представленности биномиала *муж/жена* по периодам

Fig. 4. Dynamics of representation of the Husband/Wife binomial by periods

CC BY

Начиная с 2015 года отмечается некоторое увеличение использования модели W1, что, на наш взгляд, заслуживает особого внимания в силу жесткости структуры биномиала. Это увеличение связано с экстралингвистическими факторами, в частности, стремлением к укреплению семейных ценностей в обществе, обсуждением проблем в браке.

Определим ключевые темы, в рамках которых представлена модель биномиала W1, с учетом выделенных временных отрезков:

1990—1994 гг.: брак, семья;

1995—1999: отношения полов; любовь; бесплодие; официальные документы;

2000—2004: отношения полов (неверность, измена, ревность, служебные романы); семья; конфликты (сфера политики, бытовая сфера); проблемы рождаемости; агрессия; исчезновение, проблемы с алкоголем;

2005—2009: отношения полов; тирания; брак, семья (брачное агентство, поиск супруга/супруги, выбор); официальные документы (налоговая сфера);

2010—2014: отношения полов (верность/неверность); официальная сфера; семья;

2015—2019: брак (иностранный), семья; официальная сфера (военнослужащие, декларация, банк);

2019—2021: отношения полов; смерть; официальная сфера (кредиты, военная служба, алименты).

Таким образом, биномиал *муж / жена*, совмещающий в своем значении гендерный и социальный параметры, характеризуется более высокой степенью лингвистической жесткости по сравнению с биномиалом *мужчина / женщина*, что обусловлено сложившимися традициями и стереотипами в сфере семьи, брака. Степень жесткости биномиала несколько снижается в контекстах, где речь идет об отношениях полов (обиды, конфликты, неверность, либо, напротив, любовь, верность), а также об официальных моментах, например, выплата алиментов — здесь модель W1 мотивирована устоявшейся традицией (алименты, как правило, получает бывшая жена, реже — бывший муж).

Высшая степень лингвистической жесткости (модель H1), как мы отмечали, характерна для конструкций, непосредственно указывающих на создание семьи либо окончание семейных отношений.

Применительно к биномиалу *муж / жена* мы также можем говорить о дополнительном лингвистическом (просодическом) факторе, влияющим на структуру биномиала. Модель H1 с точки зрения сочетания ударных и безударных слогов гармоничнее, по сравнению с моделью W1: мУж-и-женА – /ˬˬ/, же-нА-и-мУж – ˬ/ˬ/.

4. Заключение = Conclusions

Анализ представленности двух гендерных биномиалов (с сопровождающими гендер дополнительными параметрами) в текстах СМИ позволяет сделать определенные выводы.

Биномиалы, выступая единой языковой единицей, могут иметь различную степень так называемой лингвистической жесткости. Гендерные биномиалы обладают достаточно высокой степью жесткости, что обусловлено в целом историей развития в определенном социуме гендерных отношений и сформированными в конкретной культуре стереотипами. Данная степень жесткости может снижаться в зависимости от сферы и тематики. С помощью методов инференциальной статистики были установлены причинно-следственные связи между степенью жесткости биномиала и степенью его фразеологизации: в случае если биномиал фразеологизирован, степень жесткости определяется как высшая (например, фразеологизированная конструкция *стать мужем и женой* или *объявляю вас мужем и женой*).

Биномиал может выступать в форме единственного и множественного числа. С формальной точки зрения биномиал в единственном числе имеет в большей степени гендерно ориентированный характер, во множественном числе гендерные различия не столь значимы, именно поэтому мы можем говорить, что биномиал *муж / жена* более репрезентативно объективирует гендер по сравнению с биномиалом *мужчина / женщина*.

В целом анализ биномиалов в газетном подкорпусе НКРЯ показал приоритет мужского гендера.

С учетом большой востребованности такого рода языковых единиц в указанных текстах необходим их дальнейший последовательный детальный корпусный лингвистический анализ, поскольку до этого биномиалы изучались преимущественно интроспективно, а также полезно привлечь количественные и качественные методы исследования. На основании полученных результатов целесообразным также будет продолжение исследования гендерных биномиалов в других видах текстов, в том числе с использованием имеющихся веб-корпусов русского языка и корпусов разговорной речи, а также с расширением диахронического аспекта.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.01.2025).

Литература

1. *Буб А. С.* Влияние типа билингвизма на процесс когнитивной обработки многокомпонентных номинативных единиц (экспериментальное исследование) / А. С. Буб // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 461. — С. 13—22. — DOI: 10.17223/15617793/461/2.

2. *Буб А. С.* Когнитивная обработка коллокаций-биномиалов русского языка (экспериментальное исследование) / А. С. Буб // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 442. — С. 5—13. — DOI: 10.17223/15617793/442/1.

3. *Буб А. С.* Степень устойчивости биномиалов русского языка в соотношении с параметрами частности и предсказуемости элементов / А. С. Буб, З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 437. — С. 15—22. — DOI: 10.17223/15617793/437/2.

4. *Кочнева М. М.* Оценка идиоматичности русских биномиалов с помощью методов корпусной и экспериментальной лингвистики / М. М. Кочнева, Т. Е. Петрова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2023. — № 11. — С. 59—66.

5. *Петрова В. А.* Структурно-семантические особенности биномиальных образований в английском языке / В. А. Петрова // Ученые записки НовГУ. — 2018. — № 3 (15). С. 1—3.

6. *Abdoullahi-Guilani M.* Application of Binomials in English and Persian / M. Abdoullahi-Guilani, K. Hua Tan // Akademika. — 2017. — № 87 (1). — P. 153—163. — DOI 10.17576/akad-2017-8701-11.

7. *Benor S.* The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials. Language / S. Benor, R. Levy // Journal of the Linguistic Society of America. — 2006. — № 82 (2). — P. 233—278.

8. *Bolinger D.* Binomials and pitch accent / D. Bolinger // Lingua. — 1962. — № 11. — P. 34—44.

9. *Bubenhofer N.* Sprachgebrauchsmuster. Korpuslinguistik als Methode der Diskurs- und Kulturanalyse / N. Bubenhofer. — Berlin, New York: De Gruyter, 2009. — 388 p.

10. *Fenk-Oczlon G.* Word frequency and word order in freezes / G. Fenk-Oczlon // Linguistics Journal. — 1989. — № 27. — P. 517—556.

11. *Gaweł A.* Zur Ikonizität deutscher Zwillingsformeln / A. Gaweł // Linguistik Online. — 2017. — Vol. 81. — № 2. — P. 25—43. — https://doi.org/10.13092/lo.81.3645.

12. *Hirschauer St.* Sinnschichten des Kulturellen und die Aggre gatzustände der Sprache / St. Hirschauer, D. Nübling // Humandifferenzierung. Disziplinäre Perspektiven und empirische Sondierungen. Dilek Dizdar, Stefan Hirschauer, Johannes Paulmann & Gabriele Schabacher (Hrsg.). — Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2021. — P. 58—83.

13. *Hirschauer St.* Un/doing Differences. Die Kontingenz sozialer Zugehörigkeiten / St. Hirschauer // Zeitschrift für Soziologie. — 2014. — Vol. 43. — № 3. — P. 170—191.

14. *Malkiel Ya.* Studies in Irreversible Binomials / Ya. Malkiel // Lingua: International Review of General Linguistics. — Amsterdam, 1959. — Vol. 8. — P. 113—160.

15. *Mollin S.* The (Ir)reversibility of English Binomials: Corpus, constraints, developments / S. Mollin. — Amsterdam: Benjamins, 2014. — 254 p. — DOI: 10.1075/scl.64.

16. *Müller G.* Beschränkungen für Binomialbildung im Deutschen / G. Müller // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 1997. — № 16 (1). — S. 5—51.

17. *Nübling D.* Personennamen und Geschlechter/un/ordnung. Onymisches doing und undoing gender / D. Nübling // Un/doing Differences: Praktiken der Humandifferenzierung. — Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2017. — P. 307—335. — DOI:10.5771/9783845292540-308.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025,
одобрена после рецензирования 09.08.2025,
подготовлена к публикации 22.08.2025.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

References

Abdoullahi-Guilani, M., Hua Tan, K. (2017). Application of Binomials in English and Persian. *Akademika, 87*(1): 153—163. DOI 10.17576/akad-2017-8701-11.

Benor, S., Levy, R. (2006). The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials. *Language. Journal of the Linguistic Society of America, 82*(2): 233—278.

Bolinger, D. (1962). Binomials and pitch accent. *Lingua, 11*: 34—44.

Bub, A. S. (2019) Cognitive processing of collocations-binomials of the Russian language (experimental study). *Bulletin of Tomsk State University, 442*: 5—13. DOI: 10.17223/15617793/442/1. (In Russ.).

Bub, A. S. (2020) The influence of the type of bilingualism on the process of cognitive processing of multicomponent nominative units (experimental study). *Bulletin of Tomsk State University, 461*: 13—22. DOI: 10.17223/15617793/461/2. (In Russ.).

Bub, A. S., Rezanova, Z. I. (2018) The degree of stability of the binomials of the Russian language in relation to the parameters of particularity and predictability of elements. *Bulletin of Tomsk State University, 437*: 15—22. DOI: 10.17223/15617793/437/2. (In Russ.).

Bubenhofer, N. (2009). *Sprachgebrauchsmuster. Korpuslinguistik als Methode der Diskurs- und Kulturanalyse*. Berlin, New York: De Gruyter. 388 p.

Fenk-Oczlon, G. (1989). Word frequency and word order in freezes. *Linguistics Journal, 27*: 517—556.

Gaweł, A. (2017) Zur Ikonizität deutscher Zwillingsformeln. *Linguistik Online, 81 (2)*: 25—43. https://doi.org/10.13092/lo.81.3645. (In Germ.).

Hirschauer, St. (2014) Un/doing Differences. Die Kontingenz sozialer Zugehörigkeiten. *Zeitschrift für Soziologie, 43 (3)*: 170—191. (In Germ.).

Hirschauer, St., Nübling, D. (2021) Sinnschichten des Kulturellen und die Aggre gatzustände der Sprache. Humandifferenzierung. Disziplinäre Perspektiven und empirische Sondierungen. *Weilerswist: Velbrück Wissenschaft*: 58—83. (In Germ.).

Kochneva, M. M. (2023) Evaluation of the idiomaticity of Russian binomials using the methods of corpus and experimental linguistics. *Socio- and psycholinguistic research, 11*: 59—66. (In Russ.).

Malkiel, Ya. (1959). Studies in Irreversible Binomials. *Lingua: International Review of General Linguistics, 8*: 113—160.

Mollin, S. (2014). *The (Ir)reversibility of English Binomials: Corpus, constraints, developments*. Amsterdam: Benjamins. 254 p. DOI: 10.1075/scl.64.

Müller, G. (1997) Beschränkungen für Binomialbildung im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 16 (1)*: 5—51. (In Germ.).

Nübling, D. (2017) Personennamen und Geschlechter/un/ordnung. Onymisches doing und undoing gender. *Un/doing Differences: Praktiken der Humandifferenzierung*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft: 307—335. DOI:10.5771/9783845292540-308. (In Germ.).

Petrova, V. A. (2018) Structural and semantic features of binomial formations in the English language. *Scientific notes of NovSU, 3 (15)*: 1—3. (In Russ.).

The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 09.08.2025;
accepted for publication 22.08.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Ребрина Л. Н. Мемная репрезентация актуальной социально-политической повестки дня в Германии : константные и вариативные характеристики / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 84—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-84-112.

Rebrina, L. N. (2025). Mem-Representation of Current Socio-Political Discourse in Germany: Constant and Variable Characteristics. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 84-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-84-112. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мемная репрезентация актуальной социально-политической повестки дня в Германии: константные и вариативные характеристики

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук, доцент,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
lnrebrina@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Mem-Representation of Current Socio-Political Discourse in Germany: Constant and Variable Characteristics

Larisa N. Rebrina
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics
lnrebrina@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

© Ребрина Л. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются интернет-мемы Германии 2021—2025 годов, размещенные в немецкоязычных сегментах платформ Reddit, kekememes, 9gag, с точки зрения генетических, жанровых, структурных, адресатных, семантических характеристик. Тематическая классификация мемов по объекту и предмету критики, оценка наполняемости тематических групп и интерактивных реакций пользователей позволили охарактеризовать степень политизированности платформ и сделать вывод о наметившейся тенденции к снижению интереса адресата к политических мемам. Выявлена тенденция усложнения мемов посредством жанровой гибридизации. Выделен актуальный мем-тренд 2025 года — пародийный мем «Набор». Определены константные черты репрезентации действительности в сегодняшней мем-культуре Германии: преобладание ассимиляции инокультурных мемов, репликации визуального ряда и отношения согласования-дополнения между ним и вербальным рядом; превалирующие широкая адресация и опора на актуальные прецедентные феномены, привносящие преимущественно негативные смыслы; доминирование эдвайсов, макросов, комиксов, мемов-сравнений и мемов с незначимой ролью фона; частотность смыслопорождения посредством отождествления объекта критики с узнаваемым эталонным носителем отрицательного качества, создания комизма на основе выразительной мимики персонажа и невербальной поддержки вербального компонента.

Ключевые слова:
мем-культура Германии; интернет-мемы; адресатные, структурные, жанровые, семантические характеристики мемов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines internet memes from Germany between 2021 and 2025, sourced from German-speaking segments of platforms such as Reddit, kekememes, and 9gag. The analysis focuses on genetic, genre-specific, structural, audience-oriented, and semantic characteristics. A thematic classification of memes based on their objects and subjects of critique, along with an assessment of the thematic groups' content and user interaction responses, has enabled a characterization of the degree of politicization on these platforms. The findings indicate a growing trend toward a decreased interest in political memes among audiences. Additionally, a tendency towards the complexity of memes through genre hybridization has been identified. A prominent meme trend for 2025 is highlighted: the parodic meme “Set.” Constant features of reality representation in contemporary meme culture in Germany include the predominance of the assimilation of foreign memes, replication of visual elements, and the relationship of coordination-complementarity between visual and verbal components. The analysis reveals widespread audience engagement and reliance on current precedent phenomena that predominantly convey negative meanings. The dominance of advice memes, macros, comics, comparison memes, and memes with minimal background roles is noted. Furthermore, the study identifies a frequent generation of meaning through the identification of critique objects with recognizable archetypes of negative qualities, as well as the creation of humor based on expressive character facial expressions and non-verbal support for verbal components.

Key words:
German meme culture; internet memes; audience-oriented, structural, genre-specific, semantic characteristics of memes.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2’42:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-84-112

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Мемная репрезентация актуальной социально-политической повестки дня в Германии: константные и вариативные характеристики

© Ребрина Л. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Интернет-мемы (ИМ) в современной интернет-коммуникации становятся инструментом генерации актуальных нарративов о событиях и явлениях, формирующих актуальную национальную или международную повестку дня и манифестирующих список наиболее «неблагополучных» сфер жизни общества в формате ироничной критики [Борисенко и др., 2022; Шомова, 2021]; используются в сегодняшнем информационном обществе как «мягкое» оружие ноополитики [Байчик и др., 2012]. Данные мультимодальные, выстраиваемые на реконтекстуализации прецедентных феноменов (ПФ) коммуникативные единицы предполагают от адресата узнавание встроенных в мем культурных знаков и осведомленность об используемых ПФ, критикуемых событиях и явлениях, способность к ассоциированию, реинтерпретации и интеграции представляемого мемом концептуального содержания и других элементов коллективной концептосферы, декодированию подтекстов [Беловодская, 2016].

Как многие малые формы, ИМ характеризуется сложной прагматикой [Щурина, 2023], сочетая развлекательную, информационную и манипулятивную функции. Их популярность и широкое распространение объясняются использованием эмоционального погружения, лаконичным, рассчитанным на симультанное восприятие форматом, высокой преобразуемостью и вариативной адресацией, связями с разнообразными традиционными и новыми культурными феноменами, что обеспечивает реализацию современных принципов быстрого распространения информации [Зиновьева, 2015; Савицкая, 2013; Hartmann, 2017] и обусловливает сохраняющийся интерес исследователей в разных областях знания к изучению мемов. В исследовательской традиции изучения интернет-мемов представлены современные

работы, посвященные описанию ключевых характеристик данного мультимодального малого жанра и его интертекстуальности, прецедентной природы [Марченко, 2023; Савицкая, 2013; Erlehnmann et al., 2013; Hartmann, 2017; Osterroth, 2015; Smith, 2022]; прагматического, метафорического потенциала мемов, специфики формирования комического эффекта и восприятия последнего разными социальными группами [Зиновьева, 2015; Щурина, 2023; Aslan, 2022; Martynyuk et al., 2021; Miltner, 2014]; классификаций интенет-мемов, в том числе по жанровым признакам [Бабикова, 2019; Зиновьева, 2015]; закономерностей функционирования мемов как инструмента конструирования медиаобразов [Беловодская, 2016]; мемов как актуальной медиапрактики в публичной политике и протестной коммуникации, средства формирования медиаповестки дня в рамках конкретных лингвокультур [Борисенко и др., 2022; Глухих и др., 2017; Канашина, 2018; Ребрина, 2022; Шомова, 2021; Lukacs, 2021; Paz et al., 2021].

2. Методы, материалы, обзор = Material, Methods, Review

Наше исследование нацелено на тематическую классификацию актуальных ИМ Германии и количественную характеристику выделенных идеографически детерминированных подмножеств мемов; комплексное описание конституентов тематических групп по их генетическим, структурным, жанровым признакам, особенностям их адресации, функционирования ПФ и смыслопорождения; выявление современных трендов в мемкультуре Германии, константных характеристик мемной репрезентации актуальной действительности в рамках немецкой культуры.

При этом мы исходим из следующих положений. Мемы имеют полевую структуру, включающую ядро ИМ, конституируемое визуальным шаблоном и обобщенным значением, образующимися в процессе реконтекстуализаций ПФ и исходного варианта мема [Ребрина, 2022]. ИМ, благодаря разной, определяемой характером используемого ПФ и объектом критики, адресации могут быть универсальными, узкоцелевыми (адресат — знакомая с ПФ группа, обладающая особыми знаниями) и ситуативными (адресат — осведомленная об актуальном событии группа) и выполнять относительно сообщества их функционирования интегрирующую и дифференцирующую функции [Ребрина, 2022; Савицкая, 2013; Miltner, 2014]. Вербальный и визуальный ряды могут вступать друг с другом в отношения консонанс-комплиментарности, консонанс-дублирования, диссонанса [Ребрина, 2022]. При этом фон может выступать значимым или незначимым для смыслопорождения элементом [Зиновьева, 2015]. По особенностям смыслопорождения мемы делятся на ИМ-персонажи (персонаж с закрепленными за ним качествами замещает объект критики) и

ИМ-события; использующие современные ПФ и осведомленность об актуальных событиях ИМ-инновации и апеллирующие к традиционным ПФ и типичному опыту ИМ-традиции; строящиеся на репликации виуального ряда ИМ-изображения и включающие реплицируемый вербальный компонент ИМ-тексты [Там же].

Основными жанровыми разновидностями ИМ являются эдвайсы (визуальный ряд — персонаж на цветном фоне, вербальный ряд — совет, общий вывод, часто с морализацией), демотиваторы (пессимистическая реплика на черном фоне, факультативно сопровождаемая изображением), мотиваторы (оптимистическая реплика на светлом фоне с изображением или без него), «аткрытки» (визуальный ряд — изображение в стилистике старой картинки с ироничной подписью), макросы (визуальный ряд транслирует эмоцию, вербальный ряд уточняет объект эмоционального отношения, предмет критики), ИМ-сравнение (двучастные вербальный и визуальный ряды с выводом о сходстве или различии), ИМ-пародии на некомичные жанры, ИМ-комиксы (многопанельные схематичные изображения, показывающие развитие несложной истории) [Бабикова, 2019; Ребрина, 2022]. Одной из характеристик современной мем-культуры является жанровая интеграция, то есть функционирование гибридных ИМ, соединяющих разные жанровые черты.

Материалом анализа послужили 550 ИМ, отобранных в немецкоязычных сегментах трех платформ [RedditD; kekememesD; 9gagD], размещенных в 2021—2025 годах. Параметры описания ИМ — происхождение, датировка, адресация, полевая структура, отношение вербального и визуального рядов, объект и предмет критики, особенности смыслопорождения и жанровые признаки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Тематическая классификация ИМ 2021–2025 годов. Рейтинг сфер жизни немецкого общества с высоким индексом «бризантности».

Отобранные ИМ были распределены на первом этапе исследования по тематическим группам в соответствии с объектом ироничной критики, охарактеризована наполняемость сформированных групп. Результаты на диаграмме отражают восприятие авторов ИМ, относящихся как граждане, производящие собственный контент, в концепции гражданской партисипации к наиболее активным участникам (рис. 1).

В восприятии авторов мемов (адресантов) топ-10 наиболее «проблемных» сфер, вызывающих активную ироничную критику активных граждан, выглядит следующим образом (в порядке убывания): внутренняя политика, концепция устойчивого развития и экологические движения, огра-

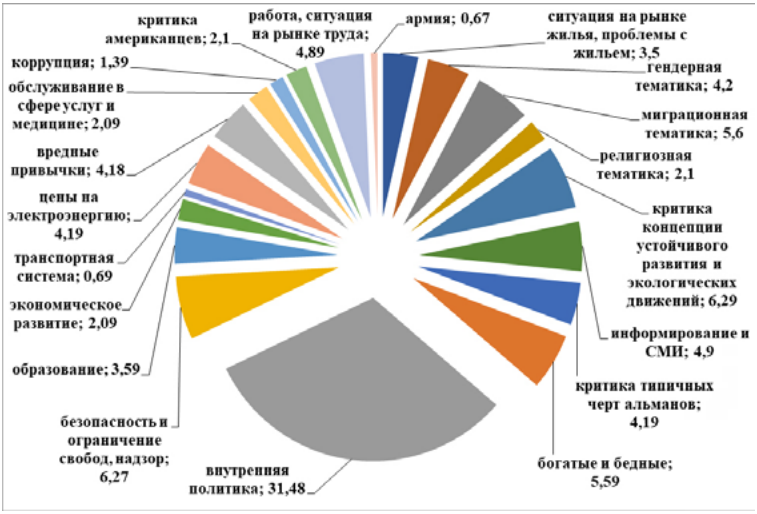

Рис. 1. Рейтинг сфер жизни немецкого общества с высоким индексом «бризантности» по величине тематических групп ИМ (наиболее проблемные сферы с позиции активных граждан, %)

ничение свобод и надзор, рост разрыва между богатыми и бедными, миграционная ситуация, информирование в СМИ, работа, ситуация на рынке труда, гендерная тематика, цены на электроэнергию, критика типичных черт альманов (этнические немцы). На диаграмме (рис. 2) представлены выделенные по объекту критики подгруппы самой многочисленной группы ИМ, маркирующие наибольшее неудовольствие граждан конкретными политиками.

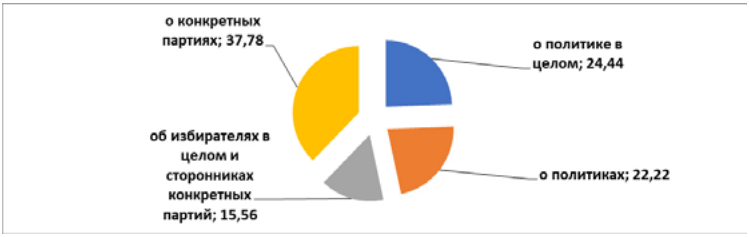

Рис. 2. Частотность ироничной критики активными гражданами разных элементов политической сферы (%)

Следует учитывать, что данные цифры могут отличаться от характеристик восприятия адресатом мемной критики разных сфер жизни общества,

то есть от оценки массовым адресатом «бризантности» актуализируемых проблем. Поэтому необходимо сопоставить приведенные количественные данные (учитывающие количество мемов по той или иной тематике) с данными, оценивающими активность реакций адресата (рис. 3).

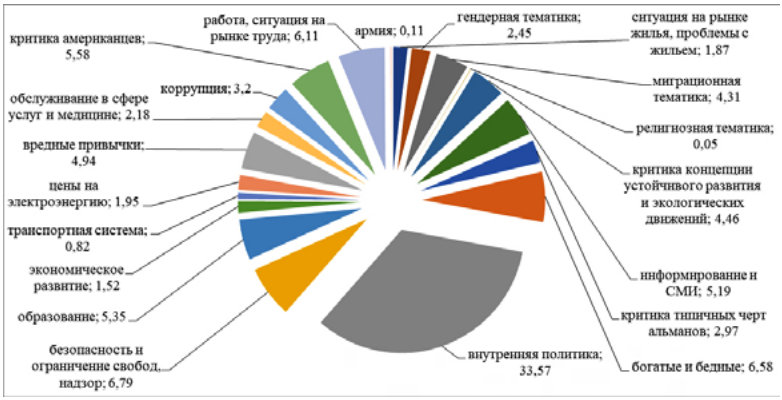

Рис. 3. Рейтинг сфер жизни немецкого общества с высоким индексом «бризантности» по реакциям адресата

По оценке интерактивных реакций адресата (лайков и комментариев) наиболее «бризантными» сферами, критика которых вызывает активную поддержу обычных граждан, являются (топ-10в порядке убывания): внутренняя политика, безопасность и ограничение свобод, надзор, богатые и бедные, работа, ситуация на рынке труда, критика американцев, образование, информирование и СМИ, вредные привычки, концепция устойчивого развития и экологических движений, миграционная тематика. При этом среди политических мемов поддержка адресатов в форме реакций распределяется следующим образом (в порядке убывания): о конкретных партиях (47,9 %), о политике в целом (22,51 %), о конкретных политиках (19,24 %), об избирателях в целом и сторонниках конкретных партий (10,35 %).

Сопоставление представленных на диаграммах (рис. 1, рис. 3) количественных характеристик (выявление их совпадения) позволило определить наиболее «бризантные» сферы по количеству ИМ и интерактивным реакциям, то есть с точки зрения авторов мемов и массового адресата: 1) внутренняя политика; 2) безопасность и ограничение свобод, надзор; 3) богатые и бедные; 4) работа, ситуация на рынке труда; 5) информирование и СМИ; 6) миграционная ситуация; 7) концепция устойчивого развития и экологические движения.

CC BY

Анализ количественных данных также позволяет сделать вывод о тенденции в современной мемной культуре Германии роста популярности неполитических мемов (политические мемы составляют менее 1/3 из всей выборки), в большей мере эта тенденция проявляется в 2024—2025 годах. Более того, разные платформы характеризуются неодинаковой представленностью политических мемов. Наиболее «политизирована» платформа 9gag. На платформах kekememes и Reddit мемы данного типа представлены мало, и несколько раз инициировались голосования по вопросу удаления политических мемов с данных платформ. Объектами ироничной критики авторов мемов все больше становятся повседневные ситуации, присутствующие в индивидуальном опыте, близкие, понятные, вызывающие переживания обычных людей.

3.2. Мемы Германии, репрезентирующие наиболее «бризантные» сферы жизни общества, с позиции адресантов и адресатов

Приведем примеры анализа мемов из 7 тематических групп, отображающих критику наиболее «бризантных» сфер жизни, выявленных по численности ИМ и интерактивным реакциям.

3.2.1. ИМ из тематической группы «Миграционная ситуация»

ИМ «Ich habe einen guten Draht» («У меня хорошая связь») (рис. 4).

Рис. 4. ИМ «Ich habe einen guten Draht»
[kekememesD, obtainableShoeV3, 23.06.2023] (113 лайков, 1 комментарий)

В данном ИМ используется заимствованный ПФ — кадр из вышедшей 23.09.2014 года на канале Ютуб передачи новостей BBC о 130 000 курдских беженцев, прибывших из Сирии из-за боевых действий с Исламским госу-

дарством[1] и направляющихся в Турцию. Турция не справлялась с потоком беженцев и просила международной помощи. ИМ можно отнести к универсальным мемам, знакомство с ПФ может усиливать воздействующий эффект ИМ, но не является обязательным для его интерпретации. Изображаемая ситуация легко считывается. Данный мем — ИМ-эдвайс, ИМ-инновация, ИМ-изображение с незначимой ролью фона, ИМ-персонаж (поскольку ИМ не является реакцией на некое событие, а в основе смыслопорождения лежат закрепленные за изображенными участниками признаки и роли). Ассимиляция прецедентного феномена реализуется посредством вербального компонента. Источником комизма выступают языковая игра и вербальная поддержка элемента визуального ряда посредством использования существительного *Draht* в прямом (*Draht* — провод, проволка, телеграфная линия) и переносном (в составе устойчивого выражения *einen engen Draht zu jemandem haben* — быть в хороших отношениях с кем-либо, иметь хорошую связь с кем-то) значениях. Предмет критики — двойственное отношение к беженцам, которым, с одной стороны, хотят оказать помощь, с другой стороны, отгораживаются от них колючей проволкой, не справляясь с их большим потоком, воспринимая последний как серьезную нагрузку на государственный бюджет и угрозу благополучию принимающего государства).

3.2.2. ИМ из тематической подгруппы «Информирование и СМИ»

ИМ «Peter Parkers Brille» («Очки Петера Паркера») (рис. 5).

Рис. 5. ИМ «Peter Parkers Brille»
[kekememesD, socialistProtectionV0, 25.06.2023] (77 лайков, 4 комментария)

1 Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

CC BY

Это заимствованный четырехпанельный ИМ-сравнение «Питер Паркер надевает очки» с героем Тоби Магуайром из фильма «Человек-Паук» 2002 года. По сюжету, героя укусил паук, и его чувства обостряются. Момент, когда Паркер понимает, что ему больше не нужны очки, чтобы хорошо видеть, и стал мемом. Отдельные варианты мемов Паркера с очками появлялись в начале 2000-х, но по-настоящему популярным формат стал в 2016 году. Пик полулярности ИМ пришелся на август 2016-го, в особенности на платформе 9Gag.

Ядро ИМ: а) визуальный шаблон мема (изображения Питера Паркера в очках и без в двух левых панелях и две разные ситуации / оценки в двух правых панелях); б) обобщенное значение ИМ — два разные взгляда / оценки в зависимости от условий, ироническое отношение к данному факту, разные оценки в результате более детального рассмотрения. В нашем меме герой надевает очки со стеклами, отождествляющимися с видением, подачей информации двумя главными телеканалами Германии (1 — Das Erste, https://www.daserste.de/ и 2DF — https://www.zdf.de/). Именно маркировка стекол реализует ассимиляцию мема в немецкой лингвокультуре. Транслируемый смысл: то, что является в реальности шокирующим, трагичным, подается центральным телевидением как нечто безобидное. Верхняя правая панель — фотография вооруженных мигрантов, опубликованная «Associated Press» 01.03.2016 [bloomberg.com/news]; нижняя правая панель — изображение улыбающихся, позирующих для фотографии детей-беженцев, взятое из статьи «The Guardian» 2013 года о Сирии [The Guardian].

Это — ИМ-персонаж, ИМ-изображение с несмыслопорождающей ролью фона, ИМ-инновация, ИМ-сравнение, условно узкоцелевой ИМ (дополнительный комический эффект основывается на знакомстве с фильмом, исходным мемом). Вербальный ряд сводится к указанию на немецкие каналы, то есть объект критики, и тем самым уточняет визуальный ряд (отношение между рядами — консонанс-комплиментарность). Предмет критики — селективное, идеологизированое информирование граждан центральными телеканалами. Источники комизма — узнаваемый персонаж с приписываемыми ему свойствами, кардинальное различие ситуаций в правых панелях.

3.2.3. ИМ из группы «Политические мемы»

ИМ «Sind sie sich sicher? — Ja!» («Вы уверены? — Да!») относится к подгруппе «О политике в целом» (рис. 6).

Это интракультурный мем. Визуальный ряд — изображение заседания Бундестага. Адресация ИМ — широкая, всем жителям Германии. Для интерпретации ИМ предполагается узнавание изображенной ситуации на основе знания о составе бундестага, что определяет невозможность клас-

Рис. 6. «Sind sie sich sicher? — Ja!»
[RedditD, JOHAE, 2021] (108 лайков, 2 комментария)

сификации мема как универсального. ЭТО ИМ-изображение с незначимой ролью фона, ИМ-инновация. Вербальный компонент («Удаление множества элементов. Вы действительно хотите переместить 620 элементов в корзину?») дополняет визуальный ряд, уточняя транслируемую оценку и объект критики (депутаты Бундестага). Именно столько (620) было депутатов в нижней и верхней палатах Бундестага до реформы избирательного законодательства от 17 марта 2023 (после реформы — 630 депутатов). Источники комизма — совпадение удаляемых элементов и количества депутатов Бундестага, сочетание фотографии официального события в строгой стилистике и наплывающего изображения системного оповещения, отсылающего к знакомой всем ПК-пользователям ситуации, диалогичное название мема (Sind sie sich sicher? — Ja! — Вы уверены? — Да!).

3.2.4. ИМ тематической группы «Богатые и бедные»

ИМ «Arme und Reiche — wir sind nicht gleich» («Богатый и бедный — мы разные») (рис. 7).

ИМ «Богатый и бедный — мы разные» представляет собой заимствованный ИМ-текст (ИМ «Мы разные» / «Мы не одинаковые» / «Мы на разных уровнях» — в оригинале: «**We are not the same**»), универсальный мем, ИМ-инновацию, выполненный в жанре демотиватора. Фон значим для смыслопорождения, задает оценочный вектор при интерпретации мема. ИМ восходит к посту в твиттере пользователя @Lala_Ridley в 2019 году: «*Ты боишься быть одинокой, я боюсь ещё одних бессмысленных отношений. Мы не одинаковые*». Именно заключительная фраза стала реплицироваться, быстро превратившись в мемную. В течение 2019 года мем существовал именно как ИМ-текст. С мая 2021 года мем обретает

CC BY

Рис. 7. ИМ «Arme und Reiche — wir sind nicht gleich»
[kekememesD, 01.08.2022] (157 лайков, 5 комментариев)

наибольшую популярность (в особенности на Reddit и в видео TikTok), и фраза дополняется визуальным компонентом — изображениями разных персонажей, например, Джокера, актеров Мадса Миккельсена и Джанкарло Эспозито, которые реализуют (как правило, с оттенком самовлюбленности, самовозвеличивания) самопрезентацию в форме противопоставления себя псевдо-оппонету, аргументируют и акцентируют свою особенность, превосходство посредством указания на различие и мемной фразы. Предшествующий мемной реплике текст может быть абсурдным, указываемый нелепый повод для гордости выступает в таких случаях также источником комизма. Ядро ИМ: мемная фраза; обобщенное значение — самопрезентация (с самовосхвалением) посредством противопоставления, указания на свою особенность [Мемепедия].

В рассматриваемом ИМ мемная фраза выделена желтым шрифтом (Wir sind nicht gleich); предшествующий текст-обоснование раскрывает различие между богатыми и бедными («Ты живешь в дорогом доме стоимостью в 500 тысяч. Я живу под дорогим мостом стоимостью в 3 миллиона»), транслирует ироничную оценку повода для гордости. Предмет критики — разрыв между бедными и богатыми, их разные условия жизни и возможности. Ироничность претензии на умное, глубокое изречение подкрепляется черно-белым изображением головного мозга человека и псевдо-отсылкой к источнику-ресурсу в сети. Источники комизма — сочетание демотивирующего вербального компонента, ироничной отсылки к ресурсу-источнику, нелепость указываемого отличия как повода для самопрезентации, акцентируемая изображением мозга человека.

CC BY

Рассмотрим еще один ИМ данной тематической группы.

ИМ «Geld: Haste keins kriegste keins» («Деньги: не имеешь ничего, не получишь ничего») (рис. 8).

Рис. 8. «Geld: Haste keins kriegste keins»
[RedditD, deleted, 2021] (195 лайков, 8 комментариев)

ИМ представляет собой вариацию заимствованного мема «Смеющиеся волки». ПФ — загруженная 15.04.2019 года пользователем woxys на сайте DevianArt фотография «Глобальное зевание» (Global yawning) с тремя белыми волками, двое из которых зевают. С помощью фотошопа стоящий посредине волк (изначально просто смотревший вдаль) в 2020 году превратился в явно недовольного чем-то. Данное изображение стало популярным на платформе Reddit и в социальных сетях, используясь как визуальный шаблон для мемов.

Ядро ИМ: а) визуальный шаблон — изображение одного недовольного и двух (или более) смеющихся волков с подписями, конкретизирующими участников иронично представляемой мемом ситуации; б) обобщенное значение — отображение ситуации как вызывающей разные оценки (чаще всего из повседневной жизни), выражение неудовольсвия и удовольствия по поводу одного и того же объекта [Мемепедия]. Данный ИМ-макрос имеет широкую адресацию, может быть отнесен к универсальным (как большинство ИМ-макросов, поскольку эмоции, различающиеся оценки легко считываются; при этом знакомство с исходным мемом усиливает комический эффект); относится к ИМ-инновациям, ИМ-изображениям с незначимой ролью фона, ИМ-персонажам (именно приписываемые изображенным волкам характеристики формируют обобщенное значение мема). Вербальный компонент конкретизирует участников ситуации, выражающих разное отношение (смех — волки по краям, отображающие «мой банк» и «мой

банковский счет»; печаль — волк в центре, олицетворяющий персонаж «я, надеющийся, что когда-нибудь смогу позволить себе дом»). При этом именно отнесенность всех участников к персональной сфере персонажа «я» (реализуется через местоимения «я» и «мой») усиливает воздействие изображаемого несовпадения реакций, подкрепляет персуазивность ИМ. Отношение между визуальным и вербальным рядами — консонанс-комплементарность, обеспечивает привязку обобщенного значения ИМ к репрезентируемой ситуации и ассимиляцию ИМ. Объект мемной репрезентации — финансовое благополучие обычных граждан и их возможности, вызывающие разную оценочную реакцию. Источники комизма — популярные в мемной культуре персонажи с выразительной мимикой, противопоставленные реакции.

3.2.5. ИМ тематической группы «Безопасность и ограничение свобод, надзор»

ИМ «Opossum» («Опоссум») (рис. 9).

Рис. 9. ИМ «Opossum» [9gagD, pioffz, 14.04.2024] (30 лайков, 29 комментариев)

Рис. 10. ПФ ИМ «Opossum»

Этот мем — интракультурный ИМ-пародия. ПФ — логотип Федерального ведомства по охране конституции (рис. 10), существующего с 1950 года для наблюдения за угрожающими демократии и правопорядку Германии организациями и для контрразведки, возглавляемого сегодня Т. Хальденвангом. Исходное изображение было иронично трансформиро-

вано. Изображение орла как государственного символа заменено на опоссума. Данный визуальный элемент поддерживает вербальный ряд, а именно нижнюю надпись, содержащую инициальное сокращение (ОПОССУМ) и его расшифровку (Operative Personen-Observations-und Späh-Software für unidentifizierte Multis — Оперативное программное обеспечение для наблюдения и слежки за неопознанными международными организациями). Выбор животного также представляется значимым для смыслопорождения: опоссум — почти всеядный, спокойный ночной зверек, который превращается мертвым, когда грозит опасность. Исходная надпись на красном гербе ведомства («Защищать демократию») также изменена на «Очень смешная защита». Следует отметить, что переданный при этом графическим способом (цифра «9») компонент *neunmal-* является продуктивным словообразовательным элементом, функционирует как полуаффикс, выполняет функцию усиления передаваемого вторым компонентом слова признака (например, *neunmalklug, neunmalweise, neunmalgescheit*). Шутки на тему защиты в современной мемной культуре Германии превратились в отдельный тренд, им посвящены самостоятельные коллекции (например: [debesteW, debesteB]). Адресация ИМ — условно узкоцелевая, ИМ рассчитан на тех, кто знаком с логотипом Федерального ведомства по охране конституции и сопоставит исходное и трансформированное изображения. Это ИМ-персонаж, ИМ-инновация, ИМ-текст-изображение с незначимой ролью фона (трансформируются и реплицируются компоненты вербального и визуального рядов). Отношение между вербальным и визуальным рядами — консонанс-дублирование (фигурка животного повторяет содержание инициального сокращения). Источниками комизма выступают инициальное сокращение с псевдомотивацией посредством соотнесения с обозначением зверька с интересными приписываемыми ему свойствами; поддержка визуальным компонентом данной псевдомотивации; транформирование исходного изображения официального, некомичного формата.

3.2.6. ИМ тематической группы «Работа, ситуация на рынке труда»

ИМ «Zum kotzen» («Какая мерзость!») (рис. 11).

Это заимствованный ИМ «Feeding Spongebob Lima Beans» («Кормление Спанч Боба лимской фасолью»), который получил распространение более 10 лет назад. ПФ — кадр из 57-й серии третьего сезона мультипликационного фильма про Губку Боба Квадратные Штаны под названием «Крабби-ленд», вышедшей 03.04.2004 года. Желая заработать, мистер Крабс в первый день лета решает создать свою детскую площадку «Крабби-ленд». Площадка получилась ужасной, с ржавыми разваливающимися аттракционами, и не понравилась детям. Ее хозяин пытается удержать детей, раздавая веселые книжки и обещая выступление клоуна Краб-

Рис. 11. ИМ «Zum kotzen»
[RedditD, deleted, 2021] (211 лайков, 8 комментариев)

би. А пока клоун не пришел, маленьких посетителей должен развлекать Спанч Боб. Губка Боб после всех стараний понимает, что детям смешно только тогда, когда ему больно, неприятно. И он начинает специально калечить себя, платит двум громилам, чтобы они его били и кормили консервированной фасолью «Лима». Именно кадр «кормления» и стал основой мема. Ядро ИМ а) визуальный шаблон, включающий три элемента: сопротивляющийся привязанный за руки и ноги Спанч Боб (участник № 1); рука с ложкой, пытающаяся накормить персонажа (участник № 2); банка с консервированной фасолью (участник № 3); при реактуализации ИМ данным элементам приписываются разные роли, участники № 2 и № 3 указывают на объект и предмет критики; б) обобщенное значение: негативная оценка объекта (участник № 2) из-за какого-то его свойства (участник № 3). Вербальный ряд связан с визуальным отношением консонанса-комплементарности, реализует ассимиляцию ИМ. Объектом критики в описываемом ИМ являются работодатели (участник № 2 — Mein Arbeitgeber), которые все чаще предлагают своим сотрудникам (участник № 1 — Ich / Я) не устраивающий их неполный рабочий день (участник № 3 — Kurzarbeit). ИМ имеет условную узкоцелевую адресацию, предполагая знакомство адресата с персонажами мультипликационного фильма, ПФ и содержанием соответствующей серии. При этом, как и многие макросы, данный ИМ-макрос позволяет легко считать транслируемую эмоцию-оценку, что упрощает интерпретацию мема и расширяет границы адресации. Данный мем — ИМ-персонаж, ИМ-инновация, ИМ-изображение с незначимой для смыслопорождения ролью фона. Источниками комизма выступают узнаваемый комический персонаж, его выразительная мимика.

CC BY

ИМ «Manchmal kotzt mich die Industrie einfach an» («Иногда промышленность просто бесит») (рис. 12).

Рис. 12. ИМ «Manchmal kotzt mich die Industrie einfach an» [RedditD, deleted, 2021] (230 лайков, 4 комментария)

Данный мем посвящен уже иной проблеме, а именно сопоставлению таких качеств работников, как опыт и молодость, самопозиционированию «свежеиспеченных» специалистов. ИМ является ассимилированным исходным заимствованным мемом **«You Think You're Better Than Me» (**«Ты думаешь, ты лучше меня») [Мемепедия]. Исходный ИМ состоял из одной панели, на которой был изображен кадр с Конни Никасом, главным персонажем из кинофильма «Хорошее время» (премьера в 2017 году), сыгранным Робертом Паттинсоном, и приведена фраза Конни. В кинофильме присутствовала сцена беседы грабителя банка Конни Никаса (старавшегося спасти от тюрьмы своего брата и подельника Ника) и Рэя (пациента, которого он по ошибке вместо брата выкрал из больницы, роль исполнил Бадди Дюресс), в которой Конни отвечает утвердительно («Я лучше тебя») на вопрос Рэя «Ты думаешь, что ты лучше меня?». В 2020 году появляется первый двухпанельный мем-сравнение с кадрами и фразами данных двух персонажей, которые олицетворяли собой объекты ироничного сравнения — два оцениваемых фильма. Мем обрел популярность в феврале 2021 года. В дальнейших вариациях ИМ верхняя панель содержит изображение Бадди Дюресса, а нижняя — Роберта Паттинсона, что стало реплицируемым визуальным шаблоном. Фразы персонажей (размещаемые в нижней части

панелей вопрос и ответ) также стали мемными, что позволяет отнести данный мем к ИМ-изображению-тексту. Мем содержит ироничное утверждение о превосходстве олицетворяемого Робертом Паттинсоном объекта сопоставления в нижней панели (с его же точки зрения). Обобщенное значение ИМ: сравнение двух объектов (события, явления, вещи, персонажи) и ироничное утверждение о том, что второй объект лучше.

Мемные реплики персонажей вводят сравнение и его результат. Другие элементы вербального ряда в верхних частях панелей уточняют участников — сравниваемые объекты: человек с десятилетним стажем (участник № 1, избитый, замученный, отчаявшийся) и инженер, только что пришедший на производство после окончания университета (участник № 2, молодой и самоуверенный, заявляющий о своем превосходстве). Вербальный ряд дополняет визуальный ряд. Мем относится к условно узкоцелевым ИМ, предполагая для полного комического эффекта знакомство с фильмом, исходным мемом. Это ИМ-инновация, ИМ-персонаж, ИМ-сравнение с незначимой ролью фона. Источниками комизма являются узнаваемые персонажи с приписываемыми им признаками, мемные фразы, «говорящий» внешний вид участников, замещающих сравниваемые объекты.

ИМ «Ich kann das Wort nicht mehr hören» («Я больше не могу слышать это слово») (рис. 13).

Рис. 13. ИМ «Ich kann das Wort nicht mehr hören»
[RedditD, deleted, 2021] (125 лайков, 1 комментарий)

Это ассимилированный исходный заимствованный мем «Chiellini pulling Saka» («Кьеллини тянет Саку») [Мемепедия]. ПФ — кадр 95-ой минуты трансляции со стадиона Уэмбли финального матча футбольного чемпионата «Евро 2020» (11.06.2021 года) между командами Италии и Англии, на котором итальянский футболист Кьеллини старается не дать

CC BY

продвинуться вперед английскому полузащитнику Букайо Саке, схватив его за футболку. В этот же день появились первые ИМ с данным кадром. Позже появляются вариации мема, в которых с использованием фотошопа действия получившего за нарушение правил игры «желтую карточку» итальянца представляются как благородные (например, второй игрок изображается стоящим на краю пропасти или падающим под поезд). Ядро ИМ: а) визуальный шаблон Кьеллини (участник № 1) удерживает Саку (участник № 2) рукой (факультативный участник № 3) за ворот футболки на футбольном поле; б) обобщенное значение: ироничная интерпретация знакомых ситуаций, когда нечто мешает кому-то двигаться к своей цели, продвигаться вперед. В описываемом ИМ вербальный компонент уточняет участников: участник № 1 — работодатель, участник № 2 — производственный совет (организация в Германии, представляющая интересы и права всех работников, независимо от их возраста, национальности, гражданства, должности, стажа, исполняющая роль посредника между работодателями и работниками), участник № 3 — сохранение промышленного предприятия / промышленной площадки. Отношение между вербальным и визуальным рядами — консонанс-дополнение. Объект критики — работодатели, предмет критики — пренебрежение интересами, правами работников и игнорирование мнения производственного совета под предлогом сохранения производства. ИМ можно отнести к условно узкоцелевым, поскольку для полного комического эффекта предполагается знакомство с изображенной на кадре прецедентной ситуацией и исходным мемом. При этом общая интерпретация мема базируется на считываемости знакомой ситуации и выразительности действий участников. Это ИМ-персонаж (смыслопорождение основывается на закрепленных за участниками признаках и ролях), ИМ-инновация, ИМ-изображение с незначимой ролью фона, ИМ-макрос (выражение лиц и действия персонажей — знаки эмоций, транслируемого отношения). Источниками комизма выступают перенос игровой ситуации на производственную сферу, обыгрываемая конфликтная прецедентная ситуация, выразительные мимика и действия персонажей.

3.2.7. ИМ тематической группы «Концепция устойчивого развития и экологические движения»

ИМ «Das ist ein CAT994A» («Это CAT994A») (рис. 14)

Это ассимилированный инокультурный мем об экскаваторе Caterpillar серии 994 на экологическую тематику; исходный ИМ появился в англоязычном сегменте интернета 11.11.2022 года [sonofgeektalk]. Следует отметить, что впоследствии публикуются разоблачения данного мема (например, [sonofgeektalk]), где посредством расчетов показывается несостоятельность вывода о неэкологичности экскаватора и электромобилей. В немецком ИМ

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 14. ИМ «Das ist ein CAT994A»
[RedditD, DerDOC, 19.06. 2023] (84 лайка, 8 комментариев)

ассимилирующая трансформация затрагивает только вербальный компонент и заключается в его переводе на национальный язык («Это CAT994A. Он сжигает за 12 часов около 1000 литров горючего, снимает около 250 тонн почвы, чтобы добыть сырье, необходимое для производства всего одной *аккумуляторной* батареи “Тесла”»). Ядро ИМ: визуальный шаблон — изображение тяжелого экскаватора, используемого в горнодобывающей промышленности, на фоне здания; транслируемое вербально обобщенное значение — нецелесообразность, парадоксальное несоответствие затрат и результатов, преимуществ и вреда. Вектор интерпретации задается жанром ИМ (демотиватор). Это ИМ-персонаж (приписываемые экскаватору признаки «большой, но бесполезный» являются значимыми для смыслопорождения), ИМ-текст-изображение (реплицируются оба ряда), ИМ-инновация, ИМ со значимой ролью фона, с широкой адресацией. Вербальный компонент дополняет визуальный ряд, уточняя предмет критики (экологичные технологии вовсе не так безвредны, технические новшества не обязательно приносят пользу). Источником комизма выступает несопоставимость размера машины, ее мощи и результатов, усиливаемая акцентирующим расхождение написанием заглавными буквами EINER — «одной» (аккумуляторной батареи), соотнесением размера экскаватора и человека.

ИМ «Klimakleber» («Климатический террорист» — участник экоакций движения «Последнее поколение», в которых экоактивисты блокировали улицы своими сидячими забастовками, буквально приклеивая себя к дорогам,

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

или к произведениям искусства, привлекая внимание к экологической проблематике; отсюда и название участников «климатический клей») (рис. 15).

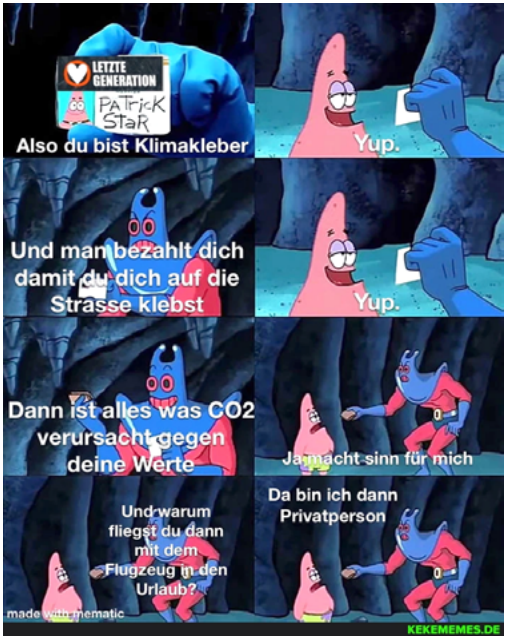

Рис. 15. ИМ «Klimakleber»
[kekememesD, trusty_hurt_6, 23.06.2023] (32 лайка, 1 комментарий)

Это заимствованный мем в жанре восьмипанельного комикса (см. например, ИМ «Why did Patrick keep telling Man Ray it wasn't his wallet even though his ID was in it?» / «Почему Патрик продолжал говорить Мэн Рэю, что это не его кошелек, хотя в нем было его удостоверение личности?», появившийся в коллекции r/spongebob англоязычного сегмента платформы reddit в 2019 году; вариации ИМ «Патрик: не мой кошелек» на сайтах [imgflip] и [Mine your mind]: https://mineyourmind.net/forum/threads/just-a-little-meme-i-made.30848/). ПФ — кадры из двадцатой серии второго сезона мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны» под номером 31a с названием «Морской Супермен и Очкарик 3» («Mermaid Man and Barnacle Boy III»), вышедшей в США 14.09.2001 года. По сюжету, Морской Супермен и Очкарик, отправляясь в путешествие, просят Губку Боба и Патрика последить за их логовом в пещере, где Боб и Патрик встречают главного врага супермена и Очкарика — Мен Рэя. На просьбу Мена выпустить его из

пещеры Боб и Патрик отвечают отказом, называя Рэя злодеем. Рэй просит научить его быть добрым, и друзья дают ему несколько «уроков доброты». Прецедентные кадры изображают первый урок, в котором Рэя учат, как поступить, когда кто-то потерял свой кошелек. На кадрах Рэй безуспешно пытается вернуть Патрику выроненный им кошелек, поскольку тот все время твердит, что это не его вещь (несмотря на то, что в кошельке его удостоверение). Разозленный Рэй пытается напасть на глупого, по его мнению, Патрика. Ассимиляция и реконтекстуализация ИМ осуществляется посредством вербального компонента. Первый ряд: а) левая панель — Мен Рэй показывает удостоверение Патрика Стара как члена движения «Последнее поколение» и говорит «Итак, ты экоактивист» (Климаклебер); б) правая панель — ответ Патрика «Ага». Второй ряд: а) левая панель — реплика Мена «И тебе платят за то, что ты приклеиваешь себя к дорогам» (продолжает показывать удостоверение); б) правая панель — ответ Патрика «Ага». Третий ряд; а) левая панель — реплика Мена «Тогда все, что производит CO^2, противоречит твоим ценностям» (показывает кошелек патрика); б) правая панель — реплика Патрика «Да, это важно для меня» (Мен пытается отдать Патрику кошелек). Четвертый ряд: а) левая панель — реплика Мена «А почему ты тогда летаешь в отпуск на самолете?» (протягивает Патрику кошелек); б) правая панель — ответ Патрика «А я в это время частное лицо». ИМ отражает некоторое раздражение немецких граждан в отношении экоактивистов; поступки экоактвистов изображается как нелогичные, глупые, меркантильные. Ядро ИМ включает представленный восьмипанельный визуальный шаблон, обобщенное значение мема — изображение некой непонятной, нелогичной ситуации, противоречивости чьих-либо действий (согласие с озвучиваемыми логическими посылками и несогласие с логическим следствием). ИМ относится к сепаратным узкоцелевым мемам, предполагая знакомство адресата с прецедентным феноменом и исходным ИМ. Вербальный компонент дополняет визуальный ряд, указывая на участников ситуации, объект и предмет критики. Это ИМ-персонаж, ИМ-инновация, ИМ с незначимой ролью фона, ИМ-изображение. Источники комизма — узнаваемые мультипликационные персонажи с «говорящей» мимикой, отсылка к сюжету серии мультфильма, нелогичность происходящего, перенос ситуации в сферу экологической политики.

3.2.8. Актуальный тренд немецких мемов — ИМ «Набор»

Анализ мемов 2025 года свидетельствует о формировании нового тренда, интракультурного мема-пародии «Набор». Ядро мема: а) визуальный шаблон — изображение набора, в котором в центр помещается критикуемый объект, по бокам предметы, символизирующие приписываемые ему неодобряемые признаки, то есть раскрывающие предмет ироничной

CC BY

критики; как правило, снабжен оценочной репликой-выводом; б) обобщенное значение мема — оценка объекта посредством характеризующих его предметов. Приведем некоторые примеры данного тренда.

ИМ «Bundestags Clown» — «Клоун бундестага» (рис. 16).

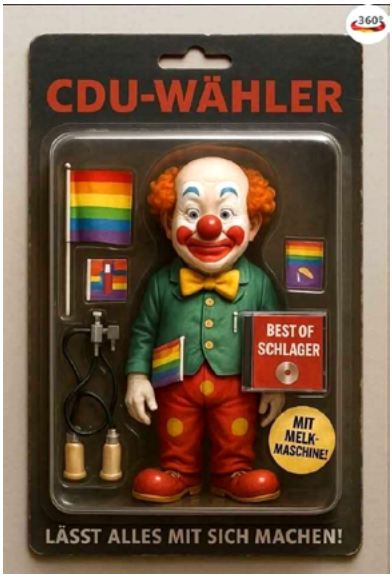

Рис. 16. ИМ «Bundestags Clown»
[9gagD, brausetrinker9, 13.04.2025] (125 лайков, 11 комментариев)

Набор называется «Избиратель ХДС». В набор помимо фигурки клоуна-избирателя входят диск с коллекцией шлягеров и доильный аппарат. Обобщающая, расположенная в самом низу набора подпись гласит: «С ним можно делать все, что угодно»). Источники комизма — сам пародийный формат детского набора, название мема, персонаж, замещающий избирателя, неожиданные части набора.

ИМ Набор «Арно Дюбель», название ИМ «Der Arno darf hier aber auch nicht fehlen» — «Арно здесь должен быть обязательно» (рис. 17).

Это узкоцелевой ИМ, ИМ-изображение, ИМ-инновация. Адресация ограничивается кругом лиц, знакомых с образом жизни Арно Дюбеля (1956—2023), который много десятилетий жил в Гамбурге (Германия) на пособие по безработице и был автором философии отказа от труда; его называют «плевком в лицо миллионам людей, каждый день идущим на работу». За время борьбы с государством Арно приобрел не только мно-

CC BY

Рис. 17. ИМ Набор «Арно Дюбель»
[9gagD, meet_the_gadse, 12.04.2025] (52 лайка, 10 комментариев)

жество противников, но и собрал вокруг себя целую армию поклонников, был местной звездой.

В набор входит справка о нетрудоспособности (Arbeitsunfähigkeitsb escheinigung), пачка сигарет и банка пива. Резюмирующая надпись следующая: «Играй с ним целый день и ничего не делай»). В комментариях посетителей мемотеки размещен и вариант мема — расширенный набор, версия «Получаю от службы занятости». В расширенный набор добавлены удобное кресло, пепельница с окурками, упаковка пива.

4. Заключение = Conclusions

Выполненная тематическая классификация ИМ Германии, размещенных в 2021—2025 годах в немецкоязычных сегментах платформ Reddit, kekememes и 9gag, количественная оценка наполняемости тематических групп и интерактивных реакций пользователей позволили выделить в качестве снабженных наибольшим индексом «бризантности» в восприятии адресантов и адресатов следующие сферы жизни общества: внутренняя политика, безопасность, ограничение свобод и надзор, финансовые возможности богатых и бедных, работа и ситуация на рынке труда; информирование и СМИ, миграционная ситуация, концепция устойчивого развития и экологические движения; сделать наблюдение о разной степени поли-

тизированности использованных ресурсов и о наметившейся в 2024—2025 годах тенденции к снижению интереса массового адресата к политических мемам.

Описание генетических, жанровых, структурных характеристик отобранных ИМ, особенностей взаимодействия вербального и визуального рядов, адресации, функционирования прецедентных феноменов, специфики смыслопорождения и создания комизма позволили выявить формирующуюся тенденцию усложнения мемов, а именно — гибридизации их жанровых признаков; новый, возникший в 2025 году пародийный ИМ-тренд «Набор»; определить устойчивые черты мемной репрезентации современной действительности в рамках мем-культуры Германии. К ее константным, идеографически не детерминируемым чертам по результатам анализа мы относим превалирование ассимиляции инокультурных ИМ посредством включения, преимущественно в вербальный компонент, интракультурных элементов; большую представленность ИМ с широкой адресацией и отсылающих к актуальным явлениям и событиям, прецедентным феноменам как проводникам, как правило, негативных смыслов; преобладающие репликацию визуального ряда и отношение согласования-дополнения между вербальным и визуальными рядами, где первый уточняет обобщенное значение ИМ и конкретизирует объект / предмет критики; активное функционирование эдвайсов, макросов, комиксов и ИМ-сравнений; большей частью незначимую роль фона в генерации транслируемого ИМ смысла; присутствие в визуальном ряду изображений одушевленных субъектов и частотное отождествление с ним как эталонным носителем отрицательного качества объекта критики; регулярное выстраивание комизма на основе выразительной мимики изображенного персонажа и визуальной поддержки вербального компонента. При этом конкретное количественное соотношение ино- и интракультурных, универсальных и сепаратных ИМ, мемов-персонажей и мемов-событий, мемов-изображений и мемов-текстов, ИМ разных жанров, разных средств комизма и способов взаимодействия вербального и невербального рядов может варьироваться от одной тематической группы к другой.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Мемепедия — *Энциклопедия* мемов «Мемепедия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://memepedia.ru/ (дата обращения 21.03.2025).

2. bloomberg.com/news — *Associated* Press, 01.03.2016, Article «Migrants at the Greece-Macedonia border», Photographer : Pierre Crom [Electronic resource]. — Access

mode : https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-01/more-than-7-000-migrants-stuck-on-greek-macedonian-border (accessed 20.03.2025).

3. debeste.de/bilder — *Public* Page «DeBeste», The section «Images» [Electronic resource]. — Access mode : https://debeste.de/bilder/sch%C3%BCtzen (accessed 16.03.2025).

4. debesteW — *Public* Page «DeBeste», The section «Jokes» [Electronic resource]. — Access mode : https://debeste.de/witze/sch%C3%BCtzen/ (accessed 16.03.2025).

5. Imgflip — *Website* for creating and sharing images [Electronic resource]. — Access mode : https://imgflip.com/meme/109894751/patrick-not-my-wallet?sort=top-365d&page=2 (accessed 22.03.2025).

6. kekememesD — *The German-language* segment of the site Kekememes [Electronic resource]. — Access mode : https://kekememes.de/ (accessed 16.03.2025).

7. Mine your mind — *Minecraft* modded server network [Electronic resource]. — Access mode : https://mineyourmind.net/forum/threads/just-a-little-meme-i-made.30848/ (accessed 02.04.2025).

8. RedditD — *The German-language* segment of the platform Reddit [Electronic resource]. — Access mode : https://www.reddit.com/r/MemesinDeutsch/ (accessed 28.03.2025).

9. Sonofgeektalk — *Public* Page «Son of Geektalk», the section «Category : Life with Tech», Part «Debunking the open pit meme» [Electronic resource]. — Access mode : https://sonofgeektalk.wordpress.com/category/life-with-tech/page/2/ (accessed 20.03.2025).

10. The Guardian — *British* national daily newspaper «The Guardian», 04.09.2013, Article «Children in a Syrian refugee camp in Za'atari, Jordan», Photograph : Jeff J. Mitchell [Electronic resource]. — Access mode : https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/sep/04/syria-crisis-middle-east-violence (accessed 29.03.2025).

11. 9gagD — *The German-language* segment of the online platform and social media website «9gag» [Electronic resource]. — Access mode : https://9gag.com/interest/germany (accessed 02.04.2025).

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова // Известия Уральского федерального университета. — Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 2 (186). — С. 67—73.

2. *Байчик А. В.* Ноополитика как глобальная информационная стратегия / А. В. Байчик, С. Б. Никонов // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 207—213.

3. *Беловодская А.* Интернет-мемы как репрезентанты медиаконцепта (к вопросу о методике анализа медиаобраза) / А. Беловодская // Przegląd Rusycystyczny. — 2016. — № 4 (156). — С. 119—132.

4. *Борисенко В. А.* Мем как диагностирующая единица ключевых проблем современного общества / В. А. Борисенко, Т. Ю. Мкртчян // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 94. — № 5. — С. 36—42. — DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-36-42.

5. *Зиновьева Н. А.* Воздействие мемов на Интернет-пользователей : типология Интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 195—201.

6. *Глухих В. А.* Интернет-мемы как инструменты публичной политики. / В. А. Глухих, С. М. Елисеев // Дискурс. — 2017. — № 4. — С. 90—96.

7. *Канашина С. В.* Роль интернет-мемов в процессе политических выборов / С. В. Канашина // Политическая лингвистика. —2018. — № 1 (67). — С. 67—72.

8. *Марченко Т. В.* Взаимодействие форм прецедентности в синестетических полимодальных единицах : мемы в чувствах и чувства в мемах / Т. В. Марченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 1. — С. 210—224. — DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-210-224.

9. *Ребрина Л. Н.* Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии : тематическая группа «Большая коалиция» / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022; — № 11 (4). — С. 239—257. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257.

10. *Савицкая Т. Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — С. 3.

11. *Шомова С. А.* Мем-летописец : репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета / С. А. Шомова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 5. — С. 399—424. — DOI: https:// doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977.

12. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы в современной коммуникации : адаптация и прагматический потенциал / Ю. В. Щурина // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — № 3. — С. 558—576. — DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).558-576.

13. *Aslan E.* Days of our 'quarantined' lives Multimodal humour in COVID-19 internet memes / E. Aslan // Internet pragmatics. — 2022. — Vol. 5 (2). — Pp. 227—256. — DOI: https://doi.org/10.1075/ip.00075.asl.

14. *Erlehnmann N.* Internet-Meme. Kurz und geek / N. Erlehnmann, Ch. Plomlompom. — Köln : O'Reilly, 2013. — 236 S.

15. *Hartmann F.* Meme : Die Kunst des Remix / F. Hartmann. — Berlin : Amadeo Antonio Stiftung, 2017. — 33 S.

16. *Lukacs G.* Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary / G. Lukacs // Visual anthropology review. — 2021. — Vol. 37 (1). — Pp. 52—76.

17. *Martynyuk A.* Socio-pragmatic potential of (verbo)-visual metaphtonymy in Internet memes featuring Donald Trump / A. Martynyuk, O. Meleshchenko // Metaphor and the social world. — 2021. — Vol. 12 (1). — Pp. 69—91. — DOI: https://doi.org/10.1075/msw.20010.mar.

18. *Miltner K. M.* There's no place for lulz on LOLCats : The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme / K. M. Miltner // First Monday. — 2014. — Vol. 19. — № 8. — Pp. 21—43.

19. *Osterroth A.* Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text / A. Osterroth // Image. — 2015. — № 22. — S. 26—46.

20. *Paz M. A.* From Polarization to Hate : Portrait of the Spanish Political Meme / M. A. Paz, A. Mayagoitia-Soria, J. M. Gonzalez-Aguilar // Social media + society. — 2021. — Vol. 7 (4). — Pp. 56—64. — DOI: https://doi.org/10.1177/20563051211062920.

21. *Smith A. O.* Memetics as informational difference : offering an information-centric conception of memes / A. O. Smith, J. Hemsley // Journal of documentation. — 2022. — № 78 (5). — Pp. 1149—1163. — DOI: https://doi.org/10.1108/JD-07-2021-0140.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 27.08.2025.

Material resources

9gagD — *The German-language segment of the online platform and social media website «9gag».* Available at: https://9gag.com/interest/germany (accessed 02.04.2025).

bloomberg.com/news — *Associated Press, 01.03.2016, Article «Migrants at the Greece-Macedonia border», Photographer: Pierre Crom.* Available at: https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-01/more-than-7-000-migrants-stuck-on-greek-macedonian-border (accessed 20.03.2025).

debeste.de/bilder — *Public Page «DeBeste», The section «Images».* Available at: https://debeste.de/bilder/sch%C3%BCtzen (accessed 16.03.2025).

debesteW — *Public Page «DeBeste», The section «Jokes».* Available at: https://debeste.de/witze/sch%C3%BCtzen/ (accessed 16.03.2025).

Imgflip — *Website for creating and sharing images.* Available at: https://imgflip.com/meme/109894751/patrick-not-my-wallet?sort=top-365d&page=2 (accessed 22.03.2025).

kekememesD — *The German-language segment of the site Kekememes.* Available at: https://kekememes.de/ (accessed 16.03.2025).

Memepedia — *Encyclopedia of memes "Memepedia".* Available at: https://memepedia.ru/ (accessed 21.03.2025). (In Russ.).

Mine your mind — *Minecraft modded server network.* Available at: https://mineyourmind.net/forum/threads/just-a-little-meme-i-made.30848/ (accessed 02.04.2025).

RedditD — *The German-language segment of the platform Reddit.* Available at: https://www.reddit.com/r/MemesinDeutsch/ (accessed 28.03.2025).

Sonofgeektalk — *Public Page «Son of Geektalk», the section «Category : Life with Tech», Part «Debunking the open pit meme».* Available at: https://sonofgeektalk.wordpress.com/category/life-with-tech/page/2/ (accessed 20.03.2025).

The Guardian — *British national daily newspaper «The Guardian», 04.09.2013, Article «Children in a Syrian refugee camp in Za'atari, Jordan», Photograph: Jeff J. Mitchell.* Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/sep/04/syria-crisis-middle-east-violence (accessed 29.03.2025).

References

Aslan, E. (2022). Days of our 'quarantined' lives Multimodal humour in COVID-19 internet memes. *Internet pragmatics, 5 (2):* 227—256. DOI: https://doi.org/10.1075/ip.00075.asl.

Babikova, M. R. (2019). Genre varieties of Internet memes in modern nationalist discourse. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture, 25 / 2 (186):* 67—73. (In Russ.).

Baichik, A. V., Nikonov, S. B. (2012). Noopolitik as a global information strategy. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism, 1:* 207—213. (In Russ.).

Belovodskaya, A. (2016). Internet memes as representatives of media concepts (on the issue of methods of media image analysis). *Przegląd Rusycystyczny, 4 (156):* 119—132. (In Russ.).

Borisenko, V. A. (2022). Meme as a diagnostic unit of key problems of modern society. *Humanities and Social Sciences, 94 (5):* 36—42. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-36-42. (In Russ.).

Erlehnmann, N., Plomlompom, Ch. (2013). *Internet-Meme. Kurz und geek.* Köl: O'Reilly. 236 S.

Glukhikh, B. A. (2017). Internet memes as tools of public policy. *Discourse, 4:* 90—96. (In Russ.).

Hartmann, F. (2017). *Meme: Die Kunst des Remix.* Berlin: Amadeo Antonio Stiftung. 33 S. (In Germ.).

Kanashina, S. V. (2018). The role of Internet memes in the process of political elections. *Political Linguistics, 1 (67):* 67—72. (In Russ.).

Lukacs, G. (2021). Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary. *Visual anthropology review, 37 (1):* 52—76.

Marchenko, T. V. (2023). Interaction of precedent forms in synesthetic polymodal units: memes in feelings and feelings in memes. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 1:* 210—224. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-210-224. (In Russ.).

Martynyuk, A., Meleshchenko, O. (2021). Socio-pragmatic potential of (verbo)-visual metaphtonymy in Internet memes featuring Donald Trump. *Metaphor and the social world, 12 (1):* 69—91. DOI: https://doi.org/10.1075/msw.20010.mar.

Miltner, K. M. (2014). There's no place for lulz on LOLCats: The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme. *First Monday, 19 (8):* 21—43.

Osterroth, A. (2015). Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text. *Image, 22:* 26—46.

Paz, M. A., Mayagoitia-Soria, A., Gonzalez-Aguilar, J. M. (2021). From Polarization to Hate: Portrait of the Spanish Political Meme. *Social media + society, 7 (4):* 56—64. DOI: https://doi.org/10.1177/20563051211062920.

Rebrina, L. N. (2022). Internet Memes as a Current Phenomenon of Political Internet Communication in Germany: Grand Coalition Thematic Group. *Nauchnyi dialog, 11 (4):* 239—257. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257 (In Russ.).

Savitskaya, T. E. (2013). Internet memes as a phenomenon of mass culture. *Culture in the modern world, 3:* P. 3. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2023). Internet memes in modern communication: adaptation and pragmatic potential. *Communicative research, 10 (3):* 558—576. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3) .558-576. (In Russ.).

Shomova, S. A. (2021). Meme chronicler: representation of the news agenda of the pandemic in the memetic content of the Runet. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5:* 399—424. DOI: https:// doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977. (In Russ.).

Smith, A. O., Hemsley, J. (2022). Memetics as informational difference: offering an information-centric conception of memes. *Journal of documentation, 78 (5):* 1149—1163. DOI: https://doi.org/10.1108/JD-07-2021-0140.

Zinovieva, N. A. (2015). The impact of memes on Internet users: a typology of Internet memes. *Bulletin of Economics, Law and Sociology, 1:* 195—201. (In Russ.).

The article was submitted 22.05.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 27.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Чигашева М. А. Стереотипные представления российских студентов об Австрии и австрийцах : результаты ассоциативного эксперимента / М. А. Чигашева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 113—132. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-113-132.

Chigasheva, M. A. (2025). Stereotypical Representations of Austria and Austrians among Russian University Students: Findings from a Word Association Experiment. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 113-132. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-113-132. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Стереотипные представления российских студентов об Австрии и австрийцах: результаты ассоциативного эксперимента

Чигашева Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0003-1423-5479
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры немецкого языка
mchigasheva@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Stereotypical Representations of Austria and Austrians among Russian University Students: Findings from a Word Association Experiment

Marina A. Chigasheva
orcid.org/0000-0003-1423-5479
PhD in Philology, Associate Professor,
Professor, Department of the German
mchigasheva@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Чигашева М. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено выявлению когнитивных представлений и эмоционально-оценочных реакций россиян в отношении Австрии и австрийцев. Применен метод свободного ассоциативного эксперимента. Новизна работы обусловлена отсутствием комплексного анализа данного гетеростереотипа в научном дискурсе. В качестве респондентов выступили студенты трех российских университетов (103 человека), получено 146 ассоциаций и 340 реакций, систематизированных по семи стереотипным тематическим областям и трем группам в соответствии с эмоциональной оценкой (позитивные, нейтральные, негативные реакции). Зафиксировано преимущественно положительное восприятие российскими респондентами (преимущественно студентами) Австрии и ее жителей, критическое отношение к фактам истории, определена частотность упоминания стереотипов, установлено соотношение конвенциональных и неконвенциональных ассоциаций. Выявлен преобладание доли неконвенциональных (67 %) ассоциаций, которым свойственна индивидуальность и спорадичность упоминания, что свидетельствует о негомогенном характере анализируемого гетеростереотипа в сознании российской молодежной аудитории. Сопоставление результатов первичного портретирования респондентов и собственно ассоциативного эксперимента выявило совпадение четырех тематических областей («Культура», «История», «Язык», «Современная политическая и социально-экономическая ситуация»). Полученные ассоциации дополнили образ Австрии и австрийцев тремя областями («Кухня», «География», «Люди»).

Ключевые слова:
стереотипы; свободный ассоциативный эксперимент; Австрия; австрийцы; имагология; образ чужого; этнические стереотипы; психолингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the cognitive representations and affective-evaluative reactions of Russians towards Austria and its people. A free word association experiment was employed as the primary methodological tool. The novelty of this research lies in the absence of a comprehensive analysis of this particular heterostereotype within the scholarly discourse. The respondent pool consisted of 103 students from three Russian universities. The experiment yielded 146 stimulus words and 340 individual reactions, which were systematized into seven thematic categories and three groups based on emotional valence (positive, neutral, negative). The findings indicate a predominantly positive perception of Austria and its inhabitants among the Russian respondents. However, a critical stance towards certain historical facts was noted. The analysis determined the frequency of stereotype mentions and the ratio of conventional to non-conventional associations. A significant prevalence of non-conventional associations (67%) was revealed; these were characterized by their individuality and sporadic occurrence, suggesting a non-homogeneous nature of the heterostereotype within the Russian youth cohort. A comparison of preliminary respondent profiling data with the association experiment results identified four overlapping thematic areas: “Culture,” “History,” “Language,” and “Contemporary Political and Socio-Economic Situation.” The elicited associations supplemented the image of Austria and Austrians with three additional categories: “Cuisine,” “Geography,” and “People.”

Key words:
stereotypes; free word association experiment; Austria; Austrians; imagology; image of the Other; ethnic stereotypes; psycholinguistics.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’23+81’373.235
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-113-132

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Стереотипные представления российских студентов об Австрии и австрийцах: результаты ассоциативного эксперимента

© Чигашева М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Стереотипы являются предметом исследования разных научных дисциплин: социологии, психологии, межкультурной коммуникации, этнологии и, в первую очередь, лингвистики, так как они репрезентируются посредством языковых единиц. В их изучении достаточно далеко продвинулась психолингвистика, имеющая в своем арсенале достоверные методы и большой опыт эмпирических исследований. Тем не менее эта тема по-прежнему привлекает внимание ученых. Поисковый запрос на сайте российской электронной научной библиотеки eLibrary по ключевому словосочетанию «стереотипные представления» выдает 12170 публикаций, по словосочетанию «свободный ассоциативный эксперимент» — 3064 публикации, что наглядно демонстрирует интерес исследователей к стереотипам и психолингвистическим методам анализа. Запрос по сочетаниям слов «стереотипные представления, Австрия, австрийцы» (с учетом морфологии) показал наличие 16 публикаций за период с 1990 по 2024 годы, большей частью исторической тематики. Уточнение области знания в пределах языкознания, социологии и психологии не выявило ни одной публикации, что придает данному исследованию безусловную новизну.

Анализ стереотипных представлений о странах немецкоязычного региона рассматривался в отечественном научном дискурсе преимущественно на примере Германии [Глушак и др., 2016; Глушак, 2018; Хлопова, 2024а, 2024б]. Недавно появились работы по сопоставительному исследованию базовых ценностей в немецкой и австрийской лингвокультурах на основе ассоциативных экспериментов [Хлопова, 2024в; 2025], а также издан ассоциативный словарь базовых ценностей на материале двух национальных вариантов немецкого языка (немецкого и австрийского) и русского языка [Пищальникова и др., 2024а]. В научных публикациях последнего времени приоритетное внимание обращено на гендерные стереотипы [Товкес,

2021; Tremmel et al., 2023], стереотипные представления россиян о Китае и китайцах [Чжан, 2018], этнический стереотип «русские» в сознании носителей английского языка [Литвинова и др., 2022], динамику взаимного восприятия российских и американских подростков [Гинзбург и др., 2023]. На основе психолингвистического эксперимента в сравнительном аспекте проводились исследования концептов ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ четырех лингвокультур — русской, украинской, британской и американской [Чудинов и др., 2021]. Зарубежные ученые изучают, например, точность стереотипов [Czarnik, 2020], стереотипные представления о Германии на занятиях по иностранному языку в школах Нидерландов и России [Boonen et al., 2022], проявление стереотипов в межкультурных исследованиях [Ossenberg, 2020] и др.

Краткий обзор научных публикаций последнего времени подтверждает актуальность предпринятого исследования. Оно направлено на выявление особенностей восприятия и оценочных суждений представителей одной нации (в нашем случае — россиян) о другой стране (Австрии) и представителях этой страны, другого этноса (об австрийцах), то есть речь идет об анализе гетеростереотипа. Изучение гетеростереотипов представляется важным прежде всего с позиции межкультурной коммуникации, так как позволяет определять устоявшиеся представления и их динамику, устанавливать причины их появления, разрабатывать стратегии по их корректировке, что может оказывать непосредственное влияние на процессы межнационального взаимодействия. С лингвистической точки зрения наш интерес фокусируется также на языковых средствах, при помощи которых осуществляется вербализация стереотипа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования заключается в выявлении наивных представлений российской студенческой молодежи о другой стране и ее представителях, их эмоциональной оценки со стороны респондентов, определении тематических групп, частотности полученных реакций и установлении особенностей вербализации ассоциаций. Объектом данного исследования выступает феномен стереотипизации, предметом — стереотипные представления, то есть знания как когнитивно-информационный компонент стереотипа, по терминологии В. А. Пищальниковой [Пищальникова, 1999], и отношение к этому виду знания как эмоционально-оценочный аспект. Предполагается выяснить, что известно российским студентам, имеющим опыт изучения немецкого языка, об Австрии и австрийцах. Полученные результаты можно использовать в том числе в образовательной деятельности. Выбор студентов в качестве респондентов считаем оправ-

данным: через несколько лет они будут вовлечены в систему общественных отношений, возможно, и на межгосударственном уровне, поэтому выявление стереотипов и их корректировка на этапе обучения представляются особенно важными.

Данное исследование основывается на базовых положениях, изложенных в научных трудах отечественных ученых. Ключевой является теория речевой деятельности А. А. Леонтьева, она позволяет рассматривать соотношение стимула и реакции как речевого действия и устанавливать смысл различных понятий, в том числе стереотипов [Леонтьев, 2007]. В русле отечественных психолингвистических школ (Московской и Тверской) проводятся исследования по эффективному применению ассоциативного эксперимента. Следует отметить прежде всего теоретически значимые работы В. А. Пищальниковой [Пищальникова и др., 2024б] и А. А. Залевской [2005], а также прикладные исследования, развивающие данную тематику [Пищальникова и др., 2025]. Научные изыскания Санкт-Петербургской школы психолингвистики затрагивают вопросы нейролингвистики и нейрокогнитивных способностей мозга, что не является релевантным для нашего анализа на данном этапе. Интересные исследования проводят ученые Воронежской психолингвистической школы, основанной И. А. Стерниным. Так, например, при помощи метода ассоциативного эксперимента (свободного и направленного в комплексе) анализировались топонимы с целью выявления интегральных и дифферециальных сем в языковом сознании представителей разных регионов России [Махаев и др., 2023].

Методологическую основу данного исследования составляет свободный ассоциативный эксперимент, который проводился анонимно и дистанционно, при помощи Google-формы. Анонимность опроса позволила объективно зафиксировать ассоциации респондентов. Дистанционный формат несколько ограничивает чистоту эксперимента, так как в данном случае невозможно проследить, насколько спонтанной была реакция участников. Анкета включала два блока. Вопросы первого блока были направлены на определение социологического портрета опрашиваемых (возраст, пол, родной язык, знания немецкого языка и их уровень), а также опыта общения с австрийцами. Во втором блоке респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие ассоциации у Вас возникают в первую очередь при упоминании Австрии и австрийцев?» Количество ответов не ограничивалось, но была сформулирована просьба после каждого упоминания указать свое отношение в виде знака: + (позитивное), = (нейтральное) или — (негативное), что стало основой для выявления эмоционально-оценочных реакций респондентов. Ссылка на анкету была разослана студентам трех российских университетов (МГИМО, МГУ, МГЛУ), однако в ходе исследования не ставилась задача сравнить

CC BY

ассоциации молодежи, представляющей разные учебные заведения, поэтому название вуза в анкете не уточнялось. Опрос проводился в марте-апреле 2025 года. Всего было получено 103 анкеты, выявлено 340 реакций. На следующем этапе исследования ответы были систематизированы по типу отношения (положительное, нейтральное, отрицательное) и тематическим областям. Все полученные ассоциации были разделены на конвенциональные (с частотой повторения не менее двух раз) и неконвенциональные (единичные) и рассмотрены с точки зрения формальных грамматических особенностей (словоформа, словосочетание, сказуемое, предложение). Данные результаты были дополнены анализом вербальных ассоциаций с семантической, точнее, с ономастической позиции. На основе полученных данных предлагается описание стереотипного образа Австрии и австрийцев в сознании российской студенческой молодежи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ социологического портрета респондентов до начала ассоциативного эксперимента

На вопросы анкеты ответили 103 респондента в возрасте от 14 до 49 лет, средний возраст опрошенных составляет 20,4 лет. Группа респондентов представлена в основном молодежной аудиторией, в нее также входят 1 школьник (14 лет) и двое взрослых (31 год и 49 лет). Гендерное соотношение распределилось следующим образом: 67 % женщин и 33 % мужчин. Для подавляющего большинства респондентов (94 %) русский язык является родным, 1 участник указал два родных языка (русский и немецкий), для 5,8 % опрошенных родным является иной язык: туркменский, аварский, азербайджанский, болгарский, казахский или английский язык (по 1 респонденту на каждый язык). К участию в эксперименте на добровольной основе приглашались студенты, изучающие немецкий язык, однако ссылка на анкету, очевидно, оказалась доступна и другим лицам, поэтому среди участников оказалось 3 % респондентов, не имеющих знаний немецкого языка. 58 % опрошенных указали, что владеют немецким языком на продолжающем уровне, 39 % — на начинающем уровне. Таким образом, 97 % участников ассоциативного эксперимента имеют опыт изучения немецкого языка.

Большинство опрошенных (62 %) не имели личного опыта общения с австрийцами, только 38 % респондентов ответили на этот вопрос положительно. Среди сфер получения опыта общения с представителями другой культуры были названы: случайное знакомство и ситуации повседневной жизни (20 %); учеба и участие в совместных мероприятиях (15 %), профессиональная сфера (9 %). Ответ на этот вопрос допускал несколько вари-

антов. Большинство респондентов оценили этот опыт как положительный (35 %), из них 11 % выбрали опцию «исключительно положительный»; для 5 % он оказался нейтральным и только для 1 % скорее отрицательным. Отметим, что вариант «исключительно отрицательный» не выбрал никто. Событиями в Австрии интересуются 38 % участников. Больше всего респондентов интересует культура (65 %), история (48,5 %), язык (46,6 %), образование (29 %), экономика (27 %), наука (13,6 %). Спортивная и правовая тематика оказались в меньшинстве (2 % и 1 % соответственно). Ответ предусматривал множественность выбора. Для получения информации об Австрии респонденты чаще всего пользуются Интернетом (86 %), СМИ (52 %), социальными сетями (48 %). Интересно, что в равной степени участники прибегают к каналам блогеров и официальным источникам (по 26 %). Каналом информации являются также личные знакомства (18 %), художественная и научно-популярная литература (по 16,5 %). Данный вопрос допускал несколько вариантов ответа.

3.2. Результаты ассоциативного эксперимента: количественный и качественный анализ выявленных реакций

Всего было выявлено 340 реакций респондентов, из них только 2 оказались индифферентными, так как респонденты указали, что не имеют никаких ассоциаций, в том числе по причине отсутствия личного опыта общения. Эти реакции были исключены из статистических подсчетов. Все опрошенные зафиксировали после каждой вербальной ассоциации свое отношение в виде знака (+ / = / –), что позволило достоверно распределить их эмоционально-оценочные реакции на три группы (рис. 1).

Рис. 1 Количество выявленных реакций

Подавляющее большинство положительных и нейтральных реакций (в совокупности 302, что соответствует 89 %) свидетельствует о по-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

зитивном в целом образе Австрии и австрийцев в сознании российских студентов. Стоит отметить, что некоторые повторяющиеся ассоциации были маркированы разными знаками. Так, 10 ассоциаций (*еда, Захер*[1]*, Моцарт, история, Габсбурги, Австро-Венгрия, образование, язык, Альпы, Дунай*) одни респонденты отнесли к позитивным реакциям, другие к нейтральным. Три ассоциации (*Габсбурги, язык, правые партии*) указаны во всех трех группах, две (*Австрийская партия свободы, художники*) имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию, одна (*Себастьян Курц*) — одновременно нейтральную и отрицательную. Подчеркнем, что у ассоциации *художник* один респондент указал четыре знака минус (–), что усиливает отрицательное отношение к нейтральному на первый взгляд слову и позволяет соотнести его с известным историческим персонажем (Гитлером), поскольку, как известно, до начала своей политической карьеры (примерно с 1909 по 1914 годы) он зарабатывал на жизнь в Вене и Мюнхене рисованием акварелей, поступал в Венскую академию изобразительных искусств, но дважды провалился на экзаменах (в 1908 году и в 1909 году). В то же время два респондента выделили свое исключительно положительное отношение к двум ассоциациям: *кайзершмаррн* (популярное блюдо венской кухни, подается с яблочным или сливовым муссом на десерт) и *пиво*, указав по три знака плюс (+) около каждого слова.

Анализ заполненных анкет выявил 146 различных вербальных ассоциаций. Из этой статистики исключены повторяющиеся упоминания, указанные выше. Большая часть из них (98 ассоциаций, или 67 %) являются неконвенциональными, то есть индивидуальными, это единичные упоминания; 48 ответов (33 %) представляют собой конвенциональные ассоциации, они имеют частоту употребления более двух раз. Самыми частотными стали следующие ответы: *Моцарт* (19), *культура* (15), *Вена* (15), *архитектура* (12), *немецкий язык* (12), *Альпы* (11), *горы* (10), *шницель* (9). В группе нейтральных ассоциативных реакций, предложенных респондентами в ответ на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают в первую очередь при упоминании Австрии и австрийцев?», частотными оказались следующие: *нейтральное отношение* (7) и *Австро-Венгрия* (4), в группе отрицательных реакций — *художник* (5) и *Гитлер* (3). Преобладание неконвенциональных ассоциаций свидетельствует о негомогенности гетеростереотипа в сознании молодого поколения россиян, очевидно в силу различного опыта знакомства с этой страной и ее представителями, а также различного уровня владения немецким языком. Вместе с тем данные результаты под-

1 *Примечание*: имеется в виду торт «Захер», который носит имя австрийского кондитера Франца Захера, придумавшего рецепт торта.

черкивают индивидуальный характер представлений респондентов об Австрии и австрийцах.

3.3. Результаты ассоциативного эксперимента: распределение выявленных реакций по тематическим ассоциативным областям

Ассоциации каждой группы были проанализированы на предмет определения стереотипных тематических областей. Общими для всех эмоционально-оценочных реакций стали следующие: «История», «Культура», «Язык», «Люди», «География», «Современная политическая и социально-экономическая ситуация». По количеству ассоциаций выделяются сферы «Культура» (39), «Современная политическая и социально-экономическая ситуация» (34), «Люди» (26) и «История» (18). По количеству реакций лидируют «Культура» (104), «Современная политическая и социально-экономическая ситуация» (54), «История» (36), «Люди» (35). Значительный разрыв между количеством ассоциаций и реакций выявлен в областях «География» (11 и 55) и «Язык» (3 и 12).

Респонденты продемонстрировали знание архитектуры (19), достопримечательностей (7): *Бельведер, Шёнбрунн, фонтаны, зоопарк* и др., классической (59): *Моцарт, Штраус, Бетховен, Климт, Фрейд, Венская опера, Зальцбургский фестиваль* и др., а также современной (2) австрийской культуры. Так, с положительной оценкой были упомянуты *Анна Нетребко* (1), австрийская оперная певица российского происхождения, и *сериал «Комиссар Рекс»* (1) совместного производства Германии, Австрии и Италии, который транслировался на немецком языке в течение 10 лет (с 1994 по 2004 годы). *Моцарт* (19) и *культура* (15) были самыми частотными реакциями. Отметим, что известные *венские балы* встречались только один раз, но с отрицательной коннотацией.

Социально-политическая ситуация в стране оценивается преимущественно позитивно (32), нейтральных (9) и негативных (10) коннотаций почти в три раза меньше. Российские респонденты упоминают политические партии (*Австрийская партия свободы, правые политические силы*), имена политиков (*Себастьян Курц, Карин Кнайсль, Александр Ван дер Беллен* и др.). Исключительно в позитивном ключе отмечаются *чистота* и *порядок* (по 2 реакции), *туризм* (12), *высокий уровень жизни*, *сильная экономика*, *возможности образования*, *медицина*, *безопасность*, *федерализм*, *свобода* (по 1 реакции) и др. *Экология* (1), *ЕС* (1), *жесткое законодательство в отношении мигрантов* (1) отмечены нейтрально, *активное восприятие либеральных ценностей* (1) и *законодательство в отношении религии в публичном пространстве* (1) — негативно. Отношение австрийцев к россиянам в одном случае маркировано положительно, в другом — негативно.

CC BY

В тематической области «История» больше всего выявлено негативных реакций (17) с количеством ассоциаций 9. Неоднозначно воспринимается *история Австро-Венгрии* и *Габсбургов*, эти ассоциации встречаются во всех эмоционально-оценочных реакциях. Негативные реакции также демонстрируют больше, чем положительные и нейтральные, знание неоднозначных периодов в истории страны: респонденты упоминают концлагерь *Маутхаузен* (2), политические течения *австромарксизм* (1), *австрофашизм* (1) и партию *«Отечественный фронт»* (1) во главе с *Энгельбертом Дольфусом* (1), называют конкретные исторические события, например, *аншлюс* (1). Самая негативная реакция связана с прямым (3) и косвенным (5) упоминанием *Адольфа Гитлера*. Среди положительных реакций встречается *«Красная Вена»* (1), неофициальное название столицы Австрии в 1918—1934 годах, когда власть в городе принадлежала социал-демократам.

Австрийцев российские студенты воспринимают преимущественно положительно: 22 позитивных ассоциации с количеством реакций 31. Они описываются как *спокойные* (4), *доброжелательные* (4), *отзывчивые* (2), *вежливые* (2) и *интеллигентные* (2). Остальные ассоциации являются единичными (*гостеприимные*, *живые*, *любезные*, *добрые* и т. д.). Интересно отметить, что *приземленность* (1) указана как положительное качество, *консерватизм* (1) и *закрытость* (1) отмечены как негативные, *сдержанность* (1) и *схожесть с жителями других центральноевропейских стран* (1) — как нейтральные качества.

В тематической области «География» положительной коннотацией обладают названия городов: *Вена* (15), *Зальцбург* (4), *Инсбрук* (1), *природа* (5), *горы* (11), *озера* (3), *Альпы* (10). Негативно респонденты отметили *отсутствие выхода к морю* (1). С отрицательной оценкой упоминаются погодные явления: *частый дождь* (1) и *пасмурное небо* (1), с нейтральной — *Дунай* (1), *Альпы* (1), расположение Австрии *в центре Европы* (1) и *НЕАвстралия* (1), как отсылка на путаницу из-за схожести названий двух стран в английском языке: *Австрия* (*Austria*) и *Австралия* (*Australia*). Известно, что туристам в Австрии предлагают сувениры с надписями «No kangaroos in Austria» (В Австрии нет кенгуру) и «Austria. This is not Australia» (Австрия. Это не Австралия) (перевод наш. — *М. Ч.*). Данная ассоциация может свидетельствовать о посещении страны респондентом, так как похожие ассоциации возникают и сохраняются преимущественно на основе личного опыта.

Немецкий язык вызывает в большинстве случаев положительную реакцию (10), но есть также нейтральная (1), связанная с австрийским вариантом, и негативная (1), в частности, так воспринимается акцент.

Среди положительных и нейтральных эмоционально-оценочных реакций была выявлена еще одна общая тематическая ассоциативная область — «Кухня» (15 ассоциаций) с количеством реакций 42 при явном преобладании положительной оценки (40). Респонденты отмечают *шницель* (9), *штрудель* (6), *кофе* (5), *еду* (4), *торт Захер* (5) и др. При этом у ассоциаций *еда* (1) и *Захер* (1) были выявлены и нейтральные коннотации. Подчеркнем также, что ни один респондент не упомянул творожный штрудель, хотя считается, что этот рецепт придумали именно в Австрии и он впервые был зафиксирован в рукописной кулинарной книге 1696 года.

Распределение стереотипных представлений российских студентов об Австрии и ее жителях по тематическим областям представлено наглядно на следующем рисунке (рис. 2).

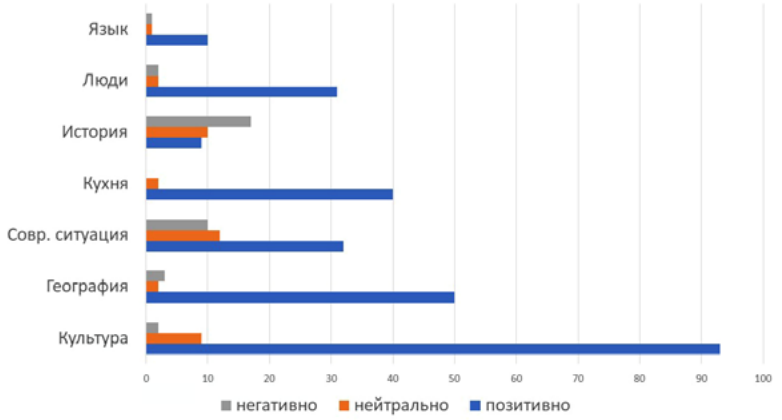

Рис. 2. Распределение стереотипных представлений
по тематическим областям (на основании количества реакций)

Диаграмма наглядно показывает, что исключительно положительно в среде российских студентов воспринимается культура Австрии (93 реакции). Позитивно россияне также относятся к географии страны (50 реакций) и национальной кухне (40 реакций). Примерно одинаково положительно респонденты оценили австрийцев (31 реакция) и современную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране (32 реакции). Отметим, что в последнем случае заметны также нейтральные (12 реакций) и негативные (10 реакций) оценки, что свидетельствует о критичном и, предполагаем, объективном взгляде на актуальное положение в стране. Положительно, но более сдержанно по сравнению с культурой и географи-

ей опрошенные отозвались о немецком языке (10 реакций), подчеркнем, что здесь выявлено минимальное количество нейтральных (1) и отрицательных (1) реакций. Негативное отношение (17 реакций) наблюдается в области истории страны, здесь было выявлено меньше всего положительных реакций (9) и больше, чем в остальных случаях, нейтральных реакций (10).

3.4. Результаты ассоциативного эксперимента: анализ выявленных ассоциаций по грамматическим и семантическим признакам

Опираясь на классификацию Г. А. Мартинович [Мартинович, 1993], можно заключить, что из 146 выявленных ассоциаций респонденты упоминали только два типа: словоформы и словосочетания (рис. 3).

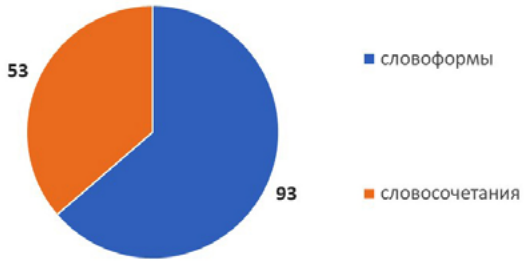

Рис. 3. Анализ ассоциаций по грамматическим признакам

Не было выявлено ни одного случая употребления сказуемого или предложения, что может косвенно доказывать спонтанную реакцию опрошенных на поставленный вопрос. Подавляющее большинство (64 %) ассоциаций представлено словоформами (то есть однословными единицами). Сюда мы включили также реакции — имена собственные, среди которых есть личные имена (только фамилии) и топонимы (*Моцарт*, *Фрейд*, *Штраус*, *Бетховен*, *Вена*, *Зальцбург* и др.). Среди словоформ встречаются имена существительные в единственном (65) и множественном (16) числе, а также прилагательные (12). Группу словосочетаний составляют сочетания из двух компонентов (прилагательное и существительное) (25) и сочетания из более чем двух компонентов, требующие в том числе согласования при помощи предлога (8). Сюда же мы включили полные имена собственные (9): Густав Климт, Зигмунд Фрейд, Александр Ван дер Беллен и др. и сокращения (2): АПС = Австрийская партия свободы; ЕС = Европейский союз. Соотношение количества ассоциаций по грамматическим признакам представлено на следующем рисунке (рис. 4).

CC BY

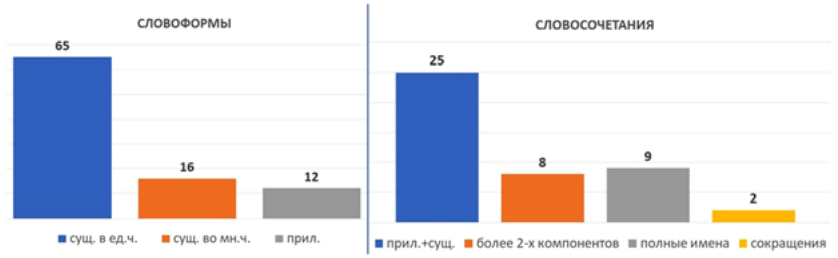

Рис. 4. Количество ассоциаций по грамматическим свойствам

Среди вербальных ассоциаций преобладают имена существительные, а если к словоформам в единственном и множественном числе прибавить полные имена и сокращения, которые с грамматической точки зрения являются словосочетаниями, а с семантической — именами собственными, то преимущество становится абсолютным: 92 ассоциации из 146 (63 %) выражены субстантивными единицами. Таким образом, количество единиц увеличивается до 101 (69 %), их можно разделить на имена нарицательные (64) и имена собственные (38). В составе второй группы выделяются антропонимы (14), топонимы (13), эргонимы (9), документоним (1) и идеоним (1). Эти данные подтверждают первичность номинативной функции языка и спонтанность ассоциаций респондентов, несмотря на дистанционный формат и отсутствие контролируемого ограничения по времени.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование с привлечением метода свободного ассоциативного эксперимента позволило выявить наивные представления российских студентов, изучающих немецкий язык, об Австрии и ее жителях. Употребляя определение «наивные», мы имеем в виду спонтанные представления, а также представления, основанные в меньшей степени на личном или профессиональном опыте, в большей степени на информации из различных источников, с опорой на чужое мнение. Результаты эксперимента подтвердили, что в нашем случае можно говорить именно о наивных представлениях, так как меньшая часть респондентов (38 %) имела личный опыт посещения страны и общения с ее представителями. За информацией об Австрии и австрийцах респонденты обращаются преимущественно к интернету, СМИ, социальным сетям, достоверность сведений которых все чаще подвергается сомнению. Единичность ассоциаций, имеющих непосредственное отношение именно к Австрии (*кайзершмаррн, кофе Юлиус Майнл, НЕАвстралия, йодль, Франц Фердинанд, Красная Вена,*

CC BY

Зальцбургский фестиваль и др.), и множественность ассоциативных представлений об общеизвестных фактах (*Моцарт, Вена, Альпы, горы, шницель* и др.) позволяют констатировать некоторую ограниченность знаний студентов, то есть определенную примитивность когнитивно-информационного компонента стереотипа. Преобладание доли неконвенциональных (67 %) ассоциаций, которым свойственна индивидуальность и спорадичность упоминания, свидетельствует о негомогенном характере анализируемого гетеростереотипа в сознании российской молодежной аудитории.

Выявленные ассоциации были систематизированы по тематическим областям и представлены ниже в порядке приоритетности. Основанием для определения приоритетности послужила доля в % от общего количества обнаруженных реакций. Ключевыми для молодежной аудитории стали следующие сферы: «Культура» (31 %), «География» (16 %), «Современная политическая и социально-экономическая ситуация» (16 %) «Кухня» (12 %), «Люди» (10 %). Затем следуют «История» (8 %) и «Язык» (около 4 %). Данные результаты соотносятся в целом с предпочтениями респондентов, установленными в ходе составления их социологического портрета на первом этапе исследования, предваряющем ассоциативный эксперимент. Релевантностью для них до начала ассоциативного эксперимента обладали «Культура», «История», «Язык» и ряд областей, которые мы посчитали возможным объединить в единую тему «Современная политическая и социально-экономическая ситуация» (образование, экономика, наука). Отметим отсутствие системности в представлениях респондентов. Так, темы «Кухня» и «География» участниками до начала эксперимента не упоминались, однако указанные ими ассоциации позволили выделить эти области. Более того, «Язык» как значимую область интереса указали около половины (46,6 %) опрошенных, а выявленные реакции не подтверждают столь высокую степень значимости этой тематической области для студентов.

Квантитативные характеристики установленных эмоционально-оценочных реакций демонстрируют преимущественно позитивное восприятие гетеростереотипа «Австрия и австрийцы» в сознании российских студентов. Доля положительных реакций составила 76 %, 13 % стереотипных представлений являются нейтральными, 10 % — негативными. Больше всего положительных реакций обнаружено в тематических областях «Культура» (27,5 %), «География» (около 15,5 %), «Кухня» (около 12 %). Эти результаты коррелируют с данными первичного опроса респондентов перед ассоциативным экспериментом: 46 % респондентов отметили свое отношение к этой стране как скорее положительное или исключительно положительное. Сдержанную негативную реакцию вызывает история страны (около 8 %). Это не оказывает существенного влияния на общее

CC BY

позитивное отношение к другой стране и ее представителям, но вместе с тем указывает на знание студентами исторических фактов и умение критически их оценивать.

На основании полученных результатов можно описать стереотипный образ Австрии и австрийцев в сознании российских студентов. Они воспринимают Австрию прежде всего как страну с богатой культурой мирового уровня, знают о достижениях ее представителей в области музыки, живописи, архитектуры, знакомы с известными достопримечательностями. Хорошо осведомлены респонденты о географических и природных особенностях этой страны: расположена в центре Европы, на ее территории находится известный горный массив (Альпы) и протекает река Дунай, страна отличается красивой природой, наличием озер, но отсутствием выхода к морю и не всегда комфортной погодой. Участники считают Австрию страной гурманов, которая знаменита вкусной едой, пивом, кулинарными, кофейными и винодельческими традициями. Австрийцев респонденты воспринимают исключительно позитивно, приписывая им массу положительных качеств (доброжелательность, вежливость, спокойствие, отзывчивость, интеллигентность, гостеприимство, уравновешенность, любезность, открытость, воспитанность, живость, простоту, коммуникабельность, чувство такта, широкий кругозор, уважение личных границ, веселый нрав), отмечая вместе с тем и противоположные характеристики (приземленность, консерватизм, сдержанность, закрытость, отсутствие отличий от представителей других стран Центральной Европы). Отношение к немецкому языку также положительное, очевидно потому, что студенты владеют им, но он не является ключевым компонентом в формировании образа Австрии. Современную ситуацию в стране участники эксперимента рассматривают с более критической точки зрения, отмечая как положительные (например, чистота, порядок, сильная экономика, высокий уровень жизни, федерализм, медицина, образование, туризм), так и отрицательные (политика, либеральные ценности, миграционное законодательство) черты. В некоторых случаях к одним и тем же стереотипам (например, правые партии, Австрийская партия свободы, Карин Кнайсль, Себастьян Курц) респонденты относятся по-разному: позитивно, нейтрально или негативно. Самые неоднозначные стереотипы обнаружены в области истории Австрии. Ассоциации респондентов и их реакции демонстрируют явно критичное отношение к истории Габсбургов, Австро-Венгрии периода середины XX века, прибегая в том числе к средствам эвфемизации при упоминании Гитлера (художник). Отсутствие отрицательного маркера (–), указанного респондентами, вряд ли позволило бы отнести эту ассоциацию к негативным реакциям.

Актуальным представляется предложенное в рамках данного исследования рассмотрение вербальных ассоциаций с точки зрения ономастики и распределение их по ономастическим разрядам. С одной стороны, это подтверждает ключевую роль номинативной функции языка, как основы познания и восприятия. С другой стороны, подчеркивает значимость онимов, так как именно они несут максимальную культурно-маркированную нагрузку, что также является важным при изучении гетеростереотипов и соответствует направлению современных научных исследований.

Признаем, что исследование, проведенное с привлечением небольшого количества респондентов, не претендует на исчерпывающий характер результатов, они требуют уточнения. Тем не менее считаем, что полученные данные могут стать основой для дальнейших изысканий. Перспективным представляется рассмотрение проанализированного гетеростереотипа в диахронии с целью установления влияния общественно-политических событий на формирование представлений о другой стране и нации. Важным является также анализ взаимного восприятия россиян и австрийцев, что изначально входило в задачи нашего исследования. Однако в силу не зависящих от нас обстоятельств, несмотря на все предпринятые усилия, не удалось организовать опрос среди представителей Австрии, даже в дистанционном формате. Анкету заполнили лишь девять респондентов. Эти данные, безусловно, не могут считаться репрезентативными и не являются достаточными для выявления стереотипных представлений австрийцев о России и россиянах, а также для сравнительного анализа. Данное обстоятельство косвенно подтверждает идею о влиянии политических событий на формирование стереотипов. Не исключаем вместе с тем возможности вернуться к первоначальному замыслу нашего исследования на фоне изменения общей геополитической ситуации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Гинзбург О. В.* Этнические гетеростереотипы в картине мира русских и американских подростков / О. В. Гинзбург, Е. А. Зайцева // Общество : социология, психология, педагогика. — 2023. — № 4 (108). — С. 32—38. — DOI: 10.24158/spp.2023.4.4.

2. *Глушак В. М.* Тематическая организация стереотипов о немцах и германии среди российских студентов (по результатам психолингвистического эксперимента) / В. М. Глушак, В. А. Бабкина, Д. А. Гусаров // Коммуникация в современном поликультурном мире : национально-культурная специфика построения дискурса. — Москва : Российское представительство издательства Пирсон Эдьюкейшн Лимитед, 2016. — С. 156—-168. — ISBN 978-5-9907631-8-0.

3. *Глушак В. М.* Стереотипные основания взаимного восприятия русских и немцев / В. М. Глушак. — Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. — 292 с. — ISBN 978-5-9228-1880-3.

4. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст / А. А. Залевская. — Москва : Гнозис, 2005. — 542 с. — ISBN 5-7333-0145-7.

5. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : КомКнига, 2007. — 216 с. — ISBN 978-5-484-00925-1.

6. *Литвинова А. А.* Содержание этнического стереотипа «русские» по данным свободного ассоциативного эксперимента / А. А. Литвинова, А. О. Топоева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2022. — № 4 (42). — С. 57—60.

7. *Мартинович Г. А.* Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. — 1993. — № 2. — С. 93—99.

8. *Махаев М. Р.* Семантический статус топонимов : верификация гипотезы конгруэнтности в психолингвистических экспериментах / М. Р. Махаев, И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Вестник КНИИ РАН. Серия : Социальные и гуманитарные науки. — 2023. — № 3 (6). — С. 16—32. — DOI: 10.34824/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2023.6.3.002.

9. *Пищальникова В. А.* Психопоэтика / В. А. Пищальникова. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 1999. — 173 с. — ISBN 5-7904-0080-9.

10. *Пищальникова В. А.* Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова, З. Г. Адамова. — Москва : Наука, 2024а. — 175 с. — ISBN 978-5-02-041142-5.

11. *Пищальникова В. А.* Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации : психолингвистические параметры анализа / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2024б. — Т. 23. — № 3. — С. 6—16. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.1.

12. *Пищальникова В. А.* Изменение характера предицирования в речевом действии : экспериментальное исследование / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 43—61. — DOI: org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61.

13. *Товкес М. Ю.* Стереотипное представление о женщине-политике в языковом сознании пользователей Твиттера / М. Ю. Товкес // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 118—132. — DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-118-132.

14. *Хлопова А. И.* Содержание ценности «Haus» в немецкой лингвокультуре / А. И. Хлопова // Мир науки, культуры, образования. — 2024а. — № 2 (105). — С. 467—469. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-467-469.

15. *Хлопова А. И.* Методы установления содержания базовых ценностей (на примере базовой ценности Freundschaft (дружба)) / А. И. Хлопова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. — 2024б. — № 4 (125). — С. 142—150. — DOI: 10.37972/chgpu.2024.125.4.017.

16. *Хлопова А. И.* Порядочность в немецкой и австрийской лингвокультурах (сопоставительный аспект) / А. И. Хлопова // Мир науки, культуры, образования. — 2024в. — № 3 (106). — С. 485—487. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-485-487.

17. *Хлопова А. И.* Сопоставление ценности Arbeit (труд) в немецкой и австрийской лингвокультурах / А. И. Хлопова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 3 (897). — С. 144—150.

18. *Чжан Ж.* Устойчивость и вариативность содержания этнокультурных стереотипов (на материале ассоциативного эксперимента «Китайцы глазами русских») / Ж. Чжан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования : языки и специальность. — 2018. — Т. 15. — № 1. — С. 59—66. — DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-59-66.

19. *Чудинов А. П.* ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах : опыт психолингвистического эксперимента / А. П. Чудинов, Н. А. Сергиенко, В. М. Глушак // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 2. — С. 297—311. — DOI: 10.17223/18137083/75/21.

20. *Boonen U. K.* Nationalstereotype im Kulturvergleich : Deutschland im niederländischen und russischen Fremdsprachenunterricht an Schulen und Universitäten / U. K. Boonen, J. Wesche, P. Awater // Glottodidactica. — 2022. — Vol. 49. — № 2. — Pp. 9—45. — DOI:org/10.14746/gl.2022.49.2.01.

21. *Czarnik S.* How much truth is in stereotypes? / S. Czarnik // Philosophical Problems in Science (Zagadnienia Filozoficzne W Nauce). — 2020. — № 68. — Pp. 243—279.

22. *Ossenberg S.* Stereotype? Implizites Wissen und seine interkulturellen Ausprägungen in quantitativen Erhebungen / S. Ossenberg. — Wiesbaden : Springer VS. — 2020. — Pp. 305—318. — DOI: org/10.1007/978-3-658-28743-6_15.

23. *Tremmel M*. Gender stereotypes in leadership : Analyzing the content and evaluation of stereotypes about typical, male, and female leaders / M. Tremmel, I. Wahl // Frontiers in Psychology. — 2023. — Vol. 14. — Pp. 1034258. — DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1034258.

Статья поступила в редакцию 04.05.2025,
одобрена после рецензирования 09.06.2025,
подготовлена к публикации 07.09.2025.

References

Boonen, U. K., Wesche, J., Awater, P. (2022). Nationalstereotype im Kulturvergleich: Deutschland im niederländischen und russischen Fremdsprachenunterricht an Schulen und Universitäten. *Glottodidactica, 49 (2):* 9—45. DOI: org/10.14746/gl.2022.49.2.01.

Chudinov, A. P. (2021). GOOD, EVIL, TRUTH, AND LIES in Russian, Ukrainian, British, and American linguistic cultures: the experience of a psycholinguistic experiment. *Siberian Philological Journal, 2:* 297—311. DOI: 10.17223/18137083/75/21. (In Russ.).

Czarnik, S. (2020). How much truth is in stereotypes? *Philosophical Problems in Science (Zagadnienia Filozoficzne W Nauce), 68:* 243—279.

Ginzburg, O. V., Zaitseva, E. A. (2023). Ethnic heterostereotypes in the worldview of Russian and American teenagers. *Society: sociology, psychology, pedagogy, 4 (108):* 32—38. DOI: 10.24158/spp.2023.4.4. (In Russ.).

Glushak, V. M. (2018). *Stereotypical grounds for mutual perception of Russians and Germans.* Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 292 p. ISBN 978-5-9228-1880-3. (In Russ.).

Glushak, V. M., Babkina, V. A., Gusarov, D. A. (2016). Thematic organization of stereotypes about Germans and Germany among Russian students (based on the results of a psycholinguistic experiment). In: *Communication in the modern multicultural world: national and cultural specifics of discourse construction.* Moscow: Russian Repre-

sentative Office of Pearson Education Limited. 156—168. ISBN 978-5-9907631-8-0. (In Russ.).

Khlopova, A. I. (2024a). The content of the value of "Haus" in German linguoculture. *The world of science, culture, and education, 2 (105):* 467—469. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-467-469. (In Russ.).

Khlopova, A. I. (2024b). Decency in German and Austrian linguistic cultures (comparative aspect). *The world of science, culture, and education, 3 (106):* 485—487. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-485-487. (In Russ.).

Khlopova, A. I. (2024b). Methods of establishing the content of basic values (on the example of the basic value of Freundschaft (friendship)). *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, 4 (125):* 142—150. DOI: 10.37972/chgpu.2024.125.4.017. (In Russ.).

Khlopova, A. I. (2025). Comparison of the value of Arbeit (labor) in German and Austrian linguistic cultures. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (897):* 144—150. (In Russ.).

Leontiev, A. A. (2007). *Language, speech, speech activity.* Moscow: KomKniga. 216 p. ISBN 978-5-484-00925-1. (In Russ.).

Litvinova, A. A., Topoeva, A. O. (2022). The content of the ethnic stereotype "Russians" according to the data of a free associative experiment. *Bulletin of the N. F. Katanov Khakass State University, 4 (42):* 57—60. (In Russ.).

Makhaev, M. R., Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2023). Semantic status of toponyms: verification of the hypothesis of congruence in psycholinguistic experiments. *Bulletin of the Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Series: Social Sciences and Humanities, 3 (6):* 16—32. DOI: 10.34824/VKNIIRAN.GUM-NAUKI.2023.6.3.002. (In Russ.).

Martinovich, G. A. (1993). The experience of a comprehensive study of data from an associative experiment. *Questions of psychology, 2:* 93—99. (In Russ.).

Ossenberg, S. (2020). *Stereotype? Implizites Wissen und seine interkulturellen Ausprägungen in quantitativen Erhebungen.* Wiesbaden: Springer VS. 305—318. DOI: org/10.1007/978-3-658-28743-6_15.

Pishchalnikova, V. A. (1999). *Psychopoetics.* Barnaul: Altai State University. 173 p. ISBN 5-7904-0080-9. (In Russ.).

Pischalnikova, V. A., Khlopova, A. I., Adamova, Z. G. (2024a). *The Austrian-German-Russian associative dictionary of basic values.* Moscow: Nauka Publ. 175 p. ISBN 978-5-02-041142-5. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2024b). Speech action as a semantic component of communication: psycholinguistic parameters of analysis. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 23 (3):* 6—16. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.1. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2025). Changes in Nature of Prediction in Speech Acts: An Experimental Study. *Nauchnyi dialog, 14* (3): 43—61. DOI: org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61. (In Russ.).

Tovkes, M. Y. (2021). The stereotypical idea of a female politician in the linguistic consciousness of Twitter users. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication, 19 (2):* 118—132. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-118-132. (In Russ.).

Tremmel, M., Wahl, I. (2023). Gender stereotypes in leadership: Analyzing the content and evaluation of stereotypes about typical, male, and female leaders. *Frontiers in Psychology, 14:* 1034258. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1034258.

Zalevskaya, A. A. (2005). *Psycholinguistic research. Word. Text.* Moscow: Gnosis. 542 p. ISBN 5-7333-0145-7. (In Russ.).

Zhang, J. (2018). Stability and variability of the content of ethnocultural stereotypes (based on the associative experiment "Chinese through the eyes of Russians"). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialty, 15 (1):* 59—66. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-59-66. (In Russ.).

The article was submitted 04.05.2025;
approved after reviewing 09.06.2025;
accepted for publication 07.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Шадрина О. В. Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект») / О. В. Шадрина, О. В. Маруневич // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 133—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160.

Shadrina, O. V., Marunevich, O. V. (2025). Corpus Analysis of Artificial Intelligence Terminology in Russian: Insights from Almanac "Artificial Intelligence" Using AntConc. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 133-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект»)

Шадрина Олеся Владимировна
orcid.org/0000-0003-1980-3754
старший преподаватель,
департамента иностранных языков,
корреспондирующий автор
shadrina.ov@mipt.ru

Маруневич Оксана Викторовна
orcid.org/0000-0002-4480-6642
кандидат филологических наук, доцент
marunevich.ov@mipt.ru

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

Corpus Analysis of Artificial Intelligence Terminology in Russian: Insights from Almanac "Artificial Intelligence" Using AntConc

Olesya V. Shadrina
orcid.org/0000-0003-1980-3754
senior lecturer,
Department of Foreign Languages,
corresponding author
shadrina.ov@mipt.ru

Oksana V. Marunevich
orcid.org/0000-0002-4480-6642
PhD in Philology, Associate Professor
marunevich.ov@mipt.ru

Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University)
(Dolgoprudny, Russia)

© Шадрина О. В., Маруневич О. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование выполнено на стыке корпусной лингвистики и терминоведения. Отмечается, что корпусная лингвистика прошла значительный путь от ранних форм текстовых коллекций до создания крупных национальных и специализированных корпусов в XXI веке. Акцентируется внимание на важности современных технологий, таких как машинное обучение и обработка естественного языка, которые открывают новые возможности для анализа больших массивов данных. Статья освещает методологические аспекты исследования терминологических единиц в области искусственного интеллекта (ИИ) на основе современных аналитических сборников. Цель исследования заключается в выявлении моделей образования составных обозначения, орфографических и стилистических норм использования терминов ИИ в русском языке. Для достижения этой цели использованы методы частотного анализа и контент-анализа с применением сервиса AntConc, что позволило выделить 100 ядерных терминов, а также коллокации, конструируемые на основе таких терминов. Результаты исследования показывают, что терминология ИИ в русском языке активно развивается. Констатируется преобладание англицизмов и гибридных форм. Обсуждаются стилистические особенности текстов, отражающие технический контекст и целевую аудиторию. В заключение подчеркивается необходимость установления норм употребления терминов ИИ в связи с их интеграцией в русский язык.

Ключевые слова:
платформа AntConc; терминосистема искусственного интеллекта; корпусная лингвистика; коллокация; конкорданс; языковой корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is situated at the intersection of corpus linguistics and terminology studies. It highlights the significant evolution of corpus linguistics, from early text collections to the establishment of large national and specialized corpora in the 21st century. The importance of contemporary technologies, such as machine learning and natural language processing, is emphasized for their role in opening new avenues for analyzing large data sets. The article addresses the methodological aspects of researching terminological units within the field of artificial intelligence (AI) based on modern analytical compilations. The aim of the research is to identify patterns in the formation of compound designations, as well as the orthographic and stylistic norms governing the use of AI terms in the Russian language. To achieve this goal, frequency analysis and content analysis methods were employed using AntConc, resulting in the identification of 100 core terms, along with collocations constructed from these terms. The findings indicate that AI terminology in Russian is actively evolving, with a predominance of Anglicisms and hybrid forms. The stylistic features of texts reflecting the technical context and target audience are discussed. In conclusion, the necessity for establishing norms for the use of AI terms in light of their integration into the Russian language is underscored.

Key words:
AntConc platform; artificial intelligence terminology system; corpus linguistics; collocation; concordance; language corpus.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’373.46
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект»)

© Шадрина О. В., Маруневич О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Одним из наиболее перспективных направлений современной науки о языке является корпусная лингвистика, занимающаяся изучением языка на основе анализа больших массивов текстовых данных, собранных в корпусах. При этом, по мнению А. П. Кононенко и Л. А. Недосека, ученые-лингвисты все больше обращаются к инструментарию в виде корпусных технологий для решения поставленных задач [Кононенко и др., 2023]. В настоящее время корпусные методы и технологии широко используются как отечественными, так и зарубежными учеными для лингвистического анализа текстов и дискурсивных практик, преподавания и изучения языка, а также в культурологических исследованиях. Многообразие реализованных подходов и достижений в области корпусной лингвистики наглядно иллюстрирует широкий потенциал и значительные возможности, предоставляемые корпусными методами [Corpus …, 2020].

Традиционно под ***корпусами*** понимаются структурированные коллекции текстов, которые могут быть аннотированы на различных уровнях (морфологическом, синтаксическом, семантическом) [O’Keeffe et al., 2010]. Авторы первого языкового корпуса текстов («Брауновский корпус», 1963 год) трактовали понятие «корпус» как совокупность текстов, считающихся релевантными для данного языка, диалекта или иного подмножества естественного языка, предназначенных для лингвистического анализа [Francis et al., 1964]. Согласно Дж. Синклеру, корпус представляет собой коллекцию текстов естественного языка, выбранных для исследования разнообразия языка [Sinclair, 1991]. В свою очередь Н. В. Козлова подчеркивает, что корпус включает в себя оцифрованные как письменные, так и устные высказывания, хранящиеся на специальных платформах и доступ-

CC BY

ные в электронном виде [Козлова, 2013, с. 79]. Т. А. Архангельский [Архангельский, 2019, с. 528] и Л. Селиван [Selivan, 2023] отмечают, что языковой корпус — это собрание реальных образцов использования определенного языка в виде текстов, специально предназначенное для изучения данного языка. Это связано с тем, что в процессе преподавания и изучения как родного, так и иностранного языка активно используются словари активной лексики, учебники с содержащимися в них грамматическими правилами и упражнениями, тесты и другие обучающие ресурсы [Boulton et al., 2016].

Наиболее развернутая дефиниция термина *языковой корпус*, на наш взгляд, представлена в работе В. П. Захарова: «Под названием лингвистический, или языковой, корпус текстов понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, 2005, с. 3]. Автор также указывает, что понятие «корпус» включает в себя систему управления текстовыми и лингвистическими данными (так называемый корпус-менеджер), главной задачей которой является поиск данных в корпусе для последующего получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобном формате [Там же, с. 3].

Следует отметить, что как научное направление корпусная лингвистика прошла долгий путь становления и развития. Ее теоретические основы были заложены еще в начале XX века, например в работе Ф. Боаса о языке американских индейцев (1911—1922) [Boas, 2013]. Несмотря на то, что он не занимался корпусной лингвистикой в современном понимании этого термина, поскольку эта область сформировалась значительно позже, он записывал тексты, мифы, песни и повседневную речь коренных народов Америки, создавая обширные коллекции языковых материалов. Эти коллекции можно рассматривать как ранние формы лингвистических корпусов, хотя они и не были оцифрованы или структурированы так, как это делается в современной корпусной лингвистике. Также следует отметить «Структурную лингвистику» З. Харриса (1951), в которой автор подчеркивал важность анализа реальных языковых данных, а не абстрактных теоретических построений. Кроме того, дистрибутивный анализ, активно применявшийся З. Харрисом, предвосхитил подходы корпусной лингвистики, где важную роль играет анализ контекстов и сочетаемости слов (например, коллокаций) [Harris, 1960].

Статус отдельной дисциплины корпусная лингвистика получила в 1950—60-х годах, когда были предприняты первые опыты создания корпусов. Однако сам термин *корпусная лингвистика* прочно вошел в научный обиход после публикации Дж. Аартсом и В. Мейхсом своей работы

«Corpus Linguistics In Recent Developments in the Use of Computer Corpora» [Aarts et al., 1984].

Одним из первых крупных корпусов является Brown Corpus, созданный Г. Кучерой и У. Н. Фрэнсисом в американском университете Брауна в 1963 году. Объем данного корпуса составил около 1 млн словоупотреблений (500 фрагментов объемом по 2000 слов), извлеченных из текстов разнообразных жанров за 1961 год, включая литературные произведения, публицистику, деловую переписку и даже тесты религиозного характера. В частности, в корпусе было представлено 80 текстов научной тематики, 30 текстов правительственных документов, 75 отрывков из художественной литературы в стихах и прозе и т. д. При этом, как пишет А. Стефанович, корпус строился на основе статистических данных, но это было бы невозможно без опоры на интуицию ученых. Список категорий был составлен на конференции, состоявшейся в Университете Брауна в феврале 1963 года. Участники конференции независимо друг от друга высказали свои мнения относительно количества образцов, которые должны быть в каждой категории. Впоследствии эти цифры были усреднены для получения оптимального набора образцов текстов [Stefanowitsch, 2020, p. 30—32].

Выделяется несколько причин создания Brown Corpus. Во-первых, реализация системного анализа разножанровых текстов, написанных на американском варианте английского языка. Во-вторых, обеспечение исследователей достаточным количеством материала для последующего сопоставления представленных данных. Наконец, привлечение интереса к новой отрасли знания [Assunção et al., 2019].

Это был настоящий прорыв в прикладной лингвистике, вызвавший многочисленные споры и дискуссии. Известно, что Н. Хомский неоднократно подвергал корпусную лингвистику резкой критике, полагая, что собственная интуиция — это единственное, чем может руководствоваться лингвист при изучении различных языковых явлений. Он также подчеркивал, что синтаксис должен быть основным объектом лингвистических исследований [Chomsky, 1969]. Р. Лису создание корпусов представлялось бессмысленной тратой времени и правительственных денег. Он безапелляционно заявлял, что любой носитель английского языка за 10 минут способен представить больше примеров на то или иное явление английской грамматики, чем ученые смогут найти в миллионах отрывков [Biber et al.,1991, p. 206]. Д. Аберкромби считал корпусные исследования языка «псевдометодом» (pseudoprocedure), не имеющим ничего общего с классическими методами прикладной лингвистики: «If “procedure” is taken to mean “way or method of conducting an investigation”, then a “pseudoprocedure” is something which is put forward as a way of conducting an investiga-

CC BY

tion, but which in fact is an impossible, or at best a completely impracticable, way)» [Abercrombie, 1965] / «Если “метод” понимается как «способ проведения исследования”, то “псевдометод” — это нечто, что декларируется как способ проведения исследования, но на самом деле является невозможным или, в лучшем случае, совершенно неосуществимым» (здесь и далее перевод наш. — *О. Ш., О. М.*).

Кроме того, некоторые ученые писали о практических проблемах, с которыми часто сталкивались составители первых корпусов, например, о медленной обработке данных и ее высокой стоимости при высокой степени ошибочности [Dash et al., 2018].

Несмотря на то, что первый языковой корпус был создан лишь в середине XX века, нам кажется целесообразным выделить и доэлектронный период развития корпусной лингвистики. Начало создания корпуса текстов датируется XIII веком. В этот период появляется «Concordantiae morales sacrae scripturae» («Нравственная конкорданция Священного Писания») (1220-е годы) — первый предметный конкорданс, составленный одним из Учителей Церкви Антонием Падуанским к «Вульгате», латинскому переводу Библии, сделанному в конце IV — начале V веков Иеронимом Стридонским. Указанный конкорданс содержал тексты с параллельными цитатами, однако только по нравственным вопросам. Немногим позже (около 1230 года) первым кардиналом доминиканского монастыря святого Иакова в Париже Гуго де Сен-Шером был составлен «Concordantiae Sancti Jacobi», содержащий короткие цитаты отрывков, где было найдено то или иное слово. Существенным недостатком данного конкорданса является то, что цитируемые слова сопровождались лишь указаниями книг и глав Библии, откуда они были взяты, без приведения самих параллельных текстов [Bataillon et al., 2004]. Впоследствии данный конкорданс неоднократно совершенствовался. В частности, в 1250—1252 годах монахи-доминиканцы Иоанн из Дарлингтона, Ричард из Ставенесби и Гуго из Кройдона дополнили конкорданс Сен-Шера цитатами из параллельных текстов, а монах-францисканец Арлотто из Прато (конец XIII века) расширил его введением несклоняемых частиц. В 1310 году Конрад из Хальберштадта сократил конкорданс, оставив только основные слова цитаты, однако именно его версия получила наибольшее распространение из-за более удобной формы [Casson, 1960].

В 1470 году в Страсбурге появился первый печатный конкорданс, измененный и дополненный в версиях 1475, 1485 и 1496 года. Изданный в Базеле в 1496 году конкорданс Себастьяна Бранта послужил основой для конкорданса Роберта Этьенна (1555 год). Р. Этьенн добавил в корпус имена собственные, восполнил существующие пропуски, разместил и склоняемые, и несклоняемые слова в алфавитном порядке и дал указания ко всем

CC BY

цитатам по стихам и главам, что в значительной мере приблизило его работу к современной модели лингвистических корпусов.

Также известны конкордансы к переводам Библии на европейские языки: немецкий — Ф. Ланкиш (Лейпциг, 1677); Г. Бюхнер (Йена, 1757), Ф. И. Бернгард (Лейпциг, 1850); английский — Т. Гибсон (Лондон, 1535), Дж. Марбек (Лондон, 1550), Дж. Даунэйм (Лондон, 1630), А. Круден (Лондон, 1737), Р. Янг (Эдинбург, 1879—1884); русский — Антиох Кантемир (Санкт-Петербург, 1727); Иван Ильинский (Санкт-Петербург, 1737); Андрей Богданов (Санкт-Петербург, 1737), холмогорский епископ Парфений (Москва, 1823). В целом, все вышеописанные корпусы составлялись по единому алгоритму. Для упрощения последующего поиска цитат в Ветхом и Новом Заветах авторы конкордансов вручную индексировали слова в каждой строчке Библии.

Помимо религиозных текстов, конкордансы в доэлектронный период составлялись и для текстов светского характера. В частности, работа немецкого филолога И. Кадинга (1897), в которой он рассчитал частоту распределения и последовательность появления букв в немецком языке с использованием корпуса из почти 11 миллионов слов [Assunção et al., 2019]; исследование Э. Итон (1940), где она сравнивала частоту значений слов в английском, французском, немецком и испанском языках [Eaton, 1940]. В рамках педагогики иностранных языков следует отметить работы Э. Л. Торндайка (1921), Г. Палмера (1933), Ч. К. Фриза и А. А. Тревер (1940), Х. Бонгерса (1947) и т. д. Эти ученые и ряд других вручную составили и использовали английские речевые корпуса различных размеров и форм для определения закономерностей в расширении словарного запаса у учащихся [Dash et al., 2018, p. 180—182].

Первым протоэлектронным конкордансом считается Index Thomisticus, составление которого началось в 1940-х годах. Под руководством Роберто Бузы проект за более чем 30 лет проиндексировал 10 631 980 слов из текстов Фомы Аквинского, первоначально на перфокартах, затем в автоматическом режиме [Mcgillivray et al., 2009]. В 1993 году Index Thomisticus был назван второй по величине печатной работой XX столетия, превзойти которую смогла лишь Британская энциклопедия [Guietti, 1993]. Некоторые исследователи считают, что авторы проекта Index Thomisticus не только впервые разработали методы работы с неструктурированным языком, но и положили начало цифровым гуманитарным наукам [Rockwell et al., 2019].

Однако очевидно, что изучение корпуса вышло на совершенно новый уровень в связи с применением компьютерных технологий в лингвистике. В частности, благодаря появлению персональных компьютеров в 1980-х годах были преодолены трудности сбора данных на мэйнфреймовых ком-

CC BY

пьютерах. Это способствовало новому витку популярности исследований, основанных на корпусах. Так, новаторское партнерство Бирмингемского университета и издательства Collins привело к созданию первого словаря, построенного на принципах корпусной лингвистики, — Cobuild English Dictionary (1987). За основу проекта COBUILD (Collins Birmingham University International Language Database) был взят Бирмингемский корпус текстов, включающий 20 млн словоупотреблений, из которых 7,3 млн составили основной корпус, а 13 млн — резервный. При этом корпус на 75 % состоял из образцов письменной речи (преимущественно художественной прозы) и на 25 % — из записей устной речи, относящихся к периоду с 1960-х до 1982 года. По словам руководителя проекта Дж. Синклера, существует несколько факторов, отличающих COBUILD от других словарей английского языка. Во-первых, он отражает современное состояние английского языка. Во-вторых, по форме представления записей он представляет собой радикальный отход от существующих принципов лексикографии. В-третьих, при его составлении использовались передовые компьютерные технологии [Sinclair, 1987]. С. Йохансон отмечает, что корпус COBUILD можно считать настоящим прорывом для своего времени благодаря тому, что его объем превышал 20 млн словоупотреблений. При этом корпус отличался высокой репрезентативностью, так как включал тексты как устной, так и письменной речи разнообразных жанров. Также особенностью корпуса было то, что источниками словоупотреблений служили полные тексты, а не короткие фрагменты [Johansson, 2009].

Развитие корпусной лингвистики в 1990-е годы ознаменовалось появлением национальных корпусов, отражавших специфику различных языков. Например, созданный в 1994 году British National Corpus (BNC) вплоть до настоящего времени является одним из крупнейших корпусов английского языка. Именно данный корпус первым получил статус «национального». По мнению В. А. Плунгяна, первоначально слово *национальный* в названии корпуса являлось синонимом квалификации «британский вариант английского языка» с целью противопоставления другим вариантам — американскому, канадскому, австралийскому и др. Впоследствии же *национальными* стали называть объемные корпуса с репрезентативными выборками текстов различных жанров, отражающих специфику того или иного языка в определенный исторический период [Плунгян, 2005, с. 7]. В это же время появляется Corpus of Historical American English (400 млн слов американского варианта английского языка), Corpus of Contemporary American English (450 млн слов), корпус Берлинской Бранденбургской академии наук (1,8 млрд словоупотреблений), Мангеймский корпус немецкого языка (5,5 млрд слов) и Национальный корпус русского языка (500 млн

CC BY

слов). Как можно заметить, в этот период наметилась тенденция к увеличению объемов корпусов. По меткому замечанию некоторых исследователей, создатели корпусов руководствовались девизом «чем больше, тем лучше» [Kuebler et al., 2015, p. 10]. Вместе с тем огромные массивы текстовых фрагментов, включенных в национальные корпуса, сделали возможным масштабные исследования частотности лексических единиц и коллокаций, состоящих из нескольких слов (так называемых *кластеров*) [Hyland, 2008].

Кроме того, в конце 1990-х — начале 2000-х годов создаются корпуса для документирования и изучения языков малочисленных народов, многие из которых находятся под угрозой исчезновения. В частности, стоит отметить Корпус айнского языка (AINU Corpus, Япония), Корпус языков коренных народов Латинской Америки (AILLA, США), Корпус языков коренных народов Австралии (PARADISEC, Австралия), Корпус языков коренных народов Сибири (INTAS, Россия), Корпус саамских языков (GiellaLT, Норвегия) и др.

В XXI веке корпусная лингвистика вышла на новый уровень благодаря созданию специализированных медицинских, юридических и научных корпусов. Например, PubMed Corpus содержит миллионы научных статей по медицине, что позволяет исследователям изучать терминологию и дискурс в этой области [Stefchov et al., 2018; Dernoncourt et al., 2017; Doğan et al., 2012]. Еще одним направлением стало создание параллельных корпусов, содержащих тексты на нескольких языках. В частности, Europarl Corpus включает тексты Европейского парламента на 21 языке, что делает его ценным ресурсом для изучения перевода и межъязыковых соответствий. А развитие мультимодальных корпусов, включающих аудиовизуальные данные, открыло новые возможности для изучения языка в его многообразии [Allwood, 2009].

Основная цель корпусных исследований заключается в выявлении закономерностей использования языковых единиц в различных контекстах. Для этого применятся целый ряд методов, включая частотный анализ, изучение коллокаций, конкордансов и ключевых слов. Так, частотный анализ позволяет определить, насколько часто те или иные слова или конструкции встречаются в корпусе. Данный метод помогает выявить наиболее употребительные элементы языка и их распределение в различных типах текстов. Так, исследование О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова демонстрирует, что в русском языке частотность слов варьируется в зависимости от жанра текста. Например, ими было выявлено, что слова *ну, да, вот, угу, ага* и др. появляются в спонтанной устной речи в десятки раз чаще, чем в подготовленной письменной речи [Ляшевская и др., 2009].

Изучение коллокаций помогает понять паттерны взаимодействия слов в языке. По мнению Дж. Хилла и М. Льюиса, коллокации играют важную

CC BY

роль в обеспечении связности речи, способствуют достижению беглости, повышают уровень понятности и предсказуемости языковых высказываний [Hill et al., 1997, p. 1] («one of the most powerful forces in making language coherent, fluent, comprehensible, and predictable» [Pawley et al., 1983, p. 205]), так как в большинстве случаев они вспоминаются и воспроизводятся целиком. Проведенный Дж. Синклером анализ коллокаций в British National Corpus выявил огромное количество устойчивых сочетаний в английском языке (*make a mistake, strong criticism, bitterly cold)* [Sinclair, 1991].

Конкордансы представляют собой списки контекстов употребления слова или фразы. Они позволяют исследовать семантику и синтаксические особенности языковых единиц. Например, конкордансы используются для изучения многозначных слов и их значений в различных контекстах [McEnery et al., 2012].

Что касается ключевых слов, то их анализ помогает выявить наиболее значимые слова в тексте или корпусе по сравнению с другим корпусом. Данный метод часто используется в дискурс-анализе и стилометрии [Scott et al., 2006]. Например, анализ корпуса политических речей позволяет выявить основные темы выступлений лидеров наций и риторические приемы, нацеленные на определенное воздействие на аудиторию [Partington et al., 2015].

Помимо корпусной педагогики, дискурс-анализа и стилометрии, методы корпусной лингвистики активно применяются для анализа грамматических конструкций в их естественном употреблении. В частности, исследования на основе корпуса COBUILD показали, что грамматические правила, описанные в учебниках, зачастую не соответствуют реальному употреблению [Hunston et al., 2000]. Анализ четырех совершенно разных типов макродискурса (разговорная речь, художественная литература, публицистика и академическая проза) позволил скорректировать общую грамматику современного английского языка [Grammar …, 1999]. Наиболее авторитетные словари, например, Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary и Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, активно используют корпусы для обновления своих статей [Atkins et al., 2008]. Такие специализированные собрания, как корпус медицинских текстов или юридических документов, применяются для изучения терминологии. В настоящее время выявлены особенности употребления медицинских терминов в профессиональной коммуникации [Lei et al., 2016], создан список часто употребляемых академических слов и фраз, относящихся к сельскому хозяйству [Martínez et al., 2009], химии [Valipouri et al., 2013], защите окружающей среды [Liu et al., 2015], машиностроению [Chang, 2023] и т. д. Однако, несмотря на активное использование корпусной лингвистики для изучения

терминологии различных областей знания, до настоящего момента в отечественной и зарубежной лингвистике отсутствуют комплексные исследования, посвященные применению корпусных методов для анализа терминологии ИИ. Существующие работы в основном сосредоточены на теоретическом описании терминов ИИ или их лексикографической фиксации [Козловская и др., 2023; Термины …, 2024; Шалимова, 2024; Sabahuddin, 2024; Resslerová, 2024; A global …, 2023], тогда как корпусный подход, позволяющий изучать термины в их естественном контексте употребления, остается практически невостребованным.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Цель исследования заключается в определении ключевых моделей образования терминов, а также в изучении того, как складываются орфографические и стилистические нормы использования терминологических единиц ИИ в русском языке. Ведется разработка алгоритма исследования корпусных данных; осуществляется выделение ядерных терминов на основе частотности использования в исследуемом материале; ставится задача установить наиболее характерные коллокации с этими терминами.

В настоящей работе объектом исследования выступают терминологические единицы ИИ в русском языке, поскольку анализ этого пласта лексики в академическом письменном дискурсе позволяет более точно определить значение и контекст использования терминов, что особенно важно в междисциплинарных исследованиях [Петрова и др., 2022]; выявить основные тенденции и изменения в использовании терминов, которые могут указывать на развитие научной мысли или появление новых направлений исследования в области ИИ [Suleimanova et al., 2024].

Источником фактического материала послужили 12 сборников аналитических материалов, посвященных отрасли ИИ в России и мире (альманах «Искусственный интеллект»). Для обеспечения репрезентативности выборки были выбраны 150 статей, охватывающих широкий спектр областей искусственного интеллекта, таких как обучение с подкреплением, ИИ в здравоохранении, нормативно-правовая база, аппаратное обеспечение, предиктивная аналитика, системы поддержки принятия решений, компьютерное зрение и обработка естественного языка. Для обработки текстов использовался корпусный менеджер AntConc (версия 4.3.1), функция частотного анализа которого позволила выделить наиболее часто встречающиеся в текстах статей ядерные термины-слова и термины-словосочетания, образованные на их основе. Контент-анализ, предполагающий содержательную интерпретацию данных, способствовал выявлению особенностей образования терминов-словосочетаний, вариативности орфографических

CC BY

и стилистических норм, а также определению контекстуального использования анализируемых терминов в зависимости от тематики статей.

С развитием корпусной лингвистики и увеличением доступности электронных текстовых данных возникла необходимость в специализированных инструментах для анализа больших массивов текстов, так называемых ***корпусных менеджерах*** [WordSmith Tools, SketchEngine, tlCorpus, TextSTAT Google Books Ngram Viewer и др.]. Некоторые из этих инструментов являются платными, в то время как другие требуют определенных технических знаний для успешного использования. AntConc выделяется как мощный бесплатный инструмент для анализа больших массивов текстовых данных, разработанный профессором Л. Антони, директором Центра обучения английскому языку в области науки и техники Школы науки и техники университета Васеда (Япония). Среди его основных преимуществ — доступность для пользователей с различным уровнем подготовки, интуитивно понятный интерфейс, широкий спектр функций для текстового анализа (включая конкорданс, коллокации, частотный анализ, кластеризацию, создание частотных словарей и выделение ключевых слов), поддержка различных текстовых форматов, возможность гибкой настройки параметров анализа и кросс-платформенная совместимость [Anthony, 2011; Сулейманова и др., 2022].

Методика работы с платформой AntConc для изучения основных характеристик терминов состояла из 6 этапов:

Этап 1. Сбор эмпирического материала в цифровом формате, состоящего из 150 статей альманаха «Искусственный интеллект».

Этап 2. Подготовка корпуса к исследованию (очистка текста от метаданных и изображений; сохранение текстов в формате .txt, кодирование в UTF-8 для корректного отображения символов).

Этап 3. Импортирование данных в AntConc:

1) загрузка текстов в программу посредством инструмента Corpus Manager для дальнейшего использования в качестве основного корпуса (Target Corpus);

2) импортирование эталонного корпуса (Reference Corpus), включающего 1540 терминологических единиц русскоязычной части онлайн-глоссария по ИИ [aiterms.ru]. Онлайн-глоссарий создан на основе толковых, этимологических и терминологических словарей, национальных и международных стандартов по ИИ, тематических интернет-ресурсов.

На рисунке представлены подготовленные для проведения исследования основной и эталонный корпусы (рис. 1).

Этап 4. Сравнение эталонного корпуса (Reference Corpus) с основным (Targer Corpus) при помощи инструмента Keyword List (рис. 2). Данный

CC BY

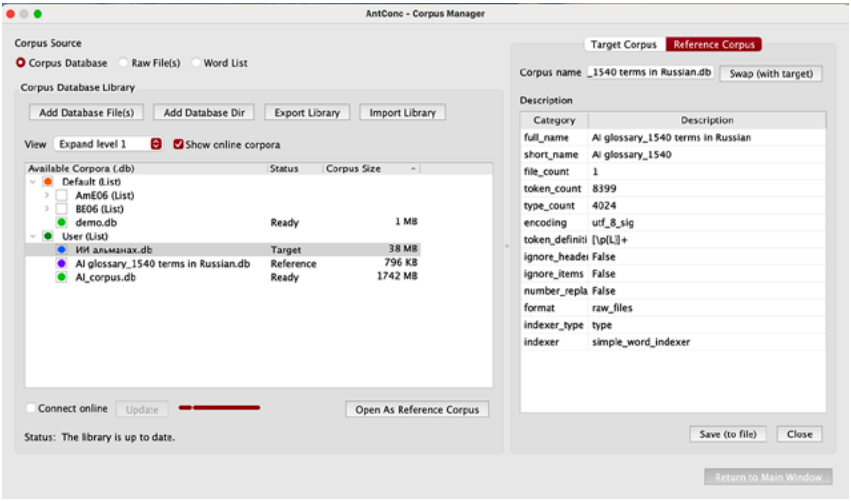

Рис. 1. Создание основного и эталонного корпусов в AntConc

инструмент позволяет рассчитать, какие слова в исследуемом корпусе обладают наибольшей частотностью по сравнению с эталонным корпусом. Поскольку в качестве эталонного корпуса используются термины ИИ, то на выходе мы получаем список высокочастотных терминологических единиц, которые можно охарактеризовать как ядерные термины или содержащие наиболее важные значения и являющиеся ключевыми для понимания темы или области знания [Винокурова, 2016]. Они служат основой для дальнейшего сужения и конкретизации значений, связанных с этой темой, а также сопровождаются производными терминами, которые могут иметь дополнительные значения или специфические контексты [Кондратюкова, 2012].

Этап 5. Отбор n-грамм посредством инструмента Clusters для определения словосочетаний с ядерными терминами справа и слева от искомого слова. На рисунке представлены коллокации, образованные на основе ядерного термина *данные* (рис. 3). Чтобы учесть все словоформы ядерного термина, варьируемая часть слова заменена на звездочку (*). Сортировка представлена по частотности употребления; количество элементов в кластере равно 3, так как средняя длина термина ИИ равна 2 или 3 терминоэлементам [Винокурова, 2016].

Следует отметить, что на этапах 4 и 5 цифровых статистических исследований текста требуется интеграция качественного контент-анализа, поскольку не все отобранные программой слова и словосочетания будут относиться к терминологической лексике в области ИИ.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Этап 6. Интерпретация результатов исследования.

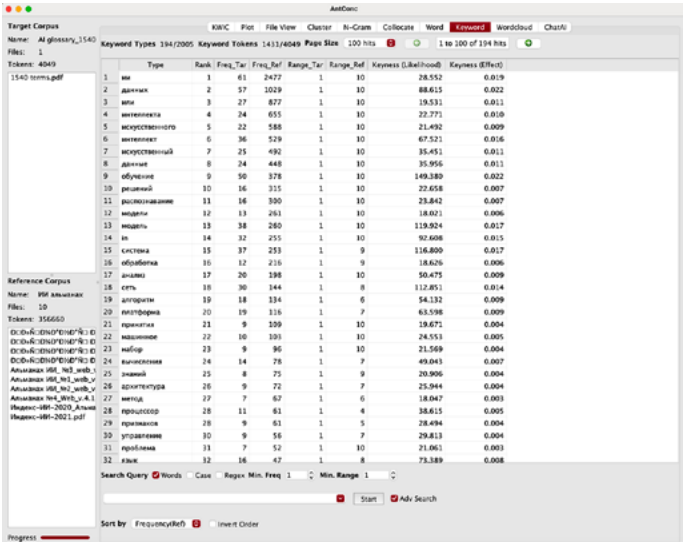

Рис. 2. Результат сравнения основного корпуса исследования с эталонным

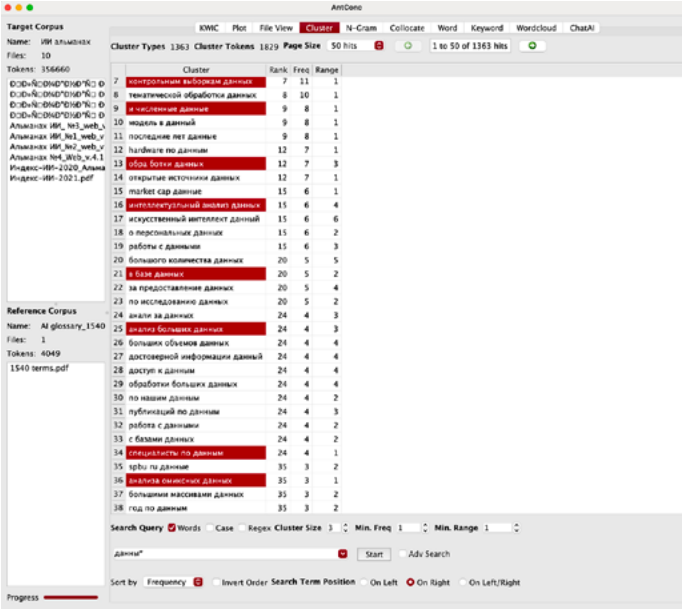

Рис. 3. Коллокации на основе ядерного термина *данные*

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате исследования, проведенного при помощи инструмента Keyword сервиса AntConc (версия 4.3.1) и последующего качественного контент-анализа, было выявлено 100 ядерных терминов. Наиболее высокочастотные приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Ядерные термины ИИ в русском языке
с высокой частотностью употребления

Термин	Частотность употребления	Термин	Частотность употребления
данные	1829	метод	489
система	1695	платформа	339
интеллект	1503	цифровой	303
обучение	1271	управление	300
модель	852	устройство	288
решение	833	процессор	280
сеть	770	функция	275
алгоритм	696	архитектура	245
анализ	692	вычисления	225
распознавание	592	классификация	190
обработка	550	набор	187
язык	530	признак	113
зрение	511	библиотека	99

На основании анализа представленных терминов можно выделить несколько ключевых направлений искусственного интеллекта, демонстрирующих наиболее динамичное развитие: обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP), машинное обучение (Machine Learning), генеративные модели, рапознавание образов и распознавание голоса, эмоциональный интеллект, обработка и защита персональных данных, классификация и кластеризация.

Большинство исследуемых терминов-словосочетаний имеют двухкомпонентную структуру и формируются в соответствии со следующими моделями:

1) прил. + сущ.: *тензорная сеть, сиамская сеть, сверточная сеть, рекуррентная сеть, глубокая сеть; открытая платформа, аппаратная платформа, геномная платформа, облачная платформа, цифровая платформа, краудсорсинговая платформа; коллективный интеллект, окружающий интеллект, поэтапное обучение, инкрементный алгоритм, нейро-*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

сетевая модель, скоринговая модель, компьютерное зрение, адаптивное управление, эталонная архитектура;

2) сущ. + сущ.: *анализ данных, хост-система, алгоритм оптимизации, алгоритм обучения, алгоритм word2vec, обучение модели, модель языка, распознавание речи, распознавание лиц, распознавание образов, распознавание текста, управление жестами, управление дронами, управление диалогом, управление рисками, валидация данных, архитектура агента, архитектура фон Неймана, лес решений;*

3) сущ. + предлог + сущ.: *обучение без учителя, обучение с учителем, обучение по сходству, поиск по графу, пересечение по объединению, площадь под кривой, сжатие без потерь, текст в речь;*

4) аббревиатура + сущ. (с предлогом или без): *ИИ-модель, ИИ-агент, МО с подкреплением, система ИИ, IOT-устройство, NLP-устройство, библиотека cuDNN, библиотека ZenDNN, свойство NP, алгоритм BLEU.*

Сужение и конкретизация значения исходного двухкомпонентного термина происходят за счет добавления к этому термину прилагательного или существительного, что приводит к уточнению области применения или аспекта, связанного с исходным термином:

1) прил. + двухкомпонентный термин-словосочетание: ***объяснимый*** *искусственный интеллект,* ***субсимвольный*** *искусственный интеллект, автономная система управления,* ***рекуррентная*** *нейронная сеть, долгая краткосрочная память,* ***сквозные*** *цифровые технологии,* ***случайный*** *лес решений;*

2) сущ. + двухкомпонентный термин-словосочетание: ***анализ*** *больших данных,* ***алгоритм*** *машинного обучения,* ***устройство*** *распознавания речи,* ***технология*** *распознавания голоса,* ***архитектура*** *вычислительной машины,* ***оптимизация*** *множетсвенного роя,* ***система*** *распознавания речи.*

Рассмотрим термин *большие данные* на примерах сужения фокуса на конкретном аспекте работы с данными (они выступают объектом номинации):

— *большие данные* — общий термин, обозначающий огромные объемы структурированных и неструктурированных данных, которые трудно обрабатывать традиционными методами. Этот термин охватывает сами данные, их характеристики (объем, скорость, разнообразие) и технологии их хранения;

— *анализ больших данных* представляет собой специализированный процесс, направленный на исследование, обработку и интерпретацию значительных объемов информации с целью извлечения ценной информации, выявления закономерностей и поддержки принятия обоснованных решений. В данном контексте внимание сосредотачивается на методах и

CC BY

инструментах, применяемых для анализа, включая машинное обучение, статистические подходы и визуализацию данных;

— *обработка больших данных*, в свою очередь, акцентирует внимание на процедурах сбора, очистки, преобразования массивов данных и управления ими с целью их подготовки к последующему анализу или использованию. Здесь основное внимание уделяется техническим аспектам, таким как использование распределенных систем (например, Hadoop и Spark), алгоритмов параллельной обработки и методов оптимизации, которые обеспечивают эффективное управление большими объемами информации.

Следовательно, применение терминов *анализ* или *обработка* позволяет акцентировать внимание на специфических аспектах взаимодействия с большими данными. Такая терминологическая конкретизация способствует более точному описанию процессов, связанных с технической подготовкой данных, и их четкому разграничению с другими этапами работы, такими как визуализация, хранение, управление данными, разработка алгоритмов машинного обучения и принятие решений на основе полученных результатов.

Наряду с полным названием термина *искусственный интеллект* (1305 употреблений) в текстах используется его аббревиатура *ИИ* (2477 употреблений); аббревиатура *МО* встречается в текстах 40 раз, а *машинное обучение* — 320 раз. Такое распределение употреблений свидетельствует о том, что аббревиатуры активно используются в профессиональной и научной коммуникации, особенно в случаях, когда термин упоминается многократно. Однако полные названия сохраняют свою значимость для обеспечения ясности и точности, особенно в случаях, когда важно избежать двусмысленности или термин вводится впервые. Это также отражает тенденцию к балансу между лаконичностью и полнотой выражения в научных и технических текстах.

Русскоязычный термин или аббревиатура может сопровождаться данным в скобках термином и / или аббревиатурой на английском языке: обработка естественного языка (NLP), МО (machine learning), мета-обучение с подкреплением (meta-RL), большие данные (big data), графический процессор (GPU), сверточные нейронные сети (Convolutional Neural Network, CNN), генеративно-состязательные сети (GAN). Такая практика не только способствует однозначности и ясности изложения, обеспечивает интеграцию русскоязычной терминологии в международный научный контекст, но и помогает избежать терминологической путаницы, связанной с различиями в языковых и профессиональных традициях.

Гибридное написание также способствует обеспечению универсальности и однозначности терминов. Термины могут иметь английские

вкрапления: *8-слойные LSTM с механизмом внимания*, *модель word2vec, Q-обучение, подход end2end.* Как правило, аббревиатуры, часто используемые в профессиональной коммуникации, в составе сложного термина сохраняют английский вариант написания: *NLP-алгоритм, NLP технологии, NLP модель; модель LaMDA, процессор для ML, проектировщик GPU, сервер CPU/GPU, метрика BLEU, ЦП (CPU).*

Ряд терминологических единиц не имеют переводного аналога в русском языке и пишутся латиницей: речевые помощники *Siri, Alexa, Cortana, Amazon Echo*, библиотеки *Python, PyTorch, NumPy*, нейросети *AlexNet, DALL-E* и др. Использование в оригинальной форме имен собственных, названий продуктов, технологий или программных инструментов, которые изначально были созданы и названы на английском языке, обусловлено необходимостью сохранения узнаваемости, а также избежания искажения смысла или функциональной принадлежности.

Встречаются случаи транслитерации при наличии аналога в русском языке: *dataset — датасет / набор данных, autoencoder — автоэнкодер / автокодировщик; crowdsourcing — краудсорсинг / распределение задач, blockchain — блокчейн / технологии распределенного реестра.* Такая вариативность в использовании терминов отражает влияние англоязычной терминологии на русскоязычный научный и профессиональный дискурс, а также стремление к сохранению оригинального звучания терминов, что способствует их узнаваемости и унификации в международном контексте. В то же время наличие русскоязычных аналогов демонстрирует попытки адаптации и локализации терминологии.

Некоторые термины, несмотря на наличие русскоязычных аналогов, чаще используются в их английском варианте: *data scientist* и *data analyst* встречаются в текстах 19 раз, а их русские аналоги *специалист по данным* и *дата аналитик / аналитик-данных* — 1 и 5 раз соответственно. Кроме того, вместо русскоязычного термина может употребляться английская аббревиатура. Так, термин *генеративно-состязательные сети* часто замещается аббревиатурой *GAN*, нередко с добавлением русского окончания множественного числа: *Разумеется, такую задачу, как Style Transfer, не обошли стороной современные и нынче популярные* ***GAN'ы*** (Д. Нехаев, И. Лаптев «Computer Vision / Технологии», 2019).

Подчеркнем, что главной чертой терминосистемы ИИ в русском языке является наличие большого количества англицизмов [Брейтер, 1997, с. 132], которые заимствуются в связи с отсутствием соответствующего названия в языке-реципиенте. Однако тексты альманаха нельзя считать перенасыщенными англицизмами, написанными латинским шрифтом. Соотношение терминов, представленных кириллицей и латиницей, состав-

CC BY

ляет 3 : 1; тем не менее существуют случаи, когда при наличии аналогов в русском языке используется исключительно английский вариант (*fuzzy systems*, *data mining*, *cognitive science*, *transfer learning*): *Основные работы по* ***transfer learning*** *сейчас ведутся в области донастройки и оптимизации (finetuning) обученных моделей таким образом, чтобы они могли быть перенесены в новые среды без потерь, а также «обогащении» обучающих выборок* (Н. Гутенева «RL — обзор основных технологий», 2020).

Проблема выбора между дефисным и раздельным написанием слов остается актуальной и не имеет четко установленного решения в ряде случаев. В ходе анализа было выявлено шесть различных вариантов написания термина *чатбот* в статьях различных авторов: *chat бот, chat-бот, чатбот, чат-бот, chatbot, chat bot, chat-bot*. Наиболее распространенной вариацией является *чат-бот*.

Аналогична ситуация с терминами, в составе которых присутствует аббревиатура ML (машинное обучение). В исследуемом корпусе текстов обнаружены различные варианты написания таких сложных слов, как *ML-specialist, ML Specialist и ML-специалист*.

В процессе анализа особенностей грамматического освоения заимствованных слов в русском языке было сделано интересное наблюдение. Прилагательные, как правило, образуются посредством гибридного присоединения русских аффиксов к транслитерированным английским терминам [Ермакова, 2001]. Например, английское существительное *software* находит в русском языке такие эквиваленты, как *программное обеспечение*, *ПО*, *софт*, от последней основы образуются прилагательные *софтовый* и *софтверный*; существительное *hardware* представлено в русском языке как *оборудование* или *железо* (в жаргонном употреблении), с соответствующим образованием прилагательного *хардверный*; от существительного *хакатон* (*hackathon)* образовано прилагательное *хакатонный.*

Для текстов альманаха характерен ряд стилистических особенностей. Во-первых, преобладание терминологической лексики свидетельствует о технической или специализированной направленности контекста, что предполагает целевую аудиторию, свободно владеющую соответствующей терминологией. Во-вторых, наличие небольшого процента жаргонизмов, таких как *железо, железка* и *фича*, с одной стороны, придает тексту неформальный и разговорный оттенок, что может быть интерпретировано как стремление авторов к установлению более близкого контакта с читателем, а с другой — создает эффект принадлежности к профессиональной среде, ориентированной на «своих». В-третьих, смешение различных стилистических регистров создает контраст, который способствует динамичности текста и делает его более живым. Такое сочетание формального

CC BY

и неформального стилей отражает стремление к балансу между научной строгостью и доступностью изложения, что характерно для современных текстов, ориентированных на профессиональную, но широкую аудиторию. Приведем несколько примеров: *NVIDIA, почувствовав, что трон зашатался, вкладывает фантастические усилия в библиотеки ускорения нейросетей и новое* ***железо*** (Д. Ватолин «Аппаратное ускорение глубоких нейросетей в 2021», 2021); *Все это означает появление железок, обучение на которых будет относительно быстрым, но стоить которые будут дорого, что естественным образом приводит к идее разделять время использования этой дорогой* ***железки*** *между исследователями* (Д. Ватолин «Аппаратное ускорение глубоких нейросетей в 2021», 2021); *Однако просто брать нужные* ***фичи*** *и делать дообучение с датасета на датасет может быть недостаточно* [И. Захаркин «Вижу, значит существую: обзор Deep Learning в Computer Vision», 2019].

4. Заключение = Conclusions

Корпусная лингвистика обладает значительным потенциалом для анализа и изучения языковой системы, особенно в контексте быстро развивающейся области искусственного интеллекта (ИИ). Применение инструментов корпусной лингвистики, таких как AntConc, позволило выявить ключевые терминологические единицы, отражающие актуальные тренды и новшества в данной области. В проанализированных текстах был представлен всесторонний обзор терминологии ИИ в русском языке, выявлены основные словообразовательные модели, а также оценены стилистические и орфографические нормы употребления терминов.

Результаты исследования показывают, что терминология, связанная с искусственным интеллектом, продолжает эволюционировать и адаптироваться к требованиям современного научного дискурса. Обнаружено, что многие термины и словосочетания, заимствованные из английского языка, еще не имеют устоявшихся норм употребления в русском языке, что создает определенные трудности для исследователей и практиков. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей работы по стандартизации терминов для улучшения понимания и коммуникации в профессиональной среде.

Кроме того, установлено, что англицизмы активно внедряются в русский язык, что указывает на глобализацию научной терминологии и влияние английского языка как lingua franca. Проблема, связанная с использованием различных форм написания терминов (латиница и кириллица), а также наличие гибридных форм требуют внимания и более четкой регламентации на пути к гармонизации научного языка.

Однако, несмотря на значительные достижения в области корпусной лингвистики, обнаружен ряд ограничений, связанных с использованием платформы AntConc. Высокое содержание «шума» в результатах, необходимость ручной фильтрации и ограниченные возможности по сведению словоформ к единой лемме ставят перед исследователями дополнительные вызовы. Будущие разработки в области корпусных технологий, вероятно, позволят преодолеть эти трудности и сделать анализ данных более эффективным и точным.

Важным направлением дальнейших исследований является углубленное изучение функционально-стилистической дифференциации терминов, что позволит установить более четкие нормы их употребления в контексте научного и профессионального дискурса. Также актуальной остается задача создания специализированных корпусов, которые будут отражать не только терминологию, но и контексты использования терминов, что поможет выявить закономерности и тенденции в их функционировании.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Архангельский Т. А.* Интернет-корпуса финно-угорских языков России / Т. А. Архангельский // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2019. — Т. 13. — № 3. — С. 528—537. — DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-528-537.

2. *Брейтер М. А.* Англицизмы в русском языке : история и перспективы : пособие для иностр. студентов-русистов / М. А. Брейтер. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — 156 с.

3. *Винокурова Т. Н.* Структурные особенности терминологии искусственного интеллекта в английском языке / Т. Н. Винокурова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 10—3 (52). — С. 14—23. — DOI:10.18454/IRJ.2016.52.024.

4. *Ермакова О. И.* Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка / О. И. Ермакова // Диалог. — 2001. — С. 173.

5. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика / В. П. Захаров. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. — 48 с. — ISBN 978-5-288-05997-1.

6. *Козлова Н. В.* Лингвистические корпуса : определение основных понятий и типология / Н. В. Козлова // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С. 79—88.

7. *Козловская Н. В.* Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта : к постановке вопроса о субтерминологии / Н. В. Козловская, А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина // Art Logos. — 2023. — № 3 (24). — С. 98—118. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37.

8. *Кондратюкова Л. К.* Заимствования и интернационализмы в терминологии английской компьютерной техники / Л. К. Кондратюкова // Динамика систем, механизмов и машин. — 2012. — № 4. — С. 155—158.

9. *Кононенко А. П.* Лингвистический потенциал компьютерных технологий в современной филологии / А. П. Кононенко, Л. А. Недосека // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 97. — № 2. — С. 50—54. — DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-50-54.

10. *Ляшевская О. Н.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. — Москва : Азбуковник, 2009. — 1090 с. — ISBN 978-5-91172-024-7.

11. *Петрова И. М.* Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : учеб. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина. — Москва : Языки Народов Мира, 2022. — 259 с. — ISBN 978-5-6048046-8-1.

12. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение / В. А. Плунгян // Национальный корпус русского языка : 2003—2005. — Москва : Индрик, 2005. — С. 6—20.

13. *Сулейманова О. А.* Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации / О. А. Сулейманова, А. Б. Гулиянц // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 4 (48). — С. 89—101. — DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.07.

14. *Термины* и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении / А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина, Л. М. Гареева. — Москва : Спутник+, 2024. — 193 с. — ISBN 978-5-9973-6887-6.

15. *Шалимова П. А.* К вопросу о терминах и неологизмах в сфере искусственного интеллекта и нейросетей / П. А. Шалимова // Общество, экономика, культура : стратегии развития. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. — 2024. — С. 218—223.

16. *A global* taxonomy of interpretable AI : unifying the terminology for the technical and social sciences / M. Graziani, L. Dutkiewicz, D. Calvaresi // Artificial Intelligence Review. — 2023. — Vol. 56. — № 4. — Pp. 347—3504. — DOI: 10.1007/s10462-022-10256-8.

17. *Aarts J.* Corpus Linguistics / J. Aarts, W. Meij. — Amsterdam : Rodopi, 1984. — 229 p.

18. *Abercrombie D.* Studies in Phonetics and Linguistics / D. Abercrombie — London : Oxford University Press, 1965. — 151 p.

19. *Corpus* Linguistics and Corpus-Based Research and Its Implication in Applied Linguistics : A Systematic Review / A. M. S. Al-Hamzi, A. Gougui, Y. Sari Amalia, T. Suhardijanto // PAROLE : Journal of Linguistics and Education. — 2020. — Vol. 10. — № 2. — Pp. 176—181.

20. *Allwood J.* Multimodal corpora / J. Allwood // Corpus Linguistics. An International Handbook. — Berlin : de Gruyter, 2009. — Pp. 207—225.

21. *Anthony L.* AntConc : A Learner and Classroom Friendly, Multi-Platform Corpus Analysis Toolkit / L. Anthony // IWLeL 2004 : An Interactive Workshop on Language e-Learning. — 2011. — Pp. 7—13.

22. *Assunção C.* Entries on the History of Corpus Linguistics / C. Assunção, C. S. Araújo // Linha D Água. — 2019. — Vol. 32. — № 1. — Pp. 39—57. — DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v32i1p39-57.

23. *Atkins B. T. S.* The Oxford guide to practical lexicography / B. T. S. Atkins, M. Rundell. — Oxford : Oxford university press, 2008. — 540 p.

24. *Bataillon L. J.* Hugues de Saint-Cher († 1263), bibliste et théologien / L. J. Bataillon, G. Dahan, P.-M. Gy. — Turnhout : Brepols, 2004. — 520 p.

25. *Biber D.* On the exploitation of computerized corpora in variation studies / D. Biber, E. Finegan // English corpus linguistics : Studies in honour of Jan Svartvik. — London : Longman, 1991. — Pp. 204—220.

26. *Boas F.* Handbook of American Indian Languages / F. Boas. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — 570 p.

27. *Boulton A.* Using Corpora in Language Teaching, Learning and Use / A. Boulton, C. Landure // Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité. — 2016. — Vol. 35. — № 2. — Pp. 67—72. — DOI: 10.4000/apliut.5433.

28. *Casson L. F.* A Fourteenth Century Concordance to the Vulgate / L. F. Casson // Libri. — 1960. — Vol. 10. — № 2. — Pp. 111—128. — DOI: 10.1515/libr.1960.10.2.111.

29. *Chang L.* A Corpus-Based Mechanical Engineering Academic Word List / L. Chang // International Journal of TESOL Studies. — 2023. — Vol. 5. — № 3. — Pp. 126—142. — DOI: 10.58304/ijts.20230310.

30. *Chomsky N.* Quine's empirical assumptions / N. Chomsky // Synthese. — 1968. — Vol. 19. — Pp. 53—68. — DOI: 10.1007/BF00568049.

31. *Dash N. S.* History, Features, and Typology of Language Corpora / N. S. Dash, S. Arulmozi. — Springer : [b. i.], 2018. — 311 p. — DOI: 10.1007/978-981-10-7458-5_15.

32. *Dernoncourt F.* PubMed 200k RCT : a Dataset for Sequential Sentence Classification in Medical Abstracts / F. Dernoncourt, J. Y. Lee // Proceedings of the 8th International Joint Conference on Natural Language Processing. — Taipei : IEEE Signal Processing Society. — 2017. — Pp. 308—313.

33. *Doğan R. I.* An improved corpus of disease mentions in PubMed citations / R. I. Doğan, Z. Lu // Proceedings of the 2012 Workshop on Biomedical Natural Language Processing (BioNLP 2012). — Montreal : Association for Computational Linguistics. — 2012. — Pp. 91—99.

34. *Eaton H.* Semantic frequency list for English, French, German, and Spanish ; a correlation of the first six thousand words in four single-language frequency lists / H. Eaton. — Chicago : Chicago University Press, 1940. — 440 p.

35. *Francis W. N.* Brown Corpus Manual : Manual of information to accompany. A Standard Corpus of Present-Day Edited American English, for use with Digital Computers / W. N. Francis, H. Kucera. — Providence : Brown University, 1964. — 467 p.

36. *Grammar* of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. — Longman Harlow : Pearson Education Limited, 1999. — 1204 p.

37. *Guietti P.* Hermeneutic of Aquinas's Texts : Notes on the Index Thomisticus / P. Guietti // The Thomist : A Speculative Quarterly Review. — 1993. — Vol. 57. — № 4. — Pp. 667—686. — DOI: 10.1353/tho.1993.0006.

38. *Harris Z. S.* Structural Linguistics / Z. S. Harris. — Chicago : University Of Chicago Press, 1960. — 384 p.

39. *Hill J.* LTP Dictionary of Selected Collocations / J. Hill, M. Lewis. — Hove : Language Teaching Publications, 1997. — 288 p.

40. *Hunston S.* Pattern Grammar / S. Hunston, G. Francis. — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2000. — 288 p.

41. *Hyland K.* As it can be seen : Lexical bundles and disciplinary variation / K. Hyland // English for Specific Purposes. — 2008. — Vol. 27. — Pp. 4—21. — DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.00.

42. *Johansson S.* Some aspects of the development of corpus linguistics in the 1970-s and 1980-s / S. Johansson // Corpus Linguistics: An International Handbook. — Berlin : De Gruyter, 2009. — Pp. 33—53.

43. *Kuebler S.* Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora / S. Kuebler, H. Zinsmeister. — London : Bloomsbury Publishing, 2015. — 320 p.

44. *Lei L.* A new medical academic word list : A corpus-based study with enhanced methodology / L. Lei, D. Liu // Journal of English for Academic Purposes. — 2016. — Vol. 22. — Pp. 42—53. — DOI: 10.1016/j.jeap.2016.01.008.

45. *Liu J.* A corpus-based environmental academic word list building and its validity test / J. Liu, L. Han // English for Specific Purposes. — 2015. — Vol. 39. — № 1. — Pp. 1—11. — DOI: 10.1016/j.esp.2015.03.001.

46. *Martínez I. A.* Academic vocabulary in agriculture research articles : a corpus-based study / I. A. Martínez, S. C. Beck, C. B. Panza // English for Specific Purposes. — 2009. — Vol. 28. — № 3. — Pp. 183—198. — DOI: 10.1016/j.esp.2009.04.003.

47. *McEnery T.* Corpus Linguistics : Method, Theory and Practice / T. McEnery, A. Hardie. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 312 p.

48. *Mcgillivray B.* The Index Thomisticus Treebank Project : Annotation, Parsing and Valency Lexicon / B. Mcgillivray, M. Passarotti, P. Ruffolo // Traitement Automatique des Langues. — 2009. — Vol. 50. — № 2. — Pp. 103—127.

49. *O'Keeffe A.* Routledge handbook of corpus linguistics / A. O'Keeffe, M. McCarthy. — London : Routledge, 2010. — 682 p.

50. *Partington A. U*sing corpora in discourse analysis / A. Partington, A. Marchi // The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — Pp. 216—234.

51. *Pawley A.* Two puzzles for linguistic theory : Nativelike selection and nativelike frequency / A. Pawley, F. H. Syder // Language and Communication. — London : Longman. — 1983. — Pp. 191—226.

52. *Resslerová V.* La terminologie du domaine de l'intelligence artificielle : néologie et pluridisciplinarité / V. Resslerová // Studia Romanistica. — 2024. — Vol. 24. — № 2. — Pp. 59—71. — DOI: 10.15452/SR.2024.24.0012.

53. *Rockwell G.* The Index Thomisticus as a Digital Humanities Big Data Project / G. Rockwell, M. Passarotti // Umanistica Digitale. — 2019. — № 5. — Pp. 13—34. — DOI: 10.6092/issn.2532-8816/8575.

54. *Sabahuddin A.* AI Lexica : Exploring the Vocabulary of Artificial Intelligence / A. Sabahuddin // Journal of Emerging Technologies and Innovative Research. — 2024. — Vol. 11. — Issue 4. — Pp. 123—137.

55. *Scott M.* Textual Patterns : Key words and corpus analysis in language education / M. Scott, C. Tribble. — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2006. — 203 p.

56. *Selivan L.* Corpus Linguistics and Vocabulary Teaching / L. Selivan // Demystifying Corpus Linguistics for English Language Teaching. — Springer. — 2023. — Pp. 139—161. — DOI: 10.1007/978-3-031-11220-1_8.

57. *Sinclair J.* Looking up : an account of the COBUILD Project in lexical computing / J. Sinclair. — London and Glasgow : Collins ELT, 1987. — 182 p.

58. *Sinclair J.* Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. — Oxford : University of Oxford, 1991. — 179 p.

59. *Stefanowitsch A.* Corpus linguistics : A guide to the methodology / A. Stefanowitsch. — Berlin : Language Science Press, 2020. — 510 p.

60. *Stefchov E.* Towards Constructing a Corpus for Studying the Effects of Treatments and Substances Reported in PubMed Abstracts / E. Stefchov, G. Angelova, P. Nakov // Lecture Notes in Computer Science. — 2018. — Vol. 11089. — Pp. 115—125. — DOI: 10.1007/978-3-319-99344-7_11.

61. *Suleimanova O. A.* Anthropocentrical Turn in Linguistics Through the Digital Lens : Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs / O. A. Suleimanova, I. V. Tivyaeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2024. — Vol. 17. — № 5. — Pp. 847—861.

62. *Valipouri L.* A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles / L. Valipouri, H. Nassaji // Journal of English for Academic Purposes. — 2013. — Vol. 12. — № 4. — Pp. 248—263. — DOI: 10.1016/j.jeap.2013.07.001.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025,
одобрена после рецензирования 29.07.2025,
подготовлена к публикации 19.08.2025.

References

A global taxonomy of interpretable AI: unifying the terminology for the technical and social sciences. *Artificial Intelligence Review, 56 (4):* 347—3504. DOI: 10.1007/s10462-022-10256-8.

Aarts, J., Meij, W. (1984). *Corpus Linguistics.* Amsterdam: Rodopi. 229 p.

Abercrombie, D. (1965). *Studies in Phonetics and Linguistics.* London: Oxford University Press. 151 p.

Allwood, J. (2009). Multimodal corpora. In: *Corpus Linguistics. An International Handbook.* Berlin: de Gruyter. 207—225.

Anthony, L. (2011). AntConc: A Learner and Classroom Friendly, Multi-Platform Corpus Analysis Toolkit. *IWLeL 2004: An Interactive Workshop on Language e-Learning.* 7—13.

Arkhangelsky, T. A. (2019). Internet corpus of the Finno-Ugric languages of Russia. *Yearbook of Finno-Ugric studies, 13 (3):* 528—537. DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-3-528-537. (In Russ.).

Assunção, C. (2019). Entries on the History of Corpus Linguistics. *Linha D Água, 32 (1):* 39—57. DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v32i1p39-57.

Atkins, B. T. S., Rundell, M. (2008). *The Oxford guide to practical lexicography.* Oxford: Oxford university press. 540 p.

Bataillon, L. J., Dahan, G. (2004). *Hugues de Saint-Cher († 1263), bibliste et théologien.* Turnhout: Brepols. 520 p.

Biber, D. (1991). On the exploitation of computerized corpora in variation studies. In: *English corpus linguistics: Studies in honour of Jan Svartvik.* London: Longman. 204—220.

Boas, F. (2013). *Handbook of American Indian Languages.* Cambridge: Cambridge University Press. 570 p.

Boulton, A., Landure, C. (2016). Using Corpora in Language Teaching, Learning and Use. *Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité, 35 (2):* 67—72. DOI: 10.4000/apliut.5433.

Breiter, M. A. (1997). *Anglicisms in the Russian language: history and prospects: a handbook for foreigners. students of Russian studies.* Moscow: Dialog-MSU. 156 p. (In Russ.).

Casson, L. F. (1960). A Fourteenth Century Concordance to the Vulgate. *Libri, 10 (2):* 111—128. DOI: 10.1515/libr.1960.10.2.111.

Chang, L. (2023). A Corpus-Based Mechanical Engineering Academic Word List. *International Journal of TESOL Studies, 5 (3):* 126—142. DOI: 10.58304/ijts.20230310.

Chomsky, N. (1968). Quine's empirical assumptions. *Synthese, 19:* 53—68. DOI: 10.1007/BF00568049.

Corpus Linguistics and Corpus-Based Research and Its Implication in Applied Linguistics: A Systematic Review. *PAROLE: Journal of Linguistics and Education, 10 (2):* 176—181.

Dernoncourt, F. (2017). PubMed 200k RCT: a Dataset for Sequential Sentence Classification in Medical Abstracts. In: *Proceedings of the 8th International Joint Conference on Natural Language Processing.* Taipei: IEEE Signal Processing Society. 308—313.

Doğan, R. I., Lu, Z. (2012). An improved corpus of disease mentions in PubMed citations. In: *Proceedings of the 2012 Workshop on Biomedical Natural Language Processing (BioNLP 2012).* Montreal: Association for Computational Linguistics. 91—99.

Eaton, H. (1940). *Semantic frequency list for English, French, German, and Spanish; a correlation of the first six thousand words in four single-language frequency lists.* Chicago: Chicago University Press. 440 p.

Ermakova, O. I. (2001). Features of computer jargon as a specific subsystem of the Russian language. *Dialog.* P. 173. (In Russ.).

Francis, W. N. (1964). *Brown Corpus Manual: Manual of information to accompany. A Standard Corpus of Present-Day Edited American English, for use with Digital Computers.* Providence: Brown University. 467 p.

Grammar of Spoken and Written English. (1999). Longman Harlow: Pearson Education Limited. 1204 p.

Guietti, P. (1993). Hermeneutic of Aquinas's Texts: Notes on the Index Thomisticus. *The Thomist: A Speculative Quarterly Review, 57 (4):* 667—686. DOI: 10.1353/tho.1993.0006.

Harris, Z. S. (1960). Structural Linguistics. Chicago: University of Chicago Press. 384 p.

Hill, J. (1997). *LTP Dictionary of Selected Collocations.* Hove: Language Teaching Publications. 288 p.

Hunston, S. (2000). *Pattern Grammar.* Amsterdam: John Benjamins Publishing. 288 p.

Hyland, K. (2008). As it can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes, 27:* 4—21. DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.00.

Johansson, S. (2009). Some aspects of the development of corpus linguistics in the 1970-s and 1980-s. In: *Corpus Linguistics: An International Handbook.* Berlin: De Gruyter. 33—53.

Kondratyukova, L. K. (2012). Borrowings and internationalisms in the terminology of English computer technology. *Dynamics of systems, mechanisms and machines, 4:* 155—158. (In Russ.).

Kononenko, A. P. (2023). Linguistic potential of computer technologies in modern philology. *Humanities and social sciences, 97 (2):* 50—54. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-50-54. (In Russ.).

Kozlova, N. V. (2013). Linguistic corpus: definition of basic concepts and typology. *Bulletin of the NSU. Linguistics and intercultural communication, 1:* 79—88. (In Russ.).

Kozlovskaya, N. V., Musayeva, A. S., Sumenikina, Yu. V. (2023). Transterminologization in the field of artificial intelligence: towards raising the question of subterminology.

Art Logos, 3 (24): 98—118. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37. (In Russ.).

Kuebler, S. (2015). *Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora.* London: Bloomsbury Publishing. 320 p.

Lei, L., Liu, D. (2016). A new medical academic word list: A corpus-based study with enhanced methodology. *Journal of English for Academic Purposes, 22:* 42—53. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.01.008.

Liu, J. (2015). A corpus-based environmental academic word list building and its validity test. *English for Specific Purposes, 39 (1):* 1—11. DOI: 10.1016/j.esp.2015.03.001.

Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the materials of the National Corpus of the Russian language).* Moscow: Azbukovnik. 1090 p. ISBN 978-5-91172-024-7. (In Russ.).

Martínez, I. A. (2009). Academic vocabulary in agriculture research articles: a corpus-based study. *English for Specific Purposes, 28 (3):* 183—198. DOI: 10.1016/j.esp.2009.04.003.

McEnery, T. (2012). *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice.* Cambridge: Cambridge University Press. 312 p.

Mcgillivray, B., Passarotti, M., Ruffolo, P. (2009). The Index Thomisticus Treebank Project: Annotation, Parsing and Valency Lexicon. *Traitement Automatique des Langues, 50 (2):* 103—127.

O'Keeffe, A. (2010). *Routledge handbook of corpus linguistics.* London: Routledge. 682 p.

Partington, A., Marchi, A. (2015). Using corpora in discourse analysis. In: *The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics.* Cambridge: Cambridge University Press. 216—234.

Pawley, A. (1983). Two puzzles for linguistic theory: Nativelike selection and nativelike frequency. In: *Language and Communication.* London: Longman. 191—226.

Petrova, I. M., Ivanova, A. M. (2022). *Modern digital technologies in linguistic research: textbook. handbook for students in the field of Linguistics.* Moscow: Languages of the Peoples of the World. 259 p. ISBN 978-5-6048046-8-1. (In Russ.).

Plungyan, V. A. (2005). Why do we need a National corpus of the Russian language? Informal introduction. In: *National corpus of the Russian language: 2003—2005.* Moscow: Indrik. 6—20. (In Russ.).

Resslerová, V. (2024). La terminologie du domaine de l'intelligence artificielle: néologie et pluridisciplinarité. *Studia Romanistica, 24 (2):* 59—71. DOI: 10.15452/SR.2024.24.0012.

Rockwell, G. (2019). The Index Thomisticus as a Digital Humanities Big Data Project. *Umanistica Digitale, 5:* 13—34. DOI: 10.6092/issn.2532-8816/8575.

Sabahuddin, A. (2024). AI Lexica: Exploring the Vocabulary of Artificial Intelligence. *Journal of Emerging Technologies and Innovative Research, 11 (4):* 123—137.

Scott, M., Tribble, C. (2006). *Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education.* Amsterdam: John Benjamins Publishing. 203 p.

Selivan, L. (2023). Corpus Linguistics and Vocabulary Teaching. *Demystifying Corpus Linguistics for English Language Teaching. Springer.* 139—161. DOI: 10.1007/978-3-031-11220-1_8.

Shalimova, P. A. (2024). On the question of terms and neologisms in the field of artificial intelligence and neural networks. *Society, economics, culture: development strategies. Materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference.* 218—223. (In Russ.).

Sinclair, J. (1987). *Looking up: an account of the COBUILD Project in lexical computing.* London and Glasgow: Collins ELT. 182 p.

Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation.* Oxford: University of Oxford. 179 p.

Stefanowitsch, A. (2020). *Corpus linguistics: A guide to the methodology.* Berlin: Language Science Press. 510 p.

Stefchov, E., Angelova, G. (2018). Towards Constructing a Corpus for Studying the Effects of Treatments and Substances Reported in PubMed Abstracts. *Lecture Notes in Computer Science, 11089:* 115—125. DOI: 10.1007/978-3-319-99344-7_11.

Suleimanova, O. A. (2024). Anthropocentrical Turn in Linguistics Through the Digital Lens: Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 17 (5):* 847—861.

Suleymanova, O. A., Guliyants, A. B. (2022). Methodology of linguistic research as an actual section of modern scientific publication. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education, 4 (48):* 89—101. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.07. (In Russ.).

Terms and concepts of artificial intelligence in linguistic illumination. (2024). Moscow: Sputnik+. 193 p. ISBN 978-5-9973-6887-6. (In Russ.).

Valipouri, L., Nassaji, H. (2013). A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles. *Journal of English for Academic Purposes, 12 (4):* 248—263. DOI: 10.1016/j.jeap.2013.07.001.

Vinokurova, T. N. (2016). Structural features of artificial intelligence terminology in English. *International Scientific Research Journal, 10—3 (52):* 14—23. DOI:10.18454/IRJ.2016.52.024. (In Russ.).

Zakharov, V. P. (2005). *Corpus linguistics.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 48 p. ISBN 978-5-288-05997-1. (In Russ.).

The article was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 29.07.2025;
accepted for publication 19.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Шилкина Н. Е. Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века / Н. Е. Шилкина, А. В. Мальцева, С. Д. Гуриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 161—181. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181.

Shilkina, N. E., Maltseva, A. V., Gurieva, S. D. (2025). "We-Identity" Discourse in Academic Communications and Favored Groups of 21st Century Russia. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 161-181. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века

Шилкина Наталья Егоровна
orcid.org/0000-0002-6680-703X
доктор социологических наук, доцент,
кафедра социологии молодежи
и молодежной политики,
корреспондирующий автор
n.shilkina@spbu.ru

Мальцева Анна Васильевна
orcid.org/0000-0003-1322-6255
доктор социологических наук, профессор,
кафедра социального анализа
и математических методов в социологии
a.maltseva@spbu.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна
orcid.org/0000-0002-4305-432X
доктор психологических наук, профессор,
кафедра социальной психологии
s.gurieva@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке Санкт-Петербургского
государственного университета,
проект 124032600013-2

"We-Identity" Discourse in Academic Communications and Favored Groups of 21st Century Russia

Natalia E. Shilkina
orcid.org/0000-0002-6680-703X
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Department of Sociology of Youth
and Youth Policy,
corresponding author
n.shilkina@spbu.ru

Anna V. Maltseva
orcid.org/0000-0003-1322-6255
Doctor of Sociology, Professor,
Department of Social Analysis and
Mathematical Methods in Sociology
a.maltseva@spbu.ru

Svetlana D. Gurieva
orcid.org/0000-0002-4305-432X
Doctor of Psychology, Professor,
Department of Social Psychology
s.gurieva@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by St. Petersburg State University,
project 124032600013-2

© Шилкина Н. Е., Мальцева А. В., Гуриева С. Д., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается академический дискурс «*мы*-идентичность», закрепленный в практике авторов и читателей научных текстов как дискурсивного сообщества. Источником эмпирических данных стали тексты высоко цитируемых публикаций 2000—2024 годов базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) с лексемой *идентичность* в названии, а также наименования цитирующих публикаций и контексты цитирования. Дискурсивно-аналитический подход к исследованию позволил охарактеризовать концептуальные стратегии развертывания научного дискурса «*мы*-идентичность» в контексте смены групп-фаворитов российского общества, выделяя этапы: 2000—2009 годы — российская идентичность как часть общества глобализации и транскультурализма; 2010—2013 годы — российская идентичность, по-прежнему аффилированная глобальному миру, фрагментируется по социографическим признакам; 2014—2021 годы маркируется как переход от глобальной идентичности к локальной; 2022—2024 годы — переход от локальной идентичности к страновой солидарности. Установлено, что пространство российского научного дискурса «*мы*-идентичности» маркируется лексемами появления и смены групп-фаворитов российского общества, релевантных каждому новому периоду его самоидентификации. Сделан вывод о четырехкратной смене групп-фаворитов в научном дискурсе «*мы*-идентичности» XXI века: это глобальный мир, социографическая группа, регион и страна.

Ключевые слова:
академический дискурс; идентичность; группа-фаворит; речевые маркеры идентичности; лексическое пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the academic discourse of “we-identity,” established within the practices of authors and readers of scientific texts as a discursive community. The empirical data source comprises highly cited publications from the Russian Index of the Science Citation database published between 2000 and 2024, featuring the lexeme “identity” in their titles, along with the titles of citing publications and contexts of citation. A discursive-analytical approach to the research allows for the characterization of conceptual strategies in the unfolding of the “we-identity” scientific discourse against the backdrop of shifting favored groups within Russian society, delineating four distinct phases: 2000–2009 — Russian identity as part of a globalization and transculturalism narrative; 2010–2013 — Russian identity, still affiliated with the global community, becomes fragmented along sociographic lines; 2014–2021 — a marked transition from global identity to local identity; 2022–2024 — a shift from local identity to national solidarity. It is established that the landscape of Russian scientific discourse on “we-identity” is marked by lexemes reflecting the emergence and transition of favored groups in Russian society, relevant to each new period of self-identification. The study concludes that there has been a fourfold change in favored groups within the “we-identity” scientific discourse of the 21st century: these are the global community, sociographic group, region, and nation.

Key words:
academic discourse; identity; favored group; identity speech markers; lexical space.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’272+81’276.6:62
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века

© Шилкина Н. Е., Мальцева А. В., Гуриева С. Д., 2025

1. Введение = Introduction

В современных условиях, когда усложнение международных отношений становится триггером появления новых идентификаций, необходимо направить усилия социальных и гуманитарных наук на поддержание коллективных смыслов, конструктов, обеспечивающих общественное согласие, сбалансированность интересов личности, общества и государства, духовно-нравственных приоритетов.

Онтологическая сторона проблемы «мы-идентичности» российского общества в том, что, несмотря на расширяющийся выбор возможных источников самоидентификации, люди не всегда готовы и способны заменить ранее существовавшие новыми, поэтому возникают риски потери идентичности [Галактионова, 2010; Дробижева, 2008; Тлостанова, 2010; Силантьева, 2012]. Эта проблема описывается лексемами негативной тональности — *полиидентичность, размытая идентичность*, характеризующими людей с фрагментированным сознанием, неспособных однозначно ответить на вопрос о том, кем они являются, и находящихся в поиске такого средства, которое помогло бы им вернуть свою идентичность [Салихов, 2011].

Гносеологически проблема состоит в том, чтобы эффективно использовать достижения социолингвистики в социологии и социальной психологии при изучении идентичности и находить объяснения зафиксированным речевым маркерам идентичности в динамике и потребностях социума.

В данной работе мы апробировали включение в корпус текстов для исследования не только первичных источников — текстов научных статей, а также метаданных и данных о цитированиях: названий исходных публикаций, аннотаций, ключевых слов, названий цитирующих публикаций и цитирующих предложений. Тексты научных статей являются базовой частью для анализа так же, как тексты писем в работе М. Г. Уртминцевой

[Уртминцева, 2025], текст выступления в работе Л. Г. Викуловой [Викулова, 2024], тексты чатов в работе Е. В. Тишиной [Тишина, 2025], а также тексты художественных произведений и публицистики в наших предшествующих работах [Мальцева, 2024]. Дополнение текстов статей метаданными и данными о цитированиях позволило создать корпус текстов для анализа с учетом сложившейся оценочной научной коммуникации по предмету исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа избраны публикации XXI века, первоначально отсортированные в поисковой системе РИНЦ по формальным основаниям: 1) по времени поступления: «документы 2000—2024 годов»; 2) по языку публикации: «русский»; 3) по названию публикации: название содержит одно или несколько слов с корнем «идентичн*»; 4) по типу публикации: были выбраны статьи в периодических научных изданиях — «статьи в журналах»; 5) по тематикам: «социология» и «общественные науки в целом». Необходимым требованием включения статьи в выборку являлась высокая цитируемость (> 15 цитирований за исключением самоцитирования на дату сбора данных — 1 февраля 2025 года). Третье требование предъявлялось к географии и времени анализируемых событий, в результате чего на следующем этапе были отобраны статьи, посвященные исследованиям, проведенным в России и современным периоду выхода статьи.

В качестве метода был выбран дискурсивно-аналитический метод с применением вероятностного тематического моделирования [Topic …, 2021] и сентимент-анализа [Theory ..., 2019] для создания семантического ядра из ключевых слов и оценки их тональности. В текстовый корпус для выделения ключевых слов включалось название исходной публикации; ее аннотация; ключевые слова, выделенные автором; текст публикации; названия всех цитирующих публикаций; а также контексты цитирования, то есть тексты предложений, в которых имеется ссылка на исходную публикацию. Таким образом, мы учитываем в анализе метаданные, выделенные всеми участниками дискурса.

Академический дискурс, развиваясь в той или иной содержательно-тематической области, формирует в ней смысловые пространства, находящиеся в состоянии взаимного влияния и взаимных отношений с социумом. Академический текст как часть дискурса всегда включен в ситуацию и социальный контекст и репрезентативен действительности [Кибрик, 2009]. Академический дискурс организовывается, соотносясь с социально-культурной моделью действительности, созданной его участниками на основе их знаний, чувств и предшествующего опыта [Dijk, 2008]. Участники ака-

демического дискурса имеют разные статусы и функции, но их объединяют общественно значимые цели, академические традиции и регламенты, релевантный уровень научной компетенции и владение жанром научного письма [Swales, 1990]. В настоящей работе мы исследуем научные тексты, в которых используются речевые маркеры дискурса «мы-идентичность», соответствующие последовательно происходящим социальным событиям и составляющие единое дискурсивное пространство. Основываясь на идеях Нормана Фэркло, который называет дискурс социальной практикой, воспроизводящей знания соответствующего социального института [Fairclough, 1996], мы называем *участниками академического дискурса* авторов научных текстов как адресантов и читателей, цитирующих заявленные идеи в своих работах, как адресатов, в вербальной реакции которых реализуется эффект убеждения адресанта.

Динамика высокозначимых событий для отдельного человека структурируется в социальной категоризации. Применительно к дискурсу идентичности социальная категоризация подразумевает когнитивное разделение на группы на основе группового фаворитизма [Тэжфел, 1994]. Группы-фавориты являются для человека системой ориентиров для определения своего места в событиях и отношения к ним, а для исследователя — системой ориентиров в групповых настроениях, мнениях, оценках в терминах принадлежности к группе. Широкомасштабные исследования вопросов идентичности в социологии и общественных науках в целом дают актуальную информацию о возникающих и исчезающих группах-фаворитах, носителях различных моделей социальной жизни, занимающих определенное место в обществе. Тексты авторитетных авторов в этом контексте имеют высокую информационную ценность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Российский научный дискурс, воссоздающийся вокруг проблемы идентичности в рамках социологии и общественных наук, в целом является отражением преобразовательных тенденций «мы-идентичности» российского общества, которое создается авторами и репрезентируется дискурсивным сообществом. Содержательное пространство исследуемых текстов наполнено социально-историческими контекстами и концентрируется вокруг соответствующих временных периодов.

3.1. Научный дискурс 2000—2009 годов. Лексическое пространство глобализации и транскультурализма

Российские научные тексты по социологии и общественным наукам начала нулевых в российском обществе обращают внимание читателей на характерные события и явления этого периода: увеличивающуюся числен-

CC BY

ность контактов в физическом и виртуальном мирах, рост туризма, миграции, расширение сетевых коммуникаций. В описаниях преобразовательных тенденций присутствуют слова-маркеры: *глобализация, глобальный мир, универсальные общегуманитарные ценности, транскультурализм, наднациональность, толерантность*.

Авторы заявляют об увеличивающейся численности контактов, об интенсивном обмене ценностями и смыслами, приводящих к формированию новых оснований фрагментации мирового сообщества. Государственные политики, как и границы, приобретают черты условности, а мир маркируется по новым основаниям. Ослабляется значение границ, но усиливается значение взаимосвязей. Общество сталкивается с вызовами социальных трансформаций и пытается выявить смыслы происходящего. Идентичность характеризуется в фокусе ее *конструирования* [Борисова, 2006], *дискурсивности* [Малинова, 2005]. Общество портретируется как всё более *терпимое* к разнообразию идентичностей, а новые идентичности в свою очередь всё более заметны в нем. В центе дискурса *новые социальные движения и группы*, которые в поисках собственной идентичности набирают влияние, *борясь за признание* в новом государстве [Дробижева, 2008].

Россия выходит из 1990-х бумом новых идентичностей, возникших в ответ на когда-то ненужные и даже блокируемые обществом. Исследователи обсуждают вопросы *конкуренции — российской и русской* идентичностей [Михайлов, 2009]. Пути поддержания новой российской идентичности в конце нулевых, после мучительного преодоления локальных внутрироссийских конфликтов видятся дискурсантам в *наднациональности* [Бадмаев, 2009].

Наиболее цитируемой является публикация 2008 года, отражающая интерес к совмещению государственной и этнической идентичностей [Дробижева, 2008] — 254 цитирования. Ключевые лексемы этих работ — *государственная идентичность, интересы и ценности*, *для всех* — являются кодовыми словами популярной идеи того времени о том, что государственная идентичность, базируясь на этнической идентичности русских как большинства, должна стать привлекательной для *всех* народов России. Значение языковой единицы *все / для всех* для государственной идентичности состояло в том, что она не образовывалась ни из идентичности русских как большинства, ни из идентичности других народов России, а имела другой источник — наднациональную, глобальную идентичность, которой приписывались мощно воздействующие и объединяющие *«всех»* лексемы — *общечеловеческие ценности, универсальные ценности, общегуманитарные ценности* — и тем самым присваивалось моральное право выступать как будто арбитром над российскими этносами.

CC BY

3.2. Научный дискурс 2010–2013 годов. Лексическое пространство декультурации и неокультурации

2010-е годы начинаются с дискурса множественной идентичности в контексте концепции транскультурации, оперирующей терминологией *декультурации* и *неокультурации* в смысле разрушения культур и креативности новых культурных союзов [Тлостанова, 2010 с. 142]. Российская национальная и гражданско-политическая идентичность не находит аргументов для привлечения *«всех»* и обсуждается как часть глобализирующегося мира.

В высокоцитируемых работах фиксируется противопоставление государственной идентичности как административно закрепленной в паспорте и гражданской идентичности как ценностно-когнитивного наполнения в рамках патриотических чувств [Галактионова, 2010]. Российское общество в этот момент переживает состояние, которое описывается наиболее авторитетными учеными как *затрудненная самоорганизация, затрудненное формирование гражданского общества* [Галактионова, 2010]. Лексемы, отражающие наполнение пространства гражданской идентичности смысловым содержанием, располагаются в нем не во взаимодополнении, а полярно. *Формальная (паспортная)* идентичность антагонистична *смысловой (ценностной)* гражданственности [Галактионова, 2010], *личностная* и *групповая* идентичность не связывается с национальной [Салихов, 2011], что отражает процесс неустойчивости позитивной национально-гражданской идентичности.

Однако потребность общества в коллективной идентичности сохраняется, и государством поддерживается новая версия коллективной идентификации, которая в научном дискурсе определяется лексемой *социография* [Замятина, 2012], которая раскрывается лексемами *молодежь* [Султанов, 2012; Титов, 2019]; *москвичи* [Вендина, 2012], *петербуржцы* [Султанов, 2012], *горожане* [Головнева, 2017], *социологи* [Сафонова, 2012], *специалисты* [Голубева, 2014]. Что касается национальной идентичности, то положение дел с ней описывается лексемой *наднациональность* [Семененко, 2016], манифестирующей идентификацию с миром в целом.

Научный дискурс начала 2010-х описывает период глобализационных ценностных сдвигов, ставящих вопрос замены национальных государств *постгосударственным будущим ключевых регионов* мира [Силантьева, 2012]. Общемировая тенденция глобализации, сопровождающая научный дискурс идентичности, способствует разрушению государственной гражданской идентичности и формированию *наднациональной* [Семененко, 2016], *глобальной* идентичности.

В 2013 году, характеризуя реальность, социологи оперируют терминами негативной тональности: *идеологический вакуум, ценностная неопреде-*

CC BY

ленность. Однако самая популярная статья из числа изданных в этот период, которая получила 74 цитирования, не концентрируется вокруг негативной тематики, а задействует лексемы в позитивной тональности (*будущее, национально-культурная, гражданская, национальная идентичности*), подчеркивает *многообразие этнокультурных, коллективных идентичностей* во взаимодополнении, а не поляризацию смыслов [Астафьева, 2010 с. 281]. На первый взгляд, такие лексемы звучат чрезмерно оптимистично, однако именно эта публикация привлекла наибольшее внимание в дискурсе, как будто именно в ней участники дискурса чаще всего узнавали себя и свою страну так же, как личность идентифицируется по тем ценностям, нормам, моделям, героям, в которых она узнает себя.

3.3. Научный дискурс 2014—2021 годов. Лексика перехода от глобальной идентичности к локальной

В 2014 году события Крымской весны стали *тектоническим сдвигом* [Мукомель, 2016, с. 50] не только в геополитике, но и в дискурсе идентичности, начавшем свой разворот от глобальной к региональной [Егорова, 2019.]. В фокусе самых популярных публикаций номинация «*особая крымская идентичность*» [74, с. 33] в ее политической [Токарева, 2021], этнической, конфессиональной [Мукомель, 2016], культурной и языковой составляющих, объединённых вербальной формулой «*Мы — крымчане*» [Егорова, 2019. с. 373].

Нарастающие цивилизационные противоречия, международное противостояние переводят российское общество и следующий за ним научный дискурс от глобальной терминологии идентичности к локальной. Внимание исследователей и читателей привлекает языковой аспект идентичности компактно проживающих русскоязычных граждан Приднестровья, Донбасса, Латгалии [Плотников, 2018]. В дискурсе идентичности фокус внимания переводится на *родной язык* как важнейший фактор идентичности и самосознания, имеющий приоритет перед гражданской государственной принадлежностью. Приоритет родного языка настолько высок, что необходимость выбора между языком и запрещающим его государством приводит к отчуждению человека не от языка, а от государства.

В центре научного дискурса приграничные регионы России. Появляются взаимосвязанные лексемы *особость, фронтир* и *центр.* К *особым* идентичностям участники дискурса относят приграничные регионы России, его южный, восточный, западный и северный *фронтиры* — Крым, Приморье, Калининградскую и Мурманскую области. В ядре дискурса политическая лояльность населения *фронтиров*, восприятие *центра* и отношение к нему важны с точки зрения национальной и социально-экономической безопасности страны [Задорин, 2018].

CC BY

Особость идентичности крымчан описывается через новые взаимоотношения между терминами *региональная идентичность* (подразумевается регион проживания) и *локальная идентичность* (имеется в виду населенный пункт проживания), а также входит в научный оборот лексема *страновая идентичность* как обозначение чувства принадлежности к стране. Крым — это единственный регион России, где *региональная* идентичность более значима, чем *локальная,* но, как отмечают участники дискурса, *региональная* идентичность более значима, чем *страновая* [Задорин, 2018, с. 111]. Само сопоставление, а тем более противопоставление определений идентичности — *региональная, локальная* и *страновая* — отражает различие в повестках развития регионов и государственного центра [Там же, с. 134]. Научным дискурсом распознаются проблемы, выраженные лексемами *недовольство* регионов социальными условиями и порядками [Мукомель, 2016, с. 52], *неравномерность* развития регионов [Задорин, 2018].

В целом в лексическом пространстве дискурса идентичности фиксируется замена глобальной идентичности на региональную, минуя гражданско-государственную. О том, что это является проблемой, но преодолимой проблемой, говорят лексемы, выделяющие механизмы восстановления и сохранения общероссийской гражданской идентичности: *национальное самосознание, сознание нации, общероссийский, общее прошлое, общие ценности, общее будущее* [Кузнецов, 2014], *гражданская солидарность, консолидация, национальные ценности, национальные идеи* [Верещагина, 2015], *национальное государство, гражданин* [Кравченко, 2016.].

Угрозы гражданской идентичности участники дискурса вербализуют через лексемы *влияние, манипулятивные воздействия, лозунговая имитация, квазиидентичность* [Верещагина, 2015], что отражает риски внешнего воздействия.

Гражданская идентичность трактуется как категория не статическая, а развивающаяся под воздействием смыслообразующих факторов. Преодоление и предупреждение рисков внешнего воздействия должно происходить через смысловое наполнение гражданской идентичности. Источники смыслового наполнения гражданской идентичности описаны лексемами со следующими значениями: 1) со значением «художественная культура» — *изобразительное искусство, музыка, литература, театр, кино* [Копцева, 2015]; 2) со значением «единство» — *общая* национальная культура, историческая *память,* чувство *причастности* каждого гражданина к настоящему, прошлому и будущему страны, осознание *единства* с российским обществом [Верещагина, 2015], *единая* нация, национально-государственное устройство [Скворцов, 2016], идентичность гражданина своей республики *в составе* Российской Федерации [Кочина, 2015. с. 257].

CC BY

Дискурс перехода от глобальной идентичности к локальной наполнен семантикой восхищения в отношении достоинств какого-либо этноса. Этнос характеризуется воодушевляющими лексемами *идеал, пассионарность, знание, красота, жертвенность, победа.* В трактовке взаимоотношений этноса и нации российский дискурс данного периода воодушевляется не идеями Данилевского, Мечникова и Гумилева, а этносимволизмом Энтони Смита в том, что национальная идентичность в отличие от этнической является *искусственным конструктом* [Копцева, 2015]. Характеризуя связь этнической и национальной идентичностей, российский дискурс применяет лексемы единства и старается установить равновесие между этими категориями, говоря о том, что национальная идентичность *не оторвана* от этнической, а напротив — *включает* в себя этническую идентичность, а этническая идентичность — *часть* национального конструкта. Значение этничности подчеркивают регулярно воспроизводимые термины с приставкой этно-, при этом если лексемы *этнокультура, этноидентичность* являются общераспространенными и привычными, то вновь появившаяся и получившая авторитет *этногосударственная политическая система* прозвучала впервые и имела потенциал заместить традиционную номинацию *национальная государственность*.

Таким образом, лексика периода перехода от глобальной идентичности к локальной отражала конкуренцию этноса и нации за место в иерархии идентичностей России. Это был период, когда многочисленные этносы России могли стать связующими узлами государственного единства, реализуя *интеграционный потенциал*, или, наоборот, нести *риски центробежности*. Позитивным способом решения этого вопроса научный дискурс назвал путь преодоления факторов разобщенности и конфликтности общества, одним из которых было названо социальное неравенство. Путь преодоления социального неравенства и связанных с этим противостояний этнической и национальной идентичностей маркировался ключевыми лексемами *доступность, благоприятные условия, равенство, возможность, самореализация, активность* [Скворцов, 2016].

Наиболее популярная статья, изданная в этот отрезок времени, получившая отклик в 113 цитирований, предлагает среди всего множества путей дальнейшего развития выделять пути, маркированные следующими языковыми единицами: *формирование гражданской идентичности, наполнение гражданственности, политическое, социальное, культурное и культурно-этническое содержание гражданственности* [Семененко, 2016].

3.4. Научный дискурс 2022—2024 годов. Лексика перехода от локальной идентичности к страновой

В настоящее время процессы глобализации и транскультурации уходят в прошлое и требуют переосмысления в смысле общего контекста миро-

CC BY

вого взаимодействия, а также взглядов на государство как социальный институт, и ключевыми становятся лексемы, обозначающие *новое*. Акцент дискурса идентичности покидают дихотомии «глобальная / локальная» и «гражданская / этническая», а в исследовательском поле формируются смысловые константы категории «идентичность», которые характеризуются как *новые*, акцентирующие *социальные* и *политические* семантики [Бугайчук, 2022а] *нового* исторического этапа развития политической системы с фокусом на *молодом* (в некотором смысле новом) *поколении* и его *гражданственности* [Бугайчук, 2022б; Маленков, 2022]. В центре дискурса прежний вопрос об основах гражданственности в *новом* мире.

Наиболее дискутируемыми и высокоцитируемыми являются дихотомии гражданской идентичности: *индивидуализм / коллективизм* [Бугайчук, 2022; Катаев, 2023]; *традиции* [Гончарова, 2022; Полежаев, 2023; Русакова, 2023] / *инновации* [Просеков, 2022]; *единение* [Виноградова, 2023; Середкина, 2022] / *локальное разнообразие* [Авксентьев, 2022; Жаде, 2022; Рыжова, 2022].

Относительно устойчивыми названы концепты гражданской идентичности — это *культура*, которая является смысловым центром идентичности и реализуется как историко-культурная *память* [Баев, 2003; Гончарова, 2022]; *патриотизм* [Казаев, 2023; Полежаев, 2024]; *межпоколенный диалог* [Баландин, 2023], а также *морально-нравственные ценности* и *просоциальность* [Бакланова, 2022; Полюшкевич, 2023]. Научный дискурс усиливает государственную ориентированность. Этничность и региональность обсуждаются с позиций не конкуренции и противопоставления, а *взаимоотношения* с общероссийской гражданской идентичностью [Середкина, 2022]. Происходит лексический переход от конкуренции идентичностей к их взаимодополнению [Авксентьев, 2022], новое *сотрудничество идентичностей* [Горлова, 2023; Тихонович, 2022] выражается термином *гибридность идентичностей*, отражающем самые разнообразные варианты смешивания идентичностей между собой и/или с общим трендом [Волков, 2022].

И приоритет научным дискурсом отдается единству индивидуальной и коллективной идентичности с общим трендом, который получает разносторонние наименования — это теоретический тренд конструирования новой идентичности, выраженный лексемами *конституциональности, законности, права* [Виноградова, 2023]; а также прикладной тренд ее конструирования, выраженный в лексике и праксисе *искусства* [Полюшкевич, 2022], *урбанистики* [Голомидова, 2023], *экологии* [Полежаев, 2023].

В центре дискурса текущего периода — концепты *нравственности, патриотизма* и *национальной идеи* России, отраженные в лексемах *ценностно-смысловой, духовно-нравственной* семантики [Полежаев, 2024]

(44 цитирования), а также семантика *интеграции* и *единства* нации [Середкина, 2022] (42 цитирования).

4. Заключение = Conclusions

Научный дискурс «мы-идентичности» отражает периодически возникающую благосклонность общества к той или иной группе-фавориту. Так, в научном дискурсе начиная с 2000 года определяется четырехкратная смена групп-фаворитов российского общества.

Первая группа-фаворит российского общества была зафиксирована в научном дискурсе в 90-е годы и сохраняла свою роль всё первое десятилетие XXI века, эта группа — глобальный мир. Глобальный мир идентифицировался по ключевым лексемам — *свободы, толерантность, разнообразие, наднациональность, транскультурализм, все, для всех*, слова с приставкой *обще* (общегуманитарные, общечеловеческие*), отражающие общедоступность глобального мира для всех, разделяющих его идеи. Глобальный мир как группа-фаворит задает общемировые ценности и формирует правила поведения «для всех».

В начале 2010-х годов в российских исследованиях вырос интерес к идентичности групп, названных социографическими, среди которых сформировались группы-фавориты российского общества — молодежь, москвичи, специалисты как носители высококонкурентных свойств — высоких психофизиологических возможностей, выгодной территориальной локализации, высокой экономической эффективности и других. Однако системой ориентиров внутрироссийских групп-фаворитов по-прежнему оставались идеи и модели социальной жизни глобального мира, лексические маркеры изменения ситуации не определяются. Социографические группы-фавориты российского общества идентифицировались по аффилиации лексемам — *декультурация, неокультурация, постгосударственное будущее, глобализация.* В это же время появляются речевые маркеры, прогнозирующие проблемность сложившейся в обществе ситуации. Появились и стали популярными антагонистичные друг другу термины, с одной стороны — *размытая идентичность, фрагментированность сознания, идеологический вакуум, ценностная неопределенность*; с другой — *будущее, национально-культурная, гражданская, национальная идентичности.* Такое столкновение смыслов прогнозировало изменения как в обществе, так и научном дискурсе идентичности.

С середины 2010-х годов в центре научного дискурса — регионы России. Прежде всего это приграничные регионы и идентичности русскоязычных граждан ближнего зарубежья, а группой-фаворитом становятся локальные группы, среди которых выделяются крымчане. Крым, к которо-

му приковано внимание как общества, так и научного дискурса, выступает барометром привлекательности российской гражданственности. Исследователей и читателей интересуют оценки и мнения крымчан, их эмоции и групповые настроения. Крымская идентичность становится опорной точкой для *тектонического сдвига* — разворота России от глобальной идентичности к локальной с ее культурным и культурно-этническим наполнением. Локальные идентичности России идентифицировались лексемами, среди которых ключевой является *особость*. Особость идентифицировала локальную идентичность, этноидентичность, языковую идентичность. При этом локализованные идентичности в случае недостаточного осознания объединяющих ценностей и смыслов в перспективе своего развития могли составить конкуренцию страновой идентичности. Однако этого не произошло, потому что центр группового фаворитизма сместился в новом направлении.

В настоящее время в научном дискурсе фиксируются предпосылки того, что группой-фаворитом российского общества становятся носители нового патриотизма. Идентифицирующими являются лексемы — *новый, обновленный* в словосочетаниях *новая гражданственность, новый исторический этап, новый мир*. Новая гражданственность вытесняет из дискурса прежние конкуренции глобального против локального и национального против этнического и выводит в центр обсуждения взаимодополнения — *индивидуализм* и *коллективизм*, *традиции* и *инновации*, *единство* и *разнообразие*. *Новое* идентифицируется лексемами трех взаимосвязанных семантик. Это семантика объединения нации — *диалог, сотрудничество, интеграция, единство;* семантика ценностных принципов этого объединения — *законность, духовность, нравственность*; а также семантика, определяющая принцип взаимоотношений в новом обществе, которая маркируется ранее известным, но впервые выведенным в ранг ключевых социологическим термином — *просоциальность*. Новой группой-фаворитом могут стать носители обновленной гражданской идентичности, не противопоставляющей, а объединяющей государство и общество, гражданское и этническое.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Авксентьев В. А.* «Портфель идентичностей» молодежи юга России спустя 12 лет / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов // Социологические исследования. — 2022. — № 7. — С. 76—87. — DOI: 10.31857/S013216250019645-2.

2. *Астафьева О. Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации : будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 255—281.

3. *Бадмаев В. Н.* Историческая память и конструирование национальной идентичности / В. Н. Бадмаев, З. А. Хутыз // Новые технологии. — 2009. — № 4. — С. 75—79.

4. *Баев П. А.* Гражданская и национальная идентичность россиян / П. А. Баев // Социология. — 2023. — № 4. — С. 69—76.

5. *Бакланова О. А.* Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов / О. А. Бакланова, А. В. Сёмкин, В. В. Югай // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4. — С. 155—163.

6. *Баландин Д. Н.* Психологическое сопровождение процесса формирования этнокультурной идентичности подростков на основе межпоколенного диалога / Д. Н. Баландин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2023. — № 4. — С. 318—325.

7. *Бугайчук Т. В.* Гражданская идентичность молодого поколения россиян : специфика и закономерности становления / Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. — 2022. — № 1. — С. 70—80. — DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80.

8. *Бугайчук Т. В.* Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России / Т. В. Бугайчук // Мир русскоговорящих стран. — 2022. — № 1. — С. 5—22. — DOI: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22.

9. *Вендина О. И.* Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2012. — № 5. — С. 27—39.

10. *Верещагина А. В.* Духовные аспекты формирования национальной идентичности : социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России / А. В. Верещагина, Н. Х. Гафиатулина, С. И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. — 2015. — № 3. — С. 59.

11. *Викулова Л. Г.* Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27.

12. *Виноградова Е. В.* Об отдельных вопросах формирования российской конституционной идентичности / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев // Юридическая наука : история и современность. — 2023. — № 8. — С. 97—101. — DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47.

13. *Волков Ю. Г.* Гибридная идентичность : факторы формирования и формы проявления / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 15—23. — DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1.

14. *Галактионова Н. А.* Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности / Н. А. Галактионова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2010. — № 1. — С. 10—12.

15. *Головнева Е. В.* Региональная идентичность и идентичность региона / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2017. — Т. 12. — № 3. — С. 182—189.

16. *Голомидова М. В.* Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности : кейс города Уфы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 160—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.

17. *Голубева Г. Ф.* Формирование профессиональной идентичности будущих специалистов / Г. Ф. Голубева // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2014. — № 9. — С. 47—49.

18. *Гончарова А. В.* Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности / А. В. Гончарова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 134—141.

19. *Горлова И. И.* Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 2. — С. 5—9.

20. *Дробижева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность : проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся. — 2008. — № 7. — С. 214—227.

21. *Жаде З. А.* Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея / З. А. Жаде // Общество : политика, экономика, право. — 2022. — № 8. — С. 13—18. — DOI: 10.24158/pep.2022.8.1.

22. *Задорин И. В.* Регионы «рубежа» : территориальная идентичность и восприятие «особости» / И. В. Задорин // Полития : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2018. — № 2. — С. 102—136.

23. *Замятина Н. Ю.* Территориальные идентичности и социальные структуры / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. — 2012. — № 5. — С. 151—163.

24. *Катаев Д. В.* Значение интересов в формировании гражданской идентичности / Д. В. Катаев, Ю. В. Караваева // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 12. — С. 47—53. — DOI: 10.24158/tipor.2023.12.4.

25. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3—21.

26. *Копцева Н. П.* Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // Философия и культура. — 2015. — № 1. — С. 12—19.

27. *Кочина Е. А.* Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности / Е. А. Кочина // Инновационная наука. — 2015. — Т. 2. — № 6. — С. 255—257.

28. *Кравченко Н. Ю.* Гражданская идентичность современной России / Н. Ю. Кравченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. — 2016. — Т. 16. — № 1. — С. 5—8.

29. *Кузнецов К. А.* Национальная идентичность и устойчивая государственность / К. А. Кузнецов, П. А. Щелин // Сравнительная политика. — 2014. — Т. 5. — № 1. — С. 31—36.

30. *Маленков В. В.* Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи / В. В. Маленков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 67. — С. 120—131. — DOI: 10.17223/1998863X/67/11.

31. *Мальцева А. В.* Мотивация на победу в художественной и публицистической литературе о спорте / А. В. Мальцева, Н. Е. Шилкина, С. Д. Гуриева // Теория и практика физической культуры. — 2024. — № 2. — С. 84—86.

32. *Малинова О. Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности / О. Ю. Малинова // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 8—20.

33. *Михайлов В. А.* К дискуссии о проблеме российской идентичности / В. А. Михайлов, Н. В. Михайлова // Вестник Российской нации. — 2009. — № 5. — С. 46—57.

34. *Мукомель В. И.* Крымские татары после крымской весны : трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2016. — № 3. — С. 50—67.

35. *Плотников Д. С.* Языковая политика как инструмент конструирования идентичности (на примере Молдовы, Украины и Латвии) / Д. С. Плотников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2018. — № 1. — С. 60—81.

36. *Полежаев Д. В.* Нравственно-патриотическое воспитание : национально-государственный аспект становления общероссийской гражданской идентичности / Д. В. Полежаев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. — 2024. — № 4. — С. 20—26. — DOI: 10.18101/1994-0866-2024-4-40-47.

37. *Полежаев Д. В.* Социологические аспекты "матрицы идентичности" : структурно-функциональные особенности и ценностно-смысловые константы / Д. В. Полежаев // Primo Aspectu. — 2023. — № 3. — С. 9—16. — DOI: 10.35211/2500-2635-2023-3-55-9-16.

38. *Полежаев Д. В.* Экософские смыслы "матрицы гражданской идентичности" России в сегменте "Природа. Экология. Животный мир" / Д. В. Полежаев // Вопросы социальной теории. — 2023. — Т. 15. — С. 154—163.

39. *Полюшкевич О. А.* Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках / О. А. Полюшкевич // Социология. — 2023. — № 1. — С. 79—85.

40. *Полюшкевич О. А.* Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе / О. А. Полюшкевич // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 192—202. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202.

41. *Просеков А. Ю.* Когнитивная и региональная идентичность как основа стратегирования инновационной образовательной деятельности высшего образования / А. Ю. Просеков, Т. И. Грицкевич, М. Г. Леухова // Стратегирование: теория и практика. — 2022. — Т. 2. — № 3. — С. 304—318. — DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-304-318.

42. *Русакова О. Ф.* Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России / О. Ф. Русакова // ДискурсПи. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 32—51. — DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.

43. *Рыжова С. В.* Российская идентичность в региональном разнообразии : роль доверия / С. В. Рыжова // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 13—31. — DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828.

44. *Салихов Г. Г.* Проблема идентичности в условиях глобализации / Г. Г. Салихов // Век глобализации. — 2011. — № 1. — С. 122—129.

45. *Сафонова М. А.* Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов / М. А. Сафонова // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 107—120.

46. *Семененко И. С.* Политика идентичности и идентичность в политике : этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 4. — С. 8—28.

47. *Середкина Н. Н.* Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества / Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 125—135. — DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135.

48. *Силантьева М. В.* Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 2. — С. 173—179.

49. *Скворцов Н. Г.* Социальное неравенство в России : вызовы национальной идентичности / Н. Г. Скворцов, А. В. Верещагина, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 10. — С. 95—102.

50. *Социальная* идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. С. Тэрнер, П. Дж. Оукс, С. А. Хэслем, В. Дэвид // Иностранная психология. — 1994. — Т. 2. — № 2. — С. 8—17.

51. *Султанов К. В.* Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема / К. В. Султанов, И. Б. Романенко // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — № 1. — С. 116—120.

52. *Титов В. В.* Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России / В. В. Титов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — Т. 25. — № 3. — С. 78—83. — DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83.

53. *Тихонович М. И.* Специфика гражданской идентичности и патриотизма в современной России / М. И. Тихонович, М. С. Матвеева // Автономия личности. — 2022. — № 2. — С. 55—62.

54. *Тишина Е. В*. Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса) / Е. В. Тишина, М. А. Захарова, М. В. Калинина // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 81—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100.

55. *Тлостанова М. В.* Множественная идентичность в контексте концепции транскультурации / М. В. Тлостанова // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. 12. — № 4. — С. 142—156.

56. *Уртминцева М. Г.* Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925) / М. Г. Уртминцева // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 249—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266.

57. *Dijk Teun A. van.* Discourse and Context. A sociocognitive approach / Teun A. van Dijk. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 282 p. — ISBN 978-0-511-42320-8.

58. *Fairclough N.* Technologisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — New York : Routledge, 1996. — Pp. 143—159.

59. *Maltseva A.* Theory of semantic field for sentiment-analysis of the language of specific users' group in social media (case of freelancer groups) / A. Maltseva, N. Shilkina, I. Tiomniy, O. Makhnytkina, I. Lizunova // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. — 2019. — № 25. — Pp. 204—210.

60. *Maltseva A.* Topic modeling of russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media) / A. Maltseva, N. Shilkina, E. Evseev, M. Matveev, O. Makhnytkina // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. — 2021. — № 29. — Pp. 247—253. — DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475.

61. *Swales J. M.* Genre Analysis. Engish in academic and research settings / J. M. Swales. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 260 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 19.08.2025.

References

Astafieva, O. N. (2010). Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity. *Questions of social theory, 4:* 255—281. (In Russ.).

Avksentiev, V. A., Aksyumov, B. V. (2022). "Portfolio of identities" of the youth of the South of Russia after 12 years. *Sociological research, 7:* 76—87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2. (In Russ.).

Badmaev, V. N., Khutyz, Z. A. (2009). Historical memory and the construction of national identity. *New technologies, 4:* 75—79. (In Russ.).

Baev, P. A. (2023). The civil and national identity of Russians. *Sociology, 4:* 69—76. (In Russ.).

Baklanova, O. A. (2022). The value foundations of sociocultural communication as a manifestation of the identity of social subjects. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University, 4:* 155—163. (In Russ.).

Balandin, D. N. (2023). Psychological support of the process of forming the ethnocultural identity of adolescents on the basis of intergenerational dialogue. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 4:* 318—325. (In Russ.).

Bugaichuk, T. V. (2022). Civic identity of the younger generation of Russians: specifics and patterns of formation. *Socio-political studies, 1:* 70—80. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80. (In Russ.).

Bugaichuk, T. V. (2022). The political aspect of the formation of civic identity and the features of socio-cultural transformation in modern Russia. *The world of Russian-speaking countries, 1:* 5—22. DOI: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22. (In Russ.).

Dijk Teun, A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach.* Cambridge: Cambridge University Press. 282 p. ISBN 978-0-511-42320-8.

Drobizheva, L. M. (2008). National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Russia is reforming, 7:* 214—227. (In Russ.).

Fairclough, N. (1996). Technologisation of discourse. In: *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis.* New York: Routledge. 143—159.

Galaktionova, N. A. (2010). Civil identity as a component of personal identity. News of higher educational institutions. *Sociology. Economy. Politics, 1:* 10—12. (In Russ.).

Golomidova, M. V. (2022). Urban toponyms in the aspect of regional identity translation: a case study of Ufa. *Questions of onomastics, 19 (1):* 160—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).

Golovneva, E. V. (2017). Regional identity and identity of the region. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences, 12 (3):* 182—189. (In Russ.).

Golubeva, G. F. (2014). Formation of professional identity of future specialists. *Alma Mater (Bulletin of Higher School), 9:* 47—49. (In Russ.).

Goncharova, A. V. (2022). Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity. *Scientific result. Social and humanitarian studies, 8 (1):* 134—141. (In Russ.).

Gorlova, I. I., Zorin, A. L. (2023). Formation and strengthening of the All-Russian identity and civic unity as priority directions of modern state policy of the Russian Federation. *Socio-humanitarian knowledge, 2:* 5—9. (In Russ.).

Kataev, D. V., Karavaeva, Yu. V. (2023). The importance of interests in the formation of civic identity. *Theory and practice of social development, 12:* 47—53. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.4. (In Russ.).

Kibrik, A. A. (2009). Mode, genre and other parameters of the classification of discourses. *Questions of linguistics, 2:* 3—21. (In Russ.).

Kochina, E. A. (2015). Civic identity in a multiethnic region as an element of national identity. *Innovative Science, 2 (6):* 255—257. (In Russ.).

Koptseva, N. P. (2015). The construction of ethnocultural and national identity as a philosophical problem. *Philosophy and Culture, 1:* 12—19. (In Russ.).

Kravchenko, N. Y. (2016). Civil identity of modern Russia. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science, 16 (1):* 5—8. (In Russ.).

Kuznetsov, K. A. (2014). National identity and sustainable statehood. *Comparative Politics, 5 (1):* 31—36. (In Russ.).

Malenkov, V. V. (2022). Patriotism, citizenship in politics and youth identity. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science, 67:* 120—131. DOI: 10.17223/1998863X/67/11. (In Russ.).

Malinova, O. Y. (2005). Politics research and discourse on identity. *Political Science, 3:* 8—20. (In Russ.).

Maltseva, A. (2019). Theory of semantic field for sentiment-analysis of the language of specific users' group in social media (case of freelancer groups). *Conference of Open Innovations Association, FRUCT, 25:* 204—210.

Maltseva, A. V., Shilkina, N. E., Gurieva, S. D. (2024). Motivation to win in fiction and journalistic literature about sports. *Theory and practice of physical culture, 2:* 84—86. (In Russ.).

Maltseva, A., Shilkina, N., Matveev, M. (2021). Topic modeling of russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media). *Conference of Open Innovations Association, FRUCT, 29:* 247—253. DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475.

Mikhailov, V. A. (2009). On the discussion of the problem of Russian identity. *Bulletin of the Russian Nation, 5:* 46—57. (In Russ.).

Mukomel, V. I. (2016). Crimean Tatars after the Crimean Spring: transformation of identities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 3:* 50—67. (In Russ.).

Plotnikov, D. S. (2018). Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 1:* 60—81. (In Russ.).

Polezhaev, D. V. (2023). Sociological aspects of the "identity matrix": structural and functional features and value-semantic constants. *Primo Aspectu, 3:* 9—16. DOI: 10.35211/2500-2635-2023-3-55-9-16. (In Russ.).

Polezhaev, D. V. (2023). The ecosophical meanings of the "matrix of civil identity" Russia in the segment "Nature. Ecology. The Animal world". *Questions of social theory, 15:* 154—163. (In Russ.).

Polezhaev, D. V. (2024). Moral and patriotic education: the national and state aspect of the formation of the all-Russian civic identity. *Scientific Notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 4:* 20—26. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-4-40-47. (In Russ.).

Polyushkevich, O. A. (2022). A new identity in modern patriotic cinema. *Humanitarian vector, 17 (2):* 192—202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202. (In Russ.).
Polyushkevich, O. A. (2023). Morality and social identity in prosocial practices. *Sociology, 1:* 79—85. (In Russ.).
Prosekov, A. Yu., Gritskevich, T. I., Leukhova, M. G. (2022). Cognitive and regional identity as the basis for strategizing innovative educational activities of higher education. *Strategizing: theory and practice, 2 (3):* 304—318. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-304-318. (In Russ.).
Rusakova, O. F. (2023). The discourse of the state policy of memory as a factor in the formation of national identity in modern Russia. *The discourse is Pi, 20 (2):* 32—51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32. (In Russ.).
Ryzhova, S. V. (2022). Russian identity in regional diversity: the role of trust. *Bulletin of the Institute of Sociology, 13 (3):* 13—31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828. (In Russ.).
Safonova, M. A. (2012). Network structure and identities in the local community of sociologists. *Sociological research, 6:* 107—120. (In Russ.).
Salikhov, G. G. (2011). The problem of identity in the context of globalization. *Century of Globalization, 1:* 122—129. (In Russ.).
Semenenko, I. S. (2016). Identity politics and identity in politics: ethnonational perspectives, European context. *Polis. Political research, 4:* 8—28. (In Russ.).
Seredkina, N. N. (2022). All—Russian civil identity as a factor of integration of society. *Siberian Anthropological Journal, 6 (2):* 125—135. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135. (In Russ.).
Silantieva, M. V. (2012). Diffuse identity — a modern version of civic identity. *Bulletin of MGIMO University, 2:* 173—179. (In Russ.).
Skvortsov, N. G. (2016). Social inequality in Russia: challenges to national identity. *Humanities, socio-economic and social sciences, 10:* 95—102. (In Russ.).
Social identity, self-categorization and group. *Foreign psychology, 2 (2):* 8—17. (In Russ.).
Sultanov, K. V. (2012). Socio-cultural identity of youth as a philosophical problem. *Society. Wednesday. Development, 1:* 116—120. (In Russ.).
Swales, J. M. (1990). *Genre Analysis. Engish in academic and research settings.* Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.
Tikhonovich, M. I., Matveeva, M. S. (2022). The specifics of civic identity and patriotism in modern Russia. *Personal autonomy, 2:* 55—62. (In Russ.).
Tishina, E. V., Zakharova, M. A., Kalinina, M. V. (2025). Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey. *Nauchnyi dialog, 14 (3):* 81—100. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100. (In Russ.).
Titov, V. V. (2019). Political technologies for the formation of national and state identity in modern Russia. *Bulletin of the Trans-Baikal State University, 25 (3):* 78—83. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83. (In Russ.).
Tlostanova, M. V. (2010). Multiple identity in the context of the concept of transculturation. *Personality. Culture. Society, 12 (4):* 142—156. (In Russ.).
Urtmintseva, M. G. (2025). Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925). *Nauchnyi dialog, 14 (3):* 249—266. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266 (In Russ.).
Vendina, O. I. (2012). Moscow identity and the identity of Muscovites. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical, 5:* 27—39. (In Russ.).

Vereshchagina, A. V., Gafiatulina, N. H., Samygin, S. I. (2015). Spiritual aspects of the formation of national identity: a sociological analysis of threats to social health and spiritual security of Russia. *Engineering Bulletin of the Don, 3:* P. 59. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space. *Nauchnyi dialog, 13 (10):* 9—27. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27 (In Russ.).

Vinogradova, E. V. (2023). On certain issues of the formation of the Russian constitutional identity. *Legal science: history and modernity, 8:* 97—101. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47. (In Russ.).

Volkov, Yu. G., Kurbatov, V. I. (2022). Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Humanities of the South of Russia, 11 (2):* 15—23. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1. (In Russ.).

Zadorin, I. V. (2018). Regions of the "frontier": territorial identity and perception of "specialness". *Politics: Analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics), 2:* 102—136. (In Russ.).

Zamyatina, N. Y. (2012). Territorial identities and social structures. *Social Sciences and modernity, 5:* 151—163. (In Russ.).

Zhade, Z. A. (2022). Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea. *Society: politics, economics, law, 8:* 13—18. DOI: 10.24158/pep.2022.8.1. (In Russ.).

The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 19.08.2025.

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА
COMMUNCATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Людмила Александровна Морина, канд. филол. наук (Новосибирск)
Римма Абельхаеровна Сафина, канд. филол. наук (Казань)
Тимур Эрмекович Алимов, преподаватель (Фергана, Узбекистан)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Алимов Т. Э. Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе / Т. Э. Алимов, Р. А. Сафина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 183—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212.

Alimov, T. E., Safina, R. A. (2025). Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 183-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе

Алимов Тимур Эрмекович [1]
преподаватель кафедры
русской филологии,
корреспондирующий автор
Alimovcom@mail.ru

Сафина Римма Абельхаеровна [2]
кандидат филологических наук, доцент
Rimma.Safina@ksu.ru

[1] Ферганский
государственный университет
(Фергана, Узбекистан

[2] Казанский
федеральный университет
(Казань, Россия)

Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse

Timur E. Alimov [1]
lecturer, Department
of Russian Philology,
corresponding author
Alimovcom@mail.ru

Rimma A. Safina [2]
PhD in Philology, Associate Professor
Rimma.Safina@ksu.ru

[1] Ferghana State University
(Ferghana, Uzbekistan

[2] Kazan Federal University
(Kazan, Russia)

© Алимов Т. Э., Сафина Р. А., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению и описанию когнитивно-семантических механизмов эвфемизации и фреймовых моделей репрезентации бедности. Материалом послужил двуязычный корпус из 800 медиатекстов (420 русских, 380 узбекских) центральных и региональных СМИ, на основе которого выделены 63 эвфемистические номинации. Применены когнитивно-семантическая разметка по таксономии Б. Уоррен (метафора, метонимия, литота, абстракция, обобщение) и фрейм-семантическое моделирование Ч. Филлмора, что позволило определить доминантные фреймы каждого субкорпуса. Показано, что в русском дискурсе преобладают фреймы «временная трудность» и «порог / граница», реализуемые литотическими и образными формами (*небогатый, в трудном материальном положении, за чертой бедности*). Узбекский дискурс детерминирован фреймом «институционального учёта», репрезентированным метонимическими именованиями по реестрам (*темир дафтар (железная тетрадь), аёллар дафтари (женская тетрадь), меҳр дафтари (тетрадь милосердия)*) и стандартизированными терминами (*кам таъминланган (малообеспеченный), эҳтиёжманд (нуждающийся), қийин молиявий вазиятда (в трудной финансовой ситуации)*). Доказано, что оба языковых сообщества избегают прямых лексем *бедный / камбагал*, смягчая негатив через количественные или ситуационные описания. Установлено, что универсальные когнитивные операции задают общие механизмы эвфемизации, тогда как их конкретная реализация детерминирована социополитическим контекстом и жанровыми нормами национальных медиадискурсов.

Ключевые слова:
эвфемизм бедности; фрейм-анализ; когнитивная семантика; медийный дискурс; русский язык; узбекский языки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on identifying and describing the cognitive-semantic mechanisms of euphemization and the frame models representing poverty. The study is based on a bilingual corpus of 800 media texts (420 in Russian and 380 in Uzbek) from central and regional media outlets, which yielded 63 euphemistic nominations. Cognitive-semantic annotation was conducted according to B. Warren's taxonomy (metaphor, metonymy, litotes, abstraction, generalization), along with frame-semantic modeling as proposed by C. Fillmore, enabling the identification of dominant frames within each subcorpus. The findings indicate that the Russian discourse is predominantly characterized by the frames of "temporary hardship" and "threshold/boundary," which are realized through litotic and figurative forms (e.g., *nebogatyy* "not wealthy," *v trudnom material'nom polozhenii* "in a difficult material situation," *za chertoy bednosti* "below the poverty line"). Conversely, the Uzbek discourse is shaped by the frame of "institutional accounting," represented through metonymic designations based on registries (e.g., *temir daftar* (iron notebook), *ayollar daftari* (women's notebook), *mechr daftari* (notebook of mercy)) and standardized terms (e.g., *kam taminlangan* (low-income), *echtiyodzhmand* (needy), *kiyin moliyaviy vaziyatda* (in a difficult financial situation)). It is demonstrated that both linguistic communities avoid direct lexemes for poverty such as Russ. *bednyy* / Uzb. *kambagal* (indigent), softening negativity through quantitative or situational descriptions. The study establishes that universal cognitive operations underlie common euphemization mechanisms, while their specific realizations are determined by the sociopolitical context and genre norms of national media discourses.

Key words:
poverty euphemism; frame analysis; cognitive semantics; media discourse; Russian language; Uzbek language.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК [811.512.133’373.49+811.161.1’373.49]::364.22
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе

© Алимов Т. Э., Сафина Р. А., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема бедности остаётся остро актуальной как для России, так и для Узбекистана, что отражается и в медийном дискурсе обеих стран. По данным Росстата за 2024 год, в России за официальной чертой бедности проживает около 10,5 млн человек [Росстат сообщил …, 2025]. В Узбекистане же само понятие «бедность» на протяжении долгого времени было фактически табуировано в официальном дискурсе: при первом президенте И. А. Каримове его систематически заменяли эвфемизмом *малообеспеченность* с целью поддержания имиджа благополучного государства. Лишь в последние годы ситуация изменилась: тема бедности стала предметом открытого публичного обсуждения, и само слово *бедность* впервые появилось даже в названии министерства [Юсупов, 2021], что вербализует институциональный сдвиг в восприятии рассматриваемого социально-экономического феномена. Тем не менее сама легализация лексемы *бедность* не аннулирует необходимости символически «обезвреживать» её отрицательную оценочность: по мере того как проблема становится частью публичной повестки, медийная коммуникация вырабатывает устойчивые стратегии семиотического смягчения и переосмысления соответствующего концепта.

Использование эвфемистических форм обусловлено как этическими соображениями (избегание резких или потенциально оскорбительных выражений), так и политико-идеологическими факторами (формирование желательного образа данного социального явления). По мнению И. А. Солодиловой и Т. Ю. Соколовой, ключевая специфика эвфемизмов определяется их «социокультурной детерминированностью» [Солодилова, Соколова, 2017, с. 76], в связи с чем выбор и употребление эвфемистических номинаций коррелируют с набором культурных норм, ценностных ориентаций и историко-социальных факторов, характерных для конкретного общества. На эвфемизмы ложится выраженная социальная нагрузка: форми-

CC BY

руясь под воздействием актуальных общественных установок, они служат инструментом соблюдения коммуникативных конвенций и минимизации потенциально негативных реакций адресата. Тем самым эвфемистические выражения представляют собой не просто нейтральные замены стигматизирующих обозначений, а языковые репрезентации доминантных морально-этических принципов и нормативно-ценностных регулятивов социума. Социальная природа эвфемизации проявляется в том, что её необходимость возникает как реакция на особо чувствительные или табуируемые темы, требующие тактичного вербального оформления. Выбирая эвфемистически маркированное наименование, говорящий адаптируется к социальным ожиданиям, демонстрирует уважение к собеседнику и стремится предотвратить осуждение, обиду либо коммуникативный диссонанс.

В дискурсивной перспективе эвфемизм трактуется как инструмент вторичной номинации, обеспечивающий семантическую редукцию негативно маркированного денотата и выполняющий функцию коммуникативного фасилитатора — более мягким, приемлемым для говорящего и слушающего, который способствует сохранению речевой корректности и социально нормативного имиджа высказывания. В дискурсивной перспективе эвфемизм трактуется как стратегия вторичной номинации и рефрейминга, смягчающая негативно маркированный денотат и выступающая более мягким, социально приемлемым вариантом выражения, который поддерживает речевую корректность и задаёт желательный интерпретационный ракурс в институционально заданном жанре [Chovanec, 2019, p. 53]. Н. С. Арапова и О. С. Ахманова относят к эвфемизмам «эмоционально-нейтральные, вежливые выражения, замещающие в речи грубые, нетактичные, неприличные слова» [Арапова, 1997, с. 565; Ахманова, 2005, с. 478]. Мотивационный спектр эвфемистических субституций полифункционален: от этико-речевой деликатности до стратегий социо-идеологической легитимации, направленных на минимизацию дискриминативного эффекта, нивелирование конфликтного потенциала высказывания, нейтрализацию суеверных опасений, а также поддержание позитивного имиджа коммуниканта [Шубина и др., 2023; Малюга и др., 2024].

Лингвистические исследования практически исчерпывающе обозначили тематические сферы, подверженные эвфемизации, — именно те социальные реалии, которые в культурном сознании маркируются как табуированные, неудобные или запретные [Зубкова и др., 2024; Ковшова, 2007; Крысин, 1994]. Традиционно исследование эвфемизмов велось в русле социолингвистики и прагматики: изучались их функции речевого этикета, политической корректности, манипуляции общественным мнением и т. д. [Сафина, 2014; Akopova, 2023; Alimov et al., 2024; Allan et al., 1991;

CC BY

Antipova et al., 2021; Danilina et al., 2019]. В случае эвфемизации бедности СМИ, как правило, заменяют прямые стигматизирующие номинации более нейтральными и официально-деловыми перифразами. В экономическом дискурсе эвфемистические номинации реализуют две ключевые коммуникативно-прагматические функции — вуалирование и нормализацию: путём семантического смягчения они трансформируют общественную оценку фактического состояния экономики и принимаемых правительственных либо корпоративных мер, тем самым регулируя общественное мнение и поддерживая позитивный имидж государства и системообразующих компаний [Александрова и др., 2024; Шубина и др., 2025; Malyuga и др., 2024].

В рамках когнитивно-семантической парадигмы эвфемизация трактуется как процесс концептуального переосмысления, при котором неблагозвучный денотат репрезентируется сквозь призму альтернативной концептуальной области, что смягчает его негативный эффект. Как отмечает С. А. Логвина, эвфемизмы репрезентируют «кластер семиотических маркёров, обладающих эпистемо-аффективным потенциалом», детерминирующих когнитивный рефрейминг негативного содержания [Логвина, 2020, с. 718]. Несмотря на обилие исследований, посвящённых универсальным аспектам эвфемии, её связь с образом бедности в постсоветских медиапространствах до сих пор описана лишь фрагментарно. Особенно ограничен корпус сравнительных работ, охватывающих русскоязычные и узбекоязычные медиа. Если в российской лингвистике отдельные аспекты эвфемизации бедности анализировались [Зверева, 2023; Миронина и др., 2023], то в узбекской науке подобные исследования практически отсутствуют: затрагивались лишь частные вопросы эвфемии в словарных и социолингвистических трудах [Рустамова, 2018; Fayziyeva, 2023]. Существующие подходы часто сводят эвфемизацию к стилистической редукции и поверхностному «смягчению», не учитывая когнитивные механизмы переключения сценариев и институциональную функцию переименований. Также мало разработан инструментарий операционализации социокультурной детерминированности эвфемизмов, что не позволяет их надёжно выявлять и сопоставлять в корпусе. Лексикографические описания фиксируют словарь, но не дискурсивную динамику и не показывают сдвиги регистров и оценок в публичной коммуникации. Наконец, межкультурные сопоставления зачастую ограничиваются общими рассуждениями об «универсальной» эвфемии, не выявляя различий в стратегиях, функционирующих в конкретных медиапространствах.

В отличие от этих традиций настоящее исследование опирается на двуязычный параллельный корпус (русско- и узбекоязычные медиа) и реализует двухуровневую когнитивную схему анализа (тип тропики → фрей-

CC BY

мовый сдвиг), что позволяет выявить не только приём замены, но и новую рамку интерпретации. Такой дизайн делает возможным воспроизводимое сравнение регистровых норм и фреймовых стратегий, а также прослеживание институциональных поворотов — от табуирующей «малообеспеченности» к легализованной «бедности». Тем самым новизна работы заключается в переходе от декларативного описания эвфемии к воспроизводимой процедуре анализа, объединяющей когнитивную, дискурсивную и межкультурную перспективы.

Цель исследования заключается в выявлении и описании ключевых когнитивно-семантических механизмов эвфемизации, а также фреймовых моделей репрезентации бедности в российских и узбекских онлайн-СМИ 2018—2024 годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе проведённого исследования в каждом из анализируемых языков было идентифицировано более тридцати разновидностей эвфемистических выражений. В первую очередь осуществлялся поиск эвфемистических единиц, используемых вместо прямых наименований *бедный, нищий* и их эквивалентов в узбекском языке — *камбағал (бедный), қашшоқ (нищий)* за исключением устойчивых институционализированных формул рамочного типа (*за чертой бедности / қашшоқлик чегараси остида*). Эти формулы трактуются как эвфемистические благодаря переводу референции во фрейм «порога / границы». Для этого были вручную проанализированы публикации 39 новостных и аналитических онлайн-изданий (как общереспубликанских, так и региональных) Российской Федерации и Республики Узбекистан за период 2018—2024 годов — всего 800 текстов (420 на русском и 380 на узбекском языке). В корпус включались текстовые фрагменты, в которых осуществлялось вербальное обозначение социально-экономического статуса субъектов при отсутствии прямых лексем *бедность / камбағалиқ*, что позволяло однозначно идентифицировать эвфемистические маркеры.

На втором, аналитическом этапе все собранные единицы были распределены по пяти базовым когнитивно-семантическим стратегиям, выделенным Б. Уоррен, — метафоре, метонимии, литоте, абстракции и обобщению [Warren, 1992; Lakoff et al., 1980]. Так, конструкция *оказаться за чертой бедности* отнесена к пространственно-топологической метафоре, лексема *малоимущий* классифицирована как литотическая отрицательная номинация в парадигме «отсутствие → редукция признака»; фраза *человек в трудных условиях* — проявление абстрагирования и обобщения, поскольку не конкретизирует финансовый аспект неблагополучия.

CC BY

Классификация по Б. Уоррен задала лишь «первый уровень» описания; для реконструкции глубинных когнитивных сценариев каждого эвфемистического типа понадобилось фреймовое чтение данных. На этом третьем этапе был привлечён аппарат теории фреймов Ч. Филлмора: каждое выделенное выражение соотносилось с типичным ситуационным сценарием (фрейм) и рассматривалось с точки зрения того, какой «сдвиг рамки» (рефрейминг) оно инициирует [Fillmore, 1982]. Такой подход позволил проследить, как, например, метафорема *за чертой* переводит восприятие адресата из фрейма «крайняя нужда» в фрейм «социальный порог», а литотическое *небогатый* переключает оценку на фрейм «скромный достаток». Описанный механизм когнитивного рефрейминга подробно интерпретирован В. И. Заботкиной и Е. М. Поздняковой, которые показывают, что смена рамки переводит негативное содержание в нейтральное и тем самым смягчает эмоциональную реакцию аудитории [Заботкина и др., 2022, с. 57]. Для наглядности результаты представлены в виде двух таблиц, содержащих русский субкорпус (табл. 1) и узбекский субкорпус (табл. 2), где показано распределение эвфемистических выражений по фреймовым категориям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвфемистические стратегии репрезентации бедности в русскоязычном медиадискурсе

Анализ сводного корпуса российских онлайн-СМИ показывает, что прямые лексемы базового ряда *бедный / нищий* в актуальном публичном дискурсе маргинализированы: их частотность минимальна, что коррелирует с редакторской ориентацией на стилистическую нейтральность и с прагматической задачей минимизации негативной экспрессии. Функцию номинации социально-экономически уязвимых групп берут на себя перифрастические эвфемизмы; при этом доминируют литотические и ситуационно-абстрактные решения. В новостно-публицистическом регистре лексема *небогатые* выполняет роль мягкого заменителя, запуская фрейм «умеренного / скромного достатка» (литота). Ср.: *Путин поручил помочь* ***небогатым*** *семьям жильем из «публичной собственности* [Путин поручил помочь …, 2019]. Номинатив *малоимущие*, закреплённый в нормативно-правовой документации, маркирует домохозяйства, чьи доходы фиксируются ниже установленного порога, и тем самым сочетает литоту (редукция признака «обеспеченность») с институциональной метонимией индикатора/категории (привязка к критериям нуждаемости): *Почти 20 млн человек в России живут за чертой бедности.* ***Малоимущим*** *семьям приходится, мягко говоря, нелегко: им не хватает денег на продукты, одежду…* [Кракова, 2019]. В обоих случаях негативно коннотированная лексема

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

бедные замещается нейтральной перифразой, реализующей когнитивную операцию литоты: отрицание позитивного признака (достатка) формирует более социально приемлемый образ адресата. Детализируя литотический класс, выделим подтип мелиоративных единиц, в которых редукция признака сочетается с ценностной позитивизацией.

Литотические стратегии не исчерпываются редуктивными префиксоидами (*не-, мало*); они расширяются за счёт прилагательных, имплицирующих количественную умеренность: *со скромным доходом, скромный бюджет*. Прилагательное *скромный* вводит мелиоративный компонент, активируя не только фрейм «умеренного достатка», но и аксиологический фрейм добродетели / бережливости, тем самым переводя восприятие с дефицитарной перспективы на ценностно-позитивный модус «экономной благоразумности». Ср: *Семьи* ***со скромным достатком*** *каждый месяц могут получать дополнительные деньги* [Семьи со скромным …, 2024]. Сочетание литотических и мелиоративных средств формирует устойчивую когнитивно-семантическую конфигурацию: посредством отрицания положительного признака и акцентуации *скромности* / *умеренности* медиатексты нейтрализуют стигматизирующий компонент исходного концепта БЕДНОСТЬ, смещая перцептивный фокус аудитории с идеи острой нехватки ресурсов на социально одобряемую модель рационального потребления. Вместе с тем из-за высокой обобщённости атрибута *скромный* возможна зона интерпретационной неопределённости между состоянием бедности и «нижним» средним классом; этот предел смягчающего эффекта следует учитывать при анализе контекстов.

Параллельно литотическим мелиоративам функционирует кластер технократических обобщений, где негативно маркированный концепт БЕДНОСТЬ систематически подменяется количественно-технической характеристикой: *лица с низким доходом, семья с невысокими доходами, низкооплачиваемые работники, наименее обеспеченные слои населения*. Когнитивно здесь сочетаются обобщение и абстракция (перевод оценки из морально-социальной плоскости в параметр «уровень дохода»), а также метонимия индикатора / показателя (денотация задаётся через соотнесение с измеримой шкалой). Тем самым запускается фрейм «экономической шкалы / индикатора», в котором субъект не «бедный», а «позиционирован» на нижних ступенях метрики. Ср.: в *Росстате эти данные подтвердили, но отметили, что в последние пять лет число граждан с* ***низкими доходами*** *уменьшается* [Зона неблагополучия …, 2021]; *чем сильнее средняя зарплата отличается от медианы, тем сильнее неравенство в оплате труда и выше доля людей с* ***низкой зарплатой*** [Зарплатное неравенство …, 2019]. Прагматически подобные конструкции выполняют технократическую ней-

CC BY

трализацию: они стилистически уместны в официально-деловом и статистическом регистрах, легитимируют управленческие решения (назначение мер поддержки) и десубъективируют ответственность, переводя проблему в обезличенную область мониторинга. Однако их смягчающий эффект ограничен: прилагательные *низкий / невысокий* сохраняют отрицательную валентность и в меньшей степени редуцируют стигму, чем литотические формулы типа *со скромным достатком*; отсюда — частотная коллокация с числовыми порогами (*ниже прожиточного минимума*), усиливающая восприятие как административно фиксируемого статуса, а не как персонального «ярлыка».

Отмеченные числовые пороги в свою очередь формируют особый подкласс — эвфемизмы, апеллирующие к нормативным социально-экономическим порогам, образуют в русскоязычном медиадискурсе отдельный подкласс номинаций, в семантическую структуру которых встроен официальный показатель — прожиточный минимум (метонимия индикатора / критерия + абстракция / квантификация). Ср.: *семья с доходом ниже прожиточного минимума*, *граждане, имеющие доходы ниже величины прожиточного минимума*. Эти конструкции громоздки, но широко применяются в новостях и официально-деловом регистре, поскольку звучат максимально нейтрально и фактически определяют бедность через бюрократический критерий, не употребляя самой лексемы *бедность*. Медиа цитируют официальные данные. Ср.: *Доля населения с* ***доходами ниже величины прожиточного минимума*** *составила в 2021 году 12,7 %* [В прошлом году …, 2023]; *В России за последние пять лет впервые сократилась доля граждан* ***с доходами ниже прожиточного минимума*** [Росстат впервые за …, 2018]). Эвфемистический эффект таких формул амбивалентен. Во-первых, исключение прямого наименования адресатов как «бедных» редуцирует негативную оценочность до технократического индикатора, активируя фреймы статистического измерения, нормативного порога и учёта. Во-вторых, отсылка к минимальному уровню достатка имплицирует неспособность удовлетворить базовые потребности и при соответствующем контексте способна усиливать драматизм восприятия. В результате апелляция к прожиточному минимуму десубъективирует проблему и переводит её обсуждение в обезличенный бюрократический дискурс, одновременно закрепляя рефрейминг: «крайняя нужда» → «позиция относительно порога».

Наряду с технократическими и пороговыми номинациями значительный пласт составляют эвфемизмы ситуативно-обстоятельственного типа. Они представляют наиболее многочисленный подкласс, реализующий комбинацию абстракции и обобщения с элементом метонимии обстоятельства (обстоятельство вместо признака «бедный»). Они описывают эко-

CC BY

номическое неблагополучие посредством лексем *положение, ситуация, условия, трудности*, избегая прямой денежной денотации: *находиться в трудном материальном положении, оказаться в непростом финансовом положении, переживать тяжёлые времена, жить в стеснённых обстоятельствах, пребывать в сложной экономической ситуации* и т. п. В таких контекстах бедность концептуализируется как транзиторное социально-экономическое состояние, преодолимое при наличии соответствующих институциональных и ресурсных предпосылок. Как отмечает М. И. Зверева, слова *ситуация / положение* привносят компонент временности и изменчивости, смягчая негативный смысл: создаётся впечатление, что сейчас трудно, но затем возможна позитивная динамика [Зверева, 2023, с. 99]. Этот механизм прямо связан с психологическим комфортом: говорить о временных финансовых трудностях менее травматично, чем прямо называть человека нищим. Подобные конструкции широко используются в социальных репортажах и официальных сообщениях: *Власти Башкирии предложили жителям в* ***трудной финансовой ситуации*** *пройти профессиональное обучение и получить единовременные выплаты* [В Башкирии соцконтракты …, 2020] и *Сутенер использовал женщин с* ***трудным материальным положением*** *на Кубани* [Сутенер использовал …, 2024]. Показательно влияние предлога: *в трудном положении* («погружение» субъекта внутрь нежелательной ситуации) противопоставлено конструкции *с тяжёлым материальным положением* (репрезентация трудности как свойства субъекта); оба варианта, однако, остаются нейтральными эвфемизмами, апеллирующими к фрейму «временных трудностей / испытаний».

Аналогичную конфигурацию образуют институционально-категориальные номинации: *нуждающиеся граждане, социально незащищённые слои населения, семьи в группе риска*. Здесь также реализуются обобщение и абстракция, но доминирует метонимия институциональной категории, когда принадлежность к группе обозначается через статус адресата мер, а не через прямую фиксацию бедности. Так, в сообщении ***Нуждающиеся граждане*** *России получат финансовую поддержку для подключения жилищ к газу* [Нуждающиеся граждане …, 2022] лексема *нуждающиеся* соотнесена с фреймом «дефицита ресурсов / помощи», но не специфицирует характер дефицита, что позволяет включать в денотат не только малоимущие домохозяйства, но и иные социальные категории. Еще пример: выражение *социально уязвимые категории населения* потенциально охватывает как экономически обездоленных, так и лиц с иными видами социальной уязвимости (инвалиды, сироты и др.); однако в дискурсе государственной социальной политики оно имплицитно маркирует и бедность. Высокая степень абстрагирования обеспечивает стилистическую нейтральность

CC BY

и снижает стигматизацию, но одновременно генерирует семантическую неопределённость: без уточняющего контекста остаётся неясным, какая именно форма уязвимости подразумевается. Прагматически эти номинации запускают фреймы оценки риска и адресности мер, легитимируя управленческие решения при одновременной десубъективации адресатов.

В отличие от абстрактных и институционально-категориальных номинаций, метафорические эвфемизмы встречаются в медиакорпусе эпизодически, поскольку преобладающий стиль российского новостного дискурса — нейтрально-деловой, что ограничивает регулярность метафорических номинаций. Тем не менее некоторые концептуальные метафоры прослеживаются. Одна из наиболее распространённых — это пространственная метафора: бедность мыслится как некое пространство внизу или за чертой. Выражение *за чертой бедности* — характерный пример, где субъекту не приписывается прямо свойство бедности, а указывается его «местонахождение» относительно некой условной линии достатка: *Росстат оценил количество живущих* ***за чертой бедности*** *в России в 15,7 млн* [Росстат оценил …, 2023]. Активируется пространственно-градуальный фрейм «линия-порог», реализующий метафору «внутри / вне»: топологический образ «за пределами» камуфлирует прямую атрибуцию бедности, переводя её в позиционирование относительно социального норматива. Вместе с тем в этой формуле присутствует оттенок безысходности: пересечение черты концептуализирует изолированность и «выталкивание» за пределы социально приемлемого уровня жизни. Тем самым пространственная метафора выполняет двойственную функцию: с одной стороны, устраняет прямое маркирование субъекта как «нищего», с другой — концептуализирует бедность в категориях пространственной изоляции и социального изгойства.

Помимо пространственной метафоры, русскоязычные медиа активно задействуют и метафоры бремени / давления (веса), репрезентирующие бедность как «тяжёлую ношу», переводя экономический дефицит в домен физической тяжести. В публицистически-разговорном регистре это проявляется через клише *нести тяжёлое финансовое бремя, жить под грузом долговых обязательств* и смежные формулы типа *едва сводить концы с концами* (образ дефицитарной балансировки / стыковки ресурсов). Ср.: *семьи, которые* ***едва сводят концы с концами*** *— их истории скажут больше, чем статистика… каждый день они борются за кусок хлеба* [Кракова, 2019]. Здесь работает связка «мягкая номинация → экспрессивное усиление»: первая формула выполняет эвфемистическую косвенную номинацию (обобщение / абстракция; фрейм балансировки), тогда как *борются за кусок хлеба* (метафора борьбы + метонимия базовой потребности) служит акцентатором эмпатии и драматургии. В официально-дело-

CC BY

вом / новостном регистре та же семантика «давления» подаётся стерильно и технократично: *увеличить поддержку семей, испытывающих чрезмерное долговое давление*; *находиться под грузом долговых обязательств* — без экспрессивных усилителей, в логике стилистической нейтральности и минимизации аффектов. В обоих регистрах прагматический эффект сходен: стигма прямой атрибуции «бедные» нейтрализуется, внимание смещается с субъекта на внешнюю «носимую» тяжесть и / или на управляемую проблему. Когнитивно приём реализует двухшаговую операцию эвфемизации: (i) метафорическое проецирование (финансовый дефицит → физическая тяжесть: бремя расходов, тяжесть долгов), (ii) рефрейминг ответственности — «тяжесть» конструирует сценарий, в котором пострадавший лишь «носит» внешний груз, а причины бедственного положения экстернализируются (экономический кризис, долговая нагрузка, особенности социальной политики и пр.). Таким образом, силовая метафорика «бремени / давления» оказывается не изолированным приёмом, а частью более широкой системы эвфемизации, характерной для русскоязычного медиадискурса.

В целом в русском субкорпусе бедность системно репрезентируется через замену прямых номинаций перифрастическими эвфемизмами, при этом ядром выступают литотические решения, переводящие оценку из плоскости «обладания» в режим редукции признака и «умеренного достатка». Параллельно широко задействованы технократические обобщения и пороговые формулы, которые квантифицируют явление через доходные шкалы и официальный индикатор прожиточного минимума; тем самым негативная коннотация дискурсивно преобразуется в управляемую категорию мониторинга. Массовый пласт составляют ситуативно-обстоятельственные конструкции, рефреймирующие бедность как временное, внешнее по отношению к субъекту состояние, тогда как институционально-категориальные номинации («адресаты мер») десубъективируют проблему, закрепляя статус принадлежности к группе помощи. Метафорические модели фиксируются реже, но задают важные когнитивные траектории: топологическая («за чертой») переводит интерпретацию в фрейм порога, а силовая («бремя / давление») — во фрейм внешней тяжести, смещая ответственность с личности к структурам и обстоятельствам. В терминах Б. Уоррен, доминируют операции литоты, абстракции, обобщения и метонимии индикатора / обстоятельства; фреймовая перспектива Ч. Филлмора показывает устойчивый сдвиг от сценария «крайней нужды» к сценариям «порог / норма», «временные трудности» и «административно управляемая категория». Прагматически этот комплекс стратегий обеспечивает вуалирование и нормализацию темы, снижение стигмы и легитимацию управленческих решений, но побочно порождает семантическую расплывчатость и риск

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

недооценки остроты явления. Эти выводы опираются на ручной отбор и классификацию единиц из русскоязычных медиа с применением двухуровневой модели анализа (тип операции → фреймовый рефрейминг), что позволило выявить не только заменители, но и устойчивые когнитивные сценарии репрезентации бедности в медиадискурсе. Суммируя русскоязычные данные, представим классификацию эвфемизмов по концептуальным фреймам и когнитивным операциям (по Б. Уоррен с фреймовой интерпретацией по Ч. Филлмору) — см. таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Когнитивные фреймы эвфемизации концепта БЕДНОСТЬ
в русскоязычном медиадискурсе

Концептуальный фрейм	**Примеры эвфемистических номинаций**	**Когнитивный механизм**
Недостаток / низкий доход	*малоимущий; малообеспеченный; с низким доходом; с низкой зарплатой*	литота (отрицание достатка); обобщение через доход
Скромность (умеренный достаток)	*небогатый; со скромным достатком; скромный бюджет*	литота (эвфемистически положительная характеристика); позитивная метафора добродетели
Временные трудности / ситуация	*в трудном положении; в тяжёлой ситуации; испытывающий трудности*	абстракция и обобщение (обстоятельства вместо черты характера)
Социальный критерий / порог	*доход ниже прожиточного минимума; за чертой бедности*	метонимия индикатора/показателя; пространственная метафора (граница)
Нужда / отсутствие средств	*нуждающиеся граждане; без средств к существованию; социально незащищённые*	прямая метонимия (нужда вместо бедности)
Борьба / выживание	*сводить концы с концами; бороться за хлеб; выживать*	метафора войны / испытания (бедность как враг или тяжёлое испытание)
Упадок / кризис	*материальный упадок; неблагополучный (район)*	метафора падения / болезни (бедность как деградация)

Как видно из таблицы (табл. 1), ядро репертуара формируют фреймы «недостаток / низкий доход» и «временные трудности / ситуация», где доминируют операции литоты (редукция признака достатка, в том числе мелиоративные «скромные» обозначения) и абстракции / обобщения (перевод оценки в нейтральные обстоятельства и параметры уровня дохода). Существенную роль играет и метонимия индикатора в фрейме «социаль-

CC BY

ный критерий / порог»: пороговые формулы с отсылкой к прожиточному минимуму квантифицируют явление и закрепляют его как административно управляемую категорию мониторинга.

3.2. Эвфемистическая репрезентация бедности и её фреймовая организация в узбекоязычном медиадискурсе

В узбекоязычном медиапространстве эвфемизмы бедности характеризуются преимущественно официально-деловым стилем и недавними социальными реформами. Как отмечалось, ранее в республике прямое слово *камбағаллик (бедность)* практически не употреблялось на высоком уровне, вместо него укоренились терминологические выражения, совпадающие по смыслу с русским *малообеспеченность*, см.: [Юсупов, 2021]. В современном корпусе узбекских СМИ можно насчитать не менее трёх десятков различных эвфемистических оборотов, обозначающих бедных граждан. Многие из них представляют собой кальки или эквиваленты русских бюрократических терминов, другие — специфически узбекские институциональные понятия, появившиеся в последние годы.

В административно-правовом регистре узбекских медиа формально закреплена лексема *кам таъминланган* (*малообеспеченный*) и её деривaты *кам таъминланган оилалар* (*малообеспеченные семьи*). Эта номинация функционирует как литотическая отрицательная, смягчающая прямую негативную коннотацию *камбағал / қашшоқ*, и одновременно как метонимия институциональной категории: статус нуждаемости маркируется через включение в реестр: …***кам таъминланган оилаларни*** *аниқлаш ва уларга нафақа тайинлаш “Ижтимоий ҳимоя ягона реестри” орқали амалга оширилади* [Nafaqa olish. …, 2023] (*...идентификация* ***малообеспеченных семей*** *и назначение им пособий осуществляется через Единый реестр социальной защиты*) (здесь и далее перевод наш. — *Т. А.*). С точки зрения фреймов происходит сдвиг от «личной нужды» к «административно учтённой нуждаемости / адресату мер», что десубъективирует проблему и обеспечивает технократическую нейтрализацию при одновременной легитимации адресной поддержки.

Аналогичный приём реализуется лексемой *эҳтиёжманд* (*нуждающийся*), функционирующей как собирательное обозначение адресатов государственной поддержки. Ср.: *Тошкентда “****эҳтиёжманд*** *оилалардаги хотин-қизлар” учун ОТМга тавсияномалар қабул қилинмоқда* [Эҳтиёжманд хотин-қизлардан …, 2024] (*В Ташкенте принимают рекомендации в вузы для девушек из* ***нуждающихся*** *семей*). В конструкции *эҳтиёжманд оилалар* (*нуждающиеся семьи*) доминируют операции обобщения и абстракции: тип нужды не специфицируется, а бедность подменяется общей «нуждаемостью». Параллельно задействована метонимия институциональной

категории: принадлежность к группе задаётся через статус адресата мер, а не через прямую фиксацию материальной депривации. В фреймовых терминах происходит рефрейминг от «личной бедности» к сценарию «зависимость от поддержки / право на помощь (критерий включения)», что снижает стигму и легитимирует распределение помощи. Эвфемистический потенциал лексемы объясняется её обобщённостью: без уточняющего контекста остаётся неясным, какую именно потребность (финансовую, жилищную, медицинскую и т. д.) предполагается компенсировать.

Кроме базовых номинаций, в официальном дискурсе функционируют и более сложные синтагмы, например: *ижтимоий ҳимояга муҳтож* (*нуждающихся в мерах социальной поддержки*). Ср.: *Ўзбекистонда* ***ижтимоий ҳимояга муҳтож*** *аҳоли вакилларига янги имкониятлар яратилади …* [O‘zbekistonda ijtimoiy himoyaga …, 2024] (*В Узбекистане будут созданы новые возможности для представителей населения,* ***нуждающихся в мерах социальной поддержки***). Подобные конструкции обладают ещё более выраженным бюрократическим характером: они имплицируют не столько фактический дефицит ресурсов, сколько зависимость субъекта от государственной протекции, тем самым переводя концепт БЕДНОСТЬ во фрейм «опеки и защиты». Соответствующий фреймовый сдвиг переводит интерпретацию из сценария «материальная нехватка» в сценарий «опека / патронаж», где адресат мыслится как объект регулируемой помощи. Регулярные лексические опоры — *муҳтож* (*нуждающийся*) и *таъминланган* (*обеспеченный*) — поддерживают бюрократическую терминологизацию (в том числе вследствие деривационных ограничений в выразимости *обеспечивать*), что десубъективирует оценку и создает эффект семантического затемнения: негативная коннотация сглаживается, а «бедность» репрезентируется как нейтральный, технически администрируемый статус.

От правовых терминов перейдём к культурно-специфическому кластеру эвфемизмов, отражающих реалии государственных программ адресной поддержки, где ключевым маркером выступает *дафтар* (*тетрадь*): *темир дафтар* (*железная тетрадь*) — реестр домохозяйств с подтверждённым статусом малообеспеченности; *айоллар дафтари* (*женская тетрадь*) — перечень женщин, признанных нуждающимися в материальной поддержке; *меҳр дафтари* (*тетрадь милосердия*) — список детей-сирот и иных лиц, относящихся к особо уязвимым группам. Ср.: *Ўзбекистонда* ***«темир дафтар»га киритилган*** *оилаларга қандай тартибда тиббий хизмат кўрсатилади?* [Ўзбекистонда «темир дафтар»га …, 2022] (*Как оказывается медицинская помощь семьям, внесённых в* ***«железную тетрадь»*** *в Узбекистане?*). Когнитивно-семантически конструкции типа *темир дафтар* (*железная тетрадь*) опираются на сложное взаимодействие ме-

CC BY

тафоры и метонимии. С одной стороны, базовая метафора «документ → социальная гарантия» переносит материальный объект *дафтар* (*тетрадь*) в абстрактную сферу социального статуса, символизируя «твёрдость» и «непоколебимость» государственной опеки (адъектив *темир* (*железный*) усиливает имплицитную идею надёжности и необратимости поддержки). С другой стороны, сам акт внесения фамилии в реестр реализует метонимическое смещение: «наличие записи → принадлежность к льготной категории». В результате негативная характеристика «бедная семья» маскируется административным фактом «семья учтена в определённом списке», что позволяет медиадискурсу переключить внимание адресата с дефицита ресурсов на институциональный механизм помощи.

Фреймовое моделирование показывает, что подобные номинации активируют сразу три взаимосвязанных сценария: (а) «учёт / регистрация» (базовый процесс, в котором субъект становится «видимым» для государства); (б) «контроль / мониторинг» (предполагаемая периодическая верификация нуждаемости); (в) «распределение ресурсов» (обещание целевых льгот). Тем самым единицы типа *темир дафтар* (железная тетрадь) выполняют двойную прагматическую функцию: они одновременно легитимируют статус получателя и позитивно маркируют деятельность властей, демонстрируя прозрачность и адресность социальной политики.

Аналогичную функцию выполняет выражение *айоллар дафтари (женская тетрадь)*: ***Аёллар дафарига киритилган*** *хотин-қизларга тикув машинаси олиш учун субсидия берилади* [Аёллар дафарига киритилган …, 2024] (*Женщинам,* ***внесённым в женскую тетрадь****, предоставляются субсидии на покупку швейных машин*). Необходимо отметить, что подобная модель семиотизации бедности практически не имеет прямых параллелей в русском медиадискурсе: там преобладает семантически прозрачная формула *внесён(а) в список малоимущих*, лишённая образного компонента. Следовательно, «тетрадная» метафора выступает как культурно-специфический когнитивный шаблон, укоренённый в традициях махаллинского (общинного) учёта и транслирующий ценность коллективной заботы через знакомый бытовой артефакт — школьную тетрадь.

Наряду с преимущественно бюрократическими номинациями малообеспеченных слоёв населения активно функционирует ситуативный эвфемистический тип *оғир* + *От* (*тяжёлый* + *сущ.*). К нему относятся сочетания *оғир ижтимоий аҳвол* (*тяжёлое социальное положение*), *турмуш шароити оғир* (*тяжёлые условия жизни*), *қийин вазиятда қолган* (*оказавшийся в сложной ситуации*), *оғир моддий таназзул* (*тяжёлый материальный упадок / кризис*), *оғир ҳаётий вазиятда* (*в тяжёлой жизненной ситуации*) и т. д., функционально изоморфные русским клише *тяжёлое*

CC BY

материальное положение / сложная жизненная ситуация, образуя кросс-языковую изоглоссу эвфемистического описания бедности. Ср.: ….***ижтимоий аҳволи оғир*** *бўлган оилаларга моддий ёрдам кўрсатиб бориш тизими йўлга қўйилади* [Ижтимоий аҳволи оғир …, 2022] (*…..будет налажена система оказания материальной помощи семьям* ***с тяжёлым социальным положением***); ***Оғир ҳаётий вазиятда*** *қолган хотин-қизлар учун яна 40 шелтер очилади* [Og‘ir vaziyatda qolgan …, 2019] (*Для женщин, оказавшихся* ***в тяжёлой жизненной ситуации****, откроют ещё 40 приютов*). С точки зрения когнитивно-семантических процессов здесь сочетаются: абстракция и обобщение (бедность репрезентируется как внешние обстоятельства: *аҳвол, шароит, вазият* (*положение, условия, ситуация*), — а не как устойчивое свойство индивида) + метонимия обстоятельства (обстоятельство вместо признака «бедный») + оценочная метафора «вес → трудность» (атрибут *оғир* (тяжёлый) активирует образ физической тяжести и конструирует «социально-экономическое бремя»). Во фреймовой перспективе Ч. Филлмора локатив *-да* (*вазиятда / аҳволда*) погружает субъекта в сценарий временных трудностей / испытаний, что снижает стигму прямой атрибуции и подразумевает возможность преодоления при институциональной поддержке. Комбинация указанных приёмов задаёт важный коммуникативный эффект: а) десубъективирует негативную оценку: бедность перестаёт звучать как индивидуальная «вина» и транслируется как внешнее обстоятельство; б) легитимирует государственный патронаж, поскольку большинство подобных сообщений сопровождается упоминанием адресной помощи. Например: … ***ижтимоий аҳволи оғир*** *бўлган оилаларга моддий ёрдам кўрсатиб бориш тизими йўлга қўйилади* [Ижтимоий аҳволи оғир …, 2022] (*….будет налажена система оказания материальной помощи семьям с* ***тяжёлым социальным положением***). В итоге эвфемистическая номинативная модель *оғир* + *От* (тяжёлый + сущ.) выступает как эффективный когнитивный инструмент семантического сглаживания концепта БЕДНОСТЬ и одновременно — средством его административно управляемой репрезентации: негативное состояние трактуется как временное и адресно корректируемое, а не как перманентный личностный статус.

В проанализированном корпусе узбекских медиа широко представлены каузальные метонимии, где конструкт «бедность» эксплицируется не напрямую, а выводится из социально легитимных детерминант: *ишсиз* (*безработный*), *меҳнатга қобилиятсиз* (*нетрудоспособный*), *боқувчисини йўқотган* (*лишившийся кормильца*). Ср.: …***меҳнатга қобилиятсиз*** *фуқаролар учун бериладиган нафақа миқдори 315 минг 30 сўмдан 400 000 сўмга кўтарилди* [Boquvchisini yo‘qotganlik pensiyasi …, 2021] (*… размер пособия для* ***нетрудоспособных*** *граждан был увеличен с 315 030 сумов до*

CC BY

400 000 сумов); …***боқувчисини йўқотган шахсларга*** *марҳум ходимнинг 6 йиллик иш ҳақи суммаси миқдорида нафақа тўланади* [Fuqarolarning davlat pensiya …, 2020] (…***лицам, потерявшим кормильца****, выплачивается пособие в размере шестилетней заработной платы умершего работника*). Каждая единица активирует в когнитивном сознании адресата фрейм «причина → следствие», в котором негативное состояние (бедность) выводится из объективных, социально легитимных причин: безработицы, инвалидности, утраты кормильца или отсутствия жилья. Семантический эффект достигается посредством метонимического переноса: прямой денотат *қашшоқлик* (*нищета*) систематически подменяется наименованием коррелирующего обстоятельства. Такая стратегия десемантизирует стигматизирующий компонент базового концепта, поскольку когнитивное внимание смещается с личной «вины» субъекта на внешние, структурные факторы. В результате формируется дискурсивная схема «обоснованной уязвимости», при которой неблагоприятное материальное положение интерпретируется как следствие непредотвратимых социальных рисков, а не как индикатор морального несовершенства индивида. Необходимо подчеркнуть, что термины *ишсиз* (*безработный*), *меҳнатга қобилиятсиз* (*нетрудоспособный*) сами по себе не равны «бедности», поэтому их эвфемистический эффект релевантен при явной связке с контекстом нуждаемости / поддержки.

Практическая реализация данной модели прослеживается в газетных списках бенефициариев соцподдержки, где перечисленные категории фигурируют рядом с термином *кам таъминланган* (*малообеспеченный*). Например, вместо прямой квалификации *камбағал ёлғиз кекса шахс* (*бедный одинокий пожилой человек*) журналисты предпочитают синтагму *реестрга киритилган ёлғиз кекса шахс* (*внесённая в реестр одиноких пожилых лиц*): *2024 йил 1 февралдан бошлаб реестрга* ***киритилган ёлғиз кексалар*** *ва ногиронлиги бўлган* ***шахсларга*** *давлат томонидан кафолатланган ижтимоий хизматлар ва ёрдам ижтимоий хизмат кўрсатиш шартномаси асосида кўрсатилади* [Keksalar va nogironlarga …, 2024] (*С 1 февраля 2024 года* ***одиноким пожилым гражданам*** *и лицам с инвалидностью,* ***внесённым в реестр****, гарантированные государством социальные услуги и помощь будут оказываться на основании договора о социальном обслуживании*), тем самым транспонируя акцент с финансовой несостоятельности на формально зафиксированный социальный статус. Аналогичным образом выражение *уй-жойини таъмирлашга муҳтож* (*нуждающийся в ремонте жилья*) подменяет оценку «крайней нужды» конкретным объектным дефицитом. Ср.: *Манзилли дастурга кўра,* ***уй-жойини таъмирлашга муҳтож*** *бўлган 560 оиладан 504тасининг уй-жойида тўлиқ таъмирлаш ишлари*

тугатилган-перевод [Taxiatoshda 54 oila …, 2019] (*Согласно адресной программе, из 560 семей, **нуждающихся в ремонте жилья**, в домах 504 семей ремонтные работы полностью завершены)*. Прагматически эта стратегия повышает эмпатический потенциал сообщения: указание на каузальные факторы активирует у реципиента сценарии сочувствия, перераспределяя оценку с личностного уровня на структурно-социальный. Одновременно происходит десубъективация ответственности: бедность репрезентируется как следствие системных дисфункций, подлежащих институциональному вмешательству, а не как индивидуальная «провинность». Именно поэтому в социально-политическом дискурсе подобные эвфемизмы нередко сочетаются с упоминанием адресных мер поддержки, что дополнительно усиливает фрейм «государственного патронажа».

Следует отдельно подчеркнуть динамику употребления лексемы *қашшоқлик* (*нищета*) и её дериватов в узбекоязычном медиадискурсе. Рост её частотности коррелирует с институционализацией государственной программы *камбағалликни қисқартириш* (*сокращение бедности*), что привело к частичной десакрализации прежнего табу на прямое наименование социального явления. Тем не менее прямое употребление указанной лексемы, как правило, сопровождается обводной стратегией: авторы дополняют её количественно-технократическими перифразами типа *яшаш минимумидан паст даромад* (*доход ниже прожиточного минимума*), благодаря чему оценочный концепт ҚАШШОҚЛИК (НИЩЕТА) трансформируется в статистическую категорию. Ср.: *Ҳозирги кунда мамлакат аҳолисининг 15 фоизи **яшаш минимумидан паст даромад** билан кун кечирмоқда* [Коррупция ва миллий …, 2024] (*В настоящее время 15 % населения страны проживает с **доходом ниже прожиточного минимума***). Конструкция *қашшоқлик чегараси остида* (*ниже черты бедности*) репрезентирует калькированную из русскоязычного дискурса пространственно-количественную метафору, в которой бедность концептуализируется как позиция «по ту сторону» нормативного порога. Упоминание *«прожиточного минимума»* (узб. *тирикчилик даражасидан паст*) также вошло в оборот: *ОТБ ҳисоботи 2018: Ўзбекистонда 11,4 фоиз аҳоли **тирикчилик даражасидан паст** кун кечираётгани айтилади* [5600 сўм ва чегарасиз …, 2020] (*Отчёт АБР 2018: 11,4 % населения Узбекистана живут **ниже уровня прожиточного минимума***). Тем самым наблюдается двойной когнитивно-семантический сдвиг: (1) литотическое смягчение негативной коннотации за счёт опоры на числовой индикатор «прожиточный минимум» и (2) метафорическое картографирование социально-экономического состояния в терминах вертикального пространства («над/под чертой»). В результате бедность предстает не как стигматизирующее качество индивида, а как из-

CC BY

меряемый показатель, подлежащий мониторингу и управлению в рамках бюрократической модели «государственного патронажа».

В узбекоязычном субкорпусе эпизодически фиксируется патологизирующая образность вокруг бедности (очерково-аналитические жанры), ср. заголовок: ***Оғир хасталик*** *ва* ***моддий таназзул****». Наманганлик оила қийин кунларни бошидан ўтказмоқда* [Оғир хасталик ва …, 2019] («***Тяжёлая болезнь*** *и* ***материальный упадок****». Семья из Намангана переживает тяжёлые времена*»), где *касаллик / хасталик* (*болезнь*) активирует фрейм диагностики / лечения, а *моддий таназзул* (*материальный упадок*) выступает эвфемистической абстракцией материальной депривации. В терминах Б. Уоррен, данный фрагмент демонстрирует локальную метафору, где бедность патологизируется через отсылку к болезни, и абстракцию, поскольку «материальный упадок» замещает прямое номинирование бедности обобщённой формулой «истощение / деградация». Дополнительно прослеживается элемент метонимии симптома, когда конкретные проявления трудной жизненной ситуации (упадок, кризис) концептуализируются как «симптоматика» более широкой социальной патологии. В совокупности эти операции обеспечивают эффект дистанцирования от прямого наименования и создают у адресата образ «состояния, требующего диагностики и коррекции», но без жёсткой привязки к индивидуальной «вине». Однако продуктивной модели «бедность = болезнь» корпус не демонстрирует; потому трактуем такие случаи как точечный эмпатический усилитель на фоне доминирующего институционально-патронажного кадрирования.

Таким образом, узбекоязычный медиадискурс демонстрирует высокую институционализацию эвфемии: вместо прямых лексем *камбағал / қашшоқ* преобладают нейтральные «адресно-социальные» обозначения статуса. Доминируют метонимия индикатора / категории и литота: оценка смещается к уровню материального обеспечения и к статусу «соответствия критериям помощи», тогда как абстрагирующие ситуативные формулы рефреймируют бедность как временное состояние. Культурно-специфический пласт образуют реестровые номинации, где факт регистрации подменяет негативную атрибуцию. Пороговые конструкции с отсылкой к официальным минимумам закрепляют бюрократическую квантификацию. Прагматически этот комплекс стратегий снижает стигму, легитимирует управленческие решения и переводит фокус с личной «несостоятельности» на механизмы учёта и распределения, однако порождает семантическую расплывчатость типа нуждаемости. Узбекоязычный массив сводится к системе перифрастических номинаций, распределённых по концептуальным фреймам и когнитивным операциям, что отражено в таблице (табл. 2).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Когнитивные фреймы эвфемизации концепта БЕДНОСТЬ
в узбекоязычном медиадискурсе

Концептуальный фрейм	**Примеры эвфемистических номинаций**	**Когнитивный механизм**
Недостаточная обеспеченность	*кам таъминланган оила (малообеспеченная семья); эң кам маош (минимальная зарплата)*	литота (отрицание достатка); метонимия через указание на доход
Нуждаемость / зависимость от помощи	*эҳтиёжманд оилалар (нуждающиеся семьи); ижтимоий ҳимояга муҳтож (нуждающийся в соцзащите)*	обобщение (нужда в общем виде); акцент на внешней помощи
Тяжёлые условия / ситуация	*оғир турмуш шароити (тяжёлые условия жизни); қийин аҳволда (в сложном положении); қийин молиявий вазиятда (в трудной финансовой ситуации)*	абстракция и эвфемизм ситуации (временные трудности)
Регистрация в списке	*темир дафтарга киритилган (внесённый в «железную тетрадь»); аёллар дафтари (женская тетрадь)*	метафора документа/реестра (бедность как статус в реестре); метонимия по названию программы «запись → статус»
Причины бедности	*Ишсиз (безработный); боқувчисиз (без кормильца); уйсиз (бездомный)*	метонимия (описание через причину / следствие)
Черта бедности (порог)	*қашшоқлик чегараси (черта бедности); яшаш минимумыдан паст (ниже минимума жизни)*	метафора пространства и количества (граница, минимум)

Как видно из таблицы, ядро репертуара формируют фреймы «недостаточная обеспеченность» и «нуждаемость / зависимость от помощи», где доминируют операции литоты и метонимии институциональной категории (табл. 2). Значимую долю составляют фреймы «тяжёлые условия / ситуация», репрезентирующие бедность через абстракцию обстоятельств, и «регистрация в списке», основанная на связке метафоры документа и метонимии записи как статуса. Дополняют систему фреймы «причины бедности» (причинно-следственные метонимии) и «черта бедности (порог)», сочетающая пространственные и количественные метафоры. В целом распределение подтверждает сдвиг интерпретации от прямой номинации «крайней нужды» к сценариям статуса, учёта и административно управляемой категории.

CC BY

Представленные данные демонстрируют устойчивую стратегию эвфемизации: негативно маркированный концепт БЕДНОСТЬ переводится в режим нейтрального описания через редукцию признака достатка, апелляцию к обстоятельствам / ситуации и квантификацию по официальным индикаторам. На уровне фреймов это соответствует сдвигу от сценария «крайней нужды» к сценариям «временные трудности», «порог / норма» и «административно управляемая категория». При этом метафорический слой — от пространственной модели до образов «бремени / давления» — выступает точечным усилителем эмпатии и проблематизации. Суммарная типология и распределение единиц по когнитивным операциям и фреймам сведены в таблицы (табл. 1—2); они задают опорную карту для заключительного сопоставления двух языковых массивов.

4. Заключение = Conclusions

Исследование двух субкорпусов выявляет, с одной стороны, конвергенцию базовых когнитивно-семантических механизмов, а с другой — существенные дивергентные черты, детерминированные социокультурной спецификой соответствующих коммуникационных пространств. Конвергируют базовые механизмы по Б. Уоррен: литота, абстракция / обобщение и метонимия индикатора / категории. В обоих массивах прямые стигматизирующие лексемы вытесняются перифразами, а во фреймовой перспективе Ч. Филлмора наблюдается схожий сдвиг от сценария «крайней нужды» к «порогу / норме», «временной трудности / ситуации» и «административно управляемой категории». Общей изоглоссой выступает ситуативная модель «тяжёлого положения / условий», а также пороговая репрезентация через официальные шкалы (черта / минимум), переводящие оценку в режим мониторинга.

Дивергентные черты касаются прежде всего степени институционализации и образного репертуара. Узбекоязычный корпус характеризуется высокой степенью бюрократизации: доминируют статусы «нуждаемости / поддержки» и технократические конструкции учёта, включая культурно-специфический «реестровый» кластер с ключевым маркером *дафтар* (тетрадь) (связка «документ → гарантия», «запись → статус»), которому нет функционально равного образного эквивалента в русском массиве. Русскоязычный корпус, при сохранении официально-деловой оптики, шире задействует публицистически-разговорные клише и метафорику «бремени / давления» наряду с пространственной моделью «за чертой», что делает образ бедности более персонализированным и эмпатичным. Различается и степень «очеловечивания» нарратива: узбекские тексты чаще фиксируют бедность как учётный, контролируемый статус получателя мер; русские — как сочетание статистической категории и человеческой истории.

По прагматическому эффекту обе системы сходны: эвфемизация снижает стигму, нормализует обсуждение и легитимирует управленческие решения. Однако риски смещаются: в русском массиве сглаживание через литотические и мелиоративные формулы чревато «размыванием» границы между бедностью и «скромным достатком»; в узбекском — усиливается десубъективация и семантическая неопределённость типа нуждаемости из-за преобладания статусных и учётных номинаций. Историко-дискурсивный фон также различен: в Узбекистане долгий период институционального табу на прямое наименование бедности сменился технократической открытостью, тогда как в России табу носит преимущественно этикетно-регистровый характер.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аёллар* дафарига киритилган хотин-қизларга тикув машинаси олиш учун субсидия берилади [Электронный ресурс] / NOR.uz : [веб-сайт]. — 11.03.2024. — Режим доступа : https://nor.uz/?p=17858 (ташриф санаси 21.06.2025).

2. *В Башкирии* соцконтракты могут получить 4,4 тысячи семей [Электронный ресурс] / РБК-Уфа : [веб-сайт]. — 06.07.2020. — Режим доступа : https://ufa.rbc.ru/ufa/06/07/2020/5f0319c89a794782bd1b9035 (дата обращения 21.06.2025).

3. *В прошлом* году Росстат отчитался о рекордно низком уровне бедности. Мы проверили эти расчёты — и нашли больше трёх миллионов малоимущих, которые выпали из статистики [Электронный ресурс] / Если быть точным : [веб-сайт]. — 13.09.2023. — Режим доступа : https://tochno.st/materials/v-proshlom-godu-rosstat-otchitalsya-o-rekordno-nizkom-urovne-bednosti-my-proverili-eti-raschety-i-nashli-bolshe-trekh-millionov-maloimushchikh-kotorye-vypali-iz-statistiki (дата обращения 21.06.2025).

4. *Зарплатное* неравенство : сколько и где официально зарабатывают россияне [Электронный ресурс] / РБК : [электронная газета]. — 20.07.2019. — Режим доступа : https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3 (дата обращения 21.06.2025).

5. «*Зона неблагополучия*» : в каких регионах больше всего бедных [Электронный ресурс] / Газета.Ru : [электронная газета]. — 01.07.2021. — Режим доступа : https://www.gazeta.ru/business/2021/07/01/13692236.shtml (дата обращения 21.06.2025).

6. *Йил* рақами : 5600 сўм ва чегарасиз камбағаллик [Электронный ресурс] / Ozodlik : [веб-сайт]. — 24.12.2020. — Режим доступа : https://www.ozodlik.org/a/yil-raqami-5600-so-m-va-chegarasi-yo-q-kambag-allik/31017564.html (ташриф санаси 21.06.2025).

7. *Коррупция* ва миллий тараққиёт: Муаммо ва ечим [Электронный ресурс] / Xs.uz : [веб-сайт]. — 05.06.2024. — Режим доступа : https://xs.uz/uzkr/post/korruptsiya-va-millij-taraqqiyot-muammo-va-echim (ташриф санаси 18.08.2025).

8. *Кракова С.* Почти 20 млн человек получили пособия на детей [Электронный ресурс] / С. Кракова // Газета.Ru : [электронная газета]. — 2019. — 16 апр. — Режим доступа : https://www.gazeta.ru/business/2019/04/16/12298747.shtml (дата обращения 15.06.2025).

9. *Нуждающиеся* граждане России получат финансовую поддержку для подключения жилищ к газу [Электронный ресурс] / Известия Мордовии (izvmor.ru) : [веб-сайт]. — 18.10.2022. — Режим доступа : https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/nuzhdayushhiesya-grazhdane-rossii-poluchat-finansovuyu-podderzhku-dlya-podklyucheniya-zhilishh-k-gazu/ (дата обращения 22.06.2025).

10. *«Оғир* хасталик ва моддий таназзул». Наманганлик оила қийин кунларни бошидан ўтказмоқда [Электронный ресурс] / Kun.uz : [веб-сайт]. — 23.07.2019. — Режим доступа : https://kun.uz/kr/09049937 (ташриф санаси 21.06.2025).

11. *Путин* поручил помочь небогатым семьям жильем из «публичной собственности» [Электронный ресурс] / РБК : [газета]. — 18.07.2019. — Режим доступа : https://www.rbc.ru/society/18/07/2019/5d30ab3c9a794796ea970626 (дата обращения 24.06.2025).

12. *Росстат* впервые за пять лет зафиксировал снижение уровня бедности [Электронный ресурс] / Business FM : [веб-сайт]. — 23.07.2018. — Режим доступа : https://www.bfm.ru/news/390468 (дата обращения 21.06.2025).

13. *Росстат* оценил количество живущих за чертой бедности в России в 15,7 млн [Электронный ресурс] / Forbes : [веб-сайт]. — 06.09.2023. — Режим доступа : https://www.forbes.ru/society/495991-rosstat-ocenil-kolicestvo-zivusih-za-certoj-bednosti-v-rossii-v-15-7-mln (дата обращения 21.06.2025).

14. *Росстат* сообщил о снижении уровня бедности в России [Электронный ресурс] / Forbes : [веб-сайт]. — 11.06.2025. — Режим доступа : https://www.forbes.ru/society/539501-rosstat-soobsil-o-snizenii-urovna-bednosti-v-rossii (дата обращения 24.06.2025).

15. *Семьи* со скромным достатком каждый месяц могут получать дополнительные деньги [Электронный ресурс] / K1NEWS.RU : [веб-сайт]. — 08.02.2024. — Режим доступа : https://k1news.ru/news/society/semi-so-skromnym-dostatkom-kazhdyy-mesyats-mogut-poluchat-dopolnitelnye-dengi/ (дата обращения 21.06.2025).

16. *Сутенер* использовал женщин с трудным материальным положением [Электронный ресурс] / Краснодар. БезФормата : [веб-сайт]. — 2024. — Режим доступа : https://krasnodar.bezformata.com/listnews/sutener-ispolzoval/138736785/ (дата обращения 18.08.2025).

17. *Ўзбекистонда* «темир дафтар»га киритилган оилаларга қандай тартибда тиббий хизмат кўрсатилади? [Электронный ресурс / Daryo.uz : [веб-сайт]. — 15.09.2022. — Режим доступа : https://daryo.uz/k/2022/09/15/ozbekistonda-temir-daftarga-kiritilgan-oilalarga-qanday-tartibda-tibbiy-xizmat-korsatiladi (ташриф санаси 21.06.2025).

18. *Эҳтиёжманд* хотин-қизлардан ОТМда ўқиш учун тавсияномага аризалар қабули бошланди [Электронный ресурс / Kun.uz : [веб-сайт]. — 31.05.2024. — Режим доступа : https://kun.uz/kr/news/2024/05/31/ehtiyojmand-xotin-qizlardan-otmda-oqish-uchun-tavsiyanomaga-arizalar-qabuli-boshlandi (ташриф санаси 21.06.2025).

19. *Юсупов Ю.* Как сократить бедность в Узбекистане [Электронный ресурс] / Ю. Юсупов // CED.uz : [электронная газета]. — 2021. — 18 окт. — Режим доступа : https://ced.uz/kak-sokratit-bednost-v-uzbekistane/ (дата обращения 15.06.2025).

20. *Boquvchisini* yo‘qotganlik pensiyasi oluvchilarning har bir mehnatga qobiliyatsiz oila a’zosi uchun qo‘shimcha to‘lov [Электронный ресурс] / UZA : [website]. — 09.06.2021. —

Режим доступа : https://uza.uz/uz/posts/boquvchisini-yoqotganlik-pensiyasi-oluvchilarning-har-bir-mehnatga-qobiliyatsiz-oila-azosi-uchun-qoshimcha-tolov_274509 (tashrif sanasi: 22.06.2025).

21. *Fuqarolarning* davlat pensiya ta'minoti to'g'risida [О государственном пенсионном обеспечении граждан] [Электронный ресурс] / Lex.uz : [website]. — 2020. — Режим доступа : https://lex.uz/docs/492899 (tashrif sanasi: 19.06.2025).

22. *Keksalar* va nogironlarga ijtimoiy yordam ko'rsatish tizimi takomillashtirilmoqda [Электронный ресурс] / Norma.uz : [website]. — 01.02.2024. — Режим доступа : https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/keksalar_va_nogironlarga_ijtimoiy_erdam_kursatish_tizimi_takomillashtirilmoqda (tashrif sanasi 21.06.2025).

23. *Nafaqa* olish uchun onlayn ariza beriladi [Электронный ресурс] / Norma.uz : [website]. — 21.11.2023. — Режим доступа : https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/nafaqa_olish_uchun_onlayn_ariza_beriladi (tashrif sanasi 21.06.2025).

24. *Og'ir* vaziyatda qolgan xotin-qizlar uchun yana 40 shellter ochiladi [Электронный ресурс] / Kun.uz : [website]. — 08.02.2019. — Режим доступа : https://kun.uz/kr/33559317 (tashrif sanasi: 21.06.2025).

25. *O'zbekistonda* ijtimoiy himoyaga muhtoj aholi vakillariga yangi imkoniyatlar yaratiladi [Электронный ресурс] / Daryo.uz : [website]. — 15.08.2024. — Режим доступа : https://daryo.uz/k/2024/08/15/ozbekistonda-ijtimoiy-himoyaga-muhtoj-aholi-vakillariga-yangi-imkoniyatlar-yaratiladi (tashrif sanasi: 19.06.2025).

26. *Taxiatoshda* 54 oila yangi uyga ko'chib o'tdi [Электронный ресурс] / Prezident.uz : [website]. — 2019. — Режим доступа : https://pm.gov.uz/uz/lists/view/281 (tashrif sanasi: 22.06.2025).

Литература

1. *Александрова О. В.* Эвфемизмы в экономическом дискурсе и их потенциал в манипулировании мнением читателей : функциональный аспект / О. В. Александрова, В. В. Сибул // Вопросы прикладной лингвистики. — 2024. — № 56. — С. 7—34. — DOI:10.25076/vpl.56.01.

2. *Арапова Н. С.* Эвфемизмы / Н. С. Арапова. — Москва : Большая Рос. энциклопедия, 1997. — 703 с.

3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : КомКнига, 2005. — 576 с. — ISBN 5-354-00600-7.

4. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.

5. *Зверева М. И.* Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды : диссертация … кандидата филологических наук : 00.00.00 / М. И. Зверева. — Санкт-Петербург, 2023. — 164 с.

6. *Зубкова О. С.* Лингво-культурная обусловленность функционирования эвфемизма : прикладной аспект / О. С. Зубкова, С. А. Логвина // Вопросы прикладной лингвистики. — 2024. — № 54. — С. 31—62. — DOI: 10.25076/vpl.54.02.

7. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов : краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 318 с. — ISBN 978-5-94244-015-2.

8. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1—2. — С. 28—49.

9. *Логвина С. А.* Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма / С. А. Логвина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 716—732. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732.

10. *Малюга Е. Н.* Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики / Е. Н. Малюга, Г. О. Петросян // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 91. — С. 104—130. — DOI: 10.17223/19986645/91/6.

11. *Миронина А. Ю.* Эвфемизм как средство реализации стратегии уклонения от истины в политическом медиадискурсе / А. Ю. Миронина, Г. В. Порческу // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 4—18. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.

12. *Рустамова Д.* Метафорик эвфемизациянинг лингвокултурологик ва социопрагматик аспектлари : дис. … фалсафа доктори (PhD) филология фанлари бўйича / Д. Рустамова. — Фарғона, 2018. — 156 б.

13. *Сафина Р. А.* Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах / Р. А. Сафина // Филология и культура. — 2014. — № 2 (36). — С. 51—57.

14. *Солодилова И. А.* Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 11 (211). — С. 73—78.

15. *Шубина Э. Л.* Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике / Э. Л. Шубина, Р. С. Шелехова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 156—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176.

16. *Шубина Э. Л.* Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии / Э. Л. Шубина, Ю. А. Райкова // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 79—91. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91.

17. *Akopova A. S.* Euphemism construction in English : thematic classification and statistical analysis / A. S. Akopova // Issues of Applied Linguistics. — 2023. — № 50. — Pp. 28—51. — DOI: 10.25076/vpl.50.02.

18. *Alimov T. E.* Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”) / T. E. Alimov, G. N. Davlatova, K. R. Sultanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 1128—1147. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.

19. *Allan K.* Euphemism & dysphemism : language used as shield and weapon / K. Allan, K. Burridge. — New York : Oxford Univ. Press, 1991. — XII, 263 p. — ISBN 0-19-506622-7.

20. *Antipova A. S.* Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse / A. S. Antipova, M. D. Rabeson, O. V. Smirnova // Training, Language and Culture. — 2021. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 73—89. — DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.

21. *Chovanec J.* Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space : The case of *blue-on-blue* / J. Chovanec // Lingua. — 2019. — Vol. 225. — Pp. 50—62. — DOI: 10.1016/j.lingua.2019.04.001.

22. *Danilina E. A.* Euphemisms in advertising discourse : putting on a positive face and maintaining speech etiquette / E. A. Danilina, E. E. Kizyan, D. S. Maksimova // Training, Language and Culture. — 2019. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 8—22. — DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.1.

23. *Fayziyeva N. N.* Siyosiy diskurs evfemizmlarining kommunikativ-pragmatik xususiyatlari (ingliz va o‘zbek tillari materiallari asosida) : diss. … falsafa doktori (PhD) filologiya fanlari bo‘yicha / N. N. Fayziyeva. — Toshkent, 2023. — 178 b.

24. *Fillmore C. J.* Frame semantics / C. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm : Selected Papers from SICOL-1981. — Seoul : Hanshin Publ., 1982. — Pp. 111—137.

25. *Gribanova T. I.* Hedging in different types of discourse / T. I. Gribanova, T. M. Gaidukova // Training, Language and Culture. — 2019. — Vol. 3. — № 2. — Pp. 85—99. — DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.6.

26. *Lakoff G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 978-0-226-46801-3.

27. *Malyuga E. N.* Euphemisms in South African English economic discourse : Sociocultural aspects / E. N. Malyuga, B. Tomalin // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — T. 28. — № 3. — Pp. 512—534. — DOI: 10.22363/2687-0088-39076.

27. *Warren B.* What euphemisms tell us about the interpretation of words / B. Warren // Studia Linguistica. — 1992. — Vol. 46. — № 2. — Pp. 128—172. — DOI: 10.1111/j.1467-9582.1992.tb00833.x.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 30.08.2025.

Material resources

"Zone of disadvantage": which regions have the most poor. (2021). In: *Newspaper.Ru.* Available at: https://www.gazeta.ru/business/2021/07/01/13692236.shtml (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Aellar dafariga kiritilgan khotin-kizlarga tikuv mashinasi olish uchun subsidy beriladi. (2024). In: *NOR.uz: [website].* Available at: https://nor.uz/?p=17858 (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Boquvchisini yo'qotganlik pensiyasi oluvchilarning har bir mehnatga qobiliyatsiz oila a'zosi uchun qo'shimcha to'lov. (2021). In: *UZA: [website].* Available at: https://uza.uz/uz/posts/boquvchisini-yoqotganlik-pensiyasi-oluvchilarning-har-bir-mehnatga-qobiliyatsiz-oila-azosi-uchun-qoshimcha-tolov_274509 (accessed 22.06.2025). (In Uzbek.).

Corruption in milliy tarakiyet: Muammo va yechim. (2024). In: *Xs.uz: [website].* Available at: https://xs.uz/uzkr/post/korruptsiya-va-millij-taraqqiyot-muammo-va-echim (accessed 18.08.2025). (In Uzbek.).

Etiezhmand khotin-kizlardan OTMda shish uchun tavsiyanomaga arizalar kabuli boshlandi. (2024). In: *Kun.uz: [website].* Available at: https://kun.uz/kr/news/2024/05/31/ehtiyojmand-xotin-qizlardan-otmda-oqish-uchun-tavsiyanomaga-arizalar-qabuli-boshlandi (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Families with modest incomes can receive additional money every month. (2024). In: *K1NEWS.EN: [website].* Available at: https://k1news.ru/news/society/semi-so-skromnym-dostatkom-kazhdyy-mesyats-mogut-poluchat-dopolnitelnye-dengi/ (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Fuqarolarning davlat pensiya ta'minoti to'g'risida. (2020). In: *Lex.uz: [website].* Available at: https://lex.uz/docs/492899 (accessed 19.06.2025). (In Uzbek.).

In Bashkiria, 4.4 thousand families can receive social contracts. (2020). In: *RBC-Ufa: [website].* Available at: https://ufa.rbc.ru/ufa/06/07/2020/5f0319c89a794782bd1b9035 (accessed 06/21/2025). (In Russ.).

Keksalar va nogironlarga ijtimoiy yordam ko'ratish tizimi takomillashtirilmoqda. (2024). In: *Norma.uz: [website].* Available at: https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/

keksalar_va_nogironlarga_ijtimoiy_erdam_kursatish_tizimi_takomillashtirilmoqda (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Krakova, S. (2019). Almost 20 million people received child allowances. In: *Gazeta.Ru. 16 Apr.* Available at: https://www.gazeta.ru/business/2019/04/16/12298747.shtml (accessed 15.06.2025). (In Russ.).

Last year, Rosstat reported a record low level of poverty. We checked these calculations and found more than three million poor people who had dropped out of the statistics. (2023). In: *To be precise: [website]*. Available at: https://tochno.st/materials/v-proshlom-godu-rosstat-otchitalsya-o-rekordno-nizkom-urovne-bednosti-my-proverili-eti-raschety-i-nashli-bolshe-trekh-millionov-maloimushchikh-kotorye-vypali-iz-statistiki (accessed 06/21/2025). (In Russ.).

Nafaqa olish uchun onlayn ariza beriladi. (2023). In: *Norma.uz: [website]*. Available at: https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/nafaqa_olish_uchun_onlayn_ariza_beriladi (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

O‘zbekistonda ijtimoiy himoyaga muhtoj aholi vakillariga yangi imkoniyatlar yaratiladi. (2024). In: *Daryo.uz: [website]*. Available at: https://daryo.uz/k/2024/08/15/ozbekistonda-ijtimoiy-himoyaga-muhtoj-aholi-vakillariga-yangi-imkoniyatlar-yaratiladi (accessed 19.06.2025). (In Uzbek.).

Og‘ir vaziyatda qolgan xotin-qizlar uchun yana 40 shellter ochiladi. (2019). In: *Kun.uz: [website]*. Available at: https://kun.uz/kr/33559317 (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Ogir hastalik va moddiy tanazzul. Namanganlik oil kiyin kunlarni boshidan shtkazmokda. (2019). *Kun.uz: [website]*. Available at: https://kun.uz/kr/09049937 (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Pimp used women with difficult financial situation. (2024). In: *Krasnodar. Format-free: [website]*. Available at: https://krasnodar.bezformata.com/listnews/sutener-ispolzoval/138736785/ (accessed 18.08.2025). (In Russ.).

Putin instructed to help poor families with housing from “public ownership”. (2019). In: *RBC*. Available at: https://www.rbc.ru/society/18/07/2019/5d30ab3c9a794796ea970626 (accessed 06/24/2025). (In Russ.).

Rosstat estimated the number of people living below the poverty line in Russia at 15.7 million. (2023). In: *Forbes: [website]*. Available at: https://www.forbes.ru/society/495991-rosstat-ocenil-kolicestvo-zivusih-za-certoj-bednosti-v-rossii-v-15-7-mln (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Rosstat has recorded a reduction in poverty for the first time in five years. (2018). In: *Business FM: [website]*. Available at: https://www.bfm.ru/news/390468 (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Rosstat reported a reduction in poverty in Russia. (2025). In: *Forbes: [website]*. Available at: https://www.forbes.ru/society/539501-rosstat-soobsil-o-snizenii-urovna-bednosti-v-rossii (accessed 24.06.2025). (In Russ.).

Russian citizens in need will receive financial support to connect their homes to gas. (2022). In: *Izvestia of Mordovia (izvmor.ru): [website]*. Available at: https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/nuzhdayushhiesya-grazhdane-rossii-poluchat-finansovuyu-podderzhku-dlya-podklyucheniya-zhilishh-k-gazu/ (accessed 22.06.2025). (In Russ.).

Taxiatoshda 54 oila yangi uyga ko‘chib o‘tdi. (2019). In: *Prezident.uz: [website]*. Available at: https://pm.gov.uz/uz/lists/view/281 (accessed 22.06.2025). (In Uzbek.).

Uzbekistonda “Temir daftar” ga kiritilgan oilalarga qandai tartibda tibbiy khizmat kirsatiladi? (2022). In: *Daryo.uz: [website]*. Available at: https://daryo.uz/k/2022/09/15/ozbeki-

stonda-temir-daftarga-kiritilgan-oilalarga-qanday-tartibda-tibbiy-xizmat-korsatiladi (accessed21.06.2025). (In Uzbek.).

Wage inequality: how much and where Russians officially earn. (2019). *RBC.* In: Available at: https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3 (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Yil rakami: 5600 sym va chegarasis kambagallik. (2020). In: *Ozodlik: [website].* Available at: https://www.ozodlik.org/a/yil-raqami-5600-so-m-va-chegarasi-yo-q-kambag-allik/31017564.html (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Yusupov, Yu. (2021). How to reduce poverty in Uzbekistan. In: *CED.uz. October 18.* Available at: https://ced.uz/kak-sokratit-bednost-v-uzbekistane / (accessed 15.06.2025). (In Russ.).

References

Akhmanova, O. S. (2005). *Dictionary of linguistic terms.* Moscow: KomKniga Publ. 576 p. ISBN 5-354-00600-7. (In Russ.).

Akopova, A. S. (2023). Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis. *Issues of Applied Linguistics, 50:* 28—51. DOI: 10.25076/vpl.50.02.

Alexandrova, O. V., Sibul, V. V. (2024). Euphemisms in economic discourse and their potential in manipulating readers' opinions: a functional aspect. *Questions of applied linguistics, 56:* 7—34. DOI:10.25076/vpl.56.01. (In Russ.).

Alimov, T. E., Davlatova, G. N., Sultanova, K. R. (2024). Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15 (4):* 1128—1147. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.

Allan, K., Burridge, K. (1991). *Euphemism & dysphemism: language used as shield and weapon.* New York: Oxford Univ. Press. XII, 263 p. ISBN 0-19-506622-7.

Antipova, A. S. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5 (2):* 73—89. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.

Arapova, N. S. (1997). *Euphemisms.* Moscow: Bolshaya Ros. encyclopedia. 703 p. (In Russ.).

Chovanec, J. (2019). Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue. *Lingua*, *225*: 50-62. DOI: 10.1016/j.lingua.2019.04.001.

Danilina, E. A., Kizyan, E. E., Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture, 3 (1):* 8—22. DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.1.

Fayziyeva, N. N. (2023). *Siyosiy diskurs evfemizmlarining kommunikativ-pragmatik xususiyatlari (ingliz va o‘zbek tillari materiallari asosida).* PhD Diss. Toshkent. 178 b. (In Uzbek.).

Fillmore, C. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981.* Seoul: Hanshin Publ. 111—137.

Gribanova, T. I. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3 (2):* 85—99. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.6.

Kovshova, M. L. (2007). *Semantics and pragmatics of euphemisms: a short thematic dictionary of modern Russian euphemisms.* Moscow: Gnosis. 318 p. ISBN 978-5-94244-015-2. (In Russ.).

Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Studies, 1—2:* 28—49. (In Russ.).

Lakoff, G. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago: Univ. of Chicago Press. 256 p. ISBN 978-0-226-46801-3.

Logvina, S. A. (2020). Features of the prosodic organization of some conceptual elements of euphemism. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 11 (4):* 716—732. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732. (In Russ.).

Malyuga, E. N., Petrosyan, G. O. (2024). Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 91:* 104—130. DOI: 10.17223/19986645/91/6. (In Russ.).

Malyuga, E. N., Tomalin, B. (2024). Euphemisms in South African English economic discourse: Socio-cultural aspects. *Russian Journal of Linguistics, 28 (3):* 512—534. DOI: 10.22363/2687-0088-39076.

Mironina, A. Y., Porchescu, G. V. (2023). Euphemism as a means of implementing a strategy of avoiding the truth in political media discourse. Scientific result. *Questions of theoretical and applied linguistics, 9 (2):* 4—18. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1. (In Russ.).

Rustamova, D. (2018). *Metaphorical euphemization linguoculturologic va sociopragmatic aspect.* PhD Diss. Fargona. 156 b. (In Russ.).

Safina, R. A. (2014). Political euphemia in functional, pragmatic and discursive aspects. *Philology and Culture, 2 (36):* 51—57. (In Russ.).

Shubina, E. L. (2023). Euphemistic nomination of poverty in German journalism. *Philological sciences at MGIMO, 9 (2):* 79—91. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91. (In Russ.).

Shubina, E. L., Shelekhova, R. S. (2025). Euphemization within Migration Discourse in German Journalism. *Nauchnyi dialog, 14 (3):* 156—176. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176 (In Russ.).

Solodilova, I. A., Sokolova, T. Y. (2017). Criteria for the identification of euphemisms. *Bulletin of Orenburg State University, 11 (211):* 73—78. (In Russ.).

Warren, B. (1992). What euphemisms tell us about the interpretation of words. *Studia Linguistica, 46 (2):* 128—172. DOI: 10.1111/j.1467-9582.1992.tb00833.x.

Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of manipulative euphemization. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).

Zubkova, O. S., Logvina, S. A. (2024). Linguistic and cultural conditionality of the functioning of euphemism: an applied aspect. *Questions of applied linguistics, 54:* 31—62. DOI: 10.25076/vpl.54.02. (In Russ.).

Zvereva, M. I. (2023). *Euphemisms in modern journalism as indicators of the state of the linguistic environment.* PhD Diss. St. Petersburg. 164 p. (In Russ.).

The article was submitted 26.06.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 30.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Морина Л. А. Инженерный массмедийный дискурс : специфика диспозитивного моделирования / Л. А. Морина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 213—233. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-213-233.

Morina, L. A. (2025). Engineering Mass Media Discourse: Specifics of Dispositif Modeling. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 213-233. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-213-233. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Инженерный массмедийный дискурс: специфика диспозитивного моделирования

Морина Людмила Александровна
orcid.org/0000-0003-1016-6103
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии, факультет
гуманитарного образования
ludmila200273@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Engineering Mass Media Discourse: Specifics of Dispositif Modeling

Lyudmila A. Morina
orcid.org/0000-0003-1016-6103
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology,
Faculty of Humanities Education
ludmila200273@mail.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Морина Л. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведена лингвориторическая реконструкция механизмов диспозитивного моделирования текстов, ориентированных на популяризацию инженерного знания в массмедиа и составляющих периферию инженерного дискурса. Утверждается, что такие медиатексты путем следования риторическим стратегиям призваны формировать новое понимание передовых инженерных практик, менять традиционный образ инженера в массовом сознании, способствовать повышению престижа инженерного образования. На предварительном этапе исследования проведен входной эксперимент, верифицирующий тенденцию доминирования сегодня в сознании молодежи стереотипных устаревших представлений об инженере и его функционале. На основном этапе исследования осуществлена лингвориторическая реконструкция способов и средств воплощения диспозитивной стратегии текстообразования, определяющей структурно-композиционную организацию текста и его персуазивный потенциал. Описана макроструктура медиатекстов об инженерии, сформированная вокруг заголовочного комплекса; выявлен модельный характер макроструктуры, ее воспроизводимость; сделаны наблюдения над топическим составом макроструктуры. Реконструированы три модели аргументации, обеспечивающие обновление взглядов на инженерию и инженера: доказательного, нарративного и аналогического типов.

Ключевые слова:
инженерный дискурс; лингвориторическая реконструкция текстообразования; диспозитивная стратегия; композиционное моделирование медиатекста; персуазивность; аргументация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents a linguorhetorical reconstruction of the mechanisms of dispositif modeling in texts aimed at popularizing engineering knowledge within mass media, which constitute the periphery of engineering discourse. It is argued that such media texts, by adhering to rhetorical strategies, are designed to foster a new understanding of advanced engineering practices, reshape the traditional image of engineers in the collective consciousness, and enhance the prestige of engineering education. In the preliminary phase of the research, an initial experiment was conducted to verify the prevailing trend among youth of holding stereotypical and outdated perceptions of engineers and their functions. During the main phase of the study, a linguorhetorical reconstruction was carried out to identify the methods and means of implementing the dispositive strategy of text formation, which determines the structural-compositional organization of the text and its persuasive potential. The macrostructure of media texts on engineering, centered around the headline complex, is described; the model-like nature of this macrostructure and its reproducibility are revealed; observations regarding the topical composition of the macrostructure are made. Three models of argumentation that facilitate a renewed perspective on engineering and engineers are reconstructed: models of demonstrative, narrative, and analogical types.

Key words:
engineering discourse; linguorhetorical reconstruction of text formation; dispositive strategy; compositional modeling of media text; persuasiveness; argumentation.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:004.738.5+808.51+316.77
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-213-233

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Инженерный массмедийный дискурс: специфика диспозитивного моделирования

© Морина Л. А., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность изучения инженерного дискурса обусловлена двумя базовыми факторами, которые мы, вслед за К. Р. Поппером, определившим принципы эволюционной эпистемологии, называем практической проблемой и проблемой теоретического знания [Поппер, 2002, с. 249—255]. Первая проблема определяется объективной реальностью — потребностью общества в непрекращающемся технологическом развитии, в промышленных инновациях, оптимизирующих социальное и индивидуальное бытие, в повышении качества жизни. Реализация данной повестки обеспечивается в значительной степени инженерами, которых характеризуют как «основную движущую силу технологической модернизации. Особую важность приобретает подготовка инженеров нового поколения, в равной степени обладающих техническими и управленческими навыками…» [Мансуров и др., 2022, с. 83]. Результаты проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения опроса россиян о профессии инженера, опубликованные в феврале 2025 года, демонстрируют «серьезный разрыв между признанием социальной значимости инженерии и готовности учиться/работать инженером» [Таракановская, 2025].

Естественно, что в разрешение сложившегося противоречия и преодоление имеющегося кадрового дефицита инженеров включаются СМИ, призванные развенчать стереотипы, поддержать престиж профессии и построить образ успешного специалиста. Элементы инженерного знания и фрагменты инженерной картины мира становятся составляющими массмедийного дискурса, формирующего массовое сознание.

Соответственно, возникает ряд проблем теоретического характера, осмысляемых сегодня лингвистическим сообществом: описание новых синкретичных по своей природе дискурсивных практик, в частности контаминации инженерного дискурса с массмедийным; разработка аналити-

CC BY

ческих процедур, диагностирующих воздействующие ресурсы текстов, конструирующих инженерный дискурс, в том числе и в его массмедийной модификации; и т. п.

Под *инженерным дискурсом* понимают «некое информационное поле, базирующееся на научной картине мира и включающее денотативное содержание инженерной деятельности, отраженное в сознании профессионала и обусловленное реалиями инженерной деятельности» [Авдеева, 2016, с. 146]. Показательно, что интерес к феномену инженерного дискурса и инженерной коммуникации изначально формируется в контексте задач повышения речевой культуры инженера и преподавания русского языка как иностранного [Авдеева, 2008; Левина, 2004]. В фокусе внимания отечественных исследователей находятся: электронный сетевой иноязычный инженерный дискурс и его лингводидактические возможности [Иванова, 2010]; парадигматика и синтагматика инженерного дискурса в лингводидактическом рассмотрении [Киба, 2019]; дискурсивная специфика инженерной коммуникации в русском социокультурном пространстве, включая определение коммуникативных границ современного инженерного дискурса по отношению к научному [Куркан и др., 2020]; коммуникативные тактики письменного инженерно-строительного дискурса [Андреева, 2021]; обучение инженерной профессиональной коммуникации в контексте взаимодействия таких разновидностей дискурса, как инженерно-строительный и архитектурно-инженерный [Соколова, 2022]; позиционирование инженерной отрасли как примера сети профессиональных дискурсивных сообществ; анализ фразовых глаголов в инженерном дискурсе с использованием корпуса инженерного английского языка [Leung, 2020].

Новизна настоящего исследования состоит в особом подходе к инженерному дискурсу, связанном с применением лингвориторических реконструкционных процедур для выявления персуазивной специфики медиатекстов, популяризующих техническое знание и повышающих престиж инженерного образования. Данные тексты образуют периферию инженерного дискурса и демонстрируют переход институционального моносоциумного дискурса в полисоциумный.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи состоит в описании механизмов диспозитивного моделирования текстов, ориентированных на популяризацию инженерного знания в массмедиа и формирующих периферию инженерного дискурса.

Основным материалом исследования выступает корпус посвященных перспективным направлениям инженерной деятельности текстов, опубликованных на интернет-портале медиахолдинга РБК

CC BY

(«РосБизнесКонсалтинг») в 2024—2025 годах (раздел «Тренды», рубрика «Образование»). Кроме того, для иллюстративных целей привлечен текст той же тематической направленности издания «Forbes».

Ведущим методом исследования является предложенная в концепции риторики декодирования (см. подробнее о концепции: [Голышкина, 2020]) лингвориторическая реконструкция текстообразования (далее — ЛРТ), объективирующая идею риторического текстотипа как когнитивного модельного ориентира, обеспечивающего эффективное текстопроизводство. ЛРТ нацелена на обнаружение в конкретном тексте как результате мыслеречевой практики продуцента его представлений о риторическом текстотипе-образце. Параметрическая матрица риторического текстотипа регулируется компонентами структуры коммуникативного акта, задающими такие индикаторы риторичности, как публичность, диалогичность, аргументированность, персуазивность, актуальность, акциональность, технологическая осознанность [Морина (Голышкина), 2022, с. 307]. Последний параметр предполагает следование риторическому канону как технологии создания эффективного текста, включающей инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы, которые с позиции коммуникативно-прагматического подхода мы квалифицируем как соответствующие стратегии текстообразования. В качестве исследовательской аксиомы принимается положение о том, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван, 2015, с. 171]. В рамках ЛРТ в качестве инструментальных методик использованы структурно-композиционный анализ, топический анализ, а также реконструкция аргументации. В фокусе последней находятся «проблемы, связанные с общими свойствами построения рассуждения и с выявлением специфических черт аргументативных структур…» [Еемерен, 2006, с. 28—29]. Кроме того, для иллюстрации практической проблемы, инициировавшей данное исследование, привлекается метод ассоциативного эксперимента, который определяет «субъективное содержание знакового образа» [Уфимцева, 2011, с. 141] и признан «одним из наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению структур знания и сознания» [Курганова, 2019, с. 25].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Предварительный этап настоящего исследования, актуализирующий практическую проблему, сопряжен с реализацией входного ассоциативного эксперимента, связанного с выявлением реакций испытуемых на предлагаемый стимул «инженер». Контингент испытуемых — группа из 40 студентов-филологов 2 курса (возраст 19—21) факультета гумани-

CC BY

тарного образования Новосибирского государственного технического университета, в котором уже тридцать лет сосуществуют в общем коммуникативном пространстве студенты технических направлений подготовки и студенты-гуманитарии. Полученные ассоциаты сформированы в корпус и обработаны с помощью опции семантического анализа специализированного онлайн-сервиса Advego (URL: https://advego.com/text/seo/). Выявлено семантическое ядро корпуса ассоциатов, в которое входят следующие наиболее частотные (> 2%) реакции (табл. 1).

Таблица 1

Семантическое ядро корпуса ассоциатов =
The Semantic Core of the Corpus of Associates

Реакции (слово / группа слов)	**Количество**	**Частота, %**
стройка, строительство, строитель	9	6,12
техника	9	6,12
схема	7	4,76
завод	6	4,08
чертеж	6	4,08
каска	4	2,72
математика	4	2,72
проектирование	4	2,72
мужчина	3	2,04
технарь	3	2,04

Полученные результаты есть свидетельство стереотипных представлений об инженере, которые нередко становятся предметом иронии в СМИ, например: *Что ты знаешь о профессии инженера? Дядя в каске и с чертежом в руках?* [Кто такой…, 2020]. Деконструировать понятийные шаблоны и сформировать актуальный образ, привлекательный для молодежи, призваны современные медиа, внедряющие в пространство массовой коммуникации инженерное знание.

Основной этап исследования связан с ЛРТ, осуществляемой на материале тех медиатекстов, которые демонстрируют риторический потенциал, обеспечивающий одновременную реализацию образовательно-просветительской, мотивационной и продвигающей установок заказчика текста. Из корпуса текстов об инженерах и инженерной деятельности, опубликованных в последние годы в различных массовых изданиях («Комсомольская правда», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Газета.ру», «Forbes» и др.), обращает на себя внимание цикл публикаций на сайте РБК, наце-

CC BY

ленный на слом стереотипов о «чертежах, касках и заводах» и призванный сформировать принципиально иное знание об инженерном функционале, современных инженерных практиках и инженерии будущего.

Притязания медиатекста на эффективность сопряжены с актуализацией такого его параметра, как персуазивность, которая в свою очередь основывается на аргументированности. В концепции риторики декодирования данные свойства связываются главным образом с реализацией диспозитивной стратегии, обеспечивающей структурно-композиционную организацию текста.

Известно, что «основное содержание диспозиции — синтагматическая экспозиция референта» [Безменова, 1991, с. 33]. При этом риторика декодирования постулирует, что текст риторического типа, абсолютизирующий результативность, практикует поликомпозиционность как условие обеспечения персуазивного эффекта. Множественность композиционных воплощений связывается с различными аспектами организации текстовой структуры — формально-прагматическим, аргументационным, структурно-семантическим. В первую очередь эффективность медиатекста определяется реакциями реципиентов на сигналы формальной устроенности текста и его аргументационные составляющие как индикаторы смыслообразования. Поэтому остановимся на формально-прагматическом и аргументационном аспектах моделирования композиционной структуры.

3.1. Формально-прагматический аспект композиционного моделирования

Формально-прагматический аспект обращен к макроструктуре текста, дающей «абстрактное семантическое описание глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса» [Дейк ван и др., 2015, с. 41]. Макроструктура — первое, с чем имеет дело реципиент.

Макроструктура исследуемых текстов об инженерии примечательна своим воспроизводимым модельным характером. Ее формируют: заголовок текста, обязательно содержащий номинацию определенной инженерной профессии; лид, выполняющий функцию вступления; основная часть, имеющая тиражируемую от текста к тексту рубрикацию, эксплицируемую системой подзаголовков. Читателю предлагается узнаваемая композиционная матрица, внутри которой в ситуации представления каждого нового текста изменяется практически только переменная: дата-инженер, ML-инженер, промпт-инженер, инженер-биотехнолог, DevOps-инженер, инженер «зеленого» транспорта и т. п.

Внимание читателя направляется на заголовочный комплекс текста — «структурно-семантическое объединение элементов текста, не только предваряющих его, но органически связанных, содержательно и концепту-

CC BY

ально, с основным массивом конкретного текста. Элементами заголовочного комплекса… традиционно считаются: заголовок, надзаголовок, тематическое название полосы, рубрика, подзаголовок, внутренние заголовки» [Прохорова, 2012, с. 238]. Рассмотрим пример стандартного для медиатекстов РБК заголовочного комплекса:

Искусство общаться с нейросетями: профессия промпт-инженер (заголовок) → *Кто такой промпт-инженер* (подзаголовок 1) → *Чем занимается промптер* (подзаголовок 2) → *Основные навыки* (подзаголовок 3) → *Тренды и направления профессии* (подзаголовок 4) → *Откуда пришла профессия* (подзаголовок 5) → *Как стать промптером* (подзаголовок 6) [Колосова, 10.02.2025].

Установка создателей подобных медиатекстов на узнаваемость формы позволяет говорить о реализации приема композиционного тиражирования, организующего публикационную практику медиа:

Учитель для робота: чем занимается ML-инженер (заголовок) → *Кто такой ML-инженер* (подзаголовок 1) → *Чем занимается ML-инженер* (подзаголовок 2) → *Тренды профессии* (подзаголовок 3)→ *Откуда пришла профессия* (подзаголовок 4) → *Какие навыки нужны ML-инженеру* (подзаголовок 5): *Hard skills*; *Soft skills* (внутренние заголовки) → *Как стать ML-инженером* (подзаголовок 6) [Плоткина и др., 26.11.2024].

Воспроизведение заголовочных комплексов медиатекстов одной тематической направленности от выпуска к выпуску обеспечивает макротекстовую эргономичность медиаиздания. Иначе говоря, типизированный заголовочный комплекс помогает читателю оперативно объединять медиатексты в одну проблемно-тематическую сферу и облегчает реализацию таких ментальных операций, как описание, сопоставление, сравнение, обобщение и т. п.

Модельный характер макроструктуры текстов РБК об инженерных специальностях позволяет применить топический подход к анализу ее организации. Реинтерпретация античного понятия «топос», некогда трактуемого в качестве «общего места», получающего актуализацию на инвентивном этапе создания текста [Клюев, 1999, с. 39—49], приводит к его обновленному пониманию. «Топос — структурно-смысловая модель, способствующая развертыванию замысла речи, на основании которой создаются отдельные отрезки текста, минитексты, а также целые тексты; способы исследования темы, метод поиска доказательств (род — вид, определение, свойства, имя и др.)» [Ассуирова, 2003, с. 10]. Иначе говоря, топосы — ментальные категории, обеспечивающие создание смыслового каркаса речевого произведения, а сама практика их применения есть следование общим законам мышления.

CC BY

Исходной посылкой топического описания макроструктур медиатекстов об инженерии РБК становится положение о макротекстовом уровне реализации смысловой модели «род — вид», где род — инженерная деятельность, а вид — конкретная инженерная практика, например, инженера-композитчика, инженера-генетика, цифрового инженера, DevOps-инженера, инженера в области синтетической биологии, дата-инженера и т. п. Макротопос «род — вид» выступает источником развития темы в рамках идеологии издания в целом и определяет систему топосов базового уровня в структуре конкретного медиатекста.

Проведенный анализ позволяет выявить топическую природу тематических компонентов макроструктуры. Так, подтема «Кто такой N» (где n — DevOps-инженер / дата-инженер / промт-инженер / ML-инженер и т. п.) есть актуализация топоса «определение». При этом может быть дано не только определение сущности деятельности специалиста, но и дефиниция самой инженерной практики: *Промпт-сфера — это новое направление на рынке IT, которое появилось с активным развитием нейросетей* [Колосова, 10.02.2025]. Правда, не все определения характеризуются исчерпывающим описанием объекта.

Подтема «Основные навыки» реализует смысловую модель «свойства». Подтема «Тренды и направления профессии» коррелирует с топосом «примеры и свидетельства»: *Исследование вакансий в сфере Data Science показывает, что в России спрос на дата-инженеров в 2021 году вырос на 127 %* [Плоткина, 27.11.2024]. Подтема «Откуда пришла профессия» соотносима с топосом «причина и следствие». Подтема «Как стать N» воплощает топос «обстоятельства»: реципиент узнает, где и каким образом он может получить необходимые знания и умения. Синтетическую природу, основанную на синкретизме топосов «определение», «свойства», «примеры и свидетельства», имеет подтема «Чем занимается / что делает N».

Выявленное топическое устройство исследуемых медиатекстов есть свидетельство стремления облегчить массовому адресату, преимущественно молодежи, выбирающей профессиональный путь, восприятие специальной информации. «Упаковка» немассового контента в привычные когнитивные структуры, каковыми и являются топосы, может быть квалифицирована в качестве механики популяризации инженерного знания, вынужденного функционировать в массмедийной среде.

Обращаем внимание на отсутствие в исследуемых медиатекстах такого структурно-композиционного элемента, как заключение. Известно, что риторическая специфика заключения часто связана с обобщением информации, а также с ее редуцированным повтором, что наделяет текст определенным дидактизмом. Мы полагаем, что усечение традиционной рито-

CC BY

рической композиции связано с редакционной политикой, нацеленной, во-первых, на то, чтобы избегать эксплицитного навязывания мнения, в том числе и в выборе той или иной инженерной специальности, а во-вторых, уменьшать информационную избыточность.

3.2. Аргументационный аспект композиционного моделирования

Реализуемая нами реконструкция аргументации опирается на теоретическую базу, сформированную трудами Х. Перельмана, с именем которого связывают риторический ренессанс XX столетия, а также исследованиями нидерландской школы теории аргументации.

Современный взгляд на аргументацию связан с пониманием ее не только как инструмента обоснования точки зрения говорящего в ходе убеждения, но и как целенаправленной деятельности по созданию текста [Еемерен, 2006, с. 14]. Опыт ЛРТ в области изучения текстообразующего потенциала аргументации позволяет нам выделить и описать следующие модели аргументационной организации медиатекста — доказательного, нарративного и аналогического типов.

3.2.1. Модель аргументации доказательного типа

Данная модель является наиболее распространенной в риторической практике, поскольку отражает известный логический постулат о том, что «аргументация представляет собой рассуждение…» [Алексеев, 2005, с. 449]. Стандартное построение рассуждения предполагает актуализацию доказательства: выдвижение тезиса или подтезиса, образовавшегося в результате содержательно-смыслового деления тезиса, и аргументов, связанных с ним отношениями демонстрации. Границы рассуждения определяются признаком монотематичности, который «упаковывает» логико-смысловую конструкцию доказательства в такую единицу текстообразования, как аргументационный комплекс.

При реконструкции рассуждения обычно следуют принципу выделения «только тех элементов, которые обладают релевантностью в теоретической концепции исследования и отвечают целям его анализа» [Реес ван, 2006, с. 199]. В рамках ЛРТ релевантными являются те аргументативные характеристики, которые обеспечивают персуазивность текста: принцип аргументирования, специфика аргумента, тип структуры аргументации, определяющий тип рассуждения.

В исследуемом корпусе медиатекстов наблюдаем реализацию аргументации доказательного типа, основанной на дедуктивном принципе «от общего к частному»: *ML-инженер или Machine Learning Engineer — это специалист, который создает и обучает алгоритмы работы с большими данными* (тезис). <…> *Задачи ML-инженера — сугубо практические. Он учит компьютер находить взаимосвязи данных и на их основе принимать*

решения (моделируемый подтезис как результат контаминции двух простых предложений). *Именно ML-инженеров стоит благодарить за «умные ленты» в социальных сетях* (аргумент 1), *алгоритмы рекомендаций на музыкальных стримингах, которые подбирают контент под наши интересы* (аргумент 2). *Сервисы перевода типа Google Translate* (аргумент 3) *и боты-помощники типа Олега банка «Тинькофф» и Алисы «Яндекса» — тоже частично заслуга ML-инженеров* (аргумент 4) [Плоткина и др., 26.11.2024].

В рамках данного аргументационного комплекса функционируют так называемые аргументы-иллюстрации. Они призваны «укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного и принятого правила путем приведения частных случаев, которые проясняют общее изложение, демонстрируют его значение с помощью целого ряда возможных применений, усиливают эффект его присутствия в сознании слушающего» [Перельман и др., 1987, с. 214]. Персуазивный эффект иллюстрации состоит в отражении ею реалий объективного мира, что облегчает понимание функционала ML-инженера.

Что касается типа аргументативных структур, то здесь получает реализацию сочинительная аргументация, или связанное рассуждение, где «каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123]. Наблюдаемая плотность аргументов объективирует многопрофильность деятельности ML-инженера, что призвано активировать интерес к профессиональным возможностям такого специалиста.

В рамках аргументации доказательного типа мы отмечаем и подчинительную аргументацию, или последовательное рассуждение, когда «один довод поддерживает другой» [Там же], например: *Последние годы авиаотрасль стараются экологизировать* (подтезис). *Эксперты отмечают, что будущее авиации — за электрическими самолетами* (точка зрения). *В них не используются ископаемые виды топлива* (аргумент 1), *поэтому они не производят вредные выбросы* (аргумент 2) [Тарасова, 23.04.2025].

Перед нами аргументационный комплекс, основанный на причинно-следственных отношениях. При такой аргументации, как отмечает Б. Гаррсен, «событие, которое дается в аргументе, представляется как причина того, о чем сказано в точке зрения (или наоборот)…» [Гаррсен, 2006, с. 115]. При этом второй аргумент, вводимый союзным словом *поэтому*, вербализует следствие, выполняя тем самым объяснительную функцию, что способствует популяризации инженерного знания.

Согласно нашим аналитическим наблюдениям, аргументация доказательного типа, реализующая именно дедуктивный принцип, наиболее

CC BY

частотна в медиатекстах. Она стандартно вербализуется посредством экспликации подтезиса, который подтверждается системой иллюстративных аргументов, нередко содержащих статистические данные: *Объем данных растет с каждым днем, а вместе с ним и потребность в дата-инженерах…* (подтезис). *По данным отчета DICE, в 2020 году профессия дата-инженера стала самой быстрорастущей в сфере ИТ: спрос на таких специалистов вырос на 50 % по сравнению с 2019-м.* <…> (аргумент 1) *Сегодня дата-инженеры нужны как гигантам вроде Google или Amazon, так и небольшим компаниям. Любой бизнес, у которого есть мобильное приложение или интернет-магазин, нуждается в качественной работе с данными* (аргумент 2)*, чтобы расти и развиваться. Согласно статистике Zippia, активный найм дата-инженеров начинается с компаний, в которых работают от 100 до 500 сотрудников* (аргумент 3)*. Тем не менее, бизнесы с небольшими командами в статистике тоже присутствуют, хоть и занимают меньшую долю* (аргумент 4) [Плоткина, 27.11.2024].

Рассмотренный пример демонстрирует взаимодействие в аргументационном комплексе разных типов аргументативных структур. Так, аргументы 1 и 2 можно квалифицировать как конвергентные, то есть способные до известной степени самостоятельно доказывать точку зрения [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123—124]. В свою очередь аргументы 2, 3 и 4 вступают между собой в подчинительные отношения, усложняя аргументационную организацию.

3.2.2. Модель аргументации нарративного типа

Популяризация профессионального знания требует нестандартных способов моделирования аргументации, активирующих внимание аудитории и создающих фоновый контекст для корректного восприятия аргументации доказательного типа. Модель аргументации нарративного типа не реализует доказательство, не конструирует рассуждение того или иного типа, но демонстрирует повествование, призванное обосновать выдвинутый тезис / подтезис. При этом получает воплощение хронологический принцип аргументирования: … *машины могут находить решения, алгоритм которых неизвестен человеку* (подтезис)*. Прототип искусственного интеллекта создали в 1946 году* (аргумент 1)*, а термин «машинное обучение» появился в 1959 году* (аргумент 2)*. Компьютеры с тех пор постоянно совершенствуются* (аргумент 3) [Плоткина и др., 26.11.2024]; *Инженер в области синтетической биологии — профессия, которая возникла на основе двух других: молекулярного биолога и генного инженера* (подтезис)*. Сам термин «синтетическая биология» впервые использовали в 1980 году. Так немецкий биохимик Барбара Хобом сообщила о трансгенной бактерии, полученной, благодаря искусственно созданной ДНК* (аргумент 1)*. Потом*

CC BY

это словосочетание встречалось в научных работах 1990-х, когда ученые создали синтетический аналог РНК вируса бешенства (аргумент 2). *Самостоятельное направление синтетической биологии стало оформляться с начала нулевых для решения задач по проектированию и сборке биологических систем* (аргумент 3). *В 2002 году создали первый полностью искусственный вирус* (аргумент 4). <…> [Колосова, 16.03.2024].

В последнем аргументационном комплексе, который подвергся в формате статьи обоснованному сокращению, насчитывается 7 аргументов, хронологически представляющих бэкграунд синтетической биологии. Такое развернутое повествование, последовательно воспроизводящее историю научного направления с указанием знаковых дат и важных периодов его развития, рассчитано на активацию интереса аудитории неспециалистов.

Рассмотрим сложный пример, сопрягающий предысторию, основанную на типизации профессиональной ситуации и характеризующуюся семантикой обобщения, с историческим нарративом: *DevOps (Development Operations) — это методология взаимодействия разных специалистов, которая помогает сделать программный продукт качественнее* (подтезис). *DevOps появился, когда ПО стало сложнее, а продуктов на рынке — больше. Разработчики перестали справляться с повышением продуктивности систем…, поэтому в команды начали привлекать системных администраторов. Эти администраторы стали разбираться с тем, как помочь своей команде работать лучше и качественнее. Быстрее тестировать продукт, «выкатывать» обновления.* <…> (предыстория = аргумент 1). В *2009 году IT-консультант Патрик Дебуа предложил своим подписчикам обсудить «гибкие методы в администрировании систем» под хэштегом #DevOps* (исторический экскурс = аргумент 2). *Так DevOps стал популярным во всем мире и превратился в методологию и целую культуру взаимодействия между специалистами разного профиля* (заключение) [Нестерова, 26.11.2024].

В целом повествование здесь организует хронологический принцип, но в рамках аргумента-предыстории просматривается действие дедукции, которое вводит элементы рассуждения, необходимые для экспликации причинно-следственных связей, выполняющих объяснительную функцию.

Включение исторических повествовательных компонентов в структуру медиатекстов об инженерии обусловлено потребностью в создании устойчивого образа новой специальности как такого профессионального направления, которое имеет сегодня обоснованный онтологический статус или находится в стадии становления. Прагматизация медиатекста заключается в формировании у массмедийной аудитории понимания общественной востребованности профессии именно в контексте истории существо-

CC BY

вания инженерных традиций и научных школ, что свидетельствует о просветительской интенциональности медиаиздания.

Подчеркнем, что повествовательные компоненты текста наделяются аргументативным потенциалом на фоне аргументации доказательной — при условии структурной комбинаторики этих двух моделей.

3.2.3. Модель аргументации аналогического типа

Согласно неориторическому подходу аналогия обладает аргументативным потенциалом и может участвовать в формировании рассуждения [Перельман и др., 1987, с. 226—249]. Как отмечает Е. В. Клюев, «аналогическая аргументация… была разработана в риторике ничуть не хуже логической» [Клюев, 1999, с. 104]. Аналогическая аргументация представляет собой перенос признаков со «знакомого» на незнакомое, при этом ее непременным условием является наличие «третьего члена сравнения», то есть совпадающих признаков сравниваемых предметов [Там же, с 107]. Аргументация этого типа реализует образно-аналитический принцип аргументирования, сравнительно-сопоставительный по своей сути.

Наглядный пример аналогического моделирования обнаруживаем на страницах издания «Forbes»: *Для нового поколения создание робота — это не строго техническая задача, но и способ самовыражения. Не менее креативный, чем производство музыки или картин. <...> Современный инженер в первую очередь креатор, а не математик. Художники выражают себя через свои произведения, инженеры — через технологические решения. Каждый проект — это отчасти персональное высказывание, отражающее видение автора. Неслучайно многие инженерные решения сегодня оцениваются не только по функциональности, но и по эстетическим критериям* [Егорова, 17.02.2025].

В отношения аналогии здесь включены инженер, художник и их профильная деятельность, имеющая в обоих случаях креативный характер. При этом в данную триаду еще внедряется и противопоставление: *креатор, а не математик.* Понятие творческой деятельности выступает здесь тем самым «третьим членом сравнения», актуализируя так называемую атрибутивную аналогию, связанную «с переносом признаков одного объекта на другой объект. <…> При аналогии атрибутивного типа одному объекту приписывается свойство другого, становящееся атрибутом первого объекта» [Клюев, 1999, с. 113]. Свойство креативности, присущее художнику, становится, таким образом, атрибутом инженера.

Рассмотрим другой пример аналогической аргументации, которую называют физической. Она определяется как «внешнее подобие сравниваемых объектов, либо сама операция по выявлению внешнего подобия объектов» [Там же, с. 107]: *Промпт-инженер или промптер занимается*

составлением правильных запросов для нейросетей. Представьте, что вы придумали в своем воображении идеальную картинку или текст, хотите это сгенерировать с помощью ИИ. Вводите запрос, а результат от нейросети получаете совершенно иной. Уточнения не помогают: чат-бот вас не понимает, ведь вы общаетесь с ним как с живым человеком, а искусственный интеллект воспринимает вводные данные иначе. Промпт-инженер умеет говорить с нейросетями на их языке [Колосова, 10.02.2025].

В данном случае в качестве «третьего члена сравнения» выступает сама проблемная ситуация, которую по-разному разрешают непрофессионал, обычный пользователь и специалист, промт-инженер. Мы наблюдаем частный случай физической аналогии — так называемую пережитую аналогию [Клюев, 1999, с. 107], источником которой выступает интеллектуально-практический опыт.

Таким образом, аргументация аналогического типа способствует распространению специального знания, в данном случае инженерного, за счет того, что воздействует на получателя информации не рациональным образом, посредством умозаключений, а путем активации образного мышления реципиента.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование демонстрирует трансформацию профессионального дискурса в массмедийный (моносоциумного в полисоциумный), обусловленную актуальной потребностью в формировании в массовом сознании образов инженера и инженерной деятельности, соответствующих передовым технико-технологическим трендам. Инструментом реализации такой установки выступают медиатексты, воздействующий потенциал которых выявляет ЛРТ, которая основана на идее сопряжения риторического текстотипа как когнитивного текстоформирующего ориентира и риторических стратегий текстообразования. В системе последних особое место занимает диспозитивная стратегия, отвечающая за аргументированность текста и его композиционное устройство, которые обеспечивают персуазивность.

Постулируя поликомпозиционность как условие текстовой эффективности, мы рассматриваем диспозитивное воплощение медиатекстов об инженерии в формально-прагматическом и аргументационном аспектах. Иначе говоря, обращение к диспозитивной организации, или «морфологии текста» (Ю. С. Степанов), вскрывает механизмы макроструктурного и аргументационного моделирования.

Так, макроструктура исследованных медиатекстов характеризуется модельной спецификой, организованной вокруг типизированного заголо-

CC BY

вочного комплекса, который с небольшими вариациями воспроизводится от текста к тексту, разворачивая однотипные подтемы, что рассчитано на узнаваемость и доступность формы как фактора активации интереса к содержанию. Возможность применения топического подхода к описанию макроструктуры свидетельствует о стремлении медиаиздания «упаковывать» информацию в те когнитивные структуры, которые давно апробированы риторической практикой, достаточно просты и удобны для восприятия.

Реконструкция аргументационного моделирования выявляет в исследуемом эмпирическом материале способы оказываемого воздействия — доказательный, повествовательный и аналогический. Доказательный тип аргументации реализует дедуктивный, являющийся наиболее частотным, и индуктивный принципы аргументирования; нарративный тип — хронологический принцип; аналогический тип — образно-аналитический. Соответственно, формирование персуазивного эффекта обеспечивается разноплановыми ресурсами.

Результаты ЛРТ позволяют сделать заключение о риторической природе текстов инженерного массмедийного дискурса, в полной мере реализующих диспозитивную стратегию текстообразования. Разработанность и воспроизводимость композиционной матрицы и разнообразие моделей аргументации выступают факторами риторичности текста, которые обеспечивают формирование в массовом сознании образа инженера, способного выступать идеологическим импульсом, активирующим интерес к инженерным специальностям как настоящего, так и будущего.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Егорова Н.* Инженерный ренессанс : почему зумеры выбирают технические специальности [Электронный ресурс] / Н. Егорова // Forbes : [сайт]. — 17.02.2025. — Режим доступа : https://www.forbes.ru/tekhnologii/530859-inzenernyj-renessans-pocemu-zumery-vybiraut-tehniceskie-special-nosti (дата обращения 20.03.2025).

2. *Колосова Т.* Искусство общаться с нейросетями : профессия промпт-инженер [Электронный ресурс] / Т. Колосова // РБК Тренды : [сайт]. — 10.02.2025. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/644766579a79474213ddbc24 (дата обращения 24.03.2025).

3. *Колосова Т.* Специалист по искусственной эволюции : кто такой инженер-биотехнолог [Электронный ресурс] / Т. Колосова // РБК Тренды : [сайт]. — 16.03.2024. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/63ad802c9a79471cd781373e (дата обращения 24.03.2025).

4. *Кто* такой инженер? [Электронный ресурс] // BNTU : [сайт]. — 2020. — 16 марта. — Режим доступа : https://bntu.by/index.php/en/news/3036-ya-inzhener (дата обращения 20.03.2025).

5. *Нестерова А.* Кто такой DevOps-инженер и чем занимается [Электронный ресурс] / А. Нестерова // РБК Тренды : [сайт]. — 26.11.2024. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/635b8d2b9a7947698578ea1a (дата обращения 24.03.2025).

6. *Плоткина А.* Учитель для робота : чем занимается ML-инженер [Электронный ресурс] / А. Плоткина, Т. Колосова // РБК Тренды : [сайт]. — 26.11.2024. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/628428ba9a79472e7e07f5c4 (дата обращения 24.03.2025).

7. *Плоткина А.* Data Engineer: как организовать большие данные на пользу бизнесу [Электронный ресурс] / А. Плоткина // РБК Тренды : [сайт]. — 27.11.2024. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/624e919b9a7947a10bc22af5 (дата обращения 24.03.2025).

8. *Тарасова А.* Инженер «зеленого» транспорта : кто будет экологизировать передвижения [Электронный ресурс] / А. Тарасова // РБК Тренды : [сайт]. — 23.04.2025. — Режим доступа : https://trends.rbc.ru/trends/education/64259cf79a79476af3d6a520 (дата обращения 02.05.2025).

Литература

1. *Авдеева И. Б.* Инженерный дискурс в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы / И. Б. Авдеева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. — 2016. — № 2 (21). — С. 142—150.

2. *Авдеева И. Б.* Методика обучения русскому языку иностранных учащихся инженерного профиля в условиях лингводидактики XXI века / И. Б. Авдеева // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. — 2008. — № 3. — С. 82—86.

3. *Алексеев А. П.* Аргументация / А. П. Алексеев // Эффективная коммуникация : история, теория, практика : словарь-справочник. — Москва : Агентство «КРПА Олимп», 2005. — С. 448—450. — ISBN 5-7390-1592-8.

4. *Андреева С. С.* Проблема обучения коммуникативным тактикам англоязычного профессионального дискурса / С. С. Андреева // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26. — № 190. — С. 33—41. — DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190- 33-41.

5. *Ассуирова Л. В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания : автореферат диссертации … доктора педагогических наук : 13.00.02 / Л. В. Ассуирова. — Москва, 2003. — 38 с.

6. *Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 215 с. — ISBN 5-02-011087-6.

7. *Гаррсен Б.* Схемы аргументации / Б. Гаррсен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. — С. 99—122. — ISBN 5-8465-0396-9.

8. *Голышкина Л. А.* Риторика декодирования : теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24.

9. *Дейк ван Т. А.* Когнитивные модели этнических ситуаций / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — С. 161—189. — ISBN 978-5-9710-1387-7.

10. *Дейк ван Т. А.* Макростратегии / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Язык. Познание. Коммуникация. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — С. 41—67. — ISBN 978-5-9710-1387-7.

11. *Демина К.* Инженеры России : вчера, сегодня… завтра? [Электронный ресурс] / К. Демина // ВЦИОМ Новости : [сайт]. — 24.02.2025. — Режим доступа : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inzhenery-rossii-vchera-segodnja-zavtra (дата обращения 02.05.2025).

12. *Еемерен ван Ф. Х.* Современное состояние теории аргументации / Ф. Х. ван Еемерен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. — С. 14—33. — ISBN 5-8465-0396-9.

13. *Иванова Л. И.* Электронный сетевой иноязычный инженерный дискурс и его лингводидактические возможности / Л. И. Иванова // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2010. — № 10 (111). — С. 72—75.

14. *Киба О. А.* Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса : лингводидактический подход / О. А. Киба // Филология и человек. — 2019. — № 1. — С. 61—73. — DOI: 10.14258/filichel(2019)1-05.

15. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учеб. пособие для вузов / Е. В. Клюев. — Москва : ПРИОР, 1999. — 272 с. — ISBN 5-7990-0238-5.

16. *Курганова Н. И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н. И. Курганова // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 3 (41). — С. 24—37. — DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37.

17. *Куркан Н. В*. Дискурсивная специфика инженерной коммуникации в русском социокультурном пространстве / Н. В. Куркан, Н. В. Фадеева, Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 2 (208). — С. 92—102. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-92-102.

18. *Левина Г. М.* Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу как одной из составляющих профессионального образования в российских технических вузах : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Г. М. Левина. — Москва, 2004. — 451 с.

19. *Мансуров В. А.* Образ современного российского инженера : опыт контент-анализа научных публикаций / В. А. Мансуров, А. В. Семенова // Социологические исследования. — 2022. — № 3. — С. 83—89. — DOI: 10.31857/S013216250014313-7.

20. *Морина (Голышкина) Л. А.* Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Когнитивные исследования языка. Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. — Москва ; Тамбов ; Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. — Выпуск 3 (50). — С. 305—308. — ISBN 978-5-7782-4730-7.

21. *Перельман Х.* Из книги «Новая риторика : трактат об аргументации» / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 207—264.

22. *Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути. — Москва : Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с. — ISBN 5–8360–0327–0.

23. *Прохорова К. В.* Заголовочный комплекс в медиатексте : особенности функционирования / К. В. Прохорова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9 : Филология, востоковедение, журналистика. — 2012. — № 1. — С. 238—246.

24. *Реес М. А. ван.* Интерпретация и реконструкция аргументации / М. А. ван Реес // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 198—238. — ISBN 5-8465-0396-9.

25. *Снук Х. Ф.* Структуры аргументации / Ф. Х. Снук // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 123—161. — ISBN 5-8465-0396-9.

26. *Соколова А. Г.* Инженерный дискурс и его роль в формировании современного инженерного образования / А. Г. Соколова // Современное педагогическое образование. — 2022. — № 5. — С. 210—214.

27. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — Москва, Калуга : Институт языкознания РАН, 2011. — 252 с. — ISBN 978-5-905697-03-6.

28. *Leung M.* Engineering discourse / M. Leung // The Routledge Handbook of Corpus Approaches to Discourse Analysis. — London : Routledge Taylor & Francis Group, 2020. — Pp. 376—393. — ISBN 9780367201814.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025,
одобрена после рецензирования 29.07.2025,
подготовлена к публикации 31.08.2025.

Material resources

Egorova, N. (2025). Engineering Renaissance: why zoomers choose technical specialties. *Forbes: [website]*. Available at: https://www.forbes.ru/tekhnologii/530859-inzenernyj-renessans-pocemu-zumery-vybiraut-tehniceskie-special-nosti (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

Kolosova, T. (2024). Artificial evolution specialist: who is a biotechnological engineer. RBC *Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/63ad802c9a79471cd781373e (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

Kolosova, T. (2025). The art of communicating with neural networks: the profession of industrial engineer. *RBC Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/644766579a79474213ddbc24 (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

Nesterova, A. (2024). Who is a DevOps engineer and what does he do. *RBC Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/635b8d2b9a7947698578ea1a (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

Plotkina, A. (2024). Data Engineer: how to organize big data for the benefit of business. RBC *Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/624e919b9a7947a10bc22af5 (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

Plotkina, A. (2024). Teacher for a robot: what an ML engineer does. *RBC Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/628428ba9a79472e7e07f5c4 (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

Tarasova, A. (2025). Engineer of “green” transport: who will ecologize movement. *RBC Trends: [website]*. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/education/64259cf79a79476af3d6a520 (accessed 02.05.2025). (In Russ.).

Who is an engineer? (2020). *BNTU: [website]*. Available at: https://bntu.by/index.php/en/news/3036-ya-inzhener (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

References

Alekseev, A. P. (2005). Argumentation. In: *Effective communication: history, theory, practice: a reference dictionary.* Moscow: KRPA Olymp Agency. 448—450. ISBN 5-7390-1592-8. (In Russ.).

Andreeva, S. S. (2021). The problem of teaching communicative tactics of English-language professional discourse. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, 26 (190):* 33—41. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190- 33-41. (In Russ.).

Assuirova, L. V. (2003). *Toposes as rhetorical categories and structural and semantic models of utterance generation.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 38 p. (In Russ.).

Avdeeva, I. B. (2008). Methods of teaching Russian to foreign engineering students in the context of linguodidactics of the 21st century. *Bulletin of the RUDN University. Series: Educational issues: languages and specialty, 3:* 82—86. (In Russ.).

Avdeeva, I. B. (2016). Engineering discourse within the framework of the communicative and cognitive paradigm. Scientific *Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 2 (21):* 142—150. (In Russ.).

Bezmenova, N. A. (1991). *Essays on the theory and history of rhetoric.* Moscow: Nauka Publ. 215 p. ISBN 5-02-011087-6. (In Russ.).

Demina, K. (2025). Engineers of Russia: yesterday, today... tomorrow? *VTSIOM News: [website]*. Available at: https://wciom.ru/analy tical-reviews/analiticheskii-obzor/inzhenery-rossii-vchera-segodnja-zavtra (accessed 02.05.2025). (In Russ.).

Garrsen, B. (2006). Argumentation schemes. In: *The most important concepts of argumentation theory.* Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 99—122. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).

Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction. *Nauchnyi dialog, 5:* 9—24. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-9-24. (In Russ.).

Ivanova, L. I. (2010). Electronic network foreign language engineering discourse and its linguistic and didactic capabilities. *Izvestiya SFU. Technical sciences, 10 (111):* 72—75. (In Russ.).

Kiba, O. A. (2019). Paradigmatics and syntagmatics of engineering discourse: a linguodidactic approach. *Philology and Man, 1:* 61—73. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-05. (In Russ.).

Klyuev, E. V. (1999). *Rhetoric (Invention. The disposition. Eloquence): studies. handbook for universities.* Moscow: PRIOR. 272 p. ISBN 5-7990-0238-5. (In Russ.).

Kurganova, N. I. (2019). Associative experiment as a method of studying the meaning of a living word. *Questions of psycholinguistics, 3 (41):* 24—37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37. (In Russ.).

Kurkan, N. V., Fadeeva, N. V., Mishankina, N. A. (2020). The discursive specifics of engineering communication in the Russian socio-cultural space. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2 (208):* 92—102. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-92-102. (In Russ.).

Leung, M. (2020). Engineering discourse. In: *The Routledge Handbook of Corpus Approaches to Discourse Analysis.* London: Routledge Taylor & Francis Group. 376—393. ISBN 9780367201814.

Levina, G. M. (2004). *Teaching Russian engineering discourse to foreigners as one of the components of professional education in Russian technical universities.* Doct. Diss. Moscow. 451 p. (In Russ.).

Mansurov, V. A., Semenova, A. V. (2022). The image of a modern Russian engineer: the experience of content analysis of scientific publications. *Sociological research, 3:* 83—89. DOI: 10.31857/S013216250014313-7. (In Russ.).

Morina (Golyshkina), L. A. (2022). Mental sample text as a guideline for rhetorical decoding. In: *Cognitive Language research. Cognition, culture, and communication in mod-*

ern humanities, 3 (50). Moscow; Tambov; Novosibirsk: NSTU Publishing House. 305—308. ISBN 978-5-7782-4730-7. (In Russ.).

Perelman, H. (1987). From the book "New Rhetoric: a Treatise on Argumentation". In: *Language and modeling of social interaction.* Moscow: Progress Publ. 207—264. (In Russ.).

Popper, K. R. (2002). *Objective knowledge. The evolutionary approach.* Moscow: URSS Editorial. 384 p. ISBN 5-8360-0327-0. (In Russ.).

Prokhorova, K. V. (2012). The header complex in the media text: features of functioning. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9: Philology, Oriental Studies, journalism, 1:* 238—246. (In Russ.).

Rees, M. A. van. (2006). Interpretation and reconstruction of argumentation. In: *The most important concepts of the theory of argumentation.* Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 198—238. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).

Snuk, H. F. (2006). Structures of argumentation. In: *The most important concepts of the theory of argumentation.* Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 123—161. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).

Sokolova, A. G. (2022). Engineering discourse and its role in the formation of modern engineering education. *Modern pedagogical education, 5:* 210—214. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V. (2011). *Linguistic consciousness: dynamics and variability.* Moscow, Kaluga: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 252 p. ISBN 978-5-905697-03-6. (In Russ.).

Van Dijk, T. A. (2015). Cognitive models of ethnic situations. In: *Language. Cognition. Communication. 2nd ed.* Moscow: LENAND Publ. 161—189. ISBN 978-5-9710-1387-7. (In Russ.).

Van Yeomeren, F. H. (2006). The current state of argumentation theory. In: *The most important concepts of argumentation theory.* Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 14—33. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).

Van Dijk, T. A., Kinch, V. (2015). Macrostrategies. In: *Language. Cognition. Communication. 2nd ed.* Moscow: LENAND. 41—67. ISBN 978-5-9710-1387-7. (In Russ.).

The article was submitted 26.05.2025;
approved after reviewing 29.07.2025;
accepted for publication 31.08.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Алена Николаевна Романова, канд. филол. наук (Кострома)
Анна Евгеньевна Качоровская, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Анна Леонидовна Латухина, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Виктория Трофимовна Захарова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Гибадат Аманжоловна Орынханова, канд. филол. наук (Алматы, Казахстан)
Зифа Какбаевна Темиргазина, д-р филол. наук (Павлодар, Казахстан)
Сергей Владимирович Николаенко, д-р пед. наук (Витебск, Беларусь)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Захарова В. Т. Символика образов птиц в русской прозе XX века / В. Т. Захарова, А. Л. Латухина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 235—258. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-235-258.

Zakharova, V. T., Latukhina, A. L. (2025). Symbolism of Avian Imagery in 20th Century Russian Prose. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 235-258. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-235-258. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Символика образов птиц в русской прозе XX века

Захарова Виктория Трофимовна
orcid.org/0000-0001-6871-1368
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
victoriazaharova95@gmail.com

Латухина Анна Леонидовна
orcid.org/ 0000-0001-5150-969X
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской
и зарубежной филологии,
корреспондирующий автор
alatuhina@yandex.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Symbolism of Avian Imagery in 20th Century Russian Prose

Victoria T. Zakharova
orcid.org/0000-0001-6871-1368
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
victoriazaharova95@gmail.com

Anna L. Latukhina
orcid.org/ 0000-0001-5150-969X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology,
corresponding author
alatuhina@yandex.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Захарова В. Т., Латухина А. Л., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данная статья посвящена проблеме идейно-художественного содержания орнитологической символики в русской прозе XX века. Объектами исследования являются произведения И. С. Шмелева, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина, Л. Ф. Зурова, В. П. Астафьева, Е. Носова, Б. Васильева, Т. Толстой, объединенные включением в систему повествования образов птиц. Цель данной работы состоит в выявлении многомерной символической значимости орнитологических образов в русской прозе XX века: в осмыслении своеобразия индивидуально-авторского художественного видения писателей и объединяющего русскую литературу национального «кода прочтения». Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к аксиологически значимым темам русской литературы, к восприятию отечественного литературного процесса в его неделимой целостности. Научная новизна работы видится в том, что анализ образов птиц позволяет выявить особую роль данного художественного образа как одного из доминантных в национальной картине мира. Авторы приходят к выводу о том, что птица чаще всего в русской литературе XX века представлена как идеальный образ — «мерило» нравственности человека. Показано, что в разные исторические периоды доминантными становятся определенные аспекты символизации: духовное просветление, отождествление с Родиной и домом, осмысление подвига и героизма, экологические проблемы, метафоризация персонажей-орнитоморфов.

Ключевые слова:
птицы; символика; русская литература; художественный образ; проза Серебряного века; литература Русского Зарубежья; советская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of the ideological and artistic content of ornithological symbolism in 20th century Russian prose. The study focuses on the works of I.S. Shmelev, I.A. Bunin, B.K. Zaitsev, M.A. Osorgin, L.F. Zurow, V.P. Astafyev, E. Nosov, B. Vasilyev, and T. Tolstoy, all of which incorporate bird imagery into their narrative frameworks. The aim of this research is to uncover the multifaceted symbolic significance of ornithological images in 20th century Russian prose, exploring the unique artistic visions of individual authors and the unifying national “code of interpretation” within Russian literature. The relevance of this study is underscored by contemporary literary scholarship's focus on axiomatically significant themes in Russian literature and the perception of the domestic literary process in its indivisible wholeness. The scientific novelty of this work lies in the analysis of avian imagery, which reveals the distinct role of this artistic motif as one of the dominant elements in the national worldview. The authors conclude that birds are frequently represented in 20th century Russian literature as idealized figures — “measures” of human morality. It is demonstrated that certain aspects of symbolism become dominant during various historical periods: spiritual enlightenment, identification with the homeland and home, reflections on heroism and valor, ecological issues, and the metaphorization of ornithomorphic characters.

Key words:
birds; symbolism; Russian literature; artistic imagery; Silver Age prose; émigré literature; Soviet literature.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-235-258

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Символика образов птиц в русской прозе XX века

© Захарова В. Т., Латухина А. Л., 2025

1. Введение = Introduction

Глубинная взаимосвязь жизни русского человека с природой во все времена находила отражение в художественном творчестве. И традиция фольклора, и в особенности традиция древнерусской литературы воспринимали окружающий мир, природу «как Божественное творение, непостижимое разумом, как символ величия Творца» [Ужанков, 1995, с. 20]. Образ птицы как неотъемлемой части природного мира с древнейших времен вошел в национальный образ мира в искусстве. Разумеется, эта проблематика не была обойдена вниманием гуманитариев. Многогранным и методологически значимым стал коллективный труд «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке» [Птица ..., 2019], состоящий из трех основных разделов, отражающих литературоведческий, лингвистический и культурологический аспекты исследования. Выражая справедливое суждение о том, что птицы занимают исключительное место в произведениях фольклора и литературы, авторы этого труда сосредоточились на символико-мифологическом осмыслении орнитологических образов, их кодовом смысле и эстетической функции на примере обширного свода произведений разных народов и разных эпох.

В рамках настоящего исследования представляется актуальным обращение к авторам и текстам, оставшимся за рамками фундаментального труда, для выявления особенностей использования орнитологической символики в прозе XX века. Анализ образов птиц в эпических произведениях Серебряного века, Русского Зарубежья, советской и современной литературы позволяет выявить особую роль данного художественного образа как одного из доминантных в национальной картине мира.

2. Материал, методы, обзор — Material, Methods, Review

Русская литература XX века — явление сложное, отличающееся множеством течений, типов художественного сознания, особым отношением к истокам, фольклору, природе. Неореалистическая поэтика начала

CC BY

XX века, с ее символико-импрессионистической, экспрессионистической образностью, не могла не вобрать в свою образную систему доминантный для всей русской культуры образ птицы; при этом, продолжая традиции классической литературы, орнитологический образ представлен в ней в виде конкретной птицы (ласточки, голубя, журавля, вороны, сокола, буревестника и др.), обретающей символическое значение, или мифологической (Сирин, Алконост, Гамаюн, Хумай и др.). После 1917 года литература Русского Зарубежья продолжила этот путь, в то время как советскую реалистическую прозу привлекло биологическое разнообразие птиц: богатство природного мира отражено в прозе М. Пришвина, В. Астафьева, В. Распутина. Но и в их художественном мире птицы — это не только представители фауны, но и символически осмысленные художественные образы. Современная отечественная проза вновь возвращает читателя к началу XX века, с его мифологической образностью: на страницах произведений А. Битова, Т. Толстой, Е. Некрасовой можно встретить «несуществующих» мифических птиц. При этом мифологема птицы реализуется в современной прозе и через символическое осмысление таких птиц, как ворон, филин, лебедь, голубь и т. д. Примером исследования данной проблематики является статья Д. С. Гудина, Н. В. Сорокиной «Мифологема птицы в романе Е. Г. Водолазкина “Авиатор”», в которой авторы анализируют орнитологический «код» романа, опираясь на систему персонажей, выделяя в ней «персонажей-орнитоморфов». [Гудин и др., 2024].

А. В. Азбукина в статье «От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII — начала XIX века)» делает основополагающий вывод о связи «полифонизма символического звучания» образа птицы, его «семантической трансформации» (как «знака», «эмблемы», «сравнения», «метафоры», «аллегории», «символа») с тем, что он является одним из «средств конструирования национальной картины мира» [Азбукина, 2006, с. 199].

Наиболее изучена символика птиц в поэзии. В лингвистическом аспекте символический образ птицы в русской поэзии был рассмотрен в статье А. В. Лушиной и Н. А. Чернявской. Исследователи видят особенности орнитологической символики в русской лингвокультуре в том, что она отражает определенные качества людей: «Образные характеристики птиц тесно связаны с их типичными признаками и оценками, закрепившимися в русской культуре» [Лушина и др., 2023, с. 75—76]. Э. А. Радь и А. В. Ставская доказательно раскрыли художественный смысл орнитологической символики образов мифических птиц Сирина, Алконоста, Гамаюна в поэзии А. Блока, увидев в них носителей «вещей правды», «выполняющих функцию пророчества о будущем России и цивилизации в целом» [Радь, 2020,

CC BY

с. 39]. Проблеме символики орнитологических образов в поэзии Арсения Тарковского посвящена диссертация Цзин Цзинши, где впервые выявлены ее истоки, обусловленные историческими обстоятельствами и фактами биографии автора, системно проанализирована художественная семантика образов птиц в творчестве поэта [Цзин Цзинши, 2021].

Стоит обратить внимание и на работы, посвященные отдельным авторам. Так, в статье Н. Л. Блищ «Литературная орнитология: Гоголь — Ремизов — Сирин — Соколов» аналитично осмысляется проблема традиции в творчестве А. Ремизова, В. Набокова (Сирина) и Саши Соколова, наследующих «гоголевские формы авторефлексии» и использующих «связанные с миром птиц образы и ситуации как элементы символической тайнописи» [Блищ, 2019, с. 93—97].

О. В. Богданова и Миньцзе Лю в статье «Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина “Птицы небесные”» убедительно доказывают «взаимозависимость характеров персонажей, актуализированную в том числе на уровне «птичьей» символики, заданной русским фольклором» [Богданова, 2023, с. 9]. Осмыслению орнитологической символики в творчестве И. А. Бунина посвящена и статья Т. В. Марченко «Опыт архетипического прочтения рассказа “Руся”: к интерпретации поздней бунинской прозы», в которой многогранно раскрыто мифопоэтическое значение образа журавлей в поэтике рассказа Бунина [Марченко, 2010, с. 107—140].

Цель данной работы заключается в выявлении многомерной символической значимости орнитологических образов в русской прозе Серебряного века, Русского Зарубежья, советской литературе и литературе конца XX века, а именно — в осмыслении своеобразия индивидуально-авторского художественного видения писателей и объединяющего русскую литературу национального «кода прочтения» исследуемых образов.

Объектом данного исследования являются произведения И. С. Шмелева, И. А. Бунина, М. А. Осоргина, Л. Ф. Зурова, В. П. Астафьева, Е. Носова, Б. Васильева, Т. Толстой.

В статье был использован комплексный подход, объединяющий принципы мифопоэтического, социокультурного, сравнительно-исторического методов.

3. Результаты и обсуждение — Results and Discussion

3.1. Функции образов птиц в прозе Серебряного века и русского Зарубежья

В прозе И. С. Шмелева (1973—1950) есть произведения, в которых образы птиц играют наиважнейшую концептуально-значимую роль. Художники часто в автобиографических текстах обращаются к тем моментам

CC BY

своей жизни, когда к ним пришло осознание своего дара, своей жизненной миссии, — как, например, И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева» или Б. К. Зайцев в «Путешествии Глеба». У И. С. Шмелева судьбоносное решение проникновенно отражено в его паломническом очерке «Старый Валаам», написанном в 1935 году. В нем он вернулся к своей старой теме — юной паломнической поездке на Валаам, которая была их свадебным путешествием с Ольгой Александровной. Первый очерк, «На скалах Валаама», был написан еще в 1895 году 22-летним начинающим писателем. И вот в новом очерке — «Старый Валаам» — Шмелев уже с высоты прожитых лет воспроизводит свои незабываемые впечатления, гораздо глубже, конечно, осознавая, чем стал Валаам в их жизни.

Это произведение не обойдено вниманием исследователей [Любомудров, 2003; Пак, 2007; Пинаев, 2021]. Мы же здесь рассмотрим только одну сюжетную ситуацию, которая связана с образом журавлиной стаи. В первом очерке есть лишь упоминание об увиденной перелетной стае. Здесь же встрече с журавлями посвящена отдельная главка, одиннадцатая, названная так: «Лесная встреча. — Рассказ странника. — Журавли» [Шмелев, 1995, с. 454].

Герои очерка идут по лесной дороге наугад, не зная, куда она их приведет. Их спутником оказался безымянный странник. Задумавшийся повествователь (рассказ ведется от первого лица) вдруг услышал приближающийся какой-то особенный легкий звон. Это оказалась стая журавлей. «Знают куда лететь <…> Господь и птицу умудряет», — сказал странник <…> Я глядел в светлое небо, за елями. Умолкнувшие крики тревоги-радости остались в душе моей. Остались накрепко» [Там же, с. 459].

И далее повествователь объясняет, что эта встреча в лесной глуши, у валаамской часовни, не прошла для него бесследно: «Отозвалась через много лет, отозвалась неожиданно, в унылые дни жизни, когда я искал себя — и не находил, — когда я служил во Владимирской губернии, и служба мне становилась в тягость» [Там же, с. 459—460]. Шмелев в этой главке воссоздает кратко, но психологически емко сложную параболу осознания своего призвания. Пришло для него время тяжелых размышлений о будущем, с писательским трудом пока не складывалось: «…десять лет не писал, ни строчки. Не думал, что я писатель, страшился думать, не смел. Писатель — это учитель жизни. А я? Я же так мало знаю. Писатели, это — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой. И я забыл о писательстве» [Там же, с. 460].

Но в определенный психологический момент именно встреча с журавлиной стаей стала бесценным даром. Она всколыхнула в душе повествователя копившиеся в ней сомнения и разрешила их: когда подступило

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

почти отчаяние, автор пошел за город, на Клязьму, и там увидел «звонкий, сверкающий косяк птиц, хорошо знающих свою дорогу, *влекущий, радостно-будоражный* и *торжествующий* (курсив наш. — *В. З., А. Л.*)» [Там же, с. 460].

Трудно переоценить значимость этой сюжетной ситуации в очерке «Старый Валаам», рисующей такой гармоничный круг духовного самоопределения художника. Заканчивается эта главка торжествующим сообщением автора, что после этой встречи с журавлиным клином, в тот же вечер он написал после десятилетнего перерыва детский рассказ «К солнцу», который вскоре был опубликован и знаменовал уже неуклонное становление его на путь писательства.

Рассказ «К солнцу» (1905), имевший еще название «Журавлик», явил собой замечательное поэтическое повествование о раненом журавлике, который не смог улететь со своей стаей. Писатель создал для детей трогательную историю спасения птицы лесником, приобретения хозяином соседней усадьбы журавлика и выхаживания его мальчиком Сережей, сыном хозяина. Как видим, ситуация имеет автобиографический посыл: некое посвящение растущему сыну. Не ставя задачи здесь анализировать этот замечательный детский рассказ детально, отметим значимость финала: выздоровевший журавлик улетает с новой стаей искать своих родных. Улетают журавли с криками: «Догоним солнце!» [Шмелев, 1905].

Наши рассуждения о Шмелеве в предложенном аспекте мы начали с очерка «Валаам» намеренно, ибо именно в нем обозначилась столь концептуально-значимая для автора мысль.

В дооктябрьском творчестве писателя применительно к символике образов птиц выделяется рассказ «Под небом» (1910). В целом он был проанализирован нами ранее [Захарова, 2015]. Здесь обратимся лишь к одной сюжетной ситуации в нем: значимости «рассказа в рассказе» об одном народном сказании. «Сюжет рассказа отсылает нас к «Запискам охотника» И. С. Тургенева: крестьянин по имени *Дробь* сопровождает в лесу охотников. И его рассказы-думы оказываются самым главным достоянием героев-интеллигентов в эту ночь и, более того, ведут их в новый день.

Шмелев представляет здесь один из народных вариантов притчи о праведной земле. Углубляет эту притчу в рассказе Дроби легенда о происхождении Провал-болота. Оказывается, что из-за боярской жестокости здешние земли превратились в болото по воле Николая Угодника, сам боярин — в вечно тоскующую птицу выпь; дочь его, добрая боярышня, — в белую лебедь; а мужики — в лебедей. Облик человеческий может вернуться к ним, когда «однажды утром» «придет правда и наступит рай земной» [Шмелев, 1912, с. 136]. Вот почему Дробь никогда не охотится в этих местах, не под-

CC BY

нимает ружье на птиц. Заметим, что здесь впервые у Шмелева возникают образ Святителя Николая, любимейшего в нашем народе Святого, и тесно связанный именно с его образом мотив христианского чудотворения. А образ птиц поэтически оттеняет сказание.

Рассмотренную микросюжетную ситуацию нельзя здесь недооценить. В ней аккумулировалась кровная дума Шмелева о судьбе русской интеллигенции: она вскоре проявится и в рассказе «Волчий перекат» (1913). в трудные годы социальной напряженности писатель выражал чувство целительности приобщения к миру народных поверий, убеждавших в неодолимой устремленности бытия к Божественной красоте.

В малой прозе И. А. Бунина в ранний период его творчества тоже встречаем сюжетные ситуации, в которых важную роль играют образы птиц. Но самый поразительный пример у него, на наш взгляд, — это написанный 17-летним автором лирический рассказ «Песня жаворонка» (1887 год). Имеющий форму повествования «от первого лица», он начинается словами: «Я помню себя еще маленьким мальчиком, когда я услыхал песенку жаворонка» [Бунин, 1987, т. 2, с. 309].

Уже в этом произведении Буниным обозначилась самая значимая черта его миросозерцания, присущая ему до последних дней жизни. Наблюдая предутреннюю красоту мироздания, он признается: «И тогда-то, может быть в первый раз, пробудилось во мне смутное чувство трепета и благоговения перед творцом миров, благословляющим свои создания и распускающим над землею свой милостивый, божественный покров…» [Там же, с. 310]. Именно в такую минуту и случилось ему проникнуться пением жаворонка: «Скоро в утреннем чистом воздухе раздались звонкие трели жаворонка и с тех пор остались на всю, кажется, жизнь в душе» [Там же].

Что же так поразило мальчика? — «… жаворонок пел, и мне казалось, что он рассказывает что-то ангелам, которые глядели на землю своими кроткими очами» [Там же, с. 311]. Птица оказывается в его восприятии неотделимой от той Божественной гармонии, которую приняла в себя душа мальчика. И воспоминание об этой детской «встрече» становится для юноши особенно дорогим: «И теперь, когда я уже вступил в жизнь, когда она уже успела наложить на меня свою грубую ладонь, воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность…» [Там же].

В дальнейшем у Бунина можно встретить упоминания о птицах в небольших эпизодах его произведений, это всегда концептуально значимые эпизоды. Так, в рассказе «Над городом» (1900) тоже содержится воспоминание о детстве, о годах учебы в училище, оставивших тусклый след в его душе. Из самых ярких впечатлений были те дни, когда они с мальчишками

CC BY

по разрешению звонаря забирались на колокольню и слушали благовест, создаваемый руками звонаря Васьки: «Птицы любят высоту, — и мы стремились к ней…Город, как пестрый план, лежал далеко под нами, маленький и скученный, а в сердцах у нас было то, что должны испытывать на полете ласточки…» [Там же, с. 180]. В контексте рассказа эта соотнесенность с образами любящих высоту птиц приобретает аксиологическую значимость, — ведь герой признавался: «… до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским захолустьем… где гибло наше детство, полное мечтами о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах!» [Там же].

Обретенные же в детстве чувства высоты, полета, устремленности ввысь оказались навсегда целительными и благотворными. Птицы как воплощение красоты и свободы, по-видимому, всегда привлекали Бунина. Так, он мог привлечь их образ только одной фразой, но такой, которая выражала главное его настроение. В рассказе «Тишина» (1901), повествующем об одном из самых радостных путешествий — на Женевское озеро, писатель восхищается окружающей необычной природой, звоном колоколов старых соборов в горах. И среди высказанных экспрессивно-радостных эмоций, в общем-то нехарактерных для сдержанного стиля Бунина, как яркая молния, блеснула фраза: «… Счастливы люди, в города которых залетают чайки в солнечное утро!» [Там же, с. 210]. Для Бунина взаимосвязь человека и одухотворенного пространства была безусловной.

Приведем и пример наиболее драматичного постижения этой темы у Бунина. Есть у писателя рассказ-миниатюра, состоящий из одной страницы, — «Журавли» (1930). Здесь тоже речь ведется от первого лица: «Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной рысцой по большой дороге... Но вот вдали, за мной, слышен треск колес» [Бунин, 1987, т. 4, с. 555]. Оказалось, его догоняет «чернобородый красавец мужик, совершенно шальной от скачки и какого-то бессмысленного, на все готового исступленья» [Там же]. Причина его отчаяния обнаруживается вскоре — повествователь увидел этого мужика лежащим на дороге лицом вниз:

«— Ах, грустно-о! Ах, улетели журавли, барин!..

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами» [Там же].

Ситуация почти трагифарсовая, но в ней отразились метафизическая взаимозависимость человека и природы на Руси, драматическое восприятие кажущейся бесконечной зимы с ее опасностями. А перелетные птицы всегда были знаком-символом смены природных периодов: знаменовали горесть расставания с летом и радость наступления весны. (Последняя ситуация прекрасно выражена одним только названием картины А. Саврасова — «Грачи прилетели!»).

CC BY

Иногда в прозе русских писателей встречаются яркие аллюзии на известные образы из культурного наследия других стран: к примеру, путевые поэмы И. А. Бунина «Тень птицы». На первых страницах «путевых поэм» появляется имя персидского поэта и мыслителя XIII века Тезкирата Саади. В очерке «Тень птицы», посвященном путешествию в Стамбул, автобиографический герой-рассказчик, взобравшись на башню Христа, любуется окрестностями Константинополя, обращается к Саади: «Кто знает, что такое птица Хумай? О ней говорит Саади: «Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете!» [Бунин, 1987, т. 3, с. 514]. Легенда о птице Хумай, тень которой приносит всему, на что падает, «царственность и бессмертие», раскрывает символику названия всего цикла [Латухина, 2004]. Именно эта легенда, рассказывающая о происхождении Константинополя, кажется Бунину наиболее поэтичной по сравнению с двумя другими (одна из которых относится к античной мифологии («на месте Византии орел Зевса уронил сердце жертвенного быка»), а другая — к христианской («основателю ее было повелено основать город знамением креста, явившимся в облаках над скутарийскими холмами, “при слиянии водных путей и путей караванных”») [Бунин, 1987, т. 3, с. 514].

В романе Б. К. Зайцева «Дальний край» (1913) также обнаруживается орнитологическая символика, имеющая интертекстуальную отсылку к балладе Ф. Шиллера «Ивиковы журавли». Роман посвящен проблеме духовных исканий молодежи из среды демократической интеллигенции в канун первой русской революции, судьбам трех друзей: Пети, Алеши и Степана [Захарова, 2014]. Обратимся к образу Степана, который романтически проникся идеями революционного переустройства мира. Юноша убежден в справедливости такой цели. Петю восхищала в Степане сила самоотверженности: «...ты проповедуешь подвиг...» [Зайцев, 2003, с. 164].

Что же стоит за этим высоким словом? Все дальнейшее повествование автор строит как проверку жизнью революционных дерзновений Степана. Очень скоро понятие «подвига» расшифровывается: Степан должен убить «высокое лицо». Но, убеждая себя, что это — «мщение за народ», Степан трудно смиряется с мыслью, что убить придется ему: «Отчего нельзя по-другому совершить подвиг?» [Там же, с. 166].

Испытание, уготованное Степану, оказывается страшным: бомба, брошенная им, случайно убивает девочку. Как видим, здесь ощутима явная перекличка Б. Зайцева с Ф. М. Достоевским: только здесь уже не «слезинка ребенка», а «смерть ребенка». Писатель увидел, что революция с ее жесткими реалиями заставила «повысить цену», которую приходится платить за осуществление ее идеалов. Героя Зайцева постигает тяжелый душевный

CC BY

кризис. Несмотря на то, что ему удалось бежать, он ощущает страшное чувство вины, внутреннего наказания. Здесь значима сцена в лесу, когда Степану показалось, что «он как будто попал в другой мир» [Там же, с. 148]. Степан вспомнил почему-то об Ивиковых журавлях. «Милый, бедный Ивик! Он шел по такой же тропинке, среди леса, он был чист сердцем и невинен. Он встретил смерть, как ее следовало встретить, а журавли сказали, где надо, правду. Но если б они встретили сейчас Степана, они закричали бы грозным криком» [Там же].

Романтическая баллада Шиллера в интерпретации Зайцева оказалась символом горестного самопризнания героя, понимания того, что возмездие за содеянное неотвратимо. Эта сюжетная ситуация становится необходимым этапом для важнейшего переворота в душе Степана: «Он был воспитан и жил в убеждении, что Бога нет. Он и сейчас не знал, есть ли Он, но вдруг, внезапно почувствовал приближение к вечному…Точно его душа стояла на границе, за которой открывается иной мир» [Там же, с. 149].

Дальнейшая парабола духовной эволюции героя Зайцева оказалась уже неизбежно связана с проникновенным восприятием христианских истин и совершением в конце пути подвига самопожертвования.

Есть в русской прозе XX века произведение, в котором образ птиц является выразителем общефилософской картины мира у писателя, — роман М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928). Это, по сути, «визитная карточка» Осоргина, книга, которую очень любили в русском Зарубежье. В посвященном периоду начала XX века, затрагивающем события Первой мировой войны и революции 1917 года романе писатель делает главным героем профессора-орнитолога. Произведение заслужило серьезное внимание литературоведов [Жлюдина, 2012; Громова, 2012].

М. А. Осоргину было присуще особенное мировосприятие: чувство «вписанности» человека в природный космос. Во многом это было обусловлено его детскими впечатлениями от жизни в Приуралье. «Я сын матери-реки и отца — леса», — писал он в автобиографическом повествовании «Времена» (1940, опубл. 1955) [Осоргин, 1992, с. 489]. В романе же «Сивцев Вражек» действие происходит в центре Москвы, в доме на старой московской улице, название которой дало наименование всему произведению. И тем удивительней оказывается тот мир, в который «впускает» своего читателя Осоргин: «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги» [Там же, с. 3]. Главный герой представлен сразу же: «Он был известен в ученом мире и свою науку любил

CC BY

по-особенному; была красота в его науке: окраска перьев, пенье, природа, рожденье весны, прощание с летом. Поэзия была в его науке. Каждую птичку он знал и за это знание свое — любил» [Там же].

И тут же, в интродукции, писатель изображает еще одно создание, тоже являющееся значимым героем книги: «Солнце задело занавеску окна. Вместе с ним к окну подлетела ласточка, сегодня прилетевшая из Центральной Африки на Сивцев Вражек» [Там же, с. 5]. О ласточке, о «ласточкином народе» писатель говорит как об одушевленных существах, живущих по очень гармоничным, целесообразным законам. Жизнь ласточек противопоставлена человеческому бытию, в котором его целесообразность нарушена невероятными социальными катаклизмами.

В тексте романа параллелизм между двумя мирами — птичьим и людским — проведен лейтмотивно. Наиболее выразительно этот параллелизм выражен в таком микроэпизоде: «Когда ласточки улетели с берега Сицилии, оставив много мертвых, растоптанных соплеменниц, одна из несчастных, с подбитым крылом, не могла следовать за стаей <…> Когда снова склонилось солнце, ласточка умерла. Это была та самая, что под окном дома на Сивцевом Вражке три весны подряд устилала новым пухом старое гнездо…

И лежал в лощине, поодаль от искрошенного снарядами леса, в ста верстах от своей границы, но на чужой земле — как будто не вся земля наша! — тяжко раненный человек в форме прапорщика» [Там же, с. 30].

В финале романа ожидаемо для читателя вновь возникает «тема ласточек» как наиболее важная для будущего человека. Старый профессор чувствует приближение своего скорого ухода. И, как ученый, много понявший в этой жизни, ведет «поручительный» разговор с Танюшей. Он верит, что придет время и людям вновь важны будут открытия науки, культуры. Он убеждает внучку:

« —Ласточки непременно прилетят. Ласточке все равно, о чем люди спорят, кто с кем воюет, кто кого одолел. Сегодня он меня — завтра я его, а потом снова... А у ласточки свои законы, вечные. И законы эти много важнее наших.

Мы еще мало их знаем, много изучать нужно» [Там же, с. 221].

И в эпилоге профессор дает Танюше наказ — обязательно записать, когда прилетят ласточки: «Это, Танюша, очень, очень важно, может быть, всего важнее. Отметишь, девочка?» [Там же]. Девочка, конечно, отвечает согласием, и так писатель протягивает столь необходимую нить благотворной связи поколений, без которой гармоничность будущего немыслима.

Образы перелетных птиц — это очевидно — занимают особое место в мировосприятии русского человека. С ними связано множество оттенков

CC BY

смысла в произведениях разных авторов. У Л. Ф. Зурова, писателя младшего поколения русской литературной эмиграции первой волны, ученика И. А. Бунина, есть небольшой рассказ «Гуси-лебеди» (1955). Образу перелетной стаи посвящено всё произведение целиком. В 1930-е годы Л. Ф. Зуров по поручению парижского Музея человека и французского Министерства просвещения участвовал в этнографически-археологических экспедициях в русские районы Прибалтики. В 1935 году реставрировал Никольскую надвратную церковь и звонницу в Псково-Печерском монастыре. Псковская земля была его «малой родиной».

В рассказе речь идет о психологически сложном для повествователя моменте — необходимости возвращаться во Францию. Это было осенью и совпало с печальным зрелищем — сбором перелетных птиц в стаи. Писатель буквально впитывает в себя красоту окружающего его любимого русского пейзажа: «Было свежо, ветер свободно летел открытой, с сжатыми полями, уходящей на восток русской равниной» [Зуров, 1985, с. 141]. Это передано лейтмотивно: «Поросшая облетевшим донником насыпь вела меня к станции, за которой простиралось безмерно открытое, полное неясных светло-серых облаков русское небо» [Там же, с. 142]. А затем вместе с семьей крестьян он увидел в небе сбившуюся и волнующуюся гусиную стаю и стал свидетелем поразившего его поведения крестьянки. Она, «обращаясь к ним, как своим родным братьям или детям, сказала: — Гуси-лебеди, — путь-дороженька, — шелковый пояс!» [Там же, с. 144]. Повторяла она это пожелание от всей души, и оказалось: такому участливому отношению перелетным птицам героиня научилась еще от своей бабушки. Словно услышав ее, гуси выровнялись. Рассказчик так передает этот трогательный момент: «…мне казалось, что на всех, кто их слышал и на них в то время смотрел, с их серых крыл изливалась какая-то близкая нашим сердцам непостижимая радость, что… наши сердца радостью и сиянием наполняла» [Там же, с. 145].

Так в одном небольшом рассказе Л. Зуров сумел тончайшим образом выразить проникновенную взаимосвязь души человеческой с окружающим ее миром русских просторов, ветра, полей, птичьих стай; чувство сопричастности друг другу своей судьбы и судьбы этого «русского міра», веру в его грядущее «неведомое счастье»: «… впереди из облаков каким-то будущим неведомым счастьем над русскими полями проливался солнечный свет» [Там же, с. 148].

3.2. Художественное воплощение орнитологических образов в литературе советского периода

Продолжая традицию русской классической литературы, советские писатели обращаются к образам птиц. Наиболее богат видами птиц художе-

CC BY

ственный мир прозы Виктора Петровича Астафьева, и это предсказуемо, так как представители «деревенской прозы» наиболее близки к природному миру, именно потому образы птиц в их художественных произведениях не только несут символическую функцию, но и являются ключевым компонентом пейзажа — мира природы, в котором все гармонично и нет ничего случайного: «Тайга на земле и звёзды на небе были тысячи лет до нас <…> И деревья в тайге умирали и рождались, <…> птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох» [Астафьев, 1997, т. 6, с. 58].

Один из ранних рассказов Астафьева «Стрижонок Скрип» (1961) задает общую для всего творчества писателя тему материнской ответственности за своих детей: в мире животных птица-мать готова жертвовать собой ради спасения птенцов [Астафьев, 1997, т. 3, с. 202—207]. Мама-стрижиха, оберегая своих детей, храбро сражается с соколом, отгоняя его от домика-норки, и погибает в лапах хищной птицы. Рассказ, написанный в послевоенное время, вызывает ассоциации с миром людей: осиротевшие птенцы, оставшиеся без родителей, голод, холод, неравнодушие окружающих к бедам стрижат как проявление милосердия, которое так важно и нужно было людям. И именно у птиц необходимо было учиться любви, заботе и жертвенности, так как, с точки зрения писателя, мир человека очерствел, ожесточился и был лишен сострадания (такое представление о мире людей особенно ярко проявляется в позднем творчестве Астафьева).

В этом же году В. П. Астафьев пишет рассказ «Капалуха» (1961), также повествующий о птице-матери, «которая отдает детям всё, иной раз даже жизнь свою» [Там же, с. 210]. Случайная встреча в тайге, потревожившая с гнезда птицу, «мечущуюся в стороне» от невозможности помочь своим будущим птенцам, — основа сюжета рассказа. Описывая капалуху, писатель акцентирует внимание на ее жертвенности: «На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняла для них тепло. Потому и закостенели от неподвижности крылья птицы. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещется кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце» [Там же, с. 209].

Вспоминается и мать-капалуха из рассказа «Алеха» (1981), героически оставшаяся сидеть в гнезде, высиживая птенцов, несмотря на надвигающуюся на нее машину: «Остановил машину, бегу, всмятку, думаю, и птица, и яйца <…> Подбегаю. Все на месте! Птица сидит на гнезде — попала меж гусениц, меж полозьев. И усидела. Это ж какое мужество, какая героизма!» [Астафьев, 2001, т. 7, с. 307]. Увиденная картина потрясла Алеху: поведение птицы кажется герою неподвластным многим «матерям человеческим». Именно материнское начало является для писателя основопола-

CC BY

гающим в природе, о чем свидетельствуют образы птиц, представленные в данных рассказах.

Птицы для Астафьева — это и вестники смены времен года. Так, в «Последнем поклоне» появляется образ ласточек, вынужденных покинуть дом: «На самом верху, там, где тёс крыши сходился торцами, по стропилам лепились гнёзда ласточек <...> Где сейчас говоруньи ласточки? Тоскуют небось по своему дому, по этому вот сараю, по нашему селу» [Астафьев, 1997, т. 4, с. 49]. Безусловно, в этих строках читается параллель с миром человека, выпорхнувшего из своего деревенского дома-гнезда в поисках лучшей жизни.

Еще одним птичьим образом, значимым для Астафьева, является образ гуся. В раннем рассказе «Гуси в полынье» (1960) выводится образ птицы-матери, на глазах которой погибает ее ребенок: «Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю льда <…> и он беленьким комочком мелькнул под припаем, как под стеклом, и исчез навсегда» [Там же, с. 33]. Крик гусыни был таким отчаянным, что люди решили прийти на помощь и спасти птиц из ловушки-полыньи. Но разлука с детьми после благополучного спасения также не давала матери-гусыне покоя: «Гусыня и там орала на всю деревню, орала до тех пор, пока не отнесли ее в другой дом и не собрали к ней всех гусей» [Там же, с. 36].

Рассказ В. П. Астафьева вызывает ассоциации с еще одним текстом советской литературы, в котором главным действующим лицом выступает гусь. Если Астафьев воспевает героизм матери, то Евгений Носов в рассказе «Белый гусь» (1976) повествует о подвиге отца, спасшего ценой своей жизни маленьких гусят от стихии. Не только человек бывает немилосерден к природе, но и сама природа устраивает испытания ее обитателям. При создании образа Белого гуся, противопоставляя его другим птицам, Носов подчеркивает его «адмиральскую» сущность: внешность, «выправку», походку, тон, повадки. В минуту опасности, когда все остальные взрослые птицы бросали своих птенцов, спасая свои жизни от града, Белый гусь заботится о своих «детях», закрывая их от «ледяных горошин». Наградой за смелость становится продолжение рода: желтые комочки, «целые и невредимые», «весело попискивая», «рассыпались по траве». Перед ними «открылся удивительный мир, полный сверкающих трав и солнца» [Носов, 2005, с. 239].

Если в ранних рассказах Астафьев показывает близость мира людей и мира животных (птиц), то в позднем творчестве эти миры становятся враждебными. Человек стремится завоевать тайгу, стать хозяином и приручить животных. Писатель противопоставляет охотников и браконьеров. Для первых охота — необходимость, вызванная определёнными обстоя-

CC BY

тельствами: охотник любит природу и не желает нанести ей вред. Браконьеры наживаются на природных богатствах, губят животных, нарушают запреты. В одном из последних рассказов Астафьева «Пролетный гусь» (2000) описывается послевоенное время. Отец больного мальчика Данила начинает охотиться на птиц в тайге, чтобы сварить ребенку бульон. Не теряя надежды, герой бродит по тайге наперевес с ружьем, которое ему «доверили в последний раз», зная, что это — единственный шанс подстрелить дичь [Астафьев, 2007, с. 547—596]. И он приносит домой добычу: «пролетного гуся». Но этот эпизод вовсе не является кульминационным в рассказе, следовательно, можно говорить о метафоричности образа птицы в данном контексте. Хозяйка квартиры, которую снимают Марина с мужем, Виталия Гордеевна так говорит о своих постояльцах: «птицы залетные». Действительно, для Астафьева мир птиц высоконравственный, духовный. Герои рассказа, отличающиеся бескорыстием, величайшим трудолюбием, уважением к старшим, особым чувством благодарности, происходят из породы редких птиц, «бывающих здесь только пролётом».

Астафьев изображает разные формы браконьерства, показывая незащищенность природного мира. Поведение человека в природе определяется его нравственностью, и прежде всего совестью, отсутствие которой — главный показатель саморазрушения личности, ее духовного распада. «Унижение» (1987) — один из ключевых текстов, в которых писатель показывает жестокость человека, лишившего свободы птицу-глухаря. Повествование начинается с описания клетки в зоопарке, которая «являла собой и тюрьму, и «тайгу» одновременно» для сидящей в ней птицы [Астафьев, 1997, т. 7, с. 290]. В этой клетке все фальшиво: «сучок сосны с пересохшей, неживой хвоей», «натыкана трава», «несколько кочек изображено и меж ними тоже “лес” — вершинка сосны, веточка вереска». Но природное время — весна, время токования глухаря, и он, подчиняясь природным часам, «прилюдно», «днем» начинает токовать: «Перепутав время и место, не обращая внимания на скопище любопытных людей, пленный глухарь исполнял назначенное ему природой — песню любви. Неволя не погасила в нем вешней страсти и не истребила стремления к продлению рода своего» [Там же]. В дикой природе глухарь в этот период наиболее уязвим и часто становится жертвой охотников.

Рассказ напоминает притчу: ситуация в зоопарке побуждает автора задуматься об отношении человека к природе, его хищнической натуре: «Но велика у нас страна, никак до конца не добить природу, хотя и старается человек изо всех сил, да не может свалить под корень все живое» [Там же].

Проблема браконьерства становится ключевой и в романе Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» (1973). Образ птицы вынесен

CC BY

в название романа. Сильная позиция образа текста отражает ключевой конфликт произведения — противостояние утонченной природы, полной красоты и гармонии, воинственной сущности человека, стремящегося ради собственной прихоти уничтожить все живое. Васильев показывает, что человек в своих попытках покорить природу страдает сам, порой не осознавая этого: «Страдает человек. Сильно страдает. А почему? Потому сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батюшкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой» [Васильев, 1994, с. 35].

Образы лебедей символизируют в романе утонченность и хрупкость мира природы. Егор Полушкин, человек с чистой душой, «чудак» и «бедоносец», противопоставлен миру обывателей: он стремится возродить природу, восстановить гармонию и баланс. Именно с этой целью он привозит лебедей из Москвы на уже умирающее озеро. Белые лебеди отражают добрые и честные намерения главного героя, его душу, поэтому гибель птиц от рук вандалов становится для Егора трагедией. Именно белые лебеди выступают мерилом человечности, милосердия, духовности героев.

Современная проза метафорична и интертекстуальна, именно поэтому она наделяет образы птиц символическим содержанием. В данном контексте образы птиц интерпретируются не в зоологическом смысле, а как анималистические или метафорические художественные детали, призванные очерчивать и раскрывать характеры персонажей. Так, в рассказе Т. Толстой «Факир» (1986 год) имя главного героя — Филин. Его внешность напоминает эту птицу: «Таков Филин. Сядет в кресло, покачивая туфлей, пальцы сложит домиком, брови дегтярные, прекрасные анатолийские глаза — как сажа, бородка сухая, серебряная, с шорохом, только у рта черно — словно уголь ел» [Толстая, 1987, с. 147]. Совы в древности считались символом мудрости — Филин рассказывает странные истории, которым никто не верит, но при этом собирает вокруг себя разных людей.

Образ брошки-«эмалевого голубка» в рассказе «Соня» (1984) Татьяны Толстой функционирует как значимая символическая деталь. Её аксиологическое наполнение обусловлено отсылкой к христианской традиции, в рамках которой голубь традиционно воплощает высокую духовность, добродетель и милосердие. Этими качествами обладает хозяйка «голубка», именно они делают ее «дурой» в глазах окружающих [Там же, с. 138—139].

В рассказе «Свидание с птицей» в центре повествования оказывается образ мифической птицы Сирин. Татьяна Толстая обогащает этот образ уникальным символическим смыслом, формируя новый авторский подтекст: это не райская птица-дева, спускающаяся с небес и зачаровывающая людей своим пением; не несчастная душа из западноевропейских легенд. Для маленького мальчика Сирин — птица смерти: «Ты ее бойся: задушит.

Слышал вечером, как в лесу кто-то жалуется, кукует? Это она и есть. Это птица ночная» [Там же, с. 115]. В восприятии Пети птица Сирин неразрывно связана с образом больного дедушки, от нее исходит опасность, потому что она охотится на него и в итоге губит: «Всю ночь она летает над домом, царапается в окна, а под утро, найдя щелочку, забирается, тяжелая, на подоконник, на кровать, ходит пешком по одеялу — ищет дедушку» [Там же, с. 118]. Птица все же нашла дедушку и «задушила его» [Там же, с. 124]. Образ птицы Сирин в рассказе Т. Толстой является символом познания небытия, воплощением которого и является смерть.

В детском сознании героев рассказа пару ночной птице Сирин составляет утренняя — Алконост, и если с первой связана смерть, то со второй — невыразимая тоска: «А то есть еще птица Алконост. Та утром встает, на заре, вся розовая, прозрачная, насквозь светится, с искорками. Она гнездо вьет на водяных лилиях. Несет одно яйцо, очень редкое <…> Кто найдет, на всю жизнь затоскует. А все равно ищут, все равно хочется» [Там же, с. 116].

Таким образом, у Толстой обыденная реальность превращается в волшебное, сказочное пространство в сознании ребенка, где мифические птицы играют особую роль, являясь проводниками во взрослый мир. Для главного героя утрата близкого человека становится новым, глубоким жизненным опытом.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить следующее. Осмысление орнитологической символики в русской литературе неоднократно становилось предметом литературоведческих изысканий. В данной работе была предпринята попытка обращения к ряду эпических произведений Серебряного века, русского Зарубежья, советской и современной литературы, которые позволили выявить особую роль орнитологического художественного образа как одного из доминантных символов в национальной картине мира.

Исследование художественного наследия XX века под таким углом, на наш взгляд, способствовало развитию представлений о литературном процессе России как обладающем духовно-эстетической целостностью. Символика орнитологических образов, обнаруженная в исследуемых произведениях, выявила общность в интерпретации образов птиц. Национальный культурный код наделяет образ птицы (ласточки, голубя, лебедя, гуся, капалухи и т. д.) символическим значением духовной чистоты, нравственной возвышенности, готовности к самопожертвованию и глубокого чувства дома. По этой причине в литературе птицы нередко выступают мерилом

CC BY

нравственности персонажей, чьи поступки и отношение к пернатым раскрывают их моральные качества.

Писатели XX века, следуя фольклорной традиции и календарно-обрядовому циклу, используют орнитологические образы как природные индикаторы смены времен года. Однако в определенные исторические периоды природное явление перелета птиц и их возвращения домой обретает символичность, и в художественных текстах эти описания приобретают иносказательность через мотив расставания с родным домом или возвращения к нему. Это особенно характерно для прозы Русского Зарубежья, где птицы (ласточки, журавли) ассоциировались с Родиной и домом, а также для советской «деревенской прозы», в которой через символический образ птицы показан разрыв современного человека с миром природы и его истоками.

Наряду с общими закономерностями в символизации образов птиц в творчестве каждого писателя выявлено индивидуальное художественное видение образов птиц, что подчеркивает своеобразие их поэтики. Так, И. С. Шмелев особенно трепетно изображает перелетных птиц, видя в них проводников, указывающих самим своим природным стремлением к родным местам путь духовного самоопределения человека. В творчестве И. А. Бунина с самых ранних лет образ птицы оказывается нераздельно связанным с представлением о божественной гармонии, устремленностью к высоте, одухотворенностью жизненного и творческого пути. В произведении Б. К. Зайцева значимая литературная аллюзия на балладу Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» служит ключом к осмыслению событий романа «Дальний край» (о первой русской революции) на онтологическом уровне. Мировосприятие М. А. Осоргина отличалось своеобразным космизмом, чувством «вписанности» человеческой судьбы в абрис мироздания: философски и психологически многогранно он соотносит дисгармоничный мир людского сообщества и — гармонически-целесообразный орнитологический мир, особенно дорогой для него мир любимых в народе ласточек. В прозе Л. Ф. Зурова образ улетающих гусей опосредованно вводит символизацию нерушимой взаимосвязи русского человека с русской землей.

В советской литературе особую роль орнитологические образы играют в «деревенской прозе», в творчестве В. П. Астафьева, Е. Носова, Б. Васильева. Здесь птицы являются ключевым компонентом пейзажа, но в то же время они наделены символическим содержанием: В. Астафьев в своем раннем творчестве и Е. Носов, изображая мир птиц, аллегорически сопоставляют его с миром человека, делая акцент на героизме животных, защищающих свое потомство; позднее творчество писателей-«деревенщиков» пронизано болью за разрушение гармонии и красоты природы, в которую

вторгается человек, уничтожая все живое на своем пути (убийство лебедей в романе Б. Васильева, заточение в неволе глухаря в рассказе В. П. Астафьева «Унижение» и т. д.).

Уже в позднем творчестве В. П. Астафьева, в рассказе «Перелетный гусь» обнаруживается тенденция, которая станет значимой в современной прозе: образ птицы выполняет функцию метафоры, символа, характеризуя персонажа-орнитоморфа. Именно таково осмысление образов филина, голубки в рассказах Т. Толстой. Кроме того, в мир современной литературы возвращаются мифические птицы, как это было у И. Бунина, привлекавшего яркие исторические и культурные аллюзии, способствующие более глубокому и всестороннему постижению иных цивилизаций, ср. «Тень птицы». Так, у Т. Толстой Алконост и Сирин в сознании героя-ребенка олицетворяют понятия жизни и смерти.

Полагаем, что проведенное исследование убеждает в существовании нерушимого «кода прочтения» русской прозы, который свидетельствует о том, что она остается верна духовно-нравственным, эстетическим корням национального самосознания, связанным с мифологическими, религиозными подтекстами, что находит отражение в символизации орнитологических образов в русской литературе XX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Астафьев В. П.* Собрание сочинений : в 15 томах / В. П. Астафьев. — Красноярск : Офсет, 1997. — Т. 1—15.

2. *Бунин И. А.* Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Бунин. — Москва : Худ. лит., 1987. — Т. 1. — 688 с. — ISBN 5-280-00055-8.

3. *Васильев Б.* Не стреляйте в белых лебедей / Б. Васильев // Собрание сочинений в 8 томах. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — Т. 2. — С. 5—148. — ISBN 5-86171-006-6.

4. *Зайцев Б. К.* Дальний край : Роман. Повести и рассказы / Б. К. Зайцев. — 2-е изд., стер. — Москва : Дрофа, 2003. — С. 18—224. — ISBN 5-7107-7604-1, 978-5-358-06061-6.

5. *Зуров Л. Ф.* Гуси-лебеди / Л. Ф. Зуров // Древний путь. — Франкфурт-на Майне : Посев, 1985. — С. 141—148. — ISBN 3-7912 2004-7.

6. *Носов Е.* Белый гусь / Е. Носов // Памятная медаль : Повести и рассказы. — Москва : Русскій міръ, 2005. — С. 234—240. — ISBN 5-89577-069-X, 5-89577-069-X.

7. *Осоргин М. А.* Автобиографическое повествование. Романы / М. А. Осоргин. — Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во,1992. — 608 с. — ISBN 5-7529-0502-8.

8. *Толстая Т.* «На золотом крыльце сидели». Рассказы / Т. Толстая. — Москва : «Молодая гвардия», 1987. — 191 с.

9. *Шмелев И. С.* «К солнцу». «Журавлик» — рассказ 1905 сент. 1905 г. а) Машинопись б) Черновой автограф [Электронный ресурс] / И. С. Шмелев // Российская государственная библиотека / Научно-исследовательский отдел рукописей Фонд № 387. Картон № 1 Ед. хран. № 21. — Режим доступа : https://philolog.ru/shmelev/texts/kodex/pdf/387-1-21-Tothesun.pdf (дата обращения 15.04.2025).

10. *Шмелев И. С.* Под небом / И. С. Шмелев // Рассказы. — Санкт-Петербург : Издательское товарищество писателей, 1912. — Т. 2. — С. 442—495.

11. *Шмелев И. С.* Старый Валаам / И. С. Шмелев // Светлая страница. — Калуга : Институт усоверш. учителей, 1995. — С. 395—469. — ISBN 978-5-91362-914-2.

Литература

1. *Азбукина А. В.* От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII — начала XIX века) / А. В. Азбукина // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2006. — Т. 148. — № 3. — С. 198—204.

2. *Блищ Н. Л.* Литературная орнитология : Гоголь — Ремизов — Сирин — Соколов / Н. Л. Блищ // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 1 (1). — С. 93—97.

3. *Богданова О. В.* Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные» / О. В. Богданова, Л. Миньцзе // Верхневолжский филологический вестник. — 2023. — № 1 (32). — С. 8—19. — DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_8.

4. *Жизнь* и творчество Л. Ф. Зурова : монография / А. В. Громова, В. Т. Захарова. — Москва : МГПУ, 2012. — 134 с. — ISBN 978-5-8396-0507-7.

5. *Гудин Д. С.* Мифологема птицы в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» / Д. С. Гудин, Н. В. Сорокина // Неофилология. — 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 944—955. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955.

6. *Жлюдина А. В.* Семантика художественного пространства в романах М. А. Осоргина : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Жлюдина. — Томск, 2012. — 25 с.

7. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы И. С. Шмелева : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. — 106 с. — ISBN 978-5-85219-430-5.

8. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы Б. К. Зайцева : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : НГПУ, 2014. — 167 с. — ISBN 978-5-85219-379-7.

9. *Латухина А. Л.* Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы» : проблема жанра : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Л. Латухина. — Нижний Новгород, 2004. — 186 с.

10. *Лушина А. В.* Символический образ птицы в русской поэзии / А. В. Лушина, Н. А. Чернявская // XVII Королёвские чтения: Материалы Всероссийской молодёжной научной конференции с международным участием, посвящённой 35-летию со дня первого полёта МТКС "Энергия -Буран". В 2-х томах, Самара, 03—05 октября 2023 года. — Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2023. — С. 75—76. — ISBN 978-5-7883-1958-2.

11. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2003. — 272 с. — ISBN 5-86007-377-1.

12. *Марченко Т. В.* Опыт архетипического прочтения рассказа «Русь» : к интерпретации поздней бунинской прозы / Т. В. Марченко // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. — 2010. — С. 107—140.

13. *Пак Н. И.* Традиция в литературе / Н. И. Пак. — Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2007. — 154 с. — ISBN 5-88725-098-4.

14. *Пинаев С. М.* «Валаам» И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева / С. М. Пинаев // И. С. Шмелев и писатели русского зарубежья : XXV Крымские международные Шмелевские чтения, посвященные 100-летию со дня «Русского исхода» : сб. науч. ст. междунар. конф. — Симферополь : ООО «Антиква», 2021. — С. 21—29. — ISBN 9785604675786.

15. *Птица* как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. — Москва : Книгодел ; МГПУ, 2019. — 504 с. — ISBN 978-5-9659-0198-2.

16. *Радь Э. А.* Художественное своеобразие орнитологической символики в поэзии А. А. Блока / Э. А. Радь, А. В. Ставская // Национальная ассоциация ученых (НАУ). — 2020. — № 53. — С. 48—50. — DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.3.53.172.

17. *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII вв. / А. Н. Ужанков // Древнерусская литература : Изображение природы и человека. — Москва : Наследие, 1995. — 336 с. — ISBN 5-86562-014-2.

18. *Цзин Цзинши*. Орнитологические образы в поэзии Арсения Тарковского : истоки и художественная семантика : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Цзинши Цзин. — Волгоград, 2021. — 25 с.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025,
одобрена после рецензирования 28.08.2025,
подготовлена к публикации 10.09.2025.

Material resources

Astafyev, V. P. (1997). *Collected works: in 15 volumes, 1.* Krasnoyarsk: Offset. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1987). *Collected works: in 6 volumes, 1.* Moscow: Khud. Lit. 688 p. ISBN 5-280-00055-8. (In Russ.).

Nosov, E. (2005). White Goose. In: *Commemorative medal: Novels and short stories.* Moscow: Russkiy Mir Publ. 234—240. ISBN 5-89577-069-X, 5-89577-069-X. (In Russ.).

Osorgin, M. A. (1992). *Autobiographical narrative. Novels.* Yekaterinburg: Sredne-Uralskoe Publishing House. 608 p. ISBN 5-7529-0502-8. (In Russ.).

Shmelev, I. S. "*To the sun". "The Crane" — a story from 1905 Sept. 1905. a) Typescript b) Rough autograph. Russian State Library / Scientific Research Department of Manuscripts Fund, 387. Cardboard № 1 Unit. storage. № 21.* Available at: https://philolog.ru/shmelev/texts/kodex/pdf/387-1-21-Tothesun.pdf (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

Shmelev, I. S. (1995). Old Valaam. In: *Light page.* Kaluga: Institute of Advanced Studies. Teachers. 395—469. ISBN 978-5-91362-914-2. (In Russ.).

Shmelev, I. S. (1912). Under the sky. In: *Stories, 2.* St. Petersburg: Publishing Association of Writers. 442—495. (In Russ.).

Tolstaya, T. (1987). *"They sat on the golden porch." Short stories.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 191 p. (In Russ.).

Vasiliev, B. (1994). Don't shoot the white swans. In: *Collected Works in 8 volumes, 2.* Smolensk: TRUST-IMAKOM, RUSICH. 5—148. ISBN 5-86171-006-6. (In Russ.).

Zaitsev, B. K. (2003). *The Far Land: A Novel. Novels and short stories. 2nd ed., erased.* Moscow: Bustard. 18—224. ISBN 5-7107-7604-1, 978-5-358-06061-6. (In Russ.).

Zurov, L. F. (1985). Geese-swans. In: *Ancient way.* Frankfurt am Main: Sowing. 141—148. ISBN 3-7912 2004-7. (In Russ.).

References

Azbukina, A. V. (2006). From sign to symbol (features of the symbolization of the bird image in poetry at the end of the XVIII — beginning of the XIX century). *Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities, 148 (3):* 198—204. (In Russ.).

Blish, N. L. (2019). Literary ornithology: Gogol — Remizov — Sirin — Sokolov. *The world of Russian-speaking countries, 1 (1):* 93—97. (In Russ.).

Bogdanova, O. V. (2023). Folklore and religious symbols of I. Bunin's story "Birds of the Sky". *Upper Volga Philological Bulletin, 1 (32):* 8—19. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_8. (In Russ.).

Gudin, D. S., Sorokina, N. V. (2024). The mythologeme of a bird in E. G. Vodolazkin's novel "Aviator". *Neophilology, 10 (4):* 944—955. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955. (In Russ.).

Jing Jingshi. (2021). *Ornithological images in the poetry of Arseny Tarkovsky: origins and artistic semantics.* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 25 p. (In Russ.).

Latukhina, A. L. (2004). *The cycle of "travel poems" by I. A. Bunin "Shadow of a bird": the problem of genre.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 186 p. (In Russ.).

Lushina, A. V., Chernyavskaya, N. A. (2023). The symbolic image of a bird in Russian poetry. In: *XVII Royal Readings: Proceedings of the All-Russian Youth Scientific Conference with international participation dedicated to the 35th anniversary of the first flight of the MTKS Energia-Buran. In 2 volumes, Samara, October 03—05, 2023.* Samara: Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev. 75—76. ISBN 978-5-7883-1958-2. (In Russ.).

Lyubomudrov, A. M. (2003). *Spiritual realism in the literature of the Russian diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev.* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 272 p. ISBN 5-86007-377-1. (In Russ.).

Marchenko, T. V. (2010). The experience of archetypal reading of the story "Rusya": towards the interpretation of Late Bunin prose. *Yearbook of the Yearbook of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad.* 107—140. (In Russ.).

Pak, N. I. (2007). *Tradition in literature.* Kaluga: K. E. Tsiolkovsky KSPU. 154 p. ISBN 5-88725-098-4. (In Russ.).

Pinaev, S. M. (2021). "Valaam" by I. S. Shmeleva and B. K. Zaitseva. In: I. *S. Shmelev and the writers of the Russian diaspora: XXV Crimean International Shmelev readings dedicated to the 100th anniversary of the "Russian Exodus": collection of scientific articles of the International conference.* Simferopol: OOO "Antiqua". 21—29. ISBN 9785604675786. (In Russ.).

Rad, E. A., Stavskaya, A. V. (2020). The artistic originality of ornithological symbolism in the poetry of A. A. Blok. *National Association of Scientists (NAU), 53:* 48—50. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.3.53.172. (In Russ.).

Smirnov, A. I. (ed.). (2019). *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: A collective monograph.* Moscow: Knigodel; MGPU. 504 p. ISBN 978-5-9659-0198-2. (In Russ.).

The life and work of L. F. Zurov: A monograph. (2012). Moscow: MSPU. 134 p. ISBN 978-5-8396-0507-7. (In Russ.).

Uzhankov, A. N. (1995). The evolution of landscape in Russian literature of the XI — first third of the XVIII centuries. In: *Ancient Russian literature: The image of nature and man.* Moscow: Heritage. 336 p. ISBN 5-86562-014-2. (In Russ.).

Zakharova, V. T. (2014). *Poetics of B. K. Zaitsev's prose: a monograph.* Nizhny Novgorod: NGPU. 167 p. ISBN 978-5-85219-379-7. (In Russ.).

Zakharova, V. T. (2015). *The poetics of I. S. Shmelev's prose: a monograph.* Nizhny Novgorod: Mininsky University. 106 p. ISBN 978-5-85219-430-5. (In Russ.).

Zhlyudina, A. V. (2012). *Semantics of artistic space in the novels of M. A. Osorgin.* Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 25 p. (In Russ.).

The article was submitted 05.05.2025;
approved after reviewing 28.08.2025;
accepted for publication 10.09.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 259—277. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277.

Kachorovskaya, A. E. (2025). Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der entfesselte Prometheus". *Nauchnyi dialog, 14* (7): 259-277. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей»

Качоровская Анна Евгеньевна
orcid.org/0000-0001-7841-8181
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации
kachorovskaya@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der entfesselte Prometheus"

Anna E. Kachorovskaya
orcid.org/0000-0001-7841-8181
PhD in Philology, Associate Professor, Department of German and Romance Languages for Professional Communication
kachorovskaya@mail.ru

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Качоровская А. Е., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована поэма австрийского литератора Липинера (S. Lipiner, 1856—1911) «Освобожденный Прометей» («Der entfesselte Prometheus», 1876) в аспекте рецепции дионисийской музыки в литературном тексте. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к прометеевскому дискурсу и теме дионисизма. Впервые в отечественном литературоведении представлены результаты анализа поэмы Липинера с точки зрения интермедиального подхода к проблеме дионисийской музыки. Уделено внимание генезису дионисийской музыки, восходящему к философии и литературе Древней Греции. В качестве источников привлекаются коррелирующие с дионисийским дискурсом произведений Гесиода (VIII век до н. э.), Гете (J. W. Goethe, 1749—1832) и Ницше (F. Nietzsche, 1844—1900). Представлены результаты сопоставительного анализа элементов поэм «Фауст» Гете и «Освобожденный Прометей» Липинера. Постулируется преемственность исследуемой поэмы по отношению к гетевской интерпретации дионисийской музыки. Доказывается особое значение ницшеанского подхода к дионисизму для поэмы Липинера. Автор приходит к выводу, что интермедиальный аспект дионисийской музыки в исследуемом произведении наиболее полно раскрывается в контексте культа Диониса, характерного для австрийской литературы рубежа XIX—XX веков.

Ключевые слова:
интермедиальность; дионисийская музыка; Гете; Ницше; прометеевский дискурс; Липинер.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the poem “The Liberated Prometheus” (“Der entfesselte Prometheus,” 1876) by Austrian writer S. Lipiner (1856–1911) through the lens of the reception of Dionysian music within the literary text. The relevance of this research is underscored by contemporary literary studies' interest in Promethean discourse and the theme of Dionysianism. For the first time in domestic literary scholarship, this paper presents findings on Lipiner's poem from an intermedial perspective concerning the issue of Dionysian music. Attention is given to the genesis of Dionysian music, tracing its roots back to the philosophy and literature of ancient Greece. Sources correlating with the Dionysian discourse include works by Hesiod (8th century BCE), Goethe (J. W. Goethe, 1749–1832), and Nietzsche (F. Nietzsche, 1844–1900). The results of a comparative analysis of elements in Goethe's “Faust” and Lipiner's “The Liberated Prometheus” are presented. The continuity of Lipiner's poem with Goethe's interpretation of Dionysian music is posited. The significance of Nietzschean approaches to Dionysianism for Lipiner's poem is demonstrated. The author concludes that the intermedial aspect of Dionysian music in the work under study is most fully revealed in the context of the cult of Dionysus, characteristic of Austrian literature at the turn of the 19th and 20th centuries.

Key words:
intermediality; Dionysian music; Goethe; Nietzsche; Promethean discourse; Lipiner.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.112.2Lipiner.07+821.112.2Goethe.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей»

© Качоровская А. Е., 2025

1. Введение = Introduction

В начале XX века известный переводчик и, в частности, исследователь творчества Липинера Н. А. Холодковский (1858—1921) определяет основополагающую триаду для поэтического жанра литературных произведений, способную, по его мнению, отобразить главные чаяния человечества — стремление к разгадке бытия, постижению его истоков, поискам божественного первоначала: «Религия, философия, поэзия — вот три пути, которыми стремится человек удовлетворить свою жажду бесконечного, свое стремление к абсолюту. С этой точки зрения мировые поэмы, из всех родов поэзии, имеют особенно чарующую прелесть» [Холодковский, 1908, с. 1].

Поэзия как особая, основанная на ритме форма литературного произведения располагает к изучению музыкальных соответствий, отсылая к некоему изначальному тону и поискам того первичного понятия музыки, которое могло бы сочетаться с важными элементами исследуемого литературного текста, поскольку, «…воспринимая музыку не как игру чистых абстрактных форм, но как интенсивнейшую мысль о мире, человеке и Боге, мы неизбежно выйдем за пределы музыкальной сущности как таковой…» [Зенкин, 2015, с. 389]. Сказанное, как нам кажется, в полной мере относится и к понятию дионисийской музыки.

В настоящем исследовании проблема дионисийской музыки рассматривается как неотъемлемая часть поэтики Липинера, что позволяет интерпретировать ее в рамках интермедиального аспекта австрийского прометеевского дискурса рубежа XIX—XX веков. Под *интермедиальностью* в данном случае понимается концепция, близкая исследованиям немецко-австрийского филолога-слависта Хансен-Леве (A. Hansen-Loeve, 1947), подразумевающая взаимодействие и корреляцию различных искусств, в том числе музыки и литературы. По мысли Хансен-Леве, «...за концепцией интермедиальности стоит общекультурное стремление к обмену, сме-

CC BY

шению, гибридизации, свойственной любым тенденциям интертекстуальности…» [Хансен-Леве, 2016, с. 22]. Причем понятие интертекстуальности в данном случае выходит за рамки исключительно постмодернисткой парадигмы, по-своему проявляясь в художественной литературе различных эпох. Обращаясь, в частности, к литературе эпохи модернизма и символизма рубежа XIX—XX веков, в том числе к трактату Ницше (1844—1900) «Рождение трагедии из духа музыки» («Die Geburt der Tragoedie aus dem Geiste der Musik», 1872), Хансен-Леве подчеркивает своеобразие этой эпохи, в которой превалирует «…характер космической и мифической ‘пан-медиальности’, в значительной степени сформированной под влиянием платонизма …» [Там же, с. 22—23].

Обращение к космической и мифической «пан-медиальной» (то есть сверх-интермедиальной) гибридной текстовой структуре характерно не только для прозаических художественных произведений и поэзии модного на рубеже XIX—XX веков прометеевского дискурса. Античная философия, мифология и космогония, как нам кажется, являются важными компонентами литературного творчества также и в эпоху гетевского романтизма. Сравнительный анализ поэмы «Освобожденный Прометей» Липинера с первой частью «Фауста» («Faust I», 1808) Гете, представленный в даннной работе в качестве примера литературной преемственности между мировыми поэмами, связанными в том числе дионисийской тематикой, касается театрально-музыкальной составляющей, и в частности роли псевдо-античного хора как важнейшего интермедиального элемента дионисийского дискурса.

В последней части работы уделено внимание кругу общения Липинера, к которому принадлежали Ницше, Малер (G. Mahler, 1860—1911) и Роде (E. Rohde, 1845—1898), что проясняет вовлеченность литератора в австрийский литературно-философский дискурс эпохи рубежа XIX—XX веков, тяготеющий к ницшеанскому пониманию дионисийского начала и дионисийской музыки, так или иначе находящей свое отражение в австрийской художественной литературе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Если дионисизм традиционно находится в сфере внимания отечественного и зарубежного литературоведения, то сама рецептивная музыкальная компонента как часть литературного произведения редко доминирует в современном научном дискурсе. Среди причин недостаточной исследованности этого вопроса Е. В. Москвина в своей статье «Дионисийская и аполлонийская звуковая партитура в ”Смерти в Венеции” Томаса Манна и Лукино Висконти» называет «…отсутствие специального термина, обозначающего описание звуков и музыки в литературе…» [Москвина, 2017,

CC BY

с. 165]. Однако в истории русской литературы по отношению к древнегреческой трагедии уже существует термин для определения музыки, выраженной в слове, принадлежащий М. М. Бахтину (1895—1975): ***звукопись***, или ***звуковой образ слова*** [Бахтин, 2000, с. 17].

Теме музыки в литературе посвящена и книга А. Е. Махова (1959—2021) «Musica literaria: идея словесной музыки в европейской поэтике» [Махов, 2005]. Идеи Махова свидетельствуют как о бесспорности существования такой проблемы, как «словесная музыка», возникающая «из области трансмузыкального» [Там же, с. 9], так и о принципиальной нечеткости в определении предмета исследования, когда речь касается музыки в стихах: «Идея словесной музыки… обладает интуитивной понятностью, которая, однако, решительно не поддается выражению на рационально-логическом уровне….» [Там же, с. 14—15].

Проблеме корреляции музыки и литературного текста посвящены также и труды немецкого ученого С. П. Шера (S. P. Scher, 1936—2004). В исследовании «Verbal music in German literature» («Вербальная музыка в литературе», 1968) Шер касается темы литературной трактовки музыки и определяет методы представления музыки в художественном тексте, предлагая свои терминологические дефиниции для теории и практики интермедиального анализа: «музыка слов» («word music»), а также «вербальная музыка» («verbal music») [Scher, 1968, p. 2]. В более позднем труде «Literatur und Musik. Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes» («Литература и музыка. Руководство по теории и практике пограничной области компаративистики», 1984), определяя область взаимодействия двух наук — литературоведения и музыковедения — как «ничейную землю» («Niemandsland») [Scher, 1984, S. 9], Шер пишет: «Поэзия и музыка — два священных (geheiligte) гиганта. Как часто мы уже видели их на дуэли!» [Ibid., S. 9] (перевод наш. — *А. К.*).

Среди современных русскоязычных исследований, касающихся проблемы синтеза искусств в литературе, выделим кандидатскую диссертацию А. Г. Сидоровой «Интермедиальная поэтика современной отечественной прозы» (2006), которая, опираясь на работы Шера и Ханзен-Леве, обращается к проблеме теории «музыкализации литературы» [Сидорова, 2006, с. 121], предлагая актуальную типологию интермедиальности в художественном произведении.

В свою очередь многочисленные исследования, делающие акцент на дионисийском дискурсе, касаются различных эпох — от древней мифологии до литературы постмодернизма. В австрийском контексте несомненно концептуальный характер имеет статья В. Шмидт-Денглера (W. Schmidt-Dengler, 1942—2008) «Миф о Дионисе в культуре Вены на рубеже XIX—

XX веков», в которой автор обстоятельно показывает, что именно ницшеанский дискурс «при попытках реконструкции мифа» [Шмидт-Денглер, 2004, с. 125] является ключевым.

Используемый в данной работе сравнительно-исторический метод исследования позволяет проследить, каким образом проявляется влияние дионисизма (в том числе ницшеанского) в прометеевской тематике рубежа XIX—XX веков, объяснить, по какой причине выбран именно прометеевский дискурс в связи с изучением роли дионисийской музыки в исследуемом произведении, а также показать, в какой мере и на какой почве возможно сравнение поэмы Липинера с музыкальным европейским контекстом. Презентируемая интерпретация дионисийской музыки в качестве интермедиального аспекта прометеевского дискурса рубежа XIX—XX веков опирается также и на методологию интермедиального анализа, разработанную в трудах А. Хансен-Леве, С. П. Шера, Ю. М. Лотмана (1922—1993) и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мифологические истоки и символика дионисийской музыки = Mythological Origins and Symbolism of Dionysian Music

Крупнейший исследователь античности А. Ф. Лосев (1893—1988) в своем труде «Античная музыкальная эстетика» (1960), изучая музыкальные теории Платона (424/423 — 348/347 до н. э.) и Аристотеля (384 — 322 до н. э.), обращает внимание на универсальность самого понятия музыки в Древней Греции: «…анализ памятников античной музыкальной эстетики показывает, что музыка в древнегреческом обществе еще не вычленяется в самостоятельный вид искусства из сферы общественной практики» [Лосев, 1960, с. 7]. Можно предположить, что само слово *музыка* в его древнегреческом понимании соотносимо с современным понятием интермедиальности, поскольку являет собой некий особый культурный код — гибридизацию всевозможных искусств: литературы, драматургии, песни, танца.

Музыкальная эстетика античности, согласно исследованиям Лосева, включает в себя также и знаменитое пифагорейское учение о «гармонии сфер» [Там же, с. 10], согласно которому вселенная представляет собой исконный музыкальный инструмент, настраиваемый первоначальными божественными силами. Космологическая эстетика Платона также соотносит представление о космосе как о «некоем едином и универсальном музыкальном инструменте» [Там же, с. 45] — «небесном гептахорде» [Там же, с. 44], — от звучания которого зависит труднодостижимая гармония окружающего мира. Напротив, рассуждения о музыкальной дисгармонии иногда связываются исследователями не только с универсальным понятием музыки, но и конкретно с музыкой дионисийской: «Дионисийская му-

CC BY

зыка представляла собой некий дикий набор звуков, какофонию, некий неоформленный прорыв мировой воли, прорыв первоначала, через который мы можем соприкоснуться с этой стихийной, неоформленной, находящейся вне времени и вне пространства основой всего нашего мира» [Соколов, 2005, с. 22].

Таким образом, далекой от гармонии дионисийской музыке как символу первообразующего Хаоса приписывается изначальная творческая сила, создающая вселенную, а земной культ самого бога Диониса непременно соотносится с гибридным понятием музыки, включающим в себя динамику народного танца, песни, а также мотив вина и виноделия, широко представленный в художественной литературе различных эпох. В символическом ряду вино, являя собой «сок жизни» («Saft des Lebens»), «откровение» («Offenbarung») и «жизненную силу» («Vitalitaet») [Cooper, 1986, S. 212], в то же время может отождествляться с «жертвенной кровью» («das Blut des Todes bei der Opferung») [Cooper, 1986, S. 212] (здесь и далее перевод наш. — *А. К.*). В классической греко-римской мифологии, ассоциируясь с Дионисом (Вакхом) и обладая «пьянящими силами» («berauschende Kraefte»), вино олицетворяет «захват божественной собственности человеком» («Manifestation goettlichen Besitzergreifens») [Ibid., S. 212], что контаминирует с известной версией Гесиода о краже Прометеем божественного огня для людей. Явление бога Диониса, выраженное в виноделии, как, например, у Гесиода в «Трудах и Днях» (VII—VIII века до н. э.), воспринимается как «необратимый теогонический ряд метаморфозы природы» [Бахтин, 2000, с. 40]: «Лей уже в бочки дары Диониса, несущего радость» [Гесиод, 1963, с. 161].

Немецкий филолог и исследователь античности Э. Роде в своем труде «Психея. Культ души и вера в бессмертие у греков» («Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen», 1894) уделяет культу Диониса особое внимание: «Культ Диониса дал первый росток вере в бессмертие души» [Rohde, 1898, S. 3]. В связи с изучением подобия прометеевского дискурса дискурсу дионисийскому особенно интересна легенда о происхождении бога Диониса, которую приводит в своей книге Роде: это история Диониса-Загрея, сына Зевса и Персефоны, растерзанного титанами. Зевс, поглощая сердце Загрея, творит нового Диониса. Тема жертвенности, перерождения, метаморфозы, по сути, бессмертия, соотносима в данном контексте не только с прометеевским дискурсом, но и, отчасти, с образом Христа в классической библейской версии. Однако обращение к мифологии содержит и существеннное отличие образа Прометея от образа Христа: «Поскольку Гераклу удается освободить Прометея и помирить его с Зевсом, возникает надежда, что также и человеческому роду однажды удастся улучшить свою судьбу…» [Daemmrich, 1995, S. 283].

CC BY

3.2. Дионисийская музыка в произведениях Гете и Липинера = Dionysian music in the works of Goethe and Lipiner

Обращение к теме дионисийской музыки представляется неполным без первой части поэмы «Фауст» («Faust I», 1808) Гете как эталонного произведения, оказавшего огромное влияние на всю европейскую литературу, в том числе на поэму «Освобожденный Прометей» (о влиянии философии «Фауста» Гете на поэму З. Липинера см. подробнее: [Качоровская, 2022, с. 320—335]). Основанием для такого сравнения можно считать, в частности, мнение австрийского литературоведа Ленгауэра (H. Lengauer, 1948) об этом произведении, вызывающем «ассоциации с Гельдерлином, Гете, Вагнером» [Lengauer, 1989, S. 1244].

Музыкальная тема «Фауста» воспринимается именно как первопричина версификации: создается впечатление, что только благодаря музыке возможно сотворение поэтического произведения. Поиски первоначального тона вселенской гармонии в духе платонизма формируют звучание знаменитой гетевской эоловой арфы, рождают текст и ритмический рисунок строфы, определяют философию и фабулу:

И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной [Гете, 2021, с. 4].

Песнь гетевской Лиры — суть вариации дионисийской музыки как божественного и даже, в ницшеанском смысле, некоего вселенского надбожественного первоначала:

А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, — рассеяны средь мира [Там же, с. 3].

Реминисценции на Пролог к «Фаусту I» характерны и для Пролога «Освобожденного Прометея» Липинера. Можно предположить, что в поэме Липинера представлен тот же связанный с платонизмом мотивный ряд, что и в «Фаусте»: звучание лиры как настройки некоего первичного демиургического инструмента. Вероятно, Липинер определяет свою роль в создании произведения как роль посредника между творческим актом создания произведения и творцом-демиургом. Поэт-рассказчик, возможно, являющийся маской самого автора, вверяет лиру главному герою своей поэмы — Прометею:

Герой мой светлый! Ты, не я — певец!
Я — лира лишь в руках твоих, не боле… [Липинер, 1908, с. 23].

Неоднородная поэтика Липинера порой демонстрирует быструю смену настроений. Так, например, нарочито скромной роли, которую отводит себе поэт-рассказчик в мотивном ряду: «поэт-рассказчик — лира — Прометей», — предшествует экстатический, полный пьянящего дионисийского восторга возглас поэта, ощутившего себя творящим демиургом:

CC BY

Греми ж, меняясь как пути судьбины,
То нежная, то грозная опять,
О песнь моя, витая в бесконечность,
В одном мгновеньи обнимая вечность! [Там же, с. 23].

Текст поэмы Липинера изобилует музыкальными аллюзиями. Дионисийская тема проявляется и в одном из сквозных музыкальных мотивов произведения: песни трех Мойр (или *Парок*: в тексте поэмы встречаются оба названия). Имена этих древних богинь, названных Липинером «Сестрами Судьбы» [Там же, с. 31], — *Лахезис*, *Атропос* и *Клото*. Функции богинь в прометеевском дискурсе, а также их великая власть над миром интерпретируются, в частности, в статье Пютца (P. Puetz, 1935—2003): «Прометей видит, что даже смущающий его Зевс, подобно людям, подвластен Мойрам и Эриниям… » [Puetz, 1999, S. 147]. Олицетворяя Хаос и Тьму и предрекая в своих песнях грядущую гибель человечества, Мойры в поэме Липинера противостоят прометеевской теме, символизирующей искупление, жизнь и свободу для людей:

Так пойте ж песнь победную, о Парки!
Кружись в победной пляске, мрачный ад! [Липинер,1908, с. 47].

Три Мойры (Парки) фигурируют и в «Фаусте» Гете. Здесь они — часть всеобщего дионисийского карнавала, в котором оказываются Фауст с Мефистофелем. Атропос поет о том, как она прядет «живую нить созданья» [Гете, 2021, с. 245], напоминая своей песней о бренности человеческого бытия:

Кто танцует здесь беспечно,
Кто веселью предается, —
Берегись! Ничто не вечно!
Час ударит — нить порвется [Там же, с. 246].

Дионисийская тематика широко представлена в «Фаусте». В одном месте гетевской поэмы хор духов прославляет вино как неотъемлемую часть райских видений. «*Пенясь реками*», оно струится с «*сияющих гор*», попадая в озера плодородных равнин; райские птицы «*блаженство там пьют*» [Там же, с. 61]. Мотив вина как квинтэссенции райского блаженства усиливается музыкальной темой и танцем: «*Пленяют нам взоры танцующих хоры*» [Там же]. Подчеркивается и роль духов, усиливающих тему магической силы музыки как первопричины бытия:

То духов рой. Как их причудлив вид!
В движенье каждом музыка звенит [Там же, с. 293].

Гимн виноделию и прославление вакхического неистовства, связанное с присутствием земного Духа, также неоднократно встречается в «Фаусте». Фауст называет Духа Земли «дух пламенный» [Там же, с. 23], что

CC BY

ассоциируется с прометеевской тематикой. Сам гетевский Дух Земли взывает к некоему титану, возможно, сетуя на отсутствие прометеевской силы в современном человеке:

Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел? [Там же].

Темная сторона дионисийского, связь с земным Духом, тема Эроса и Танатоса — проблемы, по-своему выраженные также и в «Освобожденном Прометее» Липинера. Кажется, что Липинер находит свою особую тональность, позволяющую одновременно восхищаться гетевскими идеями и полемизировать с ними. Так, например, связь людского рода с Земным Духом представляется Липинеру фатальной:

Что значит сотня тысяч или больше
Убитых, если дух на свой алтарь
Их требует? [Липинер, 1908, с. 76].

Тема чаши, утоляющей вечную жажду, вероятно, связана у Липинера одновременно как с дионисийской символикой (вино, кровь), так, отчасти, и с жертвенностью христианского учения, вследствие чего образ Прометея предстает подобием образа Диониса — Загрея. Вместе с мотивом чаши звучит мотив времени, медленно уходящей жизни:

Но медленно катясь,
Из чаши времени седого
За каплей капля упадет… [Там же, с. 88].

Прометей Липинера стремится к христианскому учению, чтобы утолить вечную жажду жизни и свободы. Образ Христа одновременно устрашает и притягивает его. Поэт-повествователь призывает титана к дионисийскому действию:

Иди же с ним, не медли! О, не медли
И пламенную жажду утоли
Его напитком горьким. Пей смелее,
Весь кубок выпей, до последней капли! [Там же, с. 94]

Всеобъемлющий гетевский универсум в «Фаусте» прославляет Творца, видя его во всех жизненных явлениях, многочисленные и разнообразные псевдо-античные хоры в «Фаусте» комментируют и воспевают виноделие, бога Пана, Гелиоса, неразрывно связывая божественное начало с культом вина, плясками и песнями:

Между тем готовят боги — всех же Гелиос скорее, —
Орошая, согревая, сочных ягод полон рог [Гете, 2021, с. 451].

В описании процесса виноделия, который, вероятно, восходит к древнегреческим источникам (Гесиод «Теогония», «Труды и Дни»), прямо упо-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

минается и сам Бог Дионис, причем подчеркивается его изначальная музыкальная природа как синтез множества взаимосвязанных искусств: от винодельческого ремесла до театральных мистерий:

И гремят тогда кимвалы, и литавры раздаются,
Ибо, сняв покров мистерий, всем открылся Дионис [Там же, с. 451].

Образ Прометея у Липинера также имеет отношение к дионисийским мистериям, хотя их связь с райскими реминисценциями в поэме никак не подчеркивается. Напротив, сцена неистового вакхического пиршества липинеровских повстанцев, за которой не без грусти наблюдает освобожденный от оков Прометей, выражает дьявольскую сущность революционной вседозволенности, а с ней и сам культ Диониса приобретает мрачные, разрушающие черты, напоминая «чашу скорби черной» [Липинер, 1908, с. 82]. Вместе с тем акцентируется взаимосвязь символики вина, крови и огня:

Разграбленный, разрушенный, сожженный,
Лежал несчастный город. Лишь один
Стоял роскошный и богатый замок,
Как в дни былые, пышно разукрашен,
И в нем Марцелл, с кровавыми друзьями
Среди прекрасных женщин пировал —
И как текла недавно кровь рекою,
Так огненной рекой текло вино [Там же, с. 102].

Мотив вина в сочетании с адским огнем встречается и в «Фаусте» Гете. Знаменитая сцена в погребе Ауэрбаха в Лейпциге представляет созданные мистификацией Мефистофеля фонтаны вина, бьющие прямо из столов погреба. Зибель, один из персонажей сцены, случайно проливает вино на землю; колдовская метаморфоза превращает вино в огонь: «*Огонь! Спасите! Ад!*» [Гете, 2021, с. 98]. Другой персонаж сцены в погребе Ауэрбаха, Альтмайер, прославляет вино и застольные песни, непосредственно связанные с темой бунтарства и свободы: «*Да здравствует вино! Да здравствует свобода!*» [Там же, с. 94].

Как у Гете в «Фаусте», так и у Липинера в поэме «Освобожденный Прометей» тема райского блаженства и истинной свободы не равна пьянящей дионисийской вседозволенности. Так, например, в «Фаусте» слова Мефистофеля о пьяных гуляках погребка «*Народ свободен стал: любуйтесь на него!*» [Там же, с. 98] предваряют конец мистификации: в наваждении гулякам видится райский сад, они принимают носы друг друга за гроздья винограда.

Можно предположить, что музыкально-дионисийская тема в «Фаусте» не стремится к доминированию и не служит дидактике, являясь, скорее, многогранным элементом пантеистического мировоззрения самого Гете.

CC BY

Такой же вывод будет справедлив и в отношении поэмы Липинера. Интерпретируя положения гетевского пантеистического мировоззрения, Липинер в конце поэмы «Освобожденный Прометей» связывает торжество природного Духа с дионисийской музыкой: это и бунтарские пиршества, и зловещие песни Мойр, и, вместе с тем, скорбная песнь прометеевского искупления, вызывающего реминисценции как на Диониса-Загрея, так и на тему жертвенности в христианстве.

3.3. Феноменология дионисийской музыки в интерпретации Ницше = The Phenomenology of Dionysian Music in Nietzsche's Interpretation

Конец XIX — начало XX веков в европейской немецкоязычной литературе — время перемен и поисков новых выразительных форм: «Конфликт жизни и формы, сформулированный Георгом Зиммелем, пронизывает культуру рубежа веков. Этот конфликт мы находим в антитезе дионисийского и аполлонического начал у Ницше и в антитезе воли и индивидуальных представлений Шопенгауэра» [Жеребина, 2014, с. 71]. Понятие дионисийского начала, восходящего к системе Шопенгауэра (1788—1860) и представляющего собой волю, в том числе и как музыкальную первооснову бытия, определяет у Ницше понятие дионисийского искусства, противопоставленного в труде «Рождение трагедии из духа музыки» («Die Geburt der Tragoedie aus dem Geiste der Musik», 1872) искусству аполлоническому: «Аполлоническое искусство — это искусство пластических образов, дионисийское — непластическое искусство музыки» [Соколов, 2005, с. 21]. По Ницше, таким образом, само понятие дионисийского начала представляется равным понятию дионисийской музыки. Соответственно древнегреческому канону восприятия музыки как квинтэссенции различных искусств, Ницше ведет речь о сценической музыке и роли театрального хора, о важности порождаемой античным хором символики «пляски, звуков и слова» [Ницше,2005, с. 85], то есть, в современной терминологии, о музыке в интермедиальном контексте.

В связи с эсхиловским пониманием музыкальной доминанты в театрально-карнавальном действе упоминается у Ницше и древнее существо — Мойра, в существовании которой он видит «средоточие и основное положение эсхиловского мировоззрения» [Там же, с. 91], базирующееся на «эсхиловской жажде справедливости» [Там же]. Мотив над-божественной справедливости, носителями которой являются древние Мойры, как в понимании Эсхила (525 до н. э.), так и у Ницше, а впоследствии и у Липинера, непосредственно связан с прометеевским началом. «Общеизвестная многозначность» [Boeschenstein, 1999, S. 9] прометеевского образа позволяет Ницше объединять фигуры Прометея и Диониса, практически утверждая их тождество: «Титаническое стремление стать как бы Атлантом всех отдельных существ и на сильных плечах нести их все выше и выше,

все дальше и дальше и есть то, что объединяет прометеевское начало с дионисическим. Эсхиловский Прометей в этом отношении — дионисическая маска» [Ницше, 2005, с. 94—95].

В связи со сценичностью прометеевского образа Ницше рассуждает о приоритете дионисийского начала, проявляющегося практически во всех древнегреческих трагедиях: «…можно утверждать, что никогда, вплоть до Еврипида, Дионис не переставал оставаться трагическим героем, но что все знаменитые фигуры греческой сцены — Прометей, Эдип и т. д. — являются только масками этого первоначального героя — Диониса. То, что за всеми этими масками скрывается божество, представляет одно их существенных оснований для вызывавшей столь часто удивление типичной «идеальности» этих знаменитых фигур» [Там же, с. 95].

Поиски вселенской гармонии через дионисийское восприятие мира в контексте ницшеанского мировоззрения приводят, в частности, к идее нового, идеального (или наивного) героя в литературе. Плеяда новых героев, в которых чувствуется замеченное Ницше «единство человека с природой, для обозначения которого Шиллер пустил в ход термин “наивное”» [Там же, с. 56], прослеживается в европейской литературе вплоть до рубежа XX—XXI веков. С этой точки зрения, эсхиловского и гетевского Прометея, Заратустру Ницше, а также и Прометея Липинера можно назвать предтечей в ряду новых героев в литературе Европы XX века, в том числе в австрийской литературе постмодернизма, имеющей отношение к эволюции карнавального дискурса и нового прочтения дионисизма (К. Рансмайр, М. Грубер), в рамках которой « …новый герой — не только эквивалент постмодернистского “homo ludens” — человека играющего, по Й. Хейзинга. Скорее, его можно было бы определить как homo ludens amoto ludo — человека, играющего всерьез…» [Качоровская, 2010, с. 133].

3.4. Влияние ницшеанской концепции дионисийской музыки на поэму Липинера = The Influence of Nietzsche’s Concept of Dionysian Music on Lipiner’s Poem

Рубеж XIX—XX веков считается временем расцвета австрийской словесности, когда «литература Австрии вступает в эпоху модернизма, отмеченную высокими достижениями во всех областях культурного творчества» [Жеребин, 2009, с. 22]. Культ Диониса в эту эпоху связан как с философией Ницше, объединяющей образы Прометея и Диониса, так и с христианскими реминисценциями. Дионисийско-христианская тема звучит у Гельдерлина (I.C.F. Hoelderlin, 1770—1843) и Шницлера (A. Schnitzler, 1862—1931), ее разрабатывают Э. Роде и Т. Манн (Th. Mann, 1875—1955). Подчеркивая многоликость образа Диониса и обязательную взаимосвязь его образа с музыкой, Г. фон Гофмансталь (H. von Hofmannstahl, 1874—

CC BY

1929) так описывает нового, «дионисийского» героя: «Вакхическая процессия проносится мимо: дионисийский человек; прославление страсти и музыки. Здесь затронуто то, что проявилось в истории мифа, начиная с Гельдерлина и Ницше, — синкретизм христианских и языческих античных образов в фигуре Диониса …» (перевод А. В. Елисеевой) (*Hofmanstal, H.* von. Gesammelte Werke: In 10 Einzelbaenden: Reden und Aufsaetze III / Hrsg. V. B. Schoeller, I. Beuer — Ahlert in Berat mit R. Hirsch. — Frankfurt/M., 1980. — S. 347) [Цит.по: Шмидт-Денглер, 2004, с. 129]).

Интерес Липинера к дионисийской музыке связан как с особенностями его эпохи, так и с его литературно-музыкальным окружением, в котором обнаруживается множество известных имен. В круг общения Липинера входят Вагнер (W. R. Wagner, 1813—1883) и Малер (G. Mahler, 1860—1911), Ницше и Роде. В конце XIX века Липинер ведет интенсивную переписку с Малером и Ницше. Например, трактуя в дионисийском ключе прелюдию «Адам» к трагедии «Ипполит» (1913), вышедшую уже после смерти Липинера, Малер в одном из писем Липинеру (июнь 1899 года) рассуждает о Дионисе в духе своей эпохи: «*Что* же отдает все живое под власть Диониса? Вино опьяняет и возвышает пьющего! Но *что* такое вино? — До сих пор еще никогда не удавалось изобразить то, что само собой звучит в каждой ноте музыки. В твоей поэме веет *эта* музыка! Она действительно единственная в мире. — Она не рассказывает о вине, не описывает его действия: она сама — вино, сама — Дионис…» [Малер, 2006, с. 377].

В статье «Зигфрид Липинер: Биография под знаком Прометея» («Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus», 1989) Ленгауэр (H. Lengauer, 1948), отмечая особый поэтический талант Липинера, который в числе прочего характеризует «растворяющая концепцию музыкальная непосредственность» [Lengauer, 1989, S. 1228], описывает впечатления Ницше от прочтения «Прометея» Липинера: «Первоначально Ницше “дионисически” (“dionysisch”) воспринял Освобожденного Прометея, а его воздействие описал как “пьянящее» (“berauschend”), “разграничивающее» (“entgrenzend”), “растворяющее»-Я (“Ich-aufloesend”)» [Ibid, S. 1235]. Ленгауэр цитирует и отзыв самого Ницше о поэме: «Слезы глубокого экстаза, пьянящее, восторженное ощущение, как от погружения в теплое южное море…» (перевод наш. — *А. К.*) (*Nietzsche*, KGW (Anm. 11) IV 2, 488, Nummer 22/78) [Цит. по: Ibid, S. 1235]).

Поэма «Освобожденный Прометей», рассмотренная с точки зрения причастности к теме дионисийской музыки, видится произведением, вписывающим имя Липинера в ряд литераторов, тяготеющих к ницшеанской интерпретации культа Диониса. Можно предположить, что образ Прометея Липинера в данном контексте не только обладает дионисийско-хри-

стианскими жертвенными чертами, но и являет собой один из вариантов театральной вакхической маски. Это вполне подтверждается «пьянящим» ощущением свободы, которое возникает у читателя при прочтении различных драматических сцен поэмы. Например, в Песне пятой Прометей искупает новое человечество. Падает завеса, срываются все маски, свет торжествует над вечной ночью:

Ты, скрывающая небо, точно туч тяжелых тень, —

Взвейся, мрачная завеса и открой нам яркий день! [Липинер, 1908, с. 147].

Песнь пятая представляет метаморфозу возносящегося Прометея во всемирного духа, летящего «сквозь сияющий эфир» [Там же, с. 148]. Эта «струн всемирных песня» [Там же, с. 148] представляется синкретичной, навеянной впечатлением от множества различных, не связанных между собой музыкальных произведений: здесь и пастушьи напевы, и музыка Вагнера, и — в отношении стихотворного ритма — «Ода к радости» Бетховена:

Без конца, но не без меры, и покорна, и сильна,

Льется струн всемирных песня, непрерывна и вечна … [Там же, с. 148].

Ассоциативный ряд музыкальных шедевров применительно к такой универсальной поэме, как «Освобожденный Прометей» Липинера, а также мнения его знаменитых современников (Ницше, Роде, Малер), как нам кажется, могут служить доказательством интермедиальной природы его поэтики. Произведение от пролога до последней песни является характерным для своего времени примером выраженной в стихотворной форме интермедиальности дионисийской музыки, состоящей из множества равнозначных элементов: философии, театральных сцен, а также песен Мойр, связывающих части поэмы воедино. Вероятно, лирическое целое поэмы, уподобляясь также и музыке в ее древнегреческом понимании — в качестве понятия, объединяющего все искусства, — стремится выразить магию момента «nunc stans»: в данном контексте — той «звукописи» (в терминологии Бахтина), которая апеллирует к исходному мгновению первоначального Хаоса, порождающего вечную, словно настраиваемую камертоном древнего демиурга, музыку.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рамках настоящего исследования рассмотрена проблема дионисийской музыки в качестве интермедиального аспекта прометеевского дискурса в немецкоязычной, и в частности австрийской, литературе. Подчеркнуто ведущее значение дионисизма в австрийском литературном контексте рубежа XIX—XX веков. Уделено внимание куль-

CC BY

ту Диониса, характерному для литературно-музыкальной венской среды этого исторического периода. Прослежена взаимосвязь исследуемой поэмы прометеевского дискурса с христианской и дионисийской тематикой. Проведен сравнительный анализ поэмы Липинера с «Фаустом» Гете, позволяющий утверждать, что обе «мировые поэмы» (по выражению Холодковского) при существенном сходстве в отношении инструментария версификации (ритм, размер), а также использования дионисийской символики обладают индивидуальным подходом к проблеме дионисийской музыки. Доказано, что дионисийская музыка является сквозным мотивом поэтики Липинера и может быть рассмотрена в качестве интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса эпохи модернизма.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гесиод.* Работы и дни / Гесиод // Эллинские поэты / в переводах В. В. Вересаева. — Москва : Издательство Художественная литература, 1963. — 407 с.

2. *Гете И. В.* Фауст : [трагедия] / И. В. Гете ; пер. с нем. Н. Холодковского. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 544 с. — ISBN 978-5-17-098786-3.

3. *Липинер З.* Освобожденный Прометей / З. Липинер ; пер. и введение Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.

4. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше ; пер. с нем. Г. А. Рачинского. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 208 с. — ISBN 5-352-01 269-7.

5. *Pankow E.* Prometheus : Mythos der Kultur / E. Pankow, G. Peters ; Hrsg Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 336 с. — ISBN 5-267-00272-0.

2. *Бахтин М. М.* Эпос и роман / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 304 с. — ISBN 5-267-00273-9.

3. *Жеребин А. И.* На рубеже веков / А. И. Жеребин // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ РАН, 2009. — Т. 1. — 629 с. — ISBN 978-5-9208-0330-6.

4. *Жеребина Е. А.* Проблема языкового скепсиса в лингвофилософии раннего модернизма / Е. А. Жеребина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2014. — № 169. — С. 70—77.

5. *Зенкин К. В.* Мифологизация музыки / К. В. Зенкин // Музыка-Эйдос-Время. Лосев и горизонты современной науки о музыке. — Москва : Памятники исторической мысли, 2015. — 464 с. — ISBN 978-5-88451-339-6.

6. *Качоровская А. Е.* Новый герой и новый читатель в романе Марианны Грубер “В Замок” / А. Е. Качоровская // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2010. — № 123. — С. 130—134.

7. *Качоровская А. Е.* Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера “Освобожденный Прометей” = Reception of Goethe’s Philosophical Views in Poem

by Siegfried Lipiner “Liberated Prometheus” / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 320—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.

8. *Лосев А. Ф.* Античная музыкальная эстетика / А. Ф. Лосев ; предисл.и общ.ред. В. П. Шестакова. — Москва : Московская типография № 6 Мосгорсовнархоза, 1960. — 304 с.

9. *Малер Г.* Письма / Г. Малер ; под общей редакцией И. А. Барсовой. — Санкт-Петербург : Издательство им. Н. И. Новикова, 2006. — 896 с. — ISBN 5-87991-069-5.

10. *Махов А. Е.* (1959—2021) Musica literaria : идея словесной музыки в европейской поэтике / А. Е. Махов // Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Центр гуманитарных науч.-информационных исслед. — Москва : Intrada, 2005. — 223 с. — ISBN 5-87604-067-3.

11. *Москвина Е. В.* Дионисийская и аполлонийская звуковая партитура в «Смерти Венеции» Томаса Манна и Лукино Висконти / Е. В. Москвина // Символическая реальность: Статьи о немецкой и австрийской литературе. Переводы. — Москва : Глобал Ком : Языки славянской культуры, 2017. — 320 с. — ISBN 978-5-94457-228-3.

12. *Сидорова А. Г.* Интермедиальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Г. Сидорова. — Барнаул, 2006. — 218 с.

13. *Соколов Б. Г.* Страсти по Ницше / Б. Г. Соколов // Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 208 с. — ISBN 5-352-01269-7.

14. *Хансен-Леве О.* Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду / О. Хансен-Леве ; пер. с немецкого Б. М. Скуратова, Е. Ю. Смотрицкого. — Москва : Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2016. — 450 с.

15. *Холодковский Н. А.* Введение к поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» / Н. А. Холодковский // Липинер, Зигфрид. Освобожденный Прометей / перевод с нем. Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Изд. А. С. Суворина, 1908. — С. 1—20.

16. *Шмидт-Денглер В.* Миф о Дионисе в культуре Вены на рубеже XIX—XX веков / В. Шмидт-Денглер // Сборник статей Studia germanica : немецкоязычная литература XIX—XX веков в современных исследованиях : неконфронтационный диалог. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. — С. 124—137. — ISBN 5-8465-0264-4.

17. *Boeschestein R.* Poetische Sprache als psychohistorisches Dokument. Zu Goethes Dramenfragment Prometheus / R. Boeschestein // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — S. 85—107. — ISBN 3-7705-3381-X

18. *Cooper J. C.* Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole / J. C. Cooper. — Leipzig : Drei Lilien Verlag ; By E. A. Seemann Verlag, 1986. — 240 S. — ISBN 3-928 127-27-6.

19. *Daemmrich Horst S.* Themen und Motive in der Literatur : ein Handbuch / S. Daemmrich Hors. — Tuebingen ; Basel : Franke, 1995. — 410 S. — ISBN 3-7720-1734-7.

20. *Lengauer H.* Siegfried Lipiner : Biographie im Zeichen des Prometheus / H. Lengauer // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Zehman. — Graz : [b. i.], 1989. — Bd. 2. — S. 1227—1246.

21. *Puetz P.* «Arischer» Frevel und «semitische» Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption / P. Puetz // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

22. *Rohde E.* Psyche. Seelenelement und Unsterblichkeitsglaube der Griechen / E. Ronde // Zweite verbesserte Auflage. — Leipzig und Tuebingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1898. — Bd. 1. — 329 S.

23. *Scher S. P.* Verbal music in German literature / S. P. Scher. — New Haven : University Press, 1968. — 181 p.

24. *Scher S. P.* Literatur und Musik : Ein Handbuch zur Theorie u. Praxis e. komparatist. Grenzgebietes / S. P. Scher ; Hrsg. von Steven Paul Scher. — Berlin : E. Schmidt, 1984. — 432 S. — ISBN 3-503-01650-3.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025,
одобрена после рецензирования 20.08.2025,
подготовлена к публикации 07.09.2025.

Material resources

Goethe, I. V. (2021). *Faust: [tragedy].* Moscow: AST Publishing House. 544 p. ISBN 978-5-17-098786-3. (In Russ.).

Hesiod. (1963). Works and days. In: *Hellenic Poets.* Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House. 407 p. (In Russ.).

Lipiner, Z. (1908). *The Liberated Prometheus.* Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 174 p. (In Russ.).

Nietzsche, F. (2005). *The Birth of tragedy from the spirit of music.* Saint Petersburg: ABC Classics. 208 p. ISBN 5-352-01 269-7. (In Russ.).

Pankow, E., Peters, G. (1999). *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X.

References

Bakhtin, M. M. (2000). *Epic and novel.* Saint Petersburg: ABC. 304 p. ISBN 5-267-00273-9. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2000). *The author and the hero: towards the philosophical foundations of the humanities.* Saint Petersburg: ABC. 336 p. ISBN 5-267-00272-0. (In Russ.).

Boeschestein, R. (1999). Poetische Sprache als psychohistorisches Dokument. Zu Goethes Dramenfragment Prometheus. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 85—107. ISBN 3-7705-3381-X.

Cooper, J. C. (1986). *Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole.* Leipzig: Drei Lilien Verlag; By E. A. Seemann Verlag. 240 S. ISBN 3-928 127-27-6. (In Germ.).

Daemmrich Horst, S. (1995). *Themen und Motive in der Literatur: ein Handbuch.* Tuebingen; Basel: Franke. 410 S. ISBN 3-7720-1734-7. (In Germ.).

Hansen-Levet, O. (2016). *Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde.* Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities. 450 p. (In Russ.).

Kachorovskaya, A. E. (2010). A new hero and a new reader in Marianne Gruber's novel "To the Castle". *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 123:* 130—134. (In Russ.).

Kachorovskaya, A. E. (2022). Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus". *Nauchnyi dialog, 11 (5):* 320—335. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335. (In Russ.).

Kholodkovsky, N. A. (1908). Introduction to Siegfried Lipiner's poem "The Liberated Prometheus". In: *Lipiner, Siegfried. The Liberated Prometheus.* Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 1—20. (In Russ.).

Lengauer, H. (1989). Siegfried Lipiner: Biographie im Zeichen des Prometheus. In: *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart, 2.* Graz: [b. i.]. 1227—1246. (In Germ.).

Losev, A. F. (1960). *Ancient musical aesthetics.* Moscow: Moscow Printing House № 6 of the Moscow City Council of the National Economy. 304 p. (In Russ.).

Mahler, G. (2006). *Letters.* Saint Petersburg: N. I. Novikov Publishing House. 896 p. ISBN 5-87991-069-5. (In Russ.).

Makhov, A. E. (2005). (1959—2021) Musica literaria: the idea of verbal music in European poetics. In: *Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information. by default. Russian Academy of Sciences, Center for Humanitarian Scientific and Information Research.* Moscow: Intrada. 223 p. ISBN 5-87604-067-3. (In Russ.).

Moskvina, E. V. (2017). The Dionysian and Apollonian sound score in The Death of Venice by Thomas Mann and Luchino Visconti. In: *Symbolic Reality: Articles on German and Austrian literature. Translations.* Moscow: Global Com: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-94457-228-3. (In Russ.).

Puetz, P. (1999). «Arischer» Frevel und «semitische» Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Rohde, E. (1898). Psyche. Seelenelement und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. In: *Zweite verbesserte Auflage, 1.* Leipzig und Tuebingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). 329 S. (In Germ.).

Scher, S. P. (1968). *Verbal music in German literature.* New Haven: University Press. 181 p.

Scher, S. P. (1984). *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie u. Praxis e. komparatist. Grenzgebietes.* Berlin: E. Schmidt. 432 S. ISBN 3-503-01650-3. (In Germ.).

Schmidt-Dengler, V. (2004). The myth of Dionysus in the culture of Vienna at the turn of the 19th and 20th centuries. In: *Collection of articles Studia germanica: German-language literature of the 19th and 20th centuries in modern research: a non-confrontational dialogue.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press. 124—137. ISBN 5-8465-0264-4. (In Russ.).

Sidorova, A. G. (2006). *Intermediate poetics of modern Russian prose (literature, painting, music).* PhD Diss. Barnaul. 218 p. (In Russ.).

Sokolov, B. G. (2005). The Passions of Nietzsche. In: *Nietzsche F. The birth of tragedy from the spirit of music.* Saint Petersburg: ABC Classics. 208 p. ISBN 5-352-01269-7. (In Russ.).

Zenkin, K. V. (2015). Mythologization of music. In: *Music-Eidos-Time. Losev and the horizons of modern music science.* Moscow: Monuments of Historical Thought. 464 p. ISBN 978-5-88451-339-6. (In Russ.).

Zherebin, A. I. (2009). At the turn of the Century. In: *History of Austrian literature of the XX century, 1.* Moscow: IMLI RAS. 629 p. ISBN 978-5-9208-0330-6. (In Russ.).

Zherebina, E. A. (2014). The problem of linguistic skepticism in the linguophilosophy of early modernism. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 169:* 70—77. (In Russ.).

The article was submitted 11.06.2025;
approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 07.09.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Романова А. Н. Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» / А. Н. Романова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 278—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315.

Romanova, A. N. (2025). Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac "Northern Flowers for Year 1829". *Nauchnyi dialog, 14* (7): 278-315. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год»

Романова Алена Николаевна
orcid.org/0009-0007-6794-1250
кандидат филологических наук, доцент
кафедры отечественной филологии
romanovaal@mail.ru

Костромской
государственный университет
(Кострома, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
в Костромском государственном
университете за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-00058 «Поэтическое наследие
А. И. Готовцевой:
подготовка к научному изданию»,
https://rscf.ru/project/24-28-00058/

Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac "Northern Flowers for Year 1829"

Alyona N. Romanova
orcid.org/0009-0007-6794-1250
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Philology
romanovaal@mail.ru

Kostroma State University
(Kostroma, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out at Kostroma
State University at the expense of a grant
Russian Science Foundation
№ 24-28-00058 "The poetic legacy
of A. I. Gotovtseva:
preparation for scientific
publication",
https://rscf.ru/project/24-28-00058/

© Романова А. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье впервые выполнен комплексный анализ послания костромской поэтессы А. И. Готовцевой «А. С. П.» (Александру Сергеевичу Пушкину), опубликованного в альманахе «Северные цветы на 1829 год». Это поэтическое обращение соотнесено с другими стихотворениями Готовцевой, в том числе с посланием к Ю. Н. Бартеневу. Стихотворение костромички также сопоставлено с ранее опубликованным стихотворным посланием к Пушкину князя П. И. Шаликова. В статье суммируются сведения об изучении пушкинского «Ответа А. И. Готовцевой». Показано, что комментарий, предложенный В. П. Гаевским и П. В. Анненковым, впоследствии никогда существенно не уточнялся. Автором предлагаются дополнения к традиционному комментарию с учетом историко-литературного и биографического контекста, повлиявшего на создание пушкинского стихотворения. Исследование стихотворного диалога Пушкина и Готовцевой выполнено с учетом новых сведений об адресате пушкинского «Ответа». В статье приводятся данные о биографии костромской поэтессы, указаны архивные источники и материалы периодической печати, не учтенные литературоведами ранее. Автор выдвигает гипотезу о том, почему, несмотря на блестящий дебют, Готовцева не вошла в круг постоянных авторов альманаха «Северные цветы». Утверждается, что история стихотворного диалога Пушкина с Готовцевой вписывается не в ряд мадригальных стихов, а в ряд стихотворных диалогов-«дуэлей» Пушкина.

Ключевые слова:
творчество А. С. Пушкина; стихотворения А. И. Готовцевой; мадригал; стихотворные дуэли.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comprehensive analysis of the epistolary poem by the Kostroma poetess A.I. Gotovtseva, titled "A.S.P." (To Alexander Sergeyevich Pushkin), published in the almanac “Northern Flowers for the Year 1829”. This poetic address is contextualized within Gotovtseva's other works, including her message to Y.N. Bartenyev. The poem by the Kostroma poetess is also compared with a previously published poetic letter to Pushkin by Prince P.I. Shalikov. The article summarizes existing scholarship on Pushkin's “Response to A.I. Gotovtseva,” highlighting that the commentary provided by V.P. Gaevsky and P.V. Annenkov has not been significantly revised since its initial publication. The author proposes additions to the traditional commentary, taking into account the historical, literary, and biographical contexts that influenced the creation of Pushkin's poem. The study of the poetic dialogue between Pushkin and Gotovtseva incorporates new information regarding the addressee of Pushkin's "Response." The article provides biographical data on the Kostroma poetess, identifies archival sources, and presents materials from periodicals previously overlooked by literary scholars. The author hypothesizes why, despite her brilliant debut, Gotovtseva did not become a regular contributor to the almanac “Northern Flowers.” It is asserted that the history of the poetic dialogue between Pushkin and Gotovtseva aligns more with a series of poetic "duels" rather than with a collection of madrigals.

Key words:
A.S. Pushkin's works; poems by A.I. Gotovtseva; madrigal; poetic duels.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Пушкин.07+821.161.1Готовцева.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год»

© Романова А. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Послание костромской поэтессы А. И. Готовцевой «А<лександру >. С<ергеевичу>. П<ушкину>.», как правило, полностью или частично воспроизводится в комментариях к пушкинскому «Ответу А. И. Готовцевой» («И недоверчиво и жадно…»), но до недавнего времени оно не становилось предметом специального анализа. Литературное наследие поэтессы и в целом еще не получило систематического истолкования. Отчасти это объясняется тем, что основной корпус стихотворений, не печатавшихся при жизни писательницы, был опубликован лишь однажды [Готовцева, 2005].

Готовцева рассматривается, а иногда лишь упоминается, в ряду «однородных явлений»: например, среди русских поэтесс XIX века [Русские поэтессы…, 1979, с. 9, 76—79, 239—240], переводчиков французской элегии XIX века [Сурина, 1929; Французская элегия…, 1989, с. 498, 654, 594], писательниц, публиковавшихся в альманахах 1820-х годов [Чупринова, 2018, с. 42—57], среди авторов-женщин, чей творческий путь был труден в условиях «антиэмансипаторского и женофобного» окружения [Савкина, 1998].

Можно спорить о том, насколько творчество костромской поэтессы значительно само по себе, но, несомненно, внимания заслуживает диалог Готовцевой с Пушкиным как яркий эпизод литературной жизни конца двадцатых готов XIX века. Сошлемся на мнение И. Н. Розанова: «Совершенно очевидно, что многих произведений Пушкина нельзя понять и оценить без рассмотрения тех стихотворений его современников, с которыми они непосредственно перекликаются. Нечего уже говорить об ответных посланиях Пушкина (напр. Я. Толстому, Готовцевой, Гульянову и т. д.), требующих необходимых разъяснений о том, на что же именно они являются ответом» [Розанов, 1934, с. 1026].

CC BY

К личности А. И. Готовцевой и истории ее стихотворного диалога с Пушкиным комментаторы и исследователи обращались неоднократно [Анненков, 1855, с. 471—472; Бочков, 1989; Бочков, 2002; Вацуро, 2004; Гаевский 1854; Гессен, 1965; Лебедев, 2002; Лебедев, 2018; Рогова, 2017; Романова, 2020; Романова, 2025; Сапрыгина, 2005; Сапрыгина, 2012; Файнштейн, 1989]. Однако для истолкования послания Готовцевой к Пушкину, а значит, и создания исчерпывающего комментария к стихотворению «Ответ А. И. Готовцевой» сделано далеко не все.

Перечислим наиболее существенные проблемы, связанные с историей поэтического диалога Пушкина и Готовцевой. Во-первых, должны быть уточнены биографические сведения об А. И. Готовцевой (в замужестве Корниловой). До сих пор в источниках приводятся разные даты рождения поэтессы, ошибочные сведения о ней. Во-вторых, существуют противоположные подходы к оценке значения данного эпизода в литературном контексте эпохи и творческой биографии Пушкина. Так, до настоящего времени преобладает суждение, высказанное еще В. П. Гаевским, о том, что Пушкин отвечал на послание Готовцевой «только из учтивости» [Гаевский, 1854, с. 25—26] и обращение костромички никак не отразилось в творчестве и внутреннем мире поэта. В рамках такого подхода стихотворный диалог Готовцевой и Пушкина сводится к обычному в салонной литературе обмену комплиментами и может представлять интерес только как частный историко-литературный факт. В противовес этому, Ю. В. Лебедев оценил литературный диалог Готовцевой с Пушкиным как новое явление в литературном процессе эпохи, свидетельствовавшее о появлении «феномена зрелой женской поэзии», далеко выходящего за рамки альбомных и салонных дамских развлечений [Лебедев, 2002, с. 80]. В. Э. Вацуро считал, что послание Готовцевой, содержавшее не только похвалу, но и вызов, — яркий пример самоутверждения женщины-поэта: «... это было новостью и знамением времени. Борьба за общественное равноправие женщин еще впереди — но “женское движение” уже делает свои первые шаги» [Вацуро, 2004, с. 166—167]. По мнению ряда исследователей, Пушкин отнесся к стихам Готовцевой со вниманием [Бочков, 2002], ее послание оставило глубокий след в сознании Пушкина, повлияло на его мнение о русских женщинах [Лебедев, 2018], отразившись, в частности, в работе над образом Татьяны Лариной [Романова, 2025].

Аналогией может служить история стихотворения «В часы забав иль праздной скуки…», появившегося в ответ на обращение митрополита Филарета. В оценке глубины и серьезности созданного Пушкиным стихотворного отклика суждения так же противоречивы. С одной стороны,

CC BY

П. А. Вяземский писал, что поэт «был задран стихами его преосвященства», и оценивал послание Пушкина как светский жест, «милый мадригал» [Остафьевский архив ..., 1899, с. 192—193]. С другой стороны, уже современники приписывали стихотворению Пушкина значение нравственной исповеди, считали его едва ли не поворотным в судьбе поэта. (Подробно об этом: [Ивинский, 2024]).

Несомненно, Пушкин был «задран» посланием Готовцевой точно так же, как несколько ранее стихами П. А. Катенина [Тынянов, 1929, с. 160—177] и чуть позже — обращением митрополита Филарета. В итоге ответ Пушкина Готовцевой получился по форме таким же «милым мадригалом». По отзыву А. А. Дельвига, «Пушкин написал милые стихи Готовцевой» [Цит. по: Рогова, 2017, с. 558—561]. Но содержание «поэтической дуэли» и в этом случае едва ли исчерпывалось салонной любезностью.

Противоречивость оценок не в последнюю очередь связана с тем, что послание Готовцевой, по сути дела, никогда не становилось предметом специального всестороннего филологического анализа, осуществить который невозможно, не привлекая другие произведения поэтессы, не опираясь на общее понимание ее нравственной и эстетической позиции. Следовательно, вопрос, поставленный еще в начале XX века И. Н. Розановым, «на что именно» откликается в своем «Ответе» Пушкин, остается неразрешенным.

Наконец, до сих пор не объяснен странный и резкий обрыв литературной карьеры Анны Готовцевой, чьи первые поэтические опыты были встречены современниками-литераторами весьма благожелательно. Так, в обзоре поэтической части «Литературного музеума на 1827 год» критик «Северной пчелы» называет ее в одном ряду с корифеями современной поэзии: Гнедичем, Вяземским, Ф. Глинкой, В. Л. Пушкиным, А. С. Пушкиным [Новыя книги…, 1827]. Издатель «Дамского журнала» высоко оценивает ее стихотворения «Видение» и «К П***»: «Обе сии пиесы написаны, кажется, новою стихотворицею, Анною Готовцевою, и в обоих дышет нежное, томное чувство при языке выражений самом пленительном, при гармонии стихов самой сладостной» [Дамский журнал, 1827, № 9, с. 169]. И, хотя первые публикации костромской поэтессы появились только в 1826 году, С. В. Руссов уже успел включить ее имя в изданный им в том же году «Библиографический каталог российским писательницам» [Пуряева, 2018, с. 150]. Появление на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» стало самым ярким эпизодом в литературной биографии Готовцевой. В 1829 году несколько ее стихотворений напечатал журнал «Галатея» [Галатея, 1829: ч. 2, с. 150—151; ч. 4, с. 50—51; ч. 7, с. 147; ч. 8, с. 251—252]. В 1830 году в альманахе «Денница» появился «Отрывок из

CC BY

письма к А. И. Г–ой» П. А. Вяземского, где известный литератор давал советы молодой писательнице и побуждал к дальнейшему творчеству [Вяземский, 1830]. Но, вопреки ожиданиям, стихи костромички никогда более не публиковались в «Северных цветах». А вскоре Готовцева полностью покинула журнальное поприще.

Этот факт проще всего объяснить житейскими заботами молодой женщины, которая в 1829 году вышла замуж за П. П. Корнилова, или особой скромностью поэтессы, писавшей: *«В безвестной тишине забытая всем светом, / Я не хочу похвал, ни славы быть поэтом»* [СЦ 1829, с. 29]. Но этим предположениям противоречат сведения о широких культурных интересах семьи Корниловых, чей дом был признанным литературно-театральным салоном Костромы [Бочков, 2002; Сапрыгина, 2012], а также две тетради стихотворений Анны Готовцевой (Корниловой), заботливо собранных и переписанных рукою автора, переданные в начале 1850-х годов Ю. Н. Бартеневу, возможно, для публикации [РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 425; РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 503]. Следовательно, ответа на вопрос о том, почему замолчала одаренная современница Пушкина, пока нет, а искать его следует в обстоятельствах не житейских, а литературных.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Для разрешения поставленных вопросов необходимо было обратиться к дополнительным источникам, в том числе исследованиям костромских краеведов, не вошедшим в широкий оборот в пушкиноведении, и уточнить факты биографии А. И. Готовцевой (Корниловой).

Изучение периодических изданий пушкинского времени помогло расширить представление о контексте поэтического диалога Пушкина и его провинциальной поклонницы, в том числе и о смысле недосказанного упрека, содержавшегося в послании Готовцевой, и поводах к нему.

Критический обзор и анализ литературы, посвященной пушкинскому «Ответу», позволил определить, на чем базируются мнения о пушкинском стихотворении, в том числе некоторые утверждения, ставшие почти аксиомами.

Целенаправленное изучение пушкинских произведений позволило выявить «готовцевский след» в поэме «Медный всадник».

Наконец, важнейшим методом исследования стал непосредственный анализ стихотворения А. И. Готовцевой с учетом ближайшего контекста — ее же стихотворений, адресованных П. А. Вяземскому и Ю. Н. Бартеневу, и текстов П. И. Шаликова, послуживших ей примером, благодаря чему проясняется образ лирической героини, а значит, и истолкование стихотворения становится более глубоким.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дополнения к сведениям о личности и творчестве А. И. Готовцевой

Дата рождения А. И. Готовцевой (Готовцовой) (разночтения в фамилии поэтессы допускают как ее современники, так и она сама [см.: Модзалевский, 1910, с. 213, 219]) указывается в источниках по-разному (1799, 1807, 1808) или обозначается знаком вопроса. Так, даже в наиболее современном научном издании указаны даты жизни 1799—1871 годы [Рогова, 2017, с. 558]. Между тем еще в 1999 году в «Костромских ведомостях» от 2 июня появилось без подписи сообщение о том, что краевед П. П. Резепин установил действительную дату рождения поэтессы, выяснив, что она на восемь лет моложе, чем было принято считать [Краевед…, 1999]. Позднее в издании «А. Н. Островский и его костромское окружение» [Резепин, 2020, с. 288] ученый сослался на документ, на основании которого он определил год рождения поэтессы. Это хранящийся в Костромском государственном архиве список с метрической книги церкви Иоанна Богослова, что на Каткиной горе. Здесь имеется запись о смерти статской советницы, вдовы Аны Ивановой Корниловой 17 июля 1871 года в возрасте шестидесяти четырех лет [ГАКО, оп. 3, д. 24, л. 32, об. 33]. Таким образом, время рождения поэтессы определяется приблизительно: вторая половина 1806 или первая половина 1807 года.

К моменту литературной встречи с Пушкиным осенью 1828 года, когда Анна Готовцева в Костроме при посредничестве Ю. Н. Бартенева познакомилась с приехавшим сюда по делам П. А. Вяземским, это была молодая женщина в расцвете красоты и таланта, которой в избытке досталось и восхищение мужчин, и лестное внимание литературных критиков.

Поэтические комплименты Вяземского «Стансы (А. И. Готовцовой)» [Вяземский, 1828] и Н. М. Языкова «Анне Ивановне» («Влюблен я, дева-красота…») [Языков, 1831] рисуют Готовцеву как очаровательную красавицу, царицу бальных зал и любимицу наук. Но в биографии поэтессы есть и печальные страницы. К 1828 году Анна пережила смерть отца и любимой старшей сестры Александры, оставившей на попечение родных двух маленьких детей (Павла и Юлию Жадовских). Не случайно, наверное, в стихотворениях Готовцевой часто звучит тема горестей, житейских испытаний, пережитых лирической героиней: «Дети», «К***», «Ей», «На вызов писать стихи» и многие другие [Готовцева, 2005]. И это едва ли можно считать только данью романтической моде. Шум света, блеск, успех в ее поэзии всегда выступают синонимами суеты, противопоставляются истинному счастью, которое лирическая героиня видит в уединении, творчестве, наслаждении поэзией и красотой природы. В этом отношении Готовцева

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

выступает прилежной ученицей своего наставника: религиозно настроенного философа, масона и мистика Ю. Н. Бартенева [Коптелова, 2024]. Содержание большинства стихотворений костромской поэтессы указывает на ее большую склонность к лирическим медитациям, религиозным переживаниям и философским размышлениям, чем к стихотворным шуткам и любовным излияниям.

И в годы юности, и в дальнейшем поэтесса проявляет восторженность и пылкость, лишь когда вдохновляется природой, одухотворенной беседой, литературными творениями или музыкой. Это качество проявляется в ее стихах, обращенных к Ю. Н. Бартеневу, П. А. Вяземскому, юному скрипачу Ж. Гюломи. Проявляется оно и в послании к Пушкину.

3.2. Стихотворный диалог А. И. Готовцевой и Пушкина: известные факты и новые детали

Стихотворение начинается на высокой ноте:

О Пушкин! слава наших дней,
Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей,
Украсил дивными цветами [СЦ 1829, с. 180].

Но в финале восторг провинциальной читательницы сменяется сдержанным, но вполне отчетливым упреком:

Одно... Но где же совершенство?
в луне и солнце пятна есть!...
. . . . . .
. . . . . .
Несправедлив твой приговор;
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор [Там же, с. 181].

Это послание, вероятнее всего, написанное под впечатлением бесед с Вяземским о Пушкине, Готовцева передала для публикации в «Северных цветах». Вяземский не был для Готовцевой первым проводником в литературный мир. К ее публикациям, помимо Ю. Н. Бартенева, были причастны А. А. Писарев, В. В. Измайлов, С. Е. Раич. Но именно Вяземский организовал ее заочную встречу с Пушкиным, переслав тому стихи Готовцевой: «Вот тебе послание от одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душой. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника…» [Цит. по: Модзалевский, 1928, с. 316—318]. (Вероятно, имеется в виду пословица «Кострома — блудливая (веселая) сторона» [Даль, 1879, с. 419]).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В противовес мнению о том, что Пушкин ответил на это послание только из вежливости и по просьбе Вяземского, сошлемся на эпизод, непосредственно предшествовавший переписке о послании Готовцевой. В письме от 26 июля 1828 года из с. Мещерского Вяземский сообщал Пушкину о знакомстве с красавицей Всеволожской и просил: «Сделай милость, на эту тему напиши мне что-нибудь и на листочке формата письма моего: я обещал ей дать твоего письма в альбом, да пришли еще что-нибудь своего неизданного для того же альбома» [Цит. по: Модзалевский, 1928, с. 302]. Но на эту просьбу Пушкин ответил шутливым отказом. Ответ же Готовцевой, хотя и не сразу, был написан и напечатан.

Шутливо-фривольный тон письма Вяземского настраивает на восприятие послания Готовцевой в салонно-мадригальном духе. Так и относится к нему поначалу Пушкин, подхватывая эротическую аналогию о Сусанне и двух старых прелюбодеях, предложенную Вяземским. В письме к Дельвигу от середины ноября из Малинников обыгрывается образ постаревшего «прелюбодея». Поэт не прочь по совету друга «избаловать» юную девицу, вот только ему трудно «проломать мадригал». Культурные ассоциации смешиваются с житейскими, и жалоба на Софью Остафьевну используется как шутливое оправдание за неготовность заказанного мадригала [Пушкин, 1928, с. 56—57]. О содержании стихотворения Готовцевой здесь ничего не сказано. Намек относится к сюжету, придуманному Вяземским, а не к стихам костромской поклонницы как таковым. Однако уже в следующем письме (от 26 ноября) шутливый тон сменяется нешуточным раздражением. Создается впечатление, что только теперь Пушкин внимательно прочитал и обдумал стихотворное послание Готовцевой. «Вот тебе ответ Готовцевой (чорт ее побери) как ты находишь ces petits vers froids et coulants (<эти холодные и гладенькие стишки — *франц.*>) — Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша — Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает» [Пушкин, 1928, с. 57—58].

Если первая реакция, выраженная в письме Дельвигу, — грубовато-насмешлива и вполне поверхностна, то второе письмо несет в себе следы не только досады, но и серьезной вовлеченности в некий внутренний спор. Заметим, что рассуждения об упреках в письме следуют за текстом ответного послания. Задача уже решена, ответ написан, но мысленный разговор с оппонентом не прекращается.

Раздражение поэта определенно выводит ситуацию за рамки салонной культуры. Известно, насколько Пушкин ценил остроумие женщин, даже содержавшее критику в его адрес [Летопись …, 1999, с. 354]. Упрек как элемент любовной игры, поддразнивания, флирта был бы ему при-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ятен. «Острое красное словцо — la repartie vive (живой остроумный ответ (фр.); здесь перевод наш. — *А. Р.*) — вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин увлекался не одними остротами; ему, например, очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: “Pourquoi vous attaquez a moi, qui suis si inoffensive!” (Зачем вы на меня нападаете, ведь я такая безобидная! (фр.)) И он повторял: “Comme c'est reellement cela: si inoffensive! ” (Как это верно сказано: действительно, такая безобидная! (фр.)). Продолжая далее, он заметил: “Да, с вами не весело и ссориться, voila votre cousine, avec elle on trouve a qui s'en prendre!” (То ли дело ваша кузина, вот тут есть с кем ссориться! (фр.))» [Керн, 1989, с. 53].

Отвечать мадригалом на кокетливый упрек или выговор Пушкину было бы легко. Такого рода салонную игру мы наблюдаем, например, в стихах Пушкина и Вяземского, адресованных Е. Тимашевой, где намеки, шутки связаны с отношениями небольшого приятельского кружка и их «куртуазно-религиозная двусмысленность» [Фомичев, 1989] имеет исключительно салонный характер.

Конечно, Пушкин не был лично знаком с Анной Готовцевой, но личное знакомство с адресатом не имело существенного значения для решения поставленной перед ним артистической задачи. Мадригал часто вообще не оперирует реальным жизненным содержанием, не нуждается в нем [Гроссман, 1928, с. 115—129].

В случае с ответом Готовцевой «затруднения» поэта, вероятно, были связаны с невозможностью ответить на послание обычным куртуазным жестом, поскольку ее стихи ничего общего не имели с привычным и приятным для Пушкина светским остроумием, салонным поддразниванием и флиртом. Ее обращение к поэту и упрек имеют характер серьезный, а не шутливый, не игровой. Пушкину видится в послании Готовцевой нечто мучительно неясное. Размышляя над ним, поэт выстраивает градацию предполагаемых обвинений: «Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении?» [Пушкин, 1928, с. 57—58].

На первый взгляд, в стихотворении Готовцевой ничего подобного нет. Она возражает лишь против некоего «несправедливого приговора». Но в пушкинском истолковании есть вполне определенная логика: неучтивость, похабности (непристойные слова, выражения) [СЯП, т. 3, с. 642] — внешнее, в поведении и слове, проявление безнравственности (беспорядочного поведения). В послании костромской поклонницы выражалось не только несогласие с каким-то мнением Пушкина («несправедливым приговором»). Указана была и причина этой несправедливости: «пятна на солнце», то есть нравственные несовершенства (ошибки, заблуждения, поро-

CC BY

ки) поэта, «любимого небесами». Этот смысл Пушкин вполне справедливо вычитал из стихотворения, любезно переданного ему Вяземским.

С учетом намерения Вяземского и Дельвига опубликовать стихи Готовцевой в «Северных цветах», Пушкин не мог попросту отмахнуться от задевшего его вызова. Отвечать же по существу означало бы самому расшифровать и предоставить публичному обсуждению то, на что Готовцева лишь неясно намекнула. Резкая реакция Пушкина на ситуацию, в которую ставила его задуманная друзьями литературно-журнальная операция, понятна в контексте жизненных обстоятельств. Пушкин в это время находится под следствием в связи с дошедшей до правительства «Гавриилиадой» [Модзалевский, 1928, с. 299—301]. Одновременно он испытывает давление со стороны некоторых прежних друзей, обвиняющих его в низкопоклонстве [Летопись …, 1999, с. 336—448].

Ответ Катенину, написанный непосредственно перед ответом Готовцевой, вероятно, «истощил» на какое-то время способность Пушкина изящно парировать довольно ядовитые уколы, замаскированные под славословия и дружеские приветы.

Впрочем, Вяземский, спровоцировавший Готовцеву на стихотворный «картель» и слишком легко относившийся к неприятностям Пушкина, вскоре сам оказался в таких обстоятельствах, когда обвинения в «развратной жизни, недостойной образованного человека» заставили его всерьез думать о бегстве из России (см. письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 14 ноября 1828 года [Остафьевский архив ..., 1899, с. 181—183]).

Затруднения с ответом на послание Готовцевой были Пушкиным скоро преодолены. Поэт предпочел не расшифровывать упрек, содержавшийся в ее письме, и придать своему отклику тот вполне безопасный и лестный для Готовцевой мадригальный характер, который и был предложен Вяземским изначально.

Пушкинское стихотворение «Ответ» (или «Ответ А. И. Готовцевой» — так оно названо в оглавлении альманаха и в последующих изданиях стихотворений Пушкина) изящно и холодно. Подлинная эмоциональная реакция, известная нам по письму Пушкина к Дельвигу, косвенно отражена в начальных строчках: *«И недоверчиво и жадно / Смотрю я на твои цветы»* [СЦ 1829, с. 182]. Образ букета, в котором спрятана отравленная игла, или цветочной корзинки, где притаилась змея, невольно возникает в воображении читателя. Но от разгадывания «недосказанного упрека» лирический герой уклоняется, по-рыцарски предоставляя даме право не объяснять, на что она гневается, и стараясь искупить неведомую вину изысканным комплиментом. Связывая гнев собеседницы (которого в послании Готовцевой не было) со злословием против женщин (то есть «неучтивостями противу

CC BY

прекрасного полу»), автор и это обвинение отводит от себя, приписывая «предательское злословие» условному «зоилу». В итоге поэт из обвиняемого превращается в арбитра в куртуазной тяжбе красавицы и ее хулителя: «*Любви безумством и волненьем / Наказан был бы он; а ты / Была всегда б опроверженьем / Его печальной клеветы»* [Там же].

Задуманная Вяземским операция осуществилась: стихотворение «Сусанны»-Готовцевой было опубликовано в «Северных цветах на 1829 год» буквально между стихотворными комплиментами двух литературных «старцев»: Пушкина и Вяземского [СЦ 1829, с. 178—182]. В поэтической дуэли как будто была поставлена точка. Из литературной новости она постепенно становилась фактом истории литературы.

Прямых упоминаний о костромской поэтессе в наследии Пушкина больше нет. Кажется, «отделавшись» от ее претензий дежурным мадригалом, поэт постарался эту историю поскорее забыть. Но как скоро упрек провинциальной поклонницы на самом деле исчез из памяти Пушкина? Оставил ли он еще какой-то след в его творчестве?

Из воспоминаний А. Н. Вульфа известно, что послание Готовцевой обсуждалось в кругу знакомых Пушкина в начале 1829 года: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, “слава наших дней, поэт, любимый небесами”, — как его приветствует костромской поэт, госпожа Готовцова» [Вульф, 2016, с. 94].

Напоминала о Готовцевой и разгоревшаяся в журналах война по поводу «Отрывка из письма А. И. Г<отовцев>ой» князя Вяземского [Пушкинская энциклопедия …, с. 475, 577].

Выражение из послания Готовцевой, процитированное Вульфом, Пушкин через несколько лет использует для характеристики графа Хвостова в «Медном всаднике»:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами (выделено нами. — *А. Р.*),
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов [Пушкин, 1987, с. 19, 268—269].

Этот пушкинский «плагиат», кажется, до сих пор никем не отмеченный, свидетельствует о том, что послание Готовцевой, доставившее Пушкину несколько неприятных минут, не было им забыто.

Более того, он указывает на то, что причиной раздражения поэта был не только упрек, но и собственно комплимент. Строчка из стихотворения Готовцевой в воспоминаниях А. Вульфа звучит с оттенком иронии, а в поэме и вовсе наполняется сарказмом. Это заставляет предположить, что, вопреки формальному завершению стихотворной перепалки, внутренний диалог Пушкина с Готовцевой не закончился с публикацией «Северных

цветов на 1829 год». Вопросы, заданные провинциальной поклонницей, возникали снова и требовали не мадригального ответа.

Диалог с Готовцевой «по существу» вышел за рамки конкретной журнальной публикации и продолжился в широком пространстве самой жизни. В этом сходство «Ответа А. И. Готовцевой» с «Ответом Катенину» («Напрасно, пламенный поэт…») и стихами к митрополиту Филарету («В часы забав иль праздной скуки…»).

Но если причины «задиристых» обращений к Пушкину его современников-мужчин достаточно хорошо изучены и разъяснены, то обстоятельства, вызвавшие к жизни недосказанный упрек Анны Готовцевой, определяются лишь предположительно.

3.3. Истолкование послания А. И. Готовцевой к Пушкину: обзор

Интересно, что среди близких Пушкину людей никто не дал разъяснений «темным местам» в послании Анны Готовцевой. Вяземский, исполнивший роль посредника, мог из личной беседы с поэтессой знать, что она подразумевала, но прояснить ее упрек почему-то не пожелал. Ничего не написал об этом и Дельвиг. И. В. Киреевский позднее назовет ее послание «таинственным» [Киреевский, 1911, с. 72].

Еще более любопытно, что в журнальных откликах на «Северные цветы» 1829 года послание Готовцевой как будто окружено заговором молчания. Так, на страницах «Отечественных записок» П. П. Свиньин, ограничиваясь общей похвалой «Северным цветам», ни словом не обмолвился о своей землячке. [П<авел>.С<виньин>, 1829]. В журнале «Галатея» С. Е. Раича дается подробнейший разбор стихотворного отдела альманаха Дельвига, но для Готовцевой и здесь не нашлось ни строчки [Северные …, 1929, с. 335—340]. (При этом в «Галатее» в течение 1829 года появится четыре стихотворения Готовцевой, так что нельзя сказать, что ее выступление осталось незамеченным). Промолчал о ней на этот раз и «Дамский журнал», столь лестно отозвавшийся о прежних публикациях. Справедливое утверждение А. И. Роговой: «Претензии Готовцевой не были поняты современниками» [Рогова, 2017, с. 560], — пожалуй, можно заострить: современники как будто избегали даже попыток истолковать и расшифровать ее «таинственный упрек».

Исключением стал отзыв «Северной пчелы», не только одобрительный, но и весьма подробный: «При сем богатстве стихотворений читатели и Поэты извинят нас, что мы не взялись говорить о каждом в особенности. Этого не позволяет нам теснота листка Пчелы. Скажем только о необыкновенном, приятном явлении на Русском Парнасе. Мы находим в сем Альманахе стихотворения дамы, А. И. Готовцовой, в которых видим необыкновенное дарование, и в изложении пиитический язык нашего времени.

CC BY

Превознося талант А. С. Пушкина, как мило упрекает его Сочинительница за… она не досказывает. Но мы догадываемся, что Поэт заслужил упрек за то, что героини его Поэм слишком *существенны*. Извинение Поэта столь же мило. Чтоб познакомить читателей наших с сим новым дарованием, мы выписываем послание А. И. Готовцовой к Пушкину». Далее текст стихотворения приведен полностью [Новые альманахи …, 1829].

Справедлива ли была эта догадка или нет — оспорить ее никто из современников не пытался. В дальнейшем попытки истолкования стихотворения Готовцевой были связаны только с изучением пушкинского ответа, поводом к которому стало обращение костромички.

Стихотворение А. С. Пушкина «Ответ», адресованное А. И. Готовцевой, включается во все претендующие на полноту издания пушкинской лирики, начиная с прижизненного тома «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 года, где оно напечатано с ошибкой в инициале адресата: «Ответ А. Н. Готовцовой» [Пушкин, 1829, с. 138—139]. Искажение инициала напоминает о том, что и сам Пушкин, и готовивший к изданию его «Стихотворения» П. А. Плетнев не были лично знакомы с провинциальной писательницей и ее отчества не помнили. Ошибка эта сохранялась в нескольких последующих изданиях [Пушкин, 1838, с. 167; Пушкин, 1855, с. 451—452; Пушкин, 1859, с. 386; Пушкин, 1880—1881, с. 251; Пушкин, 1882, с. 227—228; Пушкин, 1887а, с. 193].

Впервые инициал исправлен в издании сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова. Здесь же в объяснительных примечаниях упоминалось о родстве А. И. Готовцевой с поэтессой следующей эпохи: «Анна Ивановна Готовцова, родная тетка известной писательницы Ю. В. Жадовской, помещала свои стихотворения в альманахах того времени» [Пушкин, 1887б, с. 55—56]. В эту пору уже не было в живых ни самой Анны Ивановны, ни ее более знаменитой племянницы.

Наиболее ранний научный комментарий к диалогу поэта и его поклонницы появился через четверть века в статье В. П. Гаевского «Дельвиг» в журнале «Современник» на 1854 год (примечания №№ 42—44). Здесь, цитируя приведенные выше письма Пушкина к Дельвигу и фрагмент послания Готовцевой, автор называет ее строки «странными и непонятными» и делает предположение: «Быть может, поводом к этим упрекам послужил отрывок из “Евгения Онегина” под заглавием “Женщины”, напечатанный в “Московском вестнике” 1827 года, (часть пятая, № XX, стр. 365—367). И помещенный в IX т. “Сочинений” Пушкина, стр. 161—163). или “Отрывки из писем, мысли и замечания”, напечатанные без подписи Пушкина в “Северных цветах” на 1828 год (стр. 208—226), и пропущенные в собрании его “Сочинений”. Пушкин, только из учтивости отвечавший на это стихотворе-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ние, очень затруднялся и медлил ответом, как видно из приведенных писем» [Гаевский, 1854, с. 25—26] (сохранена пунктуация источника. — *А. Р.*).

В следующем, 1855 году выходит второй том сочинений Пушкина, подготовленный П. В. Анненковым. В комментариях к пушкинскому «Ответу А. И. Готовцевой» издатель, не ссылаясь на В. П. Гаевского, повторяет его догадку. Кроме того, Анненков ошибочно предполагает, что две строки отточий в стихотворении Готовцевой — это пропуск, сделанный издателями альманаха «Северные цветы на 1829 год»: «В Послании своем, Г-жа Готовцева, после восторженных похвал: “О Пушкин! слава наших дней” выражает упрек Пушкину в следующем месте, из которого *были выпущены альманахом два стиха*» (курсив наш. — *А. Р.*). «Пропущенное место, вероятно, заключало упрек нашему автору за легкое понимание им женской способности оценивать изящное, что он выразил в своих мыслях и заметках, напечатанных в Северных Цветах на 1828 г. Впрочем, он мог относиться также и к отрывку из Евгения Онегина: “Женщины”, напечатанному в Московском Вестнике 1827 г., № XX.» [Анненков, 1855, с. 471—472].

Замечание Анненкова, в сущности, поразительно. Предполагая, что упрек в стихотворении был высказан прямо, Анненков рисует ситуацию совершенно абсурдную, ведь смысл последних строк послания как раз и заключается в нежелании порицать (*«Молчанье выразит укор»*), не говоря уже о том, что если бы пропуск был сделан издателем (Дельвигом), то ничто не мешало Пушкину узнать полный текст послания. Эти несообразности (как и неисправленная ошибка в инициалах) говорят лишь о том, что ни само послание, ни его автор не привлекли серьезного внимания биографа.

Все последующие издания в комментариях к стихотворению Пушкина «Ответ А. И. Готовцевой» более или менее развернуто повторяют замечания Гаевского и Анненкова, не приводя никаких оснований в подтверждение их догадки. См.: библиографические примечания [Пушкин, 1880—1881, с. 426], объяснительные примечания П. О. Морозова [Пушкин, 1887 б, с. 55—56], комментарии В. Я. Брюсова [Пушкин, 1919—1929, с. 281], комментарии М. Я. Цявловского [Пушкин, 1936, с. 763], комментарии Б. В. Томашевского [Пушкин, 1950, с. 492]. Коротко обосновать выбор двух пушкинских текстов, «обидевших» Готовцеву, попыталась лишь Т. Г. Цявловская: «И то и другое было напечатано незадолго до послания Готовцовой “А. С. Пушкину”» [Пушкин, 1959, с. 706].

Одно из наиболее полных сообщений о костромской поэтессе и обстоятельствах создания Пушкиным стихотворения «Ответ А. И. Готовцевой» дает Б. Л. Модзалевский в примечаниях к письмам Пушкина. Но содержание поэтического диалога ученый также иллюстрирует суждениями Гаевского и Анненкова [Модзалевский, 1928, с. 316—318].

CC BY

А. И. Гессен дополняет историю поэтической «перебранки» наблюдением о том, что Пушкин ничего не ответил поклоннице по существу ее упрека [Гессен, 1965, с. 288—293]. В. Э. Вацуро в книге «“Северные цветы”. История альманаха Дельвига — Пушкина» вписывает эпизод о Готовцевой в общую историю издания и подчеркивает роль Вяземского в литературной судьбе поэтессы, а повод, вызвавший к жизни ее послание, указывает уже без всяких оговорок и сомнений: «Когда “Северные цветы на 1828 год” достигли Костромы, Готовцева прочла в них пушкинские “Отрывки из писем, мысли и замечания” и в них — рассуждение о женщинах <…> Этот психологический и эстетический этюд вызвал естественное сопротивление, и Готовцева написала стихотворный ответ, комплиментарный, но тем не менее полемический, в виде послания к Пушкину. Заметим, что авторство отрывка не осталось для нее секретом, — не Вяземский ли просветил ее?» [Вацуро, 2004, с. 108—110].

Так предположение Гаевского и Анненкова, высказанное без какой-либо аргументации, мимоходом, постепенно обрело весомость просто в силу традиции и многократного повторения. Эта версия излагается в сборнике «Русские поэтессы XIX века» [Русские поэтессы …, 1979, с. 239—240], в книге М. Ш. Файнштейна [Файнштейн, 1989, с. 145], в современном переиздании «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 годов [Сидяков, 1997, с. 554—555], в «Пушкинской энциклопедии»: «Наиболее вероятным представляется мнение В. П. Гаевского, поддержанное П. В. Анненковым, что укор Готовцевой был вызван двумя произведениями Пушкина, содержащими высказывания о женщинах…» [Рогова, 2017, с. 561].

Кажется удивительным, что за двести лет единственную гипотезу ни разу не пытались проверить, чтобы надежнее обосновать или скорректировать. Догадка первых пушкинистов и разумна, и убедительна. Возникает только один вопрос: почему такое простое объяснение не пришло в голову ни Киреевскому, ни самому Пушкину? Почему поэт, даже ответив на послание Готовцевой, продолжал спрашивать: «Да в чем она меня и впрям упрекает?»

3.4. Гипотеза о «недосказанном упреке»

Противоречие между «непониманием» Пушкина и «пониманием» пушкинистов объяснимо. Поэт размышляет о смысле упрека, а комментаторы стремятся указать конкретный повод, этот упрек вызвавший. Пушкин, судя по всему, считает, что речь идет в целом о его позиции, которая могла выражаться в самых разных «неучтивостях» и «похабностях». Пушкинисты же слова «несправедлив твой приговор» понимают буквально, как указание на конкретную словесную формулу, определенный текст. Из пушкинских сочинений, опубликованных незадолго до стихотворной перепалки, извле-

CC BY

кается то, что кажется максимально обидным для женщин. Так обретается «та самая» формулировка: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» («Отрывки из писем, мысли и замечания» [СЦ 1828, с. 209]). Следует отдать должное первым комментаторам: Гаевский и Анненков все-таки сделали предположение о возможности и другого повода, упомянув об отрывке «Женщины» в «Московском вестнике». Постепенно вопрос о претензиях Готовцевой полностью свелся к этим двум текстам, а по преимуществу к процитированному фрагменту «Отрывков…». Не отвергая авторитетную гипотезу, необходимо все-таки объяснить, почему самому Пушкину и его современникам такая версия не представлялась очевидной.

«Неучтивости противу прекрасного полу», критика в адрес женщин, насмешки над женскими слабостями были расхожей монетой в русской периодике 20-х годов XIX века. Особенно часто они появляются в форме анекдотов, замечаний, отрывков. «Если найдете молчаливую женщину, постарайтесь узнать, не переодетый ли это мужчина. <…> Если бы у меня были дети, то я согласился бы охотнее иметь сыновей-глупцов, нежели дочерей с гением» [Мысли …, 1829]. Жалобы на равнодушие женщин к отечественной литературе, незнание ими родного языка также отнюдь не редкое явление в периодике тех лет. Вот иронические новогодние мечты Ф. Булгарина: «Все женщины станут учиться отечественному языку в детских летах, а не вышедши замуж, и не будут принуждены спрашивать у слуг своих, как называется по-русски такая-то вещь» [Булгарин, 1827]. Женщин то хвалят за образованность, то уговаривают не перегружать себя ученостью: *«…Забудь нескромное желанье, / Вредна ученость красоте. / Храня любезное незнанье, / Останься в милой простоте»* [О. План воспитания, 1827].

Внутри этого журнального потока пушкинские колкости в «Северных цветах» и «Московском вестнике» не выделялись ни особенной остротой, ни особенной резкостью. Более того, в литературе той эпохи почти невозможно провести грань между комплиментами в адрес прекрасного пола и высказываниями, которые современными исследователями в рамках гендерного подхода квалифицируются как «мизогинные» [Савкина, 1998]. Как говорит

CC BY

русская пословица, «На каждый чих не наздравствуешься», следовательно, для того чтобы дама решилась на возражения, требовался очень серьезный повод, выходящий за рамки обычных журнальных перебранок.

Необходимо учесть и то, что в 1828 году литературная вражда Пушкина с прекрасным полом не была новостью для читателей и читательниц. Поэтические выпады Пушкина в адрес женщин не ограничивались пропущенными строфами из «Онегина». Их немало и в опубликованных главах романа в стихах. Чего стоят, например, строфы четвертой главы, вышедшей из печати в начале 1828 года:

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
И впрямь, блажен любовник скромной,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен… хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена. [Пушкин, 1828, с. 35].

Конечно, иронично обрисованным женским образам в романе противопоставлена Татьяна Ларина. Но и о ней сказано то, что провинциальная читательница вполне могла расценивать как «приговор» своим современницам: *«Она поруски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалася с трудом / На языке своем родном»* [Пушкин, 1827б, с. 31].

Пушкин, размышляя об упреках Готовцевой, не ищет единственную обидную строчку, поскольку прекрасно знает, что таких обидных строчек в его творениях можно найти множество. И сроки публикации тут не играют существенной роли.

Одним из самых строгих приговоров слабому полу можно считать строчки о женщинах в «Разговоре книгопродавца с поэтом».

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно [Пушкин, 1936, с. 375].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Этот отрывок содержит обе негативные характеристики женщин (легкомыслие и поэтическая глухота), которые повторятся порознь в «Женщинах» и «Отывках…».

«Разговор» был опубликован в 1825 году в качестве преамбулы к первой главе «Онегина». Пушкинские «неучтивости» тогда не остались незамеченными. Но в защиту дам выступил мужчина. Князь П. И. Шаликов, слегка задетый в «Разговоре», отвечал его автору стихотворным посланием «К Александру Сергеевичу Пушкину. На его отречение петь женщин». Пушкин здесь нарисован сибаритом, пресыщенным похвалами женщин и притворно отрекающимся от них (курсив и примечания П. И. Шаликова. — *А. Р.*).

И наш любезный сибарит
Талантом, чувством, песнопеньем
Лишь только женщин отбранит [1]
Как вдруг невольно, с восхищеньем,
О ножках[2] *— лучшей красоте*
Роскошно-томного Востока,
Своей прелестнейшей мечте —
Воспомянув, в мгновенье ока
У ***ножек*** *с лирою златой!..* [*К<нязь>.Ш<аликов>*, 1825].

По мнению автора, в пушкинских выпадах нет подлинной глубины, они вызваны обидой на измену одной женщины и потому несправедливы по отношению ко всем остальным.

И тем не менее виновен
Бесценный Грациям Поэт,
Что против их подруг нескромен,
Несправедлив его обет!..
Тебе ***одна*** *из них (быть может)*
Неверной стала... горький час! [Там же].

И все же, утверждает князь П. И. Шаликов, именно женщины наиболее достойны песнопений и похвал. Автор предрекает и реакцию дам на притворный гнев поэта. Женщины не рассердятся. Напротив, их хор прославит «вечную негу» творений Пушкина.

И пой, и нравься лишь харитам,
Тобой пленяемым, поэт!
И будь подобен сибаритам
Вовеки негою стихов!
И олимпийских будут вечно

1 1 См.: «Евгений Онегин», стран. XVII—XVIII.
2 Там же, стр. 25, 26, 27, 28.

CC BY

Они веселием пиров!
Хор женщин слышу: «Будут вечно!» [Там же].

Итак, у послания Готовцевой есть текст-предшественник. А значит, он должен быть принят во внимание при рассмотрении ее стихотворного диалога с Пушкиным, состоявшегося три года спустя.

Вернемся к вопросу о том, что могло стало причиной или поводом для выступления Готовцевой именно в это время. Почему, вопреки обещанию Шаликова, одна из хора очарованных женщин решилась возразить своему кумиру?

В альманахе «Северные цветы на 1828 год», кроме анонимных «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», были опубликованы также портрет Пушкина и его новая поэма. И вот как приветствовал это событие все тот же князь Шаликов: «Ежели бы Северные цветы как-нибудь и пострадали от северных морозов; то наше красное солнышко оживотворило бы их. Пушкин явился в сем Альманахе и своею особою, и с своими стихами — в портрете, чрезвычайно сходном, и с Поэмою, чрезвычайно забавною — но только для *мущин* (не говоря о других стихотворениях сего *благотворного* светила нашей поэзии). Эта Поэма — *Граф Нулин* — довольно» (курсив П. И. Шаликова. — *А. Р.*) [Об Альманахах …, 1828, с. 90]. Подробнее о прижизненной рецепции «Графа Нулина» см.: [Лейбов, 2023, с. 63—72].

Итак, Пушкин является в новом альманахе с критикой в адрес женщин (анонимно) и (явно) с поэмою, главной героиней которой тоже является женщина. Русская женщина, современница. Подобно черкешенке и грузинке, она должна была воплотить в себе дух и нрав своего народа. По крайней мере, этого ожидают от Пушкина поклонники его таланта, восторженно принявшие «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан». Что же являет им Пушкин, впервые обратившийся к русской действительности от экзотических картин?

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво [Пушкин, 1827 а, с. 18].

Наталья Павловна — кокетка, воспитанная на французских романах и модах, поверхностно образованная и внутренне пустая, случайно проявившая добродетель, но едва ли «супругу верная жена» — такою явилась впервые у Пушкина русская женщина-современница.

Соседство с «Графом Нулиным» (не принятое во внимание комментаторами) придает вес выпадам, содержащимся в «Отрывках…», выводит их из общего ряда журнальной болтовни, заставляет воспринимать и оценивать их на фоне этой поэмы, а в широком смысле и других произведений Пушкина.

CC BY

Закономерно, что Гаевский и Анненков в своей догадке не смогли определиться с выбором, что именно обидело костромскую почитательницу Пушкина: обвинение женщин в поэтической глухоте или упрек им в пустоте и нравственной «легкости». В сущности, для Пушкина это лишь две стороны одной медали. «Чувствительность самая раздражительная», которой женщины, по мнению поэта, наделены от природы, заставляет их и поэзию воспринимать как средство, возбуждающее одну только поверхностную чувствительность, а еще чаще — чувственность. В «Графе Нулине» Наталья Павловна чуть не дремлет над нравоучительным романом, предпочитая ему драку козла с дворовою собакой. Зато разговор о д'Арленкуре и Ламартине становится прелюдией к самым смелым проявлениям кокетства: *«Проказница, — прости ей, Боже! / Тихонько графу руку жмет»* [Пушкин, 1827а, с. 10].

Кривизна суждений о литературе оказывается следствием и признаком нравственной ущербности. Это мнение художественно воплощается в героине «Графа Нулина», резонирует с прежними горькими обличениями «Разговора книгопродавца с поэтом» и оттеняет многие эпизоды романа «Евгений Онегин». Насмешки над дамами в «Отрывках…» сами по себе — не более чем заурядные журнальные колкости. Но в контексте «Графа Нулина» и первых шести глав «Евгения Онегина» тезисы о недоступности женщинам чистых сфер духовной жизни подкрепляются художественными образами Ольги Лариной и Натальи Павловны, олицетворяющими современную русскую действительность.

Не это ли сочла Готовцева «приговором» себе, своим современницам, провинциальному обществу, русской жизни в целом? Если это хотя бы отчасти так, то стоит ли удивляться, что облик любимого поэта для нее затмился? Солнечная символика, использованная Шаликовым, отзывается в упреке Готовцевой: «красное солнышко» не лишено пятен.

Косвенно подтверждает эту догадку и сам Пушкин. В Болдине осенью 1830 года он будет вспоминать: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется, в журналах, — в свете приняли его благосклонно…» [Пушкин, 1964, с. 186]. Пушкин имеет в виду прежде всего статьи Надеждина. Но не случайно поэт использует ту же характеристику (*похабности, похабный*), что и в письме к Дельвигу по поводу упрека Готовцевой. Так Пушкин свидетельствует, что ее послание ассоциативно связано для него с «Графом Нулиным».

Сегодня нет необходимости отстаивать художественные достоинства «Графа Нулина». Но, желая понять упреки Готовцевой, следует посмотреть на творения Пушкина из ее эпохи, попытаться понять, как воспринимали их современники, не посвященные в масштабные творче-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ские замыслы Пушкина, не читавшие «Бориса Годунова», «Капитанской дочки», финальных глав «Онегина». Для них в 1828 году и образ Татьяны был еще загадочен, и духовный облик самого Пушкина — не вполне определен.

В связи с этим следует обратить внимание на подробный отклик именно «Северной пчелы», связавшей недосказанный упрек Готовцевой не с отдельными словами и замечаниями поэта, а с его героинями, «чересчур существенными». Журналист не договаривает, каких героинь Пушкина он имеет в виду, но его эпитет можно отнести и к неверной Земфире, и к ветреной Ольге, и даже к Татьяне Лариной, из-за страстной влюбленности по романическому образцу оказавшейся на грани падения. (О том, что логика развития образа героини и романа в целом не были в тот момент понятны не только обычному читателю, но и близким Пушкину и чутким литераторам, сохранилось немало свидетельств [Летопись …, с. 309, 343, 346, 373]). Не говоря уже о вполне прозаической Наталье Павловне.

Итак, вполне вероятно, что не отдельные выпады и колкости в адрес женщин, но тот образ русской женщины, который выступал из новой поэмы Пушкина, характеризуя и русскую провинцию, и в целом русскую действительность, мог показаться Анне Готовцевой «несправедливым приговором». Возразить поэту она решилась, вдохновляясь, возможно, не только советами Вяземского, но и примером князя Шаликова.

3.5. Послание А. И. Готовцевой: поэтика и этика

Шаликов, хотя и адресует стихотворение Пушкину, по большей части говорит о нем в третьем лице, лишь в финале прямо обращаясь к адресату: пой, нравься, будь подобен. Готовцева строит стихотворение как диалог с первой строки и до самого конца. Только в предпоследнем стихе личное и конкретное *«ты»* заменяется более общим: «*Мы гению простить умеем»* [СЦ 1829, с. 181].

Готовцева начинает послание реминисценцией из «Певца во стане русских воинов» Жуковского: *«О Пушкин! слава наших дней»* (у Жуковского: *«**Раевский**, слава наших дней, / Хвала! перед рядами / Он первый грудь против мечей / С отважными сынами!»* (курсив В. А. Жуковского. — *А. Р.*) [Жуковский, 1999, с. 230]).

Первые фразы стихотворения демонстрируют общность поэтического словаря Готовцевой и школы элегического романтизма: *восторг любви, сердца радость, тоска души, пыл страстей, мечты юности*. Недаром рецензент «Северной пчелы» отметил, что послание написано языком современной поэзии. Живость и легкость стихов создают эффект непринужденного излияния чувств. Гладкости стихотворного языка соответствует уверенное владение версификацией. Готовцева не допускает ритмических

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

сбоев, использует три и даже четыре одинаковых рифмы, чередует разные виды рифмовки.

Стихотворение Готовцевой написано не как личное послание. В первых строках задан высокий стиль, в котором возможно условное «*ты*» по отношению к незнакомому человеку. Тема послания Готовцевой шире, чем личное приветствие поклонницы кумиру. В похвалах, составляющих большую часть стихотворения, героиня описывает не свой личный опыт чтения Пушкина, а общее мнение о его творчестве:

Кто не дивится вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободных мыслей выраженьям,
Которые ты предал нам? [СЦ 1829, с. 180].

Похвальная часть стихотворения своеобразно «закольцована» мотивом славы: *«О Пушкин! слава наших дней» — «Гласят поэту славы весть»*. Неумолчная слава сопутствует поэту — любимцу небес, делая его героем «наших дней», уравнивая с героями 1812 года. Эти слова провинциальной поэтессы отражают атмосферу общего восторга, в которой поэт купался в первый год после возвращения из ссылки. Б. В. Томашевский охарактеризовал этот период как «эпоху мадригалов»: «В 1827 году Пушкин пользовался безусловным признанием и ни один критик не осмелился выступить открыто против него» [Томашевский, 1956, с. 634].

Стихотворение содержит и своеобразную ретроспекцию, отсылает к раннему творчеству Пушкина: *«Ты век наш на заре своей / Украсил дивными цветами»*. Особое внимание поэтесса уделяет двум южным поэмам Пушкина:

В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил,
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки месть [СЦ 1829, с. 180].

Сегодня может показаться анахронизмом такая характеристика Пушкина в 1828 году. Но Готовцева и здесь правдиво отражает ситуацию. В это время южные поэмы Пушкина переживали новый всплеск популярности. Выходят новые издания «Пленника» и «Бахчисарайского фонтана». В рецензии на постановку балета «Кавказский пленник, или Тень невесты» журналист пишет: «Нельзя не порадоваться быстрому разливу славы нашего любимого поэта А. С. Пушкина» [Летопись …, 1999, с. 312].

CC BY

Обращаясь к Пушкину, Готовцева везде использует местоимения *мы, нам* или обобщенно-личные конструкции. Подразумевает ли она женщин, восхищенных поэтом и обиженных им? Текст не дает оснований для такого суждения, хотя и не исключает его. *Мы, нас, нам* везде использовано в значении ‘читатели, публика, современники’. Интуитивно или намеренно поэтесса избегает конструкций, которые однозначно указывали бы на лирическую героиню-женщину. Если она и говорит от имени женщин, то при этом не выделяет их в какую-то особенную группу, не противопоставляет мужчинам. Женственность ее проявляется тоньше, в том числе в векторе читательского внимания. Так, восхваляя пушкинские поэмы, Готовцева называет не героев, а героинь. При этом и «*дева гор*», и «*грузинка*» предстают как воплощение духа определенного народа, культурной среды. Черкешенка — воплощение Кавказа, грузинка — средоточие и олицетворение Бахчисарая. (Она, а не чуждая этому миру Мария, выбрана поэтессой). Две страстные и сильные натуры, в жертву любви принесшие жизнь. Эти образы даны как свидетельство расцвета пушкинского гения.

Логика развития лирического сюжета к этому моменту вполне проявилась, инерция читательского восприятия требует описания следующих «волшебных картин» и новых героинь.

Холостая строка: *«Одно… Но где же совершенство?»* создает впечатление внезапного поворота или резкой остановки. Смысловой провал заменяет перечень новых творений поэта. Вместо очаровательных картин зияет пустота, нечто, от чего лирическая героиня словно бы «отводит глаза». Риторический вопрос уже содержит однозначный ответ: совершенство невозможно. И в поэте, любимом небесами, обнаруживается некий изъян. Не названный, он, тем не менее, настолько важен, что восторг лирической героини сменяется разочарованием и слабым утешением в виде прописной истины: *«В луне и солнце пятна есть!»* [СЦ 1829, с. 181].

Готовцева усиливает впечатление недосказанности двумя строками отточий. Умолчание, выраженное многоточием, сам Пушкин называл «шаликовским» приемом, прибегая к нему в «Кавказком пленнике» [Дрыжакова, 1995—1996, с. 276]. Но в 1828 году это может восприниматься не только как традиционная для романтической поэзии фигура умолчания, но и как мягкая пародия на многочисленные отточия в первых главах «Евгения Онегина». В них автор-повествователь нередко создает впечатление недосказанности, обрывающегося текста, как будто не хочет высказать читателю прямо свои мысли, утаивает от него нечто слишком личное. Такие фрагменты будоражат воображение, дразнят читателя, порой вызывают раздражение. Теперь этим приемом пользуется Готовцева. Недовольство в адрес Пушкина уже высказано, но причина его не названа, обозначена

пропуском строк — то ли вычеркнутых, то ли никогда не существовавших. (Ошибка Анненкова весьма показательна). Такая манипуляция читательскими ожиданиями «зацепит», раздосадует Пушкина. Но справедливости ради нужно признать, что Готовцева платит Пушкину его же монетой. В серьезности упрека благодаря этому появляется легкий оттенок иронии. Именно он делает банальное умозаключение о пятнах на солнце — актуальным и свежим.

Финальные строки стихотворения «А. С. П.» звучат совершенно иначе, чем первая часть: строго, сдержанно. В них нет ни картин, ни иносказаний, ни поэтических украшений. Глаголы и отглагольные существительные создают впечатление эмоционально-волевой насыщенности, внутренней динамики и напряженности сдержанных чувств.

Несправедлив твой приговор,
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор [СЦ 1829, с. 181].

Послание Анны Готовцевой отчетливо перекликается со стихотворением князя Шаликова, в нем также утверждается слава и популярность поэта, также звучит упрек в несправедливости (при этом слово *приговор* вместо *обет* создает более органичное и точное выражение: *«несправедлив твой приговор»*). Но в сопоставлении с посланием Шаликова самобытность ее обращения к Пушкину выступает еще ярче.

Если у Шаликова поэт несправедлив по отношению к обожающим его женщинам (отказываясь их воспевать, мстит всем за измену одной), то у Готовцевой речь идет о другом: приговор несправедлив сам по себе, то есть является ошибочным, ложным по отношению к истине. Причина этого — не просто негативный опыт, а в целом несовершенная человеческая природа. Следовательно, суть упрека не в том, что поэт кого-то обидел (женщин, например), а в том, что он отступил от истины, провозгласил нечто несправедливое, ложное, ошибочное.

Поэтика послания Шаликова ориентирована на античные образы: Олимп, музы, грации, хариты. Поэт изображен им как потребитель наслаждения (сибарит) и источник наслаждения. Пресыщаясь сам, он на время отнимает удовольствие у своих жриц. Но это лишь естественные колебания, так сказать, «поэтического организма». Воспоминание «о *ножках* — лучшей красоте» пробуждает поэта, и он продолжает производить словесный нектар для вечных олимпийских пиршеств.

Стихотворение Готовцевой изображает взаимоотношения поэта и публики в аспекте христианской этики. Гений, избранник небес, оставаясь великим, может быть неправым, несовершенным. Женщины (или читате-

CC BY

ли, современники, публика), от имени которых говорит Готовцева, оставляют за собой право не соглашаться с поэтом, хотя и отказываются его порицать. Отказ от осуждения — требование христианской этики. Гений, как и всякий человек, подлежит Высшему суду и, как всякий человек, нуждается в прощении ближних. О готовности к прощению и заявляет лирическая героиня Готовцевой. Но молчаливый укор необходим как указание на заблуждение, ошибку, как проявление истинной христианской любви — милосердной, но не всеядной, не индифферентной, в отличие от славословий шаликовского женского хора.

Таков, как нам представляется, смысл беспристрастно прочитанного послания Анны Готовцевой.

Насколько уместно обращение к религиозному аспекту в истолковании вполне светского и даже отчасти салонного (включенного в салонную игру Вяземского) послания Готовцевой? Мироощущение поэта присутствует в каждом его творении независимо от стиля, жанра, конкретной цели высказывания, хотя и не всегда оно выражается так отчетливо и ясно, как в стихотворении Анны Готовцевой. Но для большей убедительности разумно обратиться к стихотворению, которое вместе с обращением к Пушкину Готовцева отдала в «Северные цветы». Это ее послание «К Ю. Н. Бартеневу» [СЦ 1829, с. 29—31]. Здесь Готовцева в полной мере раскрывает свой внутренний мир и личный духовный опыт. Не случайно вместо «*мы*» теперь звучит «*я*», а в обращении к адресату «*ты*» заменяется на «*вы*». Здесь подробно и глубоко раскрывается воздействие поэзии на женскую душу. Лирическая героиня вспоминает, как голос бессмертных творцов, пробуждая фантазии и мечты, достигал ее души и уносил к сфере высокого, то есть служил способом приобщения к духовной жизни. *«Я в храме мудрости душою отдыхала, / И сердца пустоту высоким заменяла»* [Там же, с. 30].

Н. Г. Коптелова, говоря о послании Анны Готовцевой Ю. Н. Бартеневу, справедливо называет его «гимном наставничеству» [Коптелова, 2024, с. 53]. Но одновременно это и манифест мыслящего читателя. Здесь утверждается способность читательницы различать нравственно высокое и низменное, восхищаться творениями Гомера и Карамзина и отвергать сочинения «падших ангелов», чья слава вспыхнула и затмилась. «*И вы!.. Но с грустию я отвращаю взор, / От падших ангелов: их гений им укор; / Их слава, промелькнув, как грозная комета, / Затмила блеск звезды — и умерла для света!..»* [СЦ 1829, с. 30]. Падшие ангелы в стихотворении Готовцевой — очевидно, гении, не сумевшие достойно пронести высокое избранничество. Непонятно, имеет ли в виду поэтесса какие-то конкретные имена или образ падших ангелов абстрактен. Но несомненна лексическая и

CC BY

структурная близость этих строк к укоризненному фрагменту из послания Пушкину. Мысль о человеческом несовершенстве гения, о способности избранника небес заблуждаться и дойти до полного падения объединяет стихотворения, адресованные Бартеневу и Пушкину. Можно сказать, что стихотворение «А. С. П.», начинаясь как комплимент, продолжается как размышление о судьбе Пушкина, чья слава сейчас «затмевает блеск звезд», но может оказаться столь же недолговечной. Пока еще темные пятна на лике любимого поэта видятся автору случайностью, временным «затмением». Но они уже вызывают тревогу о духовном пути Пушкина, о его судьбе в земной и вечной жизни. Лексика Готовцевой, весь образный строй ее послания восходит не только к стихам предшественников, но и напрямую к тексту Священного писания. «Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мк, гл. 13, ст. 24). Только с такой высоты, где речь идет не об уязвленном женском самолюбии, а об истине и вечности, возможно «прощать» несовершенства гению, не впадая в смешное самомнение: «…принципиально то, что, сохраняя в послании к Пушкину систему аксиологических координат, обозначенную в стихотворении, адресованном Бартеневу, Готовцева выражала свою творческую позицию по-женски деликатно и дипломатично. Она свела на нет пафос инвективы, которым были пронизаны строки о поэтах, названных ею «падшими ангелами», и в послании к Пушкину заменила их интонацией великодушной кротости, подчеркивая христианскую по своей природе способность женской души бесконечно любить и прощать…» [Коптелова, 2024, с. 52].

Послание к Ю. Н. Бартеневу служит ключом к «А. С. П.». Более развернутое, более обдуманное, оно в полной мере раскрывает высокий душевный строй Анны Готовцевой. Разделив два послания Готовцевой на страницах альманаха, издатели «Северных цветов» ослабили пафос ее обращения к Пушкину и затемнили смысл ее упрека не только для современников, но и для потомков. Едва ли им это удалось в полной мере. Хотя не исключено, что сделано это было вполне осознанно. Послание Готовцевой, понятое в его настоящем смысле, несло в себе действительно определенную опасность, угрозу для Пушкина. Разумеется, провинциальная поэтесса не предполагала этого и не могла об этом догадаться, но искушенные литераторы пушкинского кружка увидели эту опасность достаточно быстро. На фоне еще развивавшейся истории с «Гавриилиадой» и первых выпадов в адрес Пушкина из-за «безнравственности» графа Нулина таинственный упрек провинциальной поэтессы мог получить крайне невыгодное для Пушкина истолкование. Голосом Готовцевой говорила широкая публика, и она, недавно столь восторженная, высказывала разочарование, находила

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

в облике Пушкина «пятна». В интересах Пушкина и его друзей было «приглушить» этот голос. (Например, так поступили издатели со «Старой былью» П. А. Катенина, печатая ее без обращенного к Пушкину авторского посвящения, что затемняло содержащийся в стихотворении болезненный, а отчасти и опасный для Пушкина намек [Тынянов, 1929]). Возможно, поэтому откликов на великолепно задуманное Вяземским стихотворное трио оказалось так ничтожно мало.

Зато проницательный и лукавый критик «Северной пчелы», очевидно, с недобрым умыслом приводит в газете полный текст послания Готовцевой. Ее искреннюю тревогу он превращает в тонкий «донос» на Пушкина, отказавшего своим героиням в духовной высоте, принизившего русских женщин. Явно Булгарин выступит в защиту «Графа Нулина» от обвинений в безнравственности [Северная пчела, 1828, № 4]. Но недаром пушкинский круг с недоверием отнесется к этому заступничеству. Неудивительно, что другие, более благожелательные к Пушкину журналисты постарались не заметить послания костромской поэтессы и что сам поэт не стремился продолжить заочное знакомство с нею, а стихотворному диалогу постарался придать максимально безопасный салонно-мадригальный вид. Поэтому его «Ответ» оказался ответом не столько Готовцевой, сколько князю Шаликову: «*О, сколько мук себе готовил / Красавиц ветреный Зоил, / Когда предательски злословил / Сей пол, которому служил!*» [СЦ 1829, с. 182].

Похвала «Северной пчелы» сыграла с Анной Готовцевой печальную шутку, поставив ее невольно в стан противников Пушкина в начинавшейся журнальной борьбе. Мадригальная эпоха уходила в прошлое: «Начиная с 1828 года в отношении к Пушкину в журналах определился ясный перелом и его произведения стали подвергаться мелочным и придирчивым нападкам» [Томашевский, 1956, с. 634].

Булгарин использовал искренний порыв провинциальной поэтессы в своих целях. Но не лучше поступил и Вяземский, адресовавший через несколько месяцев своей приятельнице в виде письма памфлет, предназначенный не столько ей, сколько враждебной литературной партии. Вероятно, оказавшись среди журнальной драки, столкнувшись с нравами почтенного сообщества литераторов, юная костромичка изрядно охладела к литературной славе. Ее душевный мир был слишком далек от кипящих страстей родной словесности.

4. Заключение = Conclusions

Анализ стихотворного диалога Пушкина и Готовцевой с учетом более широкого, чем ранее предлагалось, литературного контекста позволил прийти к следующим результатам.

CC BY

Истолкование стихотворения А. И. Готовцевой «А. С. П.» получает глубину и достоверность в сопоставлении с другими посланиями костромской поэтессы и всем корпусом ее стихотворений в целом. В частности, такой подход помогает обнаружить религиозно-нравственную проблематику послания Пушкину.

Таким образом, история стихотворного диалога Пушкина с Готовцевой вписывается не в ряд мадригальных стихов, обращенных к дамам (к слову, в своей обстоятельной статье о пушкинских мадригалах Л. Гроссман и не упоминает «Ответ А. И. Готовцевой»), а в ряд стихотворных диалогов-«дуэлей» Пушкина с П. Катениным, И. Великопольским, митрополитом Филаретом. Анализ послания Готовцевой и ответа на него в этом контексте может стать предметом специального исследования.

Более пристальное рассмотрение историко-литературного контекста позволяет уточнить гипотезу об источнике замысла Готовцевой и причинах ее укоризненного обращения к Пушкину. Не исключено, что разговоры с Вяземским о Пушкине, в которых, по собственному признанию, тот всячески старался «разгорячить» молодую собеседницу, стали стимулом для создания стихотворения Готовцевой, а выпады против женщин, содержавшиеся в «Отрывках из писем мыслях и замечаниях», послужили конкретным поводом для ее высказывания. Однако материалом размышлений поэтессы могли стать и другие, достаточно многочисленные к тому времени высказывания Пушкина о женщинах (а может быть, и о читателях в целом), а главное — женские образы, которые смутили религиозно настроенную и нравственно чуткую девушку. Одной из причин обращения к Пушкину с упреком, вероятно, стало восприятие поэмы «Граф Нулин» как ложного, несправедливого изображения русской женщины и русской действительности.

Своим посланием Готовцева не только отвергала, но и фактически опровергала тот образ провинциальной барышни или барыни, который преобладал в пушкинских творениях на момент стихотворной перепалки и которому еще не был в полной мере противопоставлен образ Татьяны.

Стихотворный диалог с Готовцевой формально закончился публикацией пушкинского «Ответа» в «Северных цветах». Но письмо к Дельвигу, воспоминания А. Вульфа и готовцевский след в «Медном всаднике» говорят о том, что содержательно и по существу этот диалог продолжился. Косвенным ответом Готовцевой со стороны Пушкина в определенной мере можно считать комплимент в адрес дам-писательниц в рецензии на альманах «Денница», где было напечатано письмо Вяземского «А. И. Г-ой» [Пушкин, 1964, с. 107], высказывания героев «Романа в письмах» о самобытности провинциальных барышень и их любви к литературе [Пушкин, 1995, с. 50], стихотворение «Мадонна», вписанное Пушкиным в альбом

покровителя Готовцевой Ю. Н. Бартенева [Модзалевский, 1911], а главное, образ Татьяны Лариной, чья русскость проявилась не в простонародном имени, а в духовной стойкости и нравственной чистоте.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАКО — *Государственный* архив Костромской области. Ф. 56. Оп. 3. Д. 24. Коллекция метрических книг Костромской губернии. Копия с Метрических книг Богословской церкви, что на Каткиной горе, города Костромы, на 1870-й год и последующие за ним до 1876-го года. Л. 32, об. 33.

2. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 425. 18 л. Корнилова А. И. [урожд. Готовцева]. Стихотворения. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 503. 12 л. Корнилова Анна Ивановна (ур. Готовцева Анна Ивановна). "Я в храме мудрости душою отдыхала...", "В альбом" и др.

3. *Булгарин Ф. В.* Предсказания на 1827 год / Ф. В. Булгарин // Северная пчела : [газета]. — 1827 — № 3.

4. *Булгарин Ф. В*. Рассмотрение русских альманахов на 1828 год. I. Северные цветы. (Продолжение) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела пчела : [газета]. — 1828. — № № 3, 4.

5. *Вульф А. Н.* Дневник 1817—1842 годов. Любовные похождения и военные походы / А. Н. Вульф ; Предисловие, подг. текста и комм. Е. Н. Строгановой и М. В. Строганова. — Москва : АСТ, 2016. — 464 с. — ISBN 978-5-17-091620-7.

6. *Вяземский П. А.* Отрывок из письма к А. И. Г–ой / П. А. Вяземский // Денница, альманах на 1830 год : изданный М. Максимовичем. — Москва : В университетской типографии, 1830. — С. 122—134.

7. *Вяземский П. А.* Стансы (Анне Ивановне Готовцовой) / П. А. Вяземский // Северные цветы на 1829 год. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1828. — С. 178—179.

8. *Галатея,* Журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем. — Москва : в типографии Решетникова и Уткина, 1829. — С. 72—79.

9. *Готовцева А. И.* Стихотворения / А. И. Готовцева // «Прелестный дар, перо поэта...» Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. — Кострома : Губернский дом, 2005. — 128 с.

10. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Изд. второе, без перемен / В. И. Даль. — Санкт-Петербург, Москва : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. — Т. 1. — С. 45—51.

11. *Дамский* журнал, издаваемый князем Шаликовым. — Москва : В Университетской Типографии, 1827. — № 9. — С.8.

12. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем : в двадцати томах. Стихотворения 1797—1814 гг. / В. А. Жуковский ; Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — Т. 1. — 760 с. — ISBN 5-7859-0038-6.

13. *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / А. П. Керн ; сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гордина. — Москва : Правда, 1989. — 489 с.

14. *Киреевский И. В.* О русских писательницах. (Письмо Анне Петровне Зонтаг) / И. В Киреевский // Полное собрание сочинений. В 2 т. — Москва : Типография Императорского Московского университета, 1911. — Т. 2. — С. 65—75.

15. *Князь Шаликов.* К Александру Сергеевичу Пушкину (На его отречение петь женщин) / Князь Шаликов // Дамский журнал. — 1825. — № 8. — С. 68—69.

16. *Краевед* Павел Резепин… // Костромские ведомости : [газета]. — 1999. — 2 июня. — С. 6.

17. *Мысли* // Северная пчела : [газета]. — 1829. — № 4. — С. 110—113.

18. *Мысли,* характеры и портреты // Дамский журнал. — 1825. — № 10. — С. 152—154.

19. *Новые* альманахи на 1829 год. Северные цветы. (Окончание) // Северная пчела : [газета]. — 1829. — № 7.

20. *Новыя* книги. Литературный Музеум на 1827 год, Владимира Измайлова (Окончание) // Северная пчела : [газета]. — 1827. — № 47.

21. *О.* План воспитания (Из Парни) // Московский вестник. — 1827. — С. 12—13.

22. *Об Альманахах* на 1828 год // Дамский журнал. — 1828. — № 2.

23. *Остафьевский* архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1824—1836. Издание графа С. Д. Шереметева / под ред. и с прим. В. И. Саитова. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1899. — Ч. 3. — С. 23—27.

24. *Павел Свиньин.* Взгляд на периодические издания и альманахи (продолжение) / Павел Свиньин // Отечественные записки. — 1829. — № 107. — С. 489—502.

25. *Пушкин А. С.* Граф Нулин / А. С. Пушкин // Северные цветы на 1828 год. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1827 а. — С. 3—18.

26. *Пушкин А. С.* Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 7. — С. 107—119.

27. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава третия. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1827 б. — 189 с.

28. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1828. — 295 с.

29. *Пушкин А. С.* Медный всадник / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1978. — 288 с.

30. *Пушкин А. С.* Опровержение на критики / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 7. — С. 166—198.

31. *Пушкин А. С.* Письма / А. С. Пушкин ; Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. — Москва — Ленинград : Государственное издательство, 1928. — Т. 2. — 580 с.

32. *Пушкин А. С.* Стихотворения. В 4 ч. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1829. — Ч. 2. — 176 с.

33. *Пушкин А. С.* Сочинения. В 11 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. — Т. 3. — 247 с.

34. *Пушкин А. С.* Сочинения с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание П. В. Анненкова, 1855. — Т. 2. — 561 с.

35. *Пушкин А.* С. Сочинения. В 6 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание Я. А. Исакова, 1859. — Т. 1. — 635 с.

36. *Пушкин А.* С. Сочинения. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1880—1881. — Т. 2. — 452 с.

37. *Пушкин А.* С. Сочинения. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Издание Федора Ивановича Анскаго, 1882. — Т. 2. — 434 с.

38. *Пушкин А.* С. Полное собрание сочинений. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание В. В. Комарова, 1887 а. — Т. 2. — 335 с.

39. *Пушкин А.* С. Сочинения. В 7 тт. / А. С. Пушкин ; Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под ред. и с объяснительными прим. П. О. Морозова. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1887 б. — Т. 2. — 374 с.

40. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений со сводом вариантов. В 3 т. И 6 ч. / А. С. Пушкин / Ред., вступ. статьи и комментарии В. Я. Брюсова. — Москва : Государственное Издательство, 1919—1920. — Т. 1. — Ч. 1. — 430 с.

41. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 6 т. / А. С. Пушкин ; Под ред. М. А. Цявловского. — Москва — Ленинград : Academia, 1936. — Т. 1. — 825 с.

42. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва — Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. — Т. 3. — 561 с.

43. *Пушкин А. С.* Роман в письмах / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 17 т. — Москва : Воскресенье, 1995. — Т. 8. — С. 43—56.

44. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Гослитиздат, 1959. — Т. 2. — 799 с.

45. *Пушкинская* энциклопедия : Произведения. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 3 : Л–О. — 640 с. — ISBN 978-5-4469-1196-7.

46. СЦ 1828 — *Северные* цветы на 1828 год. — Санкт-Петербург : В тип. департамента народного просвещения, 1827.

47. СЦ 1829 — *Северные* цветы на 1829 год. — Санкт-Петербург : В тип. департамента народного просвещения, 1828.

48. *Северные* цветы на 1829 год (Изданы бароном Дельвигом и О.Сомовым) СПб. 1828 (Окончание) // Галатея. — Москва : В типографии Решетникова и Уткина, 1929. — Ч. 1. — № 6. — С. 335—340.

49. СЯП — *Словарь* языка Пушкина : в 4 т. — Москва : Азбуковник, 2000. — Т. 3. — 1284 с. — ISBN 5-88744-026-0.

50. *Языков Н. М.* Анне Ивановне («Влюблен я, дева-красота…») / Н. М. Языков // Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. — Москва : В типографии Августа Семена, 1831. — С. 94.

Литература

1. *Анненков П. В.* Примечания к стихотворениям Пушкина 1828 года / П. В. Анненков // Пушкин А. С. Сочинения, с приложением материалов для его биографии портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. — Санкт-Петербург : Издание П. В. Анненкова, 1855. — Т. 2. — С. 468 — 474.

2. *Бочков В. Н.* Готовцева Анна Ивановна / В. Н. Бочков // Русские писатели. 1800—1917 : биогр. словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 658—659.

3. *Бочков В. Н.* «Твой недосказанный упрёк» / В. Н. Бочков // Костромские спутники Пушкина : историко-художественные очерки. — Кострома : Губернский дом, 2002. — 175 с.

4. *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина / В. Э. Вацуро // Избранные труды / Сост. А. М. Песков. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 824 с. — ISBN 5-94457-179-9.

5. *Гаевский В. П.* Дельвиг. Статья четвертая / В. П. Гаевский // Современник. — 1854. — Т. XLVII. — № 9. — С. 25—26.

6. *Гессен А. И.* «Несправедлив твой приговор…» / А. И. Гессен // «Все волновало нежный ум…» Пушкин среди книг и друзей. — Москва : Наука, 1965. — С. 288—293.

7. *Гроссман Л. П.* Мадригалы Пушкина / Л. П. Гроссман // Собр. Сочинений : в 4 т. — Москва : КН-ВО «Современные проблемы» Н. А. Столляр, 1928. — Т. 1. — 381 с.

8. *Дрыжакова Е. Н.* А. С. Пушкин и князь Шаликов / Е. Н. Дрыжакова // Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. — Москва : Новое Литературное Обозрение, 1995—1996. — С. 271—283.

9. *Ивинский Д. П.* Пушкин, митрополит Филарет, князь П. А. Вяземский и другие / Д. П. Ивинский // 225 : сборник статей к юбилею А. С. Пушкина / ред.-сост. : Д. П. Ивинский. — Москва : Р. Валент, 2024. — 232 с. — С. 61—118. — ISBN 978-5-93439-681-8.

10. *Коптелова Н. Г.* Бартеневский след в творчестве А. И. Готовцевой / Н. Г. Коптелова // Два века русской классики. — 2024. — Т. 6. — № 1. — С. 38—73. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73.

11. *Лебедев Ю. В.* Анна Ивановна Готовцева / Ю. В Лебедев, А. Н. Романова. // Литература Костромского края. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века : учеб. пособие. — Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. — С. 99—111. — ISBN 978-5-8285-0945-4.

12. *Лебедев Ю. В.* Готовцева А. И. / Ю. В. Лебедев // Кострома. Историческая энциклопедия. — Кострома : ООО «Костромаиздат — 850», 2002. — 416 с. — ISBN 5-94948-001-5.

13. *Лейбов Р.* Поэма Пушкина «Граф Нулин». Опыт комментированного чтения / Р. Лейбов. — Тарту : University of Tartu Press, 2023. — 162 с. — ISBN 978-9916-27-146-9.

14. *Летопись* жизни и творчества Александра Пушкина : в 4 томах. — Москва : СЛОВО / SLOVO, 1999. — Т. 2. — 457 с. — ISBN 5-85050-243-2.

15. *Модзалевский Б. Л.* Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева / Б. Л. Модзалевский // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. — Выпуск 15. — С. 21—26.

16. *Модзалевский Б. Л.* Альбом Юрия Никитича Бартенева / Б. Л. Модзалевский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1910. — Т. 15. — Книга 4. — С. 200—221.

17. *Модзалевский Б. Л.* Примечания к письмам №№ 193—391 за 1826—1830 гг. / Б. Л. Модзалевский // Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. — Москва — Ленинград : Государственное издательство, 1928. — Т. 2. — Письма, 1826—1830. — 580 с.

18. *Пуряева Н. Н.* «Библиографический каталог русским писательницам» С. В. Руссова / Н. Н. Пуряева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 3. — С. 146—151.

19. *Резепин П. П.* Корнилова Анна Ивановна / П. П. Резепин // Островский и его костромское окружение : биобиблиографический словарь. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. — 688 с. — ISBN 978-5-86007-956-4.

20. *Рогова А. И.* Ответ А. И. Готовцевой / А. И. Рогова // Пушкинская энциклопедия : Произведения. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 3 : Л–О. — 640 с. — ISBN 978-5-4469-1196-7.

21. *Розанов И. Н.* Пушкин в поэзии его современников / И. Н. Розанов // Литературное наследство. — Москва : Журнально-газетное объединение, 1934. — Т. 16—18. — С. 1035—1042.

22. *Романова А. Н.* Душевный мир провинциальной читательницы в лирике А. И. Готовцевой / А. Н. Романова // Ученые записки НовГУ. — 2025. — № 1 (56). — С. 94—106. — DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106.

23. *Романова А. Н.* Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи / А. Н. Романова // Литература в школе. — 2020. — № 2. — С. 62—75. — DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75.

24. *Русские* поэтессы XIX века / Сост. Н. В. Банников. — Москва : Советская Россия, 1979. — 256 с.

25. *Савкина И. Л.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века) / И. Л. Савкина. — Wilhelmshorst : Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 с.

26. *Сапрыгина Е. В.* Вступительная статья / Е. В. Сапрыгина // «Прелестный дар, перо поэта...» Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. — Кострома : [б. и.], 2005. — С. 3—18.

27. *Сапрыгина Е. В.* Иконография А. И. Готовцевой / Е. В. Сапрыгина // ОГБУК «Костромской музей-заповедник». Слуги времени. — Кострома : Костромаиздат, 2012. — 320 с.

28. *Сидяков Л. С.* Примечания / Л. С. Сидяков // Пушкин А. С. Стихотворения / Рос. АН. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — С. 458–623. — ISBN 978-5-02-026460-1.

29. *Сурина Н.* Русский Ламартин / Н. Сурина // Русская поэзия XIX века : Сборник статей под ред. и с предисловием Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. — Ленинград : «ACADEMIA», 1929. — 338 с.

30. *Томашевский Б. В.* Пушкин : Материалы к монографии / Б. В. Томашевский. — Москва — Ленинград : Академия наук СССР, 1956. — Книга 1. — 746 с.

31. *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы, / Ю. Н. Тынянов. — Ленинград : Прибой, 1929. — 598 с. — ISBN 0-88233-869-2.

32. *Файнштейн М. Ш.* Вдали от столиц (О. П. Крюкова, А. И. Готовцева, А. А. Фукс) / М. Ш. Файнштейн // Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — 175 с. — ISBN 5-02-027-925-0.

33. *Фомичев С. А.* Катерина Тимашева — поэтесса пушкинской плеяды / С. А. Фомичев // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — Выпуск 23. — С. 152—157.

34. *Французская* элегия XVIII—XIX вв. В переводах поэтов пушкинской поры : Сборник / Сост. В. Э. Вацуро. — Москва : Радуга, 1989. — 688 с. — ISBN 5-05-001529-4.

35. *Чупринова Н. В.* Женское творчество в «альманашный период» русской литературы : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Чупринова. — Москва, 2018. — 203 с.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 10.09.2025.

Material resources

About Almanacs for 1828. (1828). *Ladie's magazine, 2.* (In Russ.).

Bulgarin, F. V. (1827). Predictions for 1827. *Severnaya pchela: [newspaper], 3.* (In Russ.).

Bulgarin, F. V. (1828). Consideration of Russian almanacs for 1828. I. Northern flowers. (Continued). *Severnaya pchela pchela: [newspaper], 3, 4.* (In Russ.).

CC 1829 — *Northern flowers for 1829.* (1828). St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. (In Russ.).

Dahl, V. I. (1879). *Proverbs of the Russian people. second edition, without changes, 1.* St. Petersburg, Moscow: Edition of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 45—51. (In Russ.).

GAKO — *State Archive of the Kostroma region.* (In Russ.).

Galatea, a journal of literature, news and fashion, published by Raich. (1829). Moscow: In the printing house of Reshetnikov and Utkin. 72—79. (In Russ.).

Gotovtseva, A. I. (2005). Poems. In: *"A charming gift, the pen of a poet..." Poems by A. Gotovtseva and Yu. Zhadovskaya Street.* Kostroma: Gubernskiy Dom Publ. 128 p. (In Russ.).

Kern, A. P. (1989). *Memoirs. The diaries. Correspondence.* Moscow: Pravda. 489 p. (In Russ.).

Kireevsky, I. V. (1911). About Russian women writers. (Letter to Anna Petrovna Sontag) In Kireevsky. In: *Complete works. In 2 volumes, 2.* Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University. 65—75. (In Russ.).

Ladie's magazine, published by Prince Shalikov, 9. (1827). Moscow: In The University Printing House. P. 8. (In Russ.).

Local historian Pavel Rezepin ... (1999). *Kostromskiye Vedomosti: [newspaper]. June 2.* P. 6. (In Russ.).

New almanacs for 1829. Northern flowers. (End). (1829). *Severnaya pchela: [newspaper], 7.* (In Russ.).

New books. Literary Museum for 1827, Vladimir Izmailov (Graduation). (1827). *Severnaya pchela: [newspaper], 47.* (In Russ.).

Northern flowers for 1829 (Published by Baron Delvig and Fr.Somov) St. Petersburg. 1828 (Ending). (1929). In: *Galatea, 1 (6).* Moscow: In the printing house of Reshetnikov and Utkin. 335—340. (In Russ.).

O. Plan of education (From the Guys). (1827). *Moskovsky vestnik.* 12—13. (In Russ.).

Ostafievsky archive of the Princes of Vyazma. Correspondence of Prince P. A. Vyazemsky with A. I. Turgenev 1824—1836. The publication of Count S. D. Sheremetev, 3. (1899). St. Petersburg: [b. i.]. 23—27. (In Russ.).

Pavel Svinyin. (1829). A look at periodicals and almanacs (continued). *Domestic notes, 107:* 489—502. (In Russ.).

Prince Shalikov. (1825). To Alexander Sergeyevich Pushkin (On his abdication to sing women). *Ladie's Magazine, 8:* 68—69. (In Russ.).

Pushkin Encyclopedia: Works, 3. (2017). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 640 p. ISBN 978-5-4469-1196-7. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1827a). Count Nulin. In: *Northern flowers for 1828.* St. Petersburg: [b. i.]. 3—18. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1827b). *Evgeny Onegin. A novel in verse. An essay by Alexander Pushkin. Chapter three.* St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 189 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1828). *Eugene Onegin. a novel in verse. An essay by Alexander Pushkin.* St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 295 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1829). *Poems. At 4 o'olock, 2.* St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 176 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1838). *Essays. In 11 volumes, 3.* St. Petersburg: In the printing house of the Expedition for the procurement of state papers. 247 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1855). *Essays with the application of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his drawings, etc., 2.* (1855). St. Petersburg: Edition of P. V. Annenkov. 561 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1859). *Essays. In 6 volumes, 1.* St. Petersburg: Edition of Ya. A. Isakov. 635 p. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1880—1881). *Essays. In 7 volumes, 2.* St. Petersburg: Publishing house of the bookseller Ya. A. Isakov. 452 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1882). *Essays. In 7 volumes, 2.* Moscow: Edition of Fyodor Ivanovich Anskago. 434 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1887). *Complete works. In 7 volumes, 2.* St. Petersburg: Edition of V. V. Komarov. 335 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1887). *Essays. In 7 volumes, 2.* St. Petersburg: Printing House of A. S. Suvorin, 1887, vol. 2, 374 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1919—1920). *The complete works with a set of variants. In 3 volumes. And 6 hours, 1 (1).* Moscow: State Publishing House. 430 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1928). *Letters, 2.* Moscow — Leningrad: State Publishing House. 580 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1936). *The Complete Works. In 6 volumes, 1.* Moscow — Leningrad: Academia. 825 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1950). *The Complete Works. In 10 volumes, 3.* Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 561 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1959). *Collected Works. In 10 volumes, 2.* Moscow: Goslitizdat. 799 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1964). Dennitsa. Almanac for 1830, published by M. Maximovich. In: *Complete works in 10 volumes, 7.* Moscow: Nauka. 107—119. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1964). Refutation of criticism. In: *Complete works in 10 volumes, 7.* Moscow: Nauka. 166—198. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1978). *The Bronze Horseman.* Leningrad: Nauka Publ. 288 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1995). Novel in letters. In: *Complete works: in 17 volumes, 8.* Moscow: Sunday. 43—56. (In Russ.).
RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art.* (In Russ.).
SC 1828 — *Northern flowers for 1828.* (1827). St. Petersburg: In the printing office of the Department of Public Education. (In Russ.).
SNAP — *Dictionary of the Pushkin language: in 4 volumes, 3.* (2000). Moscow: Azbukovnik. 1284 p. ISBN 5-88744-026-0. (In Russ.).
Thoughts, characters and portraits. (1825). *Ladie's Magazine, 10:* 152—154. (In Russ.).
Thoughts. (1829). *Severnaya pchela: [newspaper], 4:* 110—113. (In Russ.).
Vyazemsky, P. A. (1828). Stanzas (to Anna Ivanovna Gotovtsova). In: *Northern flowers for 1829.* St. Petersburg: [b. i.]. 178—179. (In Russ.).
Vyazemsky, P. A. (1830). An excerpt from a letter to A. I. G–oh. In: *Dennitsa, an almanac for 1830: published by M. Maximovich.* Moscow: At the University Printing House. 122—134. (In Russ.).
Wolf, A. N. (2016). *Diary of 1817—1842. Love affairs and military campaigns.* Moscow: AST. 464 p. ISBN 978-5-17-091620-7. (In Russ.).
Yazykov, N. M. (1831). Anna Ivanovna ("I am in love, virgo is beauty..."). In: *Dennitsa, almanac for 1831 the year published by M. Maximovich.* Moscow: In the printing house of August Semyon. P. 94. (In Russ.).
Zhukovsky, V. A. (1999). *Complete works and letters: in twenty volumes. Poems of 1797—1814, 1.* Moscow: Languages of Russian Culture. 760 p. ISBN 5-7859-0038-6. (In Russ.).

References

Annenkov, P. V. (1855). Notes to Pushkin's poems of 1828. In: *Pushkin A. S. Essays, with the application of materials for his biography, portrait, photographs from his hand-*

writing and from his drawings, etc., 2. St. Petersburg: Edition of P. V. Annenkov. 468—474. (In Russ.).

Bochkov, V. N. (1989). Gotovtseva Anna Ivanovna. In: *Russian writers. 1800—1917: biogr. Dictionary, 1.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 658—659. (In Russ.).

Bochkov, V. N. (2002). "Your unspoken reproach". In: *Kostroma companions of Pushkin: historical and artistic essays.* Kostroma: Gubernskiy Dom Publ. 175 p. (In Russ.).

Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin. In 4 volumes, 2. (1999). Moscow: SLOVO / SLOVO. 457 p. ISBN 5-85050-243-2. (In Russ.).

Chuprinova, N. V. (2018). *Women's creativity in the "almanac period" of Russian literature.* PhD Diss. Moscow. 203 p. (In Russ.).

Dryzhakova, E. N. (1995—1996). A. S. Pushkin and Prince Shalikov. In: *New trinkets. Collection of articles on the 60th anniversary of V. E. Vatsuro.* Moscow: New Literary Review. 271—283. (In Russ.).

Feinstein, M. S. (1989). Far from the capitals (O. P. Kryukova, A. I. Gotovtseva, A. A. Fuchs). In: *Writers of the Pushkin era (historical and literary essays).* Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Publishing House. 175 p. ISBN 5-02-027-925-0. (In Russ.).

Fomichev, S. A. (1989). Katerina Timasheva — poetess of the Pushkin galaxy. In: *Temporary Pushkin Commission, 23.* Leningrad: Nauka Publishing House. Leningr. publishing House. 152—157. (In Russ.).

French elegy of the XVIII—XIX centuries. (1989). In: *In the translations of the poets of Pushkin's time: a collection.* Moscow: Raduga. 688 p. ISBN 5-05-001529-4. (In Russ.).

Gaevsky, V. P. (1854). Delvig. The fourth article. *Sovremennik, XLVII (9):* 25—26. (In Russ.).

Gessen, A. I. (1965). "Your sentence is unfair ..." In*: "Everything worried the gentle mind ..." Pushkin among books and friends.* Moscow: Nauka Publ. 288—293. (In Russ.).

Grossman, L. P. (1928). Pushkin's Madrigals. In: *Sobr. Works: in 4 volumes, 1.* Moscow: The book "Modern problems" by N. A. Stollyar. 381 p. (In Russ.).

Ivinsky, D. P. (2024). Pushkin, Metropolitan Filaret, Prince P. A. Vyazemsky and others. In: *225: collection of articles on the anniversary of A. S. Pushkin.* Moscow: R. Valent. 232 p. ISBN 978-5-93439-681-8. (In Russ.).

Koptelova, N. G. (2024). Bartenevsky trace in the work of A. I. Gotovtseva. *Two centuries of Russian classics, 6 (1):* 38—73. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73. (In Russ.).

Lebedev, Yu. V. (2002). Gotovtseva A. I. In: *Kostroma. Historical encyclopedia.* Kostroma: Kostromaizdat — 850 LLC. 416 p. ISBN 5-94948-001-5. (In Russ.).

Lebedev, Yu. V., Romanova, A. N. (2018). Anna Ivanovna Gotovtseva. In: *Literature of the Kostroma region. The second half of the XVIII — the first half of the XIX century: studies. stipend.* Kostroma: Publishing House of Kostrom State University. 99—111. ISBN 978-5-8285-0945-4. (In Russ.).

Leibov, R. (2023). *Pushkin's poem "Count Nulin". The experience of annotated reading.* Tartu: University of Tartu Press. 162 p. ISBN 978-9916-27-146-9. (In Russ.).

Modzalevsky, B. L. (1826—1830). Notes to letters № 193—391 for 1826—1830. In: *Pushkin A. S. Letters, 2.* Moscow — Leningrad: State Publishing House. 580 p. (In Russ.).

Modzalevsky, B. L. (1910). Album of Yuri Nikitich Bartenev. In: *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 15 (4).* St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 200—221. (In Russ.).

Modzalevsky, B. L. (1911). Autograph of "Madonna" in the album of Yu. N. Bartenev. In: *Pushkin and his contemporaries. Materials and research, 15.* St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 21—26. (In Russ.).

Puryaeva, N. N. (2018). “Bibliographic catalog of Russian women writers” by S. V. Russov. *Bulletin of the Moscow State Regional University, 3:* 146—151. (In Russ.).

Rezepin, P. P. (2020). Kornilova Anna Ivanovna. In: *Ostrovsky and his Kostroma entourage: a bio-bibliographic dictionary.* St. Petersburg: DMITRY BULANIN. 688 p. ISBN 978-5-86007-956-4. (In Russ.).

Rogova, A. I. (2017). The answer of A. I. Gotovtseva. In: *Pushkin Encyclopedia: Works, 3.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 640 p. ISBN 978-5-4469-1196-7. (In Russ.).

Romanova, A. N. (2020). Anna Gotovtseva, the poet’s companion. Towards the history of literary relations of the Pushkin era. *Literature at school, 2:* 62—75. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75. (In Russ.).

Romanova, A. N. (2025). The spiritual world of a provincial reader in the lyrics of A. I. Gotovtseva. *Scientific notes of NovSU, 1 (56):* 94—106. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56) .94-106. (In Russ.).

Rozanov, I. N. (1934). Pushkin in the poetry of his contemporaries. In: *Literary heritage, 16—18.* Moscow: Magazine and Newspaper Association. 1035—1042. (In Russ.).

Russian Academy of Sciences. (1997). St. Petersburg: Nauka. 458—623. ISBN 978-5-02-026460-1. (In Russ.).

Russian poetesses of the 19th century. (1979). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. 256 p. (In Russ.).

Saprygina, E. V. (2005). Introductory article. In: *“A charming gift, the pen of a poet ...” Poems by A. Gotovtseva and Yu. Zhadovskaya Street.* Kostroma: [b. i.]. 3—18. (In Russ.).

Saprygina, E. V. (2012). Iconography of A. I. Gotovtseva. In: *OGBUK Kostroma Museum-Reserve. Servants of time.* Kostroma: Kostromaizdat. 320 p. (In Russ.).

Savkina, I. L. (1998). *Provincial girls of Russian literature (women’s prose of the 30—40s of the XIX century).* Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert. 223 p. (In Russ.).

Surina, N. (1929). Russian Lamartine. In: *Russian poetry of the XIX century.* Leningrad: ACADEMIA. 338 p. (In Russ.).

Tomashevsky, B. V. (1956). *Pushkin: Materials for the monograph, 1.* Moscow — Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 746 p. (In Russ.).

Tynyanov, Yu. N. (1929). *Archaists and innovators.* Leningrad: Priboy. 598 p. ISBN 0-88233-869-2. (In Russ.).

Vatsuro, V. E. (2004). “Northern flowers”. The history of the Delvig — Pushkin almanac. In: *Selected works.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 824 p. ISBN 5-94457-179-9. (In Russ.).

The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 10.09.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Темиргазина З. К. Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева / З. К. Темиргазина, Г. А. Орынханова, С. В. Николаенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 316—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-316-331.

Temirgazina, Z. K., Orynkhanova, G. A., Nikolaenko, S. V. (2025). Siberia as a Local Text in Poetry of Pavel Vasiliev. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 316-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-316-331. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева

Темиргазина Зифа Какбаевна [1]
orcid.org/0000-0003-3399-7364
доктор филологических наук,
профессор
кафедра русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
temirgazina_zifa@pspu.kz

Орынханова Гибадат Аманжоловна [2]
orcid.org/0000-0003-1864-1802
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
nrsgo@pspu.kz

Николаенко Сергей Владимирович [3]
orcid.org/0000-0001-7749-6671
доктор педагогических наук, профессор,
кафедра германской филологии
ns-lk@mail.ru

[1] Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана (Павлодар, Казахстан)

[2] Казахский национальный женский педагогический университет (Алматы, Казахстан)

[3] Витебский государственный университет им. П. Машерова (Витебск, Беларусь)

Siberia as a Local Text in Poetry of Pavel Vasiliev

Zifa K. Temirgazina [1]
orcid.org/0000-0003-3399-7364
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and Literature,
corresponding author
temirgazina_zifa@pspu.kz

Gibadat A. Orynkhanova [2]
orcid.org/0000-0003-1864-1802
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language and Literature
nrsgo@pspu.kz

Sergey V. Nikolaenko [3]
orcid.org/0000-0001-7749-6671
Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Germanic Philology
ns-lk@mail.ru

[1] Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan (Pavlodar, Kazakhstan)

[2] Kazakh National Women's Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

[3] Vitebsk State University named after P. Masherov (Vitebsk, Belarus)

© Темиргазина З. К., Орынханова Г. А., Николаенко С. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на материале поэтических произведений советского поэта Павла Николаевича Васильева (1910—1937) конструируется сибирский текст как семиотическое явление русской культуры. Привлекается методология Ю. М. Лотмана, согласно которой локальный сверхтекст состоит из трех субтекстов: текста как имени, текста как топоса и текста как времени. В исследовании выявлено, что Сибирь в авторском восприятии персонифицирована как женский образ. Показано, что сибирский топос в метагеографическом изображении поэта предстает самостоятельной независимой территорией — страной. Отмечается, что важнейшими геокультурными элементами топоса выступают великие сибирские реки. Установлено, что города воспринимаются поэтом как конкретно (Омск, Иркутск, Тюмень), так и обобщенно (сибирские Чикаго). Подчеркивается, что к семиотически значимым характеристикам сибирского текста относятся холодный климат и масштабность территории. Показано, что трансляция сибирского текста как хроноса включает диахронию, связывающую прошлое с настоящим и актуализирующую определенные смыслы. В поэмах Васильева изображены типичные сибирские персонажи: купец-золотопромышленник, крестьянин-сибиряк, несущие в себе общие черты сибирского характера. Авторы пришли к выводу о том, что конструирование сибирского текста в поэзии Васильева представляет собой вклад в репрезентацию сибирского текста как важнейшего явления русской культуры.

Ключевые слова:
Сибирь; локальный текст; Павел Васильев; метагеографическая репрезентация; топос; хронос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the poetic works of Soviet poet Pavel Nikolayevich Vasiliev (1910–1937) to construct the Siberian text as a semiotic phenomenon in Russian culture. Utilizing the methodology of Yuri M. Lotman, it posits that the local hypertext comprises three subtexts: text as name, text as topos, and text as time. The study reveals that Siberia is personified in the author's perception as a feminine figure. It demonstrates that the Siberian topos, in the poet's metageographical representation, emerges as an autonomous territory — a country in its own right. Notably, the major geocultural elements of this topos include the great Siberian rivers. The cities are perceived by the poet both concretely (Omsk, Irkutsk, Tyumen) and generically (Siberian Chicagos). The research emphasizes that significant semiotic characteristics of the Siberian text encompass the harsh climate and vastness of the territory. It shows that the transmission of the Siberian text as chronos involves a diachronic connection linking the past with the present, thereby actualizing specific meanings. Vasiliev's poems depict typical Siberian characters: the merchant-gold miner and the Siberian peasant, embodying common traits of the Siberian character. The authors conclude that the construction of the Siberian text in Vasiliev's poetry represents a significant contribution to the representation of Siberian text as a vital phenomenon in Russian culture.

Key words:
Siberia; local text; Pavel Vasiliev; metageographical representation; topos; chronos.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Васильев.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-316-331

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Сибирь как локальный текст в поэзии Павла Васильева

© Темиргазина З. К., Орынханова Г. А., Николаенко С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение локального текста в русской литературе как сверхтекстового семиотического явления было методологически обосновано Ю. М. Лотманом [Лотман, 1984] и В. Н. Топоровым [Топоров, 2003]. Они представляли «петербургский текст» как поликодовое культурное явление и ставили более широкую в семиотическом и методологическом планах проблему понимания локального, в первую очередь городского текста. Ю. М. Лотман обосновывает необходимость изучения локального текста как элемента культуры: «Рассмотрение Города, включенного в историю цивилизации как текста sui generis, естественно. Более того, именно на объекте такого рода некоторые черты текста выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести кодовую гетерогенность — непременную зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовать единый текст» [Лотман, 1984, с. 3]. В. Н. Топоров делает акцент на связи локального текста с внетекстовыми реалиями, с его помощью «совершается переход a realibus ad realiora, «пресуществление» материальной реальности в духовные ценности» [Топоров, 2003, с. 7].

Изучение сибирского текста имеет сложившиеся традиции в российской научной литературе, он конструируется на материале произведений русской художественной литературы, мемуаров, травелогов и т. д. Н. А. Рогачева справедливо отмечает: «Сибирская топика объединяет произведения разных лирических жанров, стилевых течений и литературных направлений, творчество поэтов-сибиряков и писателей, биографически не связанных с Сибирью, произведения русской классики и тексты так называемого “второго ряда”» [Рогачева, 2010, с. 244]. Цель нашего исследования — осуществить конструирование сибирского текста как имени, как топоса и как хроноса на материале поэзии Васильева, выявив типичные и индивидуально-авторские черты в его художественной репрезентации.

CC BY

Для Павла Николаевича Васильева (1910—1937) Сибирь была значимым топосом его биографии. Он родился в восточно-казахстанском городе Зайсан, вырос в Павлодаре, несколько лет в юношестве прожил в Омске, куда перевели его отца, учителя. В конце 1920-х годов он странствовал по Сибири вплоть до Дальнего Востока: «Павел Васильев изъездил Сибирь вдоль и поперек. Каких только не повидал мест, кем только не работал: старателем на золотых приисках в отрогах Яблонового хребта, каюром в тундре, культработником на Сучанских каменноугольных копях, экспедитором, инструктором физкультуры, плавал на баржах по Оби, Енисею, Амуру» [Поделков, 1989, с. 11]. Побывал он в 1927 году и в Новосибирске, где в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни» опубликовал несколько стихотворений. Именно в эти годы в заглавии его произведений появляется топоним *Сибирь*: «Сибирь» (1928), «Сибирь! Все ненасытнее и злей...» (1930), «Рассказ о Сибири» (1930), а также поэмы, в которых Сибирь выступает частью хронотопа: поэмы «Синицын и К°» (1934), «Соляной бунт» (1932—1933), «Принц Фома» (1935—1936).

Хотя творчество Павла Васильева изучено достаточно подробно, сибирский текст как целостное семиотическое явление в его поэзии ранее не анализировался. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, рассматривая Сибирь как один из ключевых локальных текстов русской культуры.

2. Методы, материал, обзор = Material, Methods, Review

Следуя теории локального текста Ю. М. Лотмана, мы используем методологию конструирования сверхтекста, рассматриваемого как текст-имя, как текст-место и как текст-время. Сибирский текст в поэзии Васильева конструируется нами как целостное культурное явление в трех перечисленных ипостасях.

Субъективно-личностная тенденция в трактовке образа Сибири обусловлена биографией автора. В статье применен биографический метод, позволяющий связать факты биографии поэта с идейно-художественным содержанием его произведений. Кроме этого, мы использовали историко-литературный метод, с помощью которого было проанализировано отражение исторических фактов в художественном тексте и установлено их влияние на него. Тексты произведений П. Н. Васильева анализируются по двухтомному собранию сочинений, которое является на сегодняшний день наиболее полным изданием произведений поэта [Васильев, 2009а; Васильев, 2009б]. По этому же изданию выявляется количество употреблений того или иного слова в художественном тексте, что определяет семантическую значимость лексемы в нем.

CC BY

Исследования сибирского текста как сверхтекста культуры и литературы (с позиций Лотмана) относятся к последним десятилетиям XX века — началу XXI века. Специфика художественного изображения сибирского ландшафта, климата, традиций в русской литературе, мемуаристике, фольклоре стали предметом исследования в коллективных научных трудах начала XXI века [Сибирский текст ..., 2002; Сибирский текст ..., 2007 и др.].

В работах литературоведов последних десятилетий углублялись различные аспекты конструирования сибирского текста. В. И. Тюпа использовал мифологический подход к сибирскому тексту русской литературы, выявил в нем реализацию архетипического лиминального мифа об инициации [Тюпа, 2002]. Исследователи также полагали, что Сибирь в сознании русских представляется местом перерождения и начала новой жизни [Sunderland, 2001]. В книге [Between Heaven and Hell ..., 1993] описана противоречивая, амбивалентная мифологическая природа представлений о Сибири, включающих широкий диапазон ее характеристик — от райского места до адского. В работе Д. Н. Замятина мифы рассматриваются как метагеографические явления локального сверхтекста [Замятин, 2008]. Е. Н. Эртнер характеризует сибирский текст в русской прозе конца XIX — начала XX веков как часть феноменологических представлений о провинции, противопоставленной столице [Эртнер, 2005]. Актуальная проблема методологии изучения сибирского текста в русской лирике поставлена Н. А. Рогачевой [Рогачева, 2010]. Образ Сибири как «ultima Thule» — неизведанного края света — в семиозисе знака Сибирь представлен в статье М. А. Кайгородовой [Кайгородова, 2023].

Вне поля зрения исследователей не могли остаться и сибирские тексты в творчестве отдельных русских писателей и поэтов: А. Н. Радищева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. [Якобсон, 1966; Рогачева, 2000; Рогачева, 2010; Тюпа, 2002; Сафронова, 2021 и др.]. Амбивалентность представлений о Сибири как месте ссылки и как месте апостольского служения была, по мнению В. И. Тюпы, заложена еще в «Житии» протопопа Аввакума [Тюпа, 2002].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сибирь как имя

Топоним *Сибирь* упоминается в произведениях Васильева 15 раз. Он несколько раз помещает его в семантически «нагруженную» заглавную позицию своих произведений.

Географический объект воспринимается им как живое существо женского пола, что мотивируется, с одной стороны, женским родом существительного *Сибирь*, а с другой стороны, особым отношением поэта к женщи-

CC BY

не, проникнутым любовью и преклонением в лирических стихотворениях, посвященных женщинам, сыгравшим огромную роль в его жизни: матери Глафире Матвеевне, бабушке Варваре Федоровне, любимым женщинам Галине Анучиной, Елене Вяловой, Наталье Кончаловской и т. д. Топоним употребляется в синтаксической позиции обращения 5 раз. Поэт ведет диалог с Сибирью как с близким человеком, старинной знакомой, обращаясь к ней на *ты*.

Действительно, Сибирь хорошо знакома ему и любима им, он немало побродил по ней. Поэт дорого расплатился за любовь к ней, в том числе тюремными сроками и своей жизнью. В 1932 году его вместе с Е. Забелиным, С. Марковым, Л. Мартыновым и другими сибирскими литераторами арестовали по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе, так называемой «сибирской бригаде». После третьего ареста за участие в деятельности «сибирской бригады» писателей, якобы организовавших покушение на И. В. Сталина, 16 июля 1937 года он был расстрелян. В 1956 году Верховным Судом СССР Павел Васильев был реабилитирован.

Образ Сибири как женщины амбивалентен, поэт приписывает ей такие эмоции и черты характера, как ненасытность и злость, любовь к шубам и дорогим мехам:

Сибирь!
Все ненасытнее и злей
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Ты бережешь
В трущобной мгле своей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев [Васильев, 2009а, с. 144].

Поэт неоднократно называет Сибирь страной: «Рассказ о стране начинается так» [Там же, с. 146]. Тем самым он расширяет семантику топонима, отдавая дань масштабности и уникальности Сибири, интуитивно придавая ей статус самостоятельной, независимой географической территории — «страны».

Несомненно, что в сибирском тексте, помимо онтологического компонента и идейно-художественной позиции автора, присутствует личностно-субъективное восприятие топоса, его имени, что делает васильевский сибирский текст индивидуально-авторским и вовлекает читателя в эмоциональное сопереживание и «освоение» текста как близкого ему.

3.2. Сибирский текст как топос

Представление текста как топоса непосредственно связано с обозначением его пространственных границ. Границы Сибири очерчиваются по-

CC BY

этом с помощью топонимов *Казахстан, Байкал*: «*...от казахстанских выжженных степей / До берегов кудлатого Байкала*» [Там же, с. 145].

Важным признаком сибирского текста является огромный масштаб территории: «*Страна обширна и сурова*…» [Васильев, 2009б, с. 350]. Необъятность ее просторов сублимируется в мотиве бродяжничества лирического героя: «*Я уж давно и навсегда бродяга*…» [Васильев, 2009а, с. 83]; ориентиром бродяг являются только пути «*перелета птиц*», «*проталины туманов*».

Значимой характеристикой сибирского текста как топоса являются климатические особенности: морозы, холод, которые закаляют жителей, делают их характер суровым и стойким, способным к преодолению вызовов природы. В формировании сибирского характера участвует «осознаваемая связь с местом — территорией, в отношении которой возникает чувство пространственно-временной идентификации» [Голомидова, 2024, с. 59]. В личности самого Васильева проявляются черты сибирского характера: независимость и самостоятельность, выделяющие его в московской литературной среде 1930-х годов. Не случайно его называли там сибиряком: не только из-за происхождения, но и из-за размашистого, волевого характера, непокорного, буйного поведения, не вписывающегося в рамки московской рафинированной среды. Л. П. Быков приводит высказывания некоторых советских критиков того времени о чужеродности Васильева в кругах московских литераторов, что явилось одной из причин его трагического конца: «А. Коваленков, считавший П. Васильева “совершенно чуждым для нас”, называл его “стихийно талантливым русским, но не советским поэтом”, а критик А. Макаров <…> обращал внимание на то, что “для 30-х годов путь П. Васильева был исключителен”, поэт “не вливался в поток советской литературы” и потому “борьба против Павла Васильева была неизбежна”» [Быков, 2011, с. 49].

В поэме «Принц Фома» суровый сибирский климат описан глазами иностранца — французского офицера, из окон поезда наблюдающего за зимним сибирским пейзажем:

Спит край морозный, непроезжий,
И звезды крупные, медвежьи
Угрюмым пламенем горят [Васильев, 2009б, с. 348].

Васильев транслирует в своей поэзии стереотип Сибири как богатого края, как «страны охоты» и рыбного промысла. Красота сибирской пушнины описана в образных метафорах: «*...задымленная проседь соболей и горный снег бесценных горностаев*» [Васильев, 2009а, с. 144]. В гиперболизированном фольклорно-сказочном стиле рисует поэт изобилие зверей, драгоценной пушнины, птиц и рыб:

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Край богат. По Тоболу и дальше, в леса,
Собирай, словно ягоду, соболя, бей горностая,
Заводи неводами лисиц черно-бурых и красных
Там на лбах у сохатых кусты костяные растут,
И гуляют вразвалку тяжелые шубы медвежьи.
Край обилен. Пониже, к пескам Чернолучья,
Столько птицы, что нету под нею песка.
И из каждой волны осетриные жабры да щучьи [Васильев, 2009б, с. 57].

На огромном пространстве Сибири поэт выделяет некоторые отдельные географические локусы, особенно значимые для него, создавая, таким образом, собственную метагеографию Сибири. В метагеографии изучаются «фундаментальные основы образного взгляда на географическое пространство и в то же время создаются литературные, художественные образцы такого взгляда» [Замятин, 2004, с. 6]. Метагеографическими знаками в картографировании сибирского топоса Васильева выступают прежде всего элементы пространственно-водной компоненты: реки Иртыш, Обь, Тобол, Ишим, Лена, озеро Байкал. Исследователи считают эту особенность восприятия Сибири типичной для поэзии XX века: «Центральным топосом Сибири стала река, бурное движение воды, устремленной к краю земли, краю жизни» [Рогачева, 2010, с. 246]. Топоним *Иртыш* упоминается в произведениях Васильева 31 раз, *Обь* — 7 раз, *Тобол* — 3 раза, *Ишим* — 2 раза, *Лена* — 1, *Байкал* — 1 раз. Любовь к рекам, видимо, связана с субъективным жизненным опытом автора. На Иртыше, реке его родины, он провел детские годы (в Павлодаре) и юношеские (в Омске). Именно поэтому этой могучей сибирской реке посвящены многие произведения: «Я вышел на берег, играл…» (1926); «По Иртышу» (1927); «Там, где течет Иртыш» (1927); «Пароход» (1928); «Иртыш» (1934) и др. Строки об Иртыше пронизаны любовью к родине и ностальгией по ней: «*река просторной родины моей*», «*князь рыб и птиц, беглец зеленоводый*» [Васильев, 2009а, с. 296].

Автор создает уникальные макрообразы великих сибирских рек как могучих и непокорных живых существ [Акошева и др., 2022, с. 147—148]. Одушевление, очеловечивание рек, приписывание им поведения, человеческих эмоций, отличающихся интенсивностью, крайней степенью выраженности, относится к специфическим чертам метагеографического восприятия Сибири у Васильева:

Крутая Обь и вспененный Иртыш
Скрестили крепко
Взбухнувшие жилы [Васильев, 2009а, с. 145].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

А за сотню верст,
В пену одев колена,
Полной горстью
Влаги разбрасывая изумруд,
Исцарапав руки о камень,
Дичала Лена [Васильев, 2009б, с. 249—250].

В васильевской метагеографии Сибири отмечены топонимы некоторых реальных городов: *Омск* (14 употреблений), *Тюмень* (2 употребления), *Иркутск* (1 употребление); с некоторыми городами он связан биографически, например с Омском, куда перевели отца поэта, учителя, и где он провел юношеские годы.

В поэме «Синицын и К°» топосом основных событий является вымышленный, условный город Зейск, что необычно для Васильева, который предпочитает выбирать местом действия своих произведений реальные географические объекты. Трудно осуществить географическую привязку Зейска к какому-нибудь сибирскому городу. Упоминание о золотодобыче наводит на мысль о Ленских приисках, однако в поэме также говорится о казахах, устраивающих праздничную байгу (‘скачки’), что ближе к Омску, Иртышу (см.: [Дерунова и др., 2024]). Зейск — это созданный художественным воображением поэта образ сибирского города с его типичными чертами, не имеющий конкретного прообраза.

Поэт также создает в ряде стихотворений обобщенный образ сибирского города, используя метафору «*в бетон наряженные города*». Он является частью антитезы «город — природа», пронизывающей художественные тексты о Сибири. Сибирские города в советском будущем изображаются с помощью апеллятивации топонима Чикаго: «*...средь тайги сибирские Чикаго*» [Васильев, 2009а, с. 83].

Колорит и экзотичность сибирского текста-топоса передаются с помощью орнаментальной «сибирской» лексики как органичного средства создания уникального образа Сибири: номинаций животных (*сохатый, соболь, горностай*), деревьев (*кедр*), лесов (*тайга, урманы*), названий народов-автохтонов (*тунгусы, якут*) и т. п.

3.3. Сибирский текст как хронос

Репрезентация сибирского текста как времени предполагает обращение к диахроническому аспекту, который помогает выявить его связующие нити с эпохой, современной автору. В синхронию текста, таким образом, включается смыслопорождающий механизм исторической культурной памяти, генерирующий определенные представления, мифы и стереотипы в сознании носителей русской культуры.

Один из стереотипов о Сибири сложился в результате исторической практики царизма высылать туда преступников на каторгу. Историк

CC BY

Е. В. Головнева пишет об этом: «Важными параметрами конструирования образа Сибири являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия <…>, дистанцирование сибиряков себя от других сообществ, в первую очередь от жителей Европейской России» [Головнева, 2016, с. 212—213]. Наибольшую известность как инфернальный образ Сибирь получила после ссылки декабристов. В глазах Павла Васильева представление о Сибири как месте каторги уже изжило себя и является «давно пропетой и каторжной былью» [Васильев, 2009а, с. 83].

При конструировании сибирского текста Васильева исследователю необходимо учитывать, что в его художественной картине мира воплощаются советские идеологемы 30-х годов XX века. Л. П. Быков справедливо отмечает, что Васильев принадлежит к поэтам советской эпохи, но идеологический посыл у него вторичен: «Павел Васильев <…> осознавал свое место именно в советской поэзии. Однако социально-идеологический посыл не был главенствующим в его стихах и поэмах, тем уже и отличных от тогдашних созданий Я. Смелякова или того же А. Твардовского» [Быков, 2011, с. 52]. Далее Быков приходит к достаточно нетривиальной мысли об определенной резонности претензий советских критиков к «несоветскости» поэта [Быков, 2011, с. 49]. Таким образом, сибирский текст Васильева обусловлен его глубокой личной привязанностью к Сибири, искренним восхищением ею и ощущением метафизического родства с ней.

В поэме «Соляной бунт» Васильев обращается к началу колонизации Сибири в XVII веке уральскими казаками под предводительством Ермака, «этими лыцарями с Яика». «В этот период идеализируются богатства восточной стороны, изобилие животного мира, плодородие сибирской земли» [Кайгородова, 2023, с. 120]. Поэт описывает сопротивление Сибирского ханства завоеванию. Сибирь оказалась для казаков не только «краем богатым, обильным», но и «краем чужим», «краем недобрым» [Васильев, 2009б, с. 57].

Поэма характеризуется своеобразной транскультурной стилистикой. По мнению Д. Н. Замятина, поэма представляет собой яркий пример гибридного геокультурного текста, порождающего уникальные представления и образы, «принципиально отличающиеся от предыдущих репрезентаций — как геокультуры колонизирующей, так и геокультуры колонизуемой» [Замятин, 2023, с. 68].

В поэме «Синицын и К°» (1933—1934) Васильев изображает капиталистическое прошлое Сибири. В этом произведении много общего с сибирским текстом Д. Н. Мамина-Сибиряка, особенно с романом в жанре семейной хроники «Приваловские миллионы». Их объединяет авторский

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

идейно-художественный замысел: показать семейную хронику сибирских купцов в нескольких поколениях. Васильев описывает историю купеческой семьи Синицыных, «ангелов мукомольных», с середины XIX века до октябрьской революции. Дело Федула Синицына, почти загубленное разгулом и пьянством, продолжает его сын — Артемий Федулыч Синицын. Он повел дело по-новому:

Он не копил,
Он крутил обороты —
Деньгу работать гнал! [Васильев, 2009б, с. 247].

С. А. Поделков считает героя поэмы типичным русским капиталистом: «Артемий Синицын, мукомол и золотопромышленник, “зануздавший золото” Сибири, — это ли не образ развития капитализма в России!» [Поделков, 1989, с. 15]. Пожив недолгое время в Москве, «матери купечества», Артемий Федулыч привозит оттуда невесту, Ирину Горлицыну, из захудалого, но княжеского рода. Исследователь характеризует своеобразие самоидентификации купцов-сибиряков, отличающее их от купечества европейской части России: «Буржуазия Сибири, столкнувшаяся с конкуренцией со стороны предпринимателей и торговцев из Центральной России, начала осознавать свою “сибирскость” и сохраняла эту идентификацию даже тогда, когда перебиралась в столичные центры» [Головнева, 2017, с. 217].

Изображая капиталистическую эпоху Сибири как отжившую, как «трущобную мглу», лирический герой видит ее развитие и прогресс в «ином», социалистическом пути, в упрочении советской власти:

Сибирь, когда ты на путях иных
Встаешь, звеня,
В невиданном расцвете [Васильев, 2009а, с. 144].

Мотив будущего «невиданного расцвета» Васильева воплощается в антитезе «город — природа». Город ассоциируется с индустриализацией, с движением к прогрессу, когда «*средь тайги сибирские Чикаго до облаков поднимут этажи*» [Васильев, 2009а, с. 83], а природа — с сонным покоем, патриархальным укладом жизни.

Социалистическое будущее для Сибири неизбежно, ей не уйти от предначертанной судьбы: «*Все дальше вглубь теперь уходят звери, / Но не уйти им от своей судьбы*» [Васильев, 2009а, с. 83]. Тем не менее Павел Васильев не приукрашивает действительность даже из идеологических соображений, он показывает сопротивление сибиряков советской власти в поэме «Принц Фома». Она написана в народно-смеховом, юмористическом ключе. Сибирские просторы, размах характера сибиряков, их обычаи изумляют, поражают и пугают рафинированных французов, которые в союзе с воинством Фомы решили «создать в Сибири против анархии оплот»

[Васильев, 2009б, с. 350]. С раблезианским юмором изображена сцена приема «мужицким» князем Фомой французской делегации. В частности, показаны «гротескные преувеличения количества еды, питья и одежды» [Бахтин, 1990, с. 134]:

Телячьи головы на блюде,
Лепешки в масляной полуде —
Со вкусом убраны столы!
В загоне, шевеля губою.
Готовы к новому убою,
Стоят на привязи волы.
Пирог в сажень длиной, пахучий,
Завязли в тесте морды щучьи,
Плывет на скатерти икра [Васильев, 2009б, с. 349].

Французские гости «*с ужасом взирают*» на Фому, который «*губу задрав, из кости / Обильный сладкий мозг сосет*», «*мясо цельными кусками / Берет умытыми руками / И отправляет сразу в рот*» [Васильев, 2009б, с. 349]. С. А. Поделков восхищается мастерством поэта в создании колоритных «сибирских» персонажей: «А как искусно изображен Фома, принц на час, мужичок — себе на уме, губернский временщик с аппетитом Гаргантюа и замашками громилы» [Поделков, 1989, с. 15].

В эпических поэмах «Синицын и К°», «Принц Фома» васильевский сибирский текст «персонализируется» и обретает человеческое лицо в главных героях, неординарных сильных личностях: купце-миллионщике Синицыне, крестьянине-сибиряке Фоме, возглавившем борьбу против Советской власти. Не случайно их имена занимают заглавную позицию в поэмах.

4. Заключение = Conclusions

В сибирском тексте в поэзии Павла Васильева транслируются некоторые общекультурные стереотипы о Сибири, однако поэт придает им своеобразную трактовку, продиктованную его мировоззренческой и идейно-художественной позицией. Кроме того, значительную часть сибирского текста формируют индивидуально-авторские представления о Сибири, связанные с его биографией. Сибирь воспринимается поэтом, во-первых, как персонифицированный женский образ и, во-вторых, как самостоятельная, независимая территория — страна.

Васильевым создана образная метагеография Сибири. Значимые геолокусы на карте Сибири — реки Иртыш, Обь, Тобол, Лена. С городом связаны надежды поэта на индустриальный прогресс и развитие Сибири в Советской республике. Сибирский текст обретает человеческое лицо, воплощенное в типичных сибирских персонажах.

CC BY

Мы согласны с позицией Н. А. Рогачевой, которая обобщила разные подходы к изучению феномена сибирского текста: «Принципиально, что подходы, доминирующие сегодня в исследованиях сибирского текста, не исключают друг друга, позволяя высветить разные смысловые слои одного феномена. Пути к выявлению его структуры соотносятся по принципу дополнительности, и в первую очередь заметим, что художественная семантика Сибири исторически изменчива. Исследователи так или иначе учитывают проблему диахронности сибирского текста» [Рогачева, 2010, с. 243—244].

Таким образом, васильевский сибирский текст предстает как неотъемлемая органичная часть сибирского текста в русской культуре, ретранслируемого в литературных произведениях. Комплекс сибирских текстов русской литературы представляет собой незамкнутую открытую семиотическую систему, связанную ретроспективными и перспективными отношениями отдельных ее элементов и тенденциями развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х т. Стихотворения / П. Н. Васильев ; сост. Л. С. Кашина, З. С. Мерц. — Алматы : [б. и.], 2009а. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 978-601-280-000-5.

2. *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х т. Поэмы. Проза. Письма / П. Н. Васильев ; сост. Л. С. Кашина, З. С. Мерц. — Алматы : [б. и.], 2009б. — Т. 2. — 498 с. — ISBN 978-601-280-001-2.

Литература

1. *Акошева М. К.* С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке / М. К. Акошева, К. Х. Рахимжанов, З. К. Темиргазина // Slavia Centralis. — 2022. — № 15 (1). — С. 138—154. — DOI: https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138–154.2022.

2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.

3. *Быков Л. П.* Поэмы и лирика Павла Васильева / Л. П. Быков // Русская литература XX—XXI веков : направления и течения. — Екатеринбург : [б. и.], 2011. — Выпуск 12. — С. 48—62.

4. *Головнева Е. В.* Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации / Е. В. Головнева // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2016. — № 4. — С. 211—220.

5. *Голомидова М. В.* Северная «мозаика» : территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа / М. В. Голомидова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 56—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71.

6. *Дерунова Е. Н.* Семиотическое прочтение поэмы Олжаса Сулейменова «Хромой кулан» / Е. Н. Дерунова, З. К. Темиргазина // Тіл және әдебиет теориясы мен тәжірибесі. — 2024. — Т. 3. — № 2. — С. 39—55. — DOI: 10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55.

7. *Замятин Д. Н.* Метагеография : пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва : Аграф, 2004. — 506 с. — ISBN 5778402376, 9785778402379.

8. *Замятин Д. Н.* Локальные мифы : модерн и географическое воображение / Д. Н. Замятин // Литература Урала : история и современность : Сб. ст. Локальные тексты и типы региональных нарративов. — Екатеринбург : [б. и.], 2008. — Выпуск 4. — С. 10—12.

9. *Замятин Д. Н.* Сопространственность и геокультурные тексты : от литературных колонизаций к трансграничным картографиям воображения / Д. Н. Замятин // Уральский исторический вестник. — 2023. — № 4 (81). — С. 66—75. — DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81]-66-75.

10. *Кайгородова М. А.* Образ «ultima Thule» (край света) в семиозисе знака Сибирь / М. А. Кайгородова // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 116—127. — DOI: 10.17223/18137083/85/9.

11. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю. М. Лотман. — Тарту : [б. и.], 1984. — Выпуск 18. — С. 30—45.

12. *Поделков С. А.* Ему дано восстать и победить… / С. А. Поделков // П. Н. Васильев. Стихотворения и поэмы. — Москва : Советская Россия, 1989. — С. 5—20.

13. *Рогачева Н. А.* На краю ойкумены : Западная Сибирь в русской литературе / Н. А. Рогачева // Филологический дискурс : Вестник филологического факультета ТюмГУ. — 2000. — Выпуск 1. — С. 37—42.

14. *Рогачева Н. А.* Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики / Н. А. Рогачева // Вестник ТюмГУ. — 2010. — № 5. — С. 240—247.

15. *Сафронова Е. Ю.* Сибирский текст Ф. М. Достоевского : биография, эпистолярий, творчество : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. Ю. Сафронова. — Москва : МГУ, 2021. — 507 с.

16. *Сибирский* текст в русской культуре : к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири : Сб. статей. Ред.-сост. А. П. Казаркин. — Томск : Сибирика, 2002. — 270 с. — ISBN 5-902350-09-3.

17. *Сибирский* текст в русской культуре : сборник статей / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. — Томск : Сибирика, 2007. — Выпуск 2. — 273 с. — ISBN 9785751117955; 5751117955.

18. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : «Искусство—СПБ», 2003. — 616 с. — ISBN 5-210-01545-9.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025,
одобрена после рецензирования 28.08.2025,
подготовлена к публикации 10.09.2025.

Material resources

Vasiliev, P. N. (2009a). *Collected works. In 2 volumes. Poem, 1.* Almaty: [b. i.]. 448 p. ISBN 978-601-280-000-5. (In Russ.).

Vasiliev, P. N. (2009b). *Collected works. In 2 volumes. Poems. Prose. Letters, 2.* Almaty: [b. i.]. 498 p. ISBN 978-601-280-001-2. (In Russ.).

References

Akosheva, M. K., Rakhimzhanov, K. H., Temirgazina, Z. K. (2022). To whom do we compare ugly people? *Standards of ugliness in the Russian language. Slavia Centralis, 15 (1):* 138—154. DOI: https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138-154.2022. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1990). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).

Bykov, L. P. (2011). Poems and lyrics by Pavel Vasiliev. In: *Russian literature of the XX—XXI centuries: trends and trends, 12.* Yekaterinburg: [b. i.]. 48—62. (In Russ.).

Derunova, E. N., Temirgazina, Z. K. (2024). Semiotic reading of Olzha's poem Suleimenova's "The Lame Kulan". *Til zhane adebiet teoriyasi men tazhiribesi, 3 (2):* 39—55. DOI: 10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55. (In Russ.).

Golomidova, M. V. (2024). Northern "Mosaic": Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District. *Nauchnyi dialog, 13 (9):* 56—71. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71. (In Russ.).

Golovneva, E. V. (2016). Formation of the image of Siberia in the process of its colonization. *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 4:* 211—220. (In Russ.).

Kaigorodova, M. A. (2023). The image of "ultima Thule" (the edge of the world) in the semiosis of the sign Siberia. *Siberian Philological Journal, 4:* 116—127. DOI: 10.17223/18137083/85/9. (In Russ.).

Kazarkin, A. P. (ed.). (2002). *The Siberian text in Russian culture: on the 400th anniversary of Tomsk and the 125th anniversary of the first University of Siberia: Collection of articles.* Tomsk: Sibirika Publ. 270 p. ISBN 5-902350-09-3. (In Russ.).

Kazarkin, A. P. (ed.). (2007). *The Siberian text in Russian culture: a collection of articles, 2.* Tomsk: Sibirika. 273 p. ISBN 9785751117955; 5751117955. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1984). The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. In: *Semiotics of the city and urban culture. St. Petersburg. Works on sign systems, 18.* Tartu: [b. i.]. 30—45. (In Russ.).

Rogacheva, N. A. (2000). On the edge of the Ecumene: Western Siberia in Russian literature. *Philological discourse: Bulletin of the Faculty of Philology of Tyumen State University, 1:* 37—42. (In Russ.).

Rogacheva, N. A. (2010). Methodological problems of studying the Siberian text of Russian lyrics. *Bulletin of Tyumen State University, 5:* 240—247. (In Russ.).

Safronova, E. Y. (2021). *The Siberian text of F. M. Dostoevsky: biography, epistolary, creativity.* Doct. Diss. Moscow: Moscow State University. 507 p. (In Russ.).

Samodkov, S. A. (1989). It is given to him to rise up and win ... In: *P. N. Vasiliev. Poems and poems.* Moscow: Sovetskaya Rossiya. 5—20. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian Literature: Selected Works.* Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB. 616 p. ISBN 5-210-01545-9. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2004). *Metageography: the space of images and images of space.* Moscow: Agraf. 506 p. ISBN 5778402376, 9785778402379. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2008). Local myths: modernity and geographical imagination. In: *Literature of the Urals: history and modernity: Collection of articles Local texts and types of regional narratives, 4.* Yekaterinburg: [b. i.]. 10—12. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2023). Co-space and geocultural texts: from literary colonizations to cross-border cartographies of the imagination. *Ural Historical Bulletin, 4 (81):* 66—75. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81]-66-75. (In Russ.).

The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 28.08.2025;
accepted for publication 10.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Ангелина Ростиславовна Салчинкина, канд. истор. наук (Краснодар)
Андрей Аркадьевич Пасс, д-р истор. наук (Челябинск)
Андрей Игоревич Бережнов, преподаватель (Москва)
Вадим Маркович Дида, аспирант (Челябинск)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Нижневартовск)
Виктория Валерьевна Хуциева, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Денис Александрович Бажанов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук (Москва)
Константин Владимирович Самохин, канд. истор. наук (Тамбов)
Максим Андреевич Мухин, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Марина Юрьевна Лаптева, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Петровна Цысь, канд. истор. наук (Нижневартовск)
Роман Сергеевич Авилов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург, Владивосток)
Сардана Николаевна Копырина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Светлана Алексеевна Козлова, соискатель (Улан-Удэ, Иркутск)
Светлана Владимировна Васильева, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Сергей Александрович Офицеров, аспирант (Тамбов)
Сергей Дмитриевич Васильев, младший научный сотрудник (Москва)
Степан Александрович Пьянков, канд. истор. наук (Екатеринбург)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Авилов Р. С. Долговременные оборонительные сооружения Хинганского тоннеля : проектирование и строительство / Р. С. Авилов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 333—352. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-333-352.

Avilov, R. S. (2025). Permanent Defensive Structures of Khingan Tunnel: Design and Construction. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 333-352. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-333-352. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Долговременные оборонительные сооружения Хинганского тоннеля: проектирование и строительство

Авилов Роман Сергеевич [1, 2]
orcid.org/0009-0007-7219-3939
WoS ResearcherID: AAB-4692-2020
ScopusAuthorID 57194553370
доктор исторических наук,
[1] приглашенный исследователь;
[2] ведущий научный сотрудник,
Отдел истории
Дальнего Востока России
avilov-1987@mail.ru

[1] Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

[2] Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Владивосток, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия»

Permanent Defensive Structures of Khingan Tunnel: Design and Construction

Roman S. Avilov [1, 2]
orcid.org/0009-0007-7219-3939
WoS ResearcherID: AAB-4692-2020
ScopusAuthorID 57194553370
Doctor of History
[1] Visiting Researcher;
[2] leading research scientist,
Department of History
of the Russian Far East
avilov-1987@mail.ru

[1] St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

[2] The Far Eastern Branch
of Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archaeology
and Ethnology
(Vladivostok, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-48-00004 “The Chinese Eastern Railway as a Transborder Sociocultural System: A History of Its Construction, Reconstruction, and the Modeling of Cultural Heritage Preservation Mechanisms”

© Авилов Р. С., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается история создания системы фортификационной обороны Хинганского тоннеля на Китайско-Восточной железной дороге в 1914—1918 годах. Актуальность исследования обусловлена отсутствием специальных работ по истории долговременных оборонительных сооружений, защищающих восточный и западный порталы Хинганского тоннеля, а также виадук на разъезде Петля. Источниковую базу исследования составили документы текущего делопроизводства Главного военно-технического управления Военного министерства и Главного управления Генерального штаба. В работе рассмотрены проекты строительства бетонных блокгаузов для защиты порталов тоннеля и разъезда. Вводятся в научный оборот данные о последовательности, масштабах и стоимости запланированных работ. Представлен общий обзор хода работ по строительству указанных сооружений. Впервые публикуются данные об изготовлении двух комплектов бронированных ворот для Хинганского тоннеля. Дана оценка итогам реализации в годы войны столь масштабного оборонительного проекта. В статье подчеркивается ценность блокгаузов как расположенных в Маньчжурии уникальных памятников русской военно-инженерной школы начала XX века. Указывается на необходимость их сохранения и музеефикации.

Ключевые слова:
Китайско-Восточная железная дорога; Хинганский тоннель; Первая мировая война; оборонительное строительство; Маньчжурия; блокгауз; А. А. Рахманов; А. Г. Фракман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the history of the fortification defense system of the Khingan Tunnel on the Chinese Eastern Railway during the years 1914–1918. The relevance of this research is underscored by the lack of specialized works addressing the history of permanent defensive structures that protect both the eastern and western portals of the Khingan Tunnel, as well as the viaduct at the Petlya junction. The research is grounded in primary source materials, including documents from the current administration of the Main Military-Technical Directorate of the War Ministry and the Main Directorate of the General Staff. The article examines the construction projects for concrete blockhouses intended to safeguard the tunnel portals and junction. It introduces data regarding the sequence, scale, and cost of the planned works into scholarly discourse. A comprehensive overview of the progress made in constructing these structures is presented. For the first time, information is published concerning the fabrication of two sets of armored gates for the Khingan Tunnel. An assessment is provided regarding the outcomes of implementing such a large-scale defensive project during wartime. The article emphasizes the significance of blockhouses as unique monuments of the early 20th-century Russian military engineering school located in Manchuria. The necessity for their preservation and musealization is highlighted.

Key words:
Chinese Eastern Railway; Khingan Tunnel; World War I; defensive construction; Manchuria; blockhouse; A. A. Rakhmanov; A. G. Frakman.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9+94:021.4(571.14)“196/198”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-333-352

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Долговременные оборонительные сооружения Хинганского тоннеля: проектирование и строительство

© Авилов Р. С., 2025

1. Введение = Introduction

Проложенная русскими инженерами по территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1897—1903 годах Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), привлекает внимание исследователей уже больше века. Первая серьезная обобщающая работа по ее истории была составлена канцелярией правления Общества КВЖД и опубликована 1914 году в Петербурге и представляла собой официальную историю дороги [Китайская ..., 1914], вторая — Е. Х. Нилусом в Харбине 102 года назад, на материалах текущего архива Управления дороги с привлечением материалов воспоминаний ее сотрудников [Нилус, 1923]. Именно эти две работы лежат в основе всей отечественной историографической традиции изучения КВЖД. В дальнейшем отечественные исследования КВЖД развивались по нескольким направлениям. Существенный вклад в историю дороги внес И. В. Лукоянов, сосредоточившийся на исследовании широкого международного контекста создания дороги [Лукоянов, 2008]. Н. Е. Аблова рассматривала историю дороги в первую очередь в контексте истории русской эмиграции в Китае [Аблова, 2004]. Достаточно активно изучалась дорога и зарубежными авторами, в том числе японскими [Дудин, 2022, с. 1329—1349].

Из военной составляющей истории КВЖД до последнего времени изучались только вопросы, связанные с ее уничтожением в период Боксерского восстания [Дацышен, 2024, с. 206—219], история Охранной стражи, впоследствии Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ЗО ОКПС) [Вишняков, 2007а, с. 55—57; Вишняков, 2007б, с. 51—53; Вишняков, 2011], а также конфликт на КВЖД 1929 года [Дацышен и др., 2020, с. 15—19; Пастухов, 2022]. При этом вопросы фортификационного обеспечения безопасности дороги до 2005 года в литературе вообще не затрагивались [Калинин и др., 2005, с. 60—67], а следующая публикация по этой теме вышла только через 10 лет [Калинин и др., 2015, с. 35—67]. Интерес к противодиверсионной фортификации и истории долговременного оборонительного строительства на КВЖД активизировался только

CC BY

в последние годы [Авилов, 2024, с. 6—27; Авилов, 2025, с. 19—25]. Тем не менее изучение этой проблемы далеко от завершения. До настоящего времени не опубликовано ни одной специальной работы, посвященной долговременным оборонительным сооружениям Хинганского тоннеля — крупнейшего и важнейшего инженерно-технического сооружения дороги.

2. Материал, метод, обзор = Material, Methods, Review

Восполнить этот пробел призвана данная статья, цель которой — осветить ход создания в 1914—1917 годах системы долговременных оборонительных сооружений Хинганского тоннеля и расположенного в непосредственной близости от него разъезда Петля как важнейшей составляющей общей системы фортификационной обороны КВЖД, созданной в годы Первой мировой войны.

Исследование базируется на сохранившейся делопроизводственной документации Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) [РГВИА, ф. 2000, оп. 1], через которое проходила значительная часть переписки по строительству сооружений; в этом архиве отложилась в том числе отчетно-плановая документация; также проанализированы дела Главного военно-технического управления (ГВТУ) Военного министерства [РГВИА, ф. 802, оп. 2], которое координировало техническую составляющую работ по возведению оборонительных сооружений и заказ металлических частей сооружений: броневых заслонов для бойниц и амбразур. Наибольший интерес представляет отчетная документация по строительству блокгаузов, а также переписка ГУГШ и ГВТУ с производителем работ, военным инженером капитаном А. А. Рахмановым и инспектором инженерной части Иркутского военного округа, через которого проходили почти все документы, поступавшие из Харбина (ближайшего к месту проведения работ крупного города), а также периодически меняющимися Командующими войсками Иркутского военного округа.

В основе исследования лежит комплексный подход, предполагающий использование классических методов исторического исследования (историко-генетический метод при рассмотрении хода работ, типологический — для определения типов возводимых сооружений, их особенностей и уникальных характеристик), учтены результаты и наработки недавних, новых исследований в области изучения истории фортификации. Например, представляет интерес определение типов установленных в оборонительных сооружениях артиллерийских систем по сохранившимся закладным деталям оснований лафетов, что в комплексе с анализом проектной документации и делопроизводственной переписки практически полностью исключает возможность ошибки в определении вооружения блокгаузов.

CC BY

3. Результаты обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проекты долговременных оборонительных сооружений Хинганского тоннеля

После своего открытия в 1903 году и до открытия в 1916 году временного движения по мосту через р. Амур, замкнувшему путь Амурской железной дороги, КВЖД оставалась единственной железнодорожной линией, обеспечивавшей связь дальневосточных территорий с сердцем Российской империи. Уязвимость построенной на землях сопредельного государства стратегической железной дороги, безопасность которой невозможно было гарантировать, в полной мере осознали во время Боксерского восстания, когда в 1900 году большая часть построенного пути была уничтожена, хотя с 1897 года безопасность дороги обеспечивалась Охранной стражей КВЖД, преобразованной в 1901 году в ЗО ОКПС [Вишняков, 2007а, с. 55—57; 2007б, с. 51—53]. После Русско-японской войны 1904—1905 годов началась проработка вопроса о строительстве на КВЖД долговременных оборонительных сооружений для защиты стратегически важных наиболее сложных инженерно-технических сооружений дороги. Концептуальные решения по строительству этих сооружений приняли на заседаниях Совета Министров 25 апреля и 12 декабря 1913 года и 13 февраля 1914 года. Тогда было решено, что безопасность КВЖД предпочтительнее обеспечить «защитными сооружениями постоянного типа», и был определен принцип финансирования [Авилов, 2024, с. 7—10; 2025, с. 19].

Хинганский тоннель и виадук Хинганской петли (она же *Петля* или *Петля Бочарова*, названная так в честь спроектировавшего и построившего ее инженера Н. Н. Бочарова) принадлежали к числу самых сложных и наиболее уязвимых сооружений КВЖД, которые, безусловно, необходимо было защитить методами долговременной фортификации. Однако в целом проект, приготовительные работы по реализации которого начались только в 1914 году, был намного масштабнее и предусматривал возведение оборонительных сооружений: у западного и восточного портала Хинганского тоннеля, рядом с виадуком его петли, у железнодорожных мостов — через р. Нонни (восточное и западное укрепления), через р. Сунгари I (восточное и западное укрепления), через р. Сунгари II у ст. Лошагоу (укрепления южное и северное), через р. Муданьцзянь у ст. Эхо (укрепления восточное и западное) и на р. Лялинхэ у ст. Цайцзягоу (укрепления южное и северное). Назначение возводимых сооружений состояло в том, «чтобы дать возможность небольшими силами обеспечить вышеназванные железнодорожные технические сооружения от внезапного захвата или разрушения их противником» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4044, л. 70—72]. Они так же должны были «давать возможность отдалить позиции неприятельской артиллерии

CC BY

от прикрываемых ими железнодорожных сооружений и тем затруднить противнику повреждение сих последних железнодорожных сооружений артиллерийским огнем» [Там же].

В соответствии с «Основными указаниями для производства изысканий по обеспечению фортификационными долговременными сооружениями важнейших технических сооружений Китайской Восточной железной дороги» [Там же, л. 71—72], гарнизон блокгаузов планировался немногочисленным, «силой не свыше 1—2 взводов пехоты военного времени при 2 или 4 пулеметах на каждое отдельное фортификационное сооружение», которые предполагалось вооружить также артиллерией. Однако последняя должна была состоять только из полевых легких, горных или капонирных орудий, по расчету 2—4 орудия на каждую подлежащую охране железнодорожную техническую постройку. Орудия и пулеметы предполагалось размещать в самих фортификационных сооружениях [Там же, л. 71—72].

К началу активного строительства весной 1915 года итоговые данные были сведены в «Расчет орудий, пулеметов, орудийных снарядов, 3-х линейных винтовочных патронов, ручных гранат и прожекторов с запасом патронов к ним, необходимым для снабжения оборонительных сооружений на Китайской Восточной железной дороге» [Там же, л. 70]. Для вооружения сооружений обороны Хинганского тоннеля предполагалось использовать: 2 орудия (3-дюймовые орудия обр. 1900 года на капонирном лафете генерала Дурляхера), 4 пулемета (системы Максима) и 3 прожектора — для западного укрепления, столько же — для восточного. Блокгаузы у виадука разъезда Петля решили оставить без артиллерийского вооружения, ограничившись 4 пулеметами и 4 прожекторами. На каждое орудие предполагалось иметь запас в 300 патронов, на каждый пулемет — 35 000 патронов, а также 420 патронов на каждую винтовку чинов гарнизона. Сверх того, защитников блокгаузов предполагалось вооружить ручными гранатами [Там же, л. 70].

3.2. Запланированные работы по строительству оборонительных сооружений Хинганского тоннеля

По первоначальному проекту стоимость возведения блокгаузов у западного портала Хинганского тоннеля была определена в 131 200 руб., у восточного портала — в 113 000 руб. и виадука на Хинганской петле — в 97 600 руб. [Там же, л. 184, 189, 194]. Объем работ предстоял существенный, а главное — нестандартный. Причем вести работы предстояло в специфических условиях северной Маньчжурии и военного времени. Последнее порождало постоянные трудности с материалами, рабочими руками и использованием самой КВЖД, поскольку дорога была перегружена перевозкой в Европейскую Россию военных грузов, поступавших через Владивосток от союзников по Антанте и Японии.

CC BY

3.2.1. Итак, возведение системы обороны ***западного портала Хинганского тоннеля*** должно было начаться с предварительных работ. В первую очередь нужно было построить временную казарму для размещения нижних чинов охраны тоннеля, поскольку существовавшая основная казарма мешала строительству блокгаузов и ее необходимо было снести; отремонтировать дом для временного размещения офицера — начальника охраны тоннеля и арендовать дом для временного размещения еще одного офицера сроком (первоначально) до 1 ноября 1916 года; после этого снести находящиеся у западного портала тоннеля постройки, мешавшие строительству блокгаузов, а главное — договориться по этому вопросу с управлением КВЖД, поскольку к моменту начала работ так и не было известно, что предпочтет Общество КВЖД: получение денежной компенсации за снос построек или строительство А. А. Рахмановым новых объектов взамен. Кроме того, нужно было перенести на другое место установленные охраной тоннеля керосинокалильные фонари, которые неизбежно пострадали бы при ведении масштабного строительства.

После этого можно было приступать к работам непосредственно на портале тоннеля: разобрать над порталом галерею из тесаного камня, железобетонное перекрытие над галереей, боковые крылья портала из тесаного камня, а затем и фундаменты под эти крылья, сложенные из бута на цементном растворе.

Часть земляных работ необходимо было провести на начальном этапе строительства, часть — на завершающем. На начальной стадии нужно было отрыть в грунтах разных типов (в том числе скальном) выемку под блокгаузы (правая и левая башни) и галерею; отрыть тоннельную галерею для сообщения внутренних помещений блокгауза с тоннелем и обделать ее бетоном. После возведения фундаментов и стен блокгауза необходимо было произвести засыпку землей фундаментов и оснований стен, отрыть ров для проволочной сети, а по окончании постройки провести планировку местности вблизи блокгаузов для уничтожения мертвых пространств выемки.

Наиболее сложными были каменные и бетонные работы. После отрывки котлованов предстояло сложить фундаменты из бутового камня на цементном растворе 1:4. Затем сложить, частью из бута на цементном растворе 1:4, частью насухо по песку, дренажные стенки вокруг всего здания; набить из трамбованного бетона (железобетон при строительстве блокгаузов не использовался) состава 1:1,5:3 стены, потолки и полы блокгаузов, а также соединительную галерею. По снятии форм опалубки с бетона планировалось затереть цементным раствором стены и потолки, покрыть потолок верхнего этажа сверху слоем цементного раствора, сделать внутри сооружения железобетонные переборки, а для образования потолочного

CC BY

и междуэтажного покрытия уложить железные балки. Все наружные карнизы следовало тщательным образом оштукатурить, затем произвести отмостку подзоров вокруг зданий.

Асфальтовые работы требовались двух видов. Во-первых, полы в блокгаузе по готовому основанию делали асфальтовые, во-вторых, требовалось обмазать для гидроизоляции горячим гудроном поверхности подземной части стен и «потолка сверху», то есть крыши блокгауза.

Для обеспечения нормальных условий обороны в блокгаузе спроектировали кухню, где необходимо было сложить кухонный очаг с котлами и кухонную плиту; из кирпича по глине сложить дымовые трубы, уложить в стены бетонные вытяжные трубы, а также смонтировать печные решетки. Также необходим был монтаж системы центрального отопления с вентиляцией.

Внутри блокгауза монтировались прямые лестницы. Предполагалось изготовить и установить в общей сложности 31 дверь: наружных железных решетчатых — 3, наружных деревянных — 3, внутренних железных больших — 18, внутренних железных малых — 7, а также 76 оконных переплетов двойных со стеклами: к пушечным амбразурам — 4, пулеметным — 18 и к ружейным бойницам — 54. Снаружи на все проемы должны были установить изготовленные по специальному заказу в Петрограде броневые заслоны в количестве 57 штук: к амбразурам пушечным — 4, пулеметным — 16 и к ружейным бойницам — 37.

Для размещения личного состава необходимо было сделать и установить внутри зданий: железные 2-ярусные разборные нары из расчета на 80 человек, 4 ружейные пирамиды на 25 ружей каждая, 27 погонных сажен полок для амуниции, шкафчики в нишах для 80 человек, также 2 комплекта мебели — в офицерское помещение и кухню. В здании проектировались 1 отхожее место и еще 2 — наружных для мирного времени, 2 помойные ямы. Кроме того, в блокгаузе предусматривалась система сигнализации между этажами и снаружи здания, а также установка двух телеграфных аппаратов.

На завершающей стадии работ было необходимо устроить проволочную сеть шириной в 5 сажень на железных кольях (всего 105 погонных сажен сети), собрать и установить броневые ворота на западный вход в Хинганский тоннель и восстановить систему наружного освещения, поставив 6 наружных фонарей на 1,5 саженных столбах [Там же, л. 184 об. —187 об.].

3.2.2. Работы по возведению фортификационных сооружений ***у восточного портала Хинганского тоннеля*** из-за рельефа и особенностей самого тоннеля были более сложными. Опишем их далее по той же схеме, как охарактеризованы выше мероприятия по строительству

CC BY

Здесь в комплекс предварительных работ входили строительство временного деревянного каркаса над выходом из тоннеля для защиты пути от камней, падающих при разборке выемки, и перенесение внутрь временного каркаса приспособлений для сигнализации, установленных охраной тоннеля. Необходимо было также перенести в сторону участок телеграфной линии, проходящей над местом постройки, и установленные охраной тоннеля керосинокалильные фонари.

После этого можно было разбирать галерею из тесаного камня над порталом тоннеля, железобетонное перекрытие над галереей, боковое крыло портала из тесаного камня, а затем и фундаменты под этим крылом.

Аналогично земляные работы необходимо было провести частью на начальном этапе строительства, частью — на завершающем. На начальной стадии нужно было отрыть котлованы под фундаменты блокгаузов (правая и левая башни), причем сначала в глине со щебнем, затем в скале с перемещением выбранной породы на 200 сажень, а также пробить в скале тоннельную галерею для сообщения блокгауза с тоннелем и обделать ее бетоном. После возведения фундаментов и стен блокгауза, необходимо было засыпать обратно грунт за стены и полы, отрыть ров для проволочной сети, а по окончании постройки провести планировку местности у блокгаузов для уничтожения мертвого пространства.

При строительстве башен блокгауза сначала из бутового камня на цементном растворе 1:4 укладывали фундаменты. Затем делали вокруг них, частью из бута на цементном растворе 1:4, частью насухо по песку, дренажные стенки вокруг блокгауза № 2. После этого возводили сами блокгаузы посредством набивки из бетона 1:1,5:3 стен, потолков, полов и соединительной галереи. После снятия опалубки поверхность стен и полов затиралась цементным раствором. Внутри сооружения делались необходимые железобетонные переборки, а для образования потолочного и междуэтажного покрытия укладывались железные балки, после чего потолок покрывался сверху слоем цементного раствора. Все наружные карнизы следовало тщательным образом оштукатурить, затем произвести отмостку подзоров вокруг зданий.

Здесь точно так же асфальтовые работы требовались двух видов: (1) полы в блокгаузе по готовому основанию делали асфальтовые; (2) требовалось обмазать для гидроизоляции горячим гудроном поверхности подземной части стен и крыши блокгауза.

Как и на сооружении западного портала тоннеля, для обеспечения нормальных условий проживания в блокгаузе была спроектирована кухня, где необходимо было сложить кухонный очаг с котлами и кухонную плиту. Из кирпича по глине сложить дымовые трубы, уложить в стены бетонные

CC BY

вытяжные трубы, а также смонтировать печные решетки. Также необходим был монтаж системы центрального отопления с вентиляцией.

Внутри блокгауза монтировались прямые лестницы суммарной высотой в 6 этажей. Предполагалось изготовить и установить в общей сложности 36 дверей: наружных железных решетчатых — 3, наружных деревянных — 3, внутренних железных больших — 21, внутренних железных малых — 9, а также 74 оконных переплета двойных со стеклами: к пушечным амбразурам — 4, пулеметным — 20 и к ружейным бойницам — 50. Снаружи на все проемы должны были установить изготовленные по специальному заказу в Петрограде броневые заслоны в количестве 29 штук: к амбразурам пушечным — 4, пулеметным — 18 и к ружейным бойницам — 7.

Для размещения личного состава необходимо было сделать и установить внутри зданий: железные 2-ярусные разборные нары из расчета на 82 человека, 4 ружейные пирамиды на 25 ружей каждая, 27 погонных сажен полок для амуниции, шкафчики в нишах для 82 человек, также 2 комплекта мебели: в офицерское помещение и кухню. В здании проектировалось 2 отхожих места и еще 1 — наружное для мирного времени, 1 помойная яма. Кроме того, в блокгаузе предусматривалась система сигнализации между этажами и между зданиями, а также установка двух телеграфных аппаратов.

На завершающей стадии работ устраивалась проволочная сеть шириной в 5 сажень на железных кольях (всего 91 погонная сажень сети), собирали и устанавливали второй комплект броневых ворот на восточный вход в Хинганский тоннель и восстанавливали систему наружного освещения, поставив 6 наружных фонарей на 1,5 саженных столбах [Там же, л. 189—193].

3.2.3. Существенно проще были утвержденные к строительству ***укрепления виадука Хинганской петли***, состоящие из двух отдельно стоящих по обе стороны виадука блокгаузов: № 1 двухэтажного с подвалом и № 2 — двухэтажного без подвала. По этим двум объектам никаких существенных предварительных работ не планировалось. Земляные работы предполагали на начальном этапе только исходную планировку местности и отрывку двух котлованов под фундаменты «с водоотливом», то есть системой дренажа. После возведения фундаментов и стен блокгаузов необходимо было засыпать обратно грунт за стены и полы, а по окончании постройки провести планировку местности у блокгаузов для уничтожения мертвого пространства и насадить вокруг них живую изгородь.

Наиболее сложными при строительстве башен блокгаузов и здесь были каменные и бетонные работы. Место расположения этих блокгаузов было сложным по причине наличия грунтовых вод. Поэтому было принято решение уложить под фундаменты изолирующий асфальтовый слой. Далее из бу-

CC BY

тового камня на цементном растворе 1:4 укладывали фундаменты под оба здания. Затем из трамбованного бетона состава 1:1,5:3, посредством набивки стен, полов и потолков зданий возводились сами башни. После снятия опалубки, поверхность стен и полов затиралась цементным раствором. Внутри сооружения делались необходимые железобетонные переборки, а для образования потолочного и междуэтажного покрытия укладывались 2200 пудов железных балок, после чего потолок покрывался сверху слоем цементного раствора. Все наружные карнизы следовало тщательным образом оштукатурить, а также произвести отмостку подзоров вокруг зданий.

Асфальтовые работы требовались двух видов. Во-первых, полы в блокгаузе по готовому основанию делали асфальтовые, во-вторых, требовалось обмазать для гидроизоляции горячим гудроном поверхности подземной части стен и крыши блокгаузов.

Для обеспечения нормальных условий проживания в блокгаузах была спроектирована кухня, где необходимо было сложить одни кухонный очаг с котлами и две кухонные плиты, из кирпича по глине сложить 10 погонных сажен дымовых труб, уложить в стены 90 погонных сажен бетонных вытяжных труб, а также смонтировать решетки в количестве 16 штук. Также необходим был монтаж системы центрального отопления с вентиляцией объемом 50 кубических сажен.

Внутри блокгаузов монтировались 2 винтовые лестницы высотой в один этаж и одна — прямая, для спуска в подвал (который имелся только в одном из блокгаузов). Предполагалось устройство двух колодцев с насосами.

Необходимо было изготовить и установить в общей сложности 33 двери: наружных железных решетчатых — 3, наружных деревянных — 3, внутренних железных больших — 21, внутренних железных малых — 6, а также 75 двойных оконных переплетов со стеклами: к пулеметным амбразурам — 31 и к ружейным бойницам — 44. Снаружи на все проемы должны были установить изготовленные по специальному заказу в Петрограде броневые заслоны в количестве 75 штук: к амбразурам пулеметным — 31 и к ружейным бойницам — 44.

Для размещения личного состава необходимо было сделать и установить внутри зданий: железные 2-ярусные разборные нары из расчета на 70 человек, 3 ружейные пирамиды на 25 ружей каждая, 24 погонные сажени полок для амуниции, шкафчики в нишах для 72 человек, также 2 комплекта мебели: в офицерское помещение и кухню. В зданиях проектировалось 2 отхожих места (по одному в каждом) и еще 2 — наружные для мирного времени, 1 помойная яма. Кроме того, в блокгаузе предусматривалась система сигнализации между этажами и между зданиями, а также установка 2 телеграфных аппаратов (по одному на блокгауз).

CC BY

На завершающей стадии работ было необходимо устроить проволочную сеть шириной в 5 сажень на железных кольях (всего 170 погонных сажен) и организовать систему наружного освещения, поставив 8 наружных фонарей на 1,5 саженных столбах [Там же, л. 194—197].

Таким образом, строительство блокгаузов для защиты восточного и западного порталов, а также виадука Хинганского тоннеля, безусловно, было самой сложной частью всего проекта создания системы долговременных оборонительных сооружений КВЖД, занимавшей больше всего сил и внимания военного инженера капитана А. А. Рахманова.

3.3. Общий ход строительства оборонительных сооружений Хинганского тоннеля

Наивысшей интенсивности работы достигли в строительный сезон 1916 года, когда была выполнена основная часть бетонных работ, в том числе по системе обороны Хинганского тоннеля, которой занимался военный инженер капитан А. А. Рахманов. Результаты были достигнуты следующие: бетонные работы блокгауза у западного портала Хинганского тоннеля, состоящего из двух трехэтажных зданий, были полностью завершены. Бетонные работы блокгауза у восточного портала того же тоннеля, состоящего из двух зданий — одного в два этажа с подвалом, другого — в 4 этажа, не были выполнены только в 4-м этаже второго здания. В плановом режиме шло и возведение укрепления виадука Хинганской петли. Бетонные работы блокгауза № 1 на Хинганской петле, состоящего из двух этажей и подвала, а также блокгауза № 2 на Хинганской петле, состоящего из двух этажей, были полностью выполнены.

В целом, в группе укреплений, возводимых под руководством военного инженера капитана А. А. Рахманова, бетонные работы не были выполнены только в 4-м этаже 2-го здания блокгауза у восточного портала Хинганского тоннеля и в трех этажах блокгауза № I у моста через р. Нонни на левом восточном берегу [Там же, л. 308—309].

С учетом общих трудностей ведения оборонительного строительства на территории Маньчжурии, существенно возросших с началом Первой мировой войны, темпы работ А. А. Рахманова следует признать достаточно высокими. Некоторое их отставание было вызвано объективными трудностями. Система обороны порталов Хинганского тоннеля изначально была самой сложной частью всего проекта фортификационной защиты КВЖД, а поскольку возводить сооружения приходилось без приостановки движения поездов в тоннеле, избежать задержек было невозможно.

Осенью того же года работы по строительству оборонительных сооружений на КВЖД осмотрел лично Командующий войсками Иркутского военного округа, генерал от инфантерии Я. Ф. Шкинский, телеграфиро-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

вавший 7 ноября 1916 года в ГУГШ, что «все блокгаузы почти закончены» [Там же, л. 309 об.]. К 23 декабря 1916 года под руководством А. А. Рахманова был достроен 4-й этаж в блокгаузе у восточного портала Хинганского тоннеля, тем самым бетонные работы на этом объекте были завершены. Соответствующие отчетные чертежи ушли в столицу от Я. Ф. Шкинского 23 декабря 1916 года, а 7 января 1917 года эти сведения были доложены и. д. (исполняющему должность) начальника Генерального штаба, который наложил на докладной записке безликую резолюцию: «Читал» [Там же, л. 315—315 об.]. Это были последние отчетные документы о ходе оборонительного строительства на КВЖД, добравшиеся до столицы до начала Февральской революции.

31 января 1917 года эти сведения были представлены военному министру М. А. Беляеву. На докладе М. И. Занкевича, который содержал вполне обнадеживающий вывод: «На основании доложенного можно заключить, что постройка укреплений, обеспечивающих важнейшие технические сооружения Китайской Восточной железной дороги, будет вполне закончена к концу лета текущего года», — министр оставил 5 февраля резолюцию: «Читал. Пора закончить эти работы» [Там же, л. 316—316 об.].

Сопроводительные документы к последнему комплекту чертежей, отправленных Временно Командующим войсками Иркутского военного округа в столицу, подписаны 13 марта 1917 года. Из работ по блокгаузам, возводимым для защиты Хинганского тоннеля и его виадука, оставалась еще внутренняя отделка и устройство центрального отопления, которое тоже собирались закончить к марту, но не успели. Устройство искусственных препятствий вокруг блокгаузов велось с ноября 1916 года, однако точных данных о темпах работ разыскать не удалось. Что касается планировки местности, то ее предполагалось окончить в теплое время года, то есть не ранее июня 1917 года. 30 марта М. А. Беляев ознакомился с докладом и. д. генерал-квартирмейстера, оставил на нем резолюцию: «Читал» [Там же, л. 318—318 об.].

3.4. Броневые заслоны для блокгаузов и ворота для Хинганского тоннеля

В отличие от бетонных работ, которые велись непосредственно на месте, изготовить необходимые для блокгаузов бронированные металлические элементы оснащения и, прежде всего, броневые заслоны для амбразур и бойниц из хромоникелевой стали, железные решетки и проволочные сети [РГВИА, ф. 802, оп. 2, д. 853, л. 254] на территории Маньчжурии оказалось невозможно.

Броневые заслоны было решено заказывать в столице, причем не только на сооружения обороны Хинганского тоннеля, но сразу на все

CC BY

блокгаузы, возводимые на линии КВЖД. 8 января 1916 года с этой целью в Петроград прибыл военный инженер подполковник А. Г. Фракман, коллега А. А. Рахманова, с которым они вдвоем организовывали всю работу по возведению оборонительных сооружений на КВЖД. Он провел переговоры с правлением заводов Путиловского, Сормовского и Петроградского механического и литейного, причем наибольший интерес к предложению высказал именно последний завод [Там же, л. 258—258 об.].

Договор А. Г. Фракмана с Петроградским Обществом механического и литейного завода был подписан 18 января 1916 года и предусматривал изготовление, согласно представленных военным инженером чертежей, описаний и технических условий, броневых заслонов: 33 — для больших окон, 216 — для средних окон и 465 — для малых окон. Полотно каждого из заслонов должно было состоять из листа закаленной стали толщиной в 10 мм. Цены: за большой заслон — 120 руб., за средний — 45 руб. и за малый — 20 руб. с укупоркой и доставкой на товарную станцию железной дороги в Петрограде, откуда завод должен был отправить их, как коммерческий груз, по железной дороге в Харбин на имя А. Г. Фракмана. Общая сумма заказа определялась в 22.980 руб. Срок сдачи первой половины изделий — 1 мая, второй — 1 июня 1916 года. Сроки контракта выполнены не были и несколько раз переносились из-за проблем с поставками стали на завод и брака самого завода, в результате чего приемку окончили 9 августа 1916 года. Груз броневых заслонов был отправлен в Харбин двумя партиями только 28 июля и 16 августа [Там же, л. 272—272 об., 273, 450—450 об., 454, 459].

С учетом отсутствия документов вопрос о том, добрался ли груз до места работ, долгое время оставался открытым. Однако в апреле 2025 года на одном из блокгаузов разъезда Петля был обнаружен стоящий на своем месте полностью сохранившийся и соответствующий проектным чертежам одностворный заслон для среднего окна, снабженный прорезью (бойницей). Это подтверждает не только доставку бронезаслонов к местам работ, но и их установку.

К 10 марта 1916 года в Петроград добрался уже сам А. А. Рахманов, который собирался заказать тому же акционерному Обществу Петроградского механического и литейного завода «изготовление броневых ворот к Хинганскому тоннелю на Китайской Восточной железной дороге», причем в двух экземплярах: для западного и восточного порталов тоннеля [Там же, л. 297]. Однако по ряду причин переговоры затянулись, и договор был подписан только 3 января заводом и 6 февраля 1917 года А. А. Рахмановым при посредстве ГВТУ. Ворота следовало изготовить по представленным военным инженером чертежам и техническим условиям. Материалом должна была служить специальная щитовая сталь, имеющая

CC BY

для полотнищ, планок и заслонов толщину 10±0,5 мм, а сталь для нижних подвесок — 6—8 мм. Все остальные детали ворот изготавливались из железа и стали обыкновенных рыночных сортов. Цена ворот — 7475 руб. за каждые, то есть всего 14 950 руб. После приемки ГВТУ посредством стрельбы из 3-линейной винтовки образца 1891 года «нормальными остроконечными пулями с расстояния 2 шагов, по три пули в один лист», груз надлежало упаковать в решетчатые ящики и отправить на станцию Хинган КВЖД на имя А. А. Рахманова. Заказ должны были исполнить за 4 месяца, то есть к 6 июня 1917 года [Там же, л. 541—541 об., 542], однако сроки несколько раз переносились. Первый раз на 1 августа, затем из-за брака на второй паре ворот — 30 августа. Наконец, 6 октября 1917 года ворота были приняты приемщиком ГВТУ, а 20 декабря отправлены на станцию Хинган. Однако по назначению они не прибыли ни 5 апреля 1918 года, о чем телеграфировали из Иркутска в ГВТУ, ни к 11 июня 1918 года. Дальнейшая судьба броневорот к Хинганскому тоннелю неизвестна [Там же, л. 581, 615, 620, 626, 639, 646 — фрагмент].

3.5. Итоги строительства системы долговременных оборонительных сооружений Хинганского тоннеля

К началу в России революционного периода возведение системы обороны Хинганского тоннеля было практически завершено. К западному входу в тоннель, после частичной разборки старого портала, были пристроены с обеих сторон две трехэтажных башни-блокгауза из трамбованного бетона. Каждая из башен имела три яруса бойниц и амбразур, причем верхний закрытый этаж каждой из башен давал возможность вести огонь не только по обе стороны от входа в тоннель, но и в тыл. Подступы к боковым фасадам третьих (верхних) этажей башен, благодаря их форме, простреливались косоприцельным огнем. Кроме того, третьи этажи башен были соединены между собой крытой бетонной галереей, также имевшей амбразуры, направленные в тыл. При этом фронтальный огонь по пространству перед входом в тоннель можно было вести сквозь щелевидные ружейные бойницы стрелковой галереи, фасад которой со стороны портала тоннеля был выложен камнем, а также из-за зубцов устроенного прямо над галереей яруса открытой обороны.

Восточный портал, как и предполагалось проектом, имел систему обороны, схожую по концепции, но и иную по воплощению. Башен тоже было две, притом близких по конфигурации, однако в вырубленной в скале выемке была построена только одна из них — четырехэтажная. Другая, двухэтажная была поднята над порталом тоннеля и поставлена на скале, что, впрочем, только улучшило обстрел подступов к тоннелю южной и западной стороны, что по условиям местности было критично. Эти башни также

CC BY

соединялись между собой крытой бетонной галереей, имевшей амбразуры направленные в тыл. Только в данном случае она соединяла первый (нижний) этаж поднятого над тоннелем двухэтажного блокгауза с четвертым (верхним) этажом построенного на всю высоту портала тоннеля четырехэтажного блокгауза. Фронтальный огонь по пространству перед входом в тоннель тоже можно было вести сквозь щелевидные ружейные бойницы стрелковой галереи, фасад которой со стороны портала тоннеля выложили камнем, а также из-за зубцов устроенного прямо над галереей яруса открытой обороны. Аналогичной блокгаузам западного портала была и система тыловой обороны этой галереи.

Сходным образом система фортификационной обороны виадука Хинганской петли была построена строго по проекту. По обе стороны трубы, проходящей под насыпью верхнего пути, построили по два двухэтажных блокгауза, один из которых — с подвалом. По диагональным углам западного из этих блокгаузов построили две башни, из амбразур которых удобно было фланкировать стены основного сооружения. В свою очередь восточный блокгауз петли Бочарова имел Г-образную форму. В отличие от блокгаузов, защищавших входы в тоннель, здесь отказались от яруса открытой обороны на обоих сооружениях, просто засыпав крышу блокгауза песком и землей. Причина была очевидна: железнодорожная насыпь господствовала над блокгаузами, и размещение личного состава на крыше сооружений в боевых условиях было крайне рискованно.

Подступы к блокгаузам прикрыли заграждениями из колючей проволоки, а удачная планировка местности повышала их обороноспособность. Примечательно, что, несмотря на использование одинаковых военно-инженерных решений, почти каждый из блокгаузов имеет свои уникальные архитектурные особенности, что позволяет достаточно легко идентифицировать их как на исторических, так и на современных фотографиях [Калинин и др., 2015, с. 50, 53—57, 62—65].

Оставался открытым вопрос вооружения блокгаузов, поскольку установочные части для артиллерийских лафетов были присланы в недостаточном количестве (12 комплектов из 33 необходимых для всех оборонительных сооружений КВЖД) [РГВИА, ф. 802, оп. 2, д. 853. л. 226—226 об.; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4044, л. 310—311], а сами орудия так и не были доставлены. Отправка же пулеметов была напрямую запрещена и. д. начальника ГУГШ генералом от инфантерии М. А. Беляевым, поскольку в действующей армии они были нужнее [РГВИА, ф. 802, оп. 2, д. 853, л. 281—282 об., 295]. Равным образом не доехали до Маньчжурии и изготовленные в столице только к концу 1917 года броневорота для западного и восточного порталов Хинганского тоннеля.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Нет ни малейшего сомнения, что не случись в России революция и Гражданская война, строительство блокгаузов было бы полностью завершено, артиллерийское и пулеметное вооружение поступило бы вскоре после окончания Первой мировой войны, а созданные по уникальному проекту броневорота стали бы украшением западного и восточного порталов Хинганского тоннеля.

Тем не менее даже в не до конца завершенном виде система обороны Хинганского тоннеля и виадука петли Бочарова представляет собой впечатляющую систему долговременных оборонительных сооружений, противодиверсионной обороны этого важнейшего инженерно-технического сооружения КВЖД. Будучи ключевой частью последнего по времени постройки крупномасштабного русского фортификационного проекта — создания системы фортификационной обороны КВЖД, он воплотил в себе достижения высшего этапа развития русской военно-инженерной школы. Анализ проектов и самих построенных сооружений позволяет сделать однозначный вывод, что военно-интеллектуальный потенциал Российской империи к концу 1917 года далеко еще не был исчерпан. Построенные блокгаузы, безусловно, являются уникальными памятниками русского военно-инженерного искусства в Маньчжурии и русско-китайского взаимодействия, направленного на защиту железной дороги, использование которой было взаимовыгодным. Все это в полной мере осознается и китайскими коллегами. Сооружения системы обороны Хинганского тоннеля сохранились до наших дней. В настоящее время как эти блокгаузы, так и два блокгауза у петли Бочарова попали в реализуемый уже несколько лет грандиозный проект музеефикации КВЖД и ее сохранившихся сооружений. Объекты охраняются, а рядом с одним из блокгаузов у петли Бочарова поставлен памятник — паровоз на бетонном основании. Все это дает надежду, что расположенный на территории КНР уникальный памятник русской военно-инженерной мысли будет сохранен для потомков и станет еще одним символом совместной истории двух стран-соседей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 802 (Главное военно-техническое управление, 1862—1918). Оп. 2. Д. 853; Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 4044.

CC BY

Литература

1. *Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова — М. : Русская панорама, 2004. — 430 с. — ISBN 5-93165-119-5.

2. *Авилов Р. С.* Оборонительное строительство на КВЖД накануне и в годы Первой мировой войны: проблемы финансирования / Р. С. Авилов // Новый исторический вестник. — 2024. — № 2. — С. 6—27. — DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_2_6.

3. *Авилов Р. С.* Проблема организации оборонительного строительства на Китайско-Восточной железной дороге накануне и в годы Первой мировой войны / Р. С. Авилов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2025. — Т. 12. — № 1 (45). — С. 19—25. — DOI: https://doi.org/10.24147/2312-1300.2025.12(1).19-25.

4. *Вишняков О. В.* История создания и деятельности Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа ОКПС (1897—1918 годах) / О. В. Вишняков. — Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. — 205 с. — ISBN 978-5-91309-020-1.

5. *Вишняков О. В.* Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX — начало XX века (начало) / О. В. Вишняков // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 1. — С. 55—57.

6. *Вишняков О. В.* Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX — начало XX века (окончание) / О. В. Вишняков // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 2. — С. 51—53.

7. *Дацышен В. Г.* Харбин летом 1900 г. Из истории первого русско-китайского конфликта на КВЖД / В. Г. Дацышен // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 206—219. — DOI: https://doi.org/ 10.17150/2587-7445.2024.8(3).206-219.

8. *Дацышен В. Г.* Конфликт на КВЖД и войска Сибирского военного округа в июле 1929 года / В. Г. Дацышен, В. В. Никуленков // Военно-исторический журнал. — 2020. — № 10. — С. 15—19.

9. *Дудин П. Н.* Кто и как сегодня изучает русское присутствие на Южно-Маньчжурской железной дороге / П. Н. Дудин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2022. — Т. 67. — Вып. 4. — С. 1329—1349. — DOI: https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416.

10. *Калинин В. И.* Охранные блокгаузы на линии Китайско-Восточной железной дороги нач. XX в. : комментарий к старым фотографиям / В. И. Калинин, Н. П. Крадин // Цитадель : сборник статей по истории фортификации и ВМФ. — Санкт-Петербург : Остров, 2005. — № 12. — С. 60—67.

11. *Калинин В. И.* Охранные блокгаузы на линии Китайской Восточной железной дороги / В. И. Калинин, Н. П. Крадин, Р. С. Авилов // Вопросы истории фортификации. — Вып. 5. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 35–67.

12. *Китайская* Восточная железная дорога: исторический очерк / составлен Канцелярией правления Общества К. В. ж. д. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума. Т. 1: (1896—1905 г.г.). 1914. — 303 с.

13. *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Лукоянов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 668 с. — ISBN 978-59818-7267-9.

14. *Нилус Е. Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги / Е. Х. Нилус. — Т. 1. 1896—1923. — Харбин: Типография КВЖД, 1923. — 690 с.

CC BY

15. *Пастухов А. М.* Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть / А. М. Пастухов — Москва : Пятый Рим, 2022. — 576 с. — ISBN 978-5-6043328-5-6.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 19.09.2025.

Material resources

RSMA — *Russian State Military Historical Archive* (In Russ.).

References

Ablova, N. E. (2004). *CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the 20th century)*: Moscow: Russian panorama. 430 p. ISBN 5-93165-119-5. (In Russ.).

Avilov, R. S. (2024). Construction of Defenses on the Chinese Eastern Railway on the Eve of and during the First World War: Problems of Financing. *The New Historical Bulletin, 2*: 6—27. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_2_6. (In Russ.).

Avilov, R. S. (2025) The Problem of Defensive Construction Organization on the Line of Chinese Eastern Railway Before and in Time of World War I. *Herald of Omsk University Series Historical Studies, 12, No. 1(45)*: 19—25. DOI: https://doi.org/10.24147/2312-1300.2025.12(1).19-25. (In Russ.).

Chinese Eastern Railway: a historical essay (1914). St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House, 1. 303 p. (In Russ.).

Datsyshen, V. G. (2024). Harbin in the Summer of 1900. From the History of the First Russian-Chinese Conflict on the CER. *Russian-Chinese Studies, 8* (3): 206—219. DOI: https://doi.org/10.17150/2587-7445.2024.8(3).206-219. (In Russ.).

Datsyshen, V. G., Nikulenkov, V. V. (2020). Conflict on the CER and the troops of the Siberian Military District in July 1929. *Military History Journal, 10*: 15—19. (In Russ.).

Dudin, P. N. (2022). Who and how studies the Russian presence on the South Manchurian Railway today: Bulletin of St. Petersburg University. *History, 67* (4): 1329—1349. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416. (In Russ.).

Kalinin, V. I., Kradin, N. P. (2005). Security blockhouses on the Chinese Eastern Railway at the beginning of the 20th century. Commentary on old photographs. In: *Citadel: A collection of articles on the history of fortifications and the navy*. St. Petersburg: Ostrov. *12*: 60—67. (In Russ.).

Kalinin, V. I., Kradin, N. P., Avilov, R. S. Security blockhouses on the line of the Chinese Eastern Railway. In: *Questions of the history of fortification*. St. Petersburg. *5*: 35—67. (In Russ.).

Lukoyanov, I. V. (2008). *«Keeping up with the powers...» Russia in the Far East in the late 19th — early 20th centuries*. St. Petersburg: Nestor-History, 668 p. ISBN 978-59818-7267-9. (In Russ.).

Nilus, E. Kh. (1923). *Historical review of the Chinese Eastern Railway*. Harbin, Type. CER, 1. 690 p. (In Russ.).

Pastukhov, A. M. (2022). *Conflict on the CER. The war that they decided to forget*. Moscow: Pyatyy Rim, 576 p. ISBN 978-5-6043328-5-6. (In Russ.).

Vishnyakov, O. V. (2007). Creation of the Zaamursky District of the Separate Border Guard Corps. Late 19th — early 20th century (beginning). *Military History Journal, 1*: 55—57. (In Russ.).

Vishnyakov, O. V. (2007). Creation of the Zaamursky District of the Separate Border Guard Corps. Late 19th — early 20th century (end). *Military History Journal, 2*: 51—53. (In Russ.).

Vishnyakov, O. V. (2011). *History of the creation and activities of the Security Guard of the CER and the Trans-Amur District of the OKPS (1897—1918)*: Khabarovsk: Khabarovsk Border Institute of the FSB of Russia. 205 p. ISBN 978-5-91309-020-1. (In Russ.).

The article was submitted 17.04.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 19.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Бажанов Д. А. Физическое воспитание и спорт в повседневной службе экипажей Балтийского флота в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917) / Д. А. Бажанов, В. В. Хуциева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 353—372. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-353-372.

Bazhanov, D. A., Khutsieva, V. V. (2025). Physical Education and Sports in Daily Service of Baltic Fleet Crews during World War I (August 1914 – February 1917). *Nauchnyi dialog, 14* (7): 353-372. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-353-372. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Физическое воспитание и спорт в повседневной службе экипажей Балтийского флота в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917)

Бажанов Денис Александрович
orcid.org/0000-0001-6658-7498
WoS ResearcherID AAD-1774-2019
кандидат исторических наук, доцент
кафедры русской истории
(XIX — XXI вв.)
dbazhanov@herzen.spb.ru

Хуциева Виктория Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2533-7198
кандидат исторических наук, доцент
кафедры русской истории
(XIX — XXI вв.),
корреспондирующий автор
vkhutsieva@herzen.spb.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Physical Education and Sports in Daily Service of Baltic Fleet Crews during World War I (August 1914 – February 1917)

Denis A. Bazhanov
orcid.org/0000-0001-6658-7498
PhD in History, Associate Professor,
WoS ResearcherID AAD-1774-2019
Department of Russian History
(19th-21st centuries)
dbazhanov@herzen.spb.ru

Victoria V. Khutsieva
orcid.org/0000-0003-2533-7198
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
(19th-21st centuries),
corresponding author
vkhutsieva@herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Бажанов Д. А., Хуциева В. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль физического воспитания и спортивных мероприятий в повседневной службе личного состава Балтийского флота в период Первой мировой войны. Исследуются меры по поддержанию физического и морально-волевого состояния личного состава как факторы, обеспечивающие боеготовность, и их эволюция по сравнению с ситуацией начала XX века. Авторы проанализировали источники, фиксировавшие меры по организации физического воспитания экипажей (приказы, вахтенные журналы), а также наглядно представлявшие участие в реализации этих мер и отношение к ним со стороны моряков (фотографии, личные источники). При помощи метода сравнительного анализа прослеживается зависимость частоты проведения занятий от активности использования кораблей и соединений в боевых операциях, а также от мест дислокации и сезонности. Благодаря историко-генетическому методу выявляется взаимосвязь сложившихся в начале XX века принципов физической подготовки личного состава и новых тенденций. Авторы приходят к выводу о том, что физическое воспитание и подготовка проводились преимущественно в традициях начала века. Физическое воспитание и спорт не стали фактором укрепления солидарности команд в связи с сохранявшейся кастовой разделенностью матросов и офицеров.

Ключевые слова:
Балтийский флот; военная повседневность; гимнастика; Первая мировая война; спорт; строевые упражнения; физическая культура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role of physical education and sports activities in the daily service of personnel within the Baltic Fleet during World War I. It investigates measures taken to maintain the physical and moral-psychological condition of the crew as factors contributing to combat readiness, and explores their evolution in comparison to the early 20th century. The authors analyze sources documenting the organization of physical education for crews (such as orders and watch logs), as well as visual representations of sailors' participation in these initiatives and their attitudes towards them (including photographs and personal accounts). Through comparative analysis, the study traces the correlation between the frequency of physical training sessions and the operational activity of ships and units, as well as their locations and seasonal variations. Utilizing a historical-genetic method, the authors identify connections between established principles of physical training from the early 20th century and emerging trends. The findings suggest that physical education and training were predominantly conducted within the traditions of that era. Furthermore, physical education and sports did not serve as a factor in strengthening crew solidarity due to the persistent caste divisions between sailors and officers.

Key words:
Baltic Fleet; military everyday life; gymnastics; World War I; sports; drill exercises; physical culture.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94)47“1914/1917”+355.233.22(091)
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-353-372

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Физическое воспитание и спорт в повседневной службе экипажей Балтийского флота в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917)

© Бажанов Д. А., Хуциева В. В., 2025

1. Введение = Introduction

Физическое состояние личного состава вооруженных сил, в том числе и военно-морского флота, является одной из наиболее актуальных проблем, обуславливающих его боеготовность. Различные аспекты организации мер поддержания физической формы русских военных неоднократно являлись предметом изучения историков. Однако эти вопросы советской исторической наукой рассматривались преимущественно в контексте изучения истории физического воспитания и становления физической культуры [Зеликсон, 1940; Братцев и др., 1958].

Лишь на современном этапе появились исследования, посвященные непосредственно физической подготовке личного состава армии и флота [Асташов, 2017; Булдаков, 2022; Павленко, 2020]. Важную роль играли работы С. В. Федорина [Федорин, 2002а; Федорин, 2002б]. В них исследуется государственная система физического воспитания в вооруженных силах (как правило, сухопутных войсках), понимаемая как комплекс организационных, методических мер, направленных на поддержание здоровья и развития военных, а также допризывников [Федорин, 2002а, с. 6]. Аналогичный подход характерен и для исследований В. Г. Семенова [Семенов, 2008а; Семенов, 2008б].

Положение дел непосредственно на военных кораблях и в военно-морских учебных заведениях бегло затронули И. В. Зуб, В. А. Курысь и А. В. Акименко [Зуб и др., 2018; Зуб и др., 2019]. Констатируя важность физического и психологического развития личного состава в эпоху броненосного флота, авторы указали, что проблемы вызывались нехваткой специалистов. Их подготовка, проводившаяся в 1862—1878 годах в специализированной гимнастической школе, была передана флотской стрелковой роте. Поэтому значительное внимание уделялось шлюпочным учениям [Зуб и др., 2018].

Первую специальную работу, посвященную личному составу флота, подготовил А. И. Павленко [Павленко, 2022]. Хронологически она не со-

CC BY

впадает с рассматриваемым нами периодом, но отдельная глава посвящена положению дел в дореволюционном флоте. Однако основное внимание автор сосредоточил на изучении парусного спорта, уделив внимание преимущественно деятельности яхт-клубов [Там же, с. 36—68].

Таким образом, можно констатировать наличие интереса историков к рассматриваемым вопросам при сохранении значительных лакун в рассмотрении практической реализации физического воспитания и занятий спортом личного состава. Предлагаемая статья позволит их преодолеть.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи авторы видят в анализе роли физического воспитания и спортивных мероприятий в повседневной службе личного состава Балтийского флота в условиях Первой мировой войны. Исследование подготовлено с учетом специфики изучения военной повседневности. Исходя из понимания повседневности как воспринимаемой человеком окружающей его реальности в качестве привычной и предсказуемой, вопросы занятий спортом видятся в качестве одного из своеобразных «связующих звеньев» между основными составляющими повседневной жизни — временем рабочим и свободным. В таком качестве на меры по поддержанию физического здоровья обратили внимание в своей новейшей работе В. В. Канищев и А. Н. Плужников [Канищев, 2024, с. 415—430]. Сосредоточив внимание на «интересных темах, связанных с небоевой повседневностью», тамбовские исследователи отметили необходимость разделения собственно гимнастических упражнений, относившихся к уставным обязанностям, и «спортивных развлечений», относившихся к досуговой составляющей повседневной службы [Там же, с. 418, 427].

Исследование опирается на широкую источниковую базу. Проведение сравнительного анализа положения дел с занятиями спортом и физической подготовкой команд на кораблях Балтийского флота основывалось на данных вахтенных журналов. Этот вид источников, являющийся основой для реконструкции хронологической структуры повседневной службы на корабле, фиксировал и события, связанные с организацией досуга личного состава.

Важную информацию дают приказы командиров отдельных кораблей. Благодаря им мы имеем возможность проследить реакцию на специфические ситуации, связанные со свободным временем (например, при нахождении корабля на боевых позициях), а также готовность подходить творчески к проблеме занятий спортом.

Важными для раскрытия темы являются источники личного происхождения. Прежде всего, это воспоминания участников событий, содержа-

щие сведения о свободном времени моряков и их отношение к способам его организации.

Спорт привлекал внимание современников, имевших технические возможности фотофиксации, поэтому при подготовке исследования стало взможным обнаружить и привлечь в качестве материалов фотоисточники. К ним относятся фотографии из частных альбомов военных моряков рассматриваемого периода. При этом получили наглядное подтверждение усилия командования по организации различных видов спортивных состязаний для нижних чинов. К тому же, поскольку фотографии являются частью альбома как авторского целого, по расположению снимков можно составить представление о роли спорта и физического воспитания в повседневной службе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Система физической подготовки личного состава к началу Первой мировой войны

Физическая подготовка личного состава Российского императорского флота к началу Первой мировой войны проходила этап своего становления. Внимание на нее в высших эшелонах власти стали обращать после тяжелого поражения в Крымской войне 1853—1856 годов. Можно согласиться с мнением С. В. Федорина, что физическая форма воспринималась как показатель боеспособности военного, позволяющей ему более эффективно решать возложенные на него задачи [Федорин, 2002а, с. 65]. Крымская война имела следствием и масштабные преобразования в системе функционирования военно-морского флота России во второй половине XIX века от изменения принципов управления до технического перевооружения. Важнейшим из них стал переход от парусного деревянного флота к паровому. Это привело, с одной стороны, к интенсификации кораблестроения, а с другой — к необходимости изменений в подготовке личного состава. Стало очевидно необходимым большее внимание к физическому состоянию, так как обслуживание новых механизмов, артиллерии, отсутствие парусных тренировок влияли на состояние здоровья и подготовки личного состава. Промежуточным результатом стало разработанное в 1895 году и переизданное в 1901 году «Наставление для обучения гимнастике во флоте», которое уже попадало в поле зрения исследователей [Семенов, 2008б, с. 38—41].

Вновь на проблему обратили внимание после поражения в русско-японской войне и окончания Первой русской революции, поскольку моряки Балтийского флота приняли активное участие в революционных событиях. На слуху были восстания в Либаве (Лиепая) (июнь 1905 года), Кронштадте (октябрь 1905 и июль 1906 года), а также на крейсере «Память

CC BY

Азова» (июль 1906 года), сопровождавшиеся гибелью командного состава. Физическое воспитание стало частью обсуждения более широкого вопроса — о взаимоотношениях офицеров и нижних чинов, о поддержании дисциплины. На эту тему выходили статьи и книги [Вердеревский, 1907; Вердеревский, 1909; Ливен, 1914; Энгельман, 1908]. Капитан II ранга И. Г. Энгельман, выступавший со своими идеями на заседаниях «Лиги обновления флота», уделял особое внимание взаимосвязи занятий спортом, физкультурой и уровня дисциплины. Руководствуясь своим опытом работы с нижними чинами в 1907 году в Учебном минном отряде, в своей брошюре он обосновывал необходимость воспитательной работы с нижними чинами: «С введением в большинстве стран закона всеобщей воинской повинности кастовый, профессиональный воин умер и народился новый воин, воин-гражданин» [Энгельман, 1908, с. 4]. При этом важным компонентом общего воспитания и развития выступала физическая подготовка, отвечать за которую должен был офицер как непосредственный начальник [Там же, с. 140]. Он отмечал необходимость «организовать физическое воспитание на новых началах» [Там же, с. 252] и прямо указывал на то, что целесообразно поддерживать регулярность гимнастических упражнений как для рядового, так и для офицерского состава, и на необходимость организации занятий плаванием [Там же, с. 167].

При его поддержке весной 1909 года для изучения особенностей «шведской гимнастики» в Стокгольм морским министерством был командирован младший ординатор Санкт-Петербургского морского госпиталя Н. В. Песков [РГАВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1419, л. 45]. В течение апреля — июня он занимался в шведском Королевском Центральном гимнастическом институте, изучая практику гимнастических упражнений для военных армии и флота Швеции. В отчете Н. В. Песков отмечал удобства «шведской гимнастики» для внедрения среди экипажей боевых кораблей. Они, по его мнению, выражались в большей системности воздействия на организм (предусматривались элементы дыхательной гимнастики) и простоте организации (упражнения на спортивных снарядах могли заменяться групповыми) [Там же, л. 46]. В то же время он выделил и особую роль плавательных тренировок для моряков. Песков настоятельно рекомендовал обратить внимание на возможности, предоставляемые самими условиями службы на кораблях, а также на практическую пользу от умения моряков плавать. Первоначальное обучение новобранцы могли проходить в закрытых бассейнах, как это делалось в шведском и германском флотах, а совершенствоваться — в практических плаваниях [РГАВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1419, л. 47].

Однако эти предложения были учтены в малой степени. Лишь незначительные изменения произошли в новой редакции Морского устава — ос-

CC BY

новном законодательном источнике, регламентировавшем условия службы на кораблях Российского императорского флота. В главе «О сбережении здоровья команды», включенной в раздел «О порядке службы на корабле», ст. 948 определяла возможность проведения для команд в теплое время и «на безопасных рейдах» купаний перед завтраком, обедом и ужином. Если условия не позволяли или корабль находился в море, то предписывалось проводить «окачивания» водой с помощью корабельных помп [Свод ..., 1914, с. 139]. В остальном вопросы физического воспитания устав по-прежнему обходил стороной. Гимнастические упражнения сохраняли значение строевых. Гальванер Д. И. Иванов вспоминал, в частности, о царском смотре рот новобранцев накануне войны: «Наконец раздалась команда, матросы как один взяли винтовки “на караул”. В сопровождении свиты царь обошел колонны флотского экипажа, поздоровался с матросами <…> Мы прокричали “ура”, затем прошли церемониальным маршем и выполнили гимнастические упражнения» [Иванов, 1987, с. 14].

Вопрос о возможности организации спортивных мероприятий в свободное для экипажей время не затрагивался, фактически передавая его решение морским начальникам (командующему флотом, начальникам соединений, командирам кораблей).

3.2. Физическое воспитание и спорт в военный период

Первая мировая война оказалась принципиально иным испытанием для русских вооруженных сил, в том числе и флота. Она стала первым военным конфликтом тотального типа, то есть потребовавшим напряжения всех сил воюющих народов. Речь идет не только о стратегических или экономических усилиях. Она по-новому высветила роль вооруженного человека, вынужденного непрерывно и долго выносить трудности, находиться в состоянии постоянной готовности. При этом количество военных столкновений с врагом было незначительным.

Показательной была ситуация на Балтийском флоте. К началу войны основой для действий русских военных кораблей на Балтике должна была стать оборона столицы от, как казалось, неизбежной атаки главных сил германского флота. Поэтому в первые месяцы основное внимание уделялось подготовке всех соединений — линкоров, крейсеров, миноносцев — к возможному генеральному сражению. Согласно разработанным довоенным планам его предполагалось провести на Центральной минно-артиллерийской позиции, то есть в самом узком месте Финского залива, между Ревелем (Таллином) и Гельсингфорсом (Хельсинки). Однако после 28 сентября 1914 года, когда германская подводная лодка потопила русский крейсер «Паллада», использование кораблей изменилось. Так, в ноябре-декабре 1914 года линкоры выходили из Гельсингфорса всего дважды — на стрель-

CC BY

бы. Миноносцам пришлось выполнять дополнительные функции минных заградителей.

В 1915 году окончательно сложилась ситуация, когда русское командование планировало свои действия на основе принципа, которому традиционно следовали союзники англичане и противники немцы: беречь свои крупные корабли, применяя их в крайнем случае. Из-за роста подводной и минной опасности резко возросла интенсивность использования немногочисленных тральщиков, круг задач миноносцев был широк (сторожевая служба, охрана тральщиков, дозорная служба). Эта тенденция сохранялась и в 1916 году. Крупные сражения за рассматриваемый период были редки, например, бой русских крейсеров у острова Готланд в июне 1915 года, отражение попыток прорыва неприятеля в Рижский залив в июле — августе 1915 года и Моонзундское сражение в сентябре — октябре 1917 года, завершившееся потерей архипелага и Рижского залива. При этом 6 из 8 русских линкоров на Балтике в морских боях участия не приняли, проводя значительную часть своего времени на базах, что актуализировало задачу организации боевой подготовки и поднятия воинского духа их экипажей. Физическое воспитание и спорт могли оказать в этом помощь.

Эту роль четко осознавал последний дореволюционный командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин, считавший спорт «крайне необходимым с точки зрения государственной пользы и безопасности», так как он, кроме улучшения состояния здоровья, «отвлекает людей от разлагающих революционных идей, способствуя поднятию бодрости духа и товарищества». При этом речь шла не только о спортивных играх, но и о развитии «всякого рода гимнастических упражнений и игр, в которых могли бы принимать участие не одни специалисты, но и каждый желающий матрос» [Дудоров, 1993, с. 207—208].

Однако организация физической подготовки менялась в связи с прямой зависимостью проведения занятий от активности использования кораблей и соединений Балтийского флота для решения боевых задач. По данным вахтенных журналов, с началом активных выходов в море экипажи теряли возможность заниматься физической подготовкой. Показательной выглядит ситуация на минном заградителе «Амур». Если накануне войны гимнастические занятия проводились с отдельными ротами раз в неделю, то с августа, когда заградитель сыграл важную роль в постановке заграждения на Центральной минно-артиллерийской позиции, а затем использовался для дозорной службы у острова Нарген (Найссар), упоминания о занятиях из вахтенного журнала исчезли [РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 55189, л. 24—97].

Немаловажную роль играл и размер корабля. На миноносцах, не имея возможности организовывать систематические занятия, командиры воз-

CC BY

вращались к практике гребных учений. Личный состав миноносца «Бдительный» в кампанию 1915 года участвовал в них трижды. 29 апреля, через неделю после прибытия на передовую базу Куйваст (Куйвасто) в Моонзунде, состоялось обучение гребле новобранцев. Вторично вахтенный журнал зафиксировал гребные учения 20 июня, когда миноносец находился в Гангэ (Ханко). Наконец, в последний раз гребля состоялась 21 сентября в Куйвасте [РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 57560, л. 124; д. 57562, л. 106; д. 57563, л. 140]. В то же время вахтенные журналы кораблей, находившихся в основном на базах, отмечали проведение упражнений каждую неделю. Так, на линейном корабле «Петропавловск» в 1915—1916 годах занятия возобновлялись на следующий день после возвращения в порт базирования — Гельсингфорс (Хельсинки). Традиционно гимнастика завершала первую часть судовых работ, начинаясь в 11.30 и продолжаясь 20—25 минут.

Подтверждают эту тенденцию и соответствующие приказы командиров кораблей. На линейном корабле «Слава», находившемся в Моонзунде, приказом от 23 июня 1916 года проводить гимнастические занятия предписывалось два раза в неделю: по вторникам и пятницам. Заниматься надлежало с 8.30 до 9.45 с личным составом двух рот по очереди [РГАВМФ, ф. 902, оп. 1, д. 161, л. 95 об].

С течением войны на некоторых кораблях организацию процесса стремились усовершенствовать. На линкоре «Слава» летом 1916 года гимнастику для старослужащих было предписано проводить и «на машинах», то есть на спортивных снарядах. Это в целом соответствовало программе «Наставления» 1901 года, однако командир линкора, капитан I ранга В. В. Ковалевский отнесся к организации процесса творчески. В полосу препятствий превращалась практически вся верхняя палуба. Около носовой башни главного калибра был разбит сектор для прыжков в длину, около боевой рубки был установлен турник и гимнастические кольца. Практиковались также лазание по штормтрапу на грот-марс и броски спасательных концов в длину [Там же; ЦВММ, № 033539, № 55]. На линкоре «Севастополь» тем же летом для упражнений на кольцах использовались стволы орудий главного калибра. Аналогичные полосы препятствий, занятия на которых проводились под барабанный бой, отмечают и фотоснимки с линкоров «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» [ЦВММ, № 033539, № 54; Мельников, 2005, с. 37; Мельников, 2003, с. 66].

В летнее время еще одним способом поддержания физического здоровья стали организуемые на кораблях купания. Как и гимнастические упражнения, они были организованы преимущественно на крупных кораблях. Это также объяснялось своеобразной «неравномерностью» их использования в боевой обстановке. Так, на бригаде дредноутов купаль-

CC BY

ный сезон в 1915 году был открыт во время недолгих стоянок в бухте Папонвик (недалеко от Ревеля) 8 и 22 июля. В следующем 1916 году таких возможностей стало больше, так как характер походов 1-й бригады линейных кораблей изменился: теперь они дольше пребывали вдали от крупных портов и Гельсингфорса. Так было, в частности, в августе, когда дредноуты перешли на 3,5 недели в Лапвик [РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 56997, л. 18—19 об; д. 60024, л. 29 об — 69]. Однако и в условиях нахождения на передовых позициях команды крупных кораблей имели такие возможности. Приказом от 18 июня 1916 года командир линейного корабля «Слава», находившегося на позиции в Моонзунде, предлагал ротным командирам «озаботиться обучением команды плаванию». Предлагалось купание производить поротно перед обедом и ужином «в благоприятную погоду при температуре воды не меньше 17 градусов» [РГАВМФ, ф. 902, оп. 1, д. 161, л. 95].

В зимнее время гимнастические занятия проводились более регулярно. В еженедельном расписании зимних занятий личного состава бригады линкоров-дредноутов гимнастика предусматривалась с понедельника по пятницу в течение 45 мин., с 11.15 до 12 ч. «для команды, не участвующей в занятиях на верхней палубе» [РГАВМФ, ф. 477, оп. 1, д. 158, л. 11]. Вахтенные журналы подтверждают выполнение приказа начальника бригады. На линкорах 2-й бригады ситуация несколько отличалась, так как гимнастика вменялась как разновидность судовой работы морякам отдельных рот наряду с тренировкой в отдании чести с увеличением времени по отделениям, например, на линкоре «Император Павел I» [РГАВМФ, ф. 870, оп. 6, д. 9, л. 37 об — 45 об, 51 об — 57 об].

Командиры кораблей, где верхняя палуба по различным причинам не подходила, имели право отправлять подчиненных для занятий на лед. Вокруг крупных кораблей уже в первую военную зиму стали расчищать площадки, огороженные срубленными елками [Иванов, 1965, с. 126]. Так, зимой 1916—1917 годов на них проводили гимнастику моряки с минного заградителя «Нарова», стоявшего в Гельсингфорсе, а также линкора «Цесаревич», находившегося в Моонзунде [РГАВМФ, ф. 870, оп. 6, д. 126, л. 8 об — 36 об, 60 об; д. 20, л. 14 об, 17 об].

Иногда командирам приходилось сдерживать ретивость своих подчиненных. Так, начальник 2-й бригады крейсеров контр-адмирал А. П. Курош отмечал в приказе № 29 от 5 февраля 1915 года, что командиры «России» и «Громобоя» проводят занятия при температуре ниже минус 10. Считая, что это, скорее, может повредить, А. П. Курош предлагал проводить впредь упражнения на льду только в определенных погодных условиях — при температуре не ниже минус 5 [РГАВМФ, ф. 719, оп. 1, д. 9, л. 5].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Для команд небольших кораблей, миноносцев, тральщиков и подводных лодок, переводившихся на зимнее время в береговые казармы, гимнастические занятия имели больше связи со строевой подготовкой. Это было обусловлено возможностью ее проводить лишь в рамках строевых или десантных учений, например еженедельные тренировки моряков «Бдительного», находившихся с декабря 1914 по конец марта 1915 года в казармах Свеаборгской отдельной флотской роты в Гельсингфорсе. При этом офицеры осуществляли лишь общее руководство и тренировались в стрельбе из револьвера [РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 57560, л. 78, 92, 105, 133, 147, 161].

О необходимости более комплексно подходить к вопросу занятий гимнастикой, в том числе и для команд, не имеющих возможности заниматься ею на кораблях, размышлял вице-адмирал А. И. Непенин. В предполагавшемся к постройке в Гельсингфорсе — главной базе Балтийского флота — «Морском доме», центре «всякого рода деятельности, имеющей задачу предоставить командам отдых от тесной корабельной жизни», предполагались и «все необходимые гимнастические помещения» [Дудоров, 1993, с. 208]. Революционные события и гибель командующего флотом 4 марта 1917 года помешали реализации этих планов.

Иначе дело обстояло со спортивными занятиями, предлагаемыми личному составу в свободное время. Процесс вовлечения нижних чинов в спортивную деятельность начался в первую военную зиму, то есть в то время, когда количество свободного времени у личного состава значительно возросло.

Первой мерой командования следует назвать использование площадок, расчищенных возле кораблей, для проведения спортивных состязаний. Подобные шаги получили распространение в Гельсингфорсе и в местах зимнего базирования кораблей у Моонзундского архипелага. Объяснить это можно спецификой этих баз в зимний период. В Кронштадте и Ревеле (Таллине) военные корабли стояли тесно и вблизи от набережных довольно небольших гаваней. Поэтому места на льду для размещения там площадок не было. Северная гавань Гельсингфорса, ограниченная с востока Свеаборгской крепостью, была значительно больше. Крупные корабли (линкоры, крейсеры, заградители) стояли гораздо дальше. Что касается стоянки в Моонзунде, то она находилась у небольшого острова Вердер, где не было крупных населенных пунктов, поэтому проблема проведения свободного времени была более сложной. Это и способствовало использованию близлежащей территории.

О том, когда и как создавались такие площадки, свидетельствует опыт моряков в последнюю предреволюционную зиму. В 1916—1917 годах экипажи линкора «Цесаревич» и крейсера «Адмирал Макаров», зимовавшие

CC BY

в Моонзунде, к концу декабря закончили расчистку площадки под каток и для других нужд. По данным вахтенного журнала, в январе — феврале чистки площадки неоднократно повторялись. 4 января каток украсили рождественскими елками, 9-го на нем была построена горка для катаний наперегонки [РГАВМФ, ф. 870, оп. 6, д. 20, л. 6 об, 9 об, 14 об, 16 об, 19 об]. Некоторое представление о размерах площадок дает приказ штаба флота. Ограда должна была отступать от бортов на 20—30 саженей, то есть на 40—60 м [Финляндская…, 1915, 14 января].

Помимо гимнастики и строевых занятий экипажи в свободное время занимались и спортивными играми. Так, зимой 1917 года команды минных заградителей «Нарова», «Амур», «Мста» и «Лена» устраивали в после 19.30 состязания по перетягиванию каната «рота против роты» [РГАВМФ, ф. 870, оп. 6, д. 126, л. 8 об, 25 об, 60 об]. Гальванер линейного корабля «Гангут» Д. И. Иванов вспоминал, что большой популярностью среди членов команды пользовался каток. На нем по выходным проводились хоккейные матчи [Иванов, 1965, с. 126]. Отметим, что, судя по данным фотоальбома моряка с линкора «Император Павел I», играли в русский хоккей, то есть с мячом и большими воротами [ЦВММ, № 033539, № 65]. Удалось обнаружить и упоминание об участии военных моряков в конькобежных состязаниях. Например, «Финляндская газета» сообщала о них в феврале 1916 года [Финляндская …, 1916, 1 марта].

В то же время стали создаваться и команды лыжников. Об их численности можно говорить приблизительно. Например, на новейших линейных кораблях типа «Севастополь», прибывших в Гельсингфорс к концу 1914 года, она составляла по 10 чел. с корабля, столько же — с крейсеров [Иванов, 1965, с. 39, 126].

В летнее время видом командных состязаний был футбол [Дудоров, 1993, с. 207]. Адмирал Н. О. фон Эссен, командующий флотом, 23 февраля 1915 года подписал «Положение о переходящем футбольном призе линейного корабля “Цесаревич”» для судовых футбольных команд [РГАВМФ, ф. 479, оп. 2, д. 805, л. 202—203]. Конечно, далеко не на всех кораблях они создавались. Благодаря фондам Центрального военно-морского музея, где удалось обнаружить уникальные фотографии с одного из матчей между командами, на сегодняшний день нам известны не менее двух кораблей, где они точно существовали: «Петропавловск» и «Император Павел I». При этом командование линкоров позаботилось и о подготовке особой формы. Так, футболисты «Императора Павла I» щеголяли в белой форме с нашитыми на левой стороне груди черными ромбами с белым мальтийским крестом внутри. Команда «Петропавловска» выступала в форме светлых тонов, на трусах с боков была нанесена широкая красная полоса [ЦВММ,

№ 033539, № 56, 59]. Данные этого источника дополняют воспоминания артиллерийского офицера линкора «Полтава» лейтенанта Г. Н. Четверухина. Он отметил, что «каждая команда имела свою форму с нашитой на футболке эмблемой (флюгаркой) корабля, а голкипер (вратарь) — эмблему "двуглавый орел" на белом фоне» [Четверухин, 1990, с. 93]. Это позволяет сделать вывод, что каждый линкор имел свою команду. Подтверждает эту мысль другое уточнение автора мемуаров: «Во время длительных летних стоянок проводились футбольные состязания между командами кораблей бригады» [Там же].

Из-за условий войны матчи могли отменяться. Так произошло в розыгрыше 1916 года, когда первый матч «Петропавловска» сорвался по причине «срочных работ на корабле» [РГАВМФ, ф. 743, оп. 1, д. 45, л. 244]. Думается, что этим объясняется и трудности при создании подобных средств организации досуга на тех кораблях, которые часто выходили на позиции.

Практиковалась среди экипажей классическая борьба [Иванов, 1987, с. 39]. Зимой — летом 1915 года по этому виду состязаний проводился чемпионат флота [Иванов, 1965, с. 145]. Финальные бои прошли на линейном корабле «Петропавловск». Фотосвидетельство этих поединков сохранилось. На двух кадрах, посвященных событию, видны собственно бой, вероятно, финальный, а также церемония награждения и круг почета спортсменов, занявших первые три места. Победитель выделялся лентой через плечо [ЦВММ, № 039095, № 22, 23].

На крупных кораблях существовали группы акробатов. Их создание было зачастую связано с наличием в экипаже людей, знакомых с таким времяпрепровождением в силу довоенной профессии. На дредноуте «Гангут», по воспоминаниям гальванера Д. И. Иванова, такая «группа способных ребят» организовалась благодаря юнге-баталеру Е. М. Лиману. Особо автор отметил, что тот «до службы работал акробатом в цирке» [Иванов, 1965, с. 126]. И в дальнейшем Лиман продолжил пользоваться своими цирковыми навыками. Судя по объявлению, в июне 1917 года в гельсингфорсском парке «Хесперия» моряк выступал в составе циркового представления. В тексте афиши он упомянут как «знаменитый велосипедист». В его выступление, помимо акробатических трюков на велосипеде, входил и номер, называвшийся «Круг Смерти». Он представлял собой подъем по круговой стене. Для спектаклей высота стены указывалась в 14 футов [Известия, объявления].

Судя по фотографиям С. П. Славинского, акробаты были на «Петропавловске». Свои номера они показывали преимущественно по праздникам. На снимках видны довольно сложные этюды и конструкции, создававшиеся ими: «пирамиды» в 2—3 яруса, «маяки» с сигнальщиками наверху и др.

CC BY

Схожим образом выступали акробаты и на судовом празднике на линейном корабле «Полтава» 27 июня 1916 года [Четверухин, 1990, с. 93]. Кроме линейных кораблей, известно о существовании акробатических кружков и на крейсерах 2-й бригады. Они, например, должны были прислать 10 чел. для участия в детской елке, устраивавшейся в Морском собрании Гельсингфорса 30 декабря 1916 года. Также свои акробаты выступали в Морских казармах, где 3—4 января 1917 года прошли так называемые «дивизионные елки» для личного состава миноносцев, зимовавших в Гельсингфорсе [РГАВМФ, ф. 902, оп. 1, д. 162, л. 10 об — 11; ф. 870, оп. 6, д. 77, л. 9 об, 10].

Характерной особенностью спортивных мероприятий для экипажей кораблей Балтийского флота была корпоративная изолированность различных групп личного состава. На это неоднократно и по разным поводам обращали внимание современники. И. Г. Энгельман отмечал решающую роль офицеров в характере взаимоотношений с подчиненными: «Офицер должен ближе подойти к солдату как для пользы общественной, так и для специально военной, он должен завоевать доверие» [Там же, с. 28]. Позднее он прямо ставил в зависимость успешность этой деятельности от сближения офицера с подчиненными: «Необходимо внушить нижним чинам, что офицер для них не является привилегированным лицом, “барином”, который сладко спит и сладко ест, да ими командует, а прежде всего человеком, которому Родиной поручено сохранить нижних чинов, научить их и вернуть тому обществу или среде, откуда они пришли, в улучшенном виде» [Там же, с. 150]. Физическая подготовка выступала важным компонентом общего воспитания и развития.

А. А. Ливен размышлял по этому поводу: «Живых людей не соединить бесконечным ремнем или шестерней. Элементы сцепления людей, дружба, доверие и взаимное уважение развиваются на почве совместной работы и общих интересов». Проявление этого интереса друг к другу и есть, по мнению автора, одно из важнейших условий выстраивания нормальных отношений [Ливен, 1914, с. 40]. Наконец, в период войны и командование Балтийским флотом обратилось к этой проблеме. 18 декабря 1915 года, то есть на следующий день после начала судебного заседания, посвященного выступлению части команды линейного корабля «Гангут», было выпущено циркулярное предписание командующего флотом вице-адмирала В. А. Канина, признававшее «произошедшие беспорядки» следствием «отсутствия связи между офицерами и командой». Командующий предлагал «принять все меры для создания условий», позволяющих восстановить эту связь [РГАВМФ, ф. 479, оп. 2, д. 514, л. 60].

Однако русские военно-морские офицеры в массе своей не пытались и, похоже, не могли себе представить совместного участия в состязаниях со

CC BY

своими подчиненными. Даже призывы к более тесному взаимодействию часто сочетались с требованиями не допустить чрезмерного сближения. А. А. Ливен напоминал, что «офицеры разнятся от нижних чинов в двух отношениях: по общественному положению и по служебному. Матрос происходит из низших слоев населения, малоразвитых и бедных, офицер же принадлежит к более интеллигентным и имущим классам, так называемому привилегированному сословию. Между обоими существует пропасть от рождения, трудно переходимая, как с той, так и с другой стороны <…> Вообще, наш дикарь-мужик крайне застенчив и недоверчив. Никакое популярничание, никакое братание не выведет его из своей замкнутости. Напротив, он этого не любит. Он считает, что барин должен вести себя как барин, а мужик ведает свое дело» [Ливен, 1914, с. 87]. В. А. Канин в своем циркуляре предостерегал: «Я не хочу, чтобы эти мои указания вылились бы в “заигрывания” перед нижними чинами, которые тем самым могут получить уверенность, что беспорядками они достигли чего-то» [РГАВМФ, ф. 479, оп. 2, д. 514, л. 60 об].

Неслучайным представляется внимание к проблеме взаимоотношений офицеров и подчиненных в заметках командированного на британский флот капитана I ранга Г. К. фон Шульца. У англичан совместное участие в спортивных состязаниях офицеров и матросов было обычным. Это касалось как футбольных матчей, так и считавшегося до недавних пор уделом аристократов бокса. Участвовать в соревнованиях на равных условиях могли и нижние чины, и офицеры [Шульц, 2000, с. 9]. Позднее Г. К. Шульц отметил: «И в дальнейшем мне несколько раз приходилось быть зрителем на состязаниях в бокс на берегу и на судах. В последнем случае два корабля швартовались борт о борт, и их верхние палубы и мостики, мачты и даже трубы служили более или менее удобными местами для публики, весьма в этом отношении неизбалованной и непритязательной» [Там же, с. 9, 25, 26].

Тем самым и в этом вопросе представители русского командного состава оказались традиционалистами. Это создало дополнительные трудности в их взаимоотношениях с подчиненными в условиях начавшейся в феврале 1917 года революции. Печальной констатацией выглядит дневниковая запись русского представителя при британском флоте капитана II ранга С. А. Изенбека от 10 марта 1917 года. Получив известия из России, он размышлял: «Мои опасения оправдались: какая-то прореха была у нас во флоте <…> Единственно, чем я объясняю все, это то, что армия за годы войны демократизировалась, кадр офицеров изменил свой состав, стал по идеям ближе к солдатам, а во флоте кадр сохранился неприкосновенным, и отношения с командой остались прежние, то есть не обещающие ничего хорошего» [РГАВМФ, ф. 755, оп. 1, д. 6, л. 44 об].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, роль физического воспитания и спорта в годы Первой мировой войны на кораблях Балтийского флота была многофакторной. В период модернизации флота во второй половине XIX — начале XX веков физическое развитие воспринималось как элемент строевой и боевой подготовки. Это отразилось в первых специальных «Наставлениях», опубликованных на рубеже веков.

Реформа флота, обусловленная поражением в русско-японской войне, и радикальная позиция нижних чинов, занимаемая ими в годы революции 1905—1907 годов, привели ряд офицеров-новаторов к мысли о роли спорта как факторе более гармоничных взаимоотношений между командным и рядовым составом. Предпринимались и попытки дальнейшего развития системы физической подготовки. Однако официального признания, отраженного в нормативных документах, эти идеи не нашли. Инициатива, тем самым, отдавалась на откуп морским начальникам.

В годы Первой мировой войны командование Балтийским флотом в конце концов пришло к выводу о необходимости более глубокого и системного подхода к решению вопроса. Это было обусловлено осознанием роли свободного времени личного состава в повседневной службе моряков. Занятия спортом стал восприниматься как дело государственной важности. Однако начавшаяся революция прервала эти начинания.

Поэтому физическое воспитание и физическая подготовка в годы Первой мировой войны на кораблях Балтийского флота продолжали проводиться преимущественно в русле тех наработок, которые существовали еще на рубеже XIX—XX веков.

Существенное влияние на организацию и проведение занятий оказывало участие корабля в боевых действиях. В период кампаний (весна — осень) частота упражнений определялась частотой нахождения на базах. В зимние месяцы проведение гимнастики зависело от размещения команды (на корабле или в казарме).

Важной чертой представляется включение также гимнастики в комплекс строевых упражнений. Это, в свою очередь, делало ее частью служебной рутины. Купания проводились нерегулярно и преимущественно для команд крупных кораблей. Все это вместе взятое и объясняет практически полное отсутствие сведений о физическом воспитании в мемуарах и фотоисточниках, где фиксировались прежде всего яркие моменты.

Спортивные мероприятия, проводившиеся в свободное время военных моряков, оставили более заметный след в личных источниках. Они носили разнообразный характер и могли удовлетворять разным склонностям. Однако они оставались уделом инициативы отдельных командиров, не

CC BY

получив сколько-нибудь системной поддержки со стороны командования флотом. Как и в случае с гимнастикой, их проведение было связано как с обстановкой на театре военных действий, так и с возможностями и условиями на конкретных кораблях. По этим причинам экипажи миноносцев, тральщиков, подводных ложок оказывались в проигрышном положении по сравнению с командами крупных кораблей.

Физическое воспитание и спорт в целом не стали фактором укрепления солидарности тех команд, которые были регулярно в них вовлечены еще и потому, что офицеры не принимали в них участия вместе с подчиненными. В этом смысле кастовая разделенность, пережиток прошлого, проявляла себя и в этой составляющей повседневной службы, повлияв на дальнейшие отношения между офицерством и подчиненными в ходе революционных событий.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Вердеревский Д. Н.* Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению / Д. Н. Вердеревский. — Санкт-Петербург : Тип. Мор. мин-ва, 1907. — 289 с.

2. *Вердеревский Д. Н.* О воинском воспитании / Д. Н. Вердеревский // Морской сборник. — 1909. — № 1. — С. 48—68.

3. *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин / Б. П. Дудоров ; Предисл, библ. справочник А. К. Иоффе. — Санкт-Петербург : Облик : Вита, 1993. — 275 с. — ISBN 5-85976-001-9.

4. *Иванов Д. И.* Это было на Балтике : Воспоминания матроса / Д. И. Иванов. — Львов : Каменяр, 1965. — 228 с.

5. *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! / Д. И. Иванов. — Москва : Военное издательство, 1987. — 284 с.

6. *Известия* Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. — 1917. — 6 июня.

7. *Ливен А. А.* Дух и дисциплина нашего флота. Второе (посмертное) издание / А. А. Ливен. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1914. С. 90—95.

8. *Наставление* для обучения гимнастике во флоте. — Санкт-Петербург : Тип. Мор. м-ва, 1895. — 135 с.

9. РГАВМФ — *Российский* государственный архив военно-морского флота. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1419 ; Ф. 477. Оп. 1. Д. 158 ; Ф. 479. Оп. 2. Д. 805 ; Ф. 719. Оп. 1. Д. 9 ; Ф. 743. Оп. 1. Д. 45 ; Ф. 755. Оп. 1. Д. 6 ; Ф. 870. Оп. 1. Д. 55189, 57560, 57562, 57563, 56997, 60024 ; Оп. 6. Д. 9, 20, 77, 126, 57560 ; Ф. 902. Оп. 1. Д. 161, 162.

10. *Свод* военно-морских постановлений. Морской устав. — Санкт-Петербург : Тип. Морского м-ва, 1914. — Книга X. — 306 с.

11. *Финляндская* газета. — 1915. — 14 января ; 1916. — 1 марта.

12. ЦВММ — *Центральный* военно-морской музей. Фонд фотографий и негативов. № 033539. «Император Павел I», 1916—1917». № 54, 55, 56, 59, 65 ; № 039095 «Служба и быт на “Петропавловске”». №№ 22, 23.

13. *Шульц Г. К.* С английским флотом в мировую войну : Воспоминания представителя русского флота при английском Гранд Флите : (1915—1918 гг.) / Г. К. Шульц. — Санкт-Петербург : Боевые корабли, 2000. — 88 с. — ISBN 2000-00960-700.

14. *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний / Г. Н. Четверухин // Морской сборник. — 1990. — № 2. — С. 90—95.

15. *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса / И. Г. Энгельман. — Санкт-Петербург : Экон. типо-лит., 1908. — 311 с.

Литература

1. *Асташов А. Б.* Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции / А. Б. Асташов // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2017. — № 5 (26). — С. 71—91.

2. *Братцев А. А*. История физической культуры и физической подготовки армий : Курс лекций для слушателей Ин-та / А. А. Братцев, А. С. Булатов, В. М. Выдрин. — Ленинград : [б. и.], 1958. — 171 с.

3. *Булдаков В. П.* Забытые реалии Первой мировой: фронтовая обыденность / В. П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2022. — № 4 (64). — С. 22—42. — DOI: 10.26456/vthistory/2022.4.022-042.

4. *Зеликсон Е. Ю.* Очерки по истории физической культуры в СССР : От от мены крепостного права и развития пром. капитализма в России до Великой Октябр. соц. Революции (1861—1917 гг.) / Е. Ю. Зеликсон. — Москва : Ленинград : Физкультура и спорт, 1940. — 176 с.

5. *Зуб И. В.* Становление физической подготовки на флоте и появление комплексных соревнований по военно-прикладным видам спорта / И. В. Зуб, В. А. Курысь, А. В. Акименко // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 4 (71). — С. 48—50. — DOI: https://doi.org/10.17513/snt.38164.

6. *Зуб И. В.* Физическое воспитание и гребно-парусная подготовка в морских и мореходных учебных заведениях России / И. В. Зуб, В. А. Курысь, А. В. Акименко // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. — 2019. — Т. 14. — № 1. — С. 159—167. — DOI: 10.14526/2070-4798-2019-14-159-167.

7. *Канищев В. В.* Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны / В. В. Канищев, А. Н. Плужников // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 415—430.

8. *Мельников Р. М.* Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906—1925) / Р. М. Мельников. — Санкт-Петербург : Корабли и сражения, 2003. — 182 с.

9. *Мельников Р. М.* Линейный корабль «Император Павел I» (1906—1925) / Р. М. Мельников. — Самара : ИСТФЛОТ, 2005. — 136 с. — ISBN 5-98830-013-8.

10. *Павленко А. И.* Становление спорта на Рабоче-Крестьянском Красном флоте в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.) : диссертация … кандидата исторических наук : 00.00.00 / А. И. Павленко. — Воронеж, 2022. — 212 с.

11. *Павленко А. И.* Футбол на Рабоче-крестьянском Красном Флоте в годы Гражданской войны / А. И. Павленко // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. — 2020. — № 7 (9). — С. 114—119. — DOI: 10.5281/zenodo.3939716.

12. *Семенов В. Г.* История спортивно-массовой работы среди военнослужащих русской армии и военно-морского флота : 1855—1917 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Г. Семенов. — Москва, 2008. — 269 с.

13. *Семенов В. Г.* О физической подготовке на флоте / В. Г. Семенов // Морской сборник. — 2008. — № 2 (1932). — С. 38—41.

14. *Федорин С. В.* Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. — 1914 г.) : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Федорин. — Санкт-Петербург, 2002. — 33 с.

15. *Федорин С. В.* Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. — 1914 г.) : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Федорин. — Санкт-Петербург, 2002. — 42 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 18.09.2025.

Material resources

Chetverukhin, G. N. (1990). Flashes of memories. *Marine collection, 2:* 90—95. (In Russ.).

Dudorov, B. P. (1993). *Admiral Nepenin.* Saint Petersburg: Oblik: Vita. 275 p. ISBN 5-85976-001-9. (In Russ.).

Engelman, I. G. (1908). *Education of a modern soldier and sailor.* St. Petersburg: Ekon. tipolit. 311 p. (In Russ.).

Ivanov, D. I. (1965). *It was in the Baltic: Memoirs of a sailor.* Lviv: Kamenyar Publ. 228 p. (In Russ.).

Ivanov, D. I. (1987). *I am a sailor of the Gangut!* Moscow: Military Publishing House. 284 p. (In Russ.).

Lieven, A. A. (1914). *The spirit and discipline of our fleet. Second (posthumous) edition.* St. Petersburg: [b. i.]. 90—95. (In Russ.).

Manual for teaching gymnastics in the Navy. (1895). St. Petersburg: Tip. Mor. m-va. 135 p. (In Russ.).

Proceedings of the Helsingfors Council of Deputies of the Army, Navy and Workers. June 6. (1917). (In Russ.).

RGAVMF — *Russian State Archive of the Navy.* (In Russ.).

Schultz, G. K. (2000). *With the British Fleet in the World War: Memoirs of a representative of the Russian Fleet at the English Grand Fleet: (1915—1918).* St. Petersburg: Warships. 88 p. ISBN 2000-00960-700. (In Russ.).

The Code of Naval Regulations. The Maritime Charter, X. (1914). St. Petersburg: Type. Marine Museum. 306 p. (In Russ.).

The Finnish newspaper. January 14; March 1. (1915, 1916). (In Russ.).

TsVMM — *Central Naval Museum. A collection of photographs and negatives.* (In Russ.).

Verderevsky, D. N. (1907). *The causes of the decline of the personnel of our fleet and the ways to its revival.* Saint Petersburg: Tip. Mor. Min. 289 p. (In Russ.).

Verderevsky, D. N. (1909). On military education. *Marine collection, 1:* 48—68. (In Russ.).

References

Astashov, A. B. (2017). Everyday life of reserve Guard battalions on the eve of the February Revolution. *Bulletin of the Russian State University of Civil Engineering. Series:*

(In Russ.). History. Philology. Cultural studies. Oriental studies, 5 (26): 71—91. (In Russ.).

Brattsev, A. A. (1958). *History of physical culture and physical training of armies: A course of lectures for students of the Institute.* Leningrad: [b. i.]. 171 p. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2022). The forgotten realities of the First World War: front-line routine. *Bulletin of Tver State University. Series: History, 4 (64):* 22—42. DOI: 10.26456/vthistory/2022.4.022-042. (In Russ.).

Fedorin, S. V. (2002). *The state system of physical education in the Russian army and Navy (the second half of the 19th century — 1914).* Doct. Diss. St. Petersburg. 33 p. (In Russ.).

Fedorin, S. V. (2002). *The state system of physical education in the Russian army and Navy (the second half of the 19th century — 1914).* Doct. Diss. St. Petersburg. 42 p. (In Russ.).

Kanishchev, V. V., Pluzhnikov, A. N. (2024). Leisure and festive events in the Russian army on the fronts of the First World War. *Nauchnyj dialog, 13 (1):* 415—430. (In Russ.).

Melnikov, R. M. (2003). *The battleship "Andrei Pervozvanny" (1906—1925).* St. Petersburg: Ships and Battles. 182 p. (In Russ.).

Melnikov, R. M. (2005). *The battleship "Emperor Paul I" (1906—1925).* Samara: EASTFLOT. 136 p. ISBN 5-98830-013-8. (In Russ.).

Pavlenko, A. I. (2020). Football in the Workers' and Peasants' Red Fleet during the Civil War. *Bulletin of socio-economic and humanitarian research, 7 (9):* 114—119. DOI: 10.5281/zenodo.3939716. (In Russ.).

Pavlenko, A. I. (2022). *The formation of sports in the Workers' and Peasants' Red Fleet in the early years of Soviet power (1917—1921)*. PhD Diss. Voronezh. 212 p. (In Russ.).

Semenov, V. G. (2008). On physical training in the navy. *Marine collection, 2 (1932):* 38—41. (In Russ.).

Semenov, V. G. (2008). *The history of mass sports work among the military personnel of the Russian army and Navy: 1855—1917.* PhD Diss. Moscow. 269 p. (In Russ.).

Zelikson, E. Y. (1940). *Essays on the history of physical culture in the USSR: From the exchange of serfdom and the development of industry. capitalism in Russia before the Great October Revolution. Revolutions (1861—1917).* Moscow: Leningrad: Physical Culture and Sport. 176 p. (In Russ.).

Zubov, I. V., Kurys, A. V., Akimenko, A. V. (2018). The formation of physical training in the Navy and the emergence of complex competitions in military-applied sports. *The world of science, culture, and education, 4 (71):* 48—50. DOI: https://doi.org/10.17513/snt.38164. (In Russ.).

Zubov, I. V., Kurys, A. V., Akimenko, A. V. (2019). Physical education and rowing and sailing training in marine and maritime educational institutions of Russia. *Pedagogical, psychological, and biomedical problems of physical culture and sports, 14 (1):* 159—167. DOI: 10.14526/2070-4798-2019-14-159. (In Russ.).

The article was submitted 16.03.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 18.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Бережнов А. И. Индия на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в XVIII веке / А. И. Бережнов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 373—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-373-391.

Berezhnov, A. I. (2025). India in Pages of "St. Petersburg Vedomosti" in 18th Century. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 373-391. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-373-391. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Индия на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в XVIII веке

Бережнов Андрей Игоревич
orcid.org/0000-0001-8329-0549
преподаватель, кафедра всемирной и отечественной истории
a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

India in Pages of "St. Petersburg Vedomosti" in 18th Century

Andrei I. Berezhnov
orcid.org/0000-0001-8329-0549
lecturer, Department of World and National History
a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

© Бережнов А. И., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу образа Индии на страницах первой российской периодической газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В качестве материалов привлекаются выпуски газеты за период с 1728 по 1781 годы, которые были оцифрованы и размещены в открытом доступе Библиотекой Российской академии наук. На основе этих данных автором была подсчитана периодичность новостей об Индии, выделены ключевые тематики новостей и определены основные источники этой информации. Автор приходит к выводу о том, что в XVIII веке информация об Индии регулярно печаталась в «Санкт-Петербургских ведомостях». Доказано, что главным источником сведений об Индии были сообщения, получаемые через Европу. Для анализа тематики новостей было выделено 9 смысловых блоков. Показано, что в указанный период у российского общества могли сложиться общие представления о внешней политике западноевропейских держав, в частности Великобритании и Франции, на Индостане, о торговле с этим регионом и деятельности Ост-Индских компаний. Автор утверждает, что традиции, культура и быт индийцев практически не описываются в газете. Подчеркивается, что сведения об Индии могли иметь ошибки и неточности, а также содержать необъективные оценки событий, заимствованные у европейцев.

Ключевые слова:
Российская империя; образ Индии в русской газете; Санкт-Петербургские ведомости; имагология; международные отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the representation of India in the first Russian periodical newspaper, the St. Petersburg Vedomosti. The study draws on issues of the newspaper published between 1728 and 1781, which have been digitized and made publicly accessible by the Library of the Russian Academy of Sciences. Based on this data, the author calculates the frequency of news articles about India, identifies key thematic areas, and determines the primary sources of this information. The findings indicate that during the 18th century, information about India was regularly published in the St. Petersburg Vedomosti. It is established that the main source of information regarding India was news received through Europe. For thematic analysis, nine semantic blocks were identified. The study demonstrates that during this period, Russian society may have formed general perceptions of the foreign policies of Western European powers, particularly Great Britain and France, concerning Hindustan, trade with this region, and the activities of East India Companies. The author asserts that traditions, culture, and daily life of Indians were scarcely described in the newspaper. It is emphasized that the information about India could contain errors and inaccuracies, as well as biased evaluations of events borrowed from European perspectives.

Key words:
Russian Empire; image of India in Russian newspapers; St. Petersburg Vedomosti; imagology; international relations.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94 (54+410+44):070(47)“17”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-373-391

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Индия на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в XVIII веке

© Бережнов А. И., 2025

1. Введение = Introduction

XVIII век ознаменовался радикальными переменами в России. Реформы Петра I привнесли новшества во все сферы жизни общества. В стороне не осталось и печатное дело. За время правления этого государя вводится гражданский шрифт, резко увеличивается количество типографий, начинает активно издаваться литература на иностранных языках, а также русские газеты и журналы.

Газеты становятся доступными для общественности, а не только для царя и узкого круга приближенных к нему лиц, как это было в XVII веке при составлении в Посольском приказе «Курантов». Хотя первоначально тираж первой газеты «Ведомости» был очень скромным и издавалась она нерегулярно, именно при Петре I сформировалась система сбора информации, сложились правила цензурирования и редактуры, что впоследствии было использовано при создании «Санкт-Петербургских ведомостей» [Старкова, 2010, с. 51—52].

До появления «Московских ведомостей» в 1756 году «Санкт-Петербургские ведомости» были единственным по-настоящему периодическим изданием в стране. Изучая материалы этой газеты, можно понять, какую информацию о событиях в мире получали российские государственные органы и представители социальной элиты, читающие это издание.

Главной целью исследования является анализ образа Индии в «Санкт-Петербургских ведомостях» в XVIII веке. Несмотря на свою удаленность от России, Индостан занимал важное место во внешней политике Российской империи. Практически все российские правители XVIII века держали этот регион в поле своих интересов и стремились развивать с ним торговые связи. Но какие идеи стояли за теми или иными внешнеполитическими инициативами? Какие представления об Индии были у лиц, при-

нимающих решения? На эти и другие вопросы позволит ответить данное исследование.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В российской исторической науке найдётся немного исследований, посвященных изучению материалов «Санкт-Петербургских ведомостей» не только за XVIII век, но и за всё время их существования. В рамках отечественной науки до сих пор не предпринималось системных исследований особенностей репрезентации Индии в публикациях данной газеты.

В научных работах, выполненных на основе материалов «Санкт-Петербургских ведомостей», рассматриваются преимущественно события англо-французского соперничества середины XVIII века. Особенностями освещения данного противоборства в Карибском бассейне в 1749—1753 годах занималась К. П. Артеменкова [Артеменкова, 2019], а в Северной Америке — Ю. Г. Акимов [Акимов, 2004]. С. В. Доля [Доля, 2023] изучил описание Семилетней войны на страницах газеты.

Большой вклад в исследование выпусков «Санкт-Петербургских ведомостей» XVIII века внес А. М. Чеботарев [Чеботарев, 2006; Чеботарев, 2007], который проанализировал значение этой газеты в информационном пространстве Российской империи, а также рассмотрел особенности рекламных материалов на страницах издания.

С. Ю. Нечаев, А. В. Прохоренко [Нечаев и др., 2022], А. П. Киселев [Киселев, 1990] и Г. Е. Галкин [Галкин, 2017] изучали изобразительные материалы в газете. Лингвистический анализ текстов провели А. А. Малышев [Малышев, 2012] и И. Ю. Кукса [Кукса, 2012]. Приложения к газете «Санкт-Петербургские ведомости» исследовала Л. Э. Базанова [Базанова, 1985]. Д. Ю. Шерих охарактеризовал историю периодического издания с момента его учреждения до современности [Шерих, 2018].

Новые возможности перед исследователями открывает проект Библиотеки Российской академии наук (РАН) по оцифровке и обработке выпусков ведомостей. С 1987 года были размещены в открытом доступе номера газеты за 1728, 1729, 1731—1741, 1748, 1751, 1753, 1754, 1756, 1758, 1763, 1764, 1767, 1769—1772, 1776—1781 годы (за исключением некоторых номеров и отдельных страниц), а для выпусков с 1728 по 1781 годы был составлен именной указатель.

Благодаря проведенной Библиотекой РАН работе стало возможным использовать эти материалы для изучения информации об Индии на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» за указанный период. Для сбора и обработки результатов применялась специализированная программа MAXQDA.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Место газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в российском информационном пространстве в XVIII веке

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» была первым российским периодическим изданием, которое выпускалось под эгидой Академии наук с 1728 года. Она выходила два раза в неделю по почтовым дням. В среднем за год получалось 104—105 номеров.

«Санкт-Петербургские ведомости» во многом унаследовали практику предшествовавших им изданий. Ранее Коллегией иностранных дел (КИД) издавалась газета «Ведомости», но она выходила нерегулярно с большими интервалами. Тем не менее она заложила основы для появления «Санкт-Петербургских ведомостей». Тесная связь с КИД позволяла не только перепечатывать сообщения из иностранных газет, но и пользоваться донесениями представителей русского дипломатического корпуса за рубежом [Сводный каталог …, 1966, с. 9].

Получение информации от правительственных органов облегчил указ Сената от 1 мая 1728 года, который гласил: «Как из Сената, так и из Штатских Коллегий и Канцелярий и Контор о принадлежащих к ведению народному публичных делах, кроме секретных и не подлежащих к народному известию, ведомости для печатания в газеты посылать в Академию Наук» [ПСЗРИ, т. 8, с. 36]. Но все равно порою использовались при написании текста устные донесения и даже слухи [Чеботарев, 2006, с. 123].

Последнее было использовано как предлог к постепенному ужесточению государственного контроля над изданием. В 1742 году все выпуски должны были печататься «с апробации Сенатской Конторы» [ПСЗРИ, т. 11, с. 588]. В 1744 году для этого была создана Ведомостная экспедиция, которая отвечала за издание газеты. С 1751 года любая информация о «происхождениях» при императорском дворе требовала согласования с Кабинетом её императорского величества и императрицей Елизаветой Петровной [ПСЗРИ, т. 13, с. 534]. С 1780 года, уже при Екатерине II, на печатные органы Российской империи накладывались дополнительные ограничения на публикацию сенатских указов [ПСЗРИ, т. 20, с. 931]. При Павле I цензура ещё больше ужесточилась. С мая 1798 года вся ввозимая в Россию литература подлежала обязательной проверке у цензоров на предмет вредных идей, «оскорбляющих закон Божий, верховную власть и общее устройство» [ПСЗРИ, т. 25, с. 247—248].

Тираж «Санкт-Петербургских ведомостей» был небольшой, но и он полностью не распродавался и расходился только среди правительственных органов и заинтересованных лиц. В конце 1720-х годов печаталось 750—800 экземпляров газеты, в январе 1746 года из-за небольших продаж

CC BY

тираж был уменьшен до 220 [ПСЗРИ, т. 8, с. 53, 61]. С распространением идей Просвещения в российском обществе возрастал интерес к чтению, и к 1760-м годам ситуация с востребованностью газеты постепенно улучшилась. Количество экземпляров увеличилось до одной тысячи [Чеботарев, 2006, с. 124]. Иногда газеты так хорошо расходились, что даже приходилось их допечатывать.

Война с Турцией в 1768—1774 годах привлекла ещё больше читателей. Но «Санкт-Петербургские ведомости» были доступны только в северной столице или по подписке, поэтому в мае 1769 года Сенатом был издан указ «О печатании при Сенате о военных действиях реляций, для рассылки во все Губернии, Провинции и города», в котором отмечалось, что выпуски санкт-петербургских газет не доходят до многих городов Российской империи, в связи с чем население не знает об успехах России в войне против Турции [ПСЗРИ, т. 18, с. 896]. Для решения этой проблемы Сенат перепечатывал издания Академии Наук и рассылал их по стране.

В итоге во время войны тираж колебался от 1000 до 2000 экземпляров, а после неё временно упал до 800—900 [Сводный каталог …, 1966, с. 90—95]. К концу столетия он достиг почти трех тысяч [Сводный каталог …, 1966, с. 112], что говорит о росте рынка книгопечатной продукции в России в связи с распространением просветительских идей. Тем не менее для многомиллионного населения страны, в которой 6 % мужчин и 4 % женщин умели читать [Миронов, 1996, с. 38], такие значения явно говорили не в пользу популярности данной газеты среди широких слоев населения. И всё же это не значит, что «Санкт-Петербургские ведомости» не оказывали влияния на российское общество. Среди их читателей были императоры и императрицы, члены их семей, высокопоставленные должностные лица, от чьих решений зависела судьба страны.

Вместе с тиражом постепенно увеличился объем номеров: с четырех страниц в конце 1720-х до сорока страниц к концу XVIII века [Акимов, 2004, с. 11]. В газете печатались сообщения российских ведомств, публиковались списки награжденных, донесения о победах русских войск, информация о торжествах, аудиенциях и бракосочетаниях. На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» можно было найти сведения о всех частях света, странах и народах, известных европейцам в XVIII веке. Это дает уникальную возможность проследить, как формировался образ Индии в сознании читателя данной газеты.

3.2. Образ Индии на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» с 1728 по 1781 годы

В XVIII веке европейцы получали знания о далеких землях от торговых компаний, путешественников и участников различных экспедиций.

CC BY

В этот период именно они выступали связующим звеном для всего земного шара. В связи с этим в построение картины мира был заложен европоцентризм, в частности, географическое положение других стран и народов определялось относительно Европы.

Такого позиционирования Европы в мире не удалось избежать и в «Санкт-Петербургских ведомостях», тем более что в их редакции работало немало иностранцев, в особенности выходцев из германских земель. Информация из западноевропейских источников и от корреспондентов указанного происхождения составляла немалую часть сведений, попадавших на страницы газеты.

С XVII века русские люди имели общее представление об Индии [Малышев, 2012, с. 70]. Но слово «Индия» употреблялось не совсем так, как в настоящее время, и имело гораздо более широкое применение. Часть Северной Америки и острова Карибского бассейна назывались Вест-Индией или Западной Индией [Санкт-Петербургские ведомости, 1771, № 78, с. 4]. Этот регион могли также именовать Южной Индией: «Через Бристоль получено известие, что испанцы в Южной Индии вновь 2 английских корабля отняли, которые из Куракао (Кюрасао) в Виргинию шли» [Санкт-Петербургские ведомости, 1734, № 75, с. 5]. Для обозначения полуострова Индостан, Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии использовалось название *Ост-Индия* или *Восточная Индия*. Иногда в новостях могли опускать стороны света и просто писать: *Индия* [Санкт-Петербургские ведомости, 1748, № 97, с. 6; Санкт-Петербургские ведомости, 1777, № 75, с. 6].

Не обходилось без ошибок. Например, в выпуске от 26 июля 1748 года южноамериканская река Суринам была отнесена к Восточной Индии. Заголовок статьи гласил: «*Перечень письма, писанного на судне, выходящем из Восточной Индии, называемом Рист и Верк, на реке Суринам 30 апреля*» [Санкт-Петербургские ведомости, 1748, № 60, с. 1].

В связи с таким использование слова *Индия* стоит уточнить, что в данной статье исследуется только образ Индостана на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». Все другие регионы не рассматривались, хотя в редких случаях при подборе материалов возникали некоторые трудности с определением, про какую же Индию идет речь.

Оценки событий и значимых индийских персон, которые мы находим в текстах газеты часто были созвучны оценкам, высказанным в западноевропейской прессе того времени. Например, в выпуске от 18 августа 1769 года сообщалось: «*К великому нашему увеселению получили мы известие, что разпространившийся здесь слух, будто бы Гидер Али взял крепость Мадрас, со всем не основателен…*» [Санкт-Петербургские ведомости, 1769, № 66, с. 2]. Хайдар Али являлся де-факто правителем княжества

CC BY

Майсур с 1761 по 1782 годы и был одним из главных противников англичан в Индии во второй половине XVIII века. В связи с этим у него был образ жесткого и коварного правителя, который отрубал пленным руки и убивал мирных жителей. В ведомостях на манер западноевропейской прессы про него писали исключительно в негативном ключе [Санкт-Петербургские ведомости, 1781, № 87, с. 4].

Иногда в газете могла даваться противоречивая информация. В частности, это касается Маратхской империи. В августе 1771 года было напечатано: «*Мараты не так страшны, как воины; однако по причине чинимых ночью нападений должно их опасаться так, как грабителей*» [Санкт-Петербургские ведомости, 1771, № 61, с. 2]. Через год появилась совсем другая характеристика: «*Войско Маратов довольно искусно, и они столь страшные неприятели, каких Англичане по сие время в Индостане еще не имели*» [Санкт-Петербургские ведомости, 1772, № 62, с. 2].

В ходе исследования автором было проанализировано более 700 оцифрованных выпусков «Санкт-Петербургских ведомостей» за период с 1728 по 1781 годы. Несмотря на то, что в XVIII веке Индию могли посещать только российские офицеры, находящиеся на стажировке на английском флоте, а также единичные российские путешественники, например Г. С. Лебедев, сведения об Индии занимают важное место на страницах «Ведомостей». Сообщения об Индии или деятельности Ост-Индийских компаний встречаются приблизительно в 23 % выпусках за указанный период, а в некоторые годы этот регион упоминается еще чаще, например, в 1773 году — в каждом втором номере. Для сравнения: про Великобританию и Францию писали в практически каждом выпуске, за некоторым исключением, а про Китай выходили редкие заметки (всего 227 упоминания по именному указателю, около 4 % всех выпусков с 1728 по 1781 годы) [Электронная библиотека].

Если рассматривать динамику размещения новостей об Индии, то можно отметить небольшое увеличение числа публикаций о ней в «Санкт-Петербургских ведомостях» к 1780-м годам (рис. 1). Высокая частота упоминания Индии в выпусках в начале 1730-х годов была обусловлена прежде всего большим интересом в Европе к торговле с этим регионом. Огромные прибыли, которые получали Великобритания, Нидерланды и Франция, побуждали другие державы стремиться создать в Ост-Индии собственные колонии. В 1720—30-х годах основные сообщения об Индии были посвящены обсуждению проектов по учреждению новых торговых компаний в Священной Римской империи, Швеции и Дании, а главное — информации о прибытии в европейские порты кораблей с богатыми грузами: «Третьего дня получила Ост-Индийская компания приятную ведо-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

мость, что в Портсмут и другие морские гавани 7 богато нагруженных кораблей из Ост-Индии назад прибыли» [Санкт-Петербургские ведомости, 1729, № 76, с. 2].

Указанный на графике (рис. 1) небольшой пик числа «индийских сюжетов» в 1740 году обусловлен описаниями похода иранского правителя Надир-шаха в Индию в 1738—1740 годы. В выпуске от 15 февраля 1740 года подробно рассказывалось о богатствах, которые завоеватель вывез из Империи Великих Моголов: «Надыр Шах взятием города Дели, такое сокровище получил, которое почти еще ни одному из победителей в руки не доставалось. Сие богатство по общему уведомлению во ста семидесяти миллионов фунтов стерлингов серебряных денег состоит…» [Санкт-Петербургские ведомости, 1740, № 14, с. 4].

Подъемы показателей на графике (рис. 1) в 1740—1760-х годах связаны с тремя Карнатикскими войнами (первая (1746—1748), вторая (1749—1754) и третья (1757—1763)), ознаменовавшими военное противостояние Великобритании и Франции в Индии. После потери французами большинства колоний в Индии основными противниками англичан в Индии стали Майсур и Маратха. С Майсуром у Великобритании было четыре войны (Первая война (1767—1769), Вторая война (1780—1784), Третья война (1790—1792) и Четвёртая война (1799)), а с Маратхой — три ((Первая война (1775—1782), Вторая война (1803—1805), Третья война (1817—1819)). Эти конфликты нашли отражение на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (рис. 1). Резкое увеличение публикаций в конце изучаемого периода объясняется англо-французской войной 1778—1783 годов, последовавшей за началом борьбы за независимость в США.

Для изучения изменения тематики новостей об Индии в оцифрованных выпусках за 1728, 1729, 1731—1741, 1748, 1751, 1753, 1754, 1756, 1758, 1763, 1764, 1767, 1769—1772, 1776—1781 годы было выделено 9 смысловых блоков:

— военные конфликты (32 % от всех новостей об Индии);
— отправка и подготовка кораблей (28 %);
— Ост-Индские компании в Европе и их товары (23 %);
— прибытие кораблей из Индии (18 %);
— переговоры и их результаты (14 %);
— пиратство (4 %);
— крушения, болезни и другие бедствия (3 %);
— миссионеры и путешественники (2 %);
— разное (5 %).

Данные категории могли пересекаться, если несколько из них подходили под тематику новости.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

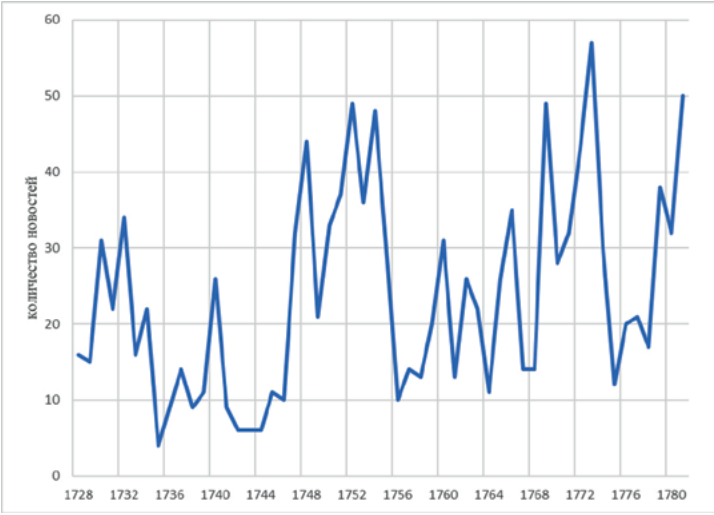

Рис 1. Новости с именным указателем «Индия» в 1728—1781 годы, количество выпусков (составлено автором по именному указателю «Санкт-Петербургских ведомостей»)

Как можно заметить, подавляющее число новостей было связано с международными отношениями, войнами и подготовкой к ним, а также торговлей (рис. 2).

Рис. 2. Тематика сообщений об Индии в оцифрованных выпусках газеты «Санкт-Петербургские ведомости», количество новостей (составлено автором на основе анализа оцифрованных выпусков «Санкт-Петербургских ведомостей»)

CC BY

О самих индийцах на страницах газеты писалось очень мало в отличие от информации о европейской придворной жизни, праздниках и европейских курьёзах вроде вымышленных морских чудищ или «женщин-обезьян». (В 1731 году была заметка: «Найденная во Франции женщина есть зело хорошая обезьяна, которая пред несколькими годами от Дука де Виллеруа ушла, но помянутой женщине так подобна была, что разность между ими токмо по учинённом подлинном осмотрении изобретена» [Санкт-Петербургские ведомости, 1731, № 94, с. 3]. В декабрьском номере 1737 года описывалось выловленное рыбаками двуногое морское чудовище, у которого «рот и нос совершенно так, как у человека, только что у него хвост подобно как у лососи» [Санкт-Петербургские ведомости, 1737, № 98, с. 4].) Такого рода сообщения об Индии встречались крайне редко.

В категорию «военные конфликты» вошли описания боевых действий на суше и на море, сообщения о территориальных захватах и состоянии вооруженных сил. Например, в номере от 19 февраля 1751 года сообщалось: «…принявшей титул Набоба по убитии пожалованного Набобом от Великого Могола и по разбитии его армии завладел многими городами и провинциями, что великое число Французов в его службу вступило, и потому он весьма страшен становится» [Санкт-Петербургские ведомости, 1751, № 15, с. 4].

Новости, отнесенные к следующим трем смысловым блокам, имеют лишь косвенное отношение к Индии, поскольку затрагивают внутренние дела Ост-Индских компаний, касающихся их уставов, акций и переговоров с правительствами, а также сообщают о прибытии и отбытии кораблей. Так, из Лондона в июне 1769 года пришла новость: «Ост-Индские суда приходят ныне одно за другим, а при том и с весьма богатыми товарами… в протчем, хотя из Ост-Индии не получено никаких печальных известий: однако при всем том цена акциям компанейского капитала состоит еще по прежнему, то есть от 236 до 241. Назначенным туда и с поспешностью вооружаемым флотом командовать будет, как слышно, командор Эдвард…» [Санкт-Петербургские ведомости, 1769, № 53, с. 5].

В «Санкт-Петербургских ведомостях» также подробно излагались положения мирных договоров и ход переговоров. В выпуске от 30 августа 1751 года из Лондона были получены известия о трактате французов с низамом Хайдарабада Музаффар Джангом: «...по силе оного уступил им (французам) одиннадцать городов, позволяя им притом отправлять в оных римскую Католическую веру… назначен также господин Дупле (Ж. Ф. Дюплекс — французский генерал-губернатор в Индии в 1742—1754 годах. — *А. Б.*), губернатор в Пондишери, Набодом или Генералиссимусом Голгондского государства… По семуж трактату должен как помянутой Занзал, так

CC BY

и его потомки ежегодно платишь Французским Офицерам в Пондишери 120000 золотых рупиев, 100000 серебреных рупиев бедным, и 100000 серебреных же рупиев управителям и солдатам» [Санкт-Петербургские ведомости, 1751, № 70, с. 3]. Стоит отметить, что в именах и географических названиях могли быть большие неточности и разные варианты написания. Сведения в «Санкт-Петербургские ведомости» могли приходить из недостоверных источников, иногда публиковались слухи и устные сообщения. Искажения также происходили из-за неправильности перевода на русский язык. Здесь под именем *Занзал* имеется в виду Музаффар Джанг (низам Хайдарабада в 1750—1751 годах).

Другие тематики занимают малую часть среди новостей об Индии в ведомостях (менее 5 %). В категории «пиратство» были выделены новости о деятельности маратхских адмиралов рода Ангре в 1730—1750-х, а также сообщения о захвате кораблей каперами, которых охотно нанимали европейские державы во время своих войн. В отдельный блок были вынесены сообщения о кораблекрушениях, потерях среди личного состава во время плавания и голод в британской Бенгалии в 1769—1773 годах.

Крайне ценные сведения о культуре, религии и традициях индийцев попадали в Европу через миссионеров. В «Санкт-Петербургских ведомостях» печатали сообщения, приходившие от датской миссии в Транкебаре, располагавшейся недалеко от Мадраса и существовавшей с 1620 по 1845 годы. В их донесениях индийцы назывались язычниками и идолопоклонниками. Особенно шокирующим были описания обряда сати, которые дважды встречаются газете за исследуемый период. В 1729 году англичане стали свидетелями похорон одного из местных правителей на Малабарском побережье: «Жители оного Королевства убили сего утра 5 из Королевских супруг, а сего дня в полдень. имеют еще 10 других Королевских супруг с некоторыми невольниками убиты быть, причем довольно удивится невозможно, с какою охотою оные по смерти их супруга свою жизнь смерти предают» [Санкт-Петербургские ведомости, 1729, № 72, с. 1]. В феврале 1751 года были напечатаны похожие известия о сожжении вдов: «некоторые из них оказывали довольное великодушие, а другие испужались и побледнели. Особливо одна была всех прочих гораздо боязливее, расхаживая она, обняла одного из смотрителей, которой был Христианин, и просила его ее избавить, но того учинить не можно было, после чего сия бедная брошена тотчас в горящей сруб» [Санкт-Петербургские ведомости, 1751, № 14, с. 4].

В 1769 году миссионеры сообщали о попытке детоубийства — инфантицида, который был распространенным явлением в Индии до начала XIX века: «…от чернотелых родителей родились два совершенно белотелые младенца. Родители хотели было сих младенцев лишишь жизни отчасти по

CC BY

тому, что Малабарцы имеют отвращение от белого тела, а отчасти что они почитают сие за худое предзнаменование для той семьи, в которой родятся белотелые дети, но им возпрепятствовали произвесть безчеловечное сие намерение в действо» [Санкт-Петербургские ведомости, 1769, № 92, с. 4].

Знания европейцев об индийской культуре не были глубокими, о чем говорит заметка от 24-го апреля 1772 года: «Мараты суть старинные жители Индии, и составляют в сей стране весьма многолюдной и сильной народ. Они ни Магометане, ни Христиане, но гимнософисты, и много держатся Платоновой философии» [Санкт-Петербургские ведомости, 1772, № 33, с. 2]. Интересно, что даже в XVIII веке продолжали сохраняться ренессансные традиции описания и восприятия информации, даже касательно Индии, через образы античности, часто с опорой на античных авторов. Так, название «гимнософисты» использовалось для обозначения «голых» индусских философов и аскетов ещё со времен похода Александра Македонского в Индию в 327 году до н.э.

Среди заметок об Индии встречаются также упоминания об индийских путешественниках и посланниках в Европе. В 1741 году рассказывали о «индейском» принце, который обманом представился «племянником Великого Могола» и катался по европейским странам, обещая распространить католичество у себя на родине в обмен на получение вознаграждения [Санкт-Петербургские ведомости, 1741, № 83, с. 1]. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось дело о приезде в Россию в 1734 году «индийского султана» Джина-Ахмеда [АВПРИ, ф. № 56, 1734, оп. 1, д. 3., л. 1.], но про него не написали в «Санкт-Петербургских ведомостях».

В раздел «Разное» вошли новости о традициях и обычаях индийцев, животном и растительном мире, сообщения об аресте и следствии в отношении французского командора Б. Лабурдонне, доклады о попытках Египта во второй половине XVIII века организовать торговлю с Индией и другие известия. Учитывая европоцентричное повествование газеты, описания животных и растений из Индии были связаны с созданием «зверинцев» и оранжерей при дворах европейских правителей: «В прошедшую субботу получил Его величество в здешней сад (*примечания автора*: новость была из Дрездена) ещё различных Индианских зверей, а именно куриц, обезьян и морских кошек» [Санкт-Петербургские ведомости, 1733, № 2, с. 2].

Отдельно в этой категории стоит выделить заметки о злоупотреблениях англичан в Индии, которые появляются в газете с 1760-х годов: «В Англии не могут себе представить, какими способами сей Губернатор в короткое время так разбогател. Считают, имения его по крайней мере до миллиона 200000 фунтов стерлингов… Из сего весьма легко отгадать можно, что причину подало к произшедщим в тамошних местах безпокойствам

поныне еще продолжающихся» [Санкт-Петербургские ведомости, 1764, № 19, с. 3—4]. В данном отрывке речь идет о Г. Ванситтарте, который был Президентом Залива, губернатором и главнокомандующим Форт-Уильям в Бенгалии в 1759—1764 годах.

Деятельность англичан в Индии и их баснословные прибыли вызывали большой интерес в российском обществе. Известный российский деятель эпохи Просвещения Н. И. Новиков написал несколько заметок об этом для прибавлений к Московским ведомостям в 1783—1784 годы [Глазами друзей …, 1957, с. 53—82].

Подавляющее количество новостей об Индии приходило в Россию через Великобританию, а именно из Лондона (рис. 3). На втором месте находился Париж, за которым следовали такие портовые города, как Гаага, Амстердам, Лиссабон, Копенгаген и другие. Это было связано с тем, что английские газеты гораздо больше публиковали сообщений о своих делах в колониях, чем французские, к тому же другие издания их могли перепечатывать [Артеменкова, 2019, с. 60].

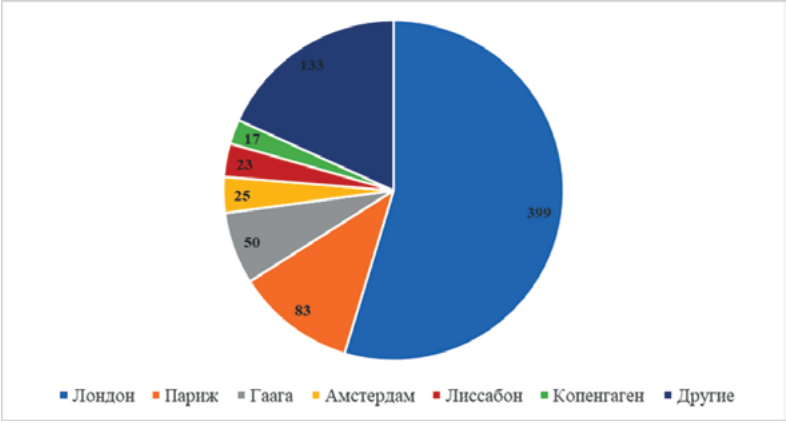

Рис. 3. Источники информации об Индии по городам в оцифрованных выпусках «Санкт-Петербургских ведомостей», кол-во новостей
(составлено автором на основе анализа оцифрованных выпусков «Санкт-Петербургских ведомостей»)

Одним из главных источников, сообщавших о международных событиях в «Санкт-Петербургских ведомостях», была Коллегия иностранных дел. Согласно её штатному расписанию от 1779 года, на постоянной основе российские дипломатические представители находились в следующих городах: Варшава, Вена, Париж, Мадрид, Лиссабон, Неаполь, Лондон, Дрезден, Гага,

CC BY

Амстердам, Регенсбург, Берлин, Копенгаген, Стокгольм, Гамбург, Эйтин, Митава, Гданьск, Венеция, Константинополь (консулы были только в Италии, Эльче, Смирне, Синопе, на Архипелаге и Дарданеллах) [ПСЗРИ, т. 44, с. 164—165]. Это объясняет новостную тематику и особенности освещения событий на Индостане в «Санкт-Петербургских ведомостях». На момент принятия этого расписания российские постоянные дипломатические представительства в Азии были только в Османской империи.

Несмотря на то, что в России ещё с XVII века существовал индийский двор в Астрахани и велась торговля с Индией через Иран, Хиву и Бухару, сведения из тех мест могли не доходить до редакции газеты. За исследуемый период были найдены только две новости об Индии российского происхождения. В 1751 году сообщалось о крещении индийца в Санкт-Петербурге [Санкт-Петербургские ведомости, 1751, № 37, с. 5], а в 1780 году написали о том, что в Санкт-Петербургском медицинском ботаническом саду было выращено «самодвижущееся растение» из Восточной Индии [Санкт-Петербургские ведомости, 1780, № 60, с. 7]. Таким образом, в XVIII веке российская аудитория газеты практически всю информацию об Индии получала через Европу.

Помимо городов, в «Санкт-Петербургских ведомостях» указывалось, когда была получена данная информация. Это позволяет проследить, как быстро попадали сведения из Европы в Россию. В среднем промежуток между появлением сообщения и его публикацией в ведомостях для Амстердама и Гааги составлял 1—2 недели, Парижа и Лондона — 2—3 недели, Копенгагена — 3—4 недели, Лиссабона — 4—5 недель, Константинополя — около 2 месяцев. К этому сроку стоит ещё добавить время, которое требовалось, чтобы доставить новости из Индии. Так, сведения о походе Надир-шаха из писем из индийского города Сурата от 12 апреля 1739 года были напечатаны в номере от 8 января 1740 года [Санкт-Петербургские ведомости, 1740, № 3, с. 3]. Таким образом, россияне могли узнать о событиях, происходящих в Индии, не ранее чем через полгода.

Такой расклад часто приводил к тому, что из разных источников приходили противоречащие другу друг сведения, которые невозможно было проверить перед публикацией. Это было причиной большого количества ошибок и неточностей. За 1748 год дважды сообщалось о взятии англичанами французской крепости Пондишери, но потом через несколько недель были написаны опровержения.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в XVIII веке информация об Индостане регулярно появлялась на страницах «Санкт-

CC BY

Петербургских ведомостей», хотя и с большим числом неточностей и ошибок. При этом точкой «отчета» всегда оставалась Европа, её ракурс взгляда на Индию и оценки событий, там происходящих.

Постоянные читатели газеты могли составить представление прежде всего о политике западноевропейских держав на Индостане, об акциях и баснословных доходах Ост-Индских компаний, но сам индиец, его традиции и культура оставались большей частью загадкой. Те редкие сообщения, которые публиковались в газете о жителях полуострова, мало могли повлиять на облик данного региона в глазах россиян XVIII века. Без глубоких географических знаний было даже трудно понять, о какой Индии идёт речь.

Для узкого круга покупателей «Санкт-Петербургских ведомостей» Индия была богатой и удивительной страной, а также крайне опасным и диким местом, где постоянно разворачивались конфликты, умирало огромное количество людей из-за болезней, кораблекрушений и голода. К этому добавлялись злоупотребления англичан в Индии, в частности в Бенгалии, которые привели к гибели миллионов людей, о чем становилось известно российскому читателю из публикаций в первой периодической русской газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. №56. Сношения России с Индией. 1734. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

2. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. — Т. 8, 11, 13, 18, 20, 25, 44.

3. *Санкт-Петербургские* ведомости : [газета]. — *23 сентября* 1729. № 76 ; 9 сентября 1729. № 72 ; 25 ноября 1731. № 94 ; 4 января 1733. № 2 ; 19 сентября 1734. № 75 ; 8 декабря 1737. № 98 ; 15 февраля 1740 № 14 ; 1 января 1740. № 3 ; 16 октября 1741. № 83 ; 23 декабря 1748. № 97 ; 26 июля 1748. № 60 ; 19 февраля 1751. № 15 ; 15 февраля 1751. № 14 ; 7 мая 1751. № 37 ; 5 марта 1764. № 19 ; 18 августа 1769. № 66 ; 3 июля 1769. № 53 ; 17 ноября 1769. № 92 ; 2 августа 1771. № 61 ; 30 сентября 1771. № 78 ; 3 августа 1772. № 62 ; 24 апреля 1772. № 33 ; 19 сентября 1777. № 75 ; 28 июля 1780. № 60 ; 29 октября 1781. № 87.

4. *Сводный* каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. — Москва : [б. и.], 1966. — Т. 4. — 290 с.

5. *Электронная* библиотека «Газета Санкт-Петербургские ведомости (1728—1780 гг.)» [Электронный ресурс] // Библиотека РАН. — Режим доступа : http://ecatalog.rasl.ru:8080/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=VDSPB&P21DBN=VDSPB&S21FMT=&S21ALL=&Z21ID=&S21CNR=20 (дата обращения 16.04.2025).

CC BY

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* Англо-французское соперничество в Северной Америке в середине XVIII в. на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» / В. А. Коленеко // Американская проблематика в периодике XVIII — XX вв. Сб. статей. — Москва : ИВИ РАН, 2004. — С. 10—19.

2. *Артеменкова К. П.* Англо-французское соперничество за Вест-Индские острова в 1749—1753 годах в освещении газеты «Санкт-Петербургские ведомости» / К. П. Артеменкова // Filo Ariadne. — 2019. — № 3 (15). — С. 58—76.

3. *Базанова Э. Л.* «Прибавление» к газете «Санкт-Петербургские ведомости» / М. В. Кукушкина // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 137—146.

4. *Галкин Г. Е.* Роль декоративных элементов в развитии композиционно-графической модели правительственных газет России XVIII — первой половины XIX века / Г. Е. Галкин // Современный ученый. — 2017. — № 5. — С. 130—134.

5. *Глазами* друзей : русские об Индии / А. В. Западнова, Е. П. Прохорова. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 408 с.

6. *Доля С. В.* Перископ : российский обыватель следит за Семилетней войной : очерк по материалам газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1758 г. / М. Ю. Анисимов, Д. А. Сдвижков // Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756—1763) и российское общество. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — С. 303—341.

7. *Киселев А. П.* История оформления русской газеты (1702—1917) / А. П. Киселев. — Москва : Изд-во МГУ, 1990. — 192 с.

8. *Кукса И. Ю.* Сложноподчиненные предложения со значением условия как репрезентанты модальности в газетном тексте (на материале газеты "Санкт-Петербургские ведомости") / И. Ю. Кукса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — № 8. — С. 18—24.

9. *Малышев А. А.* Экзотизмы в «Примечаниях к “Санкт-Петербургским ведомостям”» / А. А. Малышев // Медиатекст как полиинтенциональная система : сборник статей. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. — С. 69—74.

10. *Миронов Б. Н.* Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет : X—XX вв. / Б. Н. Миронов // Studia Humanistica. Исследования по истории и филологии. — 1996. — С. 24—46.

11. *Нечаев С. Ю.* Изобразительные материалы в газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века (виньетки, заставки, иллюстрации, лубки) / С. Ю. Нечаев, А. В. Прохоренко // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. — 2022. — № 3. — С. 128—141. — DOI: 10.24412/2686-7443-3-128-141.

12. *Старкова Л. К.* К вопросу о становлении цензуры в России в первой четверти XVIII века / Л. К. Старкова // Известия Саратовского университета. — 2010. — Т. 10. — № 2. — С. 49—53.

13. *Чеботарев А. М.* Тематика первых объявлений в газете «Санкт-Петербургские ведомости» / А. М. Чеботарев // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2007. — № 18. — С. 10—15.

14. *Чеботарев А. М.* Значение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в информационно-просветительной деятельности XVIII века в России / А. М. Чеботарев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2006. — № 17 (72). — С. 123—126.

15. *Шерих Д. Ю.* История газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от Петра до Путина / Д. Ю Шерих. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургские ведомости, 2018. — 272 с. — ISBN 978-5-6040071-4-3.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 18.08.2025.

Material resources

AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.* F. № 56. Russia's relations with India. 1734. Op. 1. D. 3. L. 1. (In Russ.).

Electronic Library "Saint Petersburg Gazette Vedomosti (1728—1780)". *Library of the Russian Academy of Sciences.* Available at: http://ecatalog.rasl.ru:8080/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=VDSPB&P21DBN=VDSPB&S21FMT=&S21ALL=&Z21ID=&S21CNR=20 (accessed 16.04.2025). (In Russ.).

PSZRI — *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825, 8, 11, 13, 18, 20, 25, 44.* (1830). St. Petersburg: Type. of the 2nd Department of its Own E. I. V. Chancellery. (In Russ.).

St. Petersburg Vedomosti: [newspaper]. September 23, 1729. № 76; September 9, 1729. № 72; November 25, 1731. № 94; January 4, 1733. № 2; September 19, 1734. № 75; December 8, 1737. № 98; February 15, 1740. № 14; January 1, 1740. № 3; October 16, 1741 № 83; December 23, 1748. № 97; July 26, 1748. № 60; February 19, 1751. № 15; February 15, 1751. № 14; May 7, 1751. № 37; March 5, 1764. № 19; August 18, 1769. № 66; July 3, 1769. № 53; November 17, 1769. № 92; August 2, 1771. № 61; September 30, 1771. № 78; August 3, 1772. № 62; April 24, 1772. № 33; September 19, 1777. № 75; July 28, 1780. № 60; October 29, 1781. № 87. (In Russ.).

The consolidated catalog of the Russian book of the XVIII century. 1725—1800, 4. (1966). Moscow: [b. i.]. 290 p. (In Russ.).

References

Akimov, Yu. G. (2004). Anglo-French rivalry in North America in the middle of the XVIII century. on the pages of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti". In: *American problems in the periodicals of the XVIII—XX centuries. Collection of articles.* Moscow: IVI RAS. 10—19. (In Russ.).

Artemenkova, K. P. (2019). The Anglo-French rivalry for the West Indian Islands in 1749—1753 in the coverage of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti". *Filo Ariadne, 3 (15):* 58—76. (In Russ.).

Bazanova, E. L. (1985). "Supplement" to the newspaper "St. Petersburg Vedomosti". In: *Materials and reports on the funds of the Department of handwritten and Rare Books.* Leningrad: Nauka Publ. 137—146. (In Russ.).

Chebotarev, A. M. (2006). The importance of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti" in information and educational activities of the XVIII century in Russia. *Bulletin of SUSU. The series "Social and humanitarian sciences", 17 (72):* 123—126. (In Russ.).

Chebotarev, A. M. (2007). The subject of the first ads in the newspaper "St. Petersburg Vedomosti". *Problems of history, philology, culture, 18:* 10—15. (In Russ.).

Dolya, S. V., Sdvizhkov, D. A. (2023). Periscope: a Russian layman follows the Seven Year's War: an essay based on the materials of the newspaper St. Petersburg Vedomosti for 1758. In: *Russia in the global conflict of the XVIII century. The Seven Year's War (1756—1763) and Russian society.* Moscow: New Literary Review. 303—341. (In Russ.).

Galkin, G. E. (2017). The role of decorative elements in the development of the compositional and graphic model of Russian government newspapers of the XVIII — first half of the XIX century. *Modern Scientist, 5:* 130—134. (In Russ.).

Kiselyov, A. P. (1990). *The history of the design of the Russian newspaper (1702—1917).* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 192 p. (In Russ.).

Kuksa, I. Y. (2012). Compound sentences with the meaning of a condition as representatives of a modality in a newspaper text (based on the material of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti"). *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant, 8:* 18—24. (In Russ.).

Malyshev, A. A. (2012). Exoticism in the "Notes to the St. Petersburg Vedomosti". In: *Media text as a polyintentional system: collection of articles.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 69—74. (In Russ.).

Mironov, B. H. (1996). The development of literacy in Russia and the USSR over 1000 years: X—XX centuries. *Studia Humanistica. Studies in history and philology.* 24-46. (In Russ.).

Nechaev, S. Y., Prokhorenko, A. V. (2022). Pictorial materials in the newspaper "St. Petersburg Vedomosti" of the XVIII century (vignettes, screensavers, illustrations, splints). *New Art studies. History, theory and philosophy of art, 3:* 128—141. DOI: 10.24412/2686-7443-3-128-141. (In Russ.).

Sherikh, D. Y. (2018). *The history of the newspaper "St. Petersburg Vedomosti" from Peter to Putin.* Saint Petersburg: Saint Petersburg Gazette. 272 p. ISBN 978-5-6040071-4-3. (In Russ.).

Starkova, L. K. (2010). On the question of the establishment of censorship in Russia in the first quarter of the XVIII century. *Proceedings of the Saratov University, 10 (2):* 49—53. (In Russ.).

Through the eyes of friends: Russians about India. (1957). Moscow: Gospolitizdat. 408 p. (In Russ.).

The article was submitted 01.05.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 18.08.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Васильев Д. В. Мургабское государево имение : трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932) / Д. В. Васильев, С. Д. Васильев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 392—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411.

Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. (2025). Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917–1932). *Nauchnyi dialog, 14* (7): 392-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мургабское государево имение : трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932)

Васильев Дмитрий Валентинович [1, 2]
orcid.org/0000-0001-6616-0646
Scopus Author ID: 57191406759
доктор исторических наук, доцент,
[1] профессор департамента истории;
[2] ведущий научный сотрудник
dvvasiliev@mail.ru

Васильев Сергей Дмитриевич [3]
orcid.org/0000-0001-6126-8981
[3] младший научный сотрудник
rokiserg@yandex.ru

[1] Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

[2] Российская академия предпринимательства (Москва, Россия)

[3] Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, https://rscf.ru/project/24-28-00915/, реализуемого в Российской академии предпринимательства

Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917–1932)

Dmitry V. Vasilyev [1]
orcid.org/0000-0001-6616-0646
Scopus Author ID: 57191406759
Doctor of History, Associate Professor,
[1] Professor of the Department of History;
[2] leading research scientist.
dvvasiliev@mail.ru

Sergey D. Vasilyev [2]
orcid.org/0000-0001-6126-8981
junior research scientist
rokiserg@yandex.ru

[1] Moscow City University (Moscow, Russia)

[2] Russian Academy of Entrepreneurship (Moscow, Russia)

[3] Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00915, https://rscf.ru/project/24-28-00915/, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship

© Васильев Д. В., Васильев С. Д. 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование трансформации Мургабского государева имения в Байрамалийский совхоз и колхозы на территории Мургабского оазиса. Источниками статьи стали местные организационные документы периода Временного правительства и Советской власти, воспоминания участников борьбы за утверждение новой власти в Туркменистане 1917—1935 годов, а также статистические материалы периода первой пятилетки. Показано, что бывшее государево имение представляло интерес для Временного правительства в контексте продолжения своего функционирования, а Советская власть взялась за его кардинальную трансформацию. Установлено, что в новое время имение было реорганизовано: выделились колхозы, занимавшиеся выращиванием хлопка, и совхоз, который взял на себя продолжение работ по акклиматизации хлопка и других растений, внедрение новых сельскохозяйственных культур, подготовку инженерных кадров и другие агрокультурные функции. Сообщается, что бывшие удельные заводы сохранили ассортимент своей продукции и продолжали обеспечивать текстильные предприятия и внутренний рынок. Сохранились и получили развитие гидротехнические сооружения. Показано, что Мургабское государево имение трансформировалось при Советской власти в крупный региональный центр производства и первичной переработки хлопка.

Ключевые слова:
Мургабское государево имение; туркмены; хлопок; хлопководство; совхоз Байрамали; Туркестанская республика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the transformation of the Murghab Sovereign's Estate into the Bayramali state farm and collective farms within the Murghab oasis. The sources for this article include local organizational documents from the period of the Provisional Government and Soviet authority, memoirs of participants in the struggle to establish new power in Turkmenistan from 1917 to 1935, as well as statistical materials from the first Five-Year Plan. It is demonstrated that the former estate was of interest to the Provisional Government in the context of its continued operation, while the Soviet regime undertook its radical transformation. The study establishes that during this new era, the estate was reorganized: collective farms emerged focusing on cotton cultivation, and a state farm assumed responsibilities for continuing the acclimatization of cotton and other crops, introducing new agricultural practices, training engineering personnel, and other agronomic functions. It is reported that former princely factories retained their product range and continued to supply textile enterprises and the domestic market. Hydraulic structures were preserved and further developed. The findings indicate that under Soviet power, the Murghab Sovereign's Estate transformed into a significant regional center for cotton production and primary processing.

Key words:
Murghab Sovereign's Estate; Turkmen; cotton; cotton cultivation; Bayramali state farm; Turkestan Republic.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).08+94:327(47+55+581)“1889/1912”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Мургабское государево имение: трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932)

© Васильев Д. В., Васильев С. Д. 2025

1. Введение = Introduction

Мургабское государево имение просуществовало почти 30 лет в качестве образцового капиталистического агропромышленного предприятия, обеспечивавшего страну стратегически важным сырьем — хлопком. Масштабные гидротехнические сооружения обеспечивали некогда безжизненные поля водой, а там, где она не могла пройти самотеком, вода поднималась на высотные участки нефтяными насосами; собранный хлопок очищался и прессовался на одном заводе; выбитые из кип семена поступали на другой завод; очищенное масло пищевых категорий разливалось на маслорафинадном предприятии; из жмыха формировались брикеты; химическая лаборатория участвовала в производстве мыла. На заводах двигатели внутреннего сгорания были заменены электрическими. Управление технологическими процессами (на заводах, по ирригации) происходило при помощи телефонного сообщения. Акклиматизацией растений занимались на опытном хлопковом поле, в лесных и садовых питомниках. В парке росли диковинные цветы и привозные растения. Служащие и рабочие проживали не только в казармах, но и в многоквартирных домах и небольших многоквартирных усадьбах. Для администрации были отстроены впечатляющие служебные и жилые здания. Не редкостью были водопровод, ванна и канализация. Имелись почтовое отделение, хорошо оборудованная больница, учебные заведения и общественное собрание с большим театральным залом и библиотекой, церковь и мечети. Конечно, не все блага были доступным рядовым рабочим и, тем более, арендаторам имения. Но, следуя логике социально-экономического развития, материальные условия жизни всех категорий населения постепенно улучшались. С 1911 г. имение стало приносить стабильную прибыль, которая пока еще шла на погашение прежде затраченных на него денег. Словом, с возложенными на него задачами заселения Мургабского оазиса и превращения созданного в нем агропромышленного комплекса в прибыльное предприятие государево имение вполне справлялось. И не далек был тот день, когда, согласно воле

CC BY

императора Александра III, оно стало бы приносить доход в государственную казну. Но 1917 г. принес колоссальные потрясения, которые поставили под вопрос не только идею (замысел), но и сам факт существования государева имения на реке Мургабе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Советские историки мало уделяли внимания Мургабскому государеву имению. А если и писали о нем, то как об одном из элементов «колониальной» эксплуатации [Тихомиров, 1960, с. 194—198] или угнетения трудящихся [Канода, 1991, с. 103—194]. При этом в труде Н. Каноды элементы социально-производственных отношений в имении рассмотрены достаточно подробно.

Отдельные исторические сюжеты, связанные с имением, так или иначе находят отражение в научной литературе [Слезкин, 2015; Настич, 2018; Томилова, 2021]. Есть работы, дающие лишь весьма общую характеристику отдельным сторонам жизни Мургабского имения [Ляпин, 2005; Рахимов, 2024; Hommyyev, 2024; Сердар, 2024].

Среди публикаций последнего времени следует обратить внимание на работы Б. А. Ходжакулиевой, которая вполне заслуженно назвала Мургабское имение полигоном российского капитализма [Ходжакулиева, 2016, с. 71]. Можно только уточнить, что не только полигоном, но и витриной технико-экономических достижений империи в регионе. П. Бешеров и Т. Н. Жуковская в своей статье подчеркнули, что экономическое развитие имения заметно не повлияло на жизнь коренного населения [Бешеров, 2023, с. 224—225]. Кроме того, следует упомянуть работу О. Брусиной и Л. Соловьевой, в которой дана оценка Мургабскому государеву имения с точки зрения использования его опыта Советской властью [Брусина, 2022].

Мургабское государево имение можно рассматривать как социально-экономический феномен периода Российской империи [Васильев, 2025]. Но большинство авторов, обращавшиеся к его истории, недооценивают значения хозяйственно-экономического и научного фундамента Мургабского имения, на базе которого в советское время сложились советское (и не одно) коллективное хозяйство и гидротехническим наследием которого люди в той или иной мере пользуются до сих пор. Ответить на вопрос о направлениях и объеме использования достижений Мургабского государева имения после его ликвидации и призвана настоящая статья.

Ее основными источниками являются управленческие документы периода Временного правительства и Советской власти, статистические материалы и воспоминания участников борьбы за утверждение новой власти в Туркменистане 1917—1935 годов. В отдельных случаях, в части указа-

CC BY

ния на отдельные эпизоды из истории Мургабского государева имения, использованы документы дореволюционного времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мургабское имение в период Временного правительства

Первые серьезные изменения в жизни Мургабского государева имения произошли в марте 1917 года, когда было принято постановление Временного правительства, изменившее его статус. С этого времени оно перестало считаться собственностью правящего государя, хотя и государя как такового в России уже не было, а сама она из империи превратилась в республику. Все удельные и находящиеся в ведении удельного ведомства имущества (в число которых входило и Мургабское имение) были объявлены национальной собственностью [РГИА, ф. 515, оп. 69, д. 650, л. 20—20 об.]. Иными словами, Мургабское государево имение теряло свой исключительный статус [Васильев, 2024]. А вскоре последовало правительственное распоряжение, ликвидировавшее полицейское приставство [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 1691, л. 1], место которого заняли органы милиции, отвечавшие за безопасность в имении вплоть до укрепления власти большевиков. Другим проявлением деятельности новой власти стал перевод начальной (русско-туземной) школы имения в ведение земства [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1272, л. 275.].

Известно, что вести о февральских событиях 1917 года в Петрограде дошли до Байрамали 4(17) марта. В этот день колокольный звон собрал рабочих и служащих в недавно отстроенной церкви, где о свершившемся кратко сообщил помощник управляющего Зентен. В конце месяца общее собрание населения поселка избрало временный исполнительный комитет из чинов администрации и местной интеллигенции — врачей, агрономов, учителей и служащих имения и заводов — с одним единственным рабочим. Однако рост революционных настроений было не остановить, и 7 (20) апреля новое общее собрание провозгласило создание Союза рабочих и служащих, который постановил занять дом управляющего имением (дворец) под школу, убрать памятник императору Александру III. Однако все эти решения были отменены администрацией [Сборник …, 1934, с. 44—45].

В апреле 1917 года в Байрамали появилась первая партийная организация — ячейка эсеров. 1 мая состоялась большая демонстрация трудящихся имения, которая вызвала недовольство со стороны его управления. Организованный совет депутатов вызвал из Кушки небольшой отряд, вместе с которым байрамалинские рабочие заняли дворец, снесли памятник государю, распустили прежний исполком и созвали новый, в котором большинство мест принадлежало уже рабочим. Большевистские идеи в Мургабское имение занес прибывший из столицы матрос Балтфлота Е. Гераськин. И

CC BY

хотя он вскоре был выдворен, сторонники большевистских идей закрепились в Байрамали. Социальные новации поначалу не особо приживались в имении. В конце июня было проведено голосование на должность управляющего имением, в котором верх с небольшим перевесом одержал прежний управляющий К. Мейер [Сборник …, 1934, с. 46—47].

Новой реальностью закаспийской жизни, проявившейся после падения имперского правительства, стал национальный вопрос. Общим хаосом, безудержным ростом демократии и процветанием местных вариантов национализма воспользовались и мервские текинцы. 15 (28) марта 1917 года в Мерве состоялось уездное собрание туркмен, которое постановило учредить в каждом приставстве (административном районе), в том числе и в Байрамали, текинские исполнительные комитеты с представительством в региональном органе власти Временного правительства — Центральном Асхабадском исполнительном комитете. Текинским исполкомам надлежало поручить «попечение о туркменских общественных делах». И ничего предосудительного в этом не было бы. Но пункт 4 этого решения, похожий на ультиматум, гласил: «Признать учреждение волостных управителей бесполезным для дела и вредным для интересов туркменского населения. На ликвидацию дел волостных управителей предоставить администрации месячный срок, считая с 20 сего марта, до коего срока подчиняться законным требованиям указанных управителей» [Подготовка …, 1954, с. 61]. Этот текст фактически раскрывает намерение туркмен сменить административные полюса на уровне первичной администрации — устранить русский элемент, заменив его национальным туркменским. Само по себе это нельзя было бы рассматривать как нечто несопоставимое с требованиями момента. Но надо отдавать себе отчет, что за документом стояли не рядовые дайхане, а представители родовой знати, вставшей на путь буржуазной трансформации. Поэтому сама по себе идея вовлечения в политическую сферу национального элемента не может подвергаться сомнению. Проблема состояла в стремлении к власти именно родовой буржуазии, которая не имела в виду ни развитие демократических начал, ни межнациональное взаимодействие на пути к этому. Справедливости ради надо заметить, что и русские революционеры не торопились включать туркмен в органы власти и управления. Но они однозначно принимали серьезные меры для улучшения условий труда и жизни коренного большинства.

Как бы то ни было, власть пошла на уступки настроениям коренного населения. 20 марта на места было передано распоряжение туркестанского генерал-губернатора «1) упразднить по желанию населения немедленно волостных управителей; 2) предоставить населению немедленный свободный, без какого-либо вмешательства чинов администрации, выбор стар-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

шин, судей; 3) образование мелких туркменских советов в аулах из 10—15 человек уважаемых стариков провести безотлагательно, дабы получить из этих выборных первые ячейки будущего земства и первые общественные организации для сознательного выбора представителей в Учредительное собрание» [Союз …, 1957, с. 42]. Выходит, что краевая администрация вполне поддерживала тенденции, существовавшие среди коренного населения региона, и сама создавала предпосылки для официального закрепления власти местной родовой и буржуазной аристократии.

Обозначенные идеи получили развитие на областном туркменском съезде, который постановил организовать фактически автономный постоянный областной туркменский комитет в Асхабаде в составе 23 членов. Примечательно, что Мервский уезд с Мургабским имением должны были представлять в нем 10 делегатов. Областной комитет должен был получить целую сеть местных органов туркменской власти — уездные, районные и аульные комитеты. Эти комитеты должны были, с одной стороны, осуществлять контроль над исполнительной властью, а с другой — стать прообразом будущих туркменских земств. Областной комитет должен был вступить «в самое близкое сношение и единение» с областным Советом, что вполне можно рассматривать как привычное для этого времени многовластие (в конкретном случае — троевластие). Что касается принципиального для нас вопроса о судьбе Мургабского имения, то туркменский съезд предложил, «не предрешая вопроса окончательно, … оставить бывшее Мургабское имение как показное поле с точно определенной площадью засеваемых земель и долголетних культур и с определенным количеством воды, отпускаемой имению из реки Мургаб» [Подготовка …, 1954, с. 84—85].

Иными словами, имение как единый агропромышленный комплекс, по мнению туркменских представителей, должно было прекратить свое существование. Остается только догадываться, кому должны были достаться все (не только плотины и водохранилища) гидротехнические сооружения и кто и как должен был бы отвечать за поддержание (не только арыков) в рабочем состоянии.

Требования мервского собрания и асхабадского съезда туркмен в отношении Мургабского имения были соединены в заявлении уполномоченных Туркестанскому комитету Временного правительства. К его сокращению до опытного поля и питомников и снижению потребления воды добавилось требование упразднения русских поселков, якобы самовольно[1] захва-

1 Известно, что в государевом имении за нормированным распределением воды следили специальные ирригационные надсмотрщики, а само имение в большей степени было заинтересовано в развитии именно туркменских хозяйств как показывавших бóльшую производительность.

CC BY

тывавших мургабскую воду в произвольном объеме [Подготовка …, 1954, с. 91].

Противоречия лета 1917 года не обошли стороной и Байрамали. В конце июля там состоялось внеочередное заседание местного продовольственного комитета, на которое был вынесен единственный вопрос — о составе вновь созданного уездного продовольственного комитета. Выступивший председатель Байрамалинского продкома Я. П. Березин доложил о том, что с разрешения Закаспийского областного продовольственного комитета был учрежден Мервский уездный комитет под председательством уездного комиссара Москаленко, а его членами состояли исключительно туркмены. Ситуация усугублялась тем, что Байрамалинский продком после ликвидации особого статуса имения попадал в ведение уездного. Присутствовавший на заседании член Мервского городского продовольственного комитета объявил, что его организация была лишена права представлять интересы уезда, ограничившись лишь уездным центром, а новый «туземный» уездный комитет уже заявил о начале работы и потребовал присылки ему сведений о продовольственных запасах.

Участники заседания приняли следующее решение: «Ознакомившись с этими сведениями, мы находим, что такая организация уездного продовольственного комитета не только правильна, но никоим образом не может быть допустима, такой комитет мог бы еще обслуживать исключительно туземное население и то при условии правильного избрания комитета и его президиума, а не по самоназначению уездного комиссара; но быть уездным комитетом для всего населения и русского, без участия со стороны такового в избрании его, это является самоуправие лиц, создавших такую организацию, посягательство с их стороны на право революционного народа противно завоеваниям революции и <является> чисто контрреволюционным выпадом…». Участники заседания назвали такой шаг антидемократическим, констатировав, что трудовые туркмены стоят на низкой ступени развития, не в состоянии уяснить текущего момента, что они находятся под влиянием «реакционной туземной буржуазии, баев и мулл» [Революционное …, 1970, с. 69—70].

Из цитированного документа очевидно несколько моментов. Во-первых, русское меньшинство впервые почувствовало угрозу своему относительному благополучию (во всяком случае, в Байрамали). Традиционно участвуя в распределении благ и определяя повседневность на территории имения, русское меньшинство вдруг напрочь отчуждалось от привычных для него функций и, более того, попадало в зависимость от коренного большинства в самом чувствительном в том время вопросе — продовольственном. Во-вторых, и тут нельзя не согласиться, коренное население Мервско-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

го уезда было весьма далеко от идейного наполнения молниеносно трансформировавшейся действительности. И, не исключено, воспринимало революцию и ослабление административного режима как долгожданную возможность хоть отчасти поквитаться с завоевателями. Косвенным подтверждением этому является протуркменская позиция уездного комиссара Москаленко, не допустившего русских представителей в уездный продовольственный комитет. Возможно, он руководствовался своего рода «постколониальными» мотивами. Наконец, в-третьих, русское меньшинство подозревало, что уездный комиссар может попасть в зависимость от туркмен, за спинами которых стояла местная родовая буржуазия, которая не была заинтересована в комплексном решении современных экономических и политических задач. Сложились обстоятельства, когда политически и экономически существенное меньшинство превращалось в меньшинство фактическое. И этому байрамалийские русские пытались помешать.

3.2. Мургабское имение в период становления Советской власти

В ноябре 1917 года в имении узнали о переходе в Петрограде власти в руки Советов во главе с большевиками. Тем не менее 17 января 1918 года общее собрание в Байрамали (до тысячи человек) сформировало из одних эсеров совет в составе секций: гражданско-административной, путей сообщения, торгово-промышленной, финансовой, просвещения и здравоохранения, продовольствия и труда, земледелия и водопользования, военной, почтово-телеграфной [Сборник …, 1934, с. 47—47].

Постепенно политическая картина в бывшем государевом имении менялась. Попытки приноровить привычную жизнь к меняющимся условиям ушли в прошлое. Победившая в обеих столицах Советская власть пришла и в Закаспийскую область. Байрамалийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил включить в свой состав туркменских представителей от 13 обществ (селений): они «отныне сливаются с нами воедино для дружной совместной работы по закреплению революции и проведению в жизнь равенства и братства» [Революционное …, 1970. С. 101].

Следует подчеркнуть не только отличие риторики, но и (с учетом исторической перспективы) принципиальное расхождение в подходах к определению роли коренного населения в формировании будущего как отдельного имения, так и всего субрегиона. Теперь его строительство объявлялось общим делом, а императивами — равенство и братство, принципиально менявшие социальную структуру во всей стране. Однако рознь между русскими и туркменами, заложенная не без участия туркменской родовой буржуазии вслед за падением империи, продолжала сохраняться. Действовавшая в Байрамали власть раздиралась между текинским уездным исполнительным комитетом и Мервским городским Советом. Причем

CC BY

последний предпринимал шаги, направленные на привлечение туркмен на свою сторону, а районные комиссары убеждали уездного принять меры к подавлению саботажа текинского исполкома [Революционное …, 1970, с. 108, 109].

Тогда же как бы и закончилась история Мургабского имения. В соответствии с распоряжением туркестанского Наркомзема исполнительный комитет Байрамалийского совета предписал управляющему передать в распоряжение земельной секции Совета весь земельный фонд имения для распределения нуждающимся [Революционное …, 1970, с. 108]. Трудно однозначно утверждать, в какой мере это решение было исполнено. В период повсеместного многовластия вряд ли распоряжения новых властей исполнялись незамедлительно. Зато доподлинно известно, что в начале апреля, в период активизации хлопковой посевной кампании, Байрамалийский совет требовал от управления имения не только «немедленно приступить к раздаче земли и поливу таковой согласно списков, … а также принять самые энергичные меры к том, чтобы технический персонал и вообще лица, касающиеся к этому делу, принимали в нем горячее участие» [Революционное …, 1970, с. 126].

В конце февраля 1918 года был издан приказ по Туркестанскому краю о национализации Мургабского имения, переводе его в собственность Туркестанского края и перспективе назначения в него комиссара [Подготовка …, 1954, с. 211]. В тот же день был принят декрет Туркестанского совнаркома о национализации хлопка, а через неделю — декрет о национализации хлопкообрабатывающей промышленности.

Хлопковая промышленность в Туркестане была национализирована в феврале—марте 1918 года, но еще накануне этих важных решений Закаспийская областная продовольственная управа реквизировала и направляла все доступные хлопковые семена на переработку на мургабские заводы [Подготовка …, 1954, с. 207]. Советскими властями была разработана система организации посевов, хлопкоробам выдавались посевные семена и денежные авансы (практически по аналогии с порядками в бывшем государевом имении). Мервские туркмены жаловались, что Мургабское имение (оно все еще так продолжало называться в документах) забирало слишком большое количество воды, угрожая их посевам гибелью, «и просили представителей рабочих защитить их от несправедливости, чинимой имением» [Революционное …, 1970, с. 134].

Чрезвычайно важно обратить внимание на использование в советских условиях не только технического, опытного (исследовательского), но и финансово-экономического опыта государева имения. В апреле 1918 года при обсуждении работы в новых условиях представитель Мургабских удель-

CC BY

ных заводов заявил, что они, «идя навстречу дайханам, открывали в поселках и арендаторских участках в имении кредиты» [Подготовка …, 1954, с. 231] в счет будущего урожая хлопка, что вполне соответствовало дореволюционной практике. После обмена мнениями этот способ было решено распространить в практику других хлопкообрабатывающих заводов. Забегая вперед, следует отметить, что Советская власть приняла от имперского периода и еще один экономический инструмент — контрактацию. Но если прежде управлением Мургабского государева имения контрактовался уже очищенный хлопок и хлопковое масло, то советские органы стали заключать более сложные договоры между кооперативными и государственными организациями, с одной стороны, и дайханми, с другой, что превращалось теперь в единый комплекс мероприятий (производство, сбыт, снабжение, кредит) «по развитию производительных сил и преобразованию социальных отношений в деревне» [История …, 1979, с. 202—203].

После подавления контрреволюционного мятежа в Бухаре Байрамалийский исполком провел модернизацию своего аппарата, для руководства отдельными сферами внутренней жизни был сформирован Совет народных комиссаров во главе с эсером А. И. Панасюком. 10 мая 1918 года исполком постановил упразднить должность комиссара имения, передав его функции соответствующим комиссарам исполнительного комитета.

Летом 1918 года территория бывшего имения была занята белогвардейцами, но уже 19 августа освобождена войсками Советской власти [Революционное …, 1970, с. 172—173]. И тогда вернувшиеся к власти русско-туркменские советы поставили вопрос об ответственности ханов и баев, выступивших против Советской власти, среди которых, кстати, были Нурберды хан, Курбан Нияз и другие крупные арендаторы бывшего государева имения. Совет депутатов принял решение предать этих лиц полевому суду, всё их имущество конфисковать и раздать неимущим дехканам (дайханам) и рабочим или национализировать [Там же, с. 174].

В документах того времени находим сведения о том, что в целом Мургабское имение продолжало функционировать в обычном хозяйственном режиме. Для арендаторов, выращивавших зерновые (пшеницу и ячмень), был установлен размер арендной платы — 1/7 часть урожая. Непрерывность сельскохозяйственного производства обеспечивали заведующие поливами и служащие ирригации [Там же, с. 175].

Однако осенью 1918 года большевики вынуждены были отступить из Мервского уезда к Чарджую. Полгода потребовались на реорганизацию и подготовку красноармейских частей Закаспийского фронта. 14 мая 1919 года Красная армия перешла в генеральное наступление и 21 мая освободила Байрамали [Карпов, 1940, с. 26, 28].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.3. Окончательная победа Советской власти и ее отношение к наследию Мургабского имения

Вернувшийся к власти совет потребовал немедленно конфисковать имущество ханов и баев пособников белогвардейцев и «раздать часть, потребную для бедных туркмен, т. е. рабочих этих ханов и баев, а остальную и не портебную им — по описи сдать исполкому» [Революционное …, 1970, с. 208]. Вскоре Байрамалийский ревком, в который был преобразован местный совет на период восстановления Советской власти, потребовал от подведомственных ему органов власти исполнения законодательства в части передачи земельных участков непосредственно работникам и запрета на использование наемного труда [Революционное …, 1970, с. 222]. Следующим шагом стало полное преобразование мургабского хозяйства на новых основаниях.

Уже летом 1919 года появилось решение властей о реализации на базе бывшего государева имения «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятого ВЦИК 14 февраля того же года. Статья 29 этого закона предписывала создавать советские хозяйства (совхозы) в целях увеличения производительности сельского хозяйства, «создания условий для полного перехода к коммунистическому земледелию» и созданию (развитию) агрокультурных центров [Сборник …, 1921, с. 64]. Трудно отказать новой власти в рациональности. Признавая наличие в Мургабском оазисе всех условий, Народный комиссариат Туркестанской республики постановил организовать на его территории советское хозяйство.

Следующая статья (с. 30) этого закона дает типологию особо ценных хозяйств, которые следовало преобразовать в совхозы. Мургабское хозяйство подходило под такие категории, как «имения с рациональными хозяйствами», «имения со сложным техническим оборудованием по обработке сельскохозяйственных продуктов», «имение с развитым техническо-промышленным делом», «сельскохозяйственные предприятия и участки земли, имеющие в учебно-показательном, культурно-просветительном или производственном отношении общегосударственное или особо важное местное значение» [Сборник …, 1921, с. 64], — 4 типологические группы из 6.

При этом рациональный подход советов оказался прагматичнее имперской парадигмы. Новая власть не пожелала взять на себя ответственность за все земли бывшего имения. Это и понятно. В условиях продолжавшейся Гражданской войны было не до колоссальных затрат на орошение новых площадей. Так или иначе, туркестанский Наркомзем во время выездного заседания в Байрамали учредил советское хозяйство на всех орошаемых землях бывшего имения. Судя по всему, главной задачей нового совхоза

CC BY

было признано продолжение прикладной научной деятельности по растениеводству. Поэтому, следуя прежнему делению, в хозяйстве было решено создать (сохранить) агрономическую (опытное поле и др. — 600 дес.), садоводческую (72 дес.) и лесоводческую (110 дес. с двумя питомниками) части. Усадебную часть оставили под поселком Байрамали, а степную часть отдали собственно под сельскохозяйственное производство. Для работ в агрокультурных подразделениях предполагалось принять наемных работников, а в степной части — организовать сельскохозяйственные артели [Революционное …, 1970, с. 227].

В отношении формирования артелей Наркомзем разработал небольшую инструкцию. Старых арендаторов был решено оставить на прежних наделах до конца года с тем, чтобы они могли засеять озимые. Одновременно с этим местным властям было предписано вести агитацию по вопросам аграрной политики, «разъясняя преимущества коллективных форм землепользования перед единоличными хозяйствами». Весной 1920 года им надо было предложить вступить в артели. В случае отказа за единоличными пользователями следовало сохранить право земле- и водопользования на прежних основаниях. А уже свободные земли надо было предоставлять «исключительно организованным сельскохозяйственным артелям из местного населения» и оказывать им материальную помощь «в виде денежных ссуд посевного материала и, по возможности, рабочим скотом» [Там же, с. 228].

Упомянутое выше Положение о социалистическом землеустройстве оставляло советские хозяйства в непосредственном ведении Народного комиссариата земледелия (ст. 32). Поэтому и заведование Байрамалийским совхозом было оставлено в руках туркестанского Наркомзема [Там же].

Тогда же получило импульс решение, естественным образом вызревавшее еще в имперский период. В августе 1919 года было объявлено о необходимости открытия в Байрамали сельскохозяйственного училища [Там же, с. 229]. А вскоре получила новое развитие ещё одна идея государева имения. Когда-то в нем было устроено общественное собрание с библиотекой для служащих имения. Летом 1920 года было издано постановление местного ревкома об открытии читален в каждом ауле Байрамалийского совхоза со специальным секретарем, который должен был читать газеты и брошюры вслух всем желающим [Там же, с. 365]. Полное единение большевистского Байрамалийского ревкома и туркменских аульных комитетов произошло летом 1920 года. Вполне однозначно об этом свидетельствует совместное решение ревкома и председателей аульных комитетов о мобилизации туркмен в Красную армию [Союз …, 1957, с. 369].

Новая власть беспокоилась поддержанием доставшихся ей ирригационных сооружений в исправном состоянии, а потому обращалась даже

CC BY

к военным с просьбой оставить в распоряжении ирригационного отдела совхоза стратегически важный запас цемента [Революционное …, 1970, с. 253—254]. Военные же привлекались и для оказания беднейшим байрамалийским арендаторам помощи в уборке зерновых [Там же, с. 382].

В декабре 1920 года ЦИК Туркестанской республики принял декрет «О национализации хлопковой промышленности», который запретил существование хлопковых базаров и все сделки по купле-продаже и хранению хлопка. Все хлопкоочистительные машины и прессы объявлялись государственной собственностью. Запасы хлопка-сырца подлежали сдаче государству по твердым ценам [Там же, с. 437]. Этот декрет был введен в действие незамедлительно (по телеграфу) с тем, чтобы обращение хлопка-сырца в период его сбыта весной 1921 года проходило уже по новым правилам. А в 1923—1925 годах на территории Туркменистана, а соответственно и в бывшем Мургабском имении, была восстановлена прежняя ирригационная система [История …, 1979, с. 121—122], которая стала основой для дальнейшего развития орошения.

3.4. Мургабский оазис и организация сельскохозяйственного производства в годы первой пятилетки

Известно, что на конец 1928 года на месте бывшего государева имения, кроме Байрамалийского совхоза, существовали два колхоза [Непосредственная …, 1972, с. 139]. А весной следующего года — уже 16 , объединивших 314 хозяйств с хлопковой площадью 784,75 га и 8915 единоличных хозяйств с посевами хлопчатника на 14627,75 га [Там же, с. 292]. На 1 мая 1933 года в Байрамалийском районе насчитывалось уже 94 колхоза, образованных в результате разукрупнения [Победа …, 1968, с. 437]. Вообще колхозы района в 1934 году вышли на первое место в республике в социалистическом соревновании [Там же, с. 519]. Из всех местных колхозов особо выделялся «Большевик», председатель которого Ага Юсуп Али заявил на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «До революции трудящиеся Туркмении не имели ни земли, ни воды, они всю жизнь жили батраками, рабами у кулаков-баев. В настоящее время бывшая отсталая колония, темная и некультурная Туркмения, становится образцовой советской республикой» [Там же, с. 545]. Сегодня известно, что это не совсем так. Мало того, что администрация Мургабского имения в свое время предпринимала серьезные шаги, направленные на повышение уровня жизни (доходов) субарендаторов дайхан. Сами совхоз и местные колхозы выросли из материальной базы имения, включая гидротехнические сооружения, электростанцию и т. п.

Что же касается Байрамалийского совхоза, то имеющиеся сведения на 1932 год свидетельствуют, что он, в принципе, не изменил своей специализации, хотя и развил новые для себя отрасли (пчеловодство и шелко-

CC BY

водство). В хлопководстве было занято 1451 чел., в шелководстве 337 чел. и в пчеловодстве 56 чел. [Победа …, 1968, с. 393].

В период активного и, надо признать, героического строительства экономического фундамента социализма свет увидела брошюра П. Г. Скосырева, автора нескольких популярных книг из серии «Наша Родина», посвященных среднеазиатским республикам. Брошюра эта называется «Совхоз Байрамали». В те времена в порядке вещей было едва ли не все достижения человечества приписывать торжеству социалистической идеи. Поэтому не удивительна одиозная интерпретация недавнего прошлого при рассказе об успехах Советской власти в производстве стратегически важного для страны хлопка.

Вот выдержки из описания совхозной усадьбы, ничем не отличающиеся от свидетельств дореволюционных путешественников: «Грузчики на вокзале полуголые и потные — персы, армяне, русские — катят по доскам огромные тюки прессованного хлопка. Около товарных вагонов толчея и спешка. Тонкие трубы заводов, выстроившихся вдоль полотна, дымят деловитой гарью совершенно так же, как в Москве или Туле… Там — в парках, садах или даже просто на улицах — всюду такое буйство зелени, что трудно поверить, будто всего каких-нибудь сорок лет назад на месте этого промышленного и живого городка громоздились песчаные бугры, ветер трепал унылые саксаулы и не было ни одного дерева, ни одной трубы, ни одного жилья. А между тем, это так. На месте цветущего оазиса Байрамали сорок лет назад была пустыня» [Скосырев, 1930, с. 7—8].

Казалось бы, автор прав. Возрождение Мургабского оазиса и его агропромышленное развитие началось с конца 1880-х годов, в период становления в нем государева имения. Но следующее высказывание Скосырева делало этот период истории невидимым: «Огромный хлопковый совхоз с десятками тысяч гектаров плантаций, с многотысячным населением, со всей промышленностью и научными учреждениями возник среди пустыни из ничего, как только пески получили воду» [Скосырев, 1930, с. 8]. И только мы знаем, что пески получили воду от Гиндукушского и других водохранилищ, сооруженных по распоряжению Департамента уделов. Хотя сам автор и не отрицает, что некогда Байрамали был усадьбой Мургабского государева имения [Скосырев, 1930, с. 11].

В то же время брошюра П. Скосырева содержит достаточно ценную информацию. Из нее мы узнаем о существовании в Байрамали политехникума, готовившего инженеров-водников и агрономов-хлопководов. Автор очерка подтвердил исправное функционирование дореволюционных заводов и даже, в некоторой степени, ассортимент их продукции. «Хлопковые плантации — колхозные и совхозные — окружают город широкой

CC BY

полосой с двух сторон. Хлопковое волокно отдирают от семени на заводах хлопкоочистительных. Из ободранных семян жмут масло на маслобойнях. Из хлопкового масла варят мыло на заводе мыловаренном… Хлопковые жмыхи и брикеты идут в пищу скоту, и железнодорожные станции отправляют груз в сторону Каспия и в сторону Ташкента, состоящий главным образом из хлопка или продуктов его переработки» [Скосырев, 1930, с. 14].

Так или иначе, П. Скосырев не мог обойти стороной те достижения, которые были получены в Байрамали в его имперский период: сооружение современных плотин; селекция хлопчатника; борьба с насекомыми-вредителями; акклиматизация декоративных и сельскохозяйственных растений; строительство заводов, мостов, административных и бытовых зданий.

Вскоре после П. Скосырева в Байрамали прибыл известный туркменовед и государственный деятель Г. И. Карпов, который в одном из документов, не касаясь материальных успехов государева имения, охарактеризовал «достижения советского периода: разрушение прежних родоплеменных “группировок” и земельно-водных отношений, предполагавших социально-экономическое неравенство и эксплуатацию бедняков в туркменских аулах, ликвидацию крупного землевладения, проведение земельно-водной реформы и наделение водой и землей десятки тысяч безземельных и малоземельных хозяйств...» [Брусина, 2022]. С этим трудно спорить в части смещения акцентов, вызванных новыми социально-экономическими условиями. Однако доподлинно известно, что удельное ведомство само с 1909 года взяло курс на ликвидацию крупной аренды и специализированную агрокультурную подготовку субарендаторов дайхан к самостоятельному хозяйствованию [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 25—25 об.]. Критикуя администрацию имения за несправедливые условия аренды для дайхан, Г. Карпов не обращает внимание на существенное изменение условий аренды в пользу субарендаторов после разного рода ревизий имения в самом конце 1900-х годов. Тем не менее такая интерпретация имперского опыта служит лишь очередным напоминанием о необходимости внимательного отношения к любому историческому источнику, и тем более к такому сложному историческому феномену, как Мургабское государево имение. И далеко не случайно на базе опытного поля и агрономической службы бывшего государева имения уже в первые годы Советской власти появились Йолатанская опытная станция и Байрамалийское опытное поле по хлопководству, Байрамалийское опытное поле сухих субтропиков.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятое исследование убеждает в том, что Мургабское государево имение не кануло в вечность с прекращением существования Россий-

ской империи. Советская власть «приняла на баланс» все его гидротехнические и иные сооружения. Не считая возможным воссоздание колоссального агропромышленного комплекса, она разделила орошаемый земельный фонд бывшего имения между несколькими колхозами, занимавшимися выращиванием хлопка, зерновых и производством шелка. Агрономические исследования вместе с опытными плантациями отошли Байрамалийскому совхозу. Бывшие удельные заводы составили отдельный промышленный кластер. На территории имения появилось специальное учебное заведение для подготовки необходимых кадров. Специальное научное учреждение продолжило работу по акклиматизации хлопчатника и борьбе с его вредителями. В других условиях пригодился и организационно-экономический опыт имения. Прежние наработки легли в основу организации взаимодействия между производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции, которое, с одной стороны, предоставляло финансовые гарантии хлопкоробам, а с другой — обеспечивало текстильные предприятия хлопком-сырцом. Советской власти удалось решить принципиально важный вопрос, не дававшийся ее предшественникам, — обеспечение всей хозяйственной цепочки местными национальными кадрами. Исходя из принципа экономической целесообразности, можно предположить, что эта потребность рано или поздно встала бы и перед Главным управлением уделов, в оперативном управлении которого состояло Мургабское государево имение. Так или иначе, следует признать, что новая власть дала новую жизнь наследию Уделов, развивая достижения предшественников на новом уровне и в более широком — региональном — масштабе.

Заявленный вклад авторов: Васильев Д. В. — научное руководство; концепция исследования; отбор и анализ источников; написание текста; итоговые выводы. Васильев С. Д. — анализ источников; доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**Contribution of the authors:** Dmitry V. Vasilyev — scientific management; research concept; selection and analysis of sources; writing the draft; final conclusions. Sergey D. Vasilyev — analysis of sources; follow-on revision of the text; final conclusions. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *История* сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана. Кн. 1: 1917—1937 гг. / В. П. Данилов, М. Мошев, Дж. Давлетов и др. — Ашхабад : Ылым, 1979. — 332 с.

2. *Непосредственная* подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства Туркменской ССР (1927—1929 гг.). Т. 1 / сост. Б. М. Коюнлиев и др. — Ашхабад : Ылым, 1972. — 517 с.

3. *Победа* колхозного строя в Туркменистане (1930—1937 гг.). Т. 2 // под ред. Ш. Ташлиева, С. Какабаева. — Ашхабад : Ылым, 1968. — 647 с.

4. *Подготовка* и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане / под ред. А. Головкина. — Ашхабад : Туркменгосиздат, 1954. — 304 с.

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 515 (Главное управление уделов МИДв). Оп. 69. Д. 650; Оп. 81. Д. 162.; Оп. 81. Д. 1691.

6. *Революционное* движение в Туркменистане в 1907—1917 годах / Сост. Н. Н. Канода. — Ашхабад : Ылым, 1970. — 312 с.

7. *Сборник* декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917—1920 гг. — Москва : Госиздат, 1921. — 195 с.

8. *Сборник* статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркменистане. Т. 1. Вып. 1. / Под ред. Т. С. Козлова. — Ленинград ; Ашхабад : Туркменский государственный научно-исследовательский институт, 1934. — 73 с.

9. *Скосырев П. Г.* Совхоз Байрам-Али: (Хлопковая пятилетка) / П. Г. Скосырев. — Ленинград : Молодая гвардия, 1930. — 84 с.

10. *Союз* рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.) / Сост Е. Н. Куприкова. — Ашхабад : издательство Академии наук ТССР, 1957. — 488 с.

Литература

1. *Бешеров П.* Школьная система Закаспийской области 1890-х — 1910-х гг. как отражение политики имперской унификации / П. Бешеров, Т. Н. Жуковская // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — Т. 8. — № 4 (32). — С. 200—229. — DOI: 10.46539/jfs.v8i4.502.

2. *Брусина О. И.* Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода / О. И. Брусина, Л. Т. Соловьева // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13. — Выпуск 10 (120). — С. 76—84. — DOI: 10.18254/S207987840023218-8

3. *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение — социально-экономический форпост российской империи в Центральной Аазии: экономическая структура / Д. В. Васильев, Н. А. Мазаев // Журнал фронтирных исследований. — 2025. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 32—48. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647.

4. *Васильев Д. В.* Организация управления Мургабским государевым имением / Д. В. Васильев // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 508. — С. 139—151. DOI: 10.17223/15617793/508/15.

5. *Канода Н. Н.* Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881—1917 гг.) / Н. Н. Канода. — Ашхабад : Ылым, 1991. — 222 с. — ISBN 5-8338-0344-6.

6. *Карпов Г. И.* Гражданская война в Туркмении (1818—1920 гг.). / Г. И. Карпов. — Ашхабад : Туркменпартиздат, 1940. — 36. с.

7. *Ляпин А. А.* Султан-бент и Султан-яб / А. А. Ляпин // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2005. — № 5. — С. 18—36.

8. *Настич В. Н.* Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения / В. Н. Настич. // Ориенталистика. — 2018. — Т. 1. — № 2. — С. 237—250. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248.

9. *Рахимов Н.* Ирригационные работы в царском имении в Мургабе / Н. Рахимов, Р. Шамурадова // Академическая публицистика. — 2024. — № 11. — С. 192—195.

10. *Сердар Д. А.* Мервские ханы (по материалам XIX в.) / Д. А. Сердар // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2024. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 85—99. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99.

11. *Слезкин А. В.* Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация / А. В. Слезкин // Русская усадьба. — 2015. — № 20 (36). — С. 258—287.

12. *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 239 с.

13. *Томилова А. И.* К истории строительства храмов в резиденциях императора всероссийского Николая II / А. И. Томилова // Культурное наследие России. — 2021. — № 1 (32). С. 38—45. DOI: 10.34685/HI.2021.32.1.005.

14. *Ходжакулиева Б. А.* Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области / Б. А. Ходжакулиева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2016. — Т. 4. — № 12. — С. 68—73.

15. *Hommyyev T. B.* History of dams on the banks of the Murgap river in Turkmenistan / T. B. Hommyyev // Studia Humanitatis. — 2024. — № 1. — С. 2.

Статья поступила в редакцию 03.05.2025,
одобрена после рецензирования 21.08.2025,
подготовлена к публикации 09.09.2025.

Material resources

Collection of articles and memoirs of participants in the civil war in Turkmenistan, 1 (1). (1934): Leningrad; Ashgabat: Turkmen State Research Institute. 73 p. (In Russ.).

Collection of decrees and regulations of the People's Commissariat of Agriculture. 1917—1920. (1921): Moscow: Gosizdat. 195 p. (In Russ.).

Danilov, V. P., Moshev, M., Davletov, J. et al. (1979) *History of Agriculture and Peasants of Soviet Turkmenistan, 1*: 1917—1937: Ashgabat: Ylym. 332 p. (In Russ.).

Kanoda, N. N. (1970) *The revolutionary movement in Turkmenistan in 1907—1917*: Ashgabat: Ylym. 312 p. (In Russ.).

Koyunliev, B. M. et al. (1972). *Direct Preparation for Mass Collectivization of Agriculture in the Turkmen SSR (1927—1929), 1*: Ashgabat: Ylym. 517 p. (In Russ.).

Kuprikova, E. N. (1957) *The Union of the Working Class and Labor Daikhanats of Turkmenistan during the Great October Socialist Revolution and Civil War (1917—1920)*: Ashgabat: Publishing House of the Academy of Sciences of the TSSR. 488 p. (In Russ.).

Preparation and implementation of the Great October Socialist Revolution in Turkmenistan (1954): Ashgabat: Turkmengosizdat. 304 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive* (1691). (In Russ.).

Skosyrev, P. G. (1930) *Sovkhoz Bayram-Ali: (Cotton Five-Year Plan)*: Leningrad: Molodaya Gvardiya. 84 p. (In Russ.).

Victory of the Collective Farm System in Turkmenistan (1930—1937), 2 (1968): Ashgabat: Ylym. 647 p. (In Russ.).

References

Besherov, P., Zhukovskaya, T. N. (2023) The school system of the Transcaspian region in the 1890—1910 as a reflection of the policy of imperial unification. *Journal of Frontier Studies, 8* (4/32): 200—229. DOI: 10.46539/jfs.v8i4.502. 2.

Brusina, O. I., Solovieva, L. T. (2022) The Murghab sovereign estate in Bayram-Ali based on the materials of G. I. Karpov: anti-colonial criticism of the imperial approach. *Electronic scientific and educational journal "History", 13* (10/120): 76—84. DOI: 10.18254/S207987840023218-8 (In Russ.).

Vasiliev, D. V. Mazaev, N. A. (2025) Murghab sovereign estate — a socio-economic outpost of the Russian empire in Central Asia: economic structure. *Journal of Frontier Research, 10 (2/38)*: 32—48. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647. (In Russ.).

Vasiliev, D. V. (2024) Organization of management of the Murgab sovereign estate. *Bulletin of Tomsk State University, 508*: 139—151. DOI: 10.17223/15617793/508/15. (In Russ.).

Kanoda, N. N. (1991) *Agrarian Policy of Tsarism in Turkmenistan (1881—1917)*. Ashgabat: Ylym. 222 p. ISBN 5-8338-0344-6. (In Russ.).

Karpov, G. I. (1940) *Civil War in Turkmenistan (1818—1920)*. Ashgabat: Turkmenpartizdat. 36 p. (In Russ.).

Lyapin, A. A. (2005) Sultan-bent and Sultan-yab. *Problems of History, Philology, Culture, 5*: 18—36. (In Russ.).

Nastich, V. N. (2018) Metal stamps of the daikhan office of the Murghab sovereign estate. *Orientalism, 1* (2): 237—250. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248. (In Russ.).

Rakhimov, N., Shamuradova, R. (2024) Irrigation works in the royal estate in Murghab. *Academic journalism, 11*: 192—195. (In Russ.).

Serdar, D. A. (2024) Merv Khans (based on materials from the 19th century). *Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates, 10 (2/38)*: 85—99. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99. (In Russ.).

Slezkin, A. V. (2015) Temple in the Murghab State Estate: Competition Projects and Implementation. *Russian Estate, 20 (36)*: 258—287. (In Russ.).

Tikhomirov, M. N. (1960) *Annexation of Merv to Russia*. Moscow: Izdatelstvo vostoyanii literatury. 239 p. (In Russ.).

Tomilova, A. I. (2021) On the history of the construction of temples in the residences of the All-Russian Emperor Nicholas II. *Cultural heritage of Russia, 1 (32)*: 38—45. DOI: 10.34685/HI.2021.32.1.005. (In Russ.).

Khodjakulieva, B. A. (2016) From the history of Turkmen-Russian relations: economic transformations in the Trans-Caspian region. *Economy and management: problems, solutions, 4 (12)*: 68—73. (In Russ.).

Hommyyev, T. B. (2024) History of dams on the banks of the Murgap river in Turkmenistan. *Studia Humanitatis, 1*: p. 2.

The article was submitted 03.05.2025;
approved after reviewing 21.08.2025;
accepted for publication 09.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Васильева С. В. Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века / С. В. Васильева, С. А. Козлова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 412—428. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-412-428.

Vasilyeva, S. V., Kozlova, S. A. (2025). Forest Management Practices in Economic Activities of Old Believer Semeyskys of Transbaikalia in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 412-428. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-412-428. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века

Васильева Светлана Владимировна [1]
orcid.org/0000-0002-3788-0879
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теологии
и религиоведения
sv_vasilieva@mail.ru

Козлова Светлана Алексеевна [1, 2]
orcid.org/0000-0001-5056-0346
[1] соискатель кафедры теологии
и религиоведения;
[2] начальник отдела экологического
просвещения,
корреспондирующий автор
svetsergo1@yandex.ru

[1] Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

[2] ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»
(Иркутск, Россия)

Forest Management Practices in Economic Activities of Old Believer Semeyskys of Transbaikalia in Second Half of 19th Century

Svetlana V. Vasilyeva [1]
orcid.org/0000-0002-3788-0879
Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of Theology
and Religious Studies
sv_vasilieva@mail.ru

Svetlana A. Kozlova [1, 2]
orcid.org/0000-0001-5056-0346
[1] degree seeker, Department
of Theology and Religious Studies;
[2] Head of the Department
of Environmental Education,
corresponding author
svetsergo1@yandex.ru

[1] Buryat State University
named after D. Banzarov
(Ulan-Ude, Russia)

[2] Federal State Budgetary Institution
“Zapovednoye Pribaikalye”
(Irkutsk, Russia)

© Васильева С. В., Козлова С. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ мероприятий, осуществляемых лесничествами Забайкальской области, и практики использования лесных ресурсов старообрядцами семейскими в своей хозяйственной деятельности во второй половине XIX века. Привлекались опубликованные и неопубликованные источники. Корпус неопубликованных источников включает материалы делопроизводственного и нормативно-правового характера о состоянии лесного дела в Забайкальской области, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области. Комплексный анализ источников позволил рассмотреть историю формирования территориального устройства лесопользования в Забайкальской области, где расположены семейские поселения. Внимание сосредоточено на территории Троицко-Савского лесничества, границы которого проходили в пределах Верхнеудинского округа и частично в Троицко-Савском округе, где были расположены поселения старообрядцев семейских. Авторы останавливаются на интересных фактах о наиболее ресурсных с точки зрения лесопользования участках, например о Малханском участке с наличием орехово-промысловых угодий. Выявлены проблемы лесопользования у старообрядцев, проживавших в пределах Кяхтинской дачи. Отмечается, что в Забайкальской области до 1890 года не были организованы лесничества и не было специальных учреждений, занимавшихся управлением лесными ресурсами, что приводило к неравномерному использованию лесных ресурсов и влияло на систему жизнеобеспечения старообрядческих сообществ.

Ключевые слова:
лесное хозяйство; лесоустройство; охрана и использование лесов; Забайкалье; старообрядцы семейские.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the activities undertaken by forestry administrations in the Transbaikal region and the practices of forest resource utilization by the Semeysky Old Believers in their economic activities during the latter half of the 19th century. Both published and unpublished sources were utilized. The corpus of unpublished materials includes documents related to administrative and regulatory aspects of forestry in the Transbaikal region, housed in the State Archive of Irkutsk Oblast. A comprehensive analysis of these sources enabled an examination of the historical development of territorial forest management structures in Transbaikalia, particularly in areas where Semeysky settlements were located. The focus is on the territory of the Troitsko-Savskoye forestry, which spanned the Upper Udinsk district and partially covered the Troitsko-Savskoye district, home to Semeysky communities. The authors highlight intriguing facts about resource-rich areas pertinent to forestry, such as the Malkhansky site known for its nut-gathering resources. Issues related to forest utilization among Old Believers residing within the Kyakhta land grant are identified. It is noted that prior to 1890, forestry administrations had not been established in Transbaikalia, and there were no specialized institutions managing forest resources, leading to uneven exploitation of forest resources and impacting the subsistence systems of Old Believer communities.

Key words:
forest management; forest planning; conservation and utilization of forests; Transbaikalia; Semeysky Old Believers.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:271.2(571.53)“185/189”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-412-428

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века

© Васильева С. В., Козлова С. А., 2025

1. Введение = Introduction

Для всего пришлого населения в Сибири самым первым и доступным для освоения ресурсом явились таежные леса. Для старообрядцев семейских это также не стало исключением. В Забайкальской области старообрядцы основали свои поселения в Верхнеудинском округе. Исторически русскому населению привычны природные комплексы, сочетающие в себе лесные и степные ландшафты с развитой речной системой. В Верхнеудинском округе старообрядческие сообщества освоили остепненные долины рек Селенги, Хилка, Чикоя и их притоков, окруженные хребтами, покрытыми сосново-лиственничными, еловыми и кедровыми лесами. Старообрядцы семейские, прежде чем развить земледелие и другие виды хозяйственной деятельности на основе богатых природных ресурсов региона, начали активно использовать лесные ресурсы: построили жилища в поселениях, расчистили большие лесные территории под пашни, сумели научиться охоте в тайге, в широких масштабах организовали сбор таежных дикоросов. Лесопользование стало важным элементом в структуре жизнеобеспечения старообрядческих сообществ.

Лесопользование — это одна из подсистем природопользования, в которой используются все виды и функции лесных ресурсов, соответствующие уровню общественно-экономического развития [Соколов, 2014]. Поначалу развитие лесопользования старообрядцами семейскими происходило стихийно, без должного контроля администрации [Курышова, 2024, с. 352].

Порядок в XIX веке был таков, что члены сообществ делили охотничьи, кедровые угодья, лесные деляны для заготовки древесины между целыми семьями. Таким образом происходило освоение больших площадей вокруг поселений. Государственное администрирование лесопользования было налажено слабо. Как отмечается в источниках, лесов было в достатке для всего населения Забайкалья [Россия ..., 1898, с. 129]. Начиная со второй половины XIX века в Забайкальской области так же, как и по всей Рос-

CC BY

сийской империи, действовало «Положение о корпусе Лесничих» (1839), затем было разработано «Положение стражи в казенных лесах» (1869). В этих документах были введены должности в лесной отрасли и их должностные регламенты [Курышова, 2024, с. 349]. Однако, по сути, в области не были организованы лесничества и не было специальных учреждений, занимавшихся управлением лесными ресурсами. Только с 1890 года в Забайкальской области были образованы лесничества, обозначены их границы [Курышова, 2020, с. 50]. Соответственно, с 1890 года был набран штат лесников и объездчиков. Однако на государственные должности, связанные с обеспечением администрирования лесных угодий и курирования лесопользования, обозначился дефицит квалифицированных кадров, притом количество ставок лесников и объездчиков в лесничествах было сильно ограничено [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Изучение практики лесопользования в Забайкалье позволит осветить целый культурно-бытовой сегмент в системе жизнеобеспечения старообрядцев семейских.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей работы является описание практики лесопользования у старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века. Исследование позволяет оценить значение лесных ресурсов для системы жизнеобеспечения в старообрядческих сообществах на исследуемой территории, а также степень государственного участия в развитии лесного дела в регионе.

Источниковая база представлена делопроизводственной документацией фонда № 29 Государственного архива Иркутской области. В названном фонде хранится источник «Лесное дело в Забайкальской области», в котором приводится отчет о состоянии лесов как государственного имущества. Данный источник содержит субъективный опыт составителя [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68], поэтому основным методом, примененным в исследовании, стал ретроспективный анализ.

Для понимания общих процессов лесопользования и характера государственного управления лесами в Российской империи и в Сибири во второй половине XIX века был выполнен библиографический обзор [Любимова, 2009; Туров, 2011; Рыбалкин, 2013; Тяпкин, 2011; Тяпкин, 2019; Тяпкин, 2022; Пантелеев и др., 2023].

Исследования лесопользования в Забайкалье во второй половине XIX века не были отдельно организованными мероприятиями, скорее являлись частью комплексных. Наиболее известные дореволюционные источники описательного характера — «Путешествие по разным провинци-

CC BY

ям Российской империи» П. С. Палласа [Паллас, 1788] и «Землеведение» К. Риттера [Риттер, 1879]. Позднее, в последней четверти XIX века были опубликованы работы по землепользованию в Забайкалье. В них сообщается, что статс-секретарь Куломзин возглавил высочайше учрежденную комиссию, занимавшуюся исследованием землевладения и землепользования в Забайкальской области. В итоговом комплексном описании региона по результатам исследования были учтены и сведения о лесных ресурсах [Россия …, 1898; Кауфман, 1900].

Некоторые источники советского периода также раскрывают особенности лесохозяйственной деятельности семейских Забайкалья [Лебедева, 1979].

В настоящей статье использованы современные историографические источники о развитии хозяйства в старообрядческих сообществах [Болонев, 2001; Гурова, 2005; Костров, 2007; Гарбуз, 2011; Гарбуз, 2013], о развитии лесной отрасли в Байкальском регионе в конце XIX века [Курышова, 2013; Курышова, 2020; Курышова, 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Троицко-Савское лесничество в территориальной структуре лесопользования Забайкальской области

В настоящей статье рассмотрим подробно Троицко-Савское лесничество в Западном лесохозяйственном районе, на территории которого во второй половине XIX века оказались поселения старобрядцев — семейских.

Отчет, который хранится в Государственном архиве Иркутской области, составлен 28 мая 1898 года Помощником Управляющего государственными имуществами К. С. Евтушевским. К. С. Евтушевский приводит примерные данные о распределении площадей с объяснением о невозможности представить точные цифры, однако делает следующее перечисление:

— в ведении Кабинета Его Императорского Величества находятся 11 275 тыс. десятин;

— во владении Забайкальского казацкого войска — 4075 тыс. десятин;

— в наделах крестьян — 1792 тыс. десятин;

— в пользовании у инородцев — 5920 тыс. десятин;

— в даче Петровского завода ведомства Кабинета Его Величества — 136 тыс. десятин;

— в городских и духовного ведомства наделах — 38 тыс. десятин;

— остаток в распоряжении казны, государственное имущество — 38 245 тыс. десятин, вся территория находится в северной части области [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Итого получается 61 481 тыс. десятин, или 671 679 925 км^2. В энциклопедии Забайкалья приводится площадь всей Забайкальской области в XIX веке — 613 000 км^2 [Забайкальская …, 2006]. Возможно, автор представил такие цифры при невозможности подсчета площадей северных территорий, относящихся к государственному имуществу: «Свободные государственные пространства расположены в северной ненаселенной части области, почти сплошною массою, а в местностях населенных они находятся на хребтах и только в немногих случаях — в долинах среди надельных дач. Этим обстоятельством объясняется, что огромное большинство казенных земель состоит под лесонасаждениями и только небольшая часть приходится на долю прочих угодий…» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

В отчете отмечается, что наибольшая площадь свободных казенных земель находится под лесами, причем лесистость казенных пространств в северном, западном и восточном районах можно приблизительно оценить в 80 %. Также автор отмечает, что в восточном и западном районах области больше населения, чем в северном, поэтому на севере к концу XIX века практически отсутствуют безлесные площади.

Лесные угодья в Забайкальской области в конце XIX века были распределены на три лесохозяйственных района и пять лесничеств. Лесохозяйственные районы — Восточный, Западный и Прибайкальский. Лесничества — Читинское, Верхнеудинское, Троицкосавское, Прибайкальское, Витимское.

В состав Троицко-Савского лесничества входила пограничная с Монголией полоса на запад от Яблонового хребта, включающая в себя долину Чикоя (нижнего течения реки Хилок до Селенги справа), а слева — долины рек Джида и Темник (притоков Селенги). Общая площадь лесничества составляла 7717 тыс. десятин, включая 6100 тыс. десятин казенных земель [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Троицко-Савское лесничество разделялось на пять главных участков: Верхне-Чикойский (200 тыс. десятин), Малханский (830 тыс. десятин), Кяхтинская дача (65 тыс. десятин), Джидинско-Темниковский (2900 тыс. десятин), Заганский (270 тыс. десятин).

В наши задачи входит изучение лесопользовательской практики старообрядческих общин, поэтому рассмотрим участки Верхне-Чикойский, Малханский, Заганский и частично Кяхтинскую дачу, в пределах которых старообрядцы организовывали свою лесохозяйственную деятельность.

3.2. Особенности освоения лесных ресурсов старообрядцами Верхне-Чикойского участка Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Верхне-Чикойский участок включал верхнее течение реки Чикой с крупными притоками Ацой и Мензой и множеством других, ограничивался

CC BY

Малханским хребтом по своей северной границе. Характерная особенность территории — горный рельеф, где узкие долины перемежаются с высокими крутосклонными хребтами, покрытыми лесами. Вершины хребтов — безлесные гольцы с куртинами кедрового стланика. Ввиду значительной высоты климат отличается более низкими температурами. В районе распространена островная вечная мерзлота, на которой отмечается лес плохого качества или вовсе его отсутствие, за исключением наличия кустарниковой растительности — ивы. По склонам произрастают кедровые и сосново-лиственничные леса. По оценкам К. С. Евтушевского данный участок имел на тот момент посредственное значение в плане лесохозяйственного использования из-за малого количества жителей: «В пределах его расположено лишь несколько казачьих поселков, которые не могут быть потребителями казенного леса, а золотые прииска в этой местности тоже не обещают заметного спроса на лесные материалы… Только на северо-западной окраине расположен ряд крестьянских селений, покупающих казенный лес между прочим и в этом районе, хотя помянутые селения имеют леса в своих наделах, но в них теперь уже ощущается недостаток в строевом лесе, идущем на сплав под хлебными грузами и в постройки вообще богатые в этой местности…» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Кроме крестьянских хозяйств Коротовской и Краснояровской волостей, основным потребителем леса в пределах Верхне-Чикойского участка являлся винокуренный завод в с. Красноярском (современный Красный Чикой), который приобретал лесорубочные билеты на суммы более 2000 рублей ежегодно. Лес доставляли по реке либо на санях зимой. Сплав леса на тот момент не был популярен по причине обилия запасов леса вообще в регионе. К. С. Евтушевский отмечает, что данный район является перспективным для дальнейшего заселения: «Чикойская долина (ниже по течению от села Шимбилик. — *С. В.*, *С. К.*) до того густонаселена, что теперь уже крестьянские наделы оказываются недостаточными и нарекания на малоземелье стали обычным явлением со времени бесплатного пользования в свободных казенных пространствах…» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Ввиду перенаселенности в долине Чикоя, выше по его течению возникали небольшие выселки и заимки в несколько домов, окруженные распаханными участками и сенокосными угодьями. Некоторые перерастали в поселения, как например, село Черемхово. К началу XX века выселков, заимок, а также поселков вокруг золотодобывающих рудников в пределах Верхне-Чикойского участка насчитывалось более 40, основное население в них — старообрядцы семейские [Телекоммуникационный …, 1896—1914].

Процесс расчистки лесов под пашни по долине реки Чикой продолжался вплоть до 1930—40-х годов. Это был тяжелый ручной труд с ис-

CC BY

пользованием лошадей. Женщины занимались такой работой наравне с мужчинами. В конце XIX века расчистка под пашни была обычным делом по долине Чикоя. Участки на казенных землях семейские занимали свободно, на договорном праве, при этом имели льготы с оплатой налогов [Кауфман, 1900, с. 121].

Таким образом, Верхне-Чикойский участок в конце XIX века был менее освоен семейскими старообрядцами, однако заселение вверх по Чикою продолжалось. Сюда приходили семьи из перенаселенных мест, лесопользование наравне с землепашеством становилось основой жизнеобеспечения.

3.3. Лесопользование старообрядцев на Малханском участке Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Малханский участок простирался на северо-запад от Верхне-Чикойского участка, от долины Чикоя, охватывая Малханский хребет до долины реки Хилок. Малханский хребет не имеет гольцов, он полностью покрыт лесами. Этот участок особенно ценен с лесохозяйственной точки зрения для старообрядцев семейских, поскольку представлен кедровой тайгой. Его действительно можно назвать таежной житницей для старообрядческих общин с самого их поселения и до настоящего времени, поскольку добыча кедрового ореха не только служила в урожайные годы источником пропитания, но и позволяла получать значительные доходы от продажи орехов на местных и региональных ярмарках [Гарбуз, 2013, с. 104]. К. С. Евтушевский отмечает: «Леса этого района и теперь имеют немаловажное значение как для удовлетворения местных потребностей, так и для сплава, а в недалеком будущем этот район должен играть видную роль в экономической жизни края» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. В неурожайные годы, когда не родились хлеба на полях, ореховый промысел позволял восполнить лишь питание населения. В неурожайном 1888 году «добыча орехов, несмотря на необыкновенный урожай их, не принесла населению и трети того заработка, который получался ранее, вследствие падения цены на них и дороговизны хлеба (орехи на Чикое продаются 60 копеек за пуд, но нет покупателей)» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 95, л. 89].

Лесами этого участка пользовались жители Коротовской, Краснояровской, Байхоровской, Нижненарымской, Урлукской, Тамирской, Малокуналейской, Бичурской, Еланской, Окино-Ключевской волостей. Семейские имели приписанные к поселениям лесные участки, а также могли брать в аренду на сорок лет от казны удобные лесные наделы под пашни. У каждого старообрядческого поселения была своя территория, на которой жители добывали орехи. Чаще всего это были казенные леса, налогов за пользование ими не предусматривалось. Территория, приуроченная к какому-либо из поселений, в свою очередь изнутри разграничивалась между семьями.

CC BY

Нередко негласное право сбора кедровых орехов на конкретном участке передавалось по наследству. Кедровым орехом питались и продавали его на ярмарках и скупщикам. В Краснояровском селе орехи перерабатывали на маслобойном заводе [Лебедева, 1979, с. 116]. В долине Чикоя по его берегам и на притоках в конце XIX века развивался один из несуществующих в настоящее время лесных промыслов — сбор таловой коры для кожевенного производства [ГАИО, ф. 24, оп. 9оц, д. 775, л. 19—22]. В Коротовской, Краснояровской, Байхоровской, Нижненарымской волостях было развито содержание изюбрей в неволе. Для этого семейские огораживали большие площади в таежных урочищах [ГАИО, ф. 24, оп. 9 оц, д. 766, л. 24].

В своем отчете К. С. Евтушевский сравнивает Малханский участок со смежными участками Верхнеудинского лесничества. Леса к северу и северо-востоку от него (в долинах рек Хилок, Ингода и их притоков) были сведены под пашни, подвергались вырубкам, в конце XIX века строевого леса в них не оставалось [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Леса Малханского участка оберегались жителями. С сосняками и кедровниками связаны первые природоохранные мероприятия и запреты на исследуемой территории: «В сел. Узко-Лугском Мало-Куналейской вол. на выгоне имеется до 25 дес. леса; рубить его запрещено, чтобы задержать вредное действие песчаных наносов. В даче Малокударинского сел. волости того же названия запрещено рубить кедровник; им очень дорожат, как лесом, поддерживающим иногда (в урожайные годы) весьма выгодный ореховый промысел…» [Россия …, 1898, с. 130].

К. С. Евтушевский в своем отчете отметил деловые качества старообрядцев семейских: «Между тем, оседлое население по Чикою, Хилку, Селенге живет богато, большими селениями, имеет избытки хлеба и рабочих, последние отправляются даже на Амур на золотые прииска по системам Зеи и Буреи, а теперь их много на земляных работах по железной дороге, где они имеют репутацию прекрасных работников» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Сопоставляя наличие богатых лесных ресурсов с человеческими, К. С. Евтушевский называет условия весьма благоприятными для развития промышленности в регионе, особенно связанные с земледелием, и указывает на процветание винокуренных заводов и мельниц: «Даже и в настоящее время из этого района отпускается наибольшее по лесничеству количество казенного леса, идущего частью для надобностей винокуренного завода и на крестьянские постройки, частью же сплавляемого на Селенгу с хлебом и в виде товарного леса. Спрос на казенный лес несомненно будет увеличиваться, а положение сплавных рек по северной и южной окраинам района и направление их в судоходную Селенгу, долина которой тоже

CC BY

густонаселена, позволяет рассчитывать на сбыт местных материалов из отдалённой восточной части района» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Также автор отмечает перенаселенность в среднем течении притоков Селенги — Чикоя и Хилка, в долинах более мелких притоков, подчеркивает возникший к концу XIX века дефицит сельскохозяйственных угодий среди старообрядческих сообществ. Рассуждая об этом, К. С. Евтушевский предполагает, что между Малханским, Кударинским и Бичурским хребтами есть участки, где могли быть подходящие микроклиматические условия для огородничества и хлебопашества с наличием лесных ресурсов, в том числе угодий с кедровой тайгой, подходящие для переселения семей старообрядцев [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

К Малханскому участку относились также еще три небольших по площадям участка, находящихся ближе к нижнему течению реки Чикой к юго-западу от Краснояровской волости. Первый — Урлукский, где в условиях горной местности территория полностью покрыта лесами. Второй — Тойкинский, где на песчаных почвах отмечался лес высокого качества. Третий — Тамирский участок, он также полностью покрыт лесом, расположен был между поселениями Тамир, Унгуркуй, Ивановка. Все три участка не были включены в окружающие его надельные крестьянские дачи и признавались свободным казенным имуществом. По большей части этими участками население во второй половине XIX века практически не пользовалось, за исключением сбора кедрового ореха на Тамирском участке. К. С. Евтушевский отмечает, что по Урлукскому, Тойкинскому и Тамирскому участкам не было документов о проведенном межевании, была неразбериха с оформлением земельных наделов в аренду, которая ограничивалась длительными переписками с администрацией. Бывали случаи, когда два или три сельских общества претендовали на аренду или владение одним участком [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Кроме старообрядцев семейских, здесь проживали казачьи и бурятские общины, которые также активно вели свои хозяйства, занимались заготовкой леса, дров, в меньшей степени охотой [Очиров и др., 2012, с. 43]. Автор дает следующую оценку этим участкам: «По своему значению это район требует уже систематически организованной эксплуатации, с выделением площадей, долженствующих остаться под лесом и с направлением рубок таким образом, чтобы лесные запасы были использованы рационально, в зависимости от предполагаемого назначения почвы из-под леса. Данные для подобной организации могут быть добыты только путем съемки на плане и специального исследования, без чего всякое суждение об этом будет иметь характер условных предположений, недостаточных для сколько-нибудь правильного разрешения изъясненной выше задачи» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

CC BY

Таким образом, Малханский участок, характеризовавшийся наличием богатейших запасов кедровой тайги, высококачественного строевого леса, охотничьих угодий, не только активно эксплуатировался старообрядцами семейскими, но также и оберегался ими. Также в пределах этой горной территории отмечалось наличие удобных земель для образования новых поселений.

3.4. Лесные ресурсы Заганского участка Троицко-Савского лесничества в системе жизнеобеспечения старообрядцев во второй половине XIX века

Заганский участок обозначался в пределах Заганского хребта между крестьянским наделами и владениями бурят по Хилку и Тугную до территории Петровского завода ведомства Кабинета Его Величества. Он включал Маргинтуйский участок, расположенный отдельно среди крестьянских земель к югу от заводской территории. Общая площадь этого района составляла около 270 тыс. десятин [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Здесь расположены поселения старообрядцев семейских: Мухоршибирь, Старый и Новый Заган, Хонхолой, Никольск, Харауз и др.

Ландшафты Заганского участка схожи по своему облику с ландшафтами Малханского участка. Однако К. С. Евтушевский оценил лесистость этого участка в 80 %, то есть заметно меньше, чем в Малханском. Здесь среди кедровых лесов на самых высоких частях гор и сосновых и лиственнично-сосновых лесов на склонах также отмечаются степи и лесостепи. «В лесохозяйственном отношении этот район весьма близок к Малханскому району, тот же характер местности и лесонасаждений, те же условия спроса на земли и лес и направление сбыта последнего; разница между этими районами лишь в том, что Заганский по северной окраине не имеет сплавной реки, ибо таковою Тугнуй не считается, но зато сбывает часть своего леса на железную дорогу; не менее того близки оба названные района и в отношении пригодности для сельскохозяйственной культуры и для образования новых поселений» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Здесь существовали та же проблема межевания угодий и споры между сообществами за лесные наделы, что и на Малханском участке. С созданием лесничества в 1890 году эта проблема оставалась, споры происходили за наиболее удобные в использовании участки, как, например, между селениями Харашибирь и Мухоршибирь в 1894 году [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 163, л. 9].

Лесные ресурсы Заганского участка позволяли старообрядцам семейским, проживающим по Тугную, Сухаре и их притокам, заниматься охотой, сбором кедрового ореха, заготовкой дров и леса, однако здесь более было развито землепашество благодаря большим удобным для выращивания хлебов площадям, чем в долине реки Чикой.

CC BY

3.5. Ограничения в лесопользовании для старообрядческого населения на Кяхтинской даче Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Кяхтинская дача отличалась меньшей лесистостью, по оценке К. С. Евтушевского — не более 65 % [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Природной особенностью этой территории является более засушливый климат и распространение песчаных почв и песков [Обручев, 1914, с. 60] по сравнению с Верхне-Чикойским, Малханским и Заганским участками. Причем восточная часть этого участка больше занята сосновыми и сосново-лиственничными лесами, чем западная, где преобладают степи. Здесь протекает река Чикой и впадает в Селенгу. Кроме того, основное население здесь составляли казаки, буряты, православные крестьяне-старожилы. Семейские поселения немногочисленны — деревня Калинина, Ново-Десятниково. Для этих поселений отводилось малое количество угодий вокруг, не более 10 тыс. десятин, и их жителям было сложно получить в надел дополнительные участки, поскольку все земли вокруг относились к бурятским общинам и по большей части находились во владении казаков. К. С. Евтушевский отмечает здесь наименьшее наличие леса вообще в пределах Троицко-Савского лесничества, распространение степей в окрестностях этих поселений [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Земли использовались преимущественно под пашни. Старообрядцы семейские закупали лес у соседних селений выше по Чикою по частному соглашению либо на основании установленных правил у казны — с оплатой пошлины [Россия, 1898, с. 129].

Таким образом, в пределах Кяхтинской дачи заготовка древесины была неудобным и нерентабельным занятием для небольшого количества старообрядцев, проживающих в данной местности. Старообрядцы семейские, проживающие здесь, преимущественно были заняты хлебопашеством, извозом и другими видами хозяйственной деятельности.

4. Заключение = Conclusions

Практика лесопользования у старообрядцев семейских, проживающих в Забайкалье, к концу XIX века развивалась стихийно, без регламентации со стороны государства. Ее развитие базировалось на эксплуатации богатых лесных ресурсов. Интенсивность лесопользования в каждом семейском поселении зависела от близости или удаленности лесных участков. Наряду с ресурсами основой также выступили исторически обусловленные знания о лесе у семейских, умение обращаться с деревом. Наработка опыта, приобретение новых навыков и знаний сопутствовали их практической деятельности.

Троицко-Савское лесничество организовано в 1890-х годах, однако практика лесопользования семейских в его пределах уже была отлажена. С созданием лесничества в конце XIX века лесопользование старообрядцев не изменилось и имело те же самые формы (заготовка дров, стройматериалов, охота, сбор дикоросов) вплоть до создания колхозов и совхозов в советское время. Когда Управление государственных имуществ в 1890-х годах проводило территориальные границы лесничеств в Забайкалье, оно во многом опиралось на реальную ситуацию с лесопользованием в сельских поселениях. Государственная программа по организации лесного дела в исследуемый период обозначила земли казенные и в наделах у крестьян, в нашем случае у старообрядцев семейских, проживающих в долине реки Чикой и ее притоков.

Малханский и Заганский лесные участки были наиболее освоены старообрядцами ввиду плотной заселенности этих территорий. Верхне-Чикойский участок оставался перспективным для освоения старообрядцами благодаря наличию кедровых угодий, наделов, пригодных для землепашества после расчистки, а также охотничьих ресурсов и дикоросов. На территориях Кяхтинской дачи поселений старообрядцев семейских оказалось не так много, однако территориально они тяготели к реке Чикой, по которой возможен был сплав леса из его долины с Малханского или Верхне-Чикойского участков. Очевидна привязка жизнеобеспечивающих систем старообрядческих общин семейских к лесным ресурсам.

В заключении необходимо отметить, что у семейских вместе с территориальным распределением орехово-промысловых и охотничьих угодий, наделов с деловой древесиной, наделов под пашни внутри сообществ сформировалась своя особенная этика лесопользования, выраженная в установлении запретов на вырубку лесных массивов в целях защиты от наносных песков, особенно оберегались и приобретали заповедное значение кедровники. Таким образом, практика лесопользования старообрядцев семейских в конце XIX века была рациональной и экологически щадящей одновременно.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области Ф. 29 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. ЛЛ. 89.

2. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области Ф. 29 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 163. Л. 9.

3. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области Ф. 29. (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 405. ЛЛ. 68.

4. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии 1822—1887 гг.) Ф. 24. Оп. 9 (ОЦ). Д. 775. ЛЛ. 29.

5. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 766. Л. 24.

6. *Забайкальская* область [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья, 2006. — Режим доступа : http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=481 (дата обращения 15.11.2024).

7. *Телекоммуникационный* атлас ретроспективных (издания 1896—1914 гг.) трансграничного Прибайкалья и Забайкалья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://baikalgis.ru/baikalgis/ (дата обращения 28.04.2025).

Литература

1. *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики / Ф. Ф. Болонев. — Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001. — 51 с.

2. *Гарбуз И. В.* Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века / И. В. Гарбуз // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 31—39.

3. *Гарбуз И. В.* Неземледельческие занятия забайкальских крестьян во второй половине XIX века / И. В. Гарбуз // Вестник ВСГУТУ. — 2013. — № 4 (43). — С. 101—109.

4. *Гурова О. Н.* Развитие традиционных промыслов в Красночикойском таёжном районе Читинской области / О. Н. Гурова // География и природные ресурсы. — 2005. — № 3. — С. 94—98.

5. *Кауфман А. А.* Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. / А. А. Кауфман. — Иркутск : Типография газеты «Восточное обозрение», 1900. — 179 с.

6. *Костров А. В.* Специфика хозяйственной инфраструктуры старообрядческих общин Байкальского региона в дореволюционный период / А. В. Костров // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2007. — С. 242—246. — ISBN 978-5-85827-342-4.

7. *Курышова И. В.* Причины активизации лесоохранной деятельности государства в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2013. — С. 427—433.

8. *Курышова И. В.* Охрана сибирских лесов в законодательстве Российской империи XVIII — начала XX века / И. В. Курышова // Академический юридический журнал. — 2020. — № 1 (79). — С. 48—54.

9. *Курышова И. В.* Управление казенными лесами в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2024. — С. 343—366.

10. *Лебедева А. А.* Промысел кедрового ореха в Сибири / А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова // Советская этнография. — 1979. — № 4 — С. 107—117.

11. *Любимова Г. В.* Динамика отношения к природной среде русского населения юга Западной Сибири (на примере лесопользования) : конец XIX — начало XXI в. /

CC BY

Г. В. Любимова // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 4/3 (64). — С. 108—110.

12. *Обручев В. А.* Сыпучие пески Селенгинской Даурии и необходимость их скорейшего изучения / В. А. Обручев // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения Императорского РГО. — 1912. — Т. 15. — Выпуск 3. — С. 53—67.

13. *Очиров В. О.* Охотничья культура бурят / В. О. Очиров, И. Б. Батуева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 7. — С. 42—46.

14. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть третья. Половина первая / П. С. Паллас. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1788. — 655 с.

15. *Пантелеев В. И.* О противодействии крестьянства лесной политике царизма на государственных землях Сибири в конце XIX — начале XX в. / В. И. Пантелеев, В. В. Прохоров // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2023. — № 1 (27). — С. 119—129. — DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-119-129.

16. *Риттер К.* Землеведение Азии Карла Риттера. Восточная Сибирь : озеро Байкал и прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби / К. Риттер ; переведен и издан по поручению ИРГО под рук. П. Семенова. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1879. — Т. 5. — 477 с.

17. *Россия.* Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы / высочайше учрежденная под пред. статс-секретаря Куломзина Комис. для исслед. землевладения и землепользования в Забайкал. обл. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 497 с.

18. *Рыбалкин А. И.* Совершенствование системы лесного управления в Российской империи в конце XIX в. / А. И. Рыбалкин // Берегиня. 777. Сова : Общество. Политика. Экономика. — 2013. — № 1 (16). — С. 24—26.

19. *Соколов В. А.* Основы организации устойчивого лесопользования / В. А. Соколов // Сибирский лесной журнал. — 2014. — № 1. — С. 14—24.

20. *Туров С. В.* Экологические аспекты традиционных лесных промыслов старожильческого (русские, коми) населения Обдорского края (вторая половина XIX — первая треть XX в.) / С. В. Туров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 1 (14). — С. 162—167.

21. *Тяпкин М. О.* Зарождение системы лесного законодательства и управления лесами в России в первой четверти XVIII в. / М. О. Тяпкин // Алтайский юридический вестник. — 2011. — № 4 (8). — С. 15—20.

22. *Тяпкин М. О.* Традиции лесопользования и лесохозяйственная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период (на примере Западной Сибири) / М. О. Тяпкин // Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. — 20-е гг. XX в.). — Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2019. — С. 188—198. — ISBN 978-5-94981-335-5.

23. *Тяпкин М. О.* Структура лесных уставов Российской империи / М. О. Тяпкин // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Томск : [б. и.], 2022. — С. 12—14. — ISBN 978-5-94621-672-2.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025,
одобрена после рецензирования 22.08.2025,
подготовлена к публикации 12.09.2025.

CC BY

Material resources

GAIO — *State Archive of the Irkutsk region F. 29 (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 95. LL. 89.* (In Russ.).

GAIO — *State Archive of the Irkutsk region F. 29 (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 163. L. 9.* (In Russ.).

GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 24 (The Main Directorate of Eastern Siberia (GUVS) of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Irkutsk, Irkutsk province, 1822—1887) F. 24. Op. 9 (OTS). D. 775. LL. 29.* (In Russ.).

GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 24. Op. 9 OTS. D. 766. L. 24.* (In Russ.).

GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 29. (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 405. LL. 68.* (In Russ.).

Telecommunication atlas of retrospective (editions 1896—1914) transborder Baikal and Transbaikalia. Available at: https://baikalgis.ru/baikalgis/ (accessed 28.04.2025). (In Russ.).

Zabaykalskaya oblast. (2006). *Encyclopedia of Transbaikalia.* Available at: http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=481 (accessed 15.11.2024). (In Russ.).

References

Bolonev, F. F. (2011). *The Old Believers of Altai and Transbaikalia. The experience of comparative characteristics.* Barnaul: Publishing House of BYUI. 51 p. (In Russ.).

Garbuz, I. V. (2011). Land relations in the Trans-Baikal region in the second half of the 19th century. *Humanitarian vector, 3 (27):* 31—39. (In Russ.).

Garbuz, I. V. (2013). Non-agricultural occupations of the Trans-Baikal peasants in the second half of the 19th century. *Bulletin of VSGUT, 4 (43):* 101—109. (In Russ.).

Gurova, O. N. (2005). The development of traditional crafts in the Krasnochikoysky taiga region of the Chita region. *Geography and natural resources, 3:* 94—98. (In Russ.).

Kaufman, A. A. (1900). *Land relations and communal orders in Transbaikalia based on local research in 1897.* Irkutsk: Printing house of the newspaper "Eastern Review". 179 p. (In Russ.).

Kostrov, A. V. (2007). Specifics of the economic infrastructure of the Old Believer communities of the Baikal region in the pre-revolutionary period. In: *Siberia in a changing world. History and modernity.* Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Pedagogical University. 242—246. ISBN 978-5-85827-342-4. (In Russ.).

Kuryshova, I. V. (2013). Reasons for the intensification of forest protection activities of the state in the Baikal region in the late XIX — early XX centuries. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* 427—433. (In Russ.).

Kuryshova, I. V. (2020). Protection of Siberian forests in the legislation of the Russian Empire of the XVIII — early XX century. *Academic Law Journal, 1 (79):* 48—54. (In Russ.).

Kuryshova, I. V. (2024). Management of state-owned forests in the Baikal region in the late XIX — early XX centuries. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* 343—366. (In Russ.).

Lebedeva, A. A., Safyanova, A. V. (1979). Cedar nut fishing in Siberia. *Soviet ethnography, 4:* 107—117. (In Russ.).

Lyubimova, G. V. (2009). Dynamics of attitudes towards the natural environment of the Russian population in the south of Western Siberia (on the example of forest management): the end of the XIX — beginning of the XXI century. *Proceedings of the Altai State University, 4/3 (64):* 108—110. (In Russ.).

Obruchev, V. A. (1912). The loose sands of the Selenga Dauria and the need for their speedy study. *Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky branch of the Amur branch of the Imperial Russian Geographical Society, 15 (3):* 53—67. (In Russ.).

Ochirov, V. O. (2012). Hunting culture of the Buryats. *Bulletin of the Buryat State University, 7:* 42—46. (In Russ.).

Pallas, P. S. (1788). *A journey through different provinces of the Russian State. Part three. The first half.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 655 p. (In Russ.).

Panteleev, V. I., Prokhorov, V. V. (2023). On the opposition of the peasantry to the forest policy of tsarism on the state lands of Siberia in the late 19th — early 20th centuries. *Socio-economic and Humanitarian Journal, 1 (27):* 119—129. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-119-129. (In Russ.).

Ritter, K. (1879). *The Geography of Asia by Karl Ritter. Eastern Siberia: Lake Baikal and the Baikal countries, Transbaikalia and the Gobi Steppe, 5.* St. Petersburg: [b. i.]. 477 p. (In Russ.).

Russia. (1898). *The Commission for the study of land ownership and land use in the Trans-Baikal region. Materials / highly established under the pre. State Secretary of the Kulomzin Commission. for research. Land tenure and land use in the Trans-Baikal Region.* Saint Petersburg: [b. i.]. 497 p. (In Russ.).

Rybalkin, A. I. (2013). Improvement of the forest management system in the Russian Empire at the end of the 19th century. *Bereginya. 777. Owl: Society. Politics. Economy, 1 (16):* 24—26. (In Russ.).

Sokolov, V. A. (2014). Fundamentals of sustainable forest management. *Siberian Forest Journal, 1:* 14—24. (In Russ.).

Turov, S. V. (2011). Ecological aspects of traditional forest crafts of the old-timers (Russians, Komi) population of the Obdorsky Territory (the second half of the XIX — the first third of the XX century). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 1 (14):* 162—167. (In Russ.).

Tyapkin, M. O. (2011). The origin of the system of forest legislation and forest management in Russia in the first quarter of the XVIII century. *Altaisky yuridicheskiy vestnik, 4 (8):* 15—20. (In Russ.).

Tyapkin, M. O. (2019). Traditions of forest management and forestry activities of the peasant community in the pre-revolutionary period (on the example of Western Siberia). In: *Institutions of communal self-government in the social life of the multinational peasantry of the Volga-Ural region (XVIII century — 20s of the twentieth century).* Kazan: Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani Academy Sciences of the Republic of Tatarstan. 188—198. ISBN 978-5-94981-335-5. (In Russ.).

Tyapkin, M. O. (2022). *The structure of forest charters of the Russian Empire. Legal problems of strengthening Russian statehood.* Tomsk: [b. i.]. 12—14. ISBN 978-5-94621-672-2. (In Russ.).

The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 22.08.2025;
accepted for publication 12.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Лаптева М. Ю. Ссыльный поселенец П. О. Леман, учитель немецкого и французского языков в Тобольской классической гимназии (1830—1840 годы) / М. Ю. Лаптева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 429—445. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-429-445.

Lapteva, M. Yu. (2025). Exiled Settler P. O. Lehman: A Teacher of German and French at Tobolsk Classical Gymnasium (1830–1840). *Nauchnyi dialog, 14* (7): 429-445. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-429-445. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ссыльный поселенец П. О. Леман, учитель немецкого и французского языков в Тобольской классической гимназии (1830—1840 годы)

Лаптева Марина Юрьевна
orcid.org/0000-0003-2635-2111
доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
mlapteva1@yandex.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Exiled Settler P. O. Lehman: A Teacher of German and French at Tobolsk Classical Gymnasium (1830–1840)

Marina Yu. Lapteva
orcid.org/0000-0003-2635-2111
Doctor of History, Associate Professor
of the Department of General History
mlapteva1@yandex.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Лаптева М. Ю., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена судьбе П. О. Лемана, унтер-офицера в отставке, участника Отечественной войны 1812—1814 годов. Леман был осужден в 1822 году за мошенничество, отсидел два года в тюрьме, затем был сослан в Сибирь на поселение. В 1830 году он был принят учителем немецкого и французского языков в Тобольскую классическую гимназию. Новизна статьи состоит в представлении результатов изучения неопубликованных архивных данных дела П. О. Лемана, которые впервые вводятся в научный оборот. В статье подчеркивается, что Леман нашел в себе силы раскаяться и добиваться помилования. Автор уделяет внимание процедуре принятия решений по кадровым вопросам Тобольской классической гимназии, особенностям взаимодействия директоров гимназии, гражданских и военных губернаторов с Министерством народного просвещения в ситуациях кадрового дефицита, критических для народного образования Западной Сибири. Автор приходит к выводу, что П. О. Леман — редкий для Сибири пример раскаявшегося преступника, не только восстановивший утраченное доброе имя, профессиональную репутацию, но и внесший свою лепту в совершенствование гимназического образования Западной Сибири.

Ключевые слова:
Западная Сибирь; Тобольск; классическая гимназия; Министерство народного просвещения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the life of P. O. Lehman, a retired non-commissioned officer and participant in the Patriotic War of 1812–1814. Convicted of fraud in 1822, Lehman served two years in prison before being exiled to Siberia for settlement. In 1830, he was appointed as a teacher of German and French at the Tobolsk Classical Gymnasium. The novelty of this study lies in the presentation of unpublished archival data related to Lehman's case, which is introduced into scholarly discourse for the first time. The article emphasizes Lehman's journey of repentance and his pursuit of clemency. The author highlights the decision-making processes regarding staffing at the Tobolsk Classical Gymnasium and the unique interactions among the gymnasium directors, civil and military governors, and the Ministry of Public Education during critical staffing shortages that impacted public education in Western Siberia. The conclusion drawn is that P. O. Lehman represents a rare case in Siberia of a repentant criminal who not only restored his lost good name and professional reputation but also contributed to the advancement of gymnasium education in Western Siberia.

Key words:
Western Siberia; Tobolsk; classical gymnasium; Ministry of Public Education.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 929Леман+94(571.12)“1830/1840”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-429-445

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Ссыльный поселенец П. О. Леман, учитель немецкого и французского языков в Тобольской классической гимназии (1830—1840 годы)

© Лаптева М. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

Первая четверть XIX века в истории России отмечена важнейшими для её развития реформами среднего образования, инициированными в начале XIX века Александром I и его единомышленниками, а затем, во второй половине 20-х годов XIX века продолженными Министерством народного просвещения во главе с А. С. Шишковым, К. А. Ливеном и С. С. Уваровым. Итогом реформ стало утверждение системы классического образования, основным звеном которого стали мужские гимназии, обеспечившие основу для экономического и культурного прогресса государства. Основные этапы реформирования и развития классического образования в России, начиная от его истоков в XVIII веке до 1917 года, были проанализированы в работах отечественных исследователей Д. А. Толстого, Г. К. Шмидта, И. А. Алешинцева, Г. П. Изместьевой, В. В. Перцева, А. И. Любжина [Толстой, 1886; Шмидт, 1878; Алешинцев, 1912; Изместьева, 2003; Любжин, 2015; Любжин, 2016; Любжин, 2018].

Региональные сибирские особенности среднего звена светского образования, вопросы кадровой политики Министерства народного просвещения относительно сибирских гимназий XIX века рассмотрены в монографиях Н. С. Юрцовского, Ф. Ф. Шамахова, Ю. П. Прибыльского [Юрцовский, 1923; Шамахов, 1957; Прибыльский, 1998], в статьях М. П. Малышевой, И. В. Неупокоева [Малышева, 1978; Неупокоев, 2013], в диссертациях В. С. Сулимова и Е. В. Сизовой [Сулимов, 2006; Сизова, 2011]. В этих исследованиях классические гимназии рассматриваются в контексте истории развития среднего и начального образования региона без выявления содержания и специфики этого звена в системе народного образования.

Впервые тема западносибирской гимназии была представлена в исторической записке С. И. Замахаева и Г. А. Цветаева, посвященной первой в регионе Тобольской классической гимназии за первые сто лет её истории начиная с 1789 года [Замахаев и др., 1889]. Авторы, учителя Тобольской

CC BY

гимназии, характеризуют организацию учебного процесса на фоне и по периодам российских реформ среднего образования, показывают формирование материальной базы гимназии, библиотечного фонда, взаимодействие директоров с местной администрацией, Министерством народного просвещения.

В конце XX — первой четверти XXI веков в связи с переосмыслением классического наследия досоветского периода тема Тобольской гимназии вновь стала привлекать внимание сибирских исследователей. Однако в работах, посвященных народному образованию края и конкретно Тобольской гимназии, авторы опирались в основном на материалы исторической записки Замахаева и Цветаева, не стремясь расширить круг источников и хронологические границы темы [Прибыльский, 1998, с. 24—28; Сизова, 2011; Лицман и др., 2014; Курская, 2020].

Учебно-методические и социально-антропологические аспекты истории Тобольской гимназии получили освещение в статьях И. В. Журавлевой, М. П. Широковой, С. А. Кочуриной, М. Ю. Лаптевой, Е. А. Резниченко [Журавлева, 1992; Широкова и др., 2000; Лаптева, 2022; Резниченко, 2023]. В этих работах на первый план выходят кадровые решения местных и столичных властей, материальное положение и правовой статус учителей классических и новых языков в Тобольской гимназии, биографии учителей, учебные пособия и методики преподавания основных предметов гимназического курса — древних и новых языков.

Статья посвящена истории служебной карьеры Павла Осиповича Лемана, учителя немецкого и французского языков в Тобольской классической гимназии в 1830—1840 годах. До сих пор материалы дела Лемана не привлекали внимания исследователей. Между тем curriculum vitae ссыльного Лемана высвечивает спектр важных проблем первой сибирской гимназии в период её преобразования по реформе 1828 года в семиклассную. Исследование этих проблем определяет актуальность и новизну статьи. Задачи автора статьи состояли в выяснении политики местных и центральных органов власти относительно учителей иностранных языков в классической гимназии, их правового и материального положения, степени свободы учителей в выборе учебной литературы и методик преподавания своих предметов, в рассмотрении взаимоотношений директоров гимназии и учительского коллектива. Материалы дела Лемана дают также возможность определить особенности контактов гражданских и военных губернаторов как попечителей Тобольской гимназии с министрами народного просвещения, приоритеты сторон при решении острых кадровых проблем гимназии. Представляет интерес и личность самого П. О. Лемана, преступника, нашедшего в себе силы встать на путь ис-

CC BY

правления, завоевать своим профессионализмом авторитет у местных властей и внесшего свой вклад в утверждение основ классического образования в Сибири.

2. Материал, методы, обзор=Material, Methods, Review

Дело № 28 «О назначении ссыльного иностранца П. О. Лемана учителем французского языка в Тобольскую гимназию» хранится в фонде № 733 Российского государственного исторического архива. Дело, содержащее 81 лист, начато 20 марта 1830 года и завершено 28 мая 1837 года [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 1—81]. Содержащиеся в деле документы: переписка гражданских губернаторов Тобольска, генерал-губернаторов Западной Сибири с Министерством просвещения, министра просвещения с Министерством юстиции, протоколы и отчеты Тобольской мужской гимназии, прошения и актовые речи Лемана, его служебные аттестаты, позволяют представить особенности личности и профессиональную компетентность соискателя на открывшуюся вакансию учителя иностранных языков, а также методы работы высшей государственной и губернской бюрократии, вынужденной принимать нестандартные решения в критических для народного образования сибирской губернии ситуациях.

Материалы дела Лемана до сих пор не попадали в поле зрения исследователей, изучающих историю среднего образования в Западной Сибири и Тобольской гимназии, в которой он служил с 1830 по 1840 годы. Имя Лемана упоминается учителями Тобольской гимназии С. И. Замахаевым и Г. А. Цветаевым в исторической записке к столетию гимназии [Замахаев и др., 1889, с. 105—108, 139—142, 166]. Авторы на основе имевшихся в их распоряжении архивов гимназии излагают историю конфликта Лемана и директора гимназии Качурина при обсуждении в 1837 году успеваемости учеников по французскому языку и методики преподавания этого предмета. Эти архивные данные дополняют общий исторический контекст становления классического образования в России первой половины XIX века выразительными подробностями региональной сибирской специфики.

Изучение материалов дела П. О. Лемана основывается на традиционных принципах и методах исторических исследований: историко-генетическом — при исследовании периодов биографии Лемана и этапов принятия решений министрами просвещения по ходатайствам о нем сибирских гражданских губернаторов и генерал-губернаторов; историко-системном — при рассмотрении особенностей реформирования Тобольской губернской гимназии в 30-е годы XIX века на фоне реформ среднего образования в России.

CC BY

3. Результаты и обсуждение=Results and Discussion

3.1. Кадровые проблемы Тобольской гимназии (1810—1829 годы)

Одной из острых кадровых проблем первой в Западной Сибири классической гимназии в губернском городе Тобольске, который в первой половине XIX века был столицей Тобольской губернии, было недостаточное количество квалифицированных преподавателей иностранных языков. По уставу гимназий, «подведомых университетам», принятому в 1804 году, иностранные языки, французский, немецкий и латинский, должны были преподавать учителя на полной ставке по 16 уроков в неделю [ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21501, с. 626, 628]. В это время в Тобольском главном народном училище, готовившемся к переходу на гимназические учебные планы, преподавался только «соседственный», татарский язык [Лаптева, 2022, с. 72]. Из-за отсутствия подготовленных преподавателей с 1802 года и до открытия гимназии в 1810 году не было даже латинского языка [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 206, л. 10; д. 210, л. 62; д. 258, л. 4, 35—35 об.]. Накануне открытия гимназии французский язык решил вести сам директор А. Х. Эйбен, немецкий язык был предложен шведу, подпоручику местного гарнизона, Н. Тиману. Латинский язык согласился преподавать эмигрант из Рагузы П. Оливьери [Лаптева и др., 2022, с. 155—156]. После открытия Тобольской гимназии 10 марта 1810 года в течение пятнадцати лет сменилось семь преподавателей латинского языка, ставка учителей немецкого языка замещалась в 1810—1814 годах подпоручиком Н. Тиманом. В 1814—1815 годах его вел по совместительству И. П. Менделеев, в 1816—1817 годах выпускник Санкт-Петербургской гимназии Н. И. Зибенгар, затем до 1824 года немецкий язык не преподавался. Вакансия французского языка со времени открытия гимназии до 1824 года оставалась свободной, изредка замещаясь другими преподавателями. Так, например, в 1817—1821 годах французский преподавал учитель латинского языка В. Е. Яблонский [Замахаев и др., 1889, с. 71—72, 74; Там же, Прибавление I, с. 6].

В 1824 году на должность преподавателя немецкого и французского языков был принят, после сданного экзамена на звание учителя, И. Б. Штитцинг. Он прослужил в гимназии до своей смерти в июле 1829 года [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 14, л. 1—22; д. 28, л. 1]. Попечитель гимназии тобольский гражданский губернатор В. А. Нагибин обращался за помощью в Казанский университет, которому подчинялась Тобольская гимназия, но никто из студентов и преподавателей не согласился переехать в Сибирь для работы учителем немецкого и французского языков [Там же, л. 17 об.]. 13 января 1830 года к директору гимназии И. П. Менделееву (отцу будущего ученого Д. И. Менделеева) обратился с прошением принять его на должность учителя этих языков работавший в губерн-

CC BY

ской аптеке ссыльный поселенец Павел Осипович Леман [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28. л. 12—12 об.].

3.2. Преступление и наказание П. О. Лемана, прошения о помиловании

Павел Осипович Леман, «православный из иностранцев», получивший гимназическое образование (какую именно гимназию окончил Леман, в его послужных списках не указывается), в 1809 году поступил на службу в волонтерский Лубенский гусарский полк, который принимал участие в войне 1812—1814 годов. В 1815 году Леман вышел в отставку в чине унтер-офицера. В 1822 году, находясь в Москве, он по фальшивым документам поручика поступил на государственную службу, носил мундир поручика, прусский орден Pure le Merite, а также вступил в брак с вдовой майора Быловой (имя её не сообщается). Вскоре лжепоручик был разоблачен, отдан под суд, лишен воинского звания, осужден на два года тюрьмы, а затем, в мае 1825 года, сослан на поселение в Западную Сибирь [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 2 об. — 4, 27—30 об., 76].

Дальнейший жизненный путь Лемана отмечен, судя по отзывам о нём гражданской администрации Тобольска и аттестатам, выданным по месту его частной службы в Томске и Тобольске, искренним раскаянием и горячим стремлением восстановить доброе имя. Он работает в течение пяти лет «с неутомимым усердием» в канцелярии тобольского гражданского губернатора, затем старшим письмоводителем в дирекции сухопутных сообщений Томской губернии, в Тобольской губернской аптеке, где его ценят за переводы с латинского языка [Там же, л. 13—16].

Весной 1830 года Леман прошел в Тобольской классической гимназии успешное испытание на знание немецкого и французского языков в присутствии директора И. П. Менделеева и старших учителей гимназии, о чем свидетельствуют подробные протоколы с текстами заданий по переводу с русского на немецкий и французский, с французского на немецкий. Протоколы были переданы тобольскому гражданскому губернатору директором гимназии [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 5—11 об.]. Проверить, насколько хорошо владеет Леман немецким и французским, могли в 1829 году учитель латинского языка С. А. Троицкий, выпускник Московской духовной академии, законоучитель В. И. Попов, выпускник Тобольской духовной семинарии [Замахаев и др., 1889, Прибавление I, с. 6], а также сам директор гимназии, составлявший тексты для экзамена Лемана. Директор И. П. Менделеев, выпускник Санкт-Петербургского педагогического института, в бытность свою старшим учителем Тобольской гимназии (1808—1818 годы) заслужил похвалу директора А. И. Арнгольдта и проверяющих гимназию визитаторов Казанского учебного округа за

CC BY

свой перевод на русский язык немецкого пособия по римским древностям М. Мейера [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 609, л. 1—1 об.]. Сомневаться в компетентности учителей, экзаменовавших Лемана, очевидно, не приходится.

В марте 1830 года по просьбе директора гимназии И. П. Менделеева, тобольский гражданский губернатор В. А. Нагибин, получив о Лемане справки из Приказа о поселенцах, а также аттестаты с мест его работы в ссылке, отправил ходатайство министру народного просвещения К. А. Ливену с просьбой разрешить Леману работать учителем немецкого и французского языков в Тобольской гимназии [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 1—4]. Ходатайство было удовлетворено: П. О. Леману было разрешено преподавать языки, получать жалование, однако без права считаться на государственной службе, одной из привилегий которой было продвижение по служебной лестнице и получение за выслугу лет государственной пенсии. Жалование, назначенное Леману по предписанию министра Ливена, составило 600 рублей в год, что было на 200 рублей меньше штатного жалования, которое получал его предшественник Штитцинг [Там же, л. 16]. Осенью 1830 года по новому ходатайству губернатора В. А. Нагибина министр народного просвещения разрешил увеличить жалование Леману на 100 рублей для оплаты съемной квартиры и распорядился обеспечивать его дровами и свечами [Там же, л. 19—19 об., 20—23 об.].

В октябре 1831 года генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов, чья резиденция находилась в Тобольске, обращается к министру народного просвещения К. А. Ливену с ходатайством об изменении правового статуса ссыльного учителя. Генерал-губернатор отмечает усердие Лемана в исполнении учительских обязанностей, «отличное поведение», благожелательное отношение к нему директора гимназии. Вельяминов высказал опасение, что, будучи ссыльным, учитель может быть заменен чиновниками, находящимися на государственной службе, и в этом случае, при слабом здоровье, подорванном тюрьмой и пребыванием в Сибири, усугубленном полученным по неосторожности огнестрельным ранением руки, он будет вынужден бедствовать. Обстоятельства этого ранения Вельяминов не раскрывает. Письмо генерал-губернатора оканчивается просьбой к министру просвещения засчитать полтора года работы Лемана в гимназии как действительную государственную службу [Там же, л. 24—25 об.].

Министр просвещения запросил полные сведения о Лемане в министерстве юстиции, а затем, под впечатлением от полученной информации, ответил Вельяминову, что, даже учитывая положительные отзывы о Лемане и сложности с замещением учителей иностранных языков в Сибири, он не может ходатайствовать о ссыльных как «учителях юношества» [Там же, л. 31—34 об.].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Этот отказ не остановил ни усилий Лемана в укреплении своей репутации добросовестного учителя с безупречным поведением, ни попыток его доброжелателей добиться помилования ссыльного и его права на государственную службу.

Новые возможности для прошений о Лемане открылись в марте 1833 года после ухода в отставку министра народного просвещения К. А. Ливена и вступления в эту должность С. С. Уварова. В начале нового учебного года, директор гимназии Менделеев поручает Леману выступить с актовой речью. Речь Лемана «О пользе изучения новейших европейских языков и о влиянии оных на отечественную литературу», свидетельствующая о широком литературном кругозоре учителя, была произнесена 27 августа 1833 года [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 38—51]. Текст речи был заверен директором Менделеевым, приложен к новому ходатайству за Лемана гражданского губернатора Тобольска А. Н. Муравьева и отправлен в Министерство народного просвещения в сентябре 1833 года. Губернатор повторил просьбу И. А. Вельяминова о «предстательстве перед Его Императорским Величеством о Всемилостивейшем прощении» Лемана и присвоении ему прав учителя со времени начала службы 12 июня 1830 года. Муравьев характеризует Лемана как человека, хотя и совершившего свой проступок по причине «пылких страстей молодости», но уже раскаявшегося. Он отмечает, что ученики гимназии относятся к Леману «с полным уважением» и, если ему будет оказано «величайшее благодеяние», Тобольская гимназия получит «достойного члена» [Там же, л. 25—27 об.].

Ответа министра на ходатайство Муравьева не последовало. Молчание министра можно объяснить тем, что в начале 1834 года А. Н. Муравьев был переведен в Вятскую губернию и в следующие полтора года должность тобольского гражданского губернатора оставалась вакантной. Кадровые вопросы гимназии невозможно было решать без участия гражданских губернаторов, которым с 1828 года было передано управление Тобольской гимназией, ранее подчинявшейся Казанскому университету [Замахаев и др., 1889, с. 67].

В 1836 году Тобольская гимназия должна была перейти на новый устав, принятый в 1828 году, и Леману, как не состоящему на государственной службе, грозило увольнение. 20 апреля 1835 года губернатор В. И. Копылов пишет министру просвещения Уварову новое ходатайство, напоминая о предыдущих прошениях за Лемана генерал-губернатора Вельяминова и губернатора Муравьева. Копылов с похвалой отзывается о «доброй нравственности» и познаниях Лемана в языках, которые он приобрел в молодости, более четырех лет обучаясь в гимназии. Он просит министра ходатайствовать перед императором о «высочайшем помиловании» и зачислении Лемана на

CC BY

государственную службу как «человека достойного, заслужившего похвалу и учеников, и родителей, знатока немецкого и французского языков». 5 июня 1835 года на этом письме появляется резолюция: «Господин министр приказал оставить без производства» [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 52—53].

5 октября 1835 года сам Леман пишет письмо (копия его сохранилась в деле Лемана) некоему покровителю (к которому он обращается: «ваше сиятельство, князь») с просьбой «предстательства» перед министром просвещения и ходатайства перед императором о помиловании его с разрешением считаться на государственной службе. Возможным адресатом, которому мог писать ссыльный Леман, был князь П. Д. Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири. Обращение к генерал-губернатору, а не к попечителю гимназии, гражданскому губернатору, объясняется тем, что в это время Уваров поручил генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову курировать все принципиально-важные вопросы управления учебными заведениями Тобольской и Томской губерний. Письмо Лемана изобилует словами отчаяния, страха и откровенными признаниями. Он пишет о своем покаянии, желании загладить вину и обратить на себя внимание усердным исполнением государственной службы. Леман не скрывает тревоги, что в 1836 году он, как не состоящий на государственной службе, будет уволен и, будучи больным и старым, лишится единственного источника пропитания [Там же, л. 54—55 об.]. Вероятно, Горчаков заступился за Лемана и на полях его прошения, отправленного в министерство, 9 ноября 1835 года появляется распоряжение: «Господин министр приказал представить в кабинет министров» [Там же, л. 54].

После обсуждения дела Лемана в кабинете министров Уваров составляет проект представления императору, в котором выражает свое убеждение в необходимости помилования ссыльного, но не дает ход делу ещё год [Там же, л. 56—63 об., 76—78 об.]. В наступившем 1836 году положение Лемана становится критическим. Гимназия с большим опозданием переходит на устав 1828 года. Педагогический совет гимназии, директор, новый гражданский губернатор И. Г. Ковалёв рекомендуют Лемана в кадровый состав новой реформируемой семилетней гимназии [Там же, л. 72—75].

9 мая 1836 года губернатор Ковалев обращается к министру народного просвещения Уварову с очередной просьбой о предстательстве перед императором о помиловании Лемана. Ковалев напоминает, что за Лемана просили в 1830, 1831, 1833, 1835 годах губернаторы Нагибин, Муравьев, Копылов, генерал-губернатор Вельяминов. Он подтверждает лестные характеристики Лемана как хорошего наставника юношества в немецком и французском языках, изучавшего эти языки в течение нескольких лет, в совершенстве владеющего ими, обладающего «безукоризненной нрав-

CC BY

ственностью», подтверждает успехи его учеников и благодарные отзывы родителей [Там же, л. 68—70]. Ответа на это письмо вновь не последовало.

В августе 1836 года немецкий язык, который преподавал Леман, передают дивизионному пастору Ф. Б. Гильденгагену. По свидетельству Замахаева и Цветаева, он плохо знал русский язык и часто пропускал занятия из-за гарнизонных дел. Заменять его приходилось Леману [Замахаев и др.,1889, с. 89]. В конце 1836 года министр Уваров дополняет свое отложенное представление императору о Лемане сведениями губернатора Ковалева [РГИА, ф. 733, оп. 83, д. 28, л. 68—70] и 15 декабря 1836 года обращается к генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову с просьбой предоставить его мнение о деле Лемана, прежде чем он, Уваров, сможет доложить о нём императору [Там же, л. 71—71 об.]. Положительные отзывы о Лемане от генерал-губернатора П. Д. Горчакова, нового директора гимназии В. О. Грибовского, инспектора Е. М. Качурина поступили незамедлительно в конце января 1837 года [Там же, л. 72—75].

История принятия решения по делу Лемана закончилась 27 марта 1837 года. Резолюция императора Николая I «о всемилостивейшем прощении» П. О. Лемана и разрешении ему поступить на государственную службу была поставлена на записке министра просвещения С. С. Уварова, подробно изложившего все обстоятельства дела Лемана [Там же, л. 76—78 об.].

3.3. Служба П. О. Лемана в Тобольской гимназии после помилования

После помилования П. О. Леман получил соответствующий его должности младшего учителя десятый разряд коллежского секретаря с жалованием в 1200 рублей [Замахаев и др., 1889, с. 78] и возможность получить государственную пенсию по выслуге лет, то есть через пятнадцать лет, так как в срок службы были зачтены годы его работы в гимназии. К 1837 году здоровье Лемана ухудшилось, он часто пропускал занятия [Там же, с. 139—142], что отразилось на отношении к нему инспектора гимназии. Особенно болезненно могла восприниматься Леманом оценка инспектором, а вскоре и директором гимназии Е. М. Качуриным результатов его работы и методов преподавания французского языка. Этот эпизод истории Тобольской гимназии подробно освещают Замахаев и Цветаев [Там же, с. 105—108].

Как рассказывают авторы во время заседания педагогического совета 27 марта 1837 года обсуждался рапорт инспектора гимназии Качурина для чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Сибири, проводившего ревизию гимназии в начале 1837 года. Качурин в числе прочих недостатков гимназии отметил слабую успеваемость гимназистов по французскому языку, причины которой он увидел в методах преподавания Лемана, которого Качурин «не посовестился назвать поселенцем» [Там же, с. 106].

CC BY

Леман, по замечанию авторов истории гимназии, «был задет за живое». Он объяснил слабые знания учеников тем, что гимназия не обеспечена достаточно учебными пособиями и словарями французского языка, собственных же словарей и пособий нет ни у кого из гимназистов. Это не позволяет им хорошо готовиться к занятиям дома, а переводы на уроках зависят от того успевают ли ученики записать слова под диктовку учителя.

Ранее, в начале учебного года, Леман докладывал инспектору Качурину, что в гимназии имеется только один французский словарь и одна хрестоматия Нувеля. Он также описал свои методы обучения французскому языку, дал список необходимого количества словарей, разговорников и хрестоматий, важных «для улучшения учебного дела в гимназии» [Там же, с. 94, 99].

Отвечая на обвинения инспектора Качурина на педагогическом совете, Леман утверждал, что усвоение материала на уроках затруднено отсутствием какой-либо домашней подготовки, а также недостаточным количеством часов для французского языка в учебном плане гимназии. Леман скрупулезно подсчитал, что за месяц гимназисты учат язык три дня, в год это занимает 30 дней, а за четыре года изучения французского языка на него приходится всего четыре месяца (4,5 часов в неделю). Основную же причину «неуспехов» Леман видел в том, что у гимназистов нет мотивации для изучения иностранных языков. Выпускники Тобольской гимназии поступают на гражданскую службу или работают учителями в приходских школах и уездных училищах, где нет иностранных языков, а в университеты готовится и поступает, как правило, один из пятидесяти выпускников [Там же, с. 106—107].

Далее Леман сравнил сибирские и российские условия изучения французского языка в гимназиях. В центральных регионах России учатся дети дворян, многие из которых получают первоначальную языковую подготовку дома, дворянские дети обеспечены родителями учебниками и пособиями. Во многих пансионах при гимназиях воспитателями работают иностранцы, что облегчает гимназистам усвоение иностранных языков. Леман также дал характеристику прилежанию и успехам своих учеников, подчеркнув, что большая их часть учится прилежно и делает успехи в освоении французского. Из девятнадцати гимназистов четвертого — седьмого классов девять занимаются прилежно, получая «хорошо» и «отлично» [Там же, с. 107].

Представленный Леманом сравнительный анализ учебного процесса в Тобольской и других российских гимназиях, собственных методов обучения иностранным языкам, обеспеченности гимназии учебными пособиями, данная им характеристика потенциальных возможностей, поведения, прилежания и успехов гимназистов в освоении иностранных языков свидетельствуют о том, что лестные оценки ответственного отношения Лема-

CC BY

на к службе не были комплиментами сочувствующих чиновников, ходатайствующих о нем перед министром просвещения, а его педагогические способности вполне соответствовали этим оценкам.

Но вернемся к протоколам педагогического совета Тобольской гимназии от 27 марта 1837 года. Как сообщают авторы истории Тобольской гимназии, инспектор Качурин не оставил без внимания ни одного из тезисов Лемана. Он подверг критике замечание Лемана о недостатке словарей, хрестоматий, пособий в гимназии и в домашнем использовании, предложив заменить их записями под диктовку — необходимой французской лексикой, которую Леман должен был давать «под дикту» перед переводом каждого текста. Он также потребовал сократить объем задаваемых на дом переводов: не более десяти строк вместо двух печатных страниц. Качурин обвинил Лемана в частых пропусках занятий без письменных доказательств болезни, а затем подробно изложил собственное понимание содержания и методов преподавания французского языка с четвертого по седьмой класс, причем предложил учителю использовать отсутствующие в гимназии пособия [Там же, с. 107—108]. Заметим, что сам инспектор в начале XIX века окончил четыре класса Тобольского главного училища, в котором не было в то время французского языка, в дальнейшем служил в различных гражданских ведомствах, был смотрителем и надзирателем нескольких учебных заведений [Там же, с. 85].

Авторы истории Тобольской гимназии добавляют от себя, что П. О. Леман, чье самолюбие было задето, должен был смириться и «безропотно, со всею готовностью начать исполнять волю начальства», тем более что в июне 1837 года Е. М. Качурин был назначен директором гимназии [Там же, с. 108].

4. Заключение = Conclusions

Ссыльные в Сибири, отбывающие наказания за уголовные преступления, гражданскую позицию, политические взгляды, по монаршему или чиновничьему произволу — были неизбывной составляющей сибирского социума. Выстоять в сибирских условиях можно было, опираясь на личные связи или какой-либо сибирский микросоциум. Для мужчины, оказавшегося в Сибири по служебному определению или в ссылке, спасительным якорем (как показывают биографии учителей Тобольской гимназии И. А. Набережнина, Г. Сейфуллина, И. П. Менделеева, П. П. Ершова) была женитьба на местных жительницах. Леман в Сибири не женился. Вероятно, прерванный уголовным делом брак с вдовой Быловой, умершей ко времени его реабилитации, стал для него травмирующим опытом.

Вместе с тем Леман расположил к себе администрацию гимназии, гражданских и военных губернаторов, энергично ходатайствовавших за

CC BY

него, как кажется, не только по долгу службы, но и в силу личной симпатии. Все губернаторы были убеждены, что свой проступок Леман совершил по молодости лет и без злого умысла, поэтому, с учетом его пользы делу образования и искреннего раскаяния, он заслуживает снисхождения. Немалую роль в этом благожелательном отношении к ссыльному сыграли его образованность, умение отлично справляться со своими должностными обязанностями и, вероятно, боевое гусарское прошлое, что не могло не импонировать его покровителям, так как большинство губернаторов служили в российской армии, а некоторые (как губернатор А. Н. Муравьев) имели университетское образование.

П. О. Леман, с присущим ему упорством и честолюбием, являет собой редкий для Сибири пример раскаявшегося преступника, решившего одолеть судьбу, восстановить утраченное доброе имя. На это ушло более десяти лет. Важно заметить, что ему оказывали содействие местная администрация, доброжелательные директора гимназии и коллеги. В меньшей степени облегчить судьбу Лемана стремились министры народного просвещения К. А. Ливен и С. С. Уваров, оттягивавшие принятие рискованных в их понимании, хотя и важных для Тобольской гимназии решений. Очевидно, что последние три года жизни учителя были омрачены конфликтом с новым директором гимназии Е. М. Качуриным. Жизненные силы П. О. Лемана были на исходе. Он умер 27 сентября 1840 года.

В заключение заметим, что даже после того, как поступок Лемана превратил его из ветерана Отечественной войны в преступника и сибирского ссыльного, он внес свою лепту в дело совершенствования гимназического классического образования Западной Сибири, оставил о себе добрую память и стал одним из тех подвижников образования, кто, не щадя сил, работал не только ради личной репутации, но и для «своей мрачной и величавой родины» [Широкова и др., с. 88—89].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАРТ — *ГБУ* «Государственный архив Республики Татарстан». Ф. 92. (Фонд попечителя Казанского учебного округа). Оп. 1. Д. 206. Л. 10 ; Д. 210, Л. 62 ; Д. 258. Л. 4, 35—35 об. ; Д. 609. Л. 1—1 об.

2. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание Т. XXVIII. № 21501. — Санкт-Петербург, 1830. — С. 626—644.

3. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 733 (Фонд Министерства народного просвещения). Оп. 83. Д. 14. Л. 1—22 ; Д. 28. Л. 1—81.

CC BY

Литература

1. *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России XVIII и XIX век / И. А. Алешинцев. — Санкт-Петербург : Издание О. Богдановой, 1912. — 346 с.

2. *Журавлева И. В.* А. А. Терновский — педагог и общественный деятель / И. В. Журавлева // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. — Тобольск : Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева, 1992. — С. 48—50.

3. *Замахаев С. И.* Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789—1889 / С. И. Замахаев, Г. А. Цветаев. — Тобольск : Типография губернского правления, 1889. — 321 с.

4. *Изместьева Г. П.* Классическое образование в истории России XIX века / Г. П. Изместьева. — Москва : Пробел-200, 2003. — 340 с. — ISBN 5-901683-78-1.

5. *Курская А. Е.* Тобольская губернская гимназия : первая мужская гимназия в Западной Сибири / А. Е. Курская // Северный регион : наука, образование, культура. — 2020. — № 2 (46). — С. 16—18. — DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-16-18.

6. *Лаптева М. Ю.* Преподавание латинского языка в Тобольском Главном народном училище (1789—1810 гг.) : историко-педагогические и методические аспекты / М. Ю. Лаптева, Е. А. Резниченко // Philologia Classica. — 2022. — Т. 17. — № 1. — С. 143—158. — DOI: https://doi.org/10.21638/SPBU20.2022.112.

7. *Лаптева М. Ю.* Учитель латинского языка в Главном народном училище и классической гимназии Тобольска (90-е гг. XVIII — 20-е гг. XIX вв.) / М. Ю. Лаптева // Тобольск в веках : история, архитектура и культура. Материалы круглого стола, посвященного 435-летию города Тобольска и году Данилы Чулкова, основателя города Тобольска. — Киров : АНО ДПО МЦИТО, 2022. — С. 67—81.

8. *Лицман Г. Н.* В память о дореволюционной Тобольской гимназии 1789—1889 годов / Г. Н. Лицман, И. В. Осипова // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии. — 2014. — № 8 (43). — С. 23—30.

9. *Любжин А. И.* История русской школы императорской эпохи. В 3 томах. Русская школа XIX столетия / А. И. Любжин. — Москва : Никея, 2015. — Т. 2. — Книга 1. — 960 с. — ISBN 978-5-91761-444-1.

10. *Любжин А. И.* История русской школы императорской эпохи. В 3 томах. Русская школа XIX столетия / А. И. Любжин. — Москва : Никея, 2016. — Т. 2. — Книга 2. — 952 с. — ISBN 978-5-91761-586-8.

11. *Любжин А. И.* История русской школы императорской эпохи. В 3 томах. Русская школа XIX столетия / А. И. Любжин. — Москва : Никея, 2018. — Т. 3. — Книга 3. — 960 с. — ISBN 9785917618173.

12. *Малышева М. П.* Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ городов Западной Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. / М. П. Малышева // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). — Новосибирск : Сибирское отделение издательства «Наука», 1978. — С. 188—211.

13. *Неупокоев И. В.* Управление школьным делом в конце XVIII — начале XX вв. / И. В. Неупокоев // Образование и наука. — 2013. — № 1 (100). — С. 58—73.

14. *Прибыльский Ю. П.* Школа Тобольской губернии в XVIII — начала XX вв. К трехсотлетию сибирской школы / Ю. П. Прибыльский. — Тобольск : Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева, 1998. — 112 с.

15. *Сизова Е. В.* Мужские гимназии Западной Сибири в исторической динамике (XIX — начало XX в.) : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Сизова. — Томск, 2011. — 402 с.

16. *Сулимов В. С.* Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX — начала XX веков : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. С. Сулимов. — Тобольск, 2006. — 197 с.

17. *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения Сибири. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703—1917 гг. / Н. С. Юрцовский. — Ново-Николаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — Выпуск 1. — 246 с.

18. *Шамахов Ф. Ф.* Школы Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. / Ф. Ф. Шамахов // Ученые записки Томского пединститута. — 1957. — Т. 15. — С. 3—103.

19. *Широкова М. П.* Директор Томского учительского института в 1906—1907 годах — Митрофан Алексеевич Водянников / М. П. Широкова, С. А. Кочурина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2000. — Выпуск 2 (18). — С. 88—91.

20. *Шмидт Г. К.* История средних учебных заведений в России / Г. К. Шмидт. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1878. — 684 с.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025,
одобрена после рецензирования 17.08.2025,
подготовлена к публикации 11.09.2025.

Material resources

GARTH — *GBU "State Archive of the Republic of Tatarstan". F. 92. (Foundation of the trustee of the Kazan Educational District). Op. 1. D. 206. L. 10; D. 210, L. 62; D. 258. L. 4, 35—35 vol.; D. 609. L. 1—1 vol.* (In Russ.).

PSZRI — *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection of Vol. XX-VIII, 21501.* (1830). St. Petersburg. 626—644. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 733 (Fund of the Ministry of National Education). Op. 83. D. 14. L. 1—22; D. 28. L. 1—81. (In Russ.).

References

Aleshintsev, I. A. (1912). The history of gymnasium education in Russia of the XVIII and XIX centuries. St. Petersburg: O. Bogdanova Publishing House. 346 p. (In Russ.).

Izmestyeva, G. P. (2003). *Classical education in the history of Russia in the 19th century.* Moscow: Space-200. 340 p. ISBN 5-901683-78-1. (In Russ.).

Kurskaya, A. E. (2020). Tobolsk provincial gymnasium: the first men's gymnasium in Western Siberia. *The Northern region: science, education, culture, 2 (46):* 16—18. DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-16-18. (In Russ.).

Lapteva, M. Y. (2022). Latin language teacher at the Main National School and Classical gymnasium of Tobolsk (90s of the XVIII — 20s of the XIX centuries). In: *Tobolsk in the centuries: history, architecture and culture. Materials of the round table dedicated to the 435th anniversary of the city of Tobolsk and the year of Danila Chulkov, the founder of the city of Tobolsk.* Kirov: ANO DPO MTSITO. 67—81. (In Russ.).

Lapteva, M. Y., Reznichenko, E. A. (2022). Teaching Latin at the Tobolsk Main National College (1789—1810): historical, pedagogical and methodological aspects. *Philologia Classica, 17 (1):* 143—158. DOI: https://doi.org/10.21638/SPBU20.2022.112. (In Russ.).

Litsman, G. N., Osipova, I. V. (2014). In memory of the pre-revolutionary Tobolsk Gymnasium of 1789—1889. *Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology, 8 (43):* 23—30. (In Russ.).

Lyubzhin, A. I. (2015). *The history of the Russian school of the Imperial era. In 3 volumes. The Russian School of the 19th century, 2 (1).* Moscow: Nikea. 960 p. ISBN 978-5-91761-444-1. (In Russ.).

Lyubzhin, A. I. (2016). *History of the Russian School of the Imperial era. In 3 volumes. The Russian School of the 19th century, 2 (2).* Moscow: Nikea. 952 p. ISBN 978-5-91761-586-8. (In Russ.).

Lyubzhin, A. I. (2018). *History of the Russian School of the Imperial era. In 3 volumes. The Russian School of the 19th century, 3 (3).* Moscow: Nikea. 960 p. ISBN 9785917618173. (In Russ.).

Malysheva, M. P. (1978). From the history of the formation of teaching staff in civilian schools in Western Siberia at the end of the XVIII — first half of the XIX century. In: *Cities of Siberia (the era of feudalism and capitalism).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Nauka Publishing House. 188—211. (In Russ.).

Neupokoev, I. V. (2013). School management in the late XVIII — early XX centuries. *Education and Science, 1 (100):* 58—73. (In Russ.).

Pribilsky, Yu. P. (1998). *The school of the Tobolsk province in the XVIII — early XX centuries. On the tercentenary of the Siberian school.* Tobolsk: D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. 112 p. (In Russ.).

Schmidt, G. K. (1878). *History of secondary educational institutions in Russia.* St. Petersburg: [b. i.]. 684 p. (In Russ.).

Shamakhov, F. F. (1957). Schools of Western Siberia in the late XIX — early XX centuries. *Scientific Notes of the Tomsk Pedagogical Institute, 15:* 3—103. (In Russ.).

Shirokova, M. P., Kochurina, S. A. (2000). Director of the Tomsk Teacher's Institute in 1906—1907 — Mitrofan Alekseevich Vodyannikov. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2 (18):* 88—91. (In Russ.).

Sizova, E. V. (2011). *Male gymnasiums of Western Siberia in historical dynamics (XIX — early XX century).* PhD Diss. Tomsk. 402 p. (In Russ.).

Sulimov, V. S. (2006). *Secular school education in the Tobolsk province of the late 19th — early 20th centuries.* PhD Diss. Tobolsk. 197 p. (In Russ.).

Yurtsovsky, N. S. (1923). *Essays on the history of enlightenment in Siberia. The general course of school business development in Siberia. 1703—1917, 1.* Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House. 246 p. (In Russ.).

Zamakhaev, S. I., Tsvetaev, G. A. (1889). *Tobolsk provincial gymnasium. A historical note on the state of the Tobolsk Gymnasium over the 100 years of its existence. 1789—1889.* Tobolsk: Printing House of the provincial Government. 321 p. (In Russ.).

Zhuravleva, I. V. (1992). A. A. Ternovsky — teacher and public figure. In: *The historical experience of public education in the Tyumen region. Materials of the regional scientific conference.* Tobolsk: D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. 48—50. (In Russ.).

The article was submitted 09.04.2025;
approved after reviewing 17.08.2025;
accepted for publication 11.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Мухин М. А. Социально-экономические изменения в Шотландии XVIII века в оценках священников (по материалам графства Инвернессшир) / М. А. Мухин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 446—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-446-462.

Mukhin, M. A. (2025). Socio-Economic Changes in Eighteenth-Century Scotland as Perceived by Clergy: Evidence from Invernessshire. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 446-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-446-462. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социально-экономические изменения в Шотландии XVIII века в оценках священников (по материалам графства Инвернессшир)

Мухин Максим Андреевич
orcid.org/0000-0001-9836-9241
кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений
mmuhin@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Socio-Economic Changes in Eighteenth-Century Scotland as Perceived by Clergy: Evidence from Invernessshire

Maxim A. Mukhin
orcid.org/0000-0001-9836-9241
PhD in History,
Lecturer at the Department of Foreign History and International Relations
mmuhin@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Мухин М. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование восприятия священниками социально-экономических изменений в графстве Инвернессшир (Шотландия) в конце XVIII века. Источником выступило «Статистическое обозрение Шотландии». Рассматривается то, как местное духовенство интерпретировало трансформацию региона (к примеру, огораживание, развитие промышленности, демографические изменения). Автор утверждает, что священники, находясь под влиянием идеи прогресса, идеализировали рациональное преобразование общества: в излагаемом местным духовенством нарративе минимизировалась травматичность социально-социальных изменений. Сообщается, что отдельные факты, свидетельствующие о трудностях и неудачах модернизации в графстве Инвернессшир, все же упоминались, но существенно чаще священники акцентировали внимание на успешных примерах совершенствования региона; предлагали идеи по изменению графства, соответствующие «духу» идеи «улучшения»; приветствовали изменения в жителях округа, отдаляющие их от традиций прежних веков. Автор приходит к выводу о необходимости критического подхода к материалам «Статистического обозрения Шотландии» при использовании их в качестве источника.

Ключевые слова:
Шотландия; графство Инвернессшир; *Статистическое обозрение Шотландии*; социально-экономические изменения; приходские священники.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the perceptions of clergy regarding socio-economic changes in Invernessshire, Scotland, during the late eighteenth century. Utilizing the “Statistical Account of Scotland” as a primary source, the research explores how local ministers interpreted the transformation of the region, including enclosure movements, industrial development, and demographic shifts. The author argues that clergy, influenced by the idea of progress, tended to idealize the rational restructuring of society: in their narratives, the traumatic aspects of social change were downplayed. While certain instances highlighting the challenges and failures of modernization in Invernessshire were acknowledged, clergy more frequently emphasized successful examples of regional improvement. They proposed ideas for transforming the county that aligned with the “spirit” of the improvement movement and welcomed changes among local inhabitants that distanced them from the traditions of previous centuries. The author concludes that a critical approach is necessary when utilizing the “Statistical Account of Scotland” as a source.

Key words:
Scotland; Invernessshire; Statistical Account of Scotland; socio-economic changes; parish clergy.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(411).07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-446-462

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Социально-экономические изменения в Шотландии XVIII века в оценках священников (по материалам графства Инвернессшир)

© Мухин М. А., 2025

1. Введение = Introduction

«Жители этого прихода, в целом, честные и трудолюбивые, не совершают серьезных преступлений, с ними можно торговать, и они дружелюбны. Они, как и жители соседних приходов, за последние пятьдесят лет добились более существенного прогресса в развитии цивилизации, чем за несколько столетий ранее» [The statistical account of Scotland …, 1981, Vol. 17, p. 215]. Автор цитаты — Александр Фрейзер, священник в приходе Киркхилл в графстве Инвернессшир (в высокогорной части Шотландии) в конце XVIII века [Ibid., p. 207]. Он и члены его семьи были местными церковными фигурами в графстве в течение ста лет [Highland Scots — Frasers from Inverness & area…]. В приведенном в начале статьи отрывке из источника «Статистическое обозрение Шотландии» священник выражает воодушевленность изменениями, происходящими в округе Инвернессшир во второй половине XVIII века. В какой же степени другие приходские священники в графстве разделяли этот оптимизм? И как восприятие происходящих событий отражалось в их отчетах, из которых составлен источник «Статистическое обозрение Шотландии»? В какой степени действительность оказалась искаженной в сознании священников?

«Статистическое обозрение Шотландии» — 21-томный сборник, составленный в 1790-е годы Джоном Синклером из отчетов священников. На основе данного источника исследователи традиционно реконструируют ситуацию на местном уровне в Северной Британии во второй половине XVIII века. Отчеты представляют собой ответы на 166 вопросов, написанные священниками в свободной форме. Источник состоит из отчетов [Sinclair, 1817, p. 103], поступивших из 893 церковных приходов в ответ на запрос Дж. Синклера. В англоязычном названии сборника использовано слово *statistical*, но значение, в котором термин употреблялся, отличается от устоявшегося. Дж. Синклера интересовали не сухие количественные данные. Он отмечал, что идея, вкладываемая в термин *statistical*, заключа-

CC BY

ется в исследовании состояния страны с целью определения уровня удовлетворенности нынешним состоянием, а также способов будущего социально-экономического совершенствования Северной Британии [Plackett, 1986, p. 249]. В статье, проанализировав сборник, реконструируем представления священников об изменениях, происходивших в графстве Инвернессшир, а также то, как осмысление социально-экономической трансформации отразилось в отчетах.

Обратимся к истории изучения источника «Статистическое обозрение Шотландии». В отечественной историографии сравнительно детальную характеристику отчетов священников дал А. Л. Синица в статье «Первое (старое) статистическое обозрение Шотландии как источник демографических данных о населении Шотландии конца XVIII века» [Синица, 2018, с. 159—169]. Исследователь не является историком, он экономист, но при этом статья написана в рамках дисциплины «историческая демография». А. Л. Синица анализирует источник «Статистическое обозрение Шотландии» с целью получить демографические сведения о населении Северной Британии. В результате анализа экономист делает следующий вывод: «… Обозрение позволяет определить общую численность населения страны, его распределение по полу и возрасту и средний размер семьи, хотя и неточно» [Там же, с. 159]. В отдельных случаях отечественные историки использовали источник, когда требовалось уточнить сведения о положении дел в Северной Британии на местном уровне. К примеру, В. Ю. Апрыщенко обратился к сведениям, содержащимся в обозрении, при характеристике демографической ситуации в церковном приходе Килмихаель-Глассари [Апрыщенко, 2016, с. 479]. С. Г. Малкин упоминает «Статистическое обозрение Шотландии» (в частности, в монографии «Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание Великобритании в век Просвещения» [Малкин, 2016]), однако, будучи специалистом по первой половине и середине XVIII века, он не проводит детального анализа источника, составленного в последнее десятилетие столетия. Итак, обстоятельный анализ источника отечественными историками не осуществлен, были востребованы лишь отдельные факты, содержащиеся в нем.

В зарубежной историографии источник «Статистическое обозрение Шотландии» проанализирован более глубоко. Так, исследователи обратились к его изучению спустя всего несколько лет после публикации. В частности, в 1803 году в расширенном издании труда «Опыт закона о народонаселении» [Malthus, 1803, p. 321—336] Т. Р. Мальтуса глава, посвященная Северной Британии, была написана на основе рассматриваемого источника. В первой трети XIX века изучением обозрения занимался его составитель Дж. Синклер. В 1817 году [Sinclair, 1817], и в 1825—1826 годах [Sin-

CC BY

clair, 1971, Vol. 1; Sinclair, 1971, Vol. 2] он опубликовал труды, в которых обобщались основные сведения, содержащиеся в источнике. В дальнейшем сборник «Статистическое обозрение Шотландии» использовался исследователями при изучении общественной жизни, развития сельского хозяйства, промышленности, торговли [Handley, 1963; Graham, 1899, Vol. 1].

Однако изучение историками источника осложнялось тем, что отчеты священников публиковались в рамках 21-томного сборника сравнительно хаотично. Местные церковные фигуры составляли сводки в различные годы, и включение отчета в тот или иной том во многом зависело лишь от даты его написания. Лишь в опубликованном в 1970-е годы издании церковные приходы были сгруппированы по графствам [Smout, 1986, p. 215—216]. Отчеты священников предваряла характеристика графств, сделанная исследователями на основе источника. В 1986 году основные сведения о сборнике «Статистическое обозрение Шотландии» были обобщены в статье статистиком Робином Л. Плакеттом [Plackett, 1986, p. 247—251]. Кроме того, обозрение использовалось в трудах, в которых историки выявляли основные тенденции в развитии общества в ходе трансформации Шотландии XVII—XVIII веков (к примеру, в исследовании Кристофера Смоута «История шотландского народа в 1560—1830 годы» [Smout, 1972]). В 1995 году Мейси Стивенс проанализировала обозрение в монографии «Приходская жизнь в XVIII веке» [Steven, 1995.]. Сильной стороной упомянутого исследования является то, что в труде рассматриваются и сравниваются ситуации в различных графствах Шотландии. В начале XXI века Розалинд Митчисон использовала обозрение при изучении положения нищих в шотландском обществе [Mitchison, 2019]. Большинство исследований, в которых изучалась ситуация на местном уровне в Северной Британии в 1790-е годы, так или иначе опирались на обозрение. Мы назвали лишь наиболее влиятельные труды, так как детальный анализ истории изучения сборника не является целью нашего исследования.

Следует подчеркнуть, что исследователи в основном анализировали сведения об изменениях, происходивших в Шотландии на местном уровне. Мышление и восприятие событий, отраженное священниками в источнике «Статистическое обозрение Шотландии», не было в фокусе внимания историков. Авторы чаще всего ограничивались выводом, что большинство священников были умственно развиты (и даже охвачены «духом» Просвещения), а также интеллектуально связаны с покровителями в своих графствах. Более обстоятельно эта проблематика была освещена в 2024 году Кеннетом Макдональдом в работе «Социологический момент в источнике “Статистическое обозрение Шотландии”» [Macdonald, 2024, p. 153—196]. Он анализировал образ мыслей приходских священников в контексте со-

CC BY

циологии. При этом К. Макдональд не стремился прояснить, как церковные фигуры воспринимали происходившие события.

Итак, в отличие от большинства историков исследовательский интерес у нас вызывает не объективная информация, предоставленная священниками, а их субъективное восприятие изменений, происходивших в Северной Британии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании сосредоточимся на анализе отчетов лишь из одного графства. Изучим, как священники из Инвернессшира (его материковой части, без формально включаемых островов) воспринимали социально-экономические изменения. Установленное ограничение связано с тем, что скорость трансформаций в северной Шотландии в значительной степени разнилась от региона к региону. Так, в примыкающем к южным графствам округе Аргайл изменения происходили существенно быстрее, чем на крайнем севере Шотландии, в районе Кейтнесс. Священники в разных графствах наблюдали несходные явления, и поэтому реакции на них обобщать затруднительно (в таком случае лишь вернемся к аксиоме, что местные церковные фигуры, несмотря на теологическое образование, не были изолированы от общего интеллектуального «духа» эпохи Просвещения [Macdonald, 2024, p. 153]). Фокусируем внимание на графстве Инвернессшир, так как оно обладает наибольшей площадью и не является ни наиболее развитым, ни наиболее отсталым округом. Материалом исследования выступают девятнадцать отчетов приходских священников из округа Инвернессшир. В ходе дальнейших исследований проблематики выводы, сделанные с опорой на материалы по графству Инвернессшир, предполагается использовать для сравнения с ситуацией в других округах.

Следует подчеркнуть, что ответы священников на 166 вопросов, составленных Дж. Синклером, написаны в свободной форме. Священники, отвечая на вопросы, останавливались на тех аспектах действительности, которые были им близки. Об этом свидетельствует тот факт, что часть вопросов церковные фигуры проигнорировали (в частности, в большинстве отчетов никак не отражена численность темнокожих, цыган, евреев, а также рост и вес жителей Северной Британии, хотя информация запрашивалась [The statistical account of Scotland, 1798, Vol. 20, p. XX—XXIV]). Развернутость ответов на вопросы и стиль изложения материала существенно различаются. Отчеты, составленные местным духовенством, не были формальными ответами на вопросы, они отражали восприятие событий.

Отметим причины, вследствие которых нам важно выявить, как приходские священники воспринимали изменения в обществе во второй поло-

CC BY

вине XVIII века. Местные церковные деятели были единственными акторами, приближенными к локальным общинам. На графство Инвернессшир площадью 10 906,44 км² приходился один шериф, при этом лишь в материковой части графства Инвернессшир было девятнадцать церковных приходов. В среднем по Шотландии на один пресвитерианский церковный приход приходилось около 1577 человек [Мухин, 2024] (в графстве Инвернессшир — 2 308). Таким образом, священник был приближен к жителям приходов больше, чем представители иных властных институтов. И, как следствие, локальный церковный деятель оказывал воздействие на рядовых шотландцев, а те оказывали влияние на него. Также священник был связан с влиятельными фигурами (в большинстве случаев землевладельцами), обеспечивавшими назначение в церковный приход [The Statutes …, 1845, p. 702—704]. В результате местный священник чаще всего был сравнительно близок по взглядам к покровителю, оказывающему на него большое влияние. Священник же был единственной фигурой, способной сообщить информацию о событиях на локальном уровне, и, таким образом, оказывал воздействие на восприятие региональных деятелей. В итоге священник влиял на жителей церковного прихода, а также на региональных деятелей, а те, в свою очередь, оказывали воздействие на церковные фигуры. Как следствие, мнение священников о происходивших изменениях представляет существенный интерес.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion.

3.1. Идеология «улучшения» и когнитивный диссонанс в отчетах церковного прихода Инвернесс

Обратимся к церковному приходу с наибольшей в графстве Инвернессшир численностью населения — Инвернесс (7930 жителей). На его территории был крупнейший бург в регионе — Инвернесс, в котором проживало 5107 человек. В последние десятилетия XVIII века жители церковного прихода Инвернесс столкнулись с изменениями: быстрым «улучшением» городской инфраструктуры, ростом промышленности, ускорением процесса огораживания, доминированием идеи модернизации [Gaukroger, 2005, p. 30—53]. Вместе с тем нельзя заявлять, что бург Инвернесс производил сильное впечатление на путешественников (так, «английский охотник Т. Торнтон отмечал, что некоторые дома построены сносно, но улицы узкие и грязные» [Beyond …, 1974, p. 238]). Как восприятие происходящих событий отражалось в отчетах местных священников (их было трое по данному приходу)? Церковные служащие отмечали следующее: «Монополизация фермерских хозяйств началась здесь около двадцати пяти лет назад. Это, очевидно, приводит к тому, что население сельской местности входит в число бедных; но,

CC BY

к счастью, этот недостаток с лихвой компенсируется промышленными предприятиями, расположенными в городе, которые значительно увеличили его население, и ни один человек не вынужден покидать свой родной дом в поисках работы и хлеба насущного в другой стране» [The statistical account of Scotland…, 1981, Vol. 17, p. 94]. Из приведенного отрывка следует, что для жителей церковного прихода негативные последствия ликвидации общинных земель были компенсированы ростом промышленности. Если исходить из отчета, у местного населения не было причин покидать границы церковно-административной единицы. Однако из демографических показателей, приведенных теми же священниками, следует, что число жителей с 1755 по 1791 годы сократилось на 18,5 % (с 9730 до 7930 человек) [Ibid., p. 100]. Следует отметить, что средний размер семьи в графстве Инвернессшир был 5,6 человек (один из наиболее высоких в Шотландии) [Синица, 2018, с. 164]. Также из отчета следует, что на территории церковного прихода Инвернесс произошло снижение смертности в связи с ростом качества медицины. Эти демографические данные опровергают тезис священников, что рост промышленности уравновесил отрицательные эффекты от отмены общинного землевладения. Причиной снижения числа жителей является именно их отъезд за границы церковно-административной единицы в условиях «очистки земель» (Fuadach nan Gaidheal), разрушения общинного уклада и отсутствия необходимости в большом числе новых рабочих в городе. Итак, в отчете риторика прогресса противоречит фактам, указывающим на наличие социальных издержек от модернизации.

Действительность и восприятие событий священниками в церковном приходе Инвернесс существенно расходятся. Так, хотя авторы указывают, что, несмотря на двукратное повышение арендной платы за землю, уровень жизни повысился [The statistical account of Scotland …, 1981, Vol. 17, p. 93], в том же отчете утверждается: число нищих увеличилось до 222 [Ibid., p. 101]. Важно отметить, что священники при ответах не искажают цифры, которые противоречат излагаемым ими тезисам. Более того, учитывая свободную форму отчета, церковные фигуры имели возможность в принципе не сообщать факт роста числа нищих. Характерно, что в отдельных случаях священники сами указывают на несовершенство «улучшений» (могли бы не отмечать это в отчете), но оправдывают сложившееся положение. Так, источник содержит следующий отрывок: «На этих фабриках действительно занято не так много рабочих, но предприятия приносят большую пользу этому региону» [Ibid., p. 97]. Священники, признавая, что фабрики не обеспечили большое число новых рабочих мест (было критически важно в условиях выселения жителей с земель, пригодных для выпаса скота), положительно оценивают их существование, не подкрепляя

CC BY

мнение аргументами. Нельзя утверждать, что священники в церковном приходе Инвернесс намеренно искажали действительность (иначе бы не приводили сведения, противоречащие их риторике), но они были очарованы идеей социально-экономического «улучшения», что делало их восприятие искаженным. Для местных церковных деятелей структурные изменения на территории церковного прихода Инвернесс априори вели к благу. Хотя несовершенство произошедших изменений могло в отдельных случаях упоминаться, фокус с недостатков модернизации был смещен.

Изучение отчета о церковном приходе Инвернесс позволяет сделать вывод о том, что несоответствие между идеей «улучшения» и социально-экономической действительностью обусловило своего рода когнитивный диссонанс в сознании священников. С одной стороны, они не игнорировали факты, противоречащие их восприятию. Так, они фиксировали снижение числа жителей, увеличение арендной платы за землю и ограниченную занятость шотландцев в промышленности. С другой стороны, факты интерпретировались противоречиво. Мы полагаем, что рассматриваемый отчет — не сознательная фальсификация, а отражение внутреннего конфликта (возможно, неосознанного), вызванного расхождением между идеалами и действительностью.

Одна вера в отчете священников уступила место другой. Источник проникнут верой в человеческий разум. Местные церковные служащие (как и их коллеги из других церковных приходов в графстве Инвернессшир) не обращаются к образу Бога, они верят, что следование идее «улучшения» приведет к земному раю. Характерно, что слово *God* и его синонимы не упоминаются в отчете священников, в отличие от термина *improvement*. Согласно представлениям авторов отчета, строительство судоходного канала — это то, что обеспечит наивысшее благо региону [The statistical account of Scotland…, 1981, Vol. 17, p. 106].

3.2. Локальные проекты по «улучшению» в отчетах священников графства Инвернессшир

Было ли восприятие модернизации в других церковных приходах графства Инвернессшир схожим с интерпретацией, предложенной священниками церковно-административной единицы Инвернесс? Исходя из отчетов, можно сделать вывод, что, хотя преобразования в большинстве приходов были не столь значительными, как в Инвернессе, священники стремились выделить даже единичные локальные проекты по «улучшению». В отчете, составленном священником церковно-административной единицы Дорес, отмечается, что современный способ ведения сельского хозяйства был внедрен в округе лишь во владении Джеймса Фрейзера, эсквайра и присяжного стряпчего, который не жалеет ни сил, ни средств,

CC BY

чтобы улучшить участок (указывается, что землевладелец — пример для подражания) [The statistical account of Scotland…, 1981, Vol. 17, p. 66]. Живший в приходе Крой церковный деятель указывал, что, несмотря на неограниченные запасы известняка, лишь один человек подвергал его термической обработке для получения удобрения, гашеной извести (подчеркивалось, что начинание было успешным) [Ibid., p. 50]. Идея «улучшения» была тем, во что священники верили, как в путь ко спасению. Характерно, что у части священников были и свои идеи по «улучшению» их округа (не ограничивающиеся укреплением морали в обществе). К примеру, автор отчета о приходе Килтарлити предлагал следующее: открыть предприятие по производству грубой шерстяной ткани; засеивать почву для ее «улучшения» подорожником и клевером [Ibid., p. 194—195]. В отчете о церковном приходе Килмонивайг священник рекомендует способы благоустройства округа: во-первых, введение долгосрочной аренды земельных участков за умеренную плату; во-вторых, установление рекомендаций по строительству вольеров, загонов и выращиванию сидератов; в-третьих, ввоз быков и баранов, которые могут оказаться наиболее приспособленными к климату; в-четвертых, создание мануфактуры по обработке шерсти клевером [Ibid., p. 164]. Итак, священники воспринимали изменения в графстве Инвернессшир положительно, подчеркивая удачные изменения и предлагали свои идеи по «улучшению» региона.

Отчеты священников несхожи между собой по объему. Часть церковных деятелей на высланные им вопросы ответила менее детально. Кроме того, авторы писали об изменениях с большей или меньшей эмоциональностью. Небольшой и сравнительно сухой отчет был составлен священником церковного прихода Лугган [Ibid., p. 220—227]. Так, автор отчета сообщает о столь дискуссионной теме, как развитие овцеводства, нейтрально (лишь указывая, что местные жители отдают предпочтение мелкому рогатому скоту) [Ibid., p. 222]. При этом одна формулировка священника все же позволяет сделать вывод, что он был сторонником «улучшения» графства Инвернессшир. В отчете сообщается следующее: «Фермеры наконец-то осознали преимущества огороженных участков и комфорт хорошего жилья…» [Ibid., p. 223]. Внимания заслуживает использование автором словосочетания «at last», указывающего на то, что произошедшее изменение было давно ожидаемым и желаемым. И хотя нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что священник был целиком и полностью сторонником «улучшения», в отчете точно нет никаких свидетельств, что он был противником изменений. Следует отметить, что у других священников отношение к изменениям выражено и оно положительное. Характерен следующий отрывок: «Этот джентльмен [Фрейзер из Белладрума], благодаря превосходно-

CC BY

му мастерству в ведении сельского хозяйства, стремлению к разного рода усовершенствованиям и неутомимому труду, возможно, сделал больше, чем другие джентльмены на Севере, чтобы привнести дух совершенствования и промышленности в эту часть страны. С помощью различных улучшений он значительно повысил стоимость своих земель…» [Ibid., p. 185].

Большинство знатных и богатых деятелей конца XVIII века, упоминаемых авторами в отчетах, активно участвовали в «улучшении» графства Инвернессшир. К примеру, о Макинтоше из Фара, проживавшем на территории церковного прихода Давиот-Дунличти, сообщается, что он, огораживая и осушая землю, а также организуя посадки культурных растений, сделал поместье восхитительным, и оно пользовалось бы уважением даже в самой просвещенной стране [Ibid., p. 59]. И, хотя в тексте источника отсутствует недостоверная информация о лицах, целью которых было трансформировать Северную Британию, восприятие церковных деятелей было односторонним, если сравнивать его с действительностью. Обратимся к церковному приходу Уркухарт-Гленмористон. Священник превозносит деятельность Джеймса Гранта (был одним из шести наиболее влиятельных землевладельцев в графстве Инвернессшир [View of The political state of Scotland in The last century…, 1887, p. 172—173]). Его деятельность характеризуется следующим образом: «Сэр Джеймс Грант выдает семена ржи и клевера мелким арендаторам на безвозмездной основе, что в значительной степени способствует выращиванию крайне полезных растений... Он построил на собственные средства мануфактуру по переработке льна... Благодаря хорошо продуманной щедрости более 100 акров земли сэра Джеймса Гранта были превращены из природного достояния в пахотные поля в течение последних 12 лет… На территории поместья сэра Джеймса Гранта много известняка, и, чтобы стимулировать его использование, он не только предоставляет своим людям бесплатный допуск на каменоломни, но и оплачивает добычу горной породы» [The statistical account of Scotland…, 1981, Vol. 17, p. 264—265]. Исходя из отчета складывается впечатление, что деятельность землевладельца была успешной. Отчасти так и было («улучшения» внедрялись на территории церковного прихода), но на основе анализа литературы можно обнаружить, что дорогостоящие проекты землевладельца привели к увеличению долгов в 1770—1780-е годы, он был вынужден сократить расходы и продать значительную часть владений [Grant, James …]. Приведенный пример с фигурой Джеймса Гранта позволяет сделать вывод, что священники как минимум не фокусировали внимание на трудностях «улучшения» графства Инвернессшир, которые возникали перед влиятельными и активными сторонниками модернизации.

CC BY

Изучение отчетов священников из графства Инвернессшир позволяет сделать вывод, что они воспринимали локальные проекты «улучшения» в целом позитивно. Различия в стилистике отчетов не отменяют общего тренда. Вера в прогресс часто проявлялась в сформулированных священниками предложениях по «улучшению» региона. При этом авторы отчетов воспринимали модернизацию идеалистически, игнорируя сложности, сопутствующие «улучшению» (как в примере с Дж. Грантом, чьи дорогостоящие проекты привели к долгам, но в отчете преподносились исключительно как успешные). У священников отсутствовало критическое осмысления рисков, отчеты отражают не столько действительность, сколько веру местного духовенства в прогресс, а также их стремление стимулировать изменения через социальное одобрение модернизации.

3.3. Различия в оценке социально-экономических изменений священниками графства Инвернессшир

Отношение священников к незнатным, небогатым людям, проживавшим на территории церковных приходов, различалось. Часть авторов отчетов скептически относились к таким жителям, считая, что они слабо восприимчивы к изменениям. К примеру, в одном из отчетов утверждалось, что обычные люди, проживающие на территории церковного прихода Кингусси-Инч, все еще испытывают отвращение к труду [Ibid., p. 202]. Другие писали в отчетах, что во второй половине XVIII века незнатные, небогатые жители графства Инвернессшир стали внутренне более развитыми. В частности, священник в церковном приходе Киркхилл отмечал, что вследствие отмены феодальной системы люди стали более трудолюбивыми, нравственными, уважающими право частной собственности [Ibid., p. 215—216]. При всех различиях во взглядах, церковные деятели единодушно воздерживались от призывов к сохранению местных традиций. Священники хотели, чтобы «дух» обычных жителей в графстве Инвернессшир соответствовал идее «улучшения», они были приверженцами социальной трансформации, отрицая клановую систему.

Судя по отчетам, в графстве Инвернессшир не нашлось священника, который был бы сторонником отказа от модернизации. При этом нельзя утверждать, что местное духовенство совершенно не обращало внимания на неблагоприятные социальные последствия процесса трансформации. Хотя церковные деятели в основном одобряли изменения, вызванные «улучшением» Северной Британии, их волновало снижение численности населения (хотя часть священников игнорировали проблему). Объяснения сложившегося положения представителями местного духовенства различались. Этот разброс мнений в среде духовенства стал единственным значительным расхождением в интерпретации социально-экономических преобразований.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Часть священников утверждала, что причина отъезда и сокращения населения — изгнание жителей с земельных участков, объединение наделов землевладельцами с целью выращивания мелкого рогатого скота (наиболее спорного явления конца XVIII века). Так, автор отчета о приходе Кэлмэли указывал, что внедрение и развитие овцеводства ведет к снижению численности населения в некоторых округах (следует отметить, что священник был одним из наиболее выраженных сторонников «улучшения» графства, исходя из отчета) [Ibid., p. 135]. Обратимся к данным по церковному приходу Гленелг. Священник считал, что переселение из Шотландии в Америку — зло, произрастающее из роста числа землевладельцев, осуществляющих «очистку земли» с целью развития овцеводства. Он призывал не увеличивать поголовье овец, так как цены на муку растут и в дальнейшем возможен голод [Ibid., p. 75—76]. Хотя священник и настроен скептически к «очистке земель», он не противник изменений (считает необходимым постройку более качественных дорог для торговцев и путешественников, а также станций для их отдыха). Отрицательное отношение к огораживанию не свидетельствует о негативной оценке священниками модернизации. Вместе с тем часть священников предполагали, что сокращение населения слабо связано с огораживанием и трансформацией общества. К примеру, церковный деятель в приходе Петти высказывал мнение, что основной причиной снижения численности населения является нехватка топлива, якобы оно стало дефицитным в последние десятилетия (при этом автором отчета упоминается объединение земельных владений, но он не считает «очистку земли» основным фактором) [Ibid., p. 243]. Священник из церковного прихода Крой утверждал, что никак невозможно объяснить сокращение населения и факт «очистки земли» не может прояснить положение [Ibid., p. 48]. Местные церковные деятели, трактовка которых предполагала, что сокращение численности населения не связано с огораживанием, все же упоминали фактор «очистки земли» от жителей (то есть их восприятие не было искажено полностью). В их случае вера в прогресс абсолютно затмевала негативные последствия изменений. Следует подчеркнуть, что вне зависимости от отношения к изгнанию жителей с земельных участков («очистке земли») священники поддерживали идею прогресса.

Изучение отчетов священников графства Инвернессшир позволяет сделать вывод, что местное духовенство в целом демонстрировало единство в восприятии социально-экономических изменений. Расхождения во взглядах не были фундаментальными. Так, все священники — и скептически, и положительно характеризующие население и образ мыслей граждан — были сторонниками идеи прогресса. Наибольшее расхождение во взглядах у местного духовенства наблюдается при объяснении причин со-

кращения населения. При этом никто из священнослужителей не усомнился в необходимости модернизации региона в целом.

4. Заключение = Conclusions

Итак, исходя из анализа источника «Статистическое обозрение Шотландии», можно сделать вывод, что в восприятии священников графства Инвернессшир социально-экономическое «улучшение» региона, несомненно, ведет к благу. Идея в той или иной степени присутствует во всех отчетах. Следует отметить, что, так как местные священники были единственными акторами, приближенными к локальным общинам, их отчеты оказывали воздействие на общественное восприятие. Церковные деятели акцентировали внимание на успешных примерах совершенствования региона, предлагали идеи по изменению графства, соответствующие «духу» идеи «улучшения», приветствовали изменения в жителях округа, отдаляющие их от традиций прежних веков. Хотя нельзя утверждать, что священники совсем не упоминали о негативных последствиях «улучшения», в их осмыслении трансформация округа Инвернессшир казалась менее травматичной для общества, чем было на практике. То есть в восприятии авторов отчетов действительность искажалась в значительной степени, хотя и не полностью. Таким образом, использование источника требует особой исследовательской осторожности.

Сделанные в исследовании выводы основаны на материалах отчетов из графства Инвернессшир. Чтобы составить более детальное представление о восприятии священниками изменения Северной Британии в конце XVIII века, необходимо изучение отчетов и из других регионов. Результаты данного исследования предполагается использовать при сопоставлении восприятия священниками социально-экономических изменений графства Инвернессшир и других регионов Шотландии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Beyond* the highland line / A. J. Youngson (Ed.). — London : Collins, 1974. — 252 p.

2. *Sinclair J.* General report of Scotland: statistical tables, or, result of the inquiries regarding the geographical, agricultural, and political state of Scotland. [Electronic resource]. — Access mode : https://archive.org/details/generalreportofs00sincuoft/page/102/mode/1up (accessed 05.03.2025).

3. *The statistical* account of Scotland 1791—1799 / D. J. Withrington, I. R. Grant (Eds.). — Wakefield : EP Publishing Limited, 1981. — Vol. 17. — 682 p.

4. *The statistical* account of Scotland. Drawn up from the communications of the ministers of the different parishes / J. Sinclair (Ed.). — Edinburgh : William Creech, 1798. — Vol. 20. — 621 p.

5. *The Statutes* relating to the ecclesiastical and eleemosynary institutions of England, Wales Ireland, India, and The colonies / J. Stephens (ed.). — London : John W. Parker, 1845. — 1169 p.

6. *View* of the political state of Scotland in the last century : a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788 / A. Elphinstone (Ed.). — Edinburgh : D. Douglass, 1887. — 360 p.

Литература

1. *Апрыщенко В. Ю.* Шотландия в новое время : в поисках идентичностей / В. Ю. Апрыщенко. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. — 713 с.

2. *Малкин С. Г.* Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание Великобритании в век Просвещения / С. Г. Малкин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 646 с. — ISBN 978-5-4448-0514-5.

3. *Мухин М. А.* Система управления Шотландией в 1746—1797 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 00.00.00 / М. А. Мухин. — Ростов-на-Дону, 2024. — 201 с.

4. *Синица А. Л.* Первое (старое) статистическое обозрение Шотландии как Источник демографических данных о населении Шотландии конца XVIII в. / А. Л. Синица // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 432. — С. 159—169. — DOI: 10.17223/15617793/432/21.

5. *Gaukroger J.* Inverness : a history and celebration of The city / J. Gaukroger. — Salisbury : Francis Frith Collection, 2005. — 117 p.

6. *Graham H. G.* The Social Life of Scotland in the Eighteenth Century / H. G. Graham. — London : Adam & Charles Black, 1899. — Vol. 1. — 265 p.

7. *Grant, James* (1738—1811), of Castle Grant, Elgin [Electronic resource]. — Access mode : https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1754-1790/member/grant-james-1738-1811 (accessed 05.03.2025).

8. *Handley J. E.* The Agricultural Revolution in Scotland / J. E. Handley. — Glasgow : Burns, 1963. — 317 p.

9. *Highland* Scots — Frasers from Inverness & area : Fraser (Kirkhill) [Electronic resource]. — Access mode : https://www.spanglefish.com/slavesandhighlanders/index.asp?pageid=225143 (accessed 05.03.2025).

10. *Macdonald K.* Sociology within the Statistical Account of Scotland / K. Macdonald // The Sociological Heritage of the Scottish Enlightenment. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2024. — Pp. 153—196.

11. *Malthus T. R.* An essay on The principle of population, or, A view of its past and present effects on human happiness : with an inquiry into our prospects respecting the future removal or mitigation of the evils which it occasions / T. R. Malthus. — London : J. Johnson, 1803. — 610 p.

12. *Mitchison R.* The Old Scottish Poor Law in Scotland : The Experience of Poverty, 1574—1845 / R. Mitchison. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. — 352 p.

13. *Plackett R. L.* The Old Statistical Account / R. L. Plackett // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General). — 1986. — Vol. 149. — № 3. — Pp. 247—251.

14. *Sinclair J.* Analysis of The Statistical Account of Scotland / J. Sinclair. — New York : Johnson Reprint Corpn, 1971. — Vol. 2. — 285 p.

15. *Sinclair J.* Analysis of the Statistical Account of Scotland / J. Sinclair. — New York : Johnson Reprint Corpn, 1971. — Vol. 1. — 442 p.

16. *Smout T. C.* A history of the Scottish people, 1560—1830 / T. C. Smout. — London : Fontana, 1972. — 540 p.

17. *Smout T. C.* Reviewed Work : The Statistical Account of Scotland, 1791—1799, Vol. I, General John Sinclair / T. C. Smout // The Scottish Historical Review. — 1986. — Vol. 65. — № 180. — Part 2. — Pp. 215—216.

18. *Steven M.* Parish Life in Eighteenth-Century Scotland / M. Steven. — Aberdeen : Scottish Cultural Press, 1995. — 208 p.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025,
одобрена после рецензирования 15.08.2025,
подготовлена к публикации 12.09.2025.

Material resources

Elphinstone, A. (ed.). (1887). *View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788.* Edinburgh: D. Douglass. 360 p.

Sinclair, J. (ed.). (1798). *The statistical account of Scotland. Drawn up from the communications of the ministers of the different parishes, 20.* Edinburgh: William Creech. 621 p.

Sinclair, J. *General report of Scotland: statistical tables, or, result of the inquiries regarding the geographical, agricultural, and political state of Scotland.* Available at: https://archive.org/details/generalreportofs00sincuoft/page/102/mode/1up (accessed 05.03.2025).

Stephens, J. (ed.). (1845). *The Statutes relating to the ecclesiastical and eleemosynary institutions of England, Wales Ireland, India, and the colonies.* London: John W. Parker. 1169 p.

Withrington, D. J., Grant, I. R. (eds.). (1981). *The statistical account of Scotland 1791—1799, 17.* Wakefield: EP Publishing Limited. 682 p.

Youngson, A. J. (ed.). (1974). *Beyond the highland line.* London: Collins. 252 p.

References

Apryshchenko, V. Y. (2016). *Scotland in modern times: in search of identities.* St. Petersburg: Aleteya. 713 p. (In Russ.).

Gaukroger, J. (2005). *Inverness: a history and celebration of the city.* Salisbury: Francis Frith Collection. 117 p.

Graham, H. G. (1899). *The Social Life of Scotland in the Eighteenth Century, 1.* London: Adam & Charles Black. 265 p.

Grant, James (1738—1811), of Castle Grant, Elgin. Available at: https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1754-1790/member/grant-james-1738-1811 (accessed 05.03.2025).

Handley, J. E. (1963). *The Agricultural Revolution in Scotland.* Glasgow: Burns. 317 p.

Highland Scots — Frasers from Inverness & area: Fraser (Kirkhill). Available at: https://www.spanglefish.com/slavesandhighlanders/index.asp?pageid=225143 (accessed 05.03.2025).

Macdonald, K. (2024). Sociology within the Statistical Account of Scotland. In: *The Sociological Heritage of the Scottish Enlightenment.* Edinburgh: Edinburgh University Press. 153—196.

Malkin, S. G. (2016). *Laboratory of Empire: rebellion and colonial knowledge of Great Britain in the Age of Enlightenment.* Moscow: New Literary Review. 646 p. ISBN 978-5-4448-0514-5. (In Russ.).

Malthus, T. R. (1803). *An essay on the principle of population, or, A view of its past and present effects on human happiness: with an inquiry into our prospects respecting the future removal or mitigation of the evils which it occasions.* London: J. Johnson. 610 p.

Mitchison, R. (2019). *The Old Scottish Poor Law in Scotland: The Experience of Poverty, 1574—1845.* Edinburgh: Edinburgh University Press. 352 p.

Mukhin, M. A. (2024). *The management system of Scotland in 1746—1797.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 201 p. (In Russ.).

Plackett, R. L. (1986). The Old Statistical Account. Journal of the Royal Statistical Society. *Series A (General), 149 (3):* 247—251.

Sinclair, J. (1971). *Analysis of the Statistical Account of Scotland, 2.* New York: Johnson Reprint Corpn. 285 p.

Sinclair, J. (1971). *Analysis of the Statistical Account of Scotland, 1.* New York: Johnson Reprint Corpn. 442 p.

Sinitsa, A. L. (2018). The first (old) Statistical review of Scotland as a Source of demographic data on the population of Scotland at the end of the XVIII century. *Bulletin of Tomsk State University, 432:* 159—169. DOI: 10.17223/15617793/432/21. (In Russ.).

Smout, T. C. (1972). *A history of the Scottish people, 1560—1830.* London: Fontana. 540 p.

Smout, T. C. (1986). Reviewed Work: The Statistical Account of Scotland, 1791—1799, Vol. I, General John Sinclair. *The Scottish Historical Review, 65 (180) / 2:* 215—216.

Steven, M. (1995). *Parish Life in Eighteenth-Century Scotland.* Aberdeen: Scottish Cultural Press. 208 p.

The article was submitted 18.04.2025;
approved after reviewing 15.08.2025;
accepted for publication 12.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Пасс А. А. Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов : от «ручного управления» к рыночному соглашению» / А. А. Пасс, В. М. Дида // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 463—486. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486.

Pass, A. A., Dida, V. M. (2025). Soviet State and Industrial Cooperation in Second Half of 1945–1947: From "Manual Management" to Market Agreement. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 463-486. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов: от «ручного управления» к рыночному соглашению»

Пасс Андрей Аркадьевич
orcid.org/0000-0002-5904-0643
доктор исторических наук,
профессор кафедры политических наук
и международных отношений,
корреспондирующий автор
pass_andrey@mail.ru

Дида Вадим Маркович
orcid.org/0009-0009-4444-546X
аспирант кафедры политических наук
и международных отношений
dida_vadim@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда и
Правительства Челябинской области
№ 25-28-20066,
соглашение от 14.05.2025 г.,
https://rscf.ru/project/25-28-20066/

Soviet State and Industrial Cooperation in Second Half of 1945–1947: From "Manual Management" to Market Agreement

Andrey A. Pass
orcid.org/0000-0002-5904-0643
Doctor of History, Professor,
Department of Political Sciences
and International Relations,
corresponding author
pass_andrey@mail.ru

Vadim M. Dida
orcid.org/0009-0009-4444-546X
Postgraduate Student, Department
of Political Sciences
and International Relations
dida_vadim@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation
and the Government Chelyabinsk Region,
project number № 25-28-20066,
agreement dated 14.05.2025,
https://rscf.ru/project/25-28-20066/

© Пасс А. А., Дида В. М., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются методы руководства кооперативной промышленностью в связи с ее переводом на выпуск гражданской продукции в 1945—1947 годах. Рассматриваются мнения ведущих отечественных и зарубежных исследователей по заявленной теме. Источниками выступили опубликованные и архивные документы. Впервые вводятся в научный оборот данные по Челябинской области о структуре, численности персонала и объеме производства артелей, входивших в областную промысловую систему. Уделяется внимание проблемам, с которыми сталкивались малые негосударственные предприятия, таким как несовершенство процедуры ценообразования, рост себестоимости продукции по причине изношенности оборудования и сокращения поставок централизованных фондов сырья, неудовлетворительные качество и ассортимент изделий, острая нехватка оборотных средств и, как следствие, отток квалифицированных кадров. Выполнен обзор послевоенных правительственных постановлений 1945—1947 годов и практической деятельности местных партийных и советских органов по их реализации, который свидетельствует об изменении политического курса по отношению к кооперативному сектору экономики. Авторы приходят к выводу, что проводимые мероприятия знаменовали собой переход от мобилизационной модели управления «вручную» к «рыночному соглашению», обусловившему усиление государственной поддержки при расширении сферы денежных мотиваций и самостоятельно принимаемых решений.

Ключевые слова:
СССР; послевоенная конверсия народного хозяйства; промысловая кооперация; производство товаров и услуг; экономическое стимулирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the management methods of cooperative industry in the context of its transition to the production of civilian goods during the years 1945–1947. It examines the perspectives of leading domestic and international researchers on the topic. The sources include both published and archival documents. For the first time, data from the Chelyabinsk region concerning the structure, personnel numbers, and production volumes of cooperatives within the regional industrial system are introduced into scholarly discourse. The research addresses the challenges faced by small non-state enterprises, such as the inadequacies in pricing procedures, rising production costs due to equipment wear and tear, reduced supplies from centralized raw material funds, unsatisfactory product quality and range, acute shortages of working capital, and the resulting outflow of qualified personnel. A review of post-war government decrees from 1945 to 1947 and the practical activities of local party and Soviet bodies in implementing these policies indicates a shift in political strategy regarding the cooperative sector of the economy. The authors conclude that these initiatives marked a transition from a mobilization model of “manual” management to a “market agreement,” characterized by increased state support alongside an expansion of monetary incentives and autonomously made decisions.

Key words:
USSR; Post-War Conversion of the National Economy; Industrial Cooperation; Production of Goods and Services; Economic Incentives.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:334.732(47)“1945/1947”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов: от «ручного управления» к рыночному соглашению»

© Пасс А. А., Дида В. М., 2025

1. Введение = Introduction

Победа над нацистской Германией открыла новую страницу отечественной истории. СССР обрел статус военной сверхдержавы и обеспечил по периметру своих границ пояс безопасности, состоящий из лояльных политических режимов. Перед страной встала задача выработать экономический курс, способный в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство, провести конверсию и ощутимо поднять уровень жизни народа, настрадавшегося за годы войны. Определенная роль в этом отводилась системе промысловой кооперации, функционировавшей на основе хозяйственного расчета, выборности руководящих органов (председателя, правления, ревизионной комиссии) и распределения части полученной прибыли среди членов-пайщиков в качестве дополнительного источника трудового дохода. Отмеченные особенности обусловили диверсификацию методов управления кооперативной промышленностью в мирное время: жесткое администрирование постепенно заменялось экономическим стимулированием, что благоприятно отражалось на развитии низовой сети артелей, их производственном и финансовом потенциале, а также на общем состоянии социальной сферы в стране.

Актуальность избранной темы определяется тем, что совершенствование экономической системы современного российского общества в новых реалиях требует тщательного изучения альтернативных хозяйственных структур, которые, как показывает практика, в условиях транзитивных изменений и кардинальных реформ не только не сокращаются, но, напротив, демонстрируют способность к расширению ареала своего применения. Тем самым актуализируется исторический опыт существования в России «эксполярных» (снимающих, по мысли английского философа Т. Шанина, противоречия между трудом, капиталом и администрированием [Шанин, 1990, с. 109—115]) и укорененных в национальной традиции форм социально-экономической активности.

На материале Челябинской области рассмотрен один из сегментов народного хозяйства СССР, а именно кооперативная промышленность в первые послевоенные годы, когда процессы частичной демилитаризации существенно изменили принципы ее функционирования. Работа претендует на оригинальный концептуальный подход к оценке места и роли промысловых артелей в системе хозяйственных отношений и связей, установленных в результате «социалистической» модернизации.

До недавнего времени развитие производственных кооперативов в восстановительный период, и, в частности, в Южно-Уральском регионе, не являлось предметом специальных научных изысканий. Исключение составляет публикация А. Ю. Воробьевой, где в общих чертах определены методы партийного руководства их деятельностью, в также особенности сырьевого, кадрового и производственно-технического обеспечения, что позволило сделать вывод о заметной роли промысловых кооперативов в поддержании пропорционального развития советской экономики [Воробьева, 2009].

Соображения, изложенные в настоящей статье, доказывают тезис о сохранении и укреплении многоукладности советского социума в 1946—1947 годах, трактуемой правящими кругами как вынужденная мера, терпимая до тех пор, пока социалистическая экономика не оправится от потерь, понесенных в ходе войны. В арсенале средств воздействия на экономических акторов, базировавшихся на кооперативной собственности, сочетались директивно-волевые, идеологические и монетарные практики. При этом промартели в целях максимизации своей полезности вынужденно использовали теневые и внелегальные практики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой работы послужили периодическая печать, опубликованные документы и неопубликованные материалы, почерпнутые в двух федеральных (ГАРФ, РГАЭ) и одном региональном архиве (ОГАЧО).

Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами, статистическими сборниками, периодическими изданиями. Так, из текста «Закона о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР» можно узнать, какие первоочередные задачи была призвана решать промкооперация. На страницах областной газеты освещались текущие события из жизни артельщиков.

Вопросы руководства кооперативными предприятиями отражены в ряде постановлений Правительства СССР, совместных решениях бюро партийных комитетов и исполкомов Советов. Представляют интерес данные об обследованиях артелей, которые проводились комиссией партийного контроля, финансовыми органами, Главным управлением по делам по-

CC BY

требительской и промысловой кооперации при СНК СССР. Делопроизводственные материалы областных промысловых союзов содержат сведения о планировании, организации производства и сбыта, подготовке кадров, а также витальных стратегиях в условиях послевоенной конверсии.

В методологическом плане авторы опирались на институциональный подход, которому присущ ряд общих положений, способных играть роль научной парадигмы при обращении к историческим реалиям социально-экономического развития. Ориентиром послужили выводы «теории трансакционных издержек», «экономической теории прав собственности», «теории общественного выбора»: 1) высокие затраты, связанные с обменом и защитой правомочий при заключении договоров и сделок, препятствуют оптимальному для контрагентов использованию наличных ресурсов; 2) формальный, титульный владелец не всегда является реальным собственником, функции которого может присвоить управляющая структура — орган власти, юридическое или физическое лицо; 3) не существует абсолютной границы государства. Степень этатизма определяется совокупностью конкретных экономических, социальных и политических условий, в которых оказался данный социум, а также настроениями и предпочтениями составляющих его этносов и групп.

В советской исторической науке кооперативная проблематика традиционно рассматривалась сквозь призму идеологических стереотипов. Непререкаемым считалось утверждение о том, что коллективные негосударственные предприятия олицетворяют собой подсобный уклад, в котором доминирует групповой, а значит, частный интерес. Следовательно, социалистический строй со временем их «адсорбирует».

Новым витком интереса к истории промысловой кооперации, но уже без доктринальных предубеждений, ознаменовался рубеж XX—XXI веков и последующие десятилетия. Усилиями И. И. Никонова, Б. Д. Цыренова, Ю. Т. Никонова, А. А. Пасса, И. Н. Балахоновой, Н. Я. Чуваева, А. В. Печаловой на материалах областей и автономных республик были раскрыты не изученные ранее вопросы, в частности: мотивация труда, социальное положение, материально-бытовые условия членов промысловых артелей. Подчеркивалась востребованность кооперации как социально-экономической системы в военные и послевоенные годы [Никонов, 1999; Цыренов, 2000; Никонов, 2000; Пасс, 2000; Балахонова, 2009; Чуваев, 2010; Печалова, 2023]. Указанные работы содержат обширные данные для применения сравнительно-исторического подхода.

Деятельность кооперативов применительно к заявленному хронологическому отрезку стала предметом изучения Джули Хесслер, Е. Д. Твердюковой, И. А. Чуднова и В. А. Осипова, В. В. Аксарина. Ими затрагивались

CC BY

такие аспекты, как направления и эффективность государственного регулирования, теневой оборот товаров и услуг, сложные взаимоотношения с так называемыми «частными предпринимателями» [Hessler, 1998; Твердюкова, 2011; Чуднов и др., 2013, Аксарин, 2020].

Очевидно, что на сегодняшний день кооперативная промышленность на федеральном и местном уровнях стала самостоятельным предметом изучения. Однако обзор имеющихся работ, за редким исключением, свидетельствует об описательности изложения, что пока не позволяет выстроить целостную объяснительную модель, которая бы исчерпывающе определила место и роль промысловых товариществ в кризисные и посткризисные периоды развития сталинской мобилизационной экономики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Послевоенная реорганизация системы промысловой кооперации

В годы Великой Отечественной войны артельщики наряду с выполнением военных заказов производили обширную номенклатуру товаров широкого потребления. Так, промысловые товарищества Челябинской области в 1941—1945 годах поставили в армию боеприпасов и различного снаряжения на сумму более 50 млн руб., а предметов первой необходимости для населения изготовили почти на 4 млрд руб. (в неизменных ценах 1932 года). На 1 января 1946 года областное управление промкооперации объединяло 5 областных и 1 межрайонный союз, куда входили 123 товарищества с численностью занятых 12 302 человека. За 1945 год они произвели продукции на 135 млн руб., из них товаров широкого потребления — на 117,8 млн руб. Кооперация инвалидов в регионе состояла из 40 артелей, в них трудилось 3097 членов. Годовая выработка определялась суммой в 22,2 млн руб. [Пасс, 2002, с. 148, 172, 222-225].

По сравнению с довоенным 1940 годом общее число промысловых кооперативов в области сократилось с 270 до 163, персонала стало меньше на 13 082 человека. Несмотря на то, что валовое производство за пять лет выросло почти на 46 млн руб. [Там же, с. 222—225], план выпуска продукции в 1945 году был выполнен всего на 80 %, в ассортиментном разрезе — на 20 %. Значительная часть товаров из-за низкого качества не находила сбыта и оседала на складах. Как следствие, возникал дефицит оборотных средств. Число убыточных предприятий увеличилось до 39. На некоторых из них зарплата работникам не выплачивалась по 2—5 месяцев. Имели место хищения и растраты [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, д. 21, л. 2,3.]. В подобном положении находилось большинство российских облпромсоветов (в дальнейшем для их обозначения будет использоваться аббревиатура ОПС).

CC BY

Нисходящий тренд был вызван постепенным снятием с облпромсоветов, начиная с 1944 года, военных заказов, которые исправно обеспечивались материалами и хорошо оплачивались. Это нарушало сложившиеся хозяйственные связи. Усилилась текучесть кадров, поскольку эвакуированные и трудмобилизованные, часть которых ранее работала в промартелях, возвращались на прежнее место жительства, молодых артельщиков стали массово призывать в ремесленные училища, женщины прекращали членство в кооперативе ввиду возвращения мужей из армии и проч. Как видим, проблем у кооператоров Южного Урала к началу восстановительного периода имелось предостаточно. Требовалось предпринять решительные действия.

В октябре 1945 года и в ноябре 1946 года промысловая система подверглась переформатированию. Сначала по распоряжению Правительства РСФСР аппарат уполномоченных Управления промкооперации при Совнаркоме РСФСР по областям, краям, автономным республикам и городам республиканского подчинения преобразовали в управления промысловой кооперации при исполнительных комитетах областных и городских Советов. Данный шаг представлял собой попытку увязать руководство промсистемой с непосредственными нуждами территории, где она располагалась. События последующих трех лет показали, что это решение оживило деятельность артелей, не только способствовало раскрепощению их инициативы, но и предопределило конструктивное, взаимовыгодное сотрудничество с местными органами власти, в первую очередь финансовыми отделами исполкомов, которые рассматривали товарищества как значимый источник денежных поступлений в казну. Оборотной стороной медали явилось подозрение союзного центра в лице Наркомата госконтроля, возглавляемого Л. З. Мехлисом, в протаскивании идеи «ползучей» легализации частника некоторыми аполитичными специалистами-технократами.

В ноябре 1946 года было учреждено Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР. В состав нового ведомства входили организационное и контрольное управления, управление делами, а также отделы кооперативной торговли, финансов, заготовок, планово-экономический, производственно-технический, кадровый, юридический и секретный. Главукооп (или сокращенно ГУК) готовило для Правительства проекты постановлений по вопросам кооперации, представляло заключения по планам и отчетам ее производственной, торгово-заготовительной и снабженческой деятельности, кредитным операциям. Оно также осуществляло государственный надзор за работой кооперативных организаций, соблюдением ими уставов артелей. В регионах создавались службы старших инспекторов ГУК, которые игра-

CC BY

ли роль «государева ока». По мнению некоторых специалистов-историков, широкие полномочия, данные правительством Главукоопу, делали его «министерством» кооперации с неизбежным ущемлением демократических положений, по которым строилась ее жизнь [Чуднов и др., 2013, с. 177]. Однако с учетом реалий тех лет можно сказать, что новое ведомство играло роль своеобразного барьера, призванного оградить артельщиков от чрезмерной «погони за прибылью» в ущерб производству очень нужных в обиходе, но недорогих изделий, объем выпуска и стоимость которых регламентировали местные власти.

С одной стороны, описанные меры демонстрировали желание определенной части партийно-советской номенклатуры как-то помочь кооперативному сектору, чтобы не допустить его коллапса и не усугублять кризис потребления. При этом некоторые высокопоставленные деятели намеревались всячески пресекать распространение «теневых» (не учитываемых контрольными органами) приемов поддержания жизнеспособности малых негосударственных предприятий, поскольку они дискредитировали марксистско-ленинские принципы социализма и снижали лояльность граждан по отношению к существующему строю. С другой стороны, сформировалось четкое понимание, что одними организационными «улучшениями» уже не обойтись. На повестке дня стоял вопрос о предоставлении определенных преференций тем экономическим агентам, которые могли ощутимо повлиять на ситуацию со снабжением населения.

Поэтому уже 22 августа 1945 года СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» [Решения партии и правительства …, 1968, с. 232—237]. Этим документом все бездействующее оборудование с заводов союзно-республиканского подчинения передавалось артельщикам безвозмездно, а пригодные для переработки отходы оценивались в пределах 70 % стоимости полноценных материалов. Рассчитываться за последние разрешалось готовой продукцией.

Кроме того, в полном распоряжении кооператоров оставались: 1) отобранный на базах Главвторчермета металлолом, который в дальнейшем использовался для производства предметов первой необходимости; 2) самостоятельно заготовленная древесина и выращенная сельскохозяйственная продукция. Пищевые товарищества получали в пользование крупные земельные участки на срок не менее 10 лет. Ряд товаров (телеги, мебель, тара, стройматериалы и др.), выпускаемых промысловиками, не подлежал централизованному распределению. Их реализация допускалась по хозяйственным договорам, а также на рынке по сложившимся ценам. Разреша-

CC BY

лось продавать через собственную торговую сеть без карточек своим членам до 75 % предметов ширпотреба, выпускаемых кустарными предприятиями сверх квартального плана. Пятьдесят процентов сверхплановой прибыли оставалась в распоряжении артелей с условием, что половина ее будет направлена на развитие подсобных хозяйств и кульсоцбыт, а половина — на премирование отличившихся работников, причем передовики удостаивались нагрудного знака «Отличник социалистического соревнования промысловой кооперации» или «Отличник социалистического соревнования кооперации инвалидов». После 1 января 1945 года для впервые зарегистрированных артелей дешевели кредиты Торгбанка с 4 % до 3 % годовых, а для коллективных предприятий, вырабатывавших стройматериалы или занятых добычей топлива, — до 2 %. Если доля фондового сырья не превышала одной четверти от всех материалов, задействованных в изготовлении данного артикула, то производитель в течение 2-х лет освобождался от налога с оборота, бюджетной наценки и подоходного налога.

Постановление означало частичное снятие с промысловой кооперации некоторых правовых и хозяйственных ограничений, введенных в годы Великой Отечественной войны, и создание для нее более приемлемой институциональной среды. Например, Катав-Ивановская артель «Авангард», созданная в январе 1946 года, благодаря предоставленным льготам снизила издержки по кожаной и валеной обуви на половину и начала получать заказы из Златоуста, Магнитогорска, Челябинска. Полученная прибыль позволила ей развернуть выпуск ковровых и трикотажных изделий [Баннов, 1946]. Смысл также состоял в том, чтобы оперативно и безболезненно переориентировать кооперативы на выпуск исключительно гражданской продукции и тем самым смягчить продолжающийся товарный голод. Намерение властей включить денежные механизмы и упрочить легальные рыночные связи между местными производителями и потребителями после окончания войны стало очевидным, тем более что с ноября 1943 года на освобожденных от врага территориях была разрешена, вошла в повседневную жизнь и стала привычной частная торговля [Аполовников, 2021, с. 134]. В кулуарах Наркомата финансов с подачи начальника Управления по налогам и сборам Г. Л. Марьяхина всерьез обсуждалась идея легализации ряда промыслов, которыми де-факто занимались незарегистрированные «предприниматели». Этим дискуссиям не только не препятствовал, но с интересом следил за ними И. В. Сталин [Hessler, 1998, pp. 528,529]. Народ заговорил о грядущем «неонэпе». Например, свердловский комсомолец А. Безукладников еще в июне 1945 года в письме к М. И. Калинину просил разъяснить особенности данной политики на современном этапе [Кожурин, 1995, с. 141,142].

CC BY

3.2. Производство и реализация товаров широкого потребления из местного сырья как основная задача промысловой кооперации

Одним из первых, кто в начале февраля 1946 года открыто с официальной трибуны заговорил о необходимости учитывать возможности кооперативной промышленности в деле повышения благосостояния советских граждан, был Л. П. Берия. Так, на собрании избирателей Тбилисского Сталинского избирательного округа, по которому он, будучи заместителем Председателя СНК СССР, баллотировался в депутаты Верховного Совета, Лаврентий Павлович заявил, что расширение производства ширпотреба из местного сырья, главным образом силами местной промышленности и промкооперации, имеет большое значение для улучшения снабжения населения и заслуживает того, чтобы ему уделялось большее внимание [Правда, 1946].

Спустя месяц публикуется «Закон о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР». Перед кооперативной промышленностью ставилась задача увеличить выпуск товаров для населения, строительных материалов, а также изделий, нехватка которых остро ощущалась в колхозах: упряжи, повозок, саней, простейшего конного и ручного инвентаря. Подчеркивалось, что предметы домашнего обихода должны отличаться высоким качеством, разнообразным ассортиментом и продаваться по общедоступным ценам. Предполагалось к концу четвертой пятилетки поднять в промысловой кооперации производство мебели на 30 %, трикотажа — на 25—30 %, кирпича — в 2,1 раза, торфа — на 64 %, угля — на 77 %, развить сеть ателье и мастерских по пошиву и ремонту одежды и обуви [Директивы КПСС …, 1958, с. 32].

Руководители кооперации в регионах, ознакомившись с директивами, обратили внимание контролирующих инстанций на имеющиеся «нюансы», которые препятствовали осуществлению провозглашенного курса. Так, в докладной записке начальника управления промкооперации при Челябинском облисполкоме Лапуховского уполномоченному Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области А. Н. Бакину, датированной 11 марта 1946 года, указывалось на плохое финансовое состояние ряда артелей, вызванное распоряжением местных властей перейти от установления отпускных цен по фактической калькуляции с учетом затрат на сырье и прочие переменные расходы, как это было в годы войны, к утвержденным прейскурантам, рассчитанным на отчетный период, как правило, на год [ОГАЧО, ф. 297, оп. 2, д. 945, л. 173—182]. Для того чтобы их изменить вслед за конъюнктурой, требовались время, настойчивость и убедительные аргументы. В ответ чиновники обычно советовали снижать себестоимость, не допускать затоваривания неходовыми изделиями.

CC BY

Однако теперь большую часть материалов приходилось заготавливать самостоятельно. Оплата услуг «толкачей», погрузочно-разгрузочных работ и транспорта удорожила поставки примерно наполовину. Изменение ассортимента в пользу гражданской продукции также увеличило издержки, поскольку сопровождалось усложнением технологических процессов. Скажем, металлическая артель «им. Куйбышева» раньше делала арматуру и литье методом грубой штамповки для Наркомата обороны по относительно высокой цене. Когда спецзаказы сняли, она начала изготавливать кровати, оконную фурнитуру и проч., то есть весьма трудоемкую и гораздо менее дорогую продукцию. Товарищество «Новый путь» вынуждено было прекратить выпуск простой тарной дощечки для ящиков, предназначенных к перевозке артиллерийских снарядов (за каждый оборонное ведомство платило по 17 руб.), и перепрофилироваться на обоз, оконные рамы, предметы мебели. Справиться с задачей могли только квалифицированные рабочие, которых еще предстояло подготовить. Естественно, все это отражалось на рентабельности и ставило под вопрос дальнейшее расширение и совершенствование производства.

Чтобы облегчить промысловой кооперации переход на мирные рельсы, был принят ряд мер по улучшению ее обеспечения и укреплению технической базы. Так, по сравнению с первым полугодием, во втором полугодии 1946 года Челябинский облпромсовет стал лучше снабжаться тканями, нитками, кожевенными полуфабрикатами, пряжей, шерстью, чугуном. Увеличение поставок выразилось суммой в 2,5 млн руб. Параллельно южно-уральские кооператоры построили и запустили в г. Миассе завод резиновых изделий и чугунолитейную мастерскую, переоборудовали листопрокатный цех в Магнитогорске, механизировали две крупных пимокатных мастерских и электрифицировали три артели. Помимо этого, началось сооружение горна для обжига керамической посуды в Нижней Увелке. Металлообрабатывающие товарищества получили почти два десятка штамповочных прессов, что позволило увеличить выработку простейшего сельхозинвентаря, инструмента и скобяных изделий [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 31, л. 92—100].

Однако быстро добиться ощутимого подъема уровня жизни жителей области не получилось. Мешали слаженной работе кадровая чехарда, которая обусловливалась в том числе снятием артельщиков с централизованного снабжения хлебом, запущенность бухгалтерского учета, провоцировавшая приписки и хищения, изношенность оборудования и острая нехватка запчастей. Но главная причина виделась в том, что промкооперация в сложившихся обстоятельствах шла по пути наименьшего сопротивления и продавала свою продукцию оптом по хоздоговорам различным организациям непосредственно со складов, а потому потеряла связь с потенциаль-

CC BY

ными покупателями и не могла соответствовать их запросам. Городские рынки оказались во власти лоточников и криминальных элементов, не пускавших к торговым местам ни колхозников, привозивших сельхозпродукты, ни промысловиков с промтоварами. Поэтому они, в лучшем случае, сбывали их перекупщикам, которые назначали завышенные цены, непосильные для большинства простых граждан.

Уместно привести свидетельство итальянского коммуниста Этторе Ванни, волею судьбы оказавшегося в описываемое время на базаре возле железнодорожного вокзала в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Его поразили грязные, полуоткрытые уборные возле одного из входов с тысячами мух, невыносимым зловонием и морем грязи вокруг. Рядом на прилавках были разложены все виды табака, белого хлеба, «и все, что только может себе представить человеческая фантазия: от бюстгальтеров до электрических обогревателей, от металлической походной кровати до военных наград с соответствующими документами, проштампованными и подписанными, чтобы желающий мог зарегистрироваться от своего имени». Здесь же какие-то люди играли в карты, неподалеку располагался «гостевой» дом, где посетителям предлагались водка, американские консервы и яичный порошок, а также «популярные» развлечения [Hessler, 2004, p. 271].

Советские вожди воспринимали сложившиеся реалии как вызов и понимали, что народ-победитель достоин лучшей участи. Но как обуздать рыночную вакханалию, навести порядок в каналах распределения и добиться удовлетворения первоочередных нужд трудящихся? Здравый смысл и прошлый опыт подсказывали, что государственные торги и снабы в принципе не способны эффективно организовать свободный, а не «привилегированный» оборот товаров, особенно когда в каждом отдельном случае надо приспосабливаться к местным условиям и учитывать специфику каждого «местечка» и каждого месяца работы.

Еще свежи были в памяти попытки передать оптовые базы и торговые точки сельской потребительской кооперации, которую в 1942 году буквально захлестнул вал воровства и злоупотреблений, в ведение специально создаваемого при Наркомате торговли Управления Главсельторга. Однако после того как инициаторы идеи подсчитали сопутствующие издержки, они решили оставить все как есть, ограничившись рекомендацией доукомплектовать ревизионный аппарат райпотребсоюзов и сельпо [РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 171, л. 192,193]. Также не забылись факты передачи в госсектор в первый год войны свыше 140 кооперативных предприятий с годовой программой в 600 млн руб. для выполнения спецзаказов Наркомата обороны, что практически лишило некоторые областные промсоветы, например Свердловский, возможности выпускать ширпотреб [ГАРФ,

CC BY

ф. 395, оп. 1, д. 3, л. 12,13]. Тогда понадобилось срочное вмешательство Управления промкооперации при СНК РСФСР, чтобы остановить тотальные конфискации и не превращать гор(рай)исполкомы в пункты экстренной помощи населению.

В общем, решение лежало на поверхности и заключалось в реанимировании промысловой системы и оказании ей всяческого содействия в восстановлении своей, как сейчас принято говорить, инфраструктуры, которая бы позволила предложить альтернативу не только обнаглевшему от вседозволенности частнику, но и неповоротливым и закосневшим в условиях нормированного снабжения государственным торгующим организациям.

В русле такого подхода Правительство СССР подготовило и опубликовало 9 ноября 1946 года постановление «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» [Директивы КПСС …, 1958, с. 109—120]. В числе наиболее серьезных «пороков и недостатков» их работы назывались следующие: неразвитость товаропроводящей сети; отсутствие децентрализованного закупа излишков сельскохозяйственных продуктов в деревне; недостаточные усилия по вводу в строй новых мощностей и улучшению качества готовых изделий; отказ от конкуренции с государственными магазинами, которые, пользуясь монопольным положением в городах, не заботятся о разнообразии ассортимента и совершенствовании ценовой политики. Отмечалось нежелание кооператоров открывать новые предприятия в тех регионах, где их нет, соответственно, оказывались не задействованными дополнительные трудовые ресурсы. Критике подверглись иждивенческие настроения руководителей артелей, надеявшихся на фондируемые поставки сырья, пренебрегавших привлечением паевых средств и упустивших из рук контроль над кооперативными финансами. В итоговой части преамбулы говорилось о готовности предоставить товариществам ряд налоговых льгот и позволить им принимать более активное участие в ценообразовании на собственную продукцию.

Главное же заключалось в том, что промысловой кооперации и кооперации инвалидов отныне позволялось открывать магазины и павильоны, палатки и ларьки и самостоятельно торговать в них товарами своего производства в городах, рабочих поселках и на селе по ценам, сложившимся на рынке, но не выше тех, что существовали в коммерческой торговле. Последние, как правило, в несколько раз, а то и на порядок превышали «пайковые» расценки, по которым реализовывались продукты и промтовары по карточкам.

Разрешалось без ограничений за наличный и безналичный расчет закупать для переработки разнообразную снедь в колхозах и у крестьян, вы-

CC BY

полнивших обязательства по госпоставкам; нанимать транспорт, включая железнодорожные вагоны, пароходы и катера, с оплатой по соглашению. Однако до четверти заготовленных продуктов (это касалось кооперации инвалидов) или изделий из них (в промысловых артелях с полноценной рабочей силой) надо было сдавать подразделениям Минторга для продажи в соответствии с государственным заданием. Также санкционировалось приобретение обуви, одежды, предметов домашнего обихода для ремонта и последующей реализации населению.

Товары, изготовленные из местного сырья, а также электроарматура, металлоизделия, школьная канцелярия и галантерея, лыжная мазь(!), освобождались от бюджетной наценки, что делало их прибыльнее для производителя и доступнее для потребителя. Проще становилась процедура кредитования. Деревообрабатывающие артели на десятилетний срок бесплатно наделялись лесосеками, а занятые в них работники — земельными участками площадью 15 соток и сенокосными угодьями до 1 га для обустройства индивидуальных огородов и прокорма скота на личных подворьях. Имелся даже такой любопытный пункт: отныне для выпуска кожаных изделий кооператоры могли использовать шкуры павших животных, которые не засчитывались в плановые поставки.

Среди прочих нововведений можно указать на подключение предприятий союзного подчинения к выполнению заявок на необходимые кооперативам оснастку и приспособления, снятие моратория на распределение 20 % прибыли среди членов товариществ в виде поощрения за добросовестный труд, беспрепятственное инвестирование в капитальное строительство со сметной стоимостью каждого объекта не свыше 2 млн руб., тогда как прежний лимит определялся в 1 млн руб. Запрещались изъятие и передача другим ведомствам и организациям принадлежащего промысловой и инвалидной кооперации имущества: цехов, зданий, оборудования, транспортных средств и проч. Был положен конец постоянным мобилизациям персонала на посторонние цели со стороны районных властей.

Кроме того, строго регламентировался патентный сбор на осуществление профильной деятельности. Утверждались твердые ставки на год в диапазоне от 1-го до 5-го разряда. Например, производственной артели предписывалось внести 250 руб., если валовый выпуск не превышал 100 тыс. руб. (5 разряд) и 10 тыс. руб. для показателя свыше 3 млн руб. (1 разряд). То же самое касалось торговых кооперативов, только там аналогичным критерием выступала величина годового оборота, а разброс платежей находился в пределах от 100 до 3 тыс. руб. Справиться с данным платежом могло любое, даже не очень успешное товарищество.

CC BY

Обширная номенклатура товаров, изготовленных на негосударственных малых предприятиях, освобождалась от налога с оборота. Соответственно, доля прибыли в их розничной цене увеличилась. В список вошли машины и запчасти к ним для оборудования отраслей промышленности, транспорта и коммунального хозяйства, станки, инструмент, сельхозинвентарь, строительные метизы, несгораемые шкафы, весы, часовая и металлическая фурнитура, стройматериалы минерального происхождения, поделочный камень, торф, изделия из дерева, протезы, киноаппаратура, а также сельхозпродукты, поступающие в порядке госзакупок и децентрализованных заготовок. Прогрессивный налог на прибыль по ставкам от 23,5 % до 55 %, в зависимости от доходности кооперативного предприятия, заменялся единым в размере 25 % с ежеквартальным взиманием. Особо обращалось внимание на скорейшее восстановление выборности правлений и ревизионных комиссий артелей, обеспечение их регулярной отчетности, подбор руководящих кадров. Помощь в этом должны были оказать местные советские организации.

Любопытная новация в свете выполнения правительственных постановлений от 22 августа 1945 года и 9 ноября 1946 года касалась финансового положения промысловой системы. В соответствии с распоряжением Торгбанка СССР от 29 января 1947 года всем конторам, которые обслуживали расчетные счета кооперативных организаций, предписывалось принять непосредственное участие в утверждении отчетов по основной деятельности облпромсоюзов и артелей. Ставилась задача поиска оптимальных способов их кредитования через санацию неликвидных балансов и рациональное использование имеющейся прибыли, с тем чтобы не допустить закрытия проблемных предприятий. Управляющие местными отделениями банка должны были вносить конкретные предложения, направленные на улучшение коммерческой деятельности последних.

Обычно этому предшествовало фронтальное обследование, проводимое контролером в ранге не ниже начальника отдела. Среди рекомендаций, которые встречались чаще всего, можно назвать специализацию и сокращение издержек производства, инвентаризацию товаро-материальных ценностей на предмет снижения сверхнормативных остатков, укрепление руководства квалифицированными и авторитетными людьми, активизацию ревизионной работы, взыскание ущерба от растрат и хищений, погашение дебиторско-кредиторской задолженности, ежеквартальное предоставление отчетности [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 38, л. 92—95]. Была очевидна заинтересованность банка в обеспечении финансовой устойчивости клиентуры, и, как правило, такие меры, как предоставление профессионального (абсолютно бесплатного!) консультирования и адресной поддержки в виде целевых ссуд, обеспечивали необходимый эффект. Так, в 1947 году

CC BY

по инициативе Торгбанка, была разукрупнена магнитогорская артель «Сталинский путь», из нее выделилось товарищество «Пищевик», которое на кредит в 100 тыс. руб. сразу приобрело отдельное здание для размещения двух цехов, складские помещения, овощехранилище, транспорт. Ему также выделили необходимые оборотные средства. К концу года предприятие вышло на запланированные показатели [ОГАЧО, ф.288, оп. 12, д. 150, л. 32]. Расшивка узких мест в денежном обороте челябинских промысловиков позволила им по итогам 5 месяцев 1947 года выполнить полугодовое задание по накоплениям на 110 % [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 103].

3.3. Выполнение правительственных директив о работе промысловой кооперации на Южном Урале

Описываемое время характеризовалось безусловным доминированием партийных комитетов на всех этажах административной вертикали. Поэтому вполне закономерно, что первыми на нововведения откликнулись обкомы ВКП(б). Уже в 20-х числах ноября в областном штабе челябинских коммунистов состоялось два совещания: первое — с руководителями промкооперации, кооперации инвалидов и местной промышленности; второе — с заместителями председателей промысловых союзов по работе среди молодежи. В промысловой системе в рассматриваемое время было много молодых людей в возрасте 16—25 лет. Их удельный вес в общем числе занятых достигал 60—80 %. Понятно, что именно они воспринимались как приоритетная группа управляемых.

А 27 ноября всем секретарям горкомов было разослано инструктивное письмо, которое обязывало в течение 10 дней провести соответствующую агитационно-массовую кампанию среди артельщиков и совместно с ними организовать в городах, рабочих поселках, на рынках и станциях железных дорог торговые точки, развозки и разноски для продажи населению товаров, произведенных или заготовленных кооперативными организациями. Сообщать о предпринятых действиях надлежало каждую пятидневку по телеграфу, а к 16 декабря прислать докладные записки персонально первому секретарю ОК Ф. Н. Дадонову [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, л. 314, л. 54,55]. Необыкновенная активность высокого областного начальства и его категорическое требование регулярной обратной связи наталкивает на мысль, что столичный центр не только объявил о смене приоритетов по одному из ключевых направлений социальной политики, но и по свои каналам дал понять региональной номенклатуре, что эти новации задуманы «всерьез и надолго» как подготовительные шаги к грядущей отмене карточек, денежной и ценовой реформам.

Высказанная догадка подтверждается тем, что 19 декабря 1946 года бюро ОК собралось, чтобы заслушать отчеты с мест и детально разобраться в вопросе. Промежуточные результаты не радовали, так как облпромкоопе-

CC BY

рация вкупе с облкоопинсоюзом провалили важное задание, несмотря на то, что оно не являлось непосильным. Магазинов и ларьков при плане 33 единицы открыли на десяток меньше, в них отсутствовали «фирменные» вещи, имелся лишь низкокачественный и неходовой ширпотреб в ограниченном ассортименте. Сельхоззаготовки оказались в пределах 9 % от намеченного объема: хотели скупить сырья и продуктов на 780 тыс. руб. а фактически приобрели на 72 тыс. руб. По-видимому, сыграло роль неумение оперативно наладить встречный взаимовыгодный обмен с колхозниками по принципу: продовольствие против добротных собственных изделий. Выяснилось также, что под видом артельных заготовителей на село выезжали неустановленные лица, которые создавали ажиотаж и набивали цены.

Конечно, упреки были во многом справедливыми, но какой-либо существенной поддержки кооператоры в тот момент не получили. Это и понятно, ведь для подготовки комплексной программы развития важного сегмента региональной экономики нужно было время. Прозвучал приказ безоговорочно выполнить производственную программу 1947 года, смягчить дефицит предметов потребления в первую очередь в крупных городах Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, освободиться от непрофильных заказов. Правда, директора Миасского автомобильного завода обязали выделить промысловикам автомашины, а начальника Южно-Уральской ж/д — вагоны под перевозку торговых грузов. Пообещали также возвратить ранее отобранные помещения и не отвлекать членов товариществ от основной работы. В города и районы отправили ответственных работников для оказания практической помощи [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, д. 96, л. 27—31].

Порой восстановление нарушенных имущественных прав кооператоров происходило только благодаря партийным органам. Так случилось в мае 1946 года, когда директор Подовинного мясомолочного совхоза вынудил к закрытию единственную в Каракульском районе артель «Трудовик», выгнав ее из арендуемых мастерских. После вмешательства в конфликт обкома ВКП(б) «Трудовик» возобновил свою деятельность по бытовому обслуживанию на прежних основаниях [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 44].

Нижестоящие инстанции подхватили эстафету. Наиболее значимым было городское звено. В промежутке между декабрем 1946 года и июлем 1947 года Челябинский горком ВКП(б) и горисполком неоднократно обращались к кооперативной теме. Первым делом пересмотрели производственные планы в целях максимального использования отходов флагманов индустрии и излишков сельскохозяйственной продукции в колхозах и приусадебных хозяйствах селян. Кроме того, в артелях состоялись внеочередные отчетно-выборные собрания, по итогам которых свыше трети председателей, утративших доверие из-за неспособности к переменам,

CC BY

лишились своих должностей. Прежнее руководство горпромкооперации скомпрометировало себя неблаговидными проступками. В частности, начальник челябинского городского управления промкооперации Тартаковский «прославился» грубостью, самоуправством, нетерпимостью к критике. Занимался самоснабжением и приписками. Чаша терпения коллег переполнилась, когда он самолично арестовал и запер в подвале председателя артели «Спартак» Буракова и закройщика Брава, отказавшихся выполнять его незаконные распоряжения. Его заменили на молодого перспективного выдвиженца. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 260, л. 9].

В столице Южного Урала появились 3 новые артели, 5 магазинов, 13 ларьков, 7 скупочных пунктов, 4 павильона и 14 лотков. Удалось наладить поточное производство гвоздей, хозяйственного мыла, глазурованной посуды, металлических кроватей, детской игрушки, пуговиц, резиновой и валяной обуви, кожзаменителя, средств и аксессуаров для личной гигиены. Кооператоры восстановили и ввели в эксплуатацию из переданного им неисправного оборудования 4 гвоздильных станка, столько же шурупных автоматов, 1 механический пресс, 2 автоматизированных линии по выпуску чулок, 7 узкопрофильных машинных агрегатов. Улучшение оснащенности позволило некоторым малым предприятиям (например, челябинскому товариществу «им. XVIII партсъезда») внедрить конвейерную систему и перейти на работу в 3 смены. В итоге полугодовой план розничного товарооборота городская промкооперация выполнила на 122,5 % (3652,6 тыс. руб.), кооперация инвалидов — на 111,7 % (760 тыс. руб.), тогда как госпромышленность местного подчинения — всего на 45 % (588 тыс. руб.).

Предоставленная возможность самостоятельно заготавливать сырье для производства товаров ширпотреба по свободным ценам, даже несмотря на то, что поначалу ей воспользовалась лишь треть артелей Челябинской области, уже в первом полугодии 1947 года обеспечила увеличение выпуска обуви в 1,5 раза, а особо востребованных трикотажных изделий — в 2 раза. Товарооборот одного из передовиков начинания — Троицкого промыслового товарищества «им. XVII партсъезда» — в течение указанного времени составил более 1300 тыс. руб. («Челябинский рабочий», 26 августа 1947 года) [Салов, 1947]. В докладе секретаря челябинского ГК ВКП(б) по кадрам Петрова, направленном в конце июня 1947 года заместителю секретаря обкома партии Гольбергу, подчеркивалось, что кооперативная торговля стала оказывать серьезное влияние на уровень цен, складывающихся на местных рынках [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 45—51].

Нельзя не отметить особую миссию райкомов партии, которые занимались главным образом идейно-политическим воспитанием трудовых коллективов через первичные партячейки. В Челябинском городском управле-

CC BY

нии промкооперации из 2062 производственных рабочих членов ВКП(б) и ВЛКСМ насчитывалось 313 человек, причем передовиков в этой группе было в полтора раза больше, чем среди беспартийных (соответственно 27 % и 18 %) [ОГАЧО, ф. 92, оп. 6, д. 131, л. 15,16]. Поэтому районные функционеры выступали за увеличение партийно-комсомольской прослойки в артелях, уповая на проверенные временем методы политической агитации: проведение политинформаций, выпуск стенгазет, обсуждение злободневных публикаций в прессе и литературных произведений патриотического содержания. Как аксиома воспринималось утверждение, что идейно подкованный работник будет работать на совесть и с полной отдачей без особой оглядки на вознаграждение. К тому же наличие партийной организации позволяло коммунистам осуществлять провозглашенное в 1934 году на XVII съезде право контроля над хозяйственной деятельностью всех предприятий, включая кооперативные. Но в повседневной жизни оно использовалось не часто, и это вызывало недовольство со стороны номенклатурных работников партаппарата.

Тем временем сознание рядовых партийцев постепенно адаптировалось к переменам. Возникали иные, отличные от прежних аскетических, критерии самореализации и личностного роста. Весьма показательным в данном отношении является выступление секретаря партячейки артели «Металлист» Мифтахова на XI партконференции Сталинского райкома г. Челябинска, состоявшейся 8 февраля 1949 года. Он заявил буквально следующее: «За прошедший год наш кооператив получил свыше 1 млн руб. чистой прибыли. Именно это емко характеризует работу нашей парторганизации и всего коллектива». Возражений не последовало [ОГАЧО, ф. 120, оп. 1, д. 227, л. 29]. Вероятно, потому что выступающего знали, как честного и ответственного человека.

Справедливости ради заметим, что порой сверхплановые накопления — один из значимых результатов — обеспечивались не ударной работой, а различными незаконными манипуляциями. Популярным способом «снижения издержек» являлась экономия на качестве. Скажем, промысловики из «Мебельщика» отказались полировать шкафы и комоды, ограничившись только лакированием. Они же придумали вместо ценной мочальной парги набивать диваны и матрацы дешевой стружкой. Такое модифицированное изделие выглядело (и стоило!) как стандартное, но после непродолжительного использования теряло товарный вид.

Самым распространенным было завышение цен. Артель «им. Тельмана» челябинского обллесхимпромсоюза взяла за правило отпускать свою продукцию оптовыми партиями по розничным расценкам. В итоге пихтовый бальзам обходился покупателям дороже в 1,5 раза, а древесная смола

CC BY

возрастала в стоимости на треть. Даже за кули (большие рогожные мешки для упаковки сыпучих грузов), приобретение которых не представляло проблемы, изворотливые дельцы от кооперации умудрялись получать до 8 % «лишних» денег, при том что размеры тары произвольно уменьшались, а плотная фактура ткани подменялась плохо сотканной рединой. Сбереженное сырье снова пускалось в дело, гарантируя дополнительные поступления наличности. За подобные ухищрения против председателя товарищества Храмова в августе 1949 года было возбуждено уголовное дело, и он получил 5 лет тюрьмы [ОГАЧО, ф. 493, оп. 1, д. 14, л. 46,49].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в первые послевоенные годы Советский Союз переживал сложную трансформацию, непосредственно затронувшую внутреннюю экономическую политику и общественные отношения. Одним из ключевых вопросов повестки дня стало преодоление товарного дефицита через более полное раскрытие потенциала системы промысловой кооперации. Ей поставили задачу перейти от прямого или косвенного обслуживания государственных предприятий и учреждений к массовому выпуску товаров и услуг для населения.

Возвращение артелей к понятной и привычной деятельности по удовлетворению повседневного спроса сопровождалось поиском оптимальной для власть имущих структуры управления кооперативным сектором, которая бы сочетала в себе большую свободу в выборе стратегии развития и, одновременно, препятствовала аккумулированию незаконных доходов.

Гибкость и быстрая адаптация к изменяющимся социальным условиям послужили предпосылками для превращения производственных кооперативов в своеобразные центры жизнеобеспечения. Правительство предоставило им ряд льгот по снабжению и налогообложению, позволило развернуть собственную торговую сеть, где продовольственные и промышленные товары реализовывались по текущим рыночным ценам. Указанные меры способствовали активизации коллективного предпринимательства, поскольку усиливали утилитарно-прагматические мотивации членов товариществ и снижали их восприимчивость к приказным методам руководства. Вместе с тем они невольно провоцировали распространение неконвенциальных практик, ориентированных не столько на укрепление хозяйственного положения той или иной артели, сколько на личное обогащение. Попыткой разрешения данного конфликта явилось постановление Совета Министров СССР № 1229 от 14 апреля 1948 года «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» [ГАРФ, ф. 5446, оп. 50, т. 2, д. 3754, л. 119—121], в котором профильным

CC BY

ведомствам и исполкомам Советов предписывалось «очистить предприятия промысловой и потребительской кооперации, кооперации инвалидов и местной промышленности от спекулятивных элементов» [Там же]. Впрочем, это уже совсем другая история.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Баннов А. У* артели «Авангард» — хорошая репутация / А. Баннов // Челябинский рабочий : [газета]. — 1946. — № 210 (8173). — С. 3.

2. *Выступление* тов. Л. П. Берия на собрании избирателей Тбилисского Сталинского избирательного округа // Правда : [газета]. — 1946. — № 31 (10113). — С. 2.

3. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5446 (Совет Министров СССР) Ф. 5446. Оп. 50. Т. 2. Д. 3754. Л. 119—121 ; Ф. 395 (Управление промысловой кооперации при СНК РСФСР) Ф. 395. Оп. 1. Д. 3. Л. 12,13.

4. *Директивы* КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917—1957). — Москва : Политиздат, 1958. — 706 с.

5. *Кожурин В. С.* Народ и власть (1941—1945). Новые документы / В. С. Кожурин. — Москва : Изд-во Российской академии государственной службы (РАГС), 1995. — 145 с.

6. ОГАЧО — *Объединенный* государственный архив Челябинской области. Ф. 92 (Челябинский горком КПСС) Ф. 92. Оп. 6. Д. 131. Л. 15,16 ; Ф. 120 (Центральный райком КПСС Челябинска) Ф. 120. Оп. 1. Д. 227. Л. 29 ; Ф. 288 (Челябинский обком КПСС) Ф. 288. Оп. 10. Д. 21. Л. 2,3 ; Д. 96. Л. 27—31 ; Д. 314. Л. 54,55 ; Оп. 11. Д. 260. Л. 9 ; Д. 334. Л. 44, 45—51, 103 ; Оп. 12. Д. 150. Л. 32 ; Ф. 297 (Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области) Ф. 297. Оп. 2. Д. 945. Л. 173—182 ; Ф. 493 (Челябинский областной лесохимический промысловый союз) Ф. 493. Оп. 1. Д. 14. Л. 46,49 ; Ф. 965 (Челябинский областной промысловый совет) Ф. 965. Оп. 5. Д. 31. Л. 92—100 ; Д. 38. Л. 92—95.

7. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Москва : Изд-во политической литературы, 1968. — 754 с.

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 7971 (Министерство торговли СССР. 1934—1958) Ф. 7971. Оп. 16. Д. 171. Л. 192,193.

9. *Салов В.* Шире развернуть кооперативную торговлю в городах и рабочих поселках / В. Салов // Челябинский рабочий : [газета]. — 1947. — № 169 (8390). — С. 3.

Литература

1. *Аксарин В. В.* Управление по делам промысловой и потребительской кооперации в 1946—1950 годах : взаимодействие центральных и местных органов (на примере Тюменской области) / В. В. Аксарин // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 284—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297.

2. *Аполовников А. А.* Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А. А. Аполовников, А. А. Пасс,

М. Н. Потемкина, Н. Л. Усольцева. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-7271-1770-5.

3. *Балахонова И. Н.* Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917—1960 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Н. Балахонова. — Нижний Новгород, 2009. — 295 с.

4. *Воробьева А. Ю.* Кооперативная промышленность в восстановительный период в Челябинской области (1945—1950 гг.) / А. Ю. Воробьева // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции 28—29 ноября 2009 г. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — С. 399—407. — ISBN 978-5-91274-073-2.

5. *Никонов И. И.* Кооперативное движение России в 30—50-е годы XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / И. И. Никонов. — Кострома, 1999. — 560 с.

6. *Никонов Ю. Т.* История промысловой кооперации Удмуртии. 1920—1960 : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. Т. Никонов. — Ижевск, 2000. — 224 с.

7. *Пасс А. А.* «Другая» экономика : производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939—1945 гг. / А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2002. — 236 с. — ISBN 5-7271-0579-X.

8. *Пасс А. А.* Кооперативная промышленность и торговля на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. А. Пасс. — Екатеринбург, 2000. — 425 с.

9. *Печалова Л. В.* Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики Советского государства (1920—1960 гг.) : на материалах Северного Кавказа и Дона : диссертация ... доктора исторических наук : 5.6.1 / Л. В. Печалова. — Ставрополь, 2023. — 589 с.

10. *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. — Санкт-Петербург : Филологический фак-т СПбГУ, 2011. — 328 с. — ISBN 978-5-8465-1084-5.

11. *Цыренов Б. Д.* История промысловой кооперации в Бурят-Монголькой АССР. 1923—1960 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Д. Цыренов. — Улан-Удэ, 2000. — 178 с.

12. *Чуваев Н. А.* Промысловая кооперация Алтая (1945—1960 гг.) : магистерская диссертация / Н. А. Чуваев. — Барнаул, 2010. — 90 с.

13. *Чуднов И. А.* Кооперация минус частная инициатива равно социализм / И. А. Чуднов, В. А. Осипов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 175—184.

14. *Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. — 1990. — № 8. — С. 109—115.

15. *Hessler J.* A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR / J.Hessler // Slavic Review. — 1998. — Vol. 57.— № 3. — Pp. 516—542. — DOI: https://doi.org/10.2307/2500710.

16. *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953 / J. Hessler. — Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2004. — 366 p. — ISBN 0-691-11492-7.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 09.09.2025.

CC BY

Material resources

Bannov, A. (1946). The Avangard artel has a good reputation. *Chelyabinsk Worker: [newspaper], 210 (8173):* P. 3. (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues. (1968). Moscow: Publishing House of Political Literature. 754 p. (In Russ.).

Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues (1917—1957). (1958). Moscow: Politizdat. 706 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

Kozhurin, V. S. (1995). *People and power (1941—1945). New documents.* Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration (RAGS). 145 p. (In Russ.).

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region.* (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 7971 (Ministry of Trade of the USSR. 1934—1958) F. 7971. Op. 16. D. 171. L. 192,193.* (In Russ.).

Salov, V. (1947). Expand cooperative trade in cities and working towns. *Chelyabinsk worker: [newspaper], 169 (8390):* P. 3. (In Russ.).

Speech by Comrade L. P. Beria at a meeting of voters of the Tbilisi Stalin electoral district. (1946). *Pravda: [newspaper], 31 (10113):* P. 2. (In Russ.).

References

Aksarin, V. V. (2020). Management of commercial and consumer cooperation in 1946—1950: interaction of central and local authorities (on the example of the Tyumen region). *Nauchnyi dialog, 3:* 284—297. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297. (In Russ.).

Apolovnikov, A. A., Pass, A. A., Potemkina, M. N., Usoltseva, N. L. (2021). *Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War (based on the materials of the Southern Urals).* Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 360 p. ISBN 978-5-7271-1770-5. (In Russ.).

Balakhonova, I. N. (2009). *Implementation of party and state policy in the mining cooperation of the Gorky region in 1917—1960.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 295 p. (In Russ.).

Chudnov, I. A., Osipov, V. A. (2013). Cooperation minus private initiative equals socialism. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 3:* 175—184. (In Russ.).

Chuvaev, N. A. (2010). Fishing cooperation of Altai (1945—1960): Master's thesis. Barnaul. 90 p. (In Russ.).

Hessler, J. (1998). A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR. *Slavic Review, 57 (3):* 516—542. DOI: https://doi.org/10.2307/2500710.

Hessler, J. (2004). *A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953.* Princeton — Oxford: Princeton University Press. 366 p. ISBN 0-691-11492-7.

Nikonov, I. I. (1999). *The cooperative movement of Russia in the 30—50s of the twentieth century.* Doct. Diss. Kostroma. 560 p. (In Russ.).

Nikonov, Yu. T. (2000). *History of fishing cooperation in Udmurtia. 1920—1960.* PhD Diss. Izhevsk. 224 p. (In Russ.).

Pass, A. A. (2000). *Cooperative industry and trade in the Urals on the eve and during the Great Patriotic War (1939—1945).* Doct. Diss. Yekaterinburg. 425 p. (In Russ.).

Pass, A. A. (2002). *The "Other" economy: production and trade cooperatives in the Urals in 1939—1945.* Chelyabinsk: ChelGU Publishing House. 236 p. ISBN 5-7271-0579—X. (In Russ.).

Pechalova, L. V. (2023). *Fishing cooperation and cooperation of disabled people in the implementation of the socio-economic policy of the Soviet state (1920—1960): based on the materials of the North Caucasus and the Don.* Doct. Diss. Stavropol. 589 p. (In Russ.).

Shanin, T. (1990). Forms of economy outside systems. *Questions of philosophy, 8:* 109—115. (In Russ.).

Tsyrenov, B. D. (2000). *The history of commercial cooperation in the Buryat-Mongolian ASSR. 1923—1960.* PhD Diss. Ulan-Ude. 178 p. (In Russ.).

Tverdyukova, E. D. (2011). *State regulation of trade in the USSR (late 1920s — mid—1950s): historical and legal analysis.* Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 328 p. ISBN 978-5-8465-1084-5. (In Russ.).

Vorobyova, A. Y. (2009). Cooperative industry in the recovery period in the Chelyabinsk region (1945—1950). In: *Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia in the twentieth century: collection of materials of the All-Russian scientific conference on November 28—29, 2009.* Chelyabinsk: Encyclopedia. 399—407. ISBN 978-5-91274-073-2. (In Russ.).

The article was submitted 14.06.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 09.09.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пьянков С. А. Автомобильные заводы имени Сталина в 1941—1945 годах : вызовы войны и пути адаптации / С. А. Пьянков // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 487—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-487-508.

Pyankov, S. A. (2025). Stalin Automobile Factories during 1941-1945: Challenges of War and Paths to Adaptation. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 487-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-487-508. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Автомобильные заводы имени Сталина в 1941—1945 годах: вызовы войны и пути адаптации

Пьянков Степан Александрович
orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра экономической истории
kliostefan@mail.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-01368 «Танковая
и автомобильная промышленность
СССР
в 1930—1940-е годы как феномен
производственной культуры
и индустриального наследия»

Stalin Automobile Factories during 1941-1945: Challenges of War and Paths to Adaptation

Stepan A. Pyankov
orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
PhD in History, senior research scientist,
Center for Economic History
kliostefan@mail.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-01368
“The tank and automobile industry
of the USSR in the 1930s and 1940s
as a phenomenon of industrial culture
and industrial heritage”

© Пьянков С. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется функционирование автомобильных заводов имени Сталина в период Великой Отечественной войны, их эвакуация, реорганизация и адаптация к условиям военного времени. Рассматриваются вопросы управления производством, технологической кооперации и преодоления кризисных ситуаций. Цель исследования заключается в анализе процессов эвакуации и реорганизации автомобильной промышленности СССР, а также в оценке эффективности управления производством в условиях войны. В качестве источников использованы архивные документы из фондов Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории и других архивов, включая распорядительные, отчетные и статистические материалы. Применены методы ретроспективного анализа, контент-анализа и статистической обработки данных. Автор приходит к выводу о том, что эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина и создание новых предприятий на Урале и в Поволжье позволили сохранить производственный потенциал автомобильной промышленности. Установлено, что организация Главного управления автозаводов имени Сталина (Глававтозис) способствовала координации работы разрозненных предприятий. Показано, что накопленный в ходе войны опыт управления автомобильной промышленностью и конструкторские разработки были использованы для послевоенного восстановления страны.

Ключевые слова:
история автомобильной промышленности; Великая Отечественная война; Завод имени Лихачёва; Ульяновский автомобильный завод; Уральский автомобильный завод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the operation of the Stalin automobile factories during the Great Patriotic War, focusing on their evacuation, reorganization, and adaptation to wartime conditions. It addresses issues of production management, technological cooperation, and crisis resolution. The research aims to analyze the processes of evacuation and reorganization within the Soviet automobile industry, as well as to evaluate the effectiveness of production management under wartime circumstances. The sources utilized include archival documents from the Russian State Archive of Economics, the Russian State Archive of Socio-Political History, and other repositories, encompassing regulatory, reporting, and statistical materials. Methods employed include retrospective analysis, content analysis, and statistical data processing. The author concludes that the evacuation of the Moscow Stalin Automobile Plant and the establishment of new facilities in the Urals and Volga region enabled the preservation of the production capacity of the automobile industry. It is established that the organization of the Main Administration of Stalin Automobile Plants (Glavavtozis) facilitated the coordination of operations among disparate enterprises. The study illustrates that the management experience and design developments accumulated during the war were instrumental in the post-war reconstruction of the country.

Key words:
history of the automobile industry; Great Patriotic War; Likhachev Plant; Ulyanovsk Automobile Plant; Ural Automobile Plant.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.42)“1941/1945”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-487-508

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Автомобильные заводы имени Сталина в 1941—1945 годах: вызовы войны и пути адаптации

© Пьянков С. А., 2025

1. Введение = Introduction

Накануне Великой Отечественной войны СССР располагал достаточно развитой автомобильной промышленностью. Созданная в годы индустриализации промышленная база основывалась на заимствовании передовых технологий поточно-массового производства, что позволяло самостоятельно производить основные виды автотранспортных средств. Главными производителями автомобильной техники в стране в предвоенные годы были отечественные промышленные гиганты: Московский автомобильный завод имени И. В. Сталина (ЗИС) и Горьковский автомобильный завод имени В. М. Молотова (ГАЗ). Значимыми автозаводами страны являлись Ярославский автомобильный завод (ЯАЗ) и Московский автомобильный завод имени Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) [Прокофьева, 2010, с. 108—112].

В выстроенной к началу Великой Отечественной войны системе промышленности столичный автогигант — ЗИС (с 1956 года — Завод имени И. А. Лихачева (ЗИЛ)) являлся не только важнейшим производителем автомобильной техники, но и символом технических достижений страны [Белый и др., 2021; Завод…, т. 1, 2016].

Высокая степень концентрации производства была обусловлена не только технологическими потребностями, но и социальными факторами. Подобный подход, с одной стороны, позволял справиться с дефицитом высококвалифицированных кадров — инженеров и технических специалистов, а с другой — давал возможность использовать рабочую силу со сравнительно невысокой квалификацией, когда сложные производственные операции дробились на множество простых. Стоить отметить, что подобный принцип организации производства, наиболее часто обозначаемый как *фордизм* (по имени основателя массового конвейерного производства Генри Форда), не был уникальной особенностью СССР. Накануне Второй мировой войны подобный подход превалировал в организации промыш-

ленности в странах с развитой индустрией [Greenstein, 2014; Link, 2020; Запарий и др., 2020].

Отличительной чертой советского автомобилестроения была весьма высокая степень унификации. Например, к началу 1940-х годов советская автомобильная промышленность выпускала пять типов грузовых автомобилей грузоподъемностью полторы, две, три, четыре и пять тонн. Однако все они были вариантами трех базовых моделей — ГАЗ-АА, ЗИС-5 и ЯГ-6. Подобный подход не только облегчал производство, но и существенно упрощал эксплуатацию и ремонт автомобилей [История …, т. 3, 1998, с. 8].

Предвоенная автомобильная промышленность не имела отдельного отраслевого органа управления союзного уровня. Предприятия автомобильной промышленности находились в ведении Народного комиссариата среднего машиностроения (НКСМ) СССР, в составе которого имелось Управление автомобильной промышленностью [Прокофьева, 2010, с. 108—112]. В современной историографии проблема управления и функционирования автомобильной промышленности в годы Великой Отечественной войны изучена в недостаточной степени и, как правило, представлена исследованиями по истории отдельных предприятий [Прокофьева, 2009; Siegelbaum, 2008; Гордин, 2012, с. 102—159].

Важно отметить, что изучение отдельных отраслей промышленного производства с опорой на архивные источники способствует формированию детальной, объективной и целостной картины функционирования экономики страны в условиях военного времени [Ермолов, 2012; Мухин; 2011; Гордин и др., 2021; Мельников, 2025]. Проблемы эвакуации, функционирования тыла, изменений в системе управления промышленностью являются актуальными направлениями современной исторической науки [Мухин, 2022; Мухин, 2024; Потемкина и др., 2020; Потемкина, 2025; Хлевнюк, 2018; Хлевнюк, 2022].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на основе документов Российского государственного архива экономики (фонд 8573 «Главное управление автомобильной промышленностью (Глававтопром) Минавтопрома СССР») [РГАЭ]. Материалы фонда содержат распорядительную, отчетную и статистическую документацию о работе Главного управления автомобильными заводами имени Сталина (Главатозис) НКСМ СССР. Глававтозис являлся крупнейшим ведомственным подразделением, объединяющим под своим руководством предприятия автомобилестроения в годы Великой Отечественной войны. Многие из выявленных документов ранее не использовались в исторических исследованиях либо изучены частично, например при подготовке

монографии, посвященной пятидесятилетнему юбилею Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева [История …, 1966, с. 287—399].

При подготовке статьи использованы делопроизводственные и отчетные документы из фондов Центрального государственного архива г. Москвы (фонд Р-415 «ОАО “Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева” (АМО ЗИЛ))» [ЦГАМ].

Выявленные архивные документы позволяют реконструировать процесс функционирования ряда автомобильных предприятий СССР на протяжении 1941—1945 годов, созданных в результате эвакуации Московского автомобильного завода имени Сталина, определить ключевые события в становлении и развитии автомобильных заводов, описать процессы производственной кооперации и технологической адаптации в условиях военного времени.

В статье использованы распорядительные документы Государственного комитета обороны (ГКО) — высшего органа партийно-государственной власти, действовавшего в годы Великой Отечественной войны, которые находятся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 644 «Государственный комитет обороны») [Сорокин, 2022, с. 105—107]. Анализ Постановлений ГКО [РГАСПИ] позволяет изучить управленческие решения, принятые руководством страны по эвакуации, реорганизации и развитию автомобилестроения СССР в годы войны.

Кроме того, для подготовки статьи использованы документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-5446 «Совет министров СССР») [ГА РФ]. Постановления и распоряжения Совета народных комиссаров (СНК) СССР являются одними из ключевых документов советского правительства и отражают процессы оперативного управления экономикой страны.

Комплекс выбранных исторических источников позволил реконструировать хронологию принятия управленческих решений, выявить основные тенденции развития автомобильной индустрии на протяжении Великой Отечественной войны.

В ходе работы над статьей использовался метод ретроспективного анализа, позволившего рассмотреть систему управления автомобильными заводами в целом, по отдельным периодам и показателям. Проведен контент-анализ ведомственных годовых обзоров деятельности промышленных предприятий. При работе с отчетной документацией применялись базовые статистические приемы систематизации данных. Для наглядного представления количественных показателей и их изучения использовались методы сводки и группировки.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От автогиганта к главку: эвакуация и становление системы автомобильных заводов имени Сталина в 1941—1942 годах

В условиях лета 1941 года, когда войска вермахта стремительно продвигались вглубь страны, руководство СССР стало рассматривать различные варианты эвакуации ЗИС в «район Урал — Западная Сибирь». Эвакуировать отечественный автомобильный гигант в одно место было невозможно. В силу массовой эвакуации промышленных предприятий из западных регионов страны ЗИС вступил в вынужденную конкуренцию за производственные площади, на которые претендовали Народные комиссариаты вооружений, боеприпасов и авиационной промышленности, а также других стратегически важных производств [Пьянков и др., 2024, с. 439—444].

Окончательное решение об эвакуации автозавода было принято 11 октября 1941 года. Постановлением ГКО № 761 сс «О частичной эвакуации Московского автомобильного завода им. Сталина» предписывалось эвакуировать дублирующее оборудование столичного автозавода в Поволжье, в город Ульяновск [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 75]. Позднее, 30 ноября 1941 года, вышло Постановление ГКО № 983 сс «О размещении Московского автомобильного завода имени Сталина», которое конкретизировало места для эвакуации автозавода. Постановление обязывало создать 4 предприятия автомобильной промышленности в глубоком тылу: Миасский завод автомобильных моторов имени Сталина, Ульяновский автомобильный завод имени Сталина, Челябинский кузнечно-прессовый завод имени Сталина, Шадринский завод автомобильных агрегатов имени Сталина [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 15, л. 179].

Следует отметить, что первоначально новые предприятия проектировались как филиалы ЗИС, которым в технологическом процессе отводилась роль отдельных цехов. Так, например, в проектной документации, датируемой 5 ноября 1941 года, Ульяновский автомобильный завод имени Сталина (УльЗИС) обозначался как «филиал № 4 ЗИС в г. Ульяновске», Шадринский автоагрегатный завод — «филиал № 5 ЗИС в г. Шадринске», литейное и кузнечнопрессовое производство автогиганта — «филиал № 6 ЗИС в г. Троицке» (Челябинская область) [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 4, л. 6; д. 5, л. 1; д. 3, л. 1].

Эвакуация Московского автозавода проводилась в чрезвычайно трудных условиях. К началу эвакуации места назначения, распределения людей, оборудования и материальных ценностей не были точно установлены. В связи с этим большая часть оборудования была направлена в Ульяновск для хранения и дальнейшего перераспределения [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 1].

CC BY

В ходе эвакуации планы по размещению производства подверглись существенной корректировке. Так, например, в ноябре 1941 года были внесены уточнения в места расположения эвакуированных цехов Московского автозавода. Из Троицка в Миасс отправили литейное оборудование, а кузнечно-прессовое — в Челябинск. Из Ульяновска в Миасс переместили моторное производство. Во всех указанных пунктах перебазирования отсутствовали помещения, приспособленные для автомобильного производства.

После эвакуации основного производства в Москве продолжалось изготовление мин, минометов, деталей реактивных снарядов для «Катюш», был создан специальный цех для изготовления пистолетов-пулеметов конструкции Шпагина [История …, т. 3, 1998, с. 14].

После победы Красной Армии под Москвой планы по эвакуации столичного автогиганта были пересмотрены. 6 января 1942 года вышло постановление ГКО № 1113 с «О восстановлении производства грузовых машин на автозаводе им. Сталина». Оно предусматривало ряд мероприятий по обеспечению строительства новых заводов, восстановлению автомобильного производства в Москве и выделению материальных ресурсов и кадров для организации производства [Пьянков и др., 2024, с. 450].

По оценке И. А. Лихачева, с Московского ЗИСа было погружено и отправлено 7708 вагонов и железнодорожных платформ. В период эвакуации демонтировано и погружено 12800 единиц оборудования. Обратно на Московский автозавод поступило 1657 вагонов с 4500 единицами оборудования. Вместе с автозаводом в глубокий тыл выехали 6907 работников предприятия, а всего, с членами их семей, в Поволжье и на Урал эвакуировали 14 166 человек [Пьянков и др., 2024, с. 450]. В результате эвакуации Московского автозавода имени Сталина была создана группа предприятий автомобильной промышленности, располагавшихся в столице, Поволжье и на Урале.

В ходе эвакуации Московского автомобильного завода имени Сталина для руководства строительством и монтажом новых заводов на Волге и Урале было создано Управление автомобильными заводами имени Сталина с центром в городе Челябинске, которое возглавил И. А. Лихачев. Исполнение обязанностей директора Московского автозавода возложили на В. Н. Тахтарова, а И. А. Лихачев вплоть до осени 1942 года налаживал производство автомобилей на эвакуированном на Восток оборудовании, решал многочисленные вопросы организации труда и быта работников. В его распоряжение был выделен самолет, позволяющий курсировать между заводами Урала, Ульяновска и Москвы. В Челябинске располагался эвакуированный аппарат НКСМ. Управление автозаводами выполняло организационную функцию, а вопросы снабжения, экономического пла-

нирования и финансового контроля были оставлены в непосредственном ведении наркомата [История …, 1966, с. 304; История …, т. 3, 1998, с. 14; Путь …, 2020, с. 28].

Эвакуированным работникам завода предстояло в кратчайшие сроки воссоздать производство в глубоком тылу. В суровых условиях зимы 1941—1942 годов эвакуированные работники ЗИС разгружали оборудование, отправленное из Москвы, проводили ремонт и монтаж оборудования на новых промышленных площадках. С начала 1942 года началось частичное возвращение оборудования на Московский автозавод для восстановления на нем автомобильного производства [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 1—2].

Со второго квартала 1942 года наряду с ведением строительно-монтажных работ коллективы заводов приступили к выполнению производственной программы. В марте 1942 года Шадринский завод начал выпуск автомобильных агрегатов. В апреле 1942 года Миасский автомоторный завод наладил выпуск коробок переключения скоростей, а в мае — моторов для грузовых автомобилей ЗИС-5В. В мае 1942 года была возобновлена сборка автомобилей на Московском автомобильном заводе имени Сталина. В июне 1942 года Ульяновский автомобильный завод начал сборку грузовых автомобилей ЗИС-5В (табл. 1). В течение второго квартала 1942 года было организовано производство поковок и штамповок на Челябинском кузнечно-прессовом заводе имени Сталина.

Одновременно со строительством и пуском производства заводы проводили усиленный набор и подготовку кадров. Так, по автозаводам имени Сталина в течение 1942 года численность работающих выросла на 26 625 человек [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 2].

В дальнейшем для более эффективного руководства и координации деятельности автомобильными заводами имени Сталина правительством был создан отдельный главк. Постановлением СНК СССР № 1765 от 4 ноября 1942 года «Об организации в системе Наркомсредмаша Управления автомобильными заводами им. Сталина» предписывалось организовать в системе Наркомата среднего машиностроения Главное управление автомобильными заводами имени Сталина (Главатозис) с хозрасчетным отделом снабжения при нем. В состав главка вошли Московский автозавод имени Сталина, Челябинский кузнечно-прессовый завод имени Сталина, Миасский автомоторный завод имени Сталина, Шадринский автоагрегатный завод имени Сталина, Ульяновский автозавод имени Сталина, Завод № 509, Петропавловский завод малолитражных двигателей [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 207, л. 190—192].

Управленческий штат Глававтозис НКСМ СССР составил 85 человек, дополнительно в его структуру входили 40 человек хозрасчетного отдела

CC BY

снабжения главка. Возглавил Глававтозис заместитель народного комиссара среднего машиностроения Г. Г. Александров [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 195, л. 325—327].

Предполагалось, что каждое из предприятий Глававтозис будет иметь свою специализацию. Так, например, Челябинский завод предназначался для производства поковок, холодных штамповок, рессор и пружин для уральских заводов и частично для автозавода в Москве.

Автомоторный завод в Миассе должен был поставлять моторы на сборочные конвейеры Ульяновского и Московского автозаводов, а также литые изделия заводам «уральской группы», автомобильные нормали всем предприятиям главка.

Однако некомплектность прибывшего инструментария, отставание от намеченного графика строительно-монтажных работ, недостаток квалифицированной рабочей силы потребовали внесения коррективов в намеченную систему кооперации [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 7].

На практике основным поставщиком литья для заводов «уральской группы» вместо Миасского завода стал завод в Москве. Это было обусловлено отставанием строительства литейных цехов на Миасском заводе. Выпуск литых изделий Миасский автомоторный завод смог наладить лишь к концу 1942 года, а самостоятельно мог лишь изготавливать часть мелких деталей для нужд собственного производства [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 7—8].

Трудности организации производства на новых промышленных площадках, тесная взаимосвязь заводов главка приводили к тому, что недостатки в работе одного завода немедленно сказывались на работе других предприятий. В частности, неудовлетворительная работа Челябинского завода в 1942 году снизила выпуск продукции на Миасском и Ульяновском заводах. Отставание строительства литейных цехов Миасского завода и неудовлетворительная работа Московского завода тормозили производство на Ульяновском, Миасском и Шадринском заводах.

Размещение автомобильного производства в разных городах потребовало более тщательного планирования. Функции межзаводского планирования изначально были возложены на Управление автозаводами имени Сталина, располагавшееся в городе Челябинске, а затем на Глававтозис НКСМ СССР. Планирование и диспетчеризация деятельности удаленных друг от друга производств усугублялись отсутствием квалифицированных кадров, средств связи, технической и технологической документации (часть документов была утеряна при эвакуации) [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 8].

В течение 1942 года был постепенно установлен порядок выдачи заводам и цехам заданий на изготовление отдельных деталей на месяц и квартал, организован ежедневный контроль и учет выполнения планов.

CC BY

Для серийных изделий были внедрены суточные, а затем и сменные задания-графики. На Московском, Миасском и Ульяновском заводах организовывались диспетчерские службы, которые к концу 1942 года позволили обеспечить систематический контроль за выполнением сменных заданий [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 8].

В результате эвакуации конструкторские кадры Московского автомобильного завода были распределены между всеми заводами главка. В течение 1942 года конструкторские и экспериментальные работы имели ограниченный характер. Создание на заводах экспериментальных баз началось лишь во второй половине 1942 года. Основные работы, проводившиеся конструкторско-экспериментальными отделами (КЭО) заводов, сводились к восстановлению технической документации. В первую очередь проводившиеся конструкторские работы были связаны с изменениями, направленными на экономию металла (замена металлических деталей кабины на деревянные, упрощение конструкции крыльев).

На Московском автозаводе в 1942 году проводилась доработка полугусеничного автомобиля ЗИС-42. Кроме того, на заводе развивали производство вооружений и боеприпасов. Миасский автомоторный завод выполнял работы по модернизации двигателя автомобиля ЗИС-5 и разрабатывал форсированный двигатель повышенной мощности (на 100—110 л.с.), а также двигатель для автомобиля ЗИС-42. На Ульяновском автозаводе была осуществлена разработка технической документации малолитражного двигателя Л-3/2, велись работы по созданию производства деталей газогенераторной машины ЗИС-21, изменению конструкции шасси грузовика ЗИС-5 [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 7, л. 11].

Таким образом, во втором полугодии 1942 года на заводах, созданных в результате эвакуации, было организовано производство деталей и узлов автомобильной техники (табл. 1). Выпуск продукции удалось организовать преимущественно за счет так называемых «заделов производства», то есть из деталей и заготовок, прибывших с Московского автомобильного завода в ходе эвакуации [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 3].

3.2. Предприятия Глававтозис в 1943—1945 годы: реорганизация, кооперация и технологические решения военного времени

Опыт функционирования заводов в 1942 году показывал, что зависимость заводов от взаимных поставок, сбоев и задержек в работе железной дороги делали производство крайне уязвимым. Это был особенно важный фактор организации производства, если учитывать огромные расстояния между предприятиями [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 3].

Поэтому 8 января 1943 года было принято принципиальное решение о формировании самостоятельных производителей автомобилей в Миассе,

CC BY

Москве и Ульяновске, оформленное постановлением ГКО № 2721 с «Об организации законченного производства автомобилей на автозаводах им. Сталина Наркомсредмаша».

Постановление обязывало наркома С. А. Акопова организовать автомобильный завод «на базе цехов Миасского автомоторного завода в кооперации с Шадринским агрегатным и Челябинским кузнечно-прессовым заводами», а также «восстановить производство автомобилей с законченным технологическим циклом на Московском автомобильном заводе имени Сталина». Перспективной же задачей Ульяновского завода стала подготовка производства новых грузовых автомобилей с дизельным мотором [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 79, л. 54—56].

Для реализации поставленных задач требовалось завершить строительство, монтаж оборудования и запустить производство на уральских заводах. На Миасском заводе эти работы удалось окончить к марту 1943 года. В результате Миасский завод перешел на работу по суточному графику и значительно увеличил выпуск моторов. Это обстоятельство имело большое значение, так как после эвакуации автозавода из Москвы он оставался единственным производителем двигателей для автомобилей ЗИС-5В. Стабильное производство двигателей на заводе в Миассе помогло выполнить программу производства на Московском и отчасти Ульяновском автозаводах.

Параллельно было восстановлено производство автомобильных двигателей в Москве, что позволило Московскому ЗИСу не зависеть от поставок моторов из Миасса. К концу 1943 года Миасский завод почти полностью освоил литейное производство и стал меньше зависеть от поставок Московского автозавода [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 3—4].

Специалистами Московского автозавода были внедрены в производство несколько новых узлов и агрегатов грузовика ЗИС-5В. На заводе стали изготавливать новый воздушный насос для шин, новую головку блока цилиндров для двигателя ЗИС-5М с повышенной степенью сжатия. Это нововведение позволило увеличить мощность мотора с 73 до 77—78 л.с. Кроме того, были внесены изменения в конструкцию редуктора заднего моста, что повысило его надежность.

Завод провел работы по изменению ряда деталей полугусеничного автомобиля ЗИС-42, что улучшило его качество. Заводские конструкторы разработали ряд деталей для нового газогенераторного автомобиля ЗИС-41. В сравнении с предшествующей моделью — ЗИС-21 — газогенераторная установка ЗИС-41 была легче на 118 кг. Стоит отметить, что новый газогенераторный автомобиль ЗИС-41 в массовое производство не пошел [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 13].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Наряду с этим, заводом в Москве были проведены конструкторские работы по созданию новых типов машин, подготовлены чертежи мотора и шасси новой легковой машины высшего класса (лимузин ЗИС-110). На Московском автозаводе разработали конструкцию нового грузового автомобиля ЗИС-50 грузоподъемностью 3,5 тонны. В 1943 году подготовили рабочие чертежи двигателя, сцепления и коробки переключения передач, изготовили опытный образец нового грузовика.

По данным отчета главка, в 1943 году Московский ЗИС спроектировал и построил два образца полугусеничных артиллерийских тягачей: двухмоторный АТ-14 и одномоторный тягач АТ-3 [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 11—12].

В течение 1943 года Миасский завод внедрил в производство модернизированный мотор ЗИС-5М, а также коробку переключения передач ГАЗ-70, которая применялась на самоходных артиллерийских установках и тягачах [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 13].

Ульяновскому автомобильному заводу была поставлена задача по проектированию и строительству нового завода дизельных автомобилей и двигателей. Конкретные планы по строительству были определены постановлением ГКО от 22 июня 1943 года № 3628 с «О мероприятиях по организации производства грузовых автомобилей с дизель-моторами на Ульяновском автомобильном заводе имени Сталина Наркомата среднего машиностроения». Проект развития предприятия предусматривал строительство нового автозавода с годовым выпуском 30 тыс. автомобилей. Причем первую очередь завода с годовым выпуском 15 тыс. автомобилей планировали запустить к 1 января 1945 года, а вторая очередь предприятия должна была начать действовать с 1 октября 1945 года [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 123, л. 104].

В течение 1943 года Ульяновским автомобильным заводом была осуществлена частичная подготовка производства автомобилей повышенной проходимости ЗИС-32. Но в связи с тем, что необходимое для производства оборудование заводу предоставлено не было, производство автомобилей ЗИС-32 не организовали. В то же время завод в Ульяновске освоил производство запасных частей для трехосного автомобиля ЗИС-6 и деталей для мотоцикла М-72 [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 13].

В 1943 году специалисты УльЗИС разработали проект производства новых грузовых дизельных автомобилей грузоподъемностью 3,5 тонны. К концу года заводом было закончено составление проектного задания и уточнена спецификация оборудования, подлежащего заказу за границей.

В это время Челябинский кузнечно-прессовый завод завершил строительство и монтаж оборудования колесного цеха первой очереди мощно-

CC BY

стью 800 колес в сутки. Но к концу 1943 года завод не сумел полностью освоить технологию производства, поэтому качество выпускаемых колес было неудовлетворительным. Заводу не удалось наладить выпуск капота, рамки ветрового стекла, брызговиков, нового глушителя, передних крыльев для грузового автомобиля ЗИС-5В. Не закончил завод и монтаж оборудования для штамповки рам грузовых автомобилей. В результате детали для конвейера УльЗИС вместо Челябинского завода вынужден был поставлять Московский автозавод [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 13—14].

Шадринский завод в 1943 году подготовил и освоил производство вентиляторов для газогенераторной установки автомобиля ЗИС-21 и карбюраторов для модернизированных моторов ЗИС-5М [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 12].

Петропавловский завод должен был довести производство одноцилиндровых малолитражных двигателей Л-3/2 до уровня 1000 штук в месяц. Однако в связи с невыполнением строительных работ и из-за недостатка оборудования эту задачу реализовать не удалось. Одновременно на заводе велась подготовка производства стационарного малолитражного двигателя Л-12/4 с четырьмя цилиндрами [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 12—13].

Двигатели серии «Л», которые изготавливали заводы Глававтозис в Ульяновске и Петропавловске, широко применялись для передвижных электростанций. Они использовались для электроснабжения штабов воинских подразделений, блиндажей [Тархова, 2021].

Таким образом, заводами Глававтозис в 1943 году, кроме увеличения объемов производства, были предприняты шаги по созданию трех самостоятельных автомобильных заводов в Москве, Миассе и Ульяновске [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 26, л. 4].

В 1944 году в специализации и производстве заводов Глававтозис НКСМ СССР произошли существенные изменения, которые стали результатом завершения реорганизации предприятий.

Реорганизация была направлена на создание законченного производства автомобилей на Урале, предполагавшего перенос конвейера по сборке автомобилей ЗИС-5В из Ульяновска в Миасс [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 1]. Концентрация производства на уральских заводах позволяла существенно снизить транспортные издержки, увеличить объемы производства. В силу объективных условий уральские заводы Глававтозис были ближе расположены к металлургическим заводам и лучше обеспечены электроэнергией.

Итогом проведенной работы стал запуск 8 июля 1944 года конвейера по сборке грузовых автомобилей в городе Миассе. Завод в Миассе получил новое наименование — Уральский автомобильный завод имени Сталина

CC BY OPEN ACCESS

(УралЗИС). Пуск автомобильного конвейера на Урале стал важным событием не только для автомобильной промышленности, но и для всего народного хозяйства страны. По случаю запуска автомобильного производства

Таблица 1

Выпуск основных видов продукции предприятиями Главного управления автомобильных заводов имени Сталина НКСМ СССР в 1942—1945 годах (штук, тыс. рублей)*

Наименование изделий, продукции, выполненных работ	**Единицы измерения**	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Автомобили ЗИС (всего)	штук	8699	26609	34227	44908
В том числе:					
Автомобили ЗИС-5В	штук	7918	24267	31635	43731
Автомобили ЗИС-42	штук	752	2115	2333	1102
Автобусы ЗИС-16	штук	26	–	2	–
Автомобили ЗИС-44	штук	3	227	224	41
Автомобили ЗИС-41	штук	–	–	5	–
Автомобили ЗИС-110	штук	–	–	2	34
Автомобили импортные (сборка)	штук	4222	14099	15607	15328
Автомобили трофейные (ремонт)	штук	791	66	–	–
Двигатели автомобильные («на сторону»)	штук	–	804	1831	1787
Коробки переключения передач	штук	6072	7277	12002	8331
Газогенераторная установка (ЗИС-21)	штук	13	342	–	–
Колеса автомобильные ЗИС-5	штук	–	1653	85303	163759
Двигатель малолитражный Л-3/2	штук	1039	7024	8377	9057
Двигатель малолитражный Л-6/3	штук	250	2754	3780	5109
Двигатель малолитражный Л-12/4	штук	–	–	–	79
Автоприцеп одноосный	штук	–	–	4084	6151
Автоприцеп двухосный	штук	–	–	1164	1344
Кухни походные	штук	–	–	1598	1063
Автозапчасти	тыс. руб.	29908	65707	96297	100364
Заказы НКСМ	тыс. руб.	465730	423682	384119	137177

*Составлено по: [РГАЭ, ф. 8573, оп. 1, д. 184, л. 5—7; оп. 3, д. 7, л. 2—3; д. 25, л. 40; д. 33, л. 71, 81; д. 47, л. 6, 108 об.; д. 54, л. 37 об.; ЦГАМ, ф. Р-415, оп. 10, д. 26, л. 30, 33].

CC BY

на Урале поздравления в адрес коллектива завода направил И. В. Сталин [Еще больше …, 1944; Уральский …, 1944; Патоличев, 1977, с. 211].

Одновременно на заводе в Москве было полностью восстановлено комплексное производство автомобилей, с начала 1944 года был начат выпуск автомобилей с мотором собственного производства.

В течение 1944 года под управление главка перешли Ирбитский, Ишимский и Сосьвинский автоприцепные заводы [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 1—2].

В то же время в течение 1944 года Уральский автомобильный завод имени Сталина увеличил масштабы производства. Вследствие расширения производства он полностью обеспечивал собственные потребности в литых деталях и заготовках. На предприятии наладили выпуск всех видов автомобильных нормалей, что освободило завод от необходимости получения этих деталей с завода «Красная Этна» (город Горький) [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 15—16].

Конструкторы УралЗИС подготовили к производству форсированный двигатель ЗИС-МФ (миасский форсированный). Были выпущены опытные экземпляры этих моторов. Но наладить серийный выпуск этих более мощных двигателей в 1944 году не удалось [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 17].

Челябинский кузнечно-прессовый завод освоил производство ряда деталей холодной штамповки для автомобиля ЗИС-5В: кожух радиатора, торпедо, капот, бензобак и другие. На заводе в Челябинске изготовили крупные и сложные в производстве штампы для лонжеронов рам. Благодаря этому была решена задача по созданию «уральской группы» заводов, которые не зависели от поставок деталей из Москвы.

После перевода конвейера с Ульяновского автозавода на Урал предприятие подверглось коренной реорганизации. Осенью 1944 года из состава Ульяновского автомобильного завода имени Сталина выделили Ульяновский завод малолитражных двигателей [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 15; Пьянков, 2023, с. 32].

Московский автозавод имени Сталина продолжал наращивать выпуск грузовых автомобилей ЗИС-5В. Параллельно на заводе вели разработку нового легкового автомобиля ЗИС-110. Завод выпустил образцы легковых машин, которые были утверждены к производству (табл. 1).

Кроме того, Московский автозавод изготовил 2 опытных экземпляра грузового автомобиля ЗИС-150 с новым мотором ЗИС-120. Для организации выпуска нового мотора завод изготовил новую оснастку.

В 1944 году автозавод в Москве наряду с автомобильной техникой освоил массовое производство звеньев для взлетно-посадочных площадок, тюбингов для метро, начал изготавливать тонкостенные вкладыши к мото-

CC BY

ру импортного грузового автомобиля «Студебеккер» [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 15—16].

Как уже указывалось выше, спектр продукции, выпускаемой предприятиями Глававтозис в 1942—1945 годах, был весьма разнообразен: от автомобильной техники до «спецпродукции» (вооружений и боеприпасов). Последняя в статистических сводках учитывалась в строке «Заказы НКСМ» (табл. 1).

Однако даже в условиях войны основным предназначением заводов главка по-прежнему было производство автомобилей. Значение автозаводов имени Сталина в автомобильной индустрии страны становится ясным из простейшего сопоставления статистических сведений. Например, суммарное производство всех автомобилей в СССР в 1942 году составляло 34 966 штук, в 1943 году — 49 226, в 1944 году — 60 549, 1945 году — 74 657 [Народное хозяйство …, 1990, с. 66]. Доля же автомобилей под маркой «ЗИС» в совокупном производстве автомобилей в стране составляла: в 1942 году — 24,8 %; 1943 году — 54,0 %, 1944 году — 56,5 %, 1945 году — 60,1 % (рассчитано по данным табл. 1).

Коренные изменения в области организации производства принес 1945 год. Основной задачей советского автомобилестроения после окончания войны была оперативная перестройка текущего производства, резкое наращивание выпуска автомобильной техники за счет сокращения «спецпроизводства» (вооружений и боеприпасов). Для реализации принятого послевоенного плана заводам Глававтозис было необходимо завершить разработку конструкции новых моделей автомобилей, организовать строительство новых предприятий [РГАЭ, ф. 8573, оп. 1, д. 184, л. 1].

В результате количество подчиненных Глававтозис предприятий значительно возросло. Так, к началу 1945 года в состав главка входило 10 заводов: Московский автомобильный завод имени Сталина, Уральский автомобильный завод имени Сталина, Челябинский кузнечно-прессовый завод имени Сталина, Шадринский автоагрегатный завод имени Сталина, Ульяновский автомобильный завод имени Сталина, Ульяновский и Петропавловский заводы малолитражных двигателей, а также Ирбитский, Ишимский и Сосьвинский заводы автоприцепов.

В течение 1945 года в состав Глававтозис влился целый ряд новых предприятий: Днепропетровский, Кутаисский, Минский и Новосибирский автозаводы, а также Одесский, Комсомольский, Иркутский и Львовский автосборочные заводы [РГАЭ, ф. 8573, оп. 1, д. 184, л. 1] Все эти заводы находились на стадии строительства.

На стадии строительства находился и Ульяновский автомобильный завод. Летом 1945 года его решили в очередной раз перепрофилировать.

CC BY

Автозаводу в Ульяновске поручался выпуск «полуторок» ГАЗ-АА, которые передавались с Горьковского автомобильного завода. Производством же дизельных грузовиков должен был заняться завод в Новосибирске [Пьянков, 2023, с. 35—36].

В 1945 году Московский автомобильный завод имени Сталина завершил подготовку производства легковой машины ЗИС-110 и организовал ее выпуск. Однако производство новой модели не было отлажено окончательно. Это было связано с тем, что значительное количество штампов, приспособлений и инструмента для серийного производства автомобиля не были изготовлены. Поэтому ряд производственных операций выполняли по обходным технологиям, многие работы выполнялись вручную [РГАЭ, ф. 8573, оп. 1, д. 184, л. 19].

Одновременно с легковым автомобилем на Московском автозаводе готовили к производству новый грузовой автомобиль ЗИС-150. В 1945 году заводскими специалистами был разработан технологический процесс по ряду узлов и агрегатов этой машины.

Уральский автомобильный завод имени Сталина в течение 1945 года подготовил производство усовершенствованных узлов автомобиля ЗИС-5В, внедрение которых улучшало качество машины. В то же время УралЗИС не сумел наладить нормальный выпуск форсированных моторов ЗИС-МФ. Не удалось заводу выполнить и задание по подготовке производства деталей газогенераторной установки ЗИС-21 [РГАЭ, ф. 8573, оп. 1, д. 184, л. 19—20].

Стоит отметить, что даже после окончания войны сохранялись огромные трудности в организации производства. Наспех построенные в годы войны предприятия работали со сбоями, так как их материально-техническая база требовала значительной реконструкции.

4. Заключение = Conclusions

Опыт советской автомобильной промышленности в годы Великой Отечественной войны стал важным уроком в области управления производственными процессами в условиях кризиса. К началу войны советское автомобилестроение находилось на подъеме развития и имело высокую степень концентрации производства. Военные действия и опасность уничтожения заводов внесли кардинальные изменения в систему размещения и управления автомобильной промышленностью.

Перебазирование в глубокий тыл Московского автомобильного завода имени Сталина стало необходимой мерой по сохранению промышленного и кадрового потенциала страны. Строительство новых предприятий в тылу, спроектированных как филиалы автомобильного гиганта, позволило сохранить преемственность в процессе производства автомобилей.

Организация в 1942 году Главного управления автозаводов имени Сталина стала важным шагом по координации работы разрозненных предприятий, созданию вертикально интегрированной системы управления автомобильной промышленностью. Несмотря на значительные потери, эвакуация и реорганизация автомобильной промышленности СССР стали примером эффективной мобилизации ресурсов в экстремальных условиях военного времени. Глававтозис стал центром управления и организации производства, что способствовало повышению эффективности работы автозаводов. В ходе эвакуации и реорганизации была внедрена система межзаводского планирования, позволившая наладить производство.

Предпринятая в условиях войны реорганизация автомобильного производства привела к созданию в 1944 году нового центра автомобилестроения на Урале. В то же время Московский автозавод восстановил комплексное производство, что позволило ему занять лидирующие позиции в отрасли.

Значительная часть планов военных лет по созданию автомобильного производства не была реализована. Однако принятые в годы войны принципиальные управленческие решения заложили основу для послевоенного развития. Проводившиеся в годы войны конструкторские работы позволили наладить производство новых моделей автомобилей, что способствовало скорейшему послевоенному восстановлению страны.

Накопленный в ходе войны автомобильной промышленностью СССР опыт свидетельствовал о необходимости создания собственного органа управления союзного уровня, который смог бы координировать работу множества предприятий и реализовывать планы развития отрасли. Следствием этих процессов стало учреждение 17 февраля 1946 года Народного комиссариата автомобильной промышленности СССР, вскоре преобразованного в министерство [Государственная власть …, 1999, с. 48—49].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-5446 (Совет министров СССР). Оп. 1. Д. 195, 207.

2. *Государственная* власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923—1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В. И. Ивкин. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1999. — 639 с. — ISBN 5-8243-0014-3.

3. *Еще больше* советских автомобилей для фронта и страны // Правда : [газета]. — 1944. — № 166. — С. 1.

4. *Народное* хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 : статистический справочник / Госкомстат СССР. — Москва : Информационный центр Госкомстата СССР, 1990. — 235 с.

5. *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость / Н. С. Патоличев. — Москва : Политиздат, 1977. — 287 с.

6. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР (ГКО)). Оп. 1. Д. 12, 15, 79 ; Оп. 2. Д. 123.

7. *Путь* к Победе : эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов / редкол. : Н. А. Антипин и др. — Санкт-Петербург : Первый ИПХ, 2020. — 400 с. — ISBN 978-5-907344-27-3.

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 8573. (Главное управление автомобильной промышленностью (Глававтопром) Минавтопрома СССР). Оп. 1. Д. 184 ; Оп. 3. Д. 3, 4, 5, 7, 25, 26, 33, 47, 54.

9. *Уральский* автомобильный завод вступил в строй действующих предприятий // Челябинский рабочий : [газета]. — 1944. — № 135. — С. 1.

10. ЦГАМ — *Центральный* государственный архив города Москвы. Ф. Р-415 (ОАО «Московский завод имени И. А. Лихачева» (АМО ЗИЛ)). Оп. 10. Д. 26.

Литература

1. *Белый К. В.* Завод исчез, а история его осталась / К. В. Белый, Г. Р. Наумова // Клио. — 2021. — № 2 (170). — С. 177—181. — DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00.

2. *Гордин А. А.* Горьковский автомобильный завод. История и современность, 1932—2012 / А. А. Гордин. — Нижний Новгород : Кварц, 2012. — 320 с. — ISBN 978-5-903581-62-7.

3. *Гордин А. А.* Как ликвидировались последствия налетов немецко-фашистской авиации на Горьковский автозавод. Июнь—октябрь 1943 г. / А. А. Гордин, Н. В. Колесникова, А. А. Кулаков // Исторический архив. — 2021. — № 6. — С. 4—17.

4. *Ермолов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы : танковая промышленность / А. Ю. Ермолов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. — 407 с. — ISBN 978-5-91419-676-6.

5. *Завод* и люди. 1916—2016 : в 3 т. Зарождение автомобилестроения / авт. сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков ; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — Т. 1. — 548 с. — ISBN 978-5-2760-2389-2.

6. *Запарий В. В.* Советская интерпретация идей фордизма как базис трансформации советской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны / В. В. Запарий, Н. Н. Мельников // Экономическая история. — 2020. — Т. 16. — № 3 (50). — С. 317—332. — DOI: 10.15507/2409-630X.050.016.202003.317-332.

7. *История* автомобильного транспорта России. Т. 3 : 1941—1945 / Б. А. Куров и др. — Москва : НИИАТ, 1998. — 368 с. — ISBN 5-900841-01-4.

8. *История* Московского автозавода имени И. А. Лихачева / А. П. Салов, Т. М. Сидоренко, П. И. Смирнов и др. — Москва : Мысль, 1966. — 647 с.

9. *Мельников Н. Н.* Советская модель производства бронетехники (1920—1940-е гг.) / Н. Н. Мельников // Уральский исторический вестник. — 2025. — № 1 (86). — С. 89—98. — DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-89-98.

10. *Мухин М. Ю.* Мобилизация промышленности в годы Великой Отечественной войны : механизм экономической Победы / М. Ю. Мухин // Российская история. — 2024. — № 2. — С. 172—191. — DOI: 10.31857/S2949124X24020168.

11. *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны / М. Ю. Мухин. — Москва : Вече, 2011. — 347 с. — ISBN 978-5-9533-5586-5.

CC BY

12. *Мухин М. Ю.* Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне / М. Ю. Мухин // Исторические записки. — 2022. — № 21 (139). — С. 124—169.

13. *Потемкина М. Н.* Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941—1942 гг. : проблемы и результаты / М. Н. Потемкина // Уральский исторический вестник. — 2025. — № 1 (86). — С. 62—70. — DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-62-70.

14. *Потемкина М. Н.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой отечественной войны / М. Н. Потемкина, А. Ю. Климанов // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 3. — С. 757—772. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.312.

15. *Прокофьева Е. В.* Отечественная автомобильная промышленность : этапы развития, структура и организация управления, научно-исследовательская база (1896—1991 гг.) / Е. В. Прокофьева. — Тольятти ; Самара : ООО «Издательство Ас Гард», 2010. — 290 с. — ISBN 978-5-4259-0024-1.

16. *Прокофьева Е. Ю.* Историографический обзор отечественной автомобильной промышленности / Е. Ю. Прокофьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 2. — С. 257—261.

17. *Пьянков С. А.* Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны : от проектов к реализации / С. А. Пьянков, А. В. Сушков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 435—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455.

18. *Пьянков С. А.* Этапы трудного пути : Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны / С. А. Пьянков // Вопросы истории. — 2023. — № 7 (2). — С. 22—37. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202307Statyi47.

19. *Сорокин А. К.* В штабах Победы : очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2022. — 239 с. — ISBN 978-5-8243-2499-0.

20. *Тархова О. И.* Стационарные двигатели внутреннего сгорания серии «Л» на суше и на воде / О. И. Тархова // Двигатель. — 2021. — № 5—6. — С. 27—29.

21. *Хлевнюк О. В.* Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны / О. В. Хлевнюк // Российская история. — 2018. — № 4. — С. 58—72. — DOI: 10.31857/S086956870000132-6.

22. *Хлевнюк О. В.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы / О. В. Хлевнюк // Российская история. — 2022. — № 3. — С. 122—134. — DOI: 10.31857/S0869568722030098.

23. *Greenstein D. E.* Assembling “Fordism” : The Production of Automobiles, Americans, and Bolsheviks in Detroit and Early Soviet Russia / D. E. Greenstein // Comparative Studies in Society and History. — 2014. — Vol. 56. — № 2. — Pp. 259—289. — DOI: 10.1017/S0010417514000048.

24. *Link S. J.* Forging Global Fordism : Nazi Germany, Soviet Russia, and the Contest over the Industrial Order / S. J. Link. — Princeton : Princeton University Press, 2020. — 328 p. — ISBN ‍978-0691177540.

25. *Siegelbaum L.* Cars for comrades : The life of the Soviet automobile / L. Siegelbaum. — Ithaca : Cornell University Press, 2008. — XIV, 309 p. — ISBN 978-0-8014-4638-2.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 27.08.2025.

Material resources

Antipin, N. A. (ed.). (2020). *The Path to Victory: the evacuation of industrial enterprises to the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War of 1941—1945: a collection of documents.* Saint Petersburg: First IPKH. 400 p. ISBN 978-5-907344-27-3. (In Russ.).

Even more Soviet cars for the front and the country. (1944). *Pravda: [newspaper], 166:* P. 1. (In Russ.).

GA RF — *The State Archive of the Russian Federation. F. R-5446 (Council of Ministers of the USSR). Op. 1. d. 195, 207.* (In Russ.).

Patolichev, N. S. (1977). *Test of maturity.* Moscow: Politizdat. 287 p. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 8573. (Main Directorate of the Automotive Industry (Glavavtoprom) of the Ministry of Automotive Industry of the USSR). Op. 1. D. 184; Op. 3. D. 3, 4, 5, 7, 25, 26, 33, 47, 54.* (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 644 (USSR State Defense Committee (GKO)). Op. 1. 12, 15, 79; Op. 2. 123.* (In Russ.).

State power of the USSR. The supreme authorities and their leaders 1923—1991. Historical and biographical reference book. (1999). Moscow: Russian Political Encyclopedia. 639 p. ISBN 5-8243-0014-3. (In Russ.).

The national economy of the USSR in the Great Patriotic War 1941—1945: a statistical handbook / Goskomstat of the USSR. (1990). Moscow: Information Center of the USSR State Statistics Committee. 235 p. (In Russ.).

The Ural Automobile Plant has entered into operation of existing enterprises. (1944). *Chelyabinsk worker: [newspaper], 135:* P. 1. (In Russ.).

TSGAM — *Central State Archive of the city of Moscow. F. R-415 (JSC "Moscow Plant named after I. A. Likhachev" (AMO ZIL)). Op. 10. D. 26.* (In Russ.).

References

Bely, K. V., Naumova, G. R. (2021). The factory disappeared, but its history remained. *Klio, 2 (170):* 177—181. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00. (In Russ.).

Ermolov, A. Y. (2012). *State management of the military industry in the 1940s: tank industry.* Saint Petersburg: Aleteya. 407 p. ISBN 978-5-91419-676-6. (In Russ.).

Gordin, A. A. (2012). *Gorky Automobile Plant. History and Modernity, 1932—2012.* Nizhny Novgorod: Quartz. 320 p. ISBN 978-5-903581-62-7. (In Russ.).

Gordin, A. A., Kolesnikova, N. V., Kulakov, A. A. (2021). How the consequences of the Nazi air raids on the Gorky Automobile Plant were eliminated. June—October 1943. *Historical Archive, 6:* 4—17. (In Russ.).

Greenstein, D. E. (2014). Assembling "Fordism": The Production of Automobiles, Americans, and Bolsheviks in Detroit and Early Soviet Russia. *Comparative Studies in Society and History, 56 (2):* 259—289. DOI: 10.1017/S0010417514000048.

History of the Moscow Automobile Plant named after I. A. Likhachev. (1966). Moscow: Mysl Publ. 647 p. (In Russ.).

Hlevnyuk, O. V. (2022). The Soviet rear during the Great Patriotic War. Studies on the nature and evolution of the mobilization system. *Russian History, 3:* 122—134. DOI: 10.31857/S0869568722030098. (In Russ.).

Khlevnyuk, O. V. (2018). Soviet People's commissariats and decentralization of economic management during the Great Patriotic War. *Russian History, 4:* 58—72. DOI: 10.31857/S086956870000132-6. (In Russ.).

Link, S. J. (2020). *Forging Global Fordism: Nazi Germany, Soviet Russia, and the Contest over the Industrial Order.* Princeton: Princeton University Press. 328 p. ISBN 978-0691177540.

Melnikov, N. N. (2025). The Soviet model of armored vehicles production (1920—1940's). *Ural Historical Bulletin, 1 (86):* 89—98. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-89-98. (In Russ.).

Mukhin, M. Y. (2022). Economic support of the turning point in the Great Patriotic War. *Historical notes, 21 (139):* 124—169. (In Russ.).

Mukhin, M. Y. (2024). Industrial mobilization during the Great Patriotic War: the Mechanism of Economic Victory. *Russian History, 2:* 172—191. DOI: 10.31857/S2949124X24020168. (In Russ.).

Mukhin, M. Yu. (2011). *The Soviet aviation industry during the Great Patriotic War.* Moscow: Veche. 347 p. ISBN 978-5-9533-5586-5. (In Russ.).

Potemkina, M. N. (2020). Modern Russian historiography and prospects for studying industrial evacuation during the Great Patriotic War. *Modern History of Russia, 10 (3):* 757—772. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.312. (In Russ.).

Potemkina, M. N. (2025). Organizational experience of evacuation of industrial enterprises in 1941—1942: problems and results. *Ural Historical Bulletin, 1 (86):* 62—70. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-62-70. (In Russ.).

Prokofieva, E. V. (2010). *Domestic automotive industry: stages of development, structure and organization of management, scientific research base (1896—1991).* Tolyatti; Samara: Publishing House As Gard, LLC. 290 p. ISBN 978-5-4259-0024-1. (In Russ.).

Prokofieva, E. Y. (2009). Historiographical review of the domestic automotive industry. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 11 (2):* 257—261. (In Russ.).

Pyankov, S. A. (2023). Stages of the difficult path: The Ulyanovsk Automobile Plant during the Great Patriotic War. *Questions of history, 7 (2):* 22—37. DOI: 10.31166/VOPROSYISTORII202307STATY47. (In Russ.).

Pyankov, S. A., Sushkov, A. V. (2024). Evacuation of Moscow Automobile Plant named after Stalin during Great Patriotic War: from Projects to Implementation. *Nauchnyi dialog, 13 (6):* 435—455. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455 (In Russ.).

Shelepenkov, M. A. (ed.). (2016). *Plant and people. 1916—2016: in 3 volumes. The origin of the automotive industry, 1.* Moscow: Moscow Polytechnic University. 548 p. ISBN 978-5-2760-2389-2. (In Russ.).

Siegelbaum, L. (2008). *Cars for comrades: The life of the Soviet automobile.* Ithaca: Cornell University Press. XIV, 309 p. ISBN 978-0-8014-4638-2.

Sorokin, A. K. (2022). *At Victory Headquarters: Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War 1941—1945.* Moscow: Political Encyclopedia. 239 p. ISBN 978-5-8243-2499-0. (In Russ.).

Tarkhova, O. I. (2021). Stationary internal combustion engines of the "L" series on land and on water. *Engine, 5—6:* 27—29. (In Russ.).

The History of Russian automobile transport, 3: 1941—1945. (1998). Moscow: NIIAT. 368 p. ISBN 5-900841-01-4. (In Russ.).

Zapariy, V. V., Melnikov, N. N. (2020). The Soviet interpretation of the ideas of Fordism as the basis for the transformation of the Soviet tank industry during the Great Patriotic War. *Economic history, 16 / 3 (50):* 317—332. DOI: 10.15507/2409-630X.050.016.202003.317-332. (In Russ.).

The article was submitted 12.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 27.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Салчинкина А. Р. Роль региональной прессы в репрезентации исторической культуры казачества : двухсотлетний юбилей Кубанского казачьего войска в «Кубанских областных ведомостях» / А. Р. Салчинкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 509—534. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-509-534.

Salchinkina, A. R. (2025). Role of Regional Press in Representing Historical Culture of Cossacks: Bicentennial Celebration of Kuban Cossack Host in "Kuban Provincial News". *Nauchnyi dialog, 14* (7): 509-534. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-509-534. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль региональной прессы в репрезентации исторической культуры казачества: двухсотлетний юбилей Кубанского казачьего войска в «Кубанских областных ведомостях»

Салчинкина Ангелина Ростиславовна
orcid.org/0000-0002-4692-5362
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и политологии
eclipsis@yandex.ru

Кубанский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
(Краснодар, Россия)

Role of Regional Press in Representing Historical Culture of Cossacks: Bicentennial Celebration of Kuban Cossack Host in "Kuban Provincial News"

Angelina R. Salchinkina
orcid.org/0000-0002-4692-5362
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Political
Science
eclipsis@yandex.ru

Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin
(Krasnodar, Russia)

© Салчинкина А. Р., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование, посвященное роли региональной прессы в репрезентации исторической культуры казачества на примере освещения двухсотлетнего юбилея Кубанского казачьего войска в «Кубанских областных ведомостях». Рассматриваются вопросы взаимосвязи между юбилейными мероприятиями и политикой печатных изданий XIX века, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования исторических нарративов и популяризации определенных стереотипов о кубанском казачестве, а также роли официальной власти в этом процессе. Источником выступила официальная и частная пресса как столичного, так и местного уровня. Ведущими методами исследования стали сравнительно-исторический, культурно-исторический, контент-анализ и дискурс-анализ. Уделяется внимание дискуссии, связанной с датировкой образования Кубанского казачьего войска, которая нашла отражение на страницах дореволюционных столичных и региональных газет. Показано, что в местной газете «Кубанские областные ведомости» освещались нарративные, монументальные и церемониальные коммеморативные практики, реализованные в контексте чествования годовщины Кубанского казачьего войска. Автор приходит к выводу о том, что публикации дореволюционной прессы способствовали формированию общественного мнения о кубанских казаках как образцовых защитниках монархии и Отечества, подчеркивая их долгую историю служения и преданности государству.

Ключевые слова:
Кубанское казачье войско; двухсотлетний юбилей; дореволюционные газеты; *Кубанские областные ведомости*; историческая культура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the role of regional press in shaping the historical culture of the Cossacks, focusing on the coverage of the bicentennial celebration of the Kuban Cossack Host in the "Kuban Provincial News." It examines the interplay between commemorative events and the editorial policies of 19th-century publications, thereby enhancing our understanding of the mechanisms behind historical narrative formation and the popularization of specific stereotypes about Kuban Cossacks, as well as the role of official authorities in this process. The research draws from both official and private press sources at both metropolitan and local levels. Key methodologies employed include comparative-historical analysis, cultural-historical analysis, content analysis, and discourse analysis. Attention is given to the debate surrounding the dating of the formation of the Kuban Cossack Host, which is reflected in pre-revolutionary metropolitan and regional newspapers. The study demonstrates that the local newspaper "Kuban Provincial News" highlighted narrative, monumental, and ceremonial commemorative practices realized in the context of honoring the anniversary of the Kuban Cossack Host. The author concludes that publications from the pre-revolutionary press contributed to shaping public opinion about Kuban Cossacks as exemplary defenders of the monarchy and homeland, emphasizing their long history of service and loyalty to the state.

Key words:
Kuban Cossack Host; bicentennial celebration; pre-revolutionary newspapers; *Kuban Provincial News*; historical culture.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.62)“1896”+930.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-509-534

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Роль региональной прессы в репрезентации исторической культуры казачества: двухсотлетний юбилей Кубанского казачьего войска в «Кубанских областных ведомостях»

© Салчинкина А. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Исследование юбилеев как социокультурного феномена представляет значительный интерес как для современной исторической науки, так и для междисциплинарного направления, известного как cultural memory studies (исследования культурной памяти). Актуальность изучения данной проблематики обусловлена необходимостью глубокого научного анализа юбилея как средства консолидации индивидов, направленного на сохранение культурных традиций и идентичности группы. Также исследование юбилеев в рамках социокультурного анализа открывает новые горизонты для понимания механизмов формирования общественного сознания и роли власти в этом процессе, а также способствует более глубокому осмыслению взаимодействия между прошлым, настоящим и будущим в контексте культурной памяти.

Учитывая, что в XIX веке в Российской империи пресса являлась мощным и эффективным каналом передачи информации, анализ освещения юбилейных торжеств в дореволюционных газетах позволяет выявить их значимость в качестве коммеморативных практик, формирующих и трансформирующих историческую память, а также способствующих развитию коллективной идентичности и социальной сплоченности.

В контексте изучения исторической культуры кубанского казачества информация о двухсотлетии Кубанского казачьего войска, опубликованная в печатных изданиях 1896 года, способствует более глубокому пониманию значения юбилея в социокультурном пространстве кубанского казачества. Кроме того, анализ газетных публикаций того времени позволяет выявить интерпретации исторической информации, отражающие коллективные ценностные установки и взгляды кубанского казачества на собственное прошлое, а также способы и формы их репрезентации с учетом исторического контекста.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Феномен исторических юбилеев активно рассматривается в современной отечественной историографии. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в научных работах начала XXI века, в которых празднование годовщин значимых исторических событий представляется как специфический механизм конструирования общественного сознания, основанный на целенаправленном и искусном манипулировании исторической памятью. В рамках данного направления изучения феномена юбилейной культуры можно выделить работы Г. А. Бордюгова [Бордюгов, 2010], Т. А. Булыгиной, Т. Н. Кожемяко [Булыгина и др., 2012], Т. Н. Ивановой, О. О. Дмитриевой [Дмитриева, 2017; Дмитриева и др., 2017; Дмитриева, 2020], А. А. Кузнецова, А. Н. Маслова [Кузнецов и др., 2011], В. Е. Солдаткина [Солдаткин, 2011], К. Н. Цимбаева [Цимбаев, 2005; Цимбаев, 2012; Цимбаев, 2019].

При этом ставропольские историки Т. А. Булыгина и Т. Н. Кожемяко отмечают, что юбилей является «инструментом формирования национальной идентичности», основой которого служит общая историческая память [Булыгина и др., 2012, с. 63]. Рассматривая, какие даты попадают в категорию юбилейных, А. А. Кузнецов и А. Н. Маслов пришли к выводу, что для этого должен быть «“весомый” повод, отождествляемый обычно со степенью включенности события в культурную память больших групп», при этом юбилеи являются «полноценным выражением интеллектуальных и культурных предпочтений их устроителей» [Кузнецов и др., 2011, с. 517]. А. И. Буслаев определяет юбилеи «как форму самовыражения государственной власти в целях формирования определенного курса и его определенного восприятия обществом» [Буслаев, 2010, с. 2]. В свою очередь «история в ходе юбилеев», как отмечает К. Н. Цимбаев, «являясь объектом активного восприятия и фильтрации, становится моделью трактовки будущего» [Цимбаев, 2012, с. 497]. Несмотря на обширный опыт исследования феномена юбилея в отечественной науке, изучение двухсотлетия Кубанского казачьего войска и особенностей его отражения в дореволюционной прессе с точки зрения концепции исторической культуры остается актуальным на сегодняшний день.

Характер исследовательской цели определил содержание источниковой базы работы. Намерение изучить особенности празднования юбилея Кубанского казачьего войска в 1896 году как особого символического способа конструирования общественного сознания, обусловленного целенаправленным процессом актуализации исторической памяти о конкретном событии с учетом текущих политических реалий и потребностей, обусловило приоритетную роль такого источника, как периодическая печать. Га-

зеты, будучи первичными источниками информации, представляют собой непосредственные свидетельства событий и мнений, отражающих общественное мнение и актуальные темы на момент их публикации. В качестве источниковой основы для исследования была привлечена официальная и частная пресса 1896 года, распространявшаяся как в столичных городах империи, так и на ее периферийных территориях. В рамках исследования указанных вопросов особое значение приобрело официальное печатное издание кубанской областной администрации — «Кубанские областные ведомости». Близость к региону, а также тесная связь с Кубанским казачьим войском и мероприятиями, приуроченными к его двухсотлетнему юбилею, обусловливают высокую информативность данной газеты с точки зрения изучения исторической культуры казачества.

Данное исследование носит междисциплинарный характер, поэтому к ведущим методам изучения относятся сравнительно-исторический, который позволяет сопоставить и согласовать факты, полученные из газетных изданий 1896 года, различающихся по статусу, уровню приближения к официальной идеологии и месту публикации; культурно-исторический, способствующий пониманию, как газеты XIX века служили инструментом формирования и конструирования исторических представлений о кубанском казачестве, особенно в контексте значимых событий, таких как юбилей; контент-анализ, дающий возможность посредством изучения текстов дореволюционных печатных изданий выявить ключевые темы и стереотипы, связанные с Кубанским казачьим войском и его двухсотлетней годовщиной; дискурс-анализ, рассматривающий тексты публикаций через риторику и контекст как идеологические, культурные и социальные конструкции, влияющие на восприятие исторических событий и фигур.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопрос датировки основания Кубанского казачьего войска в публикациях периодической печати XIX века

В XIX веке в российской общественной жизни получила активное развитие традиция празднования исторических юбилеев. Выбор конкретных дат для празднования был тщательно обдуманным и напрямую коррелировал с политическими задачами официальной власти. Юбилеи, как правило, приурочивались к событиям, имевшим ключевое значение для самоопределения Российского государства. Современный историк К. Н. Цимбаев отмечает, что в отличие от обычных ежегодных праздников они представляли собой значимые временные маркеры, которые позволяли «выстраивать историческую перспективу», формируя общественные представления и убеждения относительно своего прошлого, настоящего и будущего [Цим-

CC BY

баев, 2005, с. 98]. По мнению М. А. Коркиной, «именно через годовщины значимых событий власть рассчитывала охватить наибольшую аудиторию, внести в сознание масс свои идеи» [Коркина, 2011, с. 97], которые были актуальны в определенных исторических, социальных, культурных и политических условиях. Юбилейные мероприятия позволяли сосредоточить внимание на выбранных исторических эпизодах и интерпретировать их таким образом, чтобы подчеркнуть непрерывность исторической линии. В итоге, традиция торжественного празднования юбилейных дат в Российской империи представляла собой не просто культурное явление, но и сложный механизм, глубоко интегрированный в государственную политику и направленный на формирование лояльности к действующей власти как защитника и хранителя традиций.

Согласно Высочайшему разрешению императора Николая II празднование двухсотлетия Кубанского казачьего войска было запланировано на 1896 год [ГАКК, ф. 396, оп. 1, д. 6701, л. 109]. Кубанское казачество представляло собой важнейший элемент военной и социальной системы Российской империи. Размещение казачьих полков на южных границах обеспечивало безопасность государства, сдерживая внешние угрозы и сохраняя стабильность в регионе, изобилующем различными этническими группами и часто подверженном внутренним конфликтам. Поэтому двухсотлетний юбилей войска представлял собой исключительную возможность для официальной власти подчеркнуть значимость казачества в историческом развитии страны, а также продемонстрировать его незаменимую роль в поддержании порядка и безопасности на периферии империи.

В XIX веке в Российской империи мощным инструментом формирования общественного мнения, особенно в контексте крупных юбилейных событий, была пресса. Это достигалось через редакционную политику, выбор тематики публикаций, а также через создание положительного имиджа государственных инициатив и мероприятий. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска стало ярким примером того, как центральная власть и местная администрация использовали печатные издания для укрепления собственного авторитета и обеспечения благоприятного социального климата. С помощью газетных публикаций подчеркивались тесная связь между казачьим войском, монархом и его правительством, которая, согласно официальной версии, корнями уходила в далекий XVII век.

Между тем уже в XIX веке имелись расхождения в интерпретации дат, связанных с образованием Кубанского казачьего войска. Согласно указу императора Александра II, оно было сформировано 19 ноября 1860 года в результате объединения Черноморского казачьего войска и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска. Именно с вхождением двух

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

различных групп казачества, каждая из которых имела свои исторические корни, уникальные культурные и социальные особенности, были связаны различия во взглядах на точку отчета истории Кубанского казачьего войска. Его официальное старшинство, установленное императорским указом в 1874 году, велось с 1696 года, когда хоперские казаки вместе с Петром I приняли участие в успешном штурме турецкой крепости Азов. Хоперский полк, будучи старейшим в Кавказском линейном, а затем — Кубанском казачьем войске, и положил символическое начало истории всего кубанского казачества. Естественно, что на страницах столичной официальной прессы фигурировала именно эта версия. В 1896 году в газетах «Сенатские ведомости» и «Русский инвалид» к двухсотлетнему юбилею Кубанского казачьего войска были опубликованы Высочайшие грамоты как всему «верноподданнейшему» войску, так и трем Хоперским полкам, входившим в его состав. В текстах документов упоминались две даты: 1696 год, когда «Хоперские казаки впервые приняли участие в походе с Донскими под Азовом и в разных баталиях Шведских», и 1860 год, когда Кубанское казачье войско получило «свое настоящее наименование, составляя первоначально на южной окраине Государства оплот против Турок, Ногайцев и Кавказских горских племен, способствовало впоследствии покорению последних…, а также прочному водворению на северных склонах Кавказского хребта» [Высочайшие …, 1896, № 203, с. 2]. При этом не было ни одной строчки о 1792 годе, когда казачья флотилия под руководством полковника Саввы Белого достигла Таманского полуострова и первые переселенцы-казаки вступили на землю, дарованную российской императрицей Екатериной II.

Текст Высочайшей грамоты, пожалованной ко дню двухсотлетнего юбилея Кубанского казачьего войска, был опубликован и в региональной газете «Кубанские областные ведомости» [Копия …, 1896, с. 2]. Помимо этого, в нескольких заметках читателей информировали о ее доставлении полковником Я. А. Синюхаевым в Екатеринодар [Дневник, 1896, № 190, с. 2], и чтении ее содержания перед войском на Крепостной площади в день праздничных торжеств [Торжественное …, 1896, с. 2]. Но главное — газета разместила описание орнамента дарованной грамоты, отметив, что с ее правой стороны «нарисованы фигуры казаков во всех (за 200 лет) формах, начиная с Запорожской» [Орнаменты…,1896, с. 2]. Для тех, кто был не знаком с историческими нюансами, могло показаться странным, что старшинство велось от хоперцев, в то время как первая форма, изображенная в официальном документе, имела запорожские корни. Однако такое акцентированное внимание «Кубанских областных ведомостей» к этому вопросу не было случайным.

Чем ближе издательства газет располагались к Кубанской области, тем чаще поднимался вопрос, касающийся даты образования Кубанского каза-

CC BY

чьего войска. Тифилисская газета «Кавказ» опубликовала большие заметки, посвященные столетию со дня поселения на Кавказе черноморского казачьего войска [Столетие …, 1892, с. 2—3] и двухсотлетию Кубанского казачьего войска [Неофициальная часть …, 1896, с. 1—2], тем самым разъясняя официальную датировку начала истории кубанского казачества. В них весьма подробно разбирались исторические перипетии в сплетении судеб черноморцев и линейцев. Отмечалось, что Кубанское казачье войско «существует как таковое всего 36 лет» [Столетие …, 1892, с. 2] (то есть с 1860 года), соединив «малороссов» и «великороссов». В заметках упоминалась жалованная грамота Екатерины II, положившая «начало черноморскому казачьему войску и поселению его на Кубани, столетие получения которой праздновалось» 30 июня 1892 года в Екатеринодаре [Неофициальная …, 1896, с. 1]. А юбилей всего войска, согласно Высочайшему повелению, был определен «по старейшему полку, вошедшему в его состав», впервые призванному на царскую службу в 1696 году [Столетие …, 1892, с. 3; Неофициальная …, 1896, с. 1]. Подобные разъяснения косвенно свидетельствуют о существующей необходимости объяснения официальной трактовки, которая подчеркивала историческую значимость Кубанского казачьего войска как опоры государственной власти на протяжении уже 200 лет, и предупреждения распространения альтернативных интерпретаций. Тем не менее они появлялись на страницах как столичной, так и провинциальной прессы.

Накануне юбилейных торжеств частная газета «Петербургский листок» опубликовала обширную статью «К 200-летию Кубанского казачьего войска». В ней говорилось, что, «задумавшись над своим прошлым, кубанский казак невольно вспомнит о древнем “ліцаре” Украинской сечи — о легендарном запорожце: кубанский казак никто иной, как (в источнике так. — *А. С.*) отдаленный правнук казака запорожца. Любопытно, поэтому, вспомнить, как из запорожца образовался нынешний казак-кубанец и славное Кубанское войско» [К 200-летию…, 1896, с. 5] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — *А. С.*). Далее повествовалось о Запорожской Сечи, образовании Черноморского войска и его переселении на Кубань, о жизни и порядках на новом месте, о борьбе с черкесами и особой роли пластунов в этом процессе. Только после этого упоминались линейцы, при этом отмечалось, что о них «не сложилось той удалецкой славы, которую, вполне заслуженно, приобрели черноморцы» [К 200-летию…, 1896, с. 5]. Статья завершалась краткими сведениями об образовании Кубанского казачьего войска в 1860 году и значительных изменениях «духовной физиономии» кубанца, который «стал не только воином, но и ревностным колонизатором, преследующим ряд благих целей и старающимся устроить свою жизнь культурно и наиболее удобно»

CC BY

[К 200-летию …, 1896, с. 5]. Позже частная общественно-литературная газета «Таганрогский вестник» перепечатала эту публикацию в одном из своих выпусков, а официальная региональная газета «Кубанские областные ведомости» осторожно охарактеризовала такие толкования как «весьма интересное изложение истории» войска [Периодическая …, 1896, с. 3].

Схожая версия происхождения кубанского казачества была представлена и в газете «Приазовский край» — крупнейшем издании на Дону, опубликовавшем историческую справку краеведа И. А. Кузнецова. Она начиналась с отрывка из произведения Т. Г. Шевченко «К Основьяненко», предвосхищая позицию автора о запорожском происхождении кубанского казачества. И. А. Кузнецов, опираясь на труды А. А. Скальковского, И. Д. Попко и Н. Ф. Дубровина, выделил «два резко обозначенных периода: первый — до 1775 года, когда уничтожена была Запорожская Сечь, и второй — последующий, когда преемниками запорожцев стало черноморское и ново-азовское казачество, переименованное впоследствии на Кубанское казачье войско» [Кузнецов, 1896, с. 2]. Поведав краткую историю кубанцев — «прямых потомков запорожской казацкой общины» и приведя сведения о текущем состоянии области, автор заключил, что «черноморские, теперь кубанские, казаки сдержали обещание, данное их депутатом в 1792 году Екатерине II: “воздвигнуть грады, заселить села и сохранить безопасность пределов”» [Кузнецов, 1896, с. 2].

В целом, газета «Приазовский край», обладая либеральной направленностью, нередко служила площадкой для выражения свободных мыслей и обсуждения острых вопросов общественно-политической и экономической жизни юга России. И даже в дни юбилейных торжеств Кубанского войска газета разместила совсем не праздничную статью «Итоги геройства и итоги жизни». Вместо традиционного восхваления военных заслуг казачества, «давно занесенных на скрижали истории», публикация обращала внимание на состояние мирной жизни и культурного развития региона. Главная мысль рассуждений была выражена в поэтической форме: «Вам двести лет, а до сих пор, — / Скажу вам это не в укор, — / В станицах ваших грязь сильна, / А школа и теперь слаба. / Есть, правда, несколько дворцов, / Для удивления глупцов, / Но только сколько же детей / Не знают грамоты лучей? / Для них по школам места нет, / А вам, друзья, ведь двести лет! / Вам двести лет, и если вы, / Как прежде, полны темноты, / Как прежде грубы, бьете жен, / Не слыша их ужасный стон, — / Тогда ни ваши монументы, / Ни шляпки, фраки, позументы, / Ничто не убедит людей, / Что жили вы не двести дней…» [Теплый, 1896, с. 3].

Даже официальная провинциальная пресса не только транслировала утвержденную сверху версию формирования Кубанского войска, но и

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

позволяла себе публиковать рассуждения читателей об образовании кубанского казачества, в том числе связывая его с таманскими берегами. В 1891 году в одном из номеров «Кубанских областных ведомостей» приводился текст заметки, сделанной в газете «Донское поле». В ней некий «Кубанец» писал: «Вот скоро-скоро наступит целая сотня лет, как Черноморское (ныне Кубанское) казачье войско в 1782 году (в тексте была допущена ошибка в указании даты. — *А. С.*) заняло пустынные Кубанские земли», при этом автор задавался вопросом, как будет отпразднован юбилей и как будет увековечена память о «кошевом атамане Черномории Захарии Чепеге, ближайшем его помощнике, войсковом судье Антоне Головатом» [Столетний …, 1891, с. 1].

В том же номере некий читатель, подписавшийся как «Черноморец по отцу, линеец по матери», написал свой ответ на заметку, отметив, что «администрация свое дело делает», сославшись на предложение Е. Д. Фелицына установить в Екатеринодаре памятник Екатерине II «с группой ее сподвижников-основателей войска: князем Потемкиным Таврическим, Чепигой и Головатовым», а также представление им же Кубанскому областному статистическому комитету подробной программы для написания истории Кубанского войска. Несмотря на это, признавалось, что почти всех кубанцев можно упрекнуть в «невежестве по части прошлого и настоящего своей родины» [Там же]. Автор заметки продолжил свои рассуждения в следующем номере «Кубанских областных ведомостей», но уже под именем «Тот же черноморец (бывший, конечно)». Информацию о юбилее Кубанского казачьего войска в 1892 году он назвал ошибкой, отметив, что в этот год «исполнится ровно сто лет с того момента, как “дідам и батькам” большей части нынешних кубанцев дарованы разные права и привилегии, которыми пользуется все теперешнее Кубанское войско, сто лет прошло с того времени, как теми же “дідами и батьками”, в силу такого дара, занята и заселена большая половина нынешней Кубанской области» [Еще о столетнем …, 1891, с. 1]. При этом высказывалось сожаление, что немало «наивных и несообразительных лиц, которые убеждены, и громко это высказывают, что в 1892 году будет “черноморский” праздник; одни (черноморцы) как бы гордятся этим, другие (линейцы) открещиваются от этого праздника» [Там же]. Дальнейший текст заметки сводился к тому, что после 1860 года и те, и другие являются «родными братьями», составляющими «одну неразрывную семью, одно имя», а потому для всех последующих поколений должны существовать только «кубанские» праздники [Там же]. При этом автор отмечал, что в жизни Кубанского казачьего войска много важных событий, но именно благодаря двум грамотам, жалованным Екатериной II черноморцам 30 июня и 1 июля 1792 года, появились нынешнее войско и кубанцы.

CC BY

К двухсотлетию войска в официальной газете Ставропольской епархии «Ставропольские епархиальные ведомости» были опубликованы архипастырское приветствие епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора и «Памятная историческая записка» екатеринодарского священника Василия Белякова (№ 19 от 01.10.1896). Ранее они были напечатаны и в «Кубанских областных ведомостях» (№ 194 от 13.09.1896, № 195 от 14.09.1896). В своей речи Агафодор упомянул только «славных казаков Черноморцев-Кубанцев», которые получили «по державной воле» Екатерины II территорию, прилегающую к Азовскому и Черному морям и берегам реки Кубань, и совершили «исторический подвиг», «водворив христианскую гражданственность» в занятом ими крае [Архипастырское …, 1896, с. 1172]. Стоит отметить, что в тексте, напечатанном в «Кубанских областных ведомостях», в речи епископа слово «черноморцы» отсутствует и везде используется только термин «кубанцы» [Божией …, 1896, с. 2]. В. Беляков свою «Записку» начал со «славного для русского оружия» 1696 года, от которого и «ведется историческое летоисчисление службы Хоперского полка, а также и всего Кубанского казачьего войска» [Памятная …, 1896, № 19, с. 1183]. Далее он поведал об историческом служении казачества на пользу Престола и Отечества, ставшего «заслоном» от Каспийского до Черного моря «против воинственных, дерзко-храбрых и многочисленных горских племен, фанатически возбуждаемых время от времени давнишней приятельницей соседкой России Турцией» [Там же, с. 1184—1185]. Половину своего очерка он посвятил черноморцам — «главнейшей части настоящего Кубанского казачьего войска, вернее — основному ядру, около которого сгруппировались прочие составные его части» [Там же, с. 1188]. И даже среди «священных имен» нынешних кубанцев он назвал только значимые фигуры из истории Черноморского казачьего войска — Сидора Белого, Захария Чепегу, Антона Головатого, Федора Бурсака, которые неоднократно жертвовали своей жизнью «для блага других и всегда готовы были принять светлый, мученический венец Христолюбивого воина» [Там же, с. 1191—1192]. Столь благожелательное отношение православной церкви к черноморским казакам было обусловлено тем, что среди линейцев было существенно больше старообрядцев (особенно в станицах Прочноокопской и Кавказской [В. Ж., 1901, с. 1300—1317; Ламонов, 1898, с. 6—7; Ламонов, 1910, с. 385—478; Михайлов, 1910, с. 260, 427—428, 469—470]) и до 1867 года их духовенство находилось даже в ведении обер-священника Кавказской армии, а не епархиальных властей. Не случайно 8 сентября, произнося свою речь в Александро-Невском соборе, В. Беляков с самого начала уделил особое внимание именно православию: «Мы — дети православной христианской церкви, верные сыны дорогой возлюбленной нашей

CC BY

отчизны — России и истинно-верноподданные русского Царя — Божьего Избранника, — собрались ныне в войсковом храме, дабы освятить великую и достопамятную годину юбилея двухсотлетнего существования Кубанского казачьего войска, объединившего в себе всех войсковых поселенцев, с давних пор расположенных по реке Кубани, от верховьев ее до впадения в Черное море» [Памятная …, 1896, № 195, с. 2].

Несмотря на наличие спорных аспектов в определении точки отсчета в истории кубанского казачества, окончательное решение о дате празднования юбилея в Российской империи принималось официальной властью. Младший помощник наказного атамана Кубанского казачьего войска Э. Г. Зборовский в 1894 году в своей переписке с начальником войскового штаба Ф. К. Гершельманом отмечал: «...несомненно, Кубанцы выразят единодушное желание торжественно праздновать предстоящий, таким образом, в 1896 году, 200-летний юбилей существования и служения войска Престолу и своим Царям» [ГАКК, ф. 396, оп. 1, д. 6701, л. 2].

3.2. Коммеморативные практики двухсотлетия Кубанского казачьего войска и их освещение в газете «Кубанские областные ведомости»

В Государственном архиве Краснодарского края сохранился значительный массив делопроизводственной документации, посвященной празднованию двухсотлетия Кубанского казачьего войска. Этот материал, хранящийся в фондах 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска», 408 «1-й Хоперский [конный] казачий полк Кубанского казачьего войска 1-й Кавказской дивизии, 1-го Кавказского армейского корпуса», 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска», представляет собой ценное свидетельство исторических событий и организационных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением торжеств по случаю юбилея войска. С точки зрения изучения исторической культуры в них можно выделить существующие на тот период коммеморативные практики. К таковым относятся различные мероприятия по увековечению памяти, включающие в себя актуализацию образов и личностей прошлого с учетом текущих взглядов и потребностей. В работе современных историков О. О. Дмитриевой, Т. Н. Ивановой и Е. К. Минеевой выделено 4 формы их выражения: нарративная (широкий спектр способов передачи исторического опыта через повествование); визуальная (сохранение и передача информации о значимых событиях и личностях с помощью образов и символов); монументальная (создание архитектурных или скульптурных объектов как знаков памяти) и церемониальная (организация и проведение различных ритуалов, мероприятий и церемоний, приуроченных к памятным датам и юбилеям) [Дмитриева

CC BY

и др., 2020, с. 281]. В рамках данного исследования интерес представляет анализ тех форм коммеморативных практик, связанных с двухсотлетием Кубанского казачьего войска, которые нашли отражение в местной газете «Кубанские областные ведомости». Имеют значение избранные медиаформаты (статьи, обзоры, репортажи с мероприятий, колонки и комментарии) представления информации, выбор сюжетов, расстановка акцентов и содержание публикаций. Именно изучение отбора и способов передачи информации о праздновании юбилея позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения и конструирования исторической памяти.

«Кубанские областные ведомости», издаваемые в Екатеринодаре, были первой печатной газетой в Кубанской области[1]. Типологически они соответствовали издательской модели «губернских ведомостей» [Лепилкина, 2005, с. 179], ключевыми признаками которых являлись внутренняя структура, жанровая специфика, особенности целевой аудитории и публикация материалов, не вызывавших резкого нарекания со стороны цензуры. Согласно положению «О порядке производства дел в губернских правлениях», утвержденному императором Николаем I 3 июня 1837 года, провинциальные газеты должны были иметь официальную и неофициальную части: первая содержала распоряжения и указы центрального правительства и местной администрации, а также казенные объявления; во второй помещались материалы, посвященные текущим событиям, региональной истории, этнографии и статистике [Высочайше …, 1837, с. 459—461]. При этом в 1892 году в примечании к 541 статье «Свода законов Российской империи» отмечалось, что «сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел или не принадлежащая к предмету обстановка» [Учреждения …, 1892, с. 65]. В связи с этим издания предъявляли свои требования к необходимому типу редактора и к составу авторов.

В 1896 году редактором неофициальной части «Кубанских областных ведомостей» был Владимир Васильевич Скидан. В молодости за связь со студенческим революционным движением он был отчислен из трех университетов и даже был сослан в Архангельскую губернию. Благодаря стараниям отца, священника Кубанского казачьего войска, В. В. Скидан попал в Новороссийский университет, в котором окончил юридический факультет. Политическая неблагонадежность осталась в прошлом, и к моменту назначения редактором он успел поработать помощником присяжного поверенного в Одесской судебной палате, помощником секретаря гражданского

1 1863 по 1871 годы газета называлась «Кубанские войсковые ведомости», с 1871 по 1915 годы — «Кубанские ведомости», а затем «Кубанские областные ведомости», с 1915 по 1917 годы — «Кубанские ведомости».

CC BY

отделения суда в Екатеринодаре, исполняющим делами начальника хозяйственного отделения Кубанского областного правления, а также имел опыт в сфере журналистики, являясь секретарем редакции «Одесских новостей» и корреспондентом «Одесского листка» [Лучинский и др., 2023, с. 32].

В. В. Скидан добился ежедневного издания газеты, которая стала основным поставщиком информации о различных аспектах жизни региона для кубанской читательской аудитории, среди которой были и обязательные (казенные), и частные подписчики. В 1896 году выпуски «Кубанских областных ведомостей», особенно августовские и сентябрьские, содержали разноплановые сведения о подготовке и праздновании двухсотлетнего юбилея Кубанского казачьего войска. Поскольку местные власти тщательно контролировали поток информации, публикуемый в прессе, газета стала мощным орудием формирования необходимого восприятия коммеморативных практик, реализованных в контексте юбилейных мероприятий. Среди них особенно выделялись нарративная, монументальная и церемониальная, каждая из которых играла важную роль в увековечении исторической памяти.

На страницах «Кубанских областных ведомостей» нарративная практика нашла свое выражение в публикации сведений об исторических трудах, посвященных истории и культуре кубанского казачества. С этой целью даже была открыта рубрика «К истории Кубанского войска и области», в которой предполагалось «уяснить прошлую жизнь», при том «не только в виде отдельных очерков, воспоминаний, заметок, но также и в форме официальных документов, представляющих собою более или менее важное для истории войска, которой у нас нет» [К истории …, 1896, с. 3]. Здесь был опубликован список авторов, которые в разное время занимались изучением истории кубанского казачества (П. П. Короленко, И. Д. Попко, Ф. А. Щербина, И. В. Бентковский, И. С. Кравцов, Н. М. Могилевцев, В. Г. Толстов, И. И. Дмитренко, Е. Д. Фелицын). При этом при описании очерка П. П. Короленко «Кубанские казаки», напечатанного в 1894 году в научно-краеведческом издании «Кубанском сборнике», газета сделала ремарку, что «автор доказывает старшинство Черноморского войска перед другими казачьими войсками» [К истории …, 1896, с. 3]. Для создания всестороннего труда по истории Кубанского казачьего войска в новой рубрике была опубликована «Программа истории Кубанского казачьего войска 1696—1896 годов», составленная выдающимся исследователем края Е. Д. Фелицыным. Последняя через 1,5 месяца подверглась деликатной критике на страницах нового номера газеты. Автор, скрывавшийся под инициалами О. Т., хоть и оценил включение в программу истории о казаках Запорожья, отметил, что необходимо больше уделять внимания «истории местного быта, местной культуры» для борьбы «с невежеством,

CC BY

дикостью, предрассудками и некультурностью в собственной среде» казачества [О программе …, 1896, с. 3].

Кроме того «Кубанские областные ведомости» регулярно информировали читателей о выходе в свет новых изданий, содержащих уникальные материалы по истории кубанских казаков и освещающих их богатое культурное наследие. Среди таковых были работы А. Д. Бигдая «Песни кубанских казаков» (на тот период 4 выпуска) [К юбилею … 1896, с. 3; Дневник, 1896, № 99, с. 2—3; Дневник, 1896, № 192, с. 2], И. И. Дмитренко «Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска» (в то время 3 тома) [Дневник, 1896, № 99, с. 3; Дневник, 1896, № 183, с. 2], В. Я. Червинского «Памятка Кубанского казачьего войска» [Дневник, 1896, № 174, с. 2], П. П. Короленко «Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696—1896. Исторический очерк» и В. Г. Толстова «Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска: 1696—1896» [Дневник, 1896, № 178, с. 2]. Их не только рекомендовали к прочтению станичным обществам, но и выделили из средств, ассигнованных на празднование двухсотлетнего юбилея, 1500 руб. — на издание И. И. Дмитренко, 200 руб. — на песенно-музыкальный сборник А. Д. Бигдая и 250 руб. — на книгу П. П. Короленко [Дневник, 1896, № 187, с. 2].

Монументальная практика в «Кубанских областных ведомостях» нашла отражение в описании новых памятников, которые планировалось установить в честь юбилея. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска ознаменовалось масштабной волной инициатив по возведению монументов, большая часть которых исходила от обществ Лабинского отдела. В сентябрьских номерах «Кубанских областных ведомостей» в виде кратких заметок сообщалось о работах по возведению обелисков в нескольких населенных пунктах — в станице Николаевской [Из Николаевской ..., 1896, с. 2], городах Лабинск и Армавир [Из Армавира ..., 1896, с. 2, 3]. Описывался и внешний вид будущих монументов. В Лабинске на Церковной площади планировалось возвести обелиск в 22 аршина «в виде цилиндра, стоящего на четырехгранной призме и увенчанного сверху двуглавым орлом» [Из ст. Лабинской ..., 1896, с. 2]. В праздничный день, 8 сентября, на месте заложенного памятника был отслужен молебен, «учащиеся были щедро награждены лакомствами, а интеллигенции в здании ст. правления предложен завтрак, на котором присутствовало более 50 человек разных сословий, чинов и ведомств» [Ст. Лабинская ..., 1896, с. 3]. В Николаевской должен был появиться 9-аршинный обелиск в виде каменной колонны на пьедестале. В дальнейшем станичное общество планировало установить на нее чугунную фигуру казака в полный рост [Дневник ..., 1896, № 191, с. 2].

CC BY

Большинство газетных заметок было посвящено возведению памятника в областном центре — Екатеринодаре. В одной из них говорилось, что инициатива исходила от Городской думы, в которой был представлен проект будущего монумента. Предполагалось, что в северной части города, в конце улицы Красной, будет установлен кирпичный обелиск, облицованный закубанским камнем-песчаником, высотою в 18—20 аршин. Его должны были украсить доски с надписями со словами благодарности от Екатеринодарской городской думы (или Екатеринодарского городского общества) за «неувядаемую славу на поле брани с врагами» Черноморскому и Линейному войскам, вошедшим в состав Кубанского казачьего войска, а также с наименованиями всех населенных пунктов Кубанской области «с показанием времени основания каждого в период царствования того или другого Императора» [К предстоящему …, 1896, с. 3]. Однако, как это часто бывает при реализации крупных проектов, выделенных местными властями средств оказалось недостаточно. Дальнейшие заметки в газете отличались лаконичностью и информировали читателей, что к августу 1896 года фундамент обелиска уже был готов, но процесс отделочных работ и доставка необходимого количества камня затянулись, превратившись в серьезное препятствие на пути своевременного завершения строительства [Дневник ..., 1896, № 172, с. 2; Дневник ..., 1896, № 181, с. 2]. В результате соорудить обелиск к намеченной дате — 8 сентября 1896 года — не удалось, и в этот день городской голова Екатеринодара В. С. Климов преподнес наказному атаману Кубанского казачьего войска Я. Д. Маламе фотографию модели будущего монумента [Празднование …, 1896, № 195, с. 2].

Наиболее полно в «Кубанских областных ведомостях» была освещена церемониальная коммеморативная практика. В августе 1896 года выпуски газеты пестрили информацией о подготовке города к торжественным мероприятиям. Раздел «Дневник» неофициальной части стал платформой для оперативного информирования читателей о ходе организационных процессов, связанных с предстоящими событиями. Краткие заметки содержали сведения о праздничной программе, планируемых мероприятиях и ожидаемых гостях. Особенно было выделено приглашение на торжество наказным атаманом Кубанского казачьего войска Я. Д. Маламой терцев и имеретинцев в память об их боевом братстве с кубанскими казаками [Дневник ..., 1896, № 176, с. 3; К предстоящему …, 1896, с. 2]. Также в газете появилась колонка «Приготовления к празднованию», в которой содержались подробные сведения об оформлении мест проведения праздничных торжеств: зала 2-го общественного собрания собрания [Приготовления …, 1896, № 187, с. 2; Приготовления …, 1896, № 191, с. 2] и площади возле Атаманской ставки [Приготовления …, 1896, № 189, с. 2]. Такие форматы

CC BY

информирования читателей позволяли создать атмосферу ожидания и вовлеченности среди населения Кубанской области, подчеркивая важность юбилейных событий для общественной жизни.

В XIX веке существовала традиция обмена поздравительными телеграммами по случаю празднования значимых дат, включая крупные годовщины. В честь юбилея Кубанского казачьего войска было получено около 200 телеграмм от Высочайших и высокопоставленных особ, воинских частей, редакций газет и частных лиц. Весь сентябрь «Кубанские областные ведомости» публиковали поздравительные сообщения, считая своей «обязанностью» познакомить читателей, особенно станичников, с их содержанием [Дневник ..., 1896, № 192, с. 2].

В газете «Кубанские областные ведомости» было подробно описано трехдневное торжественное чествование годовщины Кубанского казачьего войска. Для этого была выделена колонка «Празднование Кубанцами своего 200-летнего юбилея», разделенная на 6 тематических частей: «Церковный парад» [Празднование …, 1896, № 194, с. 2], «Обед 8-го сентября» [Празднование …, 1896, № 195, с. 2], «Закладка памятника Императрице Екатерине II», «Завтрак 9-го сентября», «Скачки и вечер у Атаманской ставки» [Празднование …, 1896, № 196, с. 2] и заключительная часть, подводящая итог завершившимся торжествам [Празднование …, 1896, № 198, с. 2].

Как и все праздничные события XIX века, юбилей войска состоял из двух основных видов мероприятий: религиозных и военных церемоний. Важной составляющей торжества являлась церковная служба. 7 сентября было отслужено всенощное бдение в войсковом Александро-Невском соборе. Как отмечалось ранее, полные тексты архипастырского приветствия епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора, а также церковные слова священника Василия Белякова были напечатаны в «Кубанских областных ведомостях» [Божией …, 1896, с. 2; Памятная …, 1896, с. 2—3].

В главный день, 8 сентября, состоялся церковный парад, демонстрирующий сплав духовности и силы. Особое внимание в газете было уделено выносу символов военной доблести и традиций казачества — войсковых регалий из войскового казачьего штаба в Александро-Невский собор, а затем на Крепостную площадь перед Воскресенской церковью [Празднование …, 1896, № 194, с. 2]. Значительное место в газете отводилось описанию дарованным иконам как символам веры и духовных ценностей — образа-складня с изображениями Николая-чудотворца, Великого князя Александра Невского и царицы Александры от епископа Агафодора, иконы Божьей Матери, именуемой «Достойно есть», от архимандрита Мартирия, иконы Богоматери «Всех скорбящих радость» от Успенско-Драндского

CC BY

монастыря [Празднование …, 1896, № 194, с. 2; Празднование …, 1896, № 195, с. 2; Празднование …, 1896, № 198, с. 2].

После официальной части прошел торжественный обед, собравший «присутствующих офицеров, депутатов, чиновников, духовенство, стариков и малолеток» в летнем помещении 2-го общественного собрания [Празднование …, 1896, № 195, с. 2]. В газете с живописными деталями были описаны события банкета, который сопровождался культурной программой и завершился поздним вечером. Поскольку в дореволюционной прессе было принято публиковать наиболее значимые выступления, «Кубанские областные ведомости» разместили полный текст речи наказного атамана Кубанского казачьего войска Я. Д. Маламы, произнесенной за обедом. В ней он напомнил о верной службе Хоперского полка, который определял старшинство всего Кубанского войска, об объединении линейцев и черноморцев в 1860 году, а также об охране границ, которую осуществляла «небольшая, сравнительно, семья Кубанского казачества,... но крепкая духом и тесно сплоченная религией и преданиями отцов», ставшая «грозной силой для врагов Царя и родины» [Речь …, 1896, с. 2].

В заключительный день торжеств, 9 сентября, состоялась закладка памятника Екатерине II, создание которого изначально планировали к другой важной дате — столетию со дня высадки первых черноморских казаков на кубанской земле, дарованной императрицей. Весь дальнейший день был отведен для неофициальной части праздника — джигитовки, скачек, военных игр, развлекательной программы с угощениями для всех присутствующих возле дома наказного атамана. Как писалось в «Кубанских областных ведомостях», «истинно-казачий праздник перед ставкой продолжался до глубокой ночи пред старыми свидетелями таких же празднеств — войсковыми знаменами, заслуженными предками Кубанцев» [Празднование …, 1896, № 196, с. 2]. Отличительной особенностью статьи, посвященной завершению цикла юбилейных мероприятий, стало применение менее формального стиля и эмоционально окрашенной лексики, что способствовало созданию более яркого и привлекательного образа описываемого события.

Завершая освещение торжественных событий, посвященных двухсотлетию Кубанского войска, газета «Кубанские областные ведомости» представила обзор периодических изданий, в которых были опубликованы материалы, приуроченные к данной годовщине [Периодическая …, 1896, с. 3]. Упоминаются газеты, различные как по статусу (официальные и частные), так и по географическому положению (столичные и провинциальные). Среди них — «Правительственный вестник» (Санкт-Петербург, печатный орган Министерства внутренних дел), «Русский инвалид» (Санкт-Петербург, печатный орган Военного министерства), «Петербургский листок» (Санкт-

Петербург, частная газета), «Свет» (Санкт-Петербург, частная газета), «Терские ведомости» (Владикавказ, печатный орган Терской области), «Приазовский край» (Ростов-на-Дону, акционерная газета), «Кавказ» (Тифлис, печатный орган Кавказского наместничества), «Северный Кавказ» (Ставрополь, частная газета), «Таганрогский вестник» (Таганрог, частная газета), «Харьковские губернские ведомости (Харьков, печатный орган Харьковской губернии). «Кубанские областные ведомости», представляя читателям выборку статей о юбилее войска, опубликованных в различных газетах Российской империи, подчеркивали значимость данного события в общероссийском контексте и акцентировали внимание на особом статусе казачества как для властей империи, так и для всего общества.

4. Заключение = Conclusions

XIX столетие в Российской империи изобиловало юбилейными торжествами, ставшими инструментом политической стратегии. Государство, выступая в роли главного организатора этих мероприятий, применяло селективный подход к выбору памятных дат, тщательно отбирая события, которые считались достойными широкого празднования. В итоге юбилейные торжества превращались в мощный инструмент внедрения в общественное сознание господствующих государственных установок, формируя желаемый образ прошлого и, следовательно, предсказуемое видение будущего. В этом контексте освещение юбилеев в прессе позволяло власти контролировать интерпретацию исторических событий, создавая определенные нарративы, которые соответствовали интересам действующего режима.

Двухсотлетний юбилей Кубанского казачьего войска стал не только поводом для торжеств, но и важной вехой в осмыслении роли казачества в истории Российской империи. Официальная пресса транслировала утвержденную сверху интерпретацию даты его образования, акцентируя внимание на многовековом служении казачества российским монархам с XVII века. В то же время альтернативные трактовки происхождения войска, связывающие его с запорожцами, находили отражение преимущественно в частных изданиях или в виде дискуссий, публиковавшихся в официальных региональных газетах. Несмотря на существующие разногласия, на страницах печатных изданий доминировала именно официальная трактовка. Газеты, будучи основным источником информации для жителей Российской империи в конце XIX века, играли ключевую роль в формировании общественного мнения. Именно поэтому через публикации и статьи официальные структуры активно продвигали идею о двухсотлетней (а не столетней) неразрывной связи кубанского казачества с рос-

CC BY

сийской государственностью, укрепляя лояльность казачьего сообщества к действующей власти и своему служению престолу.

В течение августа и сентября 1896 года «Кубанские областные ведомости» регулярно публиковали информацию о проведении юбилейных мероприятий в Кубанской области и ее столице — Екатеринодаре. В издании освещались нарративные, монументальные и церемониальные коммеморативные практики, реализованные в контексте чествования годовщины войска. Организация юбилейных торжеств и их активное освещение в прессе имели целью повлиять на взгляды как общественности, так и кубанского казачества, закрепляя в их сознании образ казаков как верных защитников Родины, непоколебимых столпов императорской власти и символов национального единства и силы. Таким образом, юбилейные мероприятия и их отражение на страницах печатных изданий становились не только актом памяти и прославления прошлого, но и инструментом формирования будущего образа казачества как надежного оплота российского государства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Архипастырское* приветствие Кубанскому Казачьему Войску в день его двухсотлетнего юбилея // Ставропольские епархиальные ведомости : [газета]. — 1896. — № 19. — С. 1171—1172.

2. *Божией* милостью смиренный Агафодор, Епископ Ставропольский и Екатеринодарский. Православному, христолюбивому, победоносному Кубанскому казачьему войску // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 194. — С. 2.

3. *В. Ж.* Историческая заметка. О расколе и единоверии в ст. Прочноокопской Куб. обл. // Ставропольские епархиальные ведомости : [газета]. — 1901. — № 22. — С. 1300—1317.

4. *Высочайшие* грамоты // Сенатские ведомости : [газета]. — 1896. — № 85. — С. 190.

5. *Высочайшие* грамоты // Русский инвалид : [газета]. — 1896. — № 203. — С. 2.

6. *Высочайше* утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях // Полное собрание законов Российской Империи. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственного ее императорского величества канцелярии, 1837. — Собр. 2. — Т. XII. — Гл. 3. — № 10304. — С. 459—461.

7. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края. Ф. 396 (Войсковой штаб Кубанского казачьего войска). Оп. 1. Д. 6701. Л. 2, 109.

8. *Дневник* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 99. — С. 2—3.

9. *Дневник* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 172. — С. 2 ; 174. — С. 2 ; № 176. — С. 3 ; № 178. — С. 2 ; № 181. — С. 2 ; № 183. — С. 2 ; № 187. — С. 2 ; № 190. — С. 2 ; № 191. — С. 2 ; № 192. — С. 2.

10. *Еще* о *столетнем* юбилее // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1891. — № 22. — С. 1.

11. *Из Армавира* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 198. — С. 2, 3.

12. *Из Николаевской* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 198. — С. 2.

13. *Из ст. Лабинской* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 189. — С. 2.

14. *К 200-летию* Кубанского казачьего войска // Петербургский листок : [газета]. — 1896. — № 245. — С. 5.

15. *К истории* Кубанского войска и области // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 63. — С. 3.

16. *Копия* Высочайшей грамоты, пожалованной ко дню двухсотлетнего юбилея Кубанскому казачьему войску // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 192. — С. 2.

17. *К предстоящему* юбилею // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 143. — С. 3.

18. *К предстоящему* юбилею // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 179. — С. 2.

19. *К юбилею* // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 83. — С. 3.

20. *Кузнецов И.* 200-летие кубанского войска (историческая справка) / И. Кузнецов // Приазовский край : [газета]. — 1896. — № 239. — С. 2.

21. *Ламонов А.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794—1894 гг.) 1897 г. / А. Ламонов // Кубанский сборник. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1898. — Т. IV. — С. 1—28.

22. *Ламонов А.* Старообрядческая ст. Кавказской община, приемлющая священство Белокриницкой иерархии с 1794 по 1909 г. / А. Ламонов // Кубанский сборник. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910. — Т. XV. — С. 385—478.

23. *Михайлов Н. Т.* Справочник по Ставропольской епархии / Н. Т. Михайлов. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1910. — 501 с.

24. О *программе* истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 92. — С. 3.

25. *Орнаменты* Высочайше дарованной Кубанскому войску грамоты // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 191. — С. 2.

26. *Неофициальная* часть // Кавказ : [газета]. — 1896. — № 239. — С. 1—2.

27. *Памятная* историческая записка // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 195. — С. 2—3.

28. *Памятная* историческая записка, составленная священником В. Беляковым ко дню двухсотлетнего юбилея Кубанского Казачьего Войска и произнесенная им в сей достопамятный для всего Кубанского казачества день (1696—1896 г.) // Ставропольские епархиальные ведомости : [газета]. — 1896. — № 19. — С. 1182—1192.

29. *Периодическая* печать о войсковом празднике // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 200. — С. 3.

30. *Празднование* Кубанцами своего 200-летнего юбилея // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 194. — С. 2.

31. *Празднование* Кубанцами своего 200-летнего юбилея // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 195. — С. 2.

32. *Празднование* Кубанцами своего 200-летнего юбилея // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 196. — С. 2.

33. *Празднование* Кубанцами своего 200-летнего юбилея // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 198. — С. 2.

34. *Приготовления* к празднованию // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 187. — С. 2.

35. *Приготовления* к празднованию // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 189. — С. 2.

36. *Приготовления* к празднованию // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 191. — С. 2.

37. *Речь*, произнесенная Наказным Атаманом Кубанского казачьего войска за обедом 8-го сентября 1896 года // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 197. — С. 2.

38. *Ст. Лабинская* // Кубанские областные ведомости. — 1896. — № 203. — С. 3.

39. *Столетие* со дня поселения на Кавказе черноморского казачьего войска // Кавказ : [газета]. — 1892. — № 172. — С. 2—3.

40. *Столетний* юбилей Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1891. — № 21. — С. 1.

41. *Теплый О.* Итоги геройства и итоги жизни / О. Теплый // Приазовский край : [газета]. — 1896. — № 239. — С. 3.

42. *Торжественное* чтение Высочайше дарованной войску грамоты // Кубанские областные ведомости : [газета]. — 1896. — № 197. — С. 2.

43. *Учреждения* начальников губерний, Губернских Правлений, Статистических Комитетов и полиции // Свод законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Кодификационный отдел при Государственном совете, 1892. — Т. II. — Гл. 2. — Отд. 6. — С. 65.

Литература

1. *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Г. А. Бордюгов. — Москва : АИРО-XXI, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-91022-132-5.

2. *Булыгина Т. А.* Историческая память и юбилеи в России в XX—XXI веках / Т. А. Булыгина, Т. Н. Кожемяко // История и историческая память. — 2012. — Т. 6. — № 6. — С. 63—76.

3. *Буслаев А. И.* Имперские юбилеи — тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. И. Буслаев. — Москва, 2010. — 30 с.

4. *Дмитриева О. О.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) / О. О. Дмитриева, Т. Н. Иванова, Е. К. Минеева // Диалог со временем. — 2020. — Выпуск 72. — С. 280—291.

5. *Дмитриева О. О.* Проблемы изучения юбилеев Отечественной войны 1812 года в современной исторической науке / О. О. Дмитриева // Вестник Екатерининского института. — 2017. — № 2 (38). — С. 27—29.

6. *Дмитриева О. О.* Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в российской империи / О. О. Дмитриева, Т. Н. Иванова // Вестник Екатерининского института. — 2017. — № 1 (37). — С. 24—26.

7. *Коркина М. А.* Официальное чествование юбилейных и памятных дат реформаторской деятельности Александра II в 80—90-е годы XIX в. / М. А. Коркина // Актуаль-

ные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых. — Новосибирск : Параллель, 2011. — С. 96—103.

8. *Кузнецов А. А.* Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности / А. А. Кузнецов, А. Н. Маслов // Исторические исследования в России. — Москва : АИРО-XX, 2011. — С. 514—548. — ISBN 9785910222087.

9. *Лепилкина О. И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века / О. И. Лепилкина // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2005. — № 41. — С. 175—183.

10. *Лучинский Ю. В.* Краеведческая тематика на страницах кубанской педагогической прессы (1906—1918) / Ю. В. Лучинский, М. В. Безрукавая // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 492. — С. 31—39. — DOI: 10.17223/15617793/492/4.

11. *Солдаткин В. Е.* Юбилей : исторический аспект праздника / В. Е. Солдаткин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2011. — № 2 (26). — С. 125—127.

12. *Цимбаев К. Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века / К. Н. Цимбаев // Вопросы истории. — 2005. — № 11. — С. 98—108.

13. *Цимбаев К. Н.* Истоки юбилейной культуры императорской России / К. Н. Цимбаев // Диалог со временем. — 2019. — № 67. — С. 70—79. — DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30832.

14. *Цимбаев К. Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века : опыт использования исторических юбилеев в политических целях / К. Н. Цимбаев // Историческая культура императорской России : формирование представлений о прошлом. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 551 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025,
одобрена после рецензирования 20.08.2025,
подготовлена к публикации 11.09.2025.

Material resources

A copy of the Highest diploma awarded on the day of the bicentennial anniversary to the Kuban Cossack army (1896). In: *Kuban Regional Gazette [newspaper], 192*: 2. (In Russ.).

A memorable historical note compiled by priest V. Belyakov on the day of the bicentennial anniversary of the Kuban Cossack Army and delivered by him on this memorable day for the entire Kuban Cossacks (1696—1896). (1896). In: *Stavropol Diocesan Gazette: [newspaper], 19:* 1182—1192. (In Russ.).

About the history program of the Kuban Cossack army. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 92:* P. 3. (In Russ.).

Archpastoral greeting to the Kuban Cossack Army on the day of its bicentennial anniversary. (1896). In: *Stavropol Diocesan Gazette: [newspaper], 19:* 1171—1172. (In Russ.).

By the grace of God, the humble Agathodor, Bishop of Stavropol and Yekaterinodar. To the Orthodox, Christ-loving, victorious Kuban Cossack army. (1896). In: *Kuban Regional Gazette: [newspaper], 194:* P. 2. (In Russ.).

Centenary of the settlement of the Black Sea Cossack army in the Caucasus. (1892). In: *Caucasus: [newspaper], 172:* 2—3. (In Russ.).

Centennial anniversary of the Kuban Cossack army. (1891). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 21:* P. 1. (In Russ.).
Commemorative historical note. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 195:* 2—3. (In Russ.).
Diary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 172-192.* (In Russ.).
Diary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 99:* 2-3. (In Russ.).
For the upcoming anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 143:* P. 3. (In Russ.).
For the upcoming anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 179:* P. 2. (In Russ.).
From Armavir. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 198:* 2, 3. (In Russ.).
From Labinskaya station. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 189:* P. 2. (In Russ.).
From Mykolaiv. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 198:* P. 2. (In Russ.).
GAKK — *State Archive of the Krasnodar Territory. F. 396 (Military headquarters of the Kuban Cossack Army). Op. 1. 6701. l. 2, 109.* (In Russ.).
Institutions of provincial chiefs, Provincial Boards, Statistical Committees and police. (1892). In: *Code of Laws of the Russian Empire.* St. Petersburg: Codification Department at the State Council. P. 65. (In Russ.).
Kuban residents celebrating their 200th anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 196:* P. 2. (In Russ.).
Kuban residents celebrating their 200th anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 194:* P. 2. (In Russ.).
Kuznetsov, I. (1896). 200th anniversary of the Kuban army (historical information). In: *Priazovsky Krai: [newspaper], 239:* P. 2. (In Russ.).
Lamonov, A. (1898). Historical essay on the settlement of the village of Kavkazskaya of the Kuban Cossack army (1794—1894) in 1897. In: *Kuban collection, IV.* Yekaterinodar: Printing house of the Kuban regional Government. 1—28. (In Russ.).
Lamonov, A. (1910). The Old Believers of the Caucasian Orthodox community, accepting the priesthood of the Belokrinitskaya hierarchy from 1794 to 1909. In: *Kuban collection, XV.* Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government. 385—478. (In Russ.).
Mikhailov, N. T. (1910). *Handbook of the Stavropol Diocese.* Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government. 501 p. (In Russ.).
More about the centennial anniversary. (1891). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 22:* S. 1. (In Russ.).
On the 200th anniversary of the Kuban Cossack Army. (1896). In: *Petersburg leaflet: [newspaper], 245:* P. 5. (In Russ.).
On the history of the Kuban army and the region. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 63:* P. 3. (In Russ.).
Ornaments of the letter Most highly given to the Kuban army. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 191:* P. 2. (In Russ.).
Periodical press about the military holiday. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 200:* P. 3. (In Russ.).
Preparations for the celebration. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 187:* P. 2. (In Russ.).
Preparations for the celebration. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 189:* P. 2. (In Russ.).

Preparations for the celebration. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 191:* P. 2. (In Russ.).

Solemn reading of the letter bestowed upon the army. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 197:* P. 2. (In Russ.).

Speech delivered by the Ataman of the Kuban Cossack army at dinner on September 8, 1896. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 197:* P. 2. (In Russ.).

St. Labinskaya. (1896). In: *Kuban regional Gazette, 203:* P. 3. (In Russ.).

Teply, O. (1896). The results of heroism and the results of life. In: *Priazovsky Krai: [newspaper], 239:* P. 3. (In Russ.).

The celebration of the Kuban people of their 200th anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 198:* P. 2. (In Russ.).

The celebration of the Kuban people of their 200th anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 195:* P. 2. (In Russ.).

The highest certificates. (1896). In: *Senatskie vedomosti: [newspaper], 85:* P. 190. (In Russ.).

The highest letters. (1896). In: *Russian invalid: [newspaper], 203:* S. 2. (In Russ.).

The highly approved regulations on the procedure for the conduct of cases in provincial administrations. (1837). In: *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire.* St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Her Imperial Majesty's Own Chancellery. 459—461. (In Russ.).

To the anniversary. (1896). In: *Kuban regional Gazette: [newspaper], 83:* P. 3. (In Russ.).

Unofficial part. (1986). In: *Kavkaz: [newspaper], 239:* 1—2. (In Russ.).

V. J. (1901). Historical note. On schism and unity of faith in art. Of the Prokhnokopsky Kuban region. In: *Stavropol Diocesan Gazette: [newspaper], 22:* 1300—1317. (In Russ.).

References

Bordyugov, G. A. (2010). *October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory.* Moscow: AIRO-XXI. 256 p. ISBN 978-5-91022-132-5. (In Russ.).

Bulygina, T. A., Kozhemyako, T. N. (2012). Historical memory and anniversaries in Russia in the XX—XXI centuries. *History and historical memory, 6 (6):* 63—76. (In Russ.).

Buslaev, A. I. (2010). *Imperial anniversaries — the millennium of Russia (1862) and the nine hundredth anniversary of the Baptism of Rus (1888).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Dmitrieva, O. O. (2017). Problems of studying the anniversaries of the Patriotic War of 1812 in modern historical science. *Bulletin of the Catherine Institute, 2 (38):* 27—29. (In Russ.).

Dmitrieva, O. O., Ivanova, T. N. (2017). Folding ceremonial practices of celebrating the memorable dates of the Patriotic War of 1812 in the Russian Empire. *Bulletin of the Catherine Institute, 1 (37):* 24—26. (In Russ.).

Dmitrieva, O. O., Ivanova, T. N., Mineeva, E. K. (2020). Historical anniversaries as a ceremonial commemorative practice (comparative analysis of the celebration of the 1000th anniversary of Russian statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the reign of the House of Romanov in the Russian Empire). *Dialogue with time, 72:* 280—291. (In Russ.).

Korkina, M. A. (2011). Official commemoration of the anniversaries and memorable dates of Alexander II's reformatory activity in the 80—90s of the XIX century. In: *Actual problems of historical research: the view of young scientists.* Novosibirsk: Parallel Publ. 96—103. (In Russ.).

Kuznetsov, A. A., Maslov, A. N. (2011). The dictatorship of the jubilee. Memorial boom as a ghost of another everyday life. In: *Historical research in Russia.* Moscow: AIRO-XX. 514—548. ISBN 9785910222087. (In Russ.).

Lepilkina, O. I. (2005). Gubernskie vedomosti as a type of publication of the XIX century. *Bulletin of Stavropol State University, 41:* 175—183. (In Russ.).

Luchinsky, Yu. V., Bezrukavaya, M. V. (2023). Local history topics on the pages of the Kuban pedagogical press (1906—1918). *Bulletin of Tomsk State University, 492:* 31—39. DOI: 10.17223/15617793/492/4. (In Russ.).

Soldatkin, V. E. (2011). Jubilee: the historical aspect of the holiday. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2 (26):* 125—127. (In Russ.).

Tsimbaev, K. N. (2005). The phenomenon of jubilee mania in the Russian public the life of the late XIX — early XX century. *Questions of history, 11:* 98—108. (In Russ.).

Tsimbaev, K. N. (2012). Reconstruction of the past and construction of the future in Russia of the XIX century: the experience of using historical anniversaries for political purposes. In: *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 551 p. (In Russ.).

Tsimbaev, K. N. (2019). The origins of the jubilee culture of Imperial Russia. *Dialogue with time, 67:* 70—79. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30832. (In Russ.).

The article was submitted 10.05.2025;
approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 11.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Самохин К. В. «Официальная преданность» : монархические настроения населения Тамбовской губернии в начале XX века (по материалам верноподданнических адресов) / К. В. Самохин, С. А. Офицеров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 535—553. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-535-553.

Samokhin, K. V., Ofitserov, S. A. (2025). "Official Loyalty": Monarchist Sentiments Among Population of Tambov Province in Early 20th Century (Based on Loyal Letters). *Nauchnyi dialog, 14* (7): 535-553. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-535-553. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Официальная преданность»: монархические настроения населения Тамбовской губернии в начале XX века (по материалам верноподданнических адресов)

Самохин Константин Владимирович
orcid.org/0000-0002-0120-7682
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра «История и философия»,
корреспондирующий автор
kon-sam@yandex.ru

Офицеров Сергей Александрович
аспирант, кафедра
«История и философия»
serj.oficerov@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет»
(Тамбов, Россия)

"Official Loyalty": Monarchist Sentiments Among Population of Tambov Province in Early 20th Century (Based on Loyal Letters)

Konstantin V. Samokhin
orcid.org/0000-0002-0120-7682
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy,
corresponding author
kon-sam@yandex.ru

Sergey A. Ofitserov
Postgraduate student, Department
of History and Philosophy
serj.oficerov@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

© Самохин К. В., Офицеров С. А., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются процессы демонстрации официальной лояльности власти населением Тамбовской губернии на основе подачи верноподданнических адресов в 1898 — августе 1914 года. Определяются причины и поводы проявления «официальной преданности» жителями указанного региона. Устанавливается корреляция между выражением верноподданнических настроений и основными событиями внутренней и внешней политики в Российской империи начала XX века: Русско-японская война; Первая русская революция; Высочайшие Манифесты от 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 года; начало Первой мировой войны. При этом учитывается влияние ситуативных факторов, таких как неурожаи 1905—1906 годов или сезонные полевые работы, на активность крестьян, которые составляли основную массу населения Тамбовской губернии, при выражении лояльности императору. Исследуются особенности проявления монархических чувств органами местного управления, различными обществами, политическими объединениями и георгиевскими кавалерами через подачу благодарственных адресов. Авторы приходят к итоговому выводу, что определенная выше верноподданническая преданность находилась под контролем официальных властей и нередко инициировалась ими либо проявлялась теми адресантами, которые и так имели высокий уровень приверженности монархической форме правления.

Ключевые слова:
монархизм; верноподданнические адресы; адресант; Русско-японская война; Первая русская революция; начало Первой мировой войны.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the processes of demonstrating official loyalty to the authorities by the population of the Tambov Province through the submission of loyal letters from 1898 to August 1914. It identifies the reasons and motivations behind the expression of "official loyalty" by residents of this region. The study establishes a correlation between the manifestation of loyalist sentiments and key events in the domestic and foreign policy of the Russian Empire in the early 20th century, including the Russo-Japanese War, the First Russian Revolution, and the Imperial Manifestos of August 6, October 17, and November 3, 1905, as well as the onset of World War I. The influence of situational factors, such as the crop failures of 1905-1906 and seasonal agricultural work, on the activity of peasants — who constituted the majority of the Tambov Province's population — in expressing loyalty to the Emperor is also considered. The article explores how monarchist sentiments were manifested by local government bodies, various societies, political organizations, and recipients of the Order of St. George through the submission of letters of gratitude. The authors conclude that this particular expression of loyalist devotion was often under the control of official authorities and was frequently initiated by them or exhibited by those addressees who already had a high level of commitment to the monarchical form of governance.

Key words:
monarchism; loyal letters; addressee; Russo-Japanese War; First Russian Revolution; onset of World War I.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083+94(470.326)“1898/1914”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-535-553

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Официальная преданность»: монархические настроения населения Тамбовской губернии в начале XX века (по материалам верноподданнических адресов)

© Самохин К. В., Офицеров С. А., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема взаимоотношений власти и общества приобретает особенную актуальность в переломные этапы исторического развития общества. Для российского социума начало XX века, вне всякого сомнения, и являлось такого рода периодом. Очевидным выражением этого были периодические крестьянские волнения, выступления рабочих промышленных предприятий, войны и революции. Короткие периоды относительного спокойствия перемежались ломавшими прежние устои событиями.

Безусловно, монархизм как одна из важнейших социальных установок в системе духовных ценностей русского народа играл в обозначенных выше взаимоотношениях одну из главных ролей. Потому изучение его сущности, а также определение степени его влияния на мировоззрение различных слоев населения периода поздней Российской империи обладает высокой степенью актуальности. Об этом свидетельствует и пристальное внимание, которое уделялось дореволюционными историками данной тематике, тем более что некоторые из них определяли монархическую государственность как главный объект для своих исследований [Тихомиров, 1998].

Следует заметить, что анализ ментальных процессов в целом и развития принципа монархизма в духовном мире русского народа в частности, как правило, требует опоры на соответствующую источниковую базу. Верноподданические адресы в этом плане смогут дать общее представление не только о сути монархических настроений жителей Российской империи, но и об их возможных трансформациях в начале XX века, тем более что тамбовские архивные материалы ранее не привлекались для рассмотрения в представленном аспекте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Одним из наиболее распространенных способов выражения монархических чувств населением Тамбовской губернии была подача верноподданни-

CC BY

ческих адресов на имя монарха или членов августейшего семейства. Ее еще можно назвать своеобразной формой демонстрации официальной лояльности власти. Наше исследование феномена подачи верноподданнических адресов опиралось на изучение фонда Канцелярии Тамбовского губернатора Государственного архива Тамбовской области (далее — ГАТО), через которую и осуществлялись регистрация и движение верноподданнической корреспонденции в Санкт-Петербург, ответы августейших особ заявителям.

Временные рамки охватывают период с 1898 года по август 1914 года. Выбор 1898 года в качестве начальной точки отслеживания динамики монархических настроений на материале ворноподданнических адресов обусловлен желанием сопоставить таковую в периоды относительной стабильности, а также вызревания и обострения кризисных явлений в развитии социума и государства. Финальная граница исследования установлена в соответствии с тем, что Первая мировая война знаменовала собой вхождение страны в качественно новый этап своего социально-политического и экономического развития.

Для удобства обработки информации нами были сформированы две базы данных (далее — БД): «Верноподданнические адресы 1898—1914 годов» и «Адресанты верноподданнических адресов 1898—1914 годов» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, дд. 5856, 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; ф. 17, оп. 35, д. 17.]. С помощью первой из них мы систематизировали количество верноподданнических адресов в указанные годы по месяцам, что позволило проанализировать динамику промонархической активности в губернии в привязке к наиболее значимым событиям социально-политического характера. Вторая БД «Адресанты верноподданнических адресов 1898—1914 годов» предоставила возможность определить круг лиц и организаций, от которых исходила корреспонденция о выражении верноподданнических чувств на имя монарха и членам августейшей фамилии.

Тема общественных настроений в Тамбовской губернии в начале XX века и, в частности, отношения населения к институту монархии еще не получила должного внимания у исследователей. Отдельные сюжеты, связанные с этим вопросом, поднимались в работах тамбовских историков в контексте изучения революций и войн, влияния на провинциальный социум. Так, А. Н. Плужниковым и Д. В. Алехиным затрагивалась тема настроений тамбовских горожан в период Русско-японской войны, Первой русской революции и Первой мировой войны [Плужников, 2003, с. 183—200; Алехин, 2003, с. 13—14, 18]. И. В. Двухжилова исследовала динамику патриотических настроений населения Тамбовской губернии начального этапа Великой войны 1914—1918 годов [Двухжилова, 2015].

CC BY

В работах П. П. Щербинина и В. Б. Безгина рассматривалось содержание ценностных установок по отношению к представителям власти, практик взаимодействия с ними как сельского населения в целом, так и отдельных его групп — жен мобилизованных — в качестве одного из элементов их повседневности [Безгин, 2010; Безгин, 2011; Щербинин, 2003; Щербинин, 2004]. Е. Н. Шабельниковой анализировалась политика русской православной церкви по воспитанию верноподданнических чувств у верующих в приходах Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX веков [Шабельникова, 2006, с. 229]. Автор приходит к выводу, что методы и формы проведения церковных мероприятий по актуализации и поддержанию лоялизма в отношении верховной власти не учитывали фактора динамики социально-экономического и политического фона.

В общероссийском масштабе интерес представляет публикация В. Ю. Карнишина. На примере празднования 300-летия Дома Романовых автор приходит к выводу о наличии глубокого раскола в общественном сознании в предвоенный период. Несмотря на весь пафос и размах празднования юбилея царской фамилии, указанные мероприятия не имели должного резонанса в умонастроениях подданных [Карнишин, 2013]. Эти же сюжеты затрагивали Ю. З. Кантор и И. С. Томилов при описании торжественных событий в столице империи [Кантор, 2013; Томилов, 2013].

Для изучения динамики монархических представлений крестьянства начала XX века О. А. Сухова использовала благодарственные адресы, содержащиеся в приговорах сельских и волостных сходов [Сухова, 2008]. Она опиралась в данном случае преимущественно на архивные материалы Самарской и Пензенской губерний. Монархический идеал базировался, по мнению пензенского исследователя, на архаических элементах, которые находились «в тесной связи с нескончаемой чередой циклов воспроизводства аграрной обрядности». Однако само по себе обращение к императору, согласно концепции О. А. Суховой, с течением времени приобретало значение формализованного ритуала, а радикализация общественного сознания в революционный период во многом коррелировала с «размыванием архетипических представлений», в том числе и образа царя [Сухова, 2008, с. 191—195].

Особую значимость в контексте затрагиваемой нами проблематики представляет статья М. Д. Долбилова, в которой рассматривался вопрос так называемого «регулярного» «верноподданства» и индивидуализированной формы политической лояльности населения в эпоху Великих реформ Александра II [Долбилов, 2021]. Исследователь уделяет особое внимание анализу порядка приема верноподданнических адресов, сохранившемуся вплоть до падения империи.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Монархизм в Тамбовской губернии по верноподданническим адресам 1898—1907 годов

Изучив фонды Канцелярии Тамбовского губернатора ГАТО, проанализировав в качестве вторичного источника упомянутые выше БД, мы пришли к выводу о существовании ряда первопричин и первоисточников демонстрации официальной лояльности власти населением. Зачастую она генерировалась губернской властью с целью продемонстрировать верхам административной пирамиды собственную эффективность, критерием которой выступала управляемость и подконтрольность социально-политической ситуации в губернии. Демонстрация преданности населения монарху рассматривалась в качестве одного из наилучших инструментов достижения данной цели.

В самом деле, анализируя документы фонда губернаторской канцелярии с 1898 года и информацию из БД, можно установить такого рода корреляцию между публичной демонстрацией приверженности жителей губернии монархическим настроениям и какими-либо значимыми внутри- или внешнеполитическими событиями. Итак, в 1898 году не имеется ни одного верноподданнического адреса на имя императора. С 1899 по 1901 годы — ситуация аналогичная. В 1902 году подается единичный адрес, а в 1903 году они также отсутствуют. По всей вероятности, в представлении губернских властей социально-политическая обстановка в регионе казалась вполне контролируемой и не требующей официальной демонстрации лояльности.

Безусловно, внешнеполитические события являлись значимым поводом для того, чтобы проявить свои преданность и патриотизм в первую очередь представителям местного самоуправления. И, естественно, одной из самых простых и тем не менее уже прошедших испытание временем форм как раз и были верноподданические адресы. В 1904 году мы зафиксировали уже 13 фактов такого рода корреспонденции, в основном исходившей от городских дум. Она оказалась связана с началом Русско-японской войны. Так, 30 января (12 февраля) 1904 года состоялось экстренное заседание Тамбовской городской думы, на котором присутствовал 21 гласный. Было принято решение послать императору от тамбовского городского общества телеграмму с выражением верноподданнических чувств по случаю войны, чествованием дарования побед государю императору, русскому оружию над Японией, отмечалось «вероломное нападение Японии» [ГАТО, ф. 17, оп. 35, д. 17, лл. 1, 3, 6]. Такие же адресы составлялись и в других уездных центрах городскими думами.

В Тамбове местные власти предприняли шаги для демонстрации своих чувств к монарху, последовав примеру думы, поэтому 30 января городская управа после молебна о ниспослании государю побед над Японией также направила верноподданнический адрес в столицу [Там же, лл. 1—3].

CC BY

Как ни странно, но губернские власти не стали себя озадачивать наращиванием объемов верноподданнической корреспонденции на монаршье имя, подключив к этому и сельские территории. Возможно, это было связано с тем, что в Тамбовской губернии, как и по всей России, прокатилась волна молебнов о ниспослании побед русскому оружию над Японией. Патриотический порыв был вполне масштабным и без административного нажима. Даже такие крупные представители научной интеллигенции, как Д. И. Менделеев, ратовали за выход к берегам Тихого океана и закрепление на Дальнем Востоке [Менделеев, 1995, с. 193—222], что же было говорить о настроениях простых обывателей, патриотизм которых приобретал подчас форму уродливого шовинистического угара, направленного против «желтомордых макак».

Все кардинально изменится, когда русскую армию начнет настигать череда поражений, а страну станет лихорадить от ухудшения социально-экономического положения, связанного с войной. Последняя обнажит неспособность существующей государственно-управленческой машины справиться с вызовами военного времени. Соответственно, всплеск подогреваемых патриотическим подъемом монархических настроений сменится сомнениями в целесообразности военных действий на Дальнем Востоке, компетентности военного руководства и царских сановников [Плужников, 2003, с. 95—99]. Задумываться начнут и верхи тамбовского провинциального социума. Так, не отличавшийся либеральными взглядами крупный землевладелец из Кирсановского уезда В. М. Андреевский отмечал углублявшийся разрыв межу реальным положением дел и его официальной интерпретацией [Андреевский].

Новый всплеск «официальной преданности» приходится как раз на революционный период — 1905, 1906 и 1907 годы. В это время нами зафиксировано 65 % объема верноподданнической корреспонденции с 1898 года по август 1914 года. Причем на 1905 год приходится 12 % фактов выражения верноподданнических чувств, на 1906 год — 23,5 %, но пика промонархическая официальная активность достигает в 1907 году — 29 % от общего количества направленных из Тамбовской губернии адресов. Даже на 1914 год приходится, по нашим подсчетам, всего лишь 14 %. Вместе с тем здесь следует сделать оговорку, что свои верноподданнические чувства жители губернии в связи с началом Первой мировой войны выражали и осенью, и зимой 1914 года. По крайней мере, такие адресы нами фиксировались и в декабре данного года. Однако это время уже выходит за рамки нашего исследования.

Наиболее значимым внутриполитическим поводом к демонстрации промонархических чувств через подачу адресов в Тамбовской губернии

CC BY

стал Манифест от 17 октября 1905 года. В октябре 1905 года все уездные думы свидетельствовали свою преданность царю. 20 октября 1905 года состоялось экстренное заседание Тамбовской городской думы по поводу направления всеподданнейшего адреса царю с выражением своей лояльности [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5856, л. 4]. Городской голова предложил думе выслушать Высочайший манифест (депутаты это делали стоя), а затем поставил вопрос о вознесении молитвы о здравии императора. Заседание в связи с этим было прервано приглашенным духовенством, в думском зале был отслужен благодарственный молебен. После молебна гласные исполнили гимн «Боже, царя храни» и прозвучало троекратное единодушное «Ура». Председатель предложил в воскресенье, 23 октября, совершить на одной из городских площадей публичный молебен с участием архиепископа Иннокентия, а губернатор должен был оповестить об этом общественность [Там же, лл. 5—5 об.]. Отдельно от городской думы тамбовский городской голова 21 октября 1905 года изъявил верноподданство «с выражением одушевляющих чувств беспредельной горячей благодарности за дарование Манифеста 17 октября 1905 года [Там же, л. 3].

В конце октября 1905 года Борисоглебская городская дума выражала монарху верноподданнические чувства за Манифест 17 октября, за что получила в ноябре того же года высочайшую резолюцию: «Прочел с удовольствием» [Там же, л. 93]. К ней присоединялись обыватели Козлова, за что удостоились именного ответа от вице-губернатора Н. Е. Богдановича: «Сердечно благодарю верных козловских жителей» [Там же, л. 110]. В ноябре — декабре 1905 года волна такого рода демонстраций лояльности охватила органы местного самоуправления практически всех уездных городов Тамбовской губернии.

Однако органы городского самоуправления не доминировали в качестве адресантов выражения промонархических настроений. За октябрь — ноябрь 1905 года 55 % верноподданнической корреспонденции исходило от сельских обществ, лишь затем шли городские думы, совершенно незначительным был процент адресов от коммерческих организаций и мещан.

К примеру, 21 октября 1905 года толпа крестьян из 500 человек деревень Шехмановской волости Липецкого уезда пришла в Шехмановское волостное правление «с портретом Николая II без шапок с пением народного гимна, криками несмолкаемого “ура”, затем из волостного правления отправились на площадь к местной церкви, где был отслужен молебен о здравии и благополучии императора» [Там же, л. 10]. Крестьяне Липецкой пригородной слободы Сокольской волости Липецкого уезда 13 ноября 1905 года, выражая верноподданнические чувства, после оглашения земским начальником Манифеста от 3 ноября о даровании крестьянам льгот

CC BY

по выкупным платежам прошли по слободе крестным ходом, «горячо молились Богу о здравии обожаемого монарха» [Там же, л. 49].

В ноябре 1905 года крестьяне сел и деревень Слободской волости Лебедянского уезда при выражении верноподданничества и благодарности монарху за Манифест 17 октября сообщали, что не грабили и не жгли помещичьи усадьбы [Там же, л. 122]. 13 ноября то же самое произошло в Преображенской волости Темниковского уезда [Там же, л. 128] и в с. Покровское Покровско-Васильевской волости Моршанского уезда [Там же, л. 203], 21 ноября — в Булдаковском сельском обществе Покровско-Марфинской волости Тамбовского уезда [Там же, л. 227], 30 ноября — в Куровщинской волости Кирсановского уезда (196 человек) [Там же, л. 206]. 15 декабря в Изосимовской волости Козловского уезда по поводу высочайших Манифестов 6 августа 1905 года об учреждении Госдумы и 17 октября 1905 года об усовершенствовании государственного порядка выражалась благодарность императору от имени 2529-ти представителей домохозяйств [Там же, д. 6245, лл. 1, 2—2 об.].

И если верноподданнические инициативы органов городского самоуправления во многом объяснялись соответствием либерализации внутриполитического курса ожиданиям и запросам значительной части городского народонаселения, которое не могло не приветствовать предоставления гражданских и политических свобод, переустройства механизма осуществления государственной власти, то мотивы демонстрации лояльности монарху со стороны крестьянских обществ были более сложными.

Рост крестьянских выступлений повлек за собой опубликование 3 ноября 1905 года Манифеста, гласившего: «Где крестьяне чинят насилие в имениях частных владельцев — гражданским и военным властям предупреждать и прекращать беспорядки, карая виновных, уменьшить выкупные платежи с крестьян бывших помещечьих и государственных с 1 января 1906 года, с 1 января 1907 года прекратить взимание платежей — широкое распространение (оповещение) среди сельского населения. Крестьянскому поземельному банку обеспечить возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупаемой площади из землевладения, увеличив для этого средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд» [Там же, д. 5856, лл. 95—95 об., 97].

Конечно же, крестьяне не могли не приветствовать уменьшение выкупных платежей, но сам механизм подачи верноподданнических адресов, описанный выше, не мог быть осуществлен без инициативы и деятельного участия уездных исправников, оставляя крестьянским обществам довольно пассивную роль.

Рискнем предположить, что в период наивысшего накала антиправительственных выступлений, когда, по воспоминаниям Н. П. Муратова,

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

губернатор В. Ф. фон дер Лауниц буквально лежал над картой Тамбовской губернии, отмечая очаги крестьянских выступлений и телеграфируя о посылке войск туда для скорейшего наведения порядка [Муратов, 2007, с. 29], демонстрация лояльности монарху со стороны крестьян приобретала форму своего рода индульгенции. Вовлекаясь в публичное выказывание верноподданнических чувств, крестьянские общества стремились таким образом избежать расправы за участие в погромах помещичьих владений.

Так, Борисоглебский и Козловский уезды отличались наибольшей в Тамбовской губернии интенсивностью крестьянских выступлений. Вице-губернатор Н. Е. Богданович лично с войсками водворял порядок, жестоко подавляя здесь очаги бунтарских проявлений в крестьянской среде.

Уже 8 ноября 1905 года обеспокоенные крестьяне с. Уварово Борисоглебского уезда собрались на грандиозный сход (около 12 тыс. человек) в день храмового праздника архангела Михаила. Их тревога была вызвана решительными действиями тамбовского губернатора В. Ф. фон дер Лауница и двигавшегося к ним во главе правительственных войск вице-губернатора Н. Е. Богдановича. Сельчане уверяли командированного в Борисоглебский уезд вице-губернатора, что они не причастны к грабежам. Они встретили земского начальника В. Ц. Плонского с портретами Николая II, национальными флагами, благодарили за усмирение окрестных деревень и охрану села, подчеркивали, что не участвовали в грабежах и поджогах владельческих имений [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5856, лл. 75—82]. Их поддержали крестьяне с. Мучкап того же уезда. Вице-губернатор Н. Е. Богданович выражал «сердечное спасибо крестьянам за их преданность и спокойствие в смутное время» [Там же, лл. 75—82, 83]. Подобная показная лояльность позволила населению указанных крупных сел, по меньшей мере, избежать репрессий. Для нас данный случай интересен наличием в запасах у крестьян большого количества портретов государя и национальных флагов, что наводит на мысль о «срежиссированности» встречи крестьян с земским начальником.

Кстати, «благодарили» крестьяне за Манифесты 17 октября и 3 ноября и весной — летом 1906 года: например, в апреле — Липовское сельское общество Моршанского уезда [Там же, д. 6245, л. 145], в начале июня — Моршанский волостной сход [Там же, л. 143]. За это они удостоились монаршей резолюции: «Искренне благодарю всех за выраженные чувства».

В декабре 1905 года активность крестьян в выражении верноподданнических чувств пошла на спад, составив, однако, 90 % исходившей из Тамбовской губернии корреспонденции подобного типа за данный месяц, а в абсолютном годовом выражении — 12 %.

С ноября 1905 года послания царю стали отправлять и отделения Союза русского народа, открывшиеся в губернии. Как правило, особым раз-

CC BY

нообразием такие адресы не отличались, будучи направляемы по случаю открытий отделений, ко дню тезоименитства царственных особ и т. п.

1906 год принес за собой заметную интенсификацию динамики демонстрации промонархических настроений в губернии, увеличив ее в два раза по сравнению с предыдущим годом. В январе, феврале и марте этого года все так же основными заявителями выступали крестьяне, а с апреля «оживились» и городские думы. География благодарностей сельских обществ за Манифесты 17 октября и 3 ноября распространялась практически на всю губернию: такие факты, согласно проведенному нами анализу, имели место в Тамбовском, Лебедянском, Моршанском, Козловском, Спасском, Усманском и Борисоглебском уездах. Летом 1906 года число проявлений крестьянами политической лояльности институту монархии снизилось, что было обусловлено, как нам представляется, наступлением сезона полевых работ.

Выборы в Государственную Думу, законодательная деятельность представительного органа явились новым социально-политическим фактором, повлиявшим на содержание верноподданнических обращений на имя монарха. Будучи закоренелым антисемитом, тамбовский губернатор Н. П. Муратов решил сам сыграть на распространенности подобных предубеждений в отношении евреев среди части крестьянского населения губернии [Канищев, 2005, с. 137—139; Туманова, 2003, с. 109—110].

В декабре 1906 года тональность верноподданнических посланий от тамбовского крестьянства меняется, в них звучит как тревога относительно возможного предоставления гражданских и политических прав евреям, допуска их к выборам в Государственную Думу. «Нас крайне волнуют дошедшие до нас слухи о том, что евреям готовится дарование равноправия, умоляем тебя не отдавать нас в рабство. Россия и без того находится в полной кабале у евреев. Настоящее положение в нашем Отечестве указывает на то, что доколе племя это будет жить в России, до тех пор спокойствие в стране будет невозможно», — писали в декабре 1906 года крестьяне, представлявшие 985 домохозяйств Чурюковского сельского общества, Старо-Юрьевской и Покрово-Васильевской волостей Козловского уезда [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6510, лл. 75, 76—80].

Такие же приговоры, но инициированные уже Союзом русских людей, имевшим в Козловском уезде разветвленную сеть местных структур, составлялись в январе 1907 года в с. Изосимово (220 из 320 домохозяев), селе Лежайка (260 из 394 домохозяев), Градско-Стрелецкой волости. Причем в последнем случае крестьяне благодарили императора за законодательное оформление равноправия сословий, но выступали за поражение в правах евреев [Там же, лл. 90—91, 111, 112; д. 6245, л. 317].

CC BY

В 1907 году публичная демонстрация лояльности в анализируемой форме максимально интенсифицировалась, достигла наивысших показателей за весь исследуемый период, составив 29 % от такого рода посланий. Из 177 направленных на монаршее имя адресов 116, или 65,5 %, в качестве адресантов имели сельские общества.

Преобладание крестьянских обращений мы склонны объяснять тем обстоятельством, что в 1905—1906 годах Тамбовскую губернию накрыли неурожаи, усугубившие и так довольно острую социально-политическую обстановку. Ситуацию во многом спасло широкое предоставление крестьянам посевного материала и ссуд за счет средств императора. Уже с конца 1906 года крестьяне в своих посланиях на имя царя выражали благодарность за выдачу ссуд. Так, 25 ноября 1906 года верноподданнические чувства и признательность по поводу выдачи ссуды и обсеменения выражали сельские общества с. Сергиевское Козловского уезда и Ольховской волости Шацкого уезда, удостоившись монаршей резолюции: «Прочел с удовольствием» [Там же, д. 6470, л. 30].

Верноподданнические чувства «за выданный в ссуду хлеб на поддержание хозяйства и прокорм малолетних детей», «за оказанные милости по предоставлению продовольствия в минувшие неурожайные годы» в июле 1907 года выражали жители Жидиловской волости Козловского уезда, Мало-Грибановской, Больше-Алабужской, Боганской волостей Борисоглебского уезда, Мордовской волости Усманского уезда, Ирской волости Кирсановского уезда, Братковской, Русановской, Пичаевской, Туголуковской, Бурнакской волостей Борисоглебского уезда [Там же, лл. 2, 3, 4, 6, 9, 10, 84—84 об., 88, 126].

Безусловно, такого рода действия со стороны верховной власти отвечали интересам тамбовского крестьянства, оказавшегося в довольно сложной экономической ситуации, и значимая его часть могла испытывать вполне искреннюю и естественную в таких случаях благодарность и даже симпатию по отношению к личности монарха. Но была ли демонстрация монархических настроений личной инициативой крестьян Тамбовской губернии? Или все же их подталкивала властная инициатива? Ряд свидетельств заставляют нас склониться к предположению о том, что организатором монархического всплеска выступала власть. Попробуем его объяснить.

Наибольшее количество крестьянских благодарственных обращений к государю приходится на май — сентябрь 1907 года: это, как нетрудно догадаться, период осенне-весенних полевых работ. Попытаемся смоделировать происходившие тогда события. Крестьяне должны были бросать работу в поле, собираться на сельский сход, выбирать делегатов на волостной сход, а те, в свою очередь, отправиться в волостное правление. Там

CC BY

им зачитывалось подготовленное обращение к царю, они его одобряли, подписывали и расходились по домам. Через некоторое время крестьян опять собирали, выбирались делегаты, выборные ехали в волость для того, чтобы заслушать теперь уже ответ императора. Заметим, расходы на дорогу им никто не компенсировал, они проделывали путь на своих лошадях, которым требовался корм, со своими припасами, потому что волость могла быть достаточно удалена от населенного пункта. Вряд ли это могло осуществляться по доброй воле самих крестьян. Определенные свидетельства в пользу такого суждения мы находим в архивных документах.

Так, Уваровский волостной сход в августе 1907 года не состоялся из-за неприбытия выбранных делегатов, его проведение перенесли на неделю [Там же, л. 11]. Возможно, что он так и не состоялся, сведений об этом мы не обнаружили. Мы считаем, что это показательный пример неприбытия делегатов в урожайную страду, тем более что крестьяне собирались благодарить «за оказанные милости по предоставлению продовольствия в минувшие неурожайные годы» [Там же, л. 3], выражая верноподданнические чувства, по сути, повторно. Весной 1907 года делегаты Уваровской волости уже направляли на имя императора соответствующий адрес [Там же, л. 32]. Жителей Большe-Алабужской и Боганской волостей Борисоглебского уезда также дважды подталкивали к составлению соответствующих приговоров — в июле и августе 1907 года. Механизм благодарения, сложная процедура составления приговоров (в некоторых местностях неоднократная), накладывающаяся на сезон полевых работ, не вызывали повышенного энтузиазма у сельчан.

Вероятно, в Петербург начала поступать обратная агентурная связь по линии жандармского управления о недовольстве крестьян охватившим губернию верноподданническим экстазом. В сентябре 1907 года Н. П. Муратов получил из министерства внутренних дел секретный циркуляр о нежелательности проведения таких акций в связи с большим скоплением селян и процедурой собирания с них подписей: «Как собирание подписей, так и сам факт составления благонадежных приговоров крестьянских обществ по поводу выдачи продовольственной ссуды, как дающие повод для широкой агитации на этой почве, должны быть признаваемы совершенно неуместными и в этом смысле надлежит дать соответствующие указания тем земским начальникам, которые допустили это явление» [Там же, л. 76].

Центральная власть уместно опасалась, что скопление большого количества крестьянского люда в страду и так вызывает возмущение отрывом от работ, и достаточно малой искры, чтобы мирный сход превратился в антиправительственное выступление.

И тут мы сталкиваемся с извечной проблемой косности и неповоротливости российского бюрократического аппарата, который в попытках про-

CC BY

демонстрировать свою эффективность был способен в корне выхолостить любую инициативу, превратить важное и значимое направление деятельности органов власти в никому не нужный ритуал. Стремление губернатора Н. П. Муратова продемонстрировать верховной власти управляемость и подконтрольность социально-политической ситуации в Тамбовской губернии приводило к прямо противоположным результатам. В конечном итоге потребовалось вмешательство центральной власти, чтобы притормозить излишнюю угодливость тамбовских начальников.

3.2. Специфика монархических настроений жителей Тамбовской губернии по верноподданническим адресам 1908—1914 годов

С 1908 по 1911 годы вектор выражения «официальной преданности» смещается в сторону георгиевских кавалеров. С 1908 года губернатор Н. П. Муратов, движимый желанием сплотить население губернии после революционной смуты, стал первым в России инициатором широкого чествования георгиевских кавалеров. Во всех уездных городах Тамбовской губернии с 1908 по 1911 годы проходили Георгиевские праздники с практически полным охватом всех георгиевских кавалеров, проживавших в Тамбовской земле — от героев Севастополя и Кавказской войны до недавней Русско-японской [Там же, д. 7434, лл. 1, 2, 3—3 об., 4, 5, 9, 10, 12—12 об., 15, 17, 18, 35, 38—38 об., 57, 59 об.; Георгиевские праздники, 1909; Русский инвалид, 1908, 2 декабря; Русский инвалид, 1908, 6 декабря]. Инициатива имела свой несомненный успех. Как правило, в разгар мероприятий посылались соответствующие адресы от тамбовских георгиевских кавалеров на имя монарха.

В этот же период от Союза русского народа и Союза русских людей поступали телеграммы по поводу тезоименитства монарших особ, и одна — по поводу юбилея крестьянской реформы.

В 1912 году в связи с отставкой Н. П. Муратова и переводом его в Курск новым губернатором будет назначен Н. Ф. Ошанин [Губернии Российской империи ..., 2003, с. 446], который не поддержал инициативу своего предшественника по проведению георгиевских торжеств, а местные власти не стали проявлять самодеятельность. Верноподданническая активность в этом году упала до минимума и составляла только корреспонденцию от Союза русского народа и Союза русских людей.

В 1913 году телеграммы на имя царя шли от георгиевских кавалеров. В октябре тамбовским губернатором был назначен А. А. Салтыков [Там же, с. 446], который возродил прежнюю традицию чествования героев [Тамбовский край, 1913, 28 ноября]. Также они посылались городскими думами в феврале в связи с началом празднования 300-летия Дома Романовых.

CC BY

Новый всплеск демонстрации монархических настроений в губернии произойдет в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны. Основными адресантами будут выступать городские думы и управы, губернская и уездные земские управы, биржевые комитеты, кредитные общества, патриотические дамские кружки и т. п. Тем не менее и крестьяне будут привлечены к этому процессу, но уже не в таком количестве, как в революционные годы. Это объяснялось летней страдой и мобилизационными мероприятиями.

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, проанализировав процесс проявления промонархических чувств на основе подачи верноподданнических адресов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, большую часть выражающих свою лояльность существующей власти составляли в Тамбовской губернии крестьяне, что вполне понятно с учетом аграрного характера данного региона. Данная категория населения осуществляла свои действия по инициативе и под присмотром местных властей. Вторая по многочисленности группа — гласные городских дум как представители местного самоуправления, которые в первую очередь должны были демонстрировать свою преданность монарху и проводимой им политике. Георгиевские кавалеры, впервые замеченные и обласканные властью, искренне выражали свои монархические чувства в послереволюционный период спокойствия в империи. Иными словами, можно заключить, что видимая верноподданническая преданность либо организовывалась самой властью, либо исходила от лиц, которые, по крайней мере официально, и так выражали свою приверженность самодержавию.

Основные события внутренней и внешней политики существенно влияли на интенсивность выражения верноподданических чувств. В частности, рост «официальной преданности» наблюдается большую часть 1904 года, до того момента, когда известия о поражениях русской армии не начали поступать и широко распространяться среди населения провинции. Монархический экстаз приходится на три года Первой русской революции и является попыткой губернской администрации показать видимость спокойствия и верности населения царю. Немаловажную роль в данном случае сыграли издание Манифестов от 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 года, а также выборы в Государственную Думу. В предложенном аспекте следует учесть и факторы повседневной жизни: в частности, интенсификация сельскохозяйственных работ, по идее, должна была существенно понижать уровень проявления верноподданической активности. Однако такая тенденция фиксируется не всегда: в частности, в мае —

CC BY

сентябре 1907 года наблюдается обратный процесс, который был связан с активной поддержкой выражения монархических чувств официальными властями. Определенным «подспорьем» в данном случае послужил неурожай, поскольку крестьянам была оказана необходимая помощь.

Последний порыв самодержавных чувств отмечается в начале Первой мировой войны, далее антигерманский угар, охвативший население в 1914 году, уже в 1915 году сменится унынием и апатией, а в феврале 1917 года встанет вопрос о том, куда же улетучилась верноподданническая преданность, еще месяц назад фигурировавшая в отчетах уездных исправников и губернатора [Историк Мещеряков ..., 2023].

Заявленный вклад авторов: Самохин К. В. — научное руководство; концепция исследования; постановка проблемы; редактирование текста. Офицеров С. А. — сбор данных и их обработка; написание текста; формулирование итоговых выводов. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** Konstantin V. Samokhin — scientific management; research concept; problem statement; text editing. Sergey A. Ofitserov — data collection and processing; writing; formulating of final conclusions. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Андреевский В. М.* Автобиографические воспоминания. Машинопись и ксерокопия авторской рукописи с вставками [Электронный ресурс] / В. М. Андреевский // Град Кирсанов: Государственный архив Тамбовской области, фонд Р-5328, опись 1, дело 7. — 1930. — Режим доступа : http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp (дата обращения 03.03.2025).

2. ГАТО — *Государственный* архив Тамбовской области. Ф. 4 (Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Дд. 5856, 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; Ф. 17 (Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 35. Д. 17.

3. *Георгиевские* праздники в 1908 и 1909 г. в г. Тамбове и Тамбовской губернии. — Тамбов : Электро-типография губернского правления, 1909. — 31 с.

4. *Губернии* Российской империи. История и руководители. 1708—1917. — Москва : Объединенная редакция МВД России, 2003. — 479 с. — ISBN 5-8129-0071-X.

5. *Историк* Юрий Мещеряков: «Тамбовчане встретили революцию с ликованием» [Электронный ресурс] / Ю. В. Мещеряков. — 2023. — Режим доступа : https://lobotambov.wordpress.com/2023/01/27/tambov-revolution/ (дата обращения 03.03.2025).

6. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли / Д. И. Менделеев. — Москва : Мысль, 1995. — 413 с. — ISBN 5-244-00766-1.

7. *Муратов П. Н.* Записки тамбовского губернатора / П. Н. Муратов. — Тамбов : [б. и.], 2007. — 436 с. — ISBN 978-5-88934-352-3.

8. *Русский инвалид*. — 1908. — 2 декабря ; 1908. — 6 декабря.

9. *Тамбовский край*. — 1913. — 28 ноября.

CC BY

Литература

1. *Алехин Д. В.* Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война : Июль 1914 — февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Алехин. — Тамбов, 2003. — 266 с.

2. *Безгин В. Б.* Обыденность войны / В. Б. Безгин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 6 (12). — Ч. I. — С. 227—231.

3. *Безгин В. Б.* Повседневная жизнь военного времени (русская деревня в период Первой мировой войны) / В. Б. Безгин, П. П. Щербинин // Вторая мировая и Великая Отечественная войны : исторические уроки и проблемы геополитик. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 65-летнему юбилею Великой Победы (14—15 апреля 2010 г., МПГУ). — Москва : МПГУ, 2010. — С. 385—404. — ISBN 978-5-4263-0007-1.

4. *Двухжилова И. В.* Патриотические настроения в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны / И. В. Двухжилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 1 (51). — Ч. II. — С. 57—60.

5. *Долбилов А. М.* Аттестация «верноподданнических чувств» : Министерство императорского двора и народные панегирики Дому Романовых в 1860—1890-х годах / А. М. Долбилов // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 5 (171). — С. 22—37.

6. *Канищев В. В.* Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906—1912 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. В. Канищев. — Тамбов, 2005. — 322 с.

7. *Кантор Ю. З.* Имитация триумфа. Как в Петербурге отмечалось 300-летие Дома Романовых [Электронный ресурс] / Ю. З. Кантор // Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник. — 2013. — № 3 (март) — Режим доступа : https://aquaviva.ru/journal/imitatsiya-triumfa-kak-v-peterburge-otmechali-300-8209-letie-doma-romanovykh (дата обращения 03.03.2025).

8. *Карнишин Ю. В.* 300-летие Дома Романовых : за фасадом официального празднования / Ю. В. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2013. — № 1 (25). — С. 5—10.

9. *Плужников А. Н.* Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905—1907 гг. (социально-политический аспект) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Плужников. — Тамбов, 2003. — 299 с.

10. *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания : Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 679 с. — ISBN 978-5-8243-1006-1.

11. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — Москва : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с. — ISBN 5-89653-012-9.

12. *Томилов И. С.* Празднование 300-летия Дома Романовых в Санкт-Петербурге глазами тобольского духовенства (по воспоминаниям протоиерея Дмитрия Смирнова) / И. С. Томилов // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4—2 (80). — С. 93—97. — DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-19.

13. *Туманова А. С.* Консерватор во власти : губернатор Н. П. Муратов / А. С. Туманова // Отечественная история. — 2003. — № 3. — С. 103—113.

14. *Шабельникова Е. Н.* Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах Тамбовской губернии) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Н. Шабельникова. — Тамбов, 2006. — 229 с.

15. *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. / П. П. Щербинин. — Тамбов : Юлис, 2004. — 504 с. — ISBN 5-98407-008-1.

16. *Щербинин П. П.* Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны (1914—1918 гг.) / П. П. Щербинин // Женская повседневность в России в XVIII — XX вв. : Материалы междунар. науч. конф., (25 сент. 2003 г.). — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2003. — С. 121—134. — ISBN 5-89016-106-7.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 19.09.2025.

Material resources

Andreevsky, V. M. (1930). Autobiographical memoirs. Typescript and photocopy of the author's manuscript with inserts. *Grad Kirsanov: State Archives of Tambov Oblast, collection R-5328, inventory 1, file 7.* Available at: http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp (accessed 03.03.2025). (In Russ.).

GATO — *The State Archive of the Tambov region. F. 4 (Ruler of the Tambov viceroyalty. Office of the Tambov Governor). Op. 1. Dd. 5856, 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; F. 17 (Governor of the Tambov Governorate. Office of the Tambov Governor). Op. 35. D. 17.* (In Russ.).

Historian Yuri Meshcheryakov: "Tambov residents greeted the revolution with jubilation". (2023). Available at: https://lobotambov.wordpress.com/2023/01/27/tambov-revolution/ (accessed 03.03.2025). (In Russ.).

Mendeleev, D. I. (1995). *Cherished thoughts.* Moscow: Mysl. 413 p. ISBN 5-244-00766-1. (In Russ.).

Muratov, P. N. (2007). *Notes of the Tambov governor.* Tambov: [b. i.]. 436 p. ISBN 978-5-88934-352-3. (In Russ.).

Provinces of the Russian Empire. History and leaders. 1708—1917. (2003). Moscow: United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 479 p. ISBN 5-8129-0071-X. (In Russ.).

Russian invalid. (1908). *December 2; December 6.* (In Russ.).

St. George's holidays in 1908 and 1909 in Tambov and Tambov province. (1909). Tambov: Electro-printing house of the provincial government. 31 p. (In Russ.).

Tambov region. (1913). *November 28.* (In Russ.).

References

Alekhin, D. V. (2003). *Urban population of Tambov province and the First World War: July 1914 — February 1917.* PhD Diss. Tambov. 266 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2011). The ordinariness of war. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice, 6 (12) / I:* 227—231. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Shcherbinin, P. P. (2010). Daily life of wartime (Russian village during the First World War). In: *The Second World War and the Great Patriotic War: historical*

lessons and problems of geopolitics. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 65th anniversary of the Great Victory (April 14—15, 2010, Moscow State University). Moscow: Moscow State University. 385—404. ISBN 978-5-4263-0007-1. (In Russ.).

Dolbilov, A. M. (2021). Attestation of "loyal feelings": The Ministry of the Imperial Court and national eulogies of the House of Romanov in the 1860s and 1890s. *New Literary Review, 5 (171):* 22—37. (In Russ.).

Dvukhzhilova, I. V. (2015). Patriotic sentiments in the Tambov province during the First World War. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 1 (51) / II:* 57—60. (In Russ.).

Kanishchev, V. V. (2005). *The activities of Tambov Governor N. P. Muratov in the context of the struggle between conservative and liberal regional political elites. 1906—1912.* PhD Diss. Tambov. 322 p. (In Russ.).

Kantor, Y. Z. (2013). Imitation of triumph. How the 300th anniversary of the House of Romanov was celebrated in St. Petersburg. *Living water. St. Petersburg Church Bulletin, 3 (March).* Available at: https://aquaviva.ru/journal/imitatsiya-triumfa-kak-v-peterburge-otmechali-300-8209-letie-doma-romanovykh (accessed 03.03.2025). (In Russ.).

Karnishin, Yu. V. (2013). 300th anniversary of the House of Romanov: behind the facade of the official celebration. News of Higher educational institutions. *The Volga region. Humanities, 1 (25):* 5—10. (In Russ.).

Pluzhnikov, A. N. (2003). *Cities of the Tambov province during the First Russian Revolution of 1905—1907 (socio-political aspect).* PhD Diss. Tambov. 299 p. (In Russ.).

Shabelnikova, E. N. (2006). *Local implementation of state policy towards the church and believers in the second half of the 19th — early 20th centuries. (based on the materials of the Tambov province).* PhD Diss. Tambov. 229 p. (In Russ.).

Shcherbinin, P. P. (2003). The daily life of a Russian provincial woman during the First World War (1914—1918). In: *Women's daily life in Russia in the XVIII—XX centuries: Proceedings of the International Scientific Conference, (September 25, 2003).* Tambov: TSU Publishing House. 121—134. ISBN 5-89016-106-7. (In Russ.).

Shcherbinin, P. P. (2004). *The military factor in the daily life of Russian women in the XVIII — early XX century.* Tambov: Yulis Publ. 504 p. ISBN 5-98407-008-1. (In Russ.).

Sukhova, O. A. (2008). *Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and the mentality of the Russian peasantry (late 19th — early 20th centuries) based on materials from the Middle Volga region.* Moscow: ROSSPEN. 679 p. ISBN 978-5-8243-1006-1. (In Russ.).

Tikhomirov, L. A. (1998). *Monarchical statehood.* Moscow: Oblizdat, Alir LLP. 672 p. ISBN 5-89653-012-9. (In Russ.).

Tomilov, I. S. (2013). Celebrating the 300th anniversary of the House of Romanov in St. Petersburg through the eyes of the Tobolsk clergy (according to the memoirs of Archpriest Dmitry Smirnov). *Proceedings of the Altai State University, 4—2 (80):* 93—97. — DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-19. (In Russ.).

Tumanova, A. S. (2003). Conservative in power: Governor N. P. Muratov. *Russian history, 3:* 103—113. (In Russ.).

The article was submitted 28.04.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 19.09.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сафронова А. М. Подготовка при Екатеринбургском госпитале лекарских учеников для заводов Урала и Сибири (1735—1750-е годы) / А. М. Сафронова, С. Н. Копырина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 554—572. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-554-572.

Safronova, A. M., Kopyrina, S. N. (2025). Training Medical Apprentices at Yekaterinburg Hospital for Factories of Urals and Siberia (1735–1750s). *Nauchnyi dialog, 14* (7): 554-572. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-554-572. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Подготовка при Екатеринбургском госпитале лекарских учеников для заводов Урала и Сибири (1735—1750-е годы)

Сафронова Алевтина Михайловна
orcid.org/0000-0002-4692-3025
ScopusAuthorID 57220781089
WoS ResearcherID AAG-3084-2021
доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления,
корреспондирующий автор
Alevtina.Safronova@gmail.com

Копырина Сардана Николаевна
orcid.org/0000-0001-6306-4333
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
документоведения, архивоведения
и истории государственного управления
sardana.kopyrina@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена при поддержке гранта Российскоо научного фонда № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.»

Training Medical Apprentices at Yekaterinburg Hospital for Factories of Urals and Siberia (1735–1750s)

Alevtina M. Safronova
orcid.org/0000-0002-4692-3025
ScopusAuthorID 57220781089
WoS ResearcherID AAG-3084-2021
Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration,
corresponding author
Alevtina.Safronova@gmail.com

Sardana N. Kopyrina
orcid.org/0000-0001-6306-4333
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
sardana.kopyrina@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-18-00080 “Anthropology of the mining center: social stratification of early Yekaterinburg in 1723–1781”

© Сафронова А. М., Копырина С. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые на основе архивных документов рассматривается подготовка в госпитале Екатеринбурга лекарских учеников для госпиталей, открывавшихся при других заводах Урала и Сибири в 1735—1750-е годы. Реконструируется их состав, социальное происхождение, возраст, предшествующее образование, назначение на должность, размеры жалованья и его повышение. Прослеживается продвижение лекарских учеников по службе, перевод их в подлекари. Показано, что с 1740 года Медицинская канцелярия взяла под свой контроль подготовку лекарских учеников в России, назначение их на должность подлекарей с окладами, намного превышавшими суммы, введенные уральским начальством. Впервые устанавливаются годы деятельности первых госпиталей при заводах Урала и Сибири, сроки работы в них лекарских учеников и подлекарей, раскрывается роль немцев-медиков Екатеринбурга в их подготовке, активное участие штаб-лекаря Иоганна Шнезе в их дальнейшей судьбе. Раскрывается высокая территориальная мобильность подготовленных в Екатеринбурге учеников: направление их для открытия госпиталей на другие заводы в связи с переходом предприятий из частных рук в Горное ведомство, началом строительства новых заводов, их закрытием, увеличением численности населения, нуждавшегося в медицинском обслуживании.

Ключевые слова:
Урал; Сибирь; горные заводы; Екатеринбург; медицина; лекарские ученики; подлекари; госпитали.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a pioneering examination of the training of medical apprentices at the Yekaterinburg hospital, based on archival documents, for the hospitals established at various factories across the Urals and Siberia during the years 1735 to 1750. It reconstructs the demographics of these apprentices, including their social backgrounds, ages, prior education, appointments, salaries, and subsequent salary increases. The study traces the career progression of these medical apprentices as they advanced to the position of sub-doctors. It reveals that from 1740 onwards, the Medical Chancellery took control of the training of medical apprentices in Russia, appointing them as sub-doctors with salaries significantly exceeding those set by local Urals authorities. For the first time, the years of operation for the initial hospitals at the factories in the Urals and Siberia are established, along with the duration of service for medical apprentices and sub-doctors. The article highlights the role of German medical practitioners in Yekaterinburg in their training, particularly focusing on the active involvement of Chief Physician Johann Schnee in their subsequent careers. Additionally, it underscores the high territorial mobility of the trained apprentices, detailing their deployment to establish hospitals at other factories due to the transfer of enterprises from private hands to the Mining Department, the initiation of new factory constructions, factory closures, and the growing population in need of medical care.

Key words:
Urals; Siberia; mining factories; Yekaterinburg; medicine; medical apprentices; sub-doctors; hospitals.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:37(470.54-25)“1735/1759”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-554-572

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Подготовка при Екатеринбургском госпитале лекарских учеников для заводов Урала и Сибири (1735—1750-е годы)

© Сафронова А. М., Копырина С. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Первые сведения о госпитальных школах России XVIII века ввел в научный оборот известный историк медицины Я. Чистович [1870], специальное исследование их деятельности в Москве и Петербурге посвятил Б. Н. Палкин [Палкин, 1959]. О лекарских учениках Екатеринбурга в литературе имеются лишь упоминания. Ряд фамилий за 1760-е годы называет Б. Н. Мирский [Мирский, 1996, с. 104]. В заметке Э. А. Пензина упоминается Антипа Иванов [Пензин, 1980]. Н. С. Корепанов сообщает, что лекарь Спринцель подготовил трех лекарских учеников, не называя их фамилий [Корепанов, 2023, с. 300]. Ю. Соркин указывает фамилии четырех крепостных Демидова, обучавшихся в госпитале Екатеринбурга в 1760-е годы [Соркин, 1997, с. 188]. В. И. Старков упомянул о четырех учениках и сдаче экзамена ими в 1751 году [Старков, 2007, с. 20, 27, 28] А. М. Сафронова раскрыла нормы, касающиеся лекарских учеников, из наказа В. Н. Татищева 1723 года, собрала данные о медицинских знаниях первых учеников [Сафронова, 2017, с. 57—58; 2019, с. 264—268; 2020, с. 141—151]. С. Н. Копырина отметила, что ученики при лекаре в 1720-е годы не задерживались надолго, имели малое жалованье, сбегали, увольнялись из-за непригодности [Копырина, 2019].

Поскольку Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов управляла казенными заводами на обширной территории России, простиравшейся от Волги на западе до Нерчинска на востоке, имела свои подчиненные органы управления, свою особую социальную инфраструктуру, важно знать, как канцелярия решала проблему оказания медицинской помощи населению, проживавшему при дальних заводах, обеспечения их медицинскими кадрами, формировало сеть первых госпиталей на подчиненной территории. Учитывая отрывочность данных, имеющихся в литературе о подготовке лекарских учеников для заводов Урала и Сибири, мы поставили целью раскрыть роль Екатеринбургского госпиталя как центра подготовки и своего рода «поставщика» медицинских кадров, начиная

CC BY

с 1735 года, когда стали открываться первые госпитали при дальних заводах, и до 1750-х годов, когда пошел процесс передачи большинства заводов в частные руки.

На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, были выявлены все случаи назначения на должность лекарских учеников, их социальное происхождение, возраст, образование, размеры жалованья, сроки работы при том или ином госпитале, прослежен их жизненный путь, профессиональный рост, судьба.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Источниками для изучения темы послужили протоколы заседаний Канцелярии Главного заводов правления, ее определения и указы, материалы личной канцелярии В. Н. Татищева, заводские «штаты», именные списки служителей, доношения в канцелярию местных горных начальств (Томского, Пермского, Красноярского, Нерчинского) и Кушвинской заводской конторы, касающиеся вопросов медицины, в которых излагалась суть обращений лекарских учеников в эти органы; личные прошения лекарских учеников, лекарей, подававшиеся в уральскую канцелярию. Интерес представляют делопроизводственные выписки, сделанные в канцелярии в связи с предстоящим заслушиванием вопроса. Какой-либо комплекс документов, освещавших работу госпиталя, в делах канцелярии отсутствует, поэтому пришлось провести большую работу по выявлению интересующих нас источников среди огромного потока документов, касающихся деятельности заводов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование сети госпиталей при казенных заводах Урала и Сибири в 1735—1740-х годах

Первый госпиталь на горнозаводском Урале был открыт в декабре 1722 года при Уктусском заводе, с 1725 года он стал постоянно действовать в Екатеринбурге при единственном лекаре, готовившем и помощников для себя — лекарских учеников, в основном из учащихся арифметической школы. К сожалению, опыт их подготовки при единственном штаб-лекаре И. Спринцеле оказался не удачным: через короткий срок они назначались к заводским делам, увольнялись из-за непригодности к обучению. После прибытия В. Н. Татищева в Екатеринбург в качестве главы казенных заводов Урала и Сибири в октябре 1734 года и передачи ему управления от В. И. Геннина положение с подготовкой лекарских учеников начало меняться. С Татищевым в Екатеринбург прибыла новая команда медиков: доктор медицины Дж. Грив, лекарь Э. Симменс, на заводскую службу перешел личный врач В. И. Геннина И. Гриненберг, в декабре 1737 года

CC BY

прибыл лекарь И. Шнезе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 568, л. 288; РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1063, л. 597]. В условиях расширения состава казенных предприятий, увеличения числа их работников была усилена подготовка лекарских учеников в Екатеринбурге, а также появилась возможность открытия госпиталей при других заводах Урала и Сибири.

Поскольку В. Н. Татищеву было позволено взять под контроль Канцелярии Главного заводов правления Колывано-Воскресенский завод А. Н. Демидова, в ноябре месяце 1734 года было принято решение о поездке майора Л. Д. Угримова в Томск с командой для его «свидетельства» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 267—269 об.], в ее состав был включен и старший гезель Екатеринбургского госпиталя, открывший в Сибири первый госпиталь для лечения мастеровых, солдат, рекрутов, переводившихся с Урала отдельными партиями. В марте 1735 года при Пермском горном начальстве был обустроен госпиталь при Егошихинском заводе, призванный обслуживать больных с Пыскорского, строившихся Висимского и Юговского заводов. Но учеников для этого госпиталя самостоятельно стал готовить отправленный туда лекарь И. Гриненберг из двух выпускников арифметической школы Екатеринбурга [Там же, д. 577а, л. 259].

Поскольку в 1737 году Колывано-Воскресенский завод пришлось возвратить А. Н. Демидову, все мастеровые, солдаты, рекруты, ссыльные были перемещены на территорию Красноярского уезда, где были найдены места для строительства медеплавильного завода на реке Луказахе, железоделательного — на реке Ирбе. В декабре 1737 года на Луказаху прибыло 27 человек команды, 268 работников временно разместили в Абаканском остроге и деревнях при нем. В 1738—1739 годах прибыло еще 457 человек [Быконя, 1981, с. 100—101]. В мае 1738 года начали строить Ирбинский завод, на Луказском возвели командирский дом, помещение для Красноярского начальства, госпиталь. Оба завода были пущены в строй в 1740 году [Корепанов, 2014, с. 122—124, 130]. Иначе говоря, госпиталь там появился еще в процессе строительства заводов.

В 1735 году на горе Благодать были открыты богатейшие залежи железной руды, началось строительство Кушвинского завода. В 1737 году в 9 верстах от него начали возводить второй завод, Туринский. Их строительство велось в малонаселенной таежной местности, многие работники тяжело болели. В мае 1736 года больных с Кушвинского завода приказывалось привозить в Екатеринбургский госпиталь, размещая по двое на подводе, а расстояние от Кушвы до Екатеринбурга составляло 181 версту [РГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 1510, л. 258—258 об.]. Весной 1739 года с Гороблагодатских заводов в Екатеринбургском госпитале лечилось 52 человека, поэтому уральское начальство 22 марта решило послать на Кушву лекар-

CC BY

ского ученика для лечения больных на месте [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 266, с. 226—227]. Но еще в феврале 1739 года Анна Иоанновна подписала указ о передаче Гороблагодатских заводов саксонцу К. фон Шембергу, как раз накануне пуска их в действие [Металлургические заводы …2001, с. 287]. Лишь в 1742 году они были возвращены в казну, госпиталь возобновил свою деятельность, но уже при Туринском заводе.

В 1741 году был открыт госпиталь и при старейшем сереброплавильном Нерчинском заводе, действовавшем с 1704 года, ставший вторым в Сибири после Луказского и самым удаленным от Екатеринбурга — на 4 538 верст [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 940—941, л. 23—24; РГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 1510, л. 351 об.].

Все эти госпитали при казенных заводах Урала и Сибири были открыты и могли действовать лишь благодаря подготовке при главном госпитале Екатеринбурга достойных лекарских учеников, способных самостоятельно оказывать медицинскую помощь заводскому населению. Как будет показано ниже на основе архивных документов, назначения молодых медиков не были постоянными, по мере необходимости горнозаводские власти перемещали их с одного завода на другой, порой на огромные расстояния от прежнего места службы.

3.2. Василий Сизиков и его служба в госпиталях Сибири и Урала

Единственным достойным учеником первого штаб-лекаря госпиталя Иоганна Спринцеля оказался Василий Сизиков, определенный к нему в июне 1726 года в качестве цирюльника из солдат Тобольского полка с окладом 12 руб. в год [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 10, с. 6]. Именной список служителей заводов 1744 года дополняет сведения о нем: «из драгунских детей», 4 июня 1721 года взят в солдаты, ему 39 лет, значит, начал служить при госпитале с 18 лет. В штате 1734 года Сизиков фигурирует уже как старший гезель, то есть старший помощник с окладом 30 руб. в год [Там же, оп. 1, д. 433, л. 29.]. При передаче заводов от В. И. Геннина Татищеву указана дата его перевода в старшие гезели — ноябрь 1730 года [Там же, оп. 1, д. 450, т. 2, л. 180 об.].

Сизиков первым из служащих Екатеринбургского госпиталя был назначен в Сибирь — на Колывано-Воскресенский завод, перешедший от А. Н. Демидова в ноябре 1734 года в казну, при котором решено было открыть первый госпиталь для лечения мастеровых, солдат, рекрутов, переводившихся с Урала отдельными партиями. 30 ноября Сизиков подал прошение об увеличении жалованья для «дальней посылки», и с 1 декабря стал получать 48 руб. в год [Там же, д. 433, л. 29]. Так в госпитале при Колывано-Воскресенском заводе стал самостоятельно лечить больных старший помощник штаб-лекаря.

CC BY

Весной 1737 года Сизиков составил список лекарств для лечения застарелых ран у служащих, Томское горное начальство обратилось в канцелярию с просьбой прислать лекарства. В апреле канцелярия поручила главному медику госпиталя, доктору англичанину Джейкобу Гриву рассмотреть список. Грив же заявил: «…обретающейся тамо ученик Сизиков лекарского дела довольно не знает, а из оных лекарств есть весьма жестокие»; если «дать излишне» или не в те часы, человека можно «отравить до смерти». Из-за этого в отправке лекарств отказали [Там же, оп. 12, д. 243, с. 287].

В связи с возвращением в 1737 году Колывано-Воскресенского завода А. Н. Демидову все мастеровые и работные люди с него были перемещены на территорию Красноярского уезда, где началось строительство медеплавильного Луказского и железоделательного Ирбинского заводов. На Луказском в 1738 году возвели командирский дом, помещение для Красноярского начальства, госпиталь. Госпиталь при Луказском заводе снова стал обустраивать Василий Сизиков, здесь лечились работники и Ирбинского завода, удаленного на 95 верст, рудника Базинского, объединявшего 11 небольших, располагавшегося за 107 верст. В марте 1739 года из Красноярского начальства пришло ходатайство «о перемене чином… ученика Сизикова и о прибавке ему жалованья», но члены канцелярии потребовали «о достоинстве ево…, применяясь к пользованию больных и по состоянию ево…, разсмотря, прислать аттестат» главе Красноярского начальства Н. Клеопину [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 267, л. 51].

Из переписки начальства с канцелярией ясно, что Сизикову в 1739 году дважды пришлось настаивать на отправке лекарств для лечения «французской болезни», как называли тогда сифилис, составлять их роспись. Красноярскому начальству в октябре пришлось даже отпустить одного рекрута «с порукою для пользования свободных людей на стороне, в ближния здесь жилища» на 5 месяцев, в декабре лекарства ушли в Сибирь [Там же, оп. 1, д. 808, л. 553].

В 1742 году из-за недостатка руды начал сворачивать работу Луказский завод, в сентябре остановлен и Ирбинский [Быконя, 1981, с. 107]. Работников начали возвращать на Урал. Поэтому в отправке новой партии лекарств, затребованных в январе 1742 года Сизиковым, канцелярия отказала: «Оставлена тамо команда весьма малая, и лекарскому ученику оттуда велено быть сюда». В декабре 1737 года в Екатеринбург прибыл лекарь Иоганн Шнезе, служивший до этого при Олонецких заводах. Он возглавил госпиталь, и на него была возложена ответственность за обучение лекарских учеников. При нем 23 декабря 1742 года Сизиков получил повышение, стал подлекарем с прежним жалованьем 48 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1071, л. 8 об.].

CC BY

Через 4 года, в декабре 1746-го подлекарь Сизиков с окладом уже 60 руб. в год был отправлен в госпиталь Туринского завода, но в сентябре 1748 года в Кушвинской конторе рассматривался вопрос о его «пребезмерном пьянстве и о нерачительном смотрении над болящими», о присылке другого подлекаря, поскольку у Сизикова «от пьянства рукам ево приходит временем немалое трясение». Шнезе, ставшему в 1746 году штаб-лекарем, канцелярия предписала забрать Сизикова под свое начало, а на его место прислать другого. Замена состоялась только в январе 1747 года. В Екатеринбурге Василий Сизиков исправился, проработал еще 6 с половиной лет, но, одержимый «чахотною болезнию немалое время», скончался 5 августа 1753 года, почти четверть века отдав медицинскому делу [Там же, л. 9; д. 1243, л. 295—296 об., 310 об. — 313; д. 1396, л. 687].

3.3. Ученик Екатеринбургского госпиталя Егор Томилов и его деятельность в госпиталях при Кушвинском заводе, Екатеринбургском и Нерчинском

Среди лекарских учеников Екатеринбургского госпиталя выделялся Егор Томилов, бывший учащийся Славяно-греко-латинской академии, нанятый Татищевым в Москве 11 июня 1734 года с жалованьем 36 руб. в год, в три раза выше, чем у начинающих лекарских учеников на Урале [Там же, оп. 12, д. 215, л. 357]. В списке служащих 1744 года Томилов показан 35-летним учеником в госпитале Екатеринбурга с жалованьем уже по 48 руб. в год, то есть он по-прежнему оставался самым высокооплачиваемым. Именно ему поручили регистрацию больных, прибывавших в госпиталь из разных учреждений Екатеринбурга и других заводов, с указанием их должности, фамилии, учреждений, приславших их [Там же, оп. 1, д. 894, л. 398—399].

Через 4 с половиной года обучения, в марте 1739 года, уральское начальство доверило ему самостоятельное лечение больных на Кушвинском заводе, строившемся близ горы Благодать. В 1737 году в 9 верстах от Кушвинского начал возводиться Туринский завод. Из-за суровых условий работники этих заводов и рудников при них постоянно болели, составляя значительную часть больных, доставляемых для лечения в Екатеринбург. Поэтому уральское начальство 22 марта 1739 года решило послать на Кушву лекарского ученика Томилова с лекарствами, дав ему за счет тех заводов подводу с прогонами. В сложных случаях ему предписывалось отправлять больных в Екатеринбург [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 266, с. 226—227].

Однако Томилов пробыл при новом Кушвинском госпитале недолго. В феврале 1739 года Анна Иоанновна подписала указ о передаче этих заводов саксонцу К. фон Шембергу, как раз накануне пуска их в действие [Металлургические заводы …, 2001, с. 287]. Поэтому Томилов был воз-

CC BY

вращен в госпиталь Екатеринбурга: в октябре он принимал провиант для организации питания больных [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 808, л. 163].

После возвращения Гороблагодатских заводов в казну в 1742 году Томилова снова отправили туда для лечения больных. Он докладывал в канцелярию: квартира под госпиталь на Кушвинском заводе мала, всех больных — более 50 человек — уместить невозможно, поэтому решено было перевезти пациентов в Туринский госпиталь, действовавший там в годы частного владения, разместить их «в нижних деревянных покоях», а что делать с недостроенными верхними, определить на месте офицерам и новому подлекарю Голомолзину, отправленному в 1743 году на смену Томилову [Там же, д. 987, л. 111—113].

Недолго Томилов трудился и в Екатеринбурге, в июне 1743 года по просьбе Шнезе его решили отправить на Нерчинский завод на смену Трумлеру, аттестовав в подлекари. Из-за длительности переписки и самого переезда замена состоялась не ранее октября 1745 года [Там же, д. 1112, л. 481 об. — 482]. В декабре 1746 года в канцелярии заслушивалось доношение Нерчинского горного начальства о прибавке Томилову жалованья с 48 до 60 руб. с 1747 года — «за ево труды и искусство, и что тамо против других мест хлебные харчевые припасы и платье дороже». Уральское начальство это предложение поддержало [Там же, оп. 12, д. 359, с. 47].

Томилов управлялся в Нерчинском госпитале один на протяжении 6 лет, заботился о доставке лекарств из Екатеринбурга. В 1752 году при госпитале числилось уже два медработника с учениками: «за лекаря» Голомолзин, подлекарем Егор Томилов и двое учеников, видимо, из учащихся Нерчинской школы — Федор Веснин и Николай Ковригин с жалованьем 4 руб. в год и солдатским провиантом [Там же, оп. 1, д. 1422, л. 510].

3.4. Никифор Голомолзин в госпиталях Екатеринбурга, Туринска, Нерчинска

Никифор Голомолзин по своему происхождению был из детей, родившихся в приписных к Каменскому заводу слободах, чьи отцы, крестьяне, были зачислены в Тобольский драгунский полк и отправлены для защиты южных рубежей Урала, в Царево Городище (Курган), Ишим, на Сакмару. В 1732 году 16 детей были взяты оттуда в Екатеринбург учиться грамоте, среди них и Никифор Голомолзин [Сафронова, 2024, т. 12, № 1]. В списке учащихся немецкой школы в марте 1736 года он показан сыном отставного драгуна Усть-Ламинской слободы (Ишимский уезд Тобольской губернии) [Сафронова, 2024, с. 152—153]. 10 февраля 1737 года Никифор был выбран членом канцелярии И. Юдиным в лекарские ученики взамен отчисленного за недостойное поведение: «по-латински и по-немецки пишет и к тому делу способен». Начальство предписало «освидетельство-

CC BY

вать его доктору с лекарем, будет ли оной школьник в ту науку годен». После того как лекарь Эвергарт Симменс, англичанин, прибывший с Татищевым в 1734 году, показал, что тот «к лекарским наукам быть способен», Голомолзина зачислили к нему в ученики [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 85—86], но с прибытием в Екатеринбург Шнезе Голомолзин перешел к нему. В декабре 1739 года трое учеников Шнезе — Голомолзин, Трумлер и Бревнов — обучались у пастора Лаврентия Сехтинга, изучали «латино-немецкую граматику о медицинских наречиях», то есть при госпитале была организована дополнительная языковая подготовка лекарских учеников. Сехтинг к этому времени уже завершил обучение детей иностранцев в латинской школе, но продолжил занятия с будущими медиками, тренируя их в овладении языками [Сафронова, 2024, с. 194—195].

В 1743 году, 23 апреля, Голомолзин с жалованьем 24 руб. в год был отправлен в госпиталь при Гороблагодатских заводах на смену Томилову. При нем госпиталь, переведенный с Кушинского на Туринский завод, и обустраивался в двухэтажном доме [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 987, л. 111—113]. В 1744 году Голомолзин в возрасте 27 лет числился при госпитале с жалованьем 36 руб. в год, а 30 декабря согласно указу Берг-коллегии Медицинская коллегия по представлению уральского начальства, по аттестату, данному доктором Ридером и лекарем Шнезе, утвердила Голомолзина подлекарем [Там же, д. 1071, л. 240; д. 1243, л. 306].

В ноябре 1746 года Кушвинская контора ходатайствовала перед канцелярией о прибавке жалованья Голомолзину «за прилежность и трудолюбие». Похлопотал об этом и штаб-лекарь Шнезе, поскольку при Гороблагодатских заводах «хлеб и другой харч, также и обувь против здешняго и других мест многих дороже и трудов Голомолзин один несет не менее Сизикова, и в искустве против ево не остался». При этом Сизиков получал 60 руб. в год, а Голомолзин — 36. Поскольку по штату 1737 года и определению по нему, принятому 26 апреля 1742 года, при госпитале Екатеринбурга оставалась сумма 272 руб., члены канцелярии 6 ноября 1746 года повысили жалованье Голомолзину с 1747 года до 48 руб., при этом он подлежал переводу в Екатеринбург. Заметим: в упомянутом указе Берг-коллегии сообщалось, что подлекари при Артиллерии получали по 120 руб. в год и рацион, при селитренных заводах — по 60 руб. без рациона [Там же, оп. 12, д. 358, с. 42—44; д. 359, с. 146; д. 1243, л. 299].

В октябре 1748 года, когда Шнезе поручили заменить пьющего Сизикова в Туринском госпитале, он решил вернуть туда Голомолзина, при этом просил повысить ему жалованье «для тамошней дороговизны» до 60 руб., как и Сизикову, поскольку имеет при себе жену, детей и находится в постоянных переездах. Сам Голомолзин подал прошение о выдаче жалованья

CC BY

«за сентябрьскую треть года», чтобы расплатиться с долгами. В декабре он выехал на Туринский завод, там с 1749 года и стал получать 60 руб. [Там же, д. 1243, л. 297, 299—313].

В октябре 1750 года Шнезе подал доношение «о удостоинстве подлекаря Голомолзина за лекаря» [Там же, д. 1422, л. 517]. Оно долго не рассматривалось. В 1752 году Голомолзин трудился уже при Нерчинских заводах «за лекаря» с жалованьем 84 руб., подлекарем при нем был Егор Томилов, имелись два ученика [Там же, л. 521. При Нерчинском госпитале Голомолзин числился и в середине 1750-х годов [Там же, л. 682].

3.5. Иван Бревнов, лекарский ученик Екатеринбургского госпиталя и подлекарь Туринского

В 1738 году при Шнезе появился новый ученик — Иван Бревнов, сын умершего комиссара, обучавшийся в немецкой школе с ноября 1735 года, с 12 лет — в первом классе у ректора школы Б. Штермера, где были собраны наиболее продвинутые дети [Сафронова, 2024, с. 147]. До этого учился на дому, поскольку в списках словесной и арифметической школ не числился. В списке служащих 1744 года Бревнов есть сведения о том, что он находился при Шнезе с 1 сентября 1738 года: «... из дворянских детей, испомещен в городе Угличе в деревне Какаевой, а что мужеска полу душ, за отлучкою не помнит» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1071, л. 9]. Более полугода он обучался лекарскому делу, имея школьное жалованье 4 руб. в год. Благодаря Шнезе стал получать по 1 руб. в месяц за счет госпиталя [Там же, оп. 12, д. 266, л. 98]. В декабре 1739 года вместе с Голомолзиным и Трумлером он изучал латино-немецкую грамматику «о медицинских наречиях». Был в числе хороших учеников. В сентябре 1740 года ему увеличили жалованье до 18 руб., в августе 1743 года — до 24 руб. Как констатировал Шнезе в ноябре 1748 года, Бревнов «лекарской науке с прилежностию обучается и твердо оную помнит и живет ныне постоянно и правит подлекарскую должность так, как и протчие подлекари, он же ныне при Екатеринбургском госпитале содержит приход и росход денег и припасов порядочно», что «много мешает в науке», а чтобы тот «большую охоту к обучению имел», он достоин жалованья 48 руб. в год. Доношение об этом подавалось еще в 1746 году, но в декабре начальство объявило об увеличении с 20 марта 1747 года лишь до 36 руб. [Там же, оп. 1, д. 1243, л. 387].

Через 12 лет ученичества, в октябре 1750 года Шнезе подал доношение «о удостоинстве» Ивана Бревнова званием подлекаря [Там же, д. 1422, л. 517]. В 1751 году, став подлекарем, Бревнов был отправлен в Туринский госпиталь, обслуживавший уже 3 завода (в 1749 пущен Баранчинский) [Там же, д. 850, л. 552—553; д. 1243, л. 391]. В 1752 году он числился там с жало-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ваньем 60 руб., причем уже с помощником, лекарским учеником Василием Резановым, присланным из Пермского госпиталя [Там же, д. 1422, л. 521].

3.6. Иван Каменщиков — лекарский ученик Екатеринбургского госпиталя, подлекарь Туринского

В 1744 году Шнезе потребовал дополнительно к Бревнову и Томилову назначить третьего ученика из немецкой школы. 26 сентября начальство предписало: ученика «выбрать ему самому», назначив жалованье по рублю на месяц из госпитальной суммы. Шнезе избрал Ивана Каменщикова. Он — сын солдата, обучался немецкому с сентября 1739 года, причем успешно, в ведомости 1743 года только о нем отмечено: «Переводит Эзоповыи притчи» одновременно с твержением синтаксиса [Сафронова, 2024, с. 195]. Каменщиков стал самым успешным и в лекарском деле. В июле 1748 года по рассмотрении доношения Шнезе ему увеличили жалованье до 18 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1422, л. 520]. Через год Шнезе вторично представил прошение о Каменщикове: «...За ево радетельное обучение, прилежность и понятство и что он показанные в прежнем ево, Шнезе, 1748 года доношении науки специально докончил и сверх того по ево прилежности в прибавок трактат “Девенезацио де инефламационе генерекамет сфацелум” обучил, жалованье прибавить». Начальство только 26 февраля 1751 года определило: Каменщикову «по удостоинству штап-лекарскому» жалованье давать по 30 руб. [Там же, л. 520 об.].

Между тем по определению канцелярии от 26 апреля 1742 года на штат 1737 года при госпитале полагалось 4 ученика: первой статьи — двое с жалованьем по 48 руб., второй статьи — двое с окладом по 24 руб. Однако учеников в 1752 году было всего двое: Каменщиков и Семенников, получавшие 30 и 18 руб. соответственно [Там же, л. 521, 520 об.]. Таким образом, на оплате учеников начальство экономило значительные суммы, интенсифицируя их труд. Шнезе через день после повышения жалованья Каменщикову, 28 февраля 1752 года, попросил «о произведении» его в подлекари, сообщая, что в 1751 году «за случайную бытность здесь ис Тобольска штап-лекаря Лиерца он, Каменщиков, в достоинстве науки свидетельствован и явился подлекарем быть достоин», и «учинен» о Каменщикове «аттестат» (к доношению прикладывалась копия аттестата) [Там же, л. 522 об. —523].

Приведем текст этого документа: «Атестат. Ученик Каменщиков, отроду ему 22[-й] год, а находитца при здешнем Екатеринбурхском госпитале под надсмотром штап-лекаря Шнезе с 1744 года и поныне, и обучил лекарской должности с принадлежащими к тому науки, и того ради свидетельствован. Тогда он на предлагаемые ему разные вопросы из анатомии, медицынии и хирургии, благо и искусно ответствовал и обещалса впредь прилежать и порядочно жить. И тако мы, нижеподписавшиися, удостаива-

CC BY

ем по силе учиненной нашей присяги, что вышепомянутой Иван Каменщиков для ево добрых оснований в лекарском искустве подлекарем быть достоин и искусен. Для наипачаго утверждения мы такой атестат своеручно подписали и свои обыкновенные печати к тому приложили. Учинено в Екатеринбурге ноября 2 дня 1751 года. На подлинном по-немецки пишут тако: Лаврентий Зехтинг, пастор; И. С. Шнезе, штап-лекарь; С. М. Лиерц, штаб-лекарь. А подлинной атестат на немецком языке об нем, Каменщикове, отослан быть имеет от меня, штап-лекаря Шнезе, в Медицынскую канцелярию» [Там же, л. 518].

Только через 10 месяцев, 22 декабря 1752 года, начальство отреагировало: жалованье ученику увеличить до 48 руб., произвести подлекарем, представить об этом в Берг-Коллегию и требовать указа, ибо здесь «по множеству случающихся больных без другова подлекаря пробыть никак невозможно, к тому ж не токмо из учеников и подлекарь (Василий Сизиков. — *А. С., С. К.*), но и сам штап-лекарь неретко в отлучках бывают для пользования больных в другие места, где госпиталов не имеется, и в таком случае оставшим при госпитале имеется немалой труд» [Там же, л. 524 об.].

14 января 1753 года Канцелярия отправила в Берг-коллегию доношение, ее указом от 31 марта, полученным 14 мая, прибавка жалованья была поддержана, о произведении в подлекари промеморией сообщено в Медицинскую канцелярию [Там же, л. 529—530]. Об этом извещен и Шнезе. В феврале 1754 года был получен указ Берг-коллегии от 26 декабря 1753 года, в котором сообщалось: Медицинская канцелярия 2 декабря объявила, что Каменщиков экзамен сдал, но в других местах подлекари получают первый оклад по 84 руб., «по продолжении службы» — 100 руб., поэтому приказала: Каменщикову по представлению Берг-коллегии и по аттестату штаблекарей быть подлекарем, привести его к присяге, жалованье производить от Берг-коллегии по 84 руб. в год, причем «с таким обнадеживанием, что ежели равномерным прилежанием и радением, как поныне должность свою исправляет, при том же и в житии добропорядочно и трезво вести себя водить будет, то и полный оклад получать имеет впредь», то есть 100 руб., чтобы и другие «имели к тому поощрение и прилежность». В отношении определения второго подлекаря при госпитале Екатеринбурга Медицинская канцелярия заявила, что он может быть назначен, если заводское ведомство возьмет на себя его содержание [Там же, л. 534—534 об., 535].

Уральское начальство 26 февраля 1754 года постановило: Каменщикова призвать, объявить ему указ Берг-коллегии, привести к присяге, производить жалованье от той команды, где он будет находиться. А 2 марта Шнезе заявил о необходимости отправки в Пермский госпиталь на замену негодного медработника лекарского ученика Василия Резанова с Туринского

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

завода, а на Туринский завод послать подлекаря Каменщикова, ибо ныне «по тамошнему многолюдству надлежит быть подлекарю», а в госпиталь для обучения в лекарские ученики взять школьника [Там же, л. 537—539].

3.7. Подготовка в Екатеринбургском госпитале учеников лекарского дела, прибывших по своей воле из Москвы. Организация подлекарем Петром Трумлером Нерчинского госпиталя

Наряду с лекарскими учениками, назначаемыми из учащихся школ Екатеринбурга, обучались лекарскому делу и лица, прибывшие по собственной инициативе из Москвы. В феврале 1742 года лекарь Шнезе сообщил, что в 1738 году прибыл к нему из Москвы иноземец Иван Крестьян Брискорн, младший брат служителя Петербургской аптеки, «по его желанию ко услугам и обучения должности лекарской». Канцелярия разрешила обучение «приезжающего своею волею и на своем коште», если лекарь согласится. Шнезе ответил: «обучать готов и в моей квартире, понеже он ко мне прислан для учения и для услуги мне». Учился Иван Брискорн отлично, уже в феврале 1742 года Шнезе заявил, что ученик «достоин по его наукам быть подлекарем», и он отпускает его от себя для получения аттестата подлекаря в Москву. А поскольку много «безденежно» помогал медикам госпиталя, просил выделить ему место в казенном караване и подорожную от Казани до Москвы за счет ученика. 10 марта начальство эту просьбу удовлетворило, «понеже он был здесь в услуге при заводах, а не за своим делом» [Там же, д. 743, л. 248—252; д. 940—941, л. 17—18].

Вторым таким учеником при Шнезе стал Петр Трумлер, ранее живший в Екатеринбурге. В ведомости латинской школы, поданной Сехтингом по прошествии почти года обучения, Трумлер показан в его классе среди шести детей иностранцев как сын молотового мастера, числившегося под фамилией Михайлов, 14 лет, швед. Здесь же обучались два немца, шведа, финн, англичанин и сын штаб-лекаря Спринцеля. 30 ноября 1737 года Трумлер «отстал» от школы, уехал из Екатеринбурга с родителями [Сафронова, 2024, с. 275—276, 287].

Оказалось, его отец, Петр Михайлов, отбыв в Москву, в 1738 году встретился там с бергмейстером Х. Мейдерсом, направлявшимся главным провизором аптеки в Екатеринбург, и «вручил ему сына…для домовых услуг и обучения аптекарской должности». Они прибыли в Екатеринбург в августе, но Трумлер решил перейти на обучение лекарскому делу к Шнезе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1112, л. 481]. Зная основы латыни, Трумлер быстро освоил медицинские премудрости и прошел и у Сехтинга «латино-немецкую граматику о медицинских наречиях».

Всего через 2 года, летом 1740-го, Трумлер числился уже подлекарем и был определен на эту должность, как отмечалось позже в выписках канцелярии, вопреки только что введенному Медицинской канцелярией по-

CC BY

рядку. 9 августа 1740 года из Медицинской канцелярии лекарю Шнезе пришло «сообщение», предписывавшее уведомлять ее об обучении лекарских учеников, тогда им будет определено жалованье по 7, а потом и по 10 руб. в месяц. Поэтому в выписках уральского начальства 1751 года констатировалось: «Произведение подлекаря Трумлера непорядочным путем идено, понеже… в Медицинскую канцелярию ничего не сообщено», а «определение жалованья под дирекциею Медицинской канцелярии» находится [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1422, л. 521 об. — 522].

Накануне получения «сообщения» об этом, Трумлер был аттестован в подлекари с окладом в 60 руб., а 25 июля 1740 года состоялся указ канцелярии: для лечения заводских служителей отправить подлекаря Трумлера «с лекарствами» на самостоятельную работу в далекий Нерчинск. Так Трумлер стал первым медиком при Нерчинском заводе, при нем вскоре открылся госпиталь. Прибыв в Нерчинск 15 февраля 1741 года, следуя инструкции, полученной от Шнезе, Трумлер сразу же начал требовать от местного начальства приобретения материалов, постройки госпиталя, сторожа. Трумлер сообщал в письме Шнезе: больных много, приходится ходить по дворам, «понеже казенного лазарета нет», он нужен, «ибо за теми болящими всегда требуется смотрение, как в способной по болезни пище, так и в прочем». Из Екатеринбурга последовало распоряжение: все припасы отпускать, если нет пригодного помещения, построить госпиталь, определить сторожа [Там же, д. 940—941, л. 23—24].

Но в отношении найденног Трумлером помощника из ссыльных И. Кологривова, который знал лекарское дело, приказ был иным: быть ему только в сторожах, «а до другого ни до чего не допускать, понеже он человек подозрительной и поверить ему в лечении и в лекарствах не можно, а отправлять то дело оному подлекарю Трумлеру одному, ибо тамо приказных и прочих служителей и мастеровых людей имеется невеликое число…», а занятых «в горных работах крестьян лечить только за плату», поскольку у них вычетов на лекарство не производится. В 1744 году Трумлер вернулся «на доучение» в Екатеринбург, а через два года уехал к отцу в Москву. На его место в Нерчинск был направлен Егор Томилов [Там же, д. 987, л. 111—113. 415; д. 832, л. 686—689, 416; д. 1112, л. 481—482].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, госпиталь Екатеринбурга стал центром подготовки лекарских учеников не только для населения Екатеринбурга и близлежащих заводов, но и для госпиталей, действовавших при заводах Колывано-Воскресенском (1735—1737); Луказском (1738—1742), Кушвинском (1739, 1742—1743); Туринском (с 1743), Нерчинском (с 1741). Юные медики

CC BY

сами и организовывали эти госпитали, обслуживали население соседних заводов и рудников, действовавших при них. Среди лекарских учеников, ставших подлекарями, были дети солдат, драгуна, дворянина, двух иностранцев. Это были учащиеся немецкой и латинской школ Екатеринбурга, Славяно-греко-латинской академии; двое иностранцев, пожелавших обучаться лекарскому делу в Екатеринбурге и прибывших для этого из Москвы. Большинство учеников начинало обучение с окладом 12 руб. в год. Благодаря хлопотам Шнезе, ведавшего госпиталем Екатеринбурга с 1738 года, их оклады пересматривались и повышались. Если уральское начальство устанавливало подлекарям жалованье до 48 и 60 руб. в год, то Медицинская канцелярия — по 84 руб. с перспективой увеличения до 100 руб. Канцелярия Главного заводов правления боялась выйти за рамки общих сумм, предусмотренных медикам заводскими штатами 1737 года, сокращала число должностных ставок, тем самым интенсифицируя труд лекарских учеников; практиковала постоянное перемещение их с завода на завод, не принимая в расчет их планы и желания. Рамки статьи не позволили уделить внимание методике обучения лекарских учеников, их познаниям, предполагается посвятить этим вопросам специальную статью.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области.* Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 433, Л. 29 ; Д. 450. Т. 2. Л. 180 об. ; Д. 577а, Л. 259 ; Д. 692, Лл. 85—86 ; Д. 743. Лл. 248—252 ; Д. 808. Лл. 163, 553 ; Д. 832. Лл. 686—689 ; Д. 850, Лл. 552—553 ; Д. 894. Лл. 398—399 ; Д. 940—941, Лл. 17—18, 23—24 ; Д. 987. Лл. 111—113 ; Д. 1071. Лл. 8 об, 9, 240 ; Д. 1112. Л. 481—482 ; Д. 1243. Лл. 295—296 об., 297, 299—313, 387, 391 ; Д. 1396. Лл. 687 ; Д. 1422. Лл. 510, 517, 518, 520—524 об., 529—530, 534—534 об., 535, 537—539, 682 ; Д. 1422, Л. 510, 517, 518, 520—524 об., 529—530, 534—534 об., 535, 537—539, 682 ; Оп. 12. Д. 10. Л. 6 ; Д. 215. Л. 267—269 об., 357 ; Д. 243. Л. 287 ; Д. 266. Лл. 98, 226—227 ; Д. 267. Л. 51 ; Д. 358. Лл. 42—44 ; Д. 359. Лл. 47, 146.

2. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов.* Ф. 248. (Сенат и его учреждения). Ф. 248. Оп. 22. Д. 1510. Лл. 258—258 об. ; 351 об. ; Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 1063. Л. 597.

Литература

1. *Акишин М. О.* Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века / М. О. Акишин // Пятые Татищевские чтения. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. — С. 23—28. — ISBN 5-7851-0488-1.

2. *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. — Новосибирск : Наука. Сибир. отделение, 1981. — 248 с.

3. *Копырина С. Н.* Становление медицинского дела на казенных заводах Урала первой половины XVIII в. (по документам Государственного архива Свердловской области) / С. Н. Копырина // Научный Вестник Крыма. — 2019. — № 3. — С. 20—34.

4. *Корепанов Н. С.* Никифор Клеопин / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2014. — 302 с. — ISBN 978-5-7851-0789-2.

5. *Корепанов Н. С.* (Sprintzell) Иоганн Иосиф / Н. С. Корепанов // Екатеринбург : энциклопедия : в 2 т. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. — Т. 2. — С. 300.

6. *Металлургические* заводы Урала XVII—XX вв. : энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2001. — 536 с.

7. *Мирский М. Б.* Медицина России XVI—XIX веков / М. Б. Мирский. — Москва : Росспэн, 1996. — 376 с.

8. *Пензин Э. А.* Первый госпиталь / Э. А. Пензин // Вечерний Екатеринбург. — 1980. — 2 июня. — С. 131—141.

9. *Палкин Б. Н.* Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники / Б. Н. Палкин. — Москва : Тип. «Известий», 1959. — 274 с.

10. *Сафронова А. М.* Василий Никитич Татищев и первые иноязычные школы Екатеринбурга (1735—1750-е гг.) / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2024. — 436 с. — ISBN 978-5-00165-833-7.

11. *Сафронова А. М.* Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722—1734 гг.) / А. М. Сафронова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 16—17 ноября 2020 г. : в 2 т. — Екатеринбург : ООО Издательство УМЦ УПИ, 2020. — Т. 1. — С. 131—141. — ISBN 978-5-8295-0731-2.

12. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Саронова // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — Выпуск 17. — С. 51—70. — ISBN 978-5-7996-2116-2.

13. *Сафронова А. М.* Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720-е—1750-е гг. / А. М. Сафронова // Модернизация культуры : знание как инструмент развития. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. — Самара : [б. и.], 2019. — С. 264—268.

14. *Сафронова А. М.* Дети военных чинов в горнозаводских школах Екатеринбурга (1726—1750 гг.) / А. М. Сафронова // Наука. Общество. Оборона. — 2024. — Т. 12. — № 1. — С. 3—3. — DOI: 10.24412/2311-1763-2024-1-3-3.

15. *Соркин Ю.* Демидовы и медицина / Ю. Соркин // Уральская старина. — 1997. — Выпуск 3. — С. 183—196.

16. *Старков В. И.* Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX в. / В. И. Старков. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. — 150 с. — ISBN 5-7851-0664-7.

17. *Чистович Я. А.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия / Я. А. Чистович. — Санкт-Петербург : Типография Я. Трея, 1870. — 416 с.

Статья поступила в редакцию 13.04.2025,
одобрена после рецензирования 27.08.2025,
подготовлена к публикации 19.09.2025.

CC BY

Material resources

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration).* (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 248. (Senate and its institutions).* (In Russ.).

References

Akishin, M. O. (2004). The state and the formation of professional medicine in Siberia of the XVIII century. In: *Fifth Tatishchev readings.* Yekaterinburg: IIA Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 23—28. ISBN 5-7851-0488-1. (In Russ.).

Bykonya, G. F. (1981). *Settlement of the Yenisei region by Russians in the XVIII century.* Novosibirsk: Nauka Publ. Sibir. Department. 248 p. (In Russ.).

Chistovich, Ya. A. (1870). Essays from the history of Russian medical institutions of the XVIII century. St. Petersburg: Printing house Ya. Treya. 416 p. (In Russ.).

Kopyrina, S. N. (2019). The formation of medical business in the state-owned factories of the Urals in the first half of the XVIII century (according to the documents of the State Archive of the Sverdlovsk region). *Scientific Bulletin of the Crimea, 3:* 20—34. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2014). *Nikifor Kleopin.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 302 p. ISBN 978-5-7851-0789-2. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2023). (Sprintzell) Johann Joseph. In: *Yekaterinburg: encyclopedia: in 2 volumes, 2.* Yekaterinburg: Ural University Press. P. 300. (In Russ.).

Metallurgical plants of the Urals XVII—XX centuries.: encyclopedia. (2001). Yekaterinburg: Akademkniga. 536 p. (In Russ.).

Mirsky, M. B. (1996). *Medicine of Russia of the XVI—XIX centuries.* Moscow: Rosspen. 376 p. (In Russ.).

Palkin, B. N. (1959). *Russian hospital schools of the XVIII century and their pupils.* Moscow: Izvestia Publishing House. 274 p. (In Russ.).

Penzin, E. A. (1980). The First hospital. *Evening Yekaterinburg. June 2.* 131—141. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2017). V. N. Tatishchev as the organizer of the medical service in Yekaterinburg. In: *Document. Archive. History. Modernity, 17.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 51—70. ISBN 978-5-7996-2116-2. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2019). Dissemination of medical knowledge among the first medical students in the mining Urals in the 1720s—1750s. In: *Modernization of culture: knowledge as a development tool. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference.* Samara: [b. i.]. 264—268. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2020). The first medical students at the state-owned factories of the Urals (1722—1734). In: *Ural Industrial. Bakunin Readings: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, November 16—17, 2020: in 2 volumes, 1.* Yekaterinburg: UMTS UPI Publishing House. 131—141. ISBN 978-5-8295-0731-2. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2024). Children of military ranks in mining schools of Yekaterinburg (1726—1750). *Science. Society. Defense, 12 (1):* 3—3. DOI: 10.24412/2311-1763-2024-1-3-3. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2024). *Vasily Nikitich Tatishchev and the first foreign language schools of Yekaterinburg (1735—1750s).* Yekaterinburg: Ural University Press; Saint Petersburg: Alethea. 436 p. ISBN 978-5-00165-833-7. (In Russ.).

Sorkin, Y. (1997). Demidov and medicine. *Ural Antiquity, 3:* 183—196. (In Russ.).
Starkov, V. I. (2007). *Historical experience of the development of the healthcare system in the mining Urals in the XVIII — first half of the XIX century.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 150 p. ISBN 5-7851-0664-7. (In Russ.).

The article was submitted 13.04.2025;
approved after reviewing 27.08.2025;
accepted for publication 19.09.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Цысь В. В. Русские паломники в Святой Земле во второй половине XIX — начале XX веков : количественные, гендерные и социальные характеристики / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 573—592. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-573-592.

Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2025). Russian Pilgrims in Holy Land in Second Half of 19th – Early 20th Centuries: Quantitative, Gender, and Social Characteristics. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 573-592. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-573-592. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русские паломники в Святой Земле во второй половине XIX — начале XX веков: количественные, гендерные и социальные характеристики

Цысь Валерий Валентинович
orcid.org/0000-0002-9695-3900
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
и документоведения,
корреспондирующий автор
roshist@mail.ru

Цысь Ольга Петровна
orcid.org/0000-0002-6351-8259
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
и документоведения
tsyso@rambler.ru

Нижневартовский
государственный университет
(Нижневартовск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 25-28-01056, https://rscf.ru/project/25-28-01056/

Russian Pilgrims in Holy Land in Second Half of 19th – Early 20th Centuries: Quantitative, Gender, and Social Characteristics

Valery V. Tsys
orcid.org/0000-0002-9695-3900
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
and Documentation,
corresponding author
roshist@mail.ru

Olga P. Tsys
orcid.org/0000-0002-6351-8259
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
and Documentation
tsyso@rambler.ru

Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 25-28-01056, https://rscf.ru/project/25-28-01056/

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основе впервые вовлекаемых в научный оборот материалов Архива внешней политики Российской империи приведены и проанализированы статистические показатели масштабов и ключевых характеристик православного паломничества из России в Святую Землю (Палестину) во второй половине XIX — начале XX веков. Рассмотрены гендерный и социальный состав, возраст, регионы выезда паломников, сроки пребывания в Иерусалиме. Общее число паломников оценено примерно в 170 тысяч человек. Делается вывод, что ранее приводившиеся данные о количестве русских богомольцев следует признать несколько завышенными из-за погрешностей статистического учета. Указано на преобладание женщин, доля которых доходила до двух третей от общего числа богомольцев. Отмечено, что на изменение интенсивности паломнического движения влияли политические и экономические факторы. Показано, что, достигнув максимальных значений на рубеже столетий, рост паломничества замедлился, а в дальнейшем даже наметилось его некоторое уменьшение. Нарисован «портрет» среднестатистического православного паломника данного периода: женщина, крестьянка возрастом от 50 до 70 лет из малороссийских или великороссийских губерний Европейской части страны.

Ключевые слова:
Паломничество; Святая Земля; Иерусалим; Русские подворья; Императорское Православное Палестинское общество; социографический портрет паломника.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents and analyzes statistical data concerning the scale and key characteristics of Orthodox pilgrimage from Russia to the Holy Land (Palestine) during the second half of the 19th century and the early 20th century, utilizing materials newly introduced into scholarly discourse from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire. The study examines the gender and social composition, age demographics, regions of departure, and duration of stay in Jerusalem for pilgrims. The total number of pilgrims is estimated at approximately 170,000 individuals. It is concluded that previously reported figures regarding the number of Russian pilgrims should be regarded as somewhat inflated due to inaccuracies in statistical accounting. The analysis reveals a predominance of women, who constituted up to two-thirds of the total number of pilgrims. Furthermore, it is noted that political and economic factors significantly influenced variations in pilgrimage intensity. The data indicates that after reaching peak levels at the turn of the century, the growth of pilgrimage activities slowed, and a subsequent decline was observed. A “portrait” of the average Orthodox pilgrim during this period is depicted: a female peasant aged between 50 and 70 years from the Little Russian or Great Russian provinces of European Russia.

Key words:
Pilgrimage; Holy Land; Jerusalem; Russian Ecclesiastical Delegations; Imperial Orthodox Palestine Society; Sociographic Profile of Pilgrims.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083/.084+271.2(47)“18/19”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-573-592

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Русские паломники в Святой Земле во второй половине XIX — начале XX веков: количественные, гендерные и социальные характеристики

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2025

1. Введение = Introduction

Паломничество в Святую Землю в конце XIX — начале XX веков следует признать самым масштабным «проектом» организованного выезда православных подданных Российской империи с религиозными и туристическими целями за всю ее многовековую историю. Число богомольцев в некоторые благоприятные годы, по мнению исследователей, доходило до 10 тыс. человек (см., например: [Воображая …, 2021, с. 56; Лисовой, 2006, с. 355]), существенно превосходя аналогичные показатели других европейских стран. Однако до настоящего времени данный феномен не подвергался сколько-нибудь систематическому изучению с точки зрения статистического анализа по гендерному, возрастному, социальному составу паломников, их распределению по регионам выезда и другим ключевым характеристикам. Их раскрытие имеет большое значение для понимания социокультурных процессов, происходивших в различных слоях российского общества в условиях модернизации. Как указано в одном из последних исследований, где затрагивается в числе прочих и интересующая нас тема, «к сожалению, единых общих данных о численности русского паломничества в Палестину в XIX — начале XX веков не существует» [Воображая …, 2021, с. 54].

2. Методы, материалы, обзор = Material, Methods, Review

Следует оговориться, что впервые систематические изыскания по указанному вопросу были проведены еще в конце XIX века секретарем и фактическим основателем Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) В. Н. Хитрово. Главная его цель состояла в том, чтобы на основе изучения динамики изменения численности паломников определить необходимые меры к организации их приема и обеспечения в будущем на Русских подворьях в Иерусалиме. Так, в докладе в Совете ИППО от 15 ноября 1899 года данный вопрос был рассмотрен за период

с 1888 года по 1899—1900 отчетный год (о. г. — начинался с 1 марта) [Хитрово, 2011а]. Исходя из поставленных задач, автор обращал внимание на распределение паломников по сезонам, указывал на их значительное преобладание на Пасху. Приводятся расчеты по нормам снабжения приезжающих водой, и отмечается возможность «водяного голода» в случае сухих зим. Затрагивался и социальный состав в связи с обсуждением перспектив «дисциплинирования» некоторых, не отличавшихся высокими нравственными качествами богомольцев.

В двух последующих статьях В. Н. Хитрово сообщает сведения по годам о паломниках, останавливавшихся на Русских подворьях с 1865 года по 1898—1899 год [Хитрово, 2011б; Хитрово, 2011в]. Говорится о факторах, влиявших на динамику численности (войны, карантины, развитие путей сообщения). Гендерное соотношение раскрывается за период с 1869—1870 по 1878—1879 годы по сведениям консульства, за 1893—1894 годы — 1898—1899 годы по данным ИППО [Хитрово, 2011в, с. 276—277]. Число женщин и мужчин за четыре года (1895—1899 годы) приводится в социальном разрезе. По сословиям и полам опубликованы данные о продаже паломнических книжек за 14 лет в целом (февраль 1883 года — февраль 1897 года) [Хитрово, 2011б, с. 297—298]. Ежегодное распределение владельцев этих книжек по сословиям и полу В. Н. Хитрово установил за 1883 год — 1898—1899 годы [Хитрово, 1901, с. 326] (эта таблица по какой-то причине не вошла в переиздание 2011 года). Более подробно разобраны показатели за 1899—1900 годы, характеризующие в числе прочего распределение паломников и паломниц по губерниям и их долю от численности населения соответствующей административной единицы [Хитрово, 2011г, с. 305—307].

Таким образом, основатель и секретарь ИППО довел свои изыскания до конца XIX века. После его ухода из жизни в 1903 году данная работа не была никем продолжена, поэтому аналогичные сведения за период с 1901 по 1914 годы в научной литературе отсутствуют. В современных публикациях приводится информация самого общего характера или же описываются условия пребывания паломников в Палестине, см., например: [Житенев, 2021; Житенев, 2022; Платонов, 2011; Merlo, 2013 и др.]. Их численность, обычно указываемая за определенный год, заимствуется из отчетности, помещенной в ежеквартальном журнале «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества», см., например: [Воображая …, 2021, с. 55—56; Близняков и др., 2025, с. 58—59].

Из-за отсутствия достоверной статистики зачастую повисают в воздухе вопросы, касающиеся эффективности деятельности епархиальных отделов ИППО по популяризации православного паломничества в Святую Землю, см., например: [Чайковская и др., 2019].

CC BY

Интерес представляют данные, относящиеся к перевозке паломников Русским обществом пароходства и торговли по ближневосточным линиям [Барышников, 2020; Барышников, 2023]. Однако во многих случаях авторы просто повторяют собранные В. Н. Хитрово сведения, используя их для решения собственных задач, как правило, связанных с изучением деятельности епархиальных отделов ИППО (см., например: [Нечаева и др., 2014, с. 136—138; Валитов и др., 2021; Шарков, 2023a, с. 314—314; Шарков, 2023b, с. 141; Шарков и др., 2024a; Шарков, 2024b, с. 306]), определенных групп паломников [Апанасенок, 2020, с. 201], попытками оценить паломничество как явление в целом [Пашковский и др., 2024]. Возникает необходимость эти данные дополнить, скорректировать и конкретизировать.

Основой для анализа послужила первичная и сводная отчетность об останавливавшихся на Русских подворьях в Иерусалиме, отложившаяся в Архиве внешней политики Российской империи (фонд 337/2 — РИППО).

Для получения ответов на поставленные вопросы нами использованы преимущественно историко-статистические методы, а также методы анализа и синтеза. Осуществлены сбор и интерпретация количественных данных, на основе которых предпринята попытка выявить закономерности и тенденции в паломничестве православных россиян в Палестину.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общее число паломников

Общая динамика изменения численности русских паломников во второй половине XIX века в целом хорошо известна. Как писал В. Н. Хитрово, до 1821 года она ежегодно простиралась иногда до 200 чел., в начале 1840-х годов — до 400 чел., а к 1858 году — до 800 [Хитрово, 2011в, с. 270]. Эти сведения приблизительны и восходят к свидетельствам секретаря посольства в Константинополе Д. В. Дашкова и начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Кавелина). По данным современного исследователя М. М. Якушева, основанным на донесениях русских консулов в Константинополе, в 1830-е годы число богомольцев-христиан, отправлявшихся из России в Иерусалим и на Афон, колебалось от 95 (1835 год) до 266 (1831 год), а всего за 1831—1838 годы составило 1044 чел., среди которых было 464 женщины (44,4 %) [Якушев, 2011, с. 180]. Он же вполне справедливо указывает, что «до середины XIX века положение российских подданных, отправлявшихся в Святую Землю, было крайне тяжелым» [Якушев, 2012, с. 114].

В дополнение к этим цифрам нами выявлены документы о регистрации прибывающих из России паломников вице-консулом в Яффе (Vice-Consolato Imperiale di Russia in Jaffa) за 1858 год. В списке, составленном

CC BY

на итальянском языке, указано 363 номера паспортов, в том числе 39 было выдано на двух, а иногда более лиц. Всего приведены данные о 402 чел., из которых 241 (60 %) женщина [Подсчитано по: АВПРИ, Ф. 161, II-8, оп. 44, д. 8, л. 5 об. — 24]. Сословная принадлежность не отмечена, но имена указывают, что большинство их владельцев представляли простонародье: Фекла Федорова, Аксинья Васильева, Прасковья Трусова, Степанида Кольцова, Авдотья Гаврилова, Лукерья Алипова и т. п. Информация о 800 паломниках в 1858 году В. Н. Хитрово дается без ссылки на источники, поэтому проверить ее достоверность сложно.

Данные о паломниках, прибывших в Иерусалим с 1865 года по 1899—1900 годы, как уже отмечалось, можно найти у В. Н. Хитрово (табл. 1).

Таблица 1

Число русских паломников, прибывших в Иерусалим
в течение года (1865 год — 1 марта 1900 года),
составлено по: [Хитрово, 2011в, с. 271; Хитрово, 2011г, с. 301]

Год	Число паломников	Год	Число паломников
1865	869	1883	2145
1866	1098	1884	2831
1867	1004	1885	2673
1868	1509	1886	2538
1869	2035	1887	2588
1870	1293	1888	3666
1871	1759	1889—1890*	3817
1872	1832	1890—1891	1817
1873	1575	1891—1892	350
1874	1772	1892—1893	2815
1875	1079	1893—1894	3590
1876	710	1894—1895	4164
1877	35	1895—1896	4852
1878	228	1896—1897	3946
1879	1569	1897—1898	2852
1880	2009	1898—1899	6128
1881	2001	1899—1900	7666
1882	2447	ИТОГО:	83 262

* Здесь — с 1 января 1889 года по 1 марта 1890 года, далее за отчетный год, то есть с 1 марта текущего по 1 марта следующего.

На основе архивных материалов нами составлена таблица за период с 1896—1897 года по середину 1914 года, когда в связи с началом Первой

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

мировой войны паломничество из России в Святую Землю прекращается (табл. 2).

Таблица 2

Число русских паломников, останавливавшихся на Русских подворьях в Иерусалиме в течение года (1 марта 1896 года — 31 июля 1914 года), составлено по: [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 1, д. 773, л. 1—520]

Год	Число паломников		
	Мужчин (%)	Женщин (%)	Всего
1896—1897	1384 (35,1)	2562 (64,9)	3946
1897—1898	1089 (38,2)	1763 (61,8)	2852
1898—1899	2335 (37,6)	3792 (62,4)	6127
1899—1900	2795 (36,5)	4871 (63,5)	7666
1900—1901	2441 (39,7)	3706 (60,3)	6147
1901—1902	2158 (36,1)	3817 (63,9)	5975
1902—1903	1898 (47,3)	2113 (52,7)	4011
1903—1904	2378 (33,8)	4668 (66,2)	7046
1904—1905	795 (35,4)	1454 (64,6)	2249
1905—1906	1566 (38,6)	2487 (61,4)	4053
1906—1907	1702 (32,8)	3493 (67,2)	5195
1907—1908	3070 (36,1)	5440 (63,9)	8510
1908—1909	2401 (34,4)	4582 (65,6)	6983
1909—1910	1618 (35,4)	2957 (64,6)	4575
1910—1911	2200 (35,6)	3973 (64,4)	6173
1911—1912	2494 (36,9)	4269 (63,1)	6763
1912—1913	885 (36,9)	1512 (63,1)	2397
1913 (март — декабрь)	957 (29,1)	2337 (70,9)	3294
1914 (январь — июль)	1566 (34)	3041 (66)	4607
ИТОГО (с 1900—1901 годов)	28 129 (36,1)	49 849 (63,9)	77 978

Сопоставление сведений из двух таблиц за 1896—1900 годы показывает, что В. Н. Хитрово пользовался при подготовке своих статей именно отчетностью Русских подворий в Иерусалиме. Поэтому таблица 2 может служить логическим продолжением предыдущей.

Необходимо обратить внимание на расхождения в сведениях о размещенных на подворьях в отчетном году и прибывших в Иерусалим. Так, в отчете за 1912—1913 годы указано, что в Русских подворьях проживало 6338 чел. [Общее …, 2014, с. 223] Но по факту в статистику вошли остававшиеся с предыдущего года 1201 муж. и 2740 жен., а вновь при-

CC BY

ехало 2397 чел. То же самое наблюдалось и ранее. На годовом собрании за 1910—1911 годы сообщалось о 8994 паломниках на подворьях ИППО [Дмитриевский, 1912, с. 196], включая 677 муж. и 2124 жен., находившихся там на 1 марта 1910 года и приехавших, соответственно, в прошлом отчетном году. Можно было указать, что действительно с 1 марта 1899 года по 1 марта 1900 года проживало в Иерусалиме 10 909 паломников [Хитрово, 2011г, с. 303]. Но из них 3243 (около 30 %) прибыло на подворья в прошлом отчетном году и находилось здесь на 1 марта 1899 года, приехало же из России в отчетном году 7666 чел. Суммирование вновь прибывших с остаточными данными приводило к завышению показателей отчетности, так как одни и те же лица включались в нее дважды: как прибывшие в текущем году и как остававшиеся на 1 марта с предыдущего.

Таким образом, общее число русских паломников в Святую Землю за 1865—1914 годы может быть определено в 161 240 чел. В период после окончания Крымской войны и до 1864 года включительно (то есть за 8 лет) общее количество паломников вряд ли превысило 5 тыс. чел. Необходимо учесть и то обстоятельство, что ряд богомольцев не попадал в статистику. В конце XIX — начале XX веков некоторые предпочитали останавливаться в греческих монастырях. Их число, по сведениям того же В. Н. Хитрово, не превышало 1 % от всех приезжающих из России [Хитрово, 2011в, с. 271—272], хотя, по нашему мнению, до налаживания работы Русских подворий этот процент мог быть выше. Также можно вычесть несколько сот иностранцев, которые предпочли остановиться на Русских подворьях. Тем не менее, с учетом этих поправок, позволим предположить, что за вторую половину XIX — начало XX веков в Палестине побывало до 170 тыс. жителей России православного вероисповедания.

В то же время нужно оговориться, что некоторые богомольцы бывали в Палестине не по одному разу. Существовало даже своего рода «профессиональное» паломничество. В источниках можно найти упоминания о «рекордсменах» по многократным поездкам. Так, например, осенью 1911 года к управляющему Русскими подворьями П. И. Ряжскому обратилась казачка из Новочеркасска И. Крестоношина, вдова, 67 лет, приехавшая в Св. Землю уже в 14-й раз и впервые побывавшая здесь еще до основания ИППО, с просьбой передать ей в пожизненную аренду комнату в Вениаминовском приюте, так как хочет здесь поселиться, а если «изменит ей крепкое здоровье», то и «окончить свои дни в св. Земле» [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 1, д. 273, л. 147]. Ей было отказано, но очевидно, что подобных лиц насчитывалось немало.

Снижение потоков приезжающих в определенные годы было связано с объективными причинами: голодом и эпидемией холеры (1891—1892 годы), русско-турецкой (1877—1878 годы) и балканскими (1912—

1913 годы) войнами, Первой русской революцией (1904—1905 годы), а также периодически объявлявшимися карантинами.

3.2. Гендерные, социальные характеристики, регионы выезда и возраст паломников

Из таблицы видно преобладание женщин среди паломников (табл. 2). За время с 1883 по 1896 годы имеется гендерная статистика по выдаче паломнических книжек. Для периода с 1883 по 1894—1895 годы это 50,64 %, для 1895—1896 годов — 34,36 % от всех паломников [Хитрово, 2011б, с. 293] (табл. 3).

Таблица 3

Число паломников, купивших паломнические книжки в 1883 году — 1895—1896 годы, составлено по: [Хитрово, 1901, с. 326]

Год	Число паломников		
	Мужчин (%)	Женщин (%)	Всего
1883	182 (28,6)	455 (71,4)	637
1884	469 (30,5)	1069 (69,5)	1538
1885	476 (33,4)	951 (66,6)	1427
1886	434 (29,7)	1029 (60,3)	1463
1887	478 (31,2)	1055 (68,8)	1533
1888—1889*	949 (35,1)	1755 (64,9)	2704
1889—1890	632 (34,4)	1205 (65,6)	1837
1890—1891	235 (43,7)	303 (56,3)	538
1891—1892	27 (75)	9 (25)	36
1892—1893	456 (30,6)	1036 (69,4)	1492
1893—1894	610 (37,2)	1028 (62,8)	1638
1894—1895	587 (34,4)	1120 (65,6)	1707
1895—1896	549 (34,2)	1058 (65,8)	1607
ИТОГО:	6084 (33,5)	12 073 (66,5)	18 157

* За 14 месяцев — с 1 января 1888 года по 1 марта 1889 года.

Все эти данные еще раз наглядно подтверждают преобладание на всем протяжении рассматриваемого нами периода женщин, доля которых лишь немногим не дотягивала до 2/3 от общего числа паломников.

Наплыв богомольцев наблюдался в три основных месяца: февраль и март (к Пасхе), декабрь (к Рождеству). Например, на эти месяцы приходилось в 1896—1897 годы 64,3 %, в 1902—1903 годы — 80,3 %, в 1906—1907 годы — 71,1 %, в 1912—1913 годы — 72,8 % приездов.

Социальный состав паломников указывает на абсолютное преобладание крестьян (табл. 4). Их доля достигала в 1899—1900 годах 75,7 %,

CC BY

в 1912—1913 годах — 79,7 %. К этой же группе примыкают казаки: 8,5 % и 7,6 % соответственно. Причем соотношение мужчин и женщин по основным сословным группам за 13 лет практически не изменилось.

Таблица 4

Распределение паломников по сословиям в 1899—1900 и 1912—1913 отчетных годах (включая остаток предыдущего года), составлено по: [Хитрово, 2011г, с. 303; АВПРИ, ф. 337/2, оп. 13, д. 390, л. 2 об.]

Социальная группа	Число паломников 1899—1900 годы			Число паломников 1912—1913 годы		
	Муж. (%)	Жен. (%)	Всего	Муж. (%)	Жен. (%)	Всего
Крестьян	2807 (34)	5452 (66)	8259	1648 (32,6)	3406 (67,4)	5054
Мещан	303 (27,5)	798 (62,5)	1101	121 (30,7)	273 (69,3)	394
Дворян	15 (38,5)	24 (61,5)	39	15 (68,2)	7 (31,8)	22
Казаков	308 (33,2)	619 (66,8)	927	160 (33,4)	319 (66,6)	479
Почетных граждан	17 (41,5)	24 (58,5)	41	17 (37)	29 (63)	46
Купцов	19 (44,2)	24 (55,8)	43	13 (59,1)	8 (40,9)	21
Военных	42 (30)	98 (70)	140	22 (57,9)	16 (42,1)	38
Духовного звания	22 (12)	162 (88)	184	13 (8,6)	138 (91,4)	151
Иностранцев	28 (66,7)	14 (33,3)	42	38 (63,3)	22 (36,7)	60
Разночинцев	52 (39,1)	81 (60,9)	133	39 (53,4)	34 (46,6)	73
ИТОГО:	3613 (33,1)	7296 (66,9)	10909	2086 (32,9)	4252 (67,1)	6338

Региональное распределение известно за два года: 1899—1900 годы и 1912—1913 годы. Из-за большого числа губерний объединим их в группы по традиционному для начала XX века принципу, использовавшемуся при подготовке статистических справочников: 1) Европейская Россия, 2) Привислянские губернии, 3) Кавказ (включая Ставропольскую губ., Кубанскую и Черноморскую обл.), 4) Сибирь (с Дальним Востоком), 5) Средняя Азия. Подсчеты показывают, что доля представителей Средней Азии составляла соответственно 0,7 % и 0,8 %; Сибири — 1,4 % и 3,8 %; Кавказа — 9,6 % и 9 % (преимущественно Кубань и Ставрополье). Из «Европейской России» выезжало 86—88 % паломников.

Некоторые регионы, например, Курляндская, Петроковская губернии, Приморская, Ферганская, Черноморская области, о. Сахалин, не дали ни одного паломника, в других же их число находится на уровне статистической погрешности. Обращает на себя внимание снижение показателей поч-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ти по всем административным единицам за 13 лет. Исключение составляют Бессарабская, Волынская и Томская губернии (табл. 5). Низкий уровень выезжающих характерен для столичных губерний с большой долей городского населения. К губерниям, неизменно лидировавшим по количеству паломников, можно отнести Воронежскую, Тамбовскую и Подольскую.

Имело значение и расстояние до Одессы — начального пункта на пути от границ России до Иерусалима. При примерно одинаковой численности жителей Пермской и Подольской губерний паломников из последней было кратно больше. Справедливости ради отметим, что и православных в Пермской губернии было примерно в 1,8 меньше, чем в Подольской.

Таблица 5

Число паломников на Русских подворьях в Иерусалиме в 1899—1900 годы и 1912—1913 годы (по месту выезда, включая остаток предыдущего года), составлено по: [Хитрово, 2011г, с. 305—307; АВПРИ, ф. 337/2, оп. 13, д. 390, л. 1—2]

Губернии и области	1899—1900 годы			1912—1913 годы		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Акмолинская	7	18	**25**	10	7	**17**
Амурская	7	4	**11**	3	5	**8**
Архангельская	4	11	**15**	2	7	**9**
Астраханская	23	102	**125**	9	19	**28**
Бессарабская	126	171	**297**	261	269	**530**
Варшавская	—	—	**—**	1	2	**3**
Виленская	4	5	**9**	1	1	**2**
Витебская	9	5	**14**	5	2	**7**
Владимирская	38	103	**141**	11	48	**59**
Вологодская	24	29	**53**	21	27	**48**
Волынская	52	34	**86**	49	83	**132**
Воронежская	254	633	**887**	95	362	**457**
Вятская	76	90	**166**	39	67	**106**
Гродненская	7	7	**14**	6	6	**12**
Донского войска	129	368	**497**	41	120	**161**
Екатеринославская	183	289	**472**	46	77	**123**
Енисейская	7	3	**10**	16	15	**31**
Забайкальская	1	1	**2**	3	3	6
Иркутская	8	7	**15**	4	2	**6**
Казанская	44	50	**94**	13	41	**54**
Карская	1	**—**	**1**	—	—	—

CC BY OPEN ACCESS

Продолжение табл. 5

Губернии и области	1899—1900 годы			1912—1913 годы		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Калужская	10	51	**61**	5	15	**20**
Киевская	172	249	**421**	74	153	**227**
Ковенская	-	1	**1**	1	1	**2**
Костромская	12	37	**49**	7	29	**36**
Кубанская	127	350	**477**	134	293	**427**
Курская	104	404	**508**	65	164	**229**
Лифляндская	3	6	**9**	—	—	—
Минская	13	—	**13**	5	6	**11**
Могилевская	18	16	**34**	5	14	**19**
Московская	62	149	**211**	24	52	**76**
Нижегородская	19	42	**61**	5	26	**31**
Новгородская	22	37	**59**	5	10	**15**
Олонецкая	3	5	**8**	6	4	**10**
Оренбургская	106	156	**262**	21	58	**79**
Орловская	64	220	**284**	40	153	**193**
Пензенская	62	128	**190**	26	106	**132**
Пермская	42	52	**94**	28	28	56
Подольская	258	375	**633**	205	319	**524**
Полтавская	167	129	**296**	54	48	**102**
Псковская	20	7	**27**	4	10	**14**
Рязанская	66	175	**241**	22	92	**114**
Самаркандская	—	3	**3**	—	—	—
Самарская	132	324	**456**	83	154	**237**
С.-Петербургская	41	64	**105**	21	22	**43**
Саратовская	73	150	**223**	25	39	**64**
Семипалатинская	1	1	**2**	1	1	**2**
Седлецкая	—	1	**1**	1	1	**2**
Симбирская	27	70	**97**	15	43	**58**
Семиреченская	16	3	**19**	2	4	**6**
Смоленская	15	18	**33**	6	20	**26**
Ставропольская	129	371	**500**	37	87	**124**
Сыр-Дарьинская	3	—	**3**	7	4	**11**
Таврическая	65	169	**234**	25	43	**67**
Тамбовская	140	533	**673**	91	351	**442**
Тверская	32	96	**128**	20	30	**50**
Терская	22	33	**55**	4	12	**16**
Тифлисская	3	3	**6**	1	1	2

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 5

Губернии и области	1899—1900 годы			1912—1913 годы		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Тобольская	16	28	**44**	7	21	**28**
Томская	39	29	**68**	43	115	**158**
Тульская	35	112	**137**	19	82	**101**
Тургайская	7	10	**17**	3	8	**11**
Уральская	3	2	**5**	2	2	**4**
Уфимская	24	52	**76**	12	49	**61**
Харьковская	155	242	**397**	89	130	**219**
Херсонская	137	277	**414**	82	128	**210**
Черниговская	105	137	**242**	51	86	**137**
Эриванская	2	2	**4**	—	—	—
Эстляндская	—	1	**1**	—	—	—
Якутская	—	—	—	1	1	**2**
Ярославская	16	36	**52**	8	14	**22**
Иностранцы	31	11	**42**	58	61	**119**
ИТОГО:	3613	7296	**10 909**	885	1512	6 338

В свою очередь губернии и области Европейской России разделим с некоторой долей условности на следующие подгруппы: а) украинские, малороссийские и Бессарабия (Волынская, Подольская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Полтавская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Бессарабская); б) Поволжье и Урал (Пермская, Вятская, Оренбургская, Уфимская, Казанская, Самарская, Симбирская, Астраханская, Нижегородская, Саратовская); в) северные и северо-западные (Санкт-Петербургская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская); г) «центральные» (Владимирская, Воронежская, Донского войска, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская); д) «западные» (Лифляндская, Эстляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская). Подсчеты показывают преобладание жителей административных образований групп а) и г) (более 2/3 всех паломников) (табл. 6).

Средняя продолжительность проживания одного паломника на Русских подворьях в 1912—1913 годы (с оставшимися с прошлого года) составляла весьма, на наш взгляд, внушительную цифру 47,4 дня (женщины — 50,4 дня; мужчины — 41,2 дня) [Подсчитано по: АВПРИ, ф. 337/2, оп. 13, д. 390, л. 2].

Паломников в возрастном диапазоне до 30 лет (молодежь) насчитывалось 5,8 %; от 30 до 50 лет — 25,5 %, старше 50 (пожилые) — 68,7 %,

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 6

Распределение паломников Европейской России по регионам
(% от общего числа),
составлено по: [Хитрово, 2011г, с. 305—307;
АВПРИ, ф. 337/2, оп. 13, д. 390, л. 1—2]

Группы губерний и областей	1899—1900 годы	1912—1913 годы
а) украинские, малороссийские, Бессарабия	32	35,8
б) Поволжье и Урал	15,2	12,2
в) северные и северо-западные	2,5	2,2
г) «центральные»	37,5	33,4
д) «западные»	0,9	0,8

то есть можно говорить о преобладании лиц старшего поколения (табл. 7). Самая многочисленная группа: от 50 до 60 лет. Аналогичные выводы о превалировании лиц старше 50 лет нами ранее были сделаны на основе анализа материалов Тобольской и Томской губерний, см.: [Цысь, 2014].

Таблица 7

Возраст паломников, останавливавшихся на Русских подворьях
в Иерусалиме в 1912—1913 годах (включая остаток предыдущего года),
составлено по: [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 13, д. 390, л. 2 об.]

Число лет (от — до)	Число паломников		
	Муж. (%)	Жен. (%)	Всего
10—20	12	19	31
20—30	128	211	339
30—40	203	406	609
40—50	340	670	1010
50—60	508	1414	1922
60—70	620	1268	1888
70—80	238	231	469
80—90	32	27	59
90—100	5	6	11
ИТОГО:	2086	4252	6338

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, среднестатистический православный паломник из России второй половины XIX — начала XX веков — пожилая женщина, крестьянка из малороссийских или великороссийских губерний Европейской

CC BY

части страны. Развитие путей сообщения, повышение уровня безопасности при проезде и пребывании в Палестине, снижение стоимости расходов на путешествие, а также активная поддержка государства и ИППО сделали паломничество в Святую Землю достаточно массовым явлением.

Ранее приводившиеся данные о количестве русских богомольцев следует признать несколько завышенными. Тем не менее общее их число было весьма значительным, но по годам оно подвергалось сильным колебаниям в зависимости от различных объективных факторов, имея тенденцию к постепенному росту. Достигнув максимальных значений на рубеже столетий, эти показатели в целом стабилизировались, и даже наметилось некоторое уменьшение. В перспективе, смеем надеяться, собранные нами статистические сведения могут быть использованы для выявления иных закономерностей и особенностей, связанных с выездом россиян за границу с различными целями, включая религиозные.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). II-8. Оп. 44. Д. 8.

2. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 337/2 (Российское Императорское Православное Палестинское Общество). Оп. 1. Д. 273, 773 ; Оп. 13. Д. 390.

3. *Дмитриевский А. А.* Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 8 апреля 1912 г. / А. А. Дмитриевский // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. — 1912. — Т. XXIII. — Выпуск 2. — С. 185—205.

4. *Общее* годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 20 апреля 1914 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. — 1914. — Т. XXV. — Выпуск 2. — С. 209—228.

5. *Хитрово В. Н.* Доклад Секретаря ИППО В. Н. Хитрово в Совет Общества о положении Русских подворий в Иерусалиме. С.-Петербург, 15 ноября 1899 г. / В. Н. Хитрово // Собрание сочинений и писем. — Москва : Императорское Правосл. Палестинское О-во ; Санкт-Петербург : Изд-во О. Абышко, 2011а. — Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. — С. 230—268.

6. *Хитрово В. Н.* Какими путями идут русские паломники в Св. Землю (Опыт статистического исследования) / В. Н. Хитрово // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. — 1901. — Т. XII. — Выпуск 3. — С. 303—327.

7. *Хитрово В. Н.* Какими путями идут русские паломники в Святую Землю (Опыт статистического исследования) / В. Н. Хитрово // Собрание сочинений и писем. Мо-

сква : Императорское Православ. Палестинское О-во Санкт-Петербург : Изд-во О. Абышко, 2011б. — Т. 2 : Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. — С. 285—300.

8. *Хитрово В. Н.* Откуда идут в Святую Землю русские паломники (Опыт статистического исследования) / В. Н. Хитрово // Собрание сочинений и писем. — Москва : Императорское Православ. Палестинское О-во ; Санкт-Петербург : Изд-во О. Абышко, 2011в. — Т. 2 : Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. — С. 269—284.

9. *Хитрово В. Н.* Русские паломники в Святую Землю в 1899—1900 г. / В. Н. Хитрово // Собрание сочинений и писем. — Москва : Императорское Православ. Палестинское О-во ; Санкт-Петербург : Изд-во О. Абышко, 2011г. — Т. 2 : Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. — С. 300—307.

Литература

1. *Апанасенок А. В.* Паломничество русских крестьян в Палестину в конце XIX — начале XX века / А. В. Апанасенок // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. — 2020. — Т. 10. — № 6. — С. 198—211.

2. *Барышников М. Н.* Русское общество пароходства и торговли и православное паломничество в Палестину (1865—1881 гг.) / М. Н. Барышников // Университетский научный журнал. — 2020. — № 58. — С. 13—27. — DOI: 10.25807/22225064_2021_61_20.

3. *Барышников М. Н.* Православное паломничество в ближневосточных операциях Русского общества пароходства и торговли (1894—1914 г.) / М. Н. Барышников // Восточный курьер. — 2023. — Выпуск 4. — С. 207—220. — DOI: 10.18254/S268684310024901-9.

4. *Близняков Р. А.* Паломническая деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905—1914 гг. / Р. А. Близняков, П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко // Журнал фронтирных исследований. — 2025. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 49—66. — DOI: 10.46539/jfs.v10i2.667.

5. *Валитов А. А.* Образ и практика сибирского паломничества в Палестину в XIX — начале XX в. / А. А. Валитов, М. С. Шаповалов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — № 71. — С. 148—154. — DOI: 10.17223/19988613/71/21.

6. *Воображая* Палестину : Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в. : Коллективная монография / М. С. Шаповалов и др. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 776 с. — ISBN 978-5-4469-1876-8.

7. *Житенев С. Ю.* Русское православное паломничество в Святую Землю и деятельность ИППО / С. Ю. Житенев // Христианство на Ближнем Востоке. — 2021. — Т. 5. — № 2. — С. 5—21. — DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10009.

8. *Житенев С. Ю.* Паломническая деятельность ИППО в 1882—1914 гг. / С. Ю. Житенев // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества : 1882—2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / Сост., ред. и предисловие С. Ю. Житенева. — Москва : Индрик, 2022. — С. 629—635. — ISBN 978-5-91674-671-6.

9. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с. — ISBN 5-85759-327-1.

10. *Нечаева М. Ю.* Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции / М. Ю. Нечаева, В. П. Микитюк. — Москва : Индрик, 2014. — 384 с.

CC BY

11. *Пашковский П. И.* Паломничество как явление и особенности российской паломнической деятельности в Палестине во второй половине XIX — начале XX веков / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Р. А. Близняков // Genesis : исторические исследования. — 2024. — № 5. — С. 63—72.

12. *Платонов П. В.* Роль ИППО в организации быта и нужд русских паломников / П. В. Платонов // Православный палестинский сборник. — 2011. — № 107. — С. 293—294.

13. *Цысь В. В.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX вв. / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Вестник Православного свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : «История. История Русской Православной церкви». — 2014. — № 6. — С. 73—90.

14. *Чайковская Н. В.* Популяризация паломничества в Святую Землю Владимирским отделом Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX — начале XX веков / Н. В. Чайковская, И. В. Кузнецов // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке : история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи. Материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж. 3—4 октября 2019 г. / Под ред. С. Ю. Житенёва, К. А. Ваха. — Москва : Индрик, 2019. — С. 479—482.

15. *Шарков И. Г. a.* Паломничество жителей Терской области во Святую Землю, организация и деятельность Владикавказского отдела Императорского Православного Палестинского общества / И. Г. Шарков // Православный Палестинский сборник. Юбилейный выпуск 121. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. — Москва : Индрик, 2023. — С. 312—325.

16. *Шарков И. Г. b.* Просветительская и паломническая деятельность Таврического отдела Императорского Православного Палестинского Общества в 1900—1917 гг. / И. Г. Шарков // Макарьевские чтения : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 21—22 сентября 2023 г. / отв. ред. В. Г. Бабин. — Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2023. — С. 132—146. — ISBN 978-5-91425-200-4.

17. *Шарков И. Г. a.* Паломничество жителей Волынской губернии во Святую Землю и на Афон в конце XIX — начале XX вв. при содействии Императорского Православного Палестинского общества / И. Г. Шарков, Л. Г. Бабенко, О. И. Трубникова // Вторые международные палестинские чтения Шахтинской епархии. Сборник научных трудов, посвященный 160-летию со дня рождения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. — Шахты : Донской государственный технический университет, 2024. — С. 12—26. — ISBN 978-5-907579-03-3.

18. *Шарков И. Г. b.* Паломничество жителей Харьковской губернии во Святую Землю в конце XIX — начале XX вв. при содействии Императорского Православного Палестинского Общества / И. Г. Шарков // Православный Палестинский сборник. Юбилейный выпуск 123. 160-летию со дня рождения преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны посвящается / Глав. ред. С. Ю. Житенёв. — Москва : Индрик, 2024. — С. 302—313.

19. *Якушев М. М.* К истории русского паломничества / М. М. Якушев // Свободная мысль. — 2011. — № 1 (1620). — С. 173—184.

20. *Якушев М. М.* Становление и развитие русского паломничества на Святую Землю в первой половине XIX в. / М. М. Якушев // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим : к 150-летию основания. — Москва : Индрик, 2012. — С. 103—120. — ISBN 978-5-91674-184-1.

21. *Merlo S.* Travels of Russians to the Holy Land in the 19 th century / S. Merlo // Quest. Issues in Contemporary Jewish History : Journal of Fondazione CDECM. — 2013. — Nr 6. Dec. — Pp. 48—67.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025,
одобрена после рецензирования 15.08.2025,
подготовлена к публикации 11.09.2025.

Material resources

AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 161 (St. Petersburg Main Archive). II-8. Op. 44. D. 8.* (In Russ.).

AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 337/2 (Russian Imperial Orthodox Palestinian Society). Op. 1. D. 273, 773; Op. 13. D. 390.* (In Russ.).

Dmitrievsky, A. A. (1912). Report to the General Annual Meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on April 8, 1912. *Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society, XXIII (2):* 185—205. (In Russ.).

General Annual Meeting of the Imperial Orthodox Palestinian Society on April 20, 1914. (1914). *Communications of the Imperial Orthodox Palestinian Society, XXV (2):* 209—228. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (1901). What paths do Russian pilgrims take to the Holy Land (Experience of statistical research). *Communications of the Imperial Orthodox Palestinian Society, XII (3):* 303—327. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (2011a). Report of the Secretary of the IOPS V. N. Khitrovo to the Council of the Society on the situation of Russian farmsteads in Jerusalem. St. Petersburg, November 15, 1899. In: *Collected works and letters, 2.* Moscow: Imperial Law Institute. The Palestinian Island; St. Petersburg: O. Abyshko Publishing House. 230—268. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (2011b). What paths do Russian pilgrims take to the Holy Land (Experience of statistical research). In: *Collected works and letters, 2.* Moscow: Imperial Law Institute. The Palestinian Island of St. Petersburg: O. Abyshko Publishing House. 285—300. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (2011c). Where do Russian pilgrims go to the Holy Land (Experience of statistical research). In: *Collected works and letters, 2.* Moscow: Imperial Law Institute. The Palestinian Island; St. Petersburg: O. Abyshko Publishing House. 269—284. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (2011d). Russian pilgrims to the Holy Land in 1899—1900. In: *Collected works and letters, 2.* Moscow: Imperial Law Institute. The Palestinian Island; St. Petersburg: O. Abyshko Publishing House. 300—307. (In Russ.).

References

Apanasenok, A. V. (2020). Pilgrimage of Russian peasants to Palestine in the late 19th — early 20th century. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law, 10 (6):* 198—211. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2020). The Russian Society of Shipping and Trade and the Orthodox pilgrimage to Palestine (1865—1881). *University Scientific Journal, 58:* 13—27. DOI: 10.25807/22225064_2021_61_20. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2023). Orthodox pilgrimage in the Middle Eastern operations of the Russian Shipping and Trade Society (1894—1914). *Vostochny Courier, 4:* 207—220. DOI: 10.18254/S268684310024901-9. (In Russ.).

Bliznyakov, R. A., Pashkovsky, P. I., Kryzhko, E. V. (2025). Pilgrimage activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1905—1914. *Journal of Frontier Studies, 10 / 2 (38):* 49—66. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.667. (In Russ.).

Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th — Early 21st Century: A Collective Monograph. (2021). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 776 p. ISBN 978-5-4469-1876-8. (In Russ.).

Lisovoy, N. N. (2006). *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th — early 20th century.* Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-327-1. (In Russ.).

Merlo, S. (2013). Travels of Russians to the Holy Land in the 19 th century. *Quest. Issues in Contemporary Jewish History: Journal of Fondazione CDECM.* 48—67.

Nechaeva, M. Y., Mikityuk, V. P. (2014). *The Imperial Orthodox Palestinian Society in the cultural environment of the Russian province.* Moscow: Indrik Publ. 384 p. (In Russ.).

Pashkovsky, P. I., Kryzhko, E. V., Bliznyakov, R. A. (2024). Pilgrimage as a phenomenon and features of Russian pilgrimage activity in Palestine in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Genesis: historical research, 5:* 63—72. (In Russ.).

Platonov, P. V. (2011). The role of the IOPS in the organization of the life and needs of Russian pilgrims. *Orthodox Palestinian collection, 107:* 293—294. (In Russ.).

Sharkov, I. G. a. (2023). Pilgrimage of residents of the Tersk region to the Holy Land, organization and activities of the Vladikavkaz department of the Imperial Orthodox Palestinian Society. In: *Orthodox Palestinian Collection. Jubilee issue 121. dedicated to the 120th anniversary of the death of Vasily Nikolaevich Khitrovo.* Moscow: Indrik Publ. 312—325. (In Russ.).

Sharkov, I. G. a., Babenko, L. G., Trubnikova, O. I. (2024). Pilgrimage of the inhabitants of Volyn province to the Holy Land and Mount Athos in the late 19th — early 20th centuries with the assistance of the Imperial Orthodox Palestine Society. In: *The second international Palestinian readings of the Shakhty Diocese. Collection of scientific papers dedicated to the 160th anniversary of the birth of Grand Duchess Elisaveta Feodorovna.* Shakhty: Donskoy State Technical University. 12—26. ISBN 978-5-907579-03-3. (In Russ.).

Sharkov, I. G. b. (2023). Educational and pilgrimage activities of the Tauride Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society in 1900—1917. In: *Makariev readings: proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Gorno-Altaysk, September 21—22, 2023.* Gorno-Altaysk: BITS GAGU. 132—146. ISBN 978-5-91425-200-4. (In Russ.).

Sharkov, I. G. b. (2024). Pilgrimage of residents of Kharkov province to the Holy Land in the late XIX — early XX centuries with the assistance of the Imperial Orthodox Palestinian Society. In: *Orthodox Palestinian Collection. Jubilee issue 123. Dedicated to the 160th anniversary of the birth of the Holy Martyr Grand Duchess Elisaveta Feodorovna.* Moscow: Indrik. 302—313. (In Russ.).

Tchaikovsky, N. V., Kuznetsov, I. V. (2019). Popularization of pilgrimage to the Holy Land by the Vladimir Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the late 19th and early 20th centuries. In: *200 years of diplomatic support for the Russian presence in the Middle East: the history of the creation and activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. Materials of the All-Russian Scientific Conference. The State Hermitage Museum. October 3—4, 2019.* Moscow: Indrik. 479—482. (In Russ.).

Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2014). Pilgrimage of the inhabitants of Western Siberia to Palestine in the late 19th — early 20th centuries. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Episode 2: "History. The History of the Russian Orthodox Church", 6:* 73—90. (In Russ.).

Valitov, A. A., Shapovalov, M. S. (2021). The image and practice of the Siberian pilgrimage to Palestine in the XIX — early XX century. *Bulletin of Tomsk State University. History, 71:* 148—154. DOI: 10.17223/19988613/71/21. (In Russ.).

Yakushev, M. M. (2011). On the history of Russian pilgrimage. *Free Thought, 1 (1620):* 173—184. (In Russ.).

Yakushev, M. M. (2012). The formation and development of Russian pilgrimage to the Holy Land in the first half of the 19th century. In: *Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Jerusalem: on the 150th anniversary of its foundation.* Moscow: Indrik Publ. 103—120. ISBN 978-5-91674-184-1. (In Russ.).

Zhitenev, S. Y. (2021). Russian Orthodox pilgrimage to the Holy Land and the activities of the IOPS. *Christianity in the Middle East, 5 (2):* 5—21. DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10009. (In Russ.).

Zhitenev, S. Y. (2022). Pilgrimage activity of the IOPS in 1882—1914. In: *Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882—2022. dedicated to the 140th anniversary of the IOPS.* Moscow: Indrik. 629—635. ISBN 978-5-91674-671-6. (In Russ.).

The article was submitted 06.05.2025;
approved after reviewing 15.08.2025;
accepted for publication 11.09.2025.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Dimitrieva, O. A. From New Year's Staple to Cultural Heritage: Olivier Salad in Artistic and Media Discourse 9

Ilyina, E. V. Cognitive Modeling of Concept RUSSIA: Fragment of Linguistic Worldview of First-Wave Emigrants 29

Koshkarova, N. N., Solopova, O. A., S. Saini. Image of Russia in Textbooks for Teaching Russian as a Foreign Language to Indian Students 47

Milovanova, M. V., Terentyeva, E. V. Linguistic Rigidity of Gender Binomials 68

Rebrina, L. N. Mem-Representation of Current Socio-Political Discourse in Germany: Constant and Variable Characteristics 84

Chigasheva, M. A. Stereotypical Representations of Austria and Austrians among Russian University Students: Findings from a Word Association Experiment 113

Shadrina, O. V., Marunevich, O. V. Corpus Analysis of Artificial Intelligence Terminology in Russian: Insights from Almanac "Artificial Intelligence" Using AntConc 133

Shilkina, N. E., Maltseva, A. V., Gurieva, S. D. "We-Identity" Discourse in Academic Communications and Favored Groups of 21st Century Russia 161

Communcations. Media technologes. Journalism

Alimov, T. E., Safina, R. A. Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse 183

Morina, L. A. Engineering Mass Media Discourse: Specifics of Dispositif Modeling 213

Literary studies. Folklore

Zakharova, V. T., Latukhina, A. L. Symbolism of Avian Imagery in 20th Century Russian Prose 235

Kachorovskaya, A. E. Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der entfesselte Prometheus" .. 259

Romanova, A. N. Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac "Northern Flowers for Year 1829" 278

Temirgazina, Z. K., Orynkhanova, G. A., Nikolaenko, S. V. Siberia as a Local Text in Poetry of Pavel Vasiliev 316

History

Avilov, R. S. Permanent Defensive Structures of Khingan Tunnel: Design and Construction 333

Bazhanov, D. A., Khutsieva, V. V. Physical Education and Sports in Daily Service of Baltic Fleet Crews during World War I (August 1914 – February 1917). 353

Berezhnov, A. I. India in Pages of "St. Petersburg Vedomosti" in 18th Century 373

Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917–1932). 392

Vasilyeva, S. V., Kozlova, S. A. Forest Management Practices in Economic Activities of Old Believer Semeyskys of Transbaikalia in Second Half of 19th Century 412

Lapteva, M. Yu. Exiled Settler P. O. Lehman: A Teacher of German and French at Tobolsk Classical Gymnasium (1830–1840). 429

Mukhin, M. A. Socio-Economic Changes in Eighteenth-Century Scotland as Perceived by Clergy: Evidence from Invernessshire 446

Pass, A. A., Dida, V. M. Soviet State and Industrial Cooperation in Second Half of 1945–1947: From "Manual Management" to Market Agreement..... 463

Pyankov, S. A. Stalin Automobile Factories during 1941-1945: Challenges of War and Paths to Adaptation..... 487

Salchinkina, A. R. Role of Regional Press in Representing Historical Culture of Cossacks: Bicentennial Celebration of Kuban Cossack Host in "Kuban Provincial News"..... 509

Samokhin, K. V., Ofitserov, S. A. "Official Loyalty": Monarchist Sentiments Among Population of Tambov Province in Early 20th Century (Based on Loyal Letters). 535

Safronova, A. M., Kopyrina, S. N. Training Medical Apprentices at Yekaterinburg Hospital for Factories of Urals and Siberia (1735–1750s). 554

Tsys, V. V., Tsys, O. P. Russian Pilgrims in Holy Land in Second Half of 19th – Early 20th Centuries: Quantitative, Gender, and Social Characteristics 573

TO AUTHORS 593

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 25.09.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 34,99. Тираж 500 экз. Заказ 25/09-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Свободная цена

